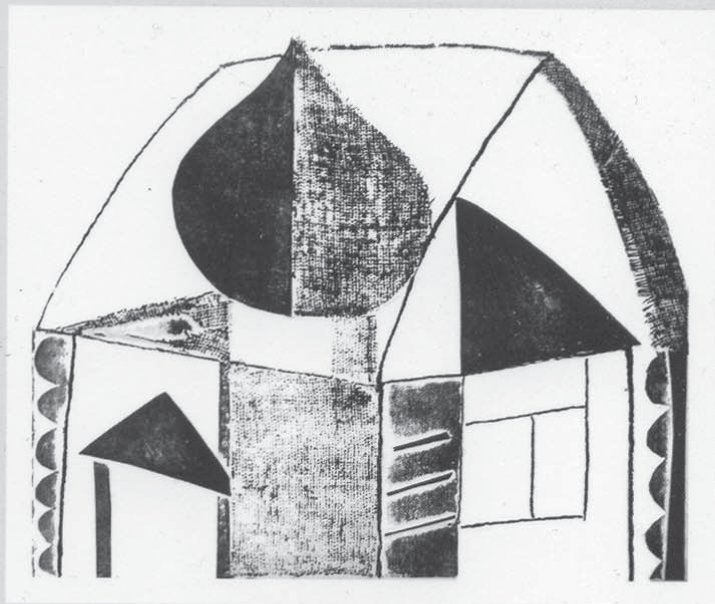

А Н Д Р Е Й Ч Е Р Н О В

ХРОНИКИ ИЗНАНОЧНОГО ВРЕМЕНИ

Эта книга — дополнение к изданию:
Слово о полку Игореве / Вступительная статья Д. С. Лихачева;
Стихотворный перевод, комментированный прозаический перевод
и послесловие А. Ю. Чернова; Примечания А. В. Дыбо;
Иллюстрации С. К. Русакова. СПб.: Вита Нова, 2006.

Отпечатано в количестве одной тысячи двухсот экземпляров.

Андрей ЧЕРНОВ

ХРОНИКИ
ИЗНАНОЧНОГО
ВРЕМЕНИ

«Слово о полку Игореве»:
текст и его окрестности

Санкт-Петербург
2006

ББК 63.4
Ч493

Художественное оформление:
Наталья Введенская, Сергей Борин

Заставки *Сергея Русакова*

На обложке воспроизведена работа Завена Аршакуни
«Изба и церковь» (1972 г.)

Ответственный редактор
Алексей Дмитренко

Рецензент
доктор исторических наук Е. А. Рябинин

Чернов А. Ю.

Ч493 Хроники изначного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. — СПб.: Вита Нова, 2006. — 480 с., 58 ил. + Цв. вклейка. XVI с.

ISBN 5-93898-108-5

Книга посвящена исследованию поэтики «Слова о полку Игореве», реконструкции стихового строя и интерпретации спорных мест текста. Показывается, что «Слово» — написанная в традиции «темного стиля» поэма светского автора XII века. Его имя запечатлено в тексте в виде сфрагиды (подписи в третьем лице) и акростиха. Древнерусский поэт называет себя Ходыной Святославичем и может быть отождествлен с сыном Святослава Киевского — вщижским и новгородским князем Владимиром Святославичем. В заключительном разделе книги — рассказ о поиске места сражения Игоря с половцами; анализ текста древней стихотворной загадки, обнаруженной на стене Новгородской Софии; расшифровка графической тайнописи в Троице Андрея Рублева; атрибуция иконы Богородицы Пирогощей и анализ мандельштамовской «Оды» 1937 г. В приложении — выполненная лингвистом А. В. Дыбо реконструкция древнего текста «Слова о полку Игореве» и статья с обоснованием принципов реконструкции.

ББК 63.4

Любое воспроизведение настоящей книги или отдельной ее части
возможно только с письменного разрешения ООО «Вита Нова»

© Чернов А. Ю., 2006

© Дыбо А. В., статья, реконструкция др.-рус. текста,
примечания к реконструкции, 2006

ISBN 5-93898-108-5

© «Вита Нова», художественное оформление, 2006

Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева

Истина не пришла в мир нагой,
она облачена в символы и образы.

Евангелие от Филиппа. II век

ОТ АВТОРА

Экспертизу поэтики «Слова о полку Игореве» проводили литературоведы. Поэты, начиная с Михаила Хераскова, почему-то не подвергали сомнению подлинность «Слова»:

О древних лет певец, полночный Осиян!
В развалинах веков погребшийся Боян!
Тебя нам возвестил незнаемый писатель,
Когда он был твоих напевов подражатель,
Так Игорева песнь изображает нам,
Что душу подавал Гомер твоим стихам;
В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
Отважный львиный ход, парения орлины...

Опубликовано в 1796 году. Ничего не изменилось и после того, как поэмы Оссиана оказались подделкой¹.

«Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев в знак дружбы, на память любви. 1800. Нояб. 24» — надпись на одном из дошедших до нас экземпляров первого издания «Слова».

Новый трубадур — семнадцатилетний Василий Жуковский.

У русских стихотворцев в обычае восхищаться «подражателем Бояна», цитировать, писать свое на тему древней поэмы или, если уже совсем становится невмочь, самому засучить рукава и — за перевод.

---

¹ За легендарного кельтского барда и воина Оссиана поэмы его написал увлекшийся собиранием фольклора шотландский учитель Джеймс Макферсон (1736–1796). Он обработал кельтские народные предания и в 1765 году выпустил в своих «переводах» двухтомное собрание «Творений Оссиана». Как писал Д. С. Лихачев: «в поэзии Оссиана и “Слова” весьма мало общего» (цит. по: *ЭСИИ*. Т. 3. С. 378).

Подделкой можно увлечься, но, чтобы любить ее всю жизнь, надо иметь привычку закрывать глаза на очевидное: имитация, пусть не сразу, но обязательно себя выдаст.

А если любишь и веришь в подлинность чувства — зачем препарировать предмет своих воздыханий?

Первым, кто рассудил по-иному, был Пушкин. В 1836-м он не раз говорит о «Слове» с друзьями, берет у Жуковского рукопись его неопубликованного перевода (Василий Андреевич, сделал его между 1817 и 1819 годами, но так и не напечатал), прорабатывает с пером в руках и перевод Жуковского, и вышедший в 1833 году перевод А. Ф. Вельмана. И сам начинает писать исследовательскую книгу о «Слове». Начинает, кстати, с полемики с Херасковым: «Стихотворцы никогда не любят упрека в подражании, и неизвестный творец “Слова о полку Игореве” не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна».

3 декабря 1836 года А. И. Тургенев писал в Лондон брату Николаю, что Пушкин «хочет сделать критическое издание <“Песни о полку Игореве”> вроде Шлецерова Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей: но для этого ему нужно дожидаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных, все основано на знании наречий славянских и языка русского».

Пушкин успел набросать краткое вступление к своему комментарию, которое приведем здесь целиком (*Пушкин*. С. 147–148):

Песнь о полку Игореве найдена была в библиотеке графа А. Ив. М.<усина> Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, сказывают, что почерк ее был полуустав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим: прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей Истории мимоходом разрешил некоторые загадочные места.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного

знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха <Rowley>². Джонсон тотчас уличил Макферсона³. Но ни Карамзин, ни Ерм.<олаев>, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности Песни о полку Иг.<ореве>. Великий скептик Шлецер, не выдав Песни о полку Игореве, сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произведением, и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна казалась ему истина!

Других доказательств нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под которого невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? но Карамзин не поэт. Держ.<авин>? но Державин не знал и русского языка, не только языка Песни о плъку Игореве. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Яр<ославны>, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни тем<ный> поход неизвестного князя! Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других сл.<авянских> наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание *всех* наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна? Гомер, — если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII ст.<олетии>. Л.<омоносова> оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирий.<ских>, ни болг.<арских>, ни богем.<ских>, ни молд.<авских> и других наречий слав.<янских>.

Перевод Жуковского найдут в пушкинских бумагах и в 1882 году Е. В. Барсов напечатает его как пушкинский.

Литературоведы, лингвисты и историки вот уже более двух веков заняты штудиями единственной дошедшей до нас древнерусской поэмы. И хотя русским (да и иноземным) стихотворцам не приходило в голову переводить «Слово» прозой, ученые не ответили на вопрос о том, что есть Игорева песнь — проза или стихи, ораторское красноречие или бардовский текст.

Но без опыта цехового знания дать ответ на этот вопрос и впрямь непросто. Речь не о том опыте версификации, что предполагается

² Томас Чаттертон (1752–1770) — английский поэт, автор баллад и поэм, которые он выдавал за творения монаха XV века Раули. Подделка разоблачена историком Орасом Вальполем. — А. Ч.

³ Английский критик Самюэль Джонсон (1709–1784) первым усомнился в подлинности поэм Оссиана. — А. Ч.

у каждого профессионального поэта (ну кто ж не знает, как писать стихи?), а о тех навыках работы с поэтическим текстом, которые (пишу это не в обиду филологам) передаются лишь из рук в руки. Мои учителя, соратники по цеху и собеседники о том, *как делать стихи*, — Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский, Давид Самойлов, Александр Межиров, Валентин Берестов, Александр Аронов, Анатолий Кобенков, Дмитрий Сухарев, Вадим Черняк, Александр Кушнер, Михаил Яснов, Олег Хлебников, Мария Игнатьева.

Опираясь на двухвековой труд многих поколений исследователей и на собственный цеховой опыт, попытаюсь обосновать, что:

— «Слово» создано в конце лета или осени 1185 года. Это непосредственный поэтический (и, конечно, гражданский) отклик на Каяльскую катастрофу, и его автор — поэт, работающий со словом так, как может работать только стихотворец, существующий внутри традиционной для своего времени стихии «темного стиля».

— «Слово» до XVI века было известно на Руси: существует как минимум семь свидетельств знакомства с ним древнерусских книжников и два поэтических свидетельства.

— «Слово» написано тоническим аллитерационным стихом, метрами переходящим в свободный аллитерационный стих, а переход древнерусского дружинного стиха от силлабики к тонике произошел в XI столетии еще до падения редуцированных (полугласных *ѣ* и *ѵ*), и автором этой реформы был, по всей видимости, Боян.

— При произнесении утраченных в живой речи XII века редуцированных и восстановлении разрушенного позднейшими переписчиками двойственного числа в тексте возникают десятки рифм, что доказывает и древность, и стиховую природу текста.

— Структура поэмы трехчастна: Поход — Поражение — Возвращение. Каждая часть состоит из трех песен, а в каждой песни по три темы. Силлабические пропорции частей и песен «Слова» математически гармоничны и соответствуют пропорциям старолadoжских храмов — церкви Успения Богородицы (середина XII века) и Георгиевской церкви (до 1180 года). А это значит, что текст дошел до нас без существенных искажений.

— Система категорий и понятий, которыми оперирует автор, хорошо укладывается в мировоззренческую матрицу средневекового мышления. Поэт — наследник авторской традиции дружинного песнотворчества и магической архаики, но при этом книжник и христианин.

— Фразеологические и аллитерационные повторы «Слова» — часть орнаментального мышления, присущего и средневековой культуре вообще, и, в частности, культуре магических заговоров.

— Имя автора в соответствии со стиховой авторской традицией ойкумены запечатлено на последней странице произведения в виде сфрагиды (подписи в третьем лице) и акростиха. Сам себя автор «Слова» называет Ходыной Святославичем.

— Ходыну Святославича с большой долей уверенности следует отождествить с сыном Святослава Всеволодича Киевского вщижским и новгородским князем Владимиром Святославичем, который летом 1185 года на пару со своим старшим братом Олегом первым пришел на помощь Посемью и который, как это становится понятным из совмещения свидетельств двух летописей (Ипатьевской и татищевской), вместе со своей дружиной отстоял Путивль. (Настаиваю на том, что это не очередная «гипотеза», а *рядовая атрибуция*.)

Помимо этого читатель найдет в книге несколько «экспедиций», специальных разысканий, посвященных пяти локальным культурологическим проблемам, напрямую, как мне представляется, связанным со «Словом о полку Игореве».

Это: 1) поиск реки Каялы и места битвы Игоря с половцами; 2) анализ текста древней стихотворной загадки, обнаруженной под куполом «лестничной башни» (колокольни) Новгородской Софии; 3) расшифровка графической тайнописи в Троице Андрея Рублева; 4) атрибуция не дошедшей до нас в греческом оригинале (но сохраненной в списке XIV века) иконы Богородицы Пирогощей; 5) расшифровка мандельштамовской «Оды» 1937 года.

Занимаясь «Словом о полку Игореве» более тридцати лет, я знаю, сколь опасен этот памятник и для профессионального исследователя, и для дилетанта.

Список посвященных «Слову» благо- и просто глупостей за последние десятилетия существенно пополнился. В этом печальном реестре отметились и академики, и герои, и плотники с мореплавателями, и даже сотрудники спецслужб.

Но и те авторы, которые представляют себе объем и глубину доброкачественной литературы о «Слове», как правило, не видят многообразия связей поэтического текста. Отсюда и иллюзии первооткрывателей трехколесных велосипедов, и крепко сколоченные табуретки доморощенного структурализма (стоящие, впрочем, на двух ножках), и тщета высокоученых реконструкций, обосновывающих совершенно немислимые перестановки текста и варварскую его правку. Однако сама природа поэзии такова, что жемчужины истины порой разбросаны и в работах «берендеев» (так в 1960-х в *ИМЛИ* называли наиболее дремучие дилетантские работы; слышал это от О. А. Державиной). Что смог, я попытался собрать и понять.

Дописывая книгу, работа над которой растянулась на несколько десятилетий, автор, если только он не самый закоренелый и самодостаточный эгоист, пытается вообразить своего читателя.

Я сочинял эту книжку для завтрашних поэтов. И для тех гуманитариев, прежде всего — филологов и историков, которые не соблазнились на искус постмодернистского эксперимента (того, что в эстетической и научной сферах стал реакцией богемы на социальные эксперименты XX столетия по выведению «нового человека»).

Понимаю, что задача восстановления кода не решается на уровне комментария к одному, пусть и гениальному, памятнику. Но Дмитрий Сергеевич Лихачев считал, что начинать надо со «Слова о полку Игореве». Это не «национальная идея» (голубая мечта чиновника), это кирпичик в фундамент той Декларации прав культуры, над проектом которой Лихачев работал в последние годы своей жизни, поскольку полагал, что Декларация прав человека в XXI веке права человека в одиночку уже не защитит.

Однажды в Комарове я спросил его, почему он не отвечает своему критику N., и он рассказал такую историю:

После войны одного провинциального профессора (то ли из Твери, то ли из Тулы — Д. С. точно не помнил) публично обвинили во всех смертных грехах. Профессор был уже на пенсии, болел, и возмущенные ученики приехали к нему на дачу. Они долго и жарко убеждали его постоять за свою честь, а он, сидя на лавочке, палкой чертил на дорожке прямую линию. Когда ученики выговорились, он спросил: «Как показать, что эта линия коротка?» Ученики были в замешательстве. И тогда профессор провел параллельную линию, только длинней первой.

Сам Лихачев прочертил линию, которая уходит глубоко в прошлое и далеко в будущее русской культуры.

19 октября 2006

СКАЗАЛИ БОЯН И ХОДЫНА

поэтика «Слова о полку Игореве»

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене...

Константин Случевский

КАК НАШЛИ И ЧТО ПОТЕРЯЛИ

Опальный граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, археограф-любитель и действительный член Российской академии наук, с чувством исполненного долга провожал последний год XVIII столетия: в книжные лавки только что поступила изданная им «Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходе XII столетія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчье». Граф предвкушал успех предприятия, потому и тираж книги был более чем солидным — 1200 экземпляров¹.

По версии самого издателя, изложенной им 31 декабря 1813 года в письме к молодому историку К. Ф. Калайдовичу, рукописный сборник с «Хронографом», «Словом» и несколькими другими древнерусскими сочинениями он приобрел через своего посредника у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоила Быковского. Тот в 1787 году был уволен на пенсию, но остался жить при монастыре, преобразованном по указу императрицы в Архиерейский дом. Экс-архимандрит нуждался, и один из комиссионеров графа купил

---

¹ К 1995 г. было известно не менее семидесяти сохранившихся экземпляров (ЭСИИ. Т. 4. С. 20). Зимой 2004 г. еще два были найдены на Мойке в подвале библиотеки Санкт-Петербургского государственного педагогического университета.

у него «все русские книги». Считалось, что произошло это в конце 80-х, ведь к 1788–1790 годам было принято относить выписку из «Слова» и восторженный отзыв о нем И. П. Елагина (1725–1793). Но в сентябре 2006 года в Ярославле на Седьмых чтениях памяти Д. С. Лихачева пушкинодомец А. Г. Бобров сделал доклад о том, что эти свидетельства не могли появиться ранее конца февраля 1792 года.

Описи книгохранилища Ярославского Спасского монастыря за 1787 и 1788 годы свидетельствуют, что какой-то рукописный сборник с «Хронографом» хранился в ризнице Спасо-Преображенского собора и был снят с хранения и уничтожен в 1788 году «за ветхостью и согнитием»². Но, может быть, Иоиль по старости запамятовал и продал «зачитанную» монастырскую книгу как собственную?

Или в описях монастыря оставила след какая-то другая книга?

Казалось, что ответа на эти вопросы мы уже не получим.

У графа А. И. Мусина-Пушкина было две страсти — коллекционирование древностей и просветительство. Это он издал в 1792 году вместе И. Н. Болтыным и И. П. Елагиным «Русскую Правду» и «Книгу Большому Чертежу», в 1793-м «Поучение» Владимира Мономаха и «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский» Василия Татищева, опубликовал в 1806-м «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутороканском, найденном на острове Тамани в 1792 году» (автор А. Н. Оленин), сам написал исследование о Тмутороканском княжестве. Он достойно продолжал дело Татищева, Ломоносова и Новикова по введению в научный оборот русских древностей.

Мусин-Пушкин в молодости увлекся русской историей и, как о нем пишут, «развернул активную деятельность по собиранию памятников истории и культуры». Он приобретал холсты Рафаэля, Леонардо да Винчи и Рубенса. В нумизматическом его кабинете хранилась уникальная древнерусская монета «сребро Ярославля». Он собрал более тысячи древних рукописей, среди которых была и Лаврентьевская летопись 1377 года. Древнее только Синодальный список Новгородской первой летописи (XIII — начало XIV века).

Бескорыстная страсть к просвещению и страстная корысть коллекционера естественно дополняли друг друга. Собрание графа было доступно для исследователей, его материалами пользовался Карамзин. Однако Мусин-Пушкин умел слукавить, когда дело касалось того, где и когда он что-либо приобрел. Так в 1792 году он изъясил

---

² Подробнее см.: *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 138.

Лаврентьевскую летопись из библиотеки Новгородского Софийского собора, воспользовавшись им же и подготовленным указом Екатерины II (от 11 августа 1791 года) о присылке в Синод рукописей исторического содержания «для снятия копий». Но в 1811 году, передавая летопись Александру I, сослался на то, что нашел ее в бумагах покойного П. Н. Крекшина³. (В 1950 году Д. С. Лихачев не поверил версии графа, а позже Г. М. Прохоров и Г. Н. Моисеева подтвердили правоту его сомнений⁴.)

Копия «Слова» была снята не позже 1794 года и представлена императрице (в ее личном архиве она будет обнаружена в 1864 году), и, как долгое время считалось, в Ярославль сборник не вернулся. В оправдание Мусина-Пушкина скажем, что перед 1812 годом он ходатайствовал о передаче своего рукописного собрания в архив Коллегии иностранных дел, но дело затянулось до самой войны, и сборник со «Словом» погиб вместе с бесценным собранием графских раритетов. После гибели коллекции в Московском пожаре общественное мнение собирателя осудило. Ситуация из сомнительной стала скандальной.

В состав древнего сборника входил «Хронограф», за ним шел «Временник» (как установил Д. С. Лихачев, это была Новгородская первая летопись младшего извода) и несколько других известных древнерусских сочинений — «Сказание об Индийском царстве» (судя по выпискам Н. М. Карамзина, также в древнейшей редакции, более не сохранившейся ни в одном из списков), «Повесть об Акире Премудром» (вновь древнейшая редакция) и «Девгениево деяние».

О. В. Творогов пишет: «Если не считать “Хронографа” и летописи, “Слово” находилось в окружении светских переводных повестей, причем все они — редкие в древнерусской письменной традиции и относятся к числу старейших переводных памятников XII–XIII веков»⁵.

Слова «находилось в окружении» нуждаются в комментарии.

А. И. Мусин-Пушкин после гибели «Слова» сообщил К. Ф. Калайдовичу, что Игорева песнь была «писана на лощеной бумаге в конце летописи, довольно чистым письмом». Значит, «Слово» заканчивало первый (собственно древнерусский) раздел сборника. О. В. Творогов на основании заголовка «Хронографа» показал, что это сочинение было помещено в сборник в редакции 1617 года.

³ Петр Никифорович Крекшин (1684–1763), автор записок о времени Петра I. Он собирал рукописные материалы по русской истории X–XVIII веков, которыми пользовались историки В. Н. Татищев, И. Н. Болтин, М. М. Щербатов.

⁴ Моисеева Г. Н. О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 16–18.

⁵ Творогов О. В. Мусин-Пушкинский сборник // ЭСРП. Т. 3. С. 288.

Итак, рукописный сборник изготавливался уже после того, как ополчение князя Дмитрия Пожарского и нижегородского земского старосты Козьмы Минина освободило Москву от поляков, и в начале 1613 года царем России был избран Михаил Федорович Романов. Почему же Н. М. Карамзин, работавший с мусин-пушкинской находкой и знавший, что в сборнике есть произведение, доходящее до событий Смутного времени, уверенно датировал список «Слова» концом XV или началом XVI столетия? На этот вопрос ответил еще Е. В. Барсов: прочие тексты «были приплетены к “Хронографу”, хотя и были написаны гораздо ранее, как это часто встречается в древнерусских сборниках»⁶. (Такой тип сборника называется конвюлютом.)

Но в 1992 году в журнале «Русская литература» (№ 1. С. 85–87) появилось сенсационное сообщение Е. В. Синицыной: Спасо-Ярославский «Хронограф» и сегодня хранится в собрании Ярославского музея (№ 15443). Вот и номер в старинной описи совпал с номером на сборнике. Однако ни переводных повестей, ни «Слова» в книге нет. Доброе имя Иоилия Быковского восстановлено. Но тогда откуда же Мусин-Пушкин *беззаконно стяжал свое ученое сокровище* (мнение Калайдовича, высказанное в частном письме в феврале 1814 года)?

А. Г. Бобров на тех же Седьмых чтениях памяти Д. С. Лихачева сообщил, что злополучный сборник со «Словом о полку Игореве» был изъят Мусиным-Пушкиным вместе с рядом других рукописных и старопечатных книг зимой 1791–1792 года из Кирилло-Белозерского монастыря. Это 243 тома, почти половина того, что граф собрал как обер-прокурор по указу от 11 августа 1791 года. В реестре Кирилловского книгохранилища книга описана так: «В лист. Историческая. Гранограф. История церковная Ветхаго и Новаго завета и гражданская с част<н>ых баснословных повестей прибавлением по 1687 год». (Продолжение этого сюжета см. на с. 47–50.)

Во время подготовки «Слова» к изданию Алексей Иванович успел стать тайным советником, президентом Академии художеств, графом и сенатором. Однако с воцарением Павла I лишился всех своих постов, и у него оказалась бездна свободного времени.

Как показал А. Г. Бобров, после снятия с должности отставной чиновник был официально запрошен о судьбе собранных им книг (он вернул все, за исключением десяти). По поводу «Хронографа» граф отвечал, что сборник находится «во дворце», то есть искать его надо

⁶ Журнал министерства народного просвещения. 1876 год. Сентябрь. С. 1–45; Октябрь. С. 109–132.

в бумагах покойной императрицы Екатерины II. (Разумеется, в Зимнем дворце книга не была найдена, ведь императрице была передана лишь снятая со «Слова» копия.) Причина лукавства графа проста: в это время он сам работал над комментариями к «Слову».

За четырнадцать лет до прихода Бонапарта А. И. Мусин-Пушкин уехал из Петербурга в Москву и занялся «Словом». Умерли его учителя-петербуржцы Иван Никитич Болтин (октябрь 1792) и Иван Перфильевич Елагин (октябрь 1793), но в Москве помощниками графа стали археограф Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737–1814), работавший с 1762 года в московском архиве Коллегии иностранных дел и составивший опись новгородских грамот и князей⁷, и историк-архивист Алексей Федорович Малиновский (1762–1840)⁸. И потому дело удалось завершить за два года.

Д. С. Лихачев писал:

В доме А. И. Мусина-Пушкина сгорела не только рукопись «Слова» — сгорели и другие рукописи первостепенного значения, как, например, знаменитая пергаменная Троицкая летопись самого начала XV века, которой широко пользовался Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского». Сгорела и большая часть экземпляров первого издания «Слова». Нас не должно удивлять, что «Слово о полку Игореве» дошло до нас в единственном списке. В единственном списке сохранилось и «Пouchение Владимира Мономаха» начала XII века, и «Повесть о Горе и Злочастии» XVII века. В единственном списке было нам известно и «Слово о гибели Русской земли»; только недавно была найдена еще одна рукопись этого замечательного произведения⁹.

Каменный особняк А. И. Мусина-Пушкина не сгорел, а выгорел. Известно, что после пожара дом пришлось перестраивать. Но библиотека и рукописное собрание и впрямь погибли, о чем свидетельствуют те дошедшие до нас ничтожные шесть процентов от хранившегося в особняке тиража «Слова о полку Игореве». (Впрочем, может статься, что еще до пожара Троицкой летописью и «Хронографом» растопили камин наполеоновские гвардейцы.)

Граф Мусин-Пушкин и впрямь совершил должностное преступление и преступление перед культурой. Совершил, как это ни парадоксально, потому, что понимал, с какой ценностью имеет дело.

⁷ В 1812 году он спас все архивные материалы, отправив их в сундуках во Владимир, а потом в Нижний Новгород.

⁸ Его брат Василий Федорович Малиновский (1765–1814) стал первым директором Царскосельского лицея.

⁹ *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве. М.; Л., 1955. С. 4.

Он не хотел выпускать «Слова» из рук и, видимо, из-за этого не снял с него точной копии. И все же плоды девятилетнего труда очевидны: рукопись была изучена, переведена, откомментирована, издана. По воспоминаниям книгоиздателя С. А. Селивановского, корректуру «Слова» держали Бантыш-Каменский и Малиновский, а Мусин-Пушкин «не имел права помарывать»¹⁰. Когда выяснилось, что в комментарий вкралась ошибка, две тетрадки были перепечатаны и вклеены в уже готовую книгу.

Однако *ложь во спасение* обернулась непоправимой бедой.

Пока древний сборник со «Словом о полку Игореве» был доступен для исследователей, серьезных сомнений в подлинности текста не возникало. Впрочем, незадолго до нашествия Наполеона московский профессор М. Т. Каченовский в статье «Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия»¹¹ объявил, что текст полон «поздних речений» и представляет из себя «смесь многих наречий и языков». Кроме того, как полагал профессор, в древнерусской литературе нет следов знакомства ее со «Словом». В мае на заседании того же Общества Каченовскому ответил К. Ф. Калайдович, предоставивший текст письменного доклада «На каком языке писана Песнь о полку Игореве, на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг Священного Писания, или на каком-нибудь областном наречии?». Как писал Калайдович, скептики «не могли уверить себя, что поэма сия принадлежит XII веку, когда сравнивали тогдашнее варварство и невежество с теми высокими мыслями, которые отличают ее от русских летописей, простых и неокрашенных»¹².

Люди начала XIX века мало знали о Древней Руси: былины, иконопись Рублева и Дионисия, феноменальные археологические артефакты (в том числе новгородские берестяные грамоты) и десятки шедевров древнерусской книжности — все эти открытия были еще впереди. Однако высокомерное отношение к средневековой культуре задано самой парадигмой Просвещения: рамки рационализма слишком узки для того, чтобы рационалист смог догадаться, что дело в его собственном невежестве.

Контраргументы Калайдовича на Каченовского впечатления не произвели. Основатель «скептической школы» («злой паук»

¹⁰ Буланин Д. М. Селивановский // ЭСПИ. Т. 4. С. 281.

¹¹ Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. М., 1812. Ч. 1. С. 22.

¹² Подробнее см. статью О. В. Творогова «Скептический взгляд на «Слово»». (ЭСПИ. Т. 4. С. 306.)

в пушкинской эпиграмме — это о нем) еще в 1809 году доказывал *баснословность* древнейших русских актов (в частности, договоров Олега и Игоря с греками), и «Слово», которым профессор специально не занимался, стало лишь иллюстрацией к его любимой концепции о дикости и неразвитости русского средневековья. Каченовский полагал, что «Слово» сочинено в XVI веке обрусевшим норманном или греком. Впрочем, он никогда не утверждал, что «Слово» — подделка Мусина-Пушкина. (При жизни графа отвечать за подобное, скорее всего, пришлось бы у барьера со стволом Лепаж в руке.) Взгляды Каченовского на «Слово» систематизировал и изложил в 1834 году в виде статьи его студент И. Беликов.

Идеи М. Т. Каченовского парадоксальным образом повлияли на О. И. Сенковского, С. М. Строева, И. И. Давыдова, М. Н. Каткова и К. С. Аксакова (в чем именно парадокс, см. на с. 34).

Но после открытия в середине XIX века «Задонщины»¹³ споры утихли. Только в 1890 году французский славист Луи Леже попытался пересмотреть последовательность этих двух текстов и предположил, что именно «Задонщина» в конце XIV или в начале XV столетия, а может быть, и в XVIII веке, вдохновила автора «Слова».

Через сорок лет эту мысль подхватил другой французский славист — Андре Мазон. Он полагал, что «Слово» — фальсификат, изготовленный в конце XVIII века в окружении Мусина-Пушкина и при участии самого графа. С 1938 года А. Мазон публикует ряд статей, которые были изданы отдельной книгой «Le Slovo d'Igor» в Париже (1940). При этом он считал, что «Задонщина» — подлинный шедевр древнерусской словесности, а «Слово» — всего лишь второстепенное подражание, отличающееся непоследовательностью и бессвязностью изложения. Находил французский академик в «Слове» и анахронизмы. Скажем, он считал, что Игорь, вернувшись из плена, не может ехать на поклонение к Пирогощей иконе, поскольку она в 1160 году была увезена во Владимир. (Согласно летописному свидетельству, Андрей Боголюбский увез не Пирогощую, а прибывшую с ней из Царьграда на одном корабле икону Владимирской Богоматери, и, кстати, произошло это в 1155 году.)

23 февраля 1963 года в Пушкинском Доме историк А. А. Зимин прочел доклад о том, что «Слово» — блестящая подделка конца XVIII века, и сочинена она Иоилем Быковским. А в окончательной

¹³ «Задонщина» — подражающая «Слову» прозаическая повесть Куликовского цикла, написанная в конце XIV века. Найдена в 1852 году. В настоящее время известна по шести спискам.

редакции подделки принял участие и Мусин-Пушкин, вставивший в текст упоминание о Тмутороканском истукане и приписку из псковского Апостола 1307 года. Через год историку позволили издать на ротاپринте 101 экземпляр его книги «Слово о полку Игореве». Источники, время написания, автор» (трехтомник объемом в 660 машинописных страниц). Под подписку и с условием обязательного возвращения в спецхран книга была роздана участникам дискуссии, состоявшейся в Отделении истории АН СССР 4–6 мая 1964 года.

Начальство хотело превратить научный спор в идеологический, в результате которого «Слово», повествующее о княжеских распрях и тяжелом военном поражении, должно было получить официальный статус эталона советского патриотизма. Ирреальность ситуации была еще и в том, что с А. А. Зиминым спорили не работники «идеологического фронта», а исследователи древнерусской литературы.

А. А. Зимин так же не услышал контраргументов Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова, А. В. Арциховского, как Каченовский не услышал ни Калайдовича, ни полемизировавшего с ним о «Слове» в Московском университете Александра Пушкина.

Однако «скептики», обращая внимание на белые пятна в изучении текста, задавали «неудобные» вопросы, и в полемику с ними были написаны сотни исследований на многих языках мира.

Перефразируя классика, замечу, что, если бы «скептической школы» не существовало, ее следовало бы учредить, ведь она так много сделала для популяризации древнерусской поэмы. Отчасти благодаря ее сизифовым усилиям «Слово» переведено более чем на полсотни языков (к примеру, на английский оно с 1902 года переводилось семнадцать, а на японский язык с 1947-го — восемь раз).

Дмитрий Владимирович Набоков (сын писателя) в частном разговоре однажды заметил: надо совершенно не представлять психологию русского дворянства, чтобы вообразить, что граф Мусин-Пушкин мог изготовить подделку и направить ее список Екатерине Великой.

Уточним: как коллекционер граф мог зачитать книгу и слукавить о ее происхождении, но он не мог позволить себе подделкой бросить тень на собственное имя и на имена своих детей¹⁴. Кроме того,

---

¹⁴ Два сына А. И. Мусина-Пушкина ушли на войну с французами. Младший, Александр Алексеевич (1788–1813), которому граф хотел передать свое литературно-просветительское дело, в родовом своем имении собрал партизанский отряд и был смертельно ранен под Люнебургом. Его «Дневник», стихотворения, переводы и исторические сочинения также сгорели в Москве в 1812 году. До нас дошел лишь перевод «Речи Флавиана, патриарха Антиохийского, к греческому императору Феodosию». Второй сын Владимир (1798–1854) — декабрист; приятель А. С. Пушкина.

человек, всю жизнь имеющий дело с подлинниками, достаточно наглядно продемонстрировал нам ту степень честолюбия, которая исключает участие в изготовлении и тиражировании того, что называлось «пастиш» (шутка, мистификация). А если бы фальшивку смастерил кто-то другой, скажем, тот же Иоиль Быковский, можно не сомневаться, что она вскоре была бы разоблачена. Так в 1815 году петербургский палеограф А. И. Ермолаев выявил искусную подделку древнего списка «Слова», изготовленную московским торговцем стариной Антоном Ивановичем Бардиным. Но одно дело, имея в руках текст, подделать список, другое — подделать сам текст. Неизбежно возникнут десятки и сотни тех микроскопических отклонений от древних языковых норм, которые выдадут мистификатора. Однако лингвисты всегда утверждали, что «Слово» написано не позже XIII века, а его язык куда архаичнее языка «Задонщины»¹⁵. Это относится и к тюркской лексике «Слова». Н. А. Баскаков отмечал:

Исследователи-ориенталисты единодушно признают, что тюркизмы «Слова» относятся к заимствованиям из тюркских языков домонгольского периода, а по своей фонетике и грамматическому оформлению — к огузо-кипчакскому типу с некоторыми отзвуками болгарской фонетики, что объясняется последовательными волнами тюркских народов в Восточной Европе¹⁶.

С позиции современной лингвистики, накопившей огромный материал после открытия в середине XX века новгородскими археологами берестяных грамот (только в Новгороде их с 26 июля 1951 года найдено уже около тысячи), академик А. А. Зализняк скрупулезно (строка за строкой, аргумент за аргументом) проанализировал возможность изготовления подделки такого уровня в XVIII столетии. Оказалось, что и в середине XX века условий для этого не было.

Исследователь пишет:

Нелингвисты совершенно не осознают мощности языка как механизма, а именно количества и степени сложности правил, которые надо соблюсти, чтобы получить правильный текст. Легкость, с которой человек произносит устные и письменные тексты на родном языке, лишает его возможности

¹⁵ См., напр.: *Исаченко А. В.* Двойственное число в «Словѣ о полку Игоревѣ» // Заметки к Слову о полку Игореве. Београд, 1941; *Дылевский Н. М.* Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в.: Сб. статей. М.; Л., 1962. С. 169–254. Адрес в Интернете: www.feb-web.ru/feb/slovo/critics

¹⁶ *Баскаков Н. А.* Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. / Ответственный редактор О. А. Державина. М., 1978. С. 59.

поверить в истинные масштабы той информации, которой он при этом бессознательно оперирует. Особенно доверчиво относятся к мысли о том, что некто засел за книги и научился говорить и писать на иностранном языке «как на родном» те, кто ни одним иностранным языком активно не владеет. Люди верят бойким журналистским рассказам о том, как способного русского паренька поучили в разведшколе немецкому языку, забросили в немецкий тыл, и там он успешно выдавал себя за немца¹⁷.

Приведя аргументы за и против подлинности текста, Зализняк пришел к такому выводу:

...только на стороне подлинности имеются системные аргументы. Это мощный блок эффектов всех языковых уровней: графики, орфографии, фонетики, морфологии, синтаксиса, семантики, — искусственно создать которые без знаний, достигнутых в XIX–XX веках, было практически невозможно. <...> В итоге картина противостояния лингвистических аргументов той и другой стороны выглядит совершенно ясно. Неверно было бы утверждать, что лингвистические аргументы противников подлинности все подряд действительны и не весят ничего. Они кое-что весят. Но несопоставимо меньше, чем то, что лежит на противоположной чаше весов¹⁸.

В новгородских грамотах были найдены слова, которые А. Мазон и А. А. Зимин считали анахронизмами (а потому доказательством подделки текста). Так произошло, например, со словами *шизый* и *сморци*. Другие встречающиеся в тексте неизвестные слова, вызывавшие недоумение у исследователей XIX и середины XX веков (в частности, эпитет *оварьские*), были обнаружены при новых открытиях древнерусских памятников. А. А. Зализняк анализирует новейшие работы (1970–1990), доказывающие, что «Слово» — мистификация. Это исследования К. Троста, М. Хендлера, Р. Айтцетмюллера и книга американского слависта Эдварда Кинана (2003), в которой сделана попытка доказать, что «Слово» написал исследователь славянских древностей Й. Добровский. Эта книга тут же удостоилась восторженного отклика украинского историка Алексея Толочко, который нашел уместным мимоходом выразить озабоченность «проблемой аутентичности “Слова”»¹⁹. Но, видимо, киевлянин сел в уже ушедший поезд: не думаю, что после прочтения книги А. А. Зализняка у естественнонаучно мыслящего исследователя останутся сомнения, прошло ли «Слово» лингвистическую экспертизу.

---

¹⁷ СПИВЛ. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 172–173.

¹⁹ Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 445.

Права оказались Пушкин, Жуковский, Мицкевич, Набоков, Якобсон, Мандельштам, Заболоцкий, Лотман, Лихачев (и еще десятки других русских и иностранных поэтов, переводчиков, филологов и лингвистов), а не «скептическая школа», которая, как это видится сегодня, — так и осталась маргинальной псевдонаучной структурой и клубком частных проблем ее адептов.

Впрочем, и после публикации монографии А. А. Зализняка вполне, казалось бы, профессиональный автор «Нового литературного обозрения» А. Ранчин может позволить себе приветствовать выход очередной дилетантской монографии о «Слове». При этом он походя роняет: «Действительно, “Слово о полку Игореве” — единственный древнерусский (древнерусский?) памятник, манящий дилетантов, как сахар мух и как дамы кавалеров из “Мертвых душ”. С маниакальной страстью что-нибудь написать о “Слове...”, обуревающей инженеров, литературствующих дам, физиков и лириков, сопоставимо разве всенародное влечение к Пушкину»²⁰. Оставим весь пассаж на совести критика-постмодерниста и редакторов, видимо, слишком уж толстого журнала. Однако не сочтем за труд напомнить, что акростих в «Слове» нашел именно инженер (и дилетант со всеми присущими непрофессионалу ошибками) А. А. Гогешвили (с. 189), а Жуковский, Пушкин и Заболоцкий были именно «лириками».

Восстановить те связи, которых недостает для реконструкции исторического фона «Слова», сегодня помогает археология.

В 1983 году на левом берегу реки Великой неподалеку от Спасо-Мирожского монастыря найдена свинцовая княжеская печать, на аверсе которой в рост изображен святой Георгий (с копьем и щитом), а на реверсе погрудное изображение Николая Мирликийского.

Печать Игоря Святославича
Свинец. 19 × 23 мм

²⁰ Ранчин А. Древнерусская словесность: исследования и издания последних лет // Новое литературное обозрение. 2005. № 73 (рецензия на книгу: Подлитчук Ю. В. «Слово о полку Игореве»: Научный перевод и комментарий. М., 2004).

Специалисты уверенно определили, что печать принадлежит Игорю Святославичу Новгород-Северскому (он был крещен как Георгий, а его отец носил христианское имя Николай)²¹.

Авторы публикации предположили, что между 1164 и 1180 годами Игорь мог быть псковским князем.

Видимо, печать происходит из монастырского хранилища древних актов. А это значит, что ее владелец каким-то образом был связан со Спасо-Мирожским монастырем (возможно, он был дарителем).

Находка этой печати замечательна одним «странным сближением»: как полагал псковский краевед и собиратель древнерусских рукописей Л. А. Творогов (1900–1978), мусин-пушкинский список был изготовлен в 1510–1512 годах в псковском Елиазаровском монастыре с переписанного в Мирожском монастыре списка второй половины XIII века. Эта гипотеза — чистая фантазия (краевед не счел нужным опуститься до аргументации). Однако на основании языковых особенностей «Слова» А. А. Зализняка подтвердил вывод языковеда Н. М. Каринского (1873–1935) о том, что мусин-пушкинская рукопись была переписана псковичом: «В качестве более узкой локализации наиболее вероятной оказывается псковская зона»²².

Впрочем, пскович мог переписать «Слово» не во Пскове.

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ. О КНИГЕ А. А. ЗИМИНА

Более сорока лет имя историка Александра Александровича Зими́на было окружено ореолом интеллектуального диссидентства. Шутка ли, человек в одиночку пошел даже не против одной, а против двух систем — идеологической и научной.

Убеждали отречься — не отступился. Семнадцать лет ученый продолжал работать над главным трудом своей жизни.

До публикации не дожид четверти века.

И вот петербургское издательство «Дмитрий Буланин» выпускает в свет долгожданный и одновременно легендарный том²³.

²¹ *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Печать князя Игоря // *Сб. Древности славян и Руси*. М., 1988. С. 105.

²² *СПИВЛ*. С. 102.

²³ *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006. (Перед нами пятисотстраничная книга, первый вариант которой был издан на роталпринте в 1963 году. Однако там после слов «Слово о полку Игореве» значилось: «Источники. Время написания. Автор». Здесь же подзаголовок потерялся. Но такова, по мнению ответственных редакторов В. Г. Зиминой и О. В. Творогова, оказалась воля автора.)

Помимо ряда архивных подробностей о русском XVIII веке, ценного фактологического материала по истории «скептической школы», текстологических уточнений о взаимоотношении списков «Задонщины», книга содержит и реконструкцию двух редакций этого памятника (краткую и пространную), а также реконструкцию текста «Сказания о Мамаевом побоище».

Уже за одно это стоит помянуть автора добрым словом.

Однако перед нами не только довольно трудное, но и весьма специфическое чтение. Монография, в полемике с которой сделаны десятки замечательных находок, еще до своего выхода сама стала частью культурного слоя. Можно пропустить ритуальные апелляции к методологии советского источниковедения, «вооруженного марксистско-ленинским мировоззрением» (автор надеялся увидеть книгу изданной), но отделаться от казенного духа «марксистского подхода к старине» (Александр Галич) все же не удастся.

Читатель, без сомнения, оценит такой пассаж:

В условиях господства шовинистических представлений казенной науки николаевской эпохи традиции «скептического» направления в буржуазной историографии не получили сколько-нибудь серьезного продолжения (с. 403).

Это о тридцатых годах XIX, а не XX века.

Историк не видит разницы между несвободой науки в 1830-х и 1930-х. И полагает, что, если бы не царское правительство, которое, видимо, тотально контролировало умы ученых, подделка «Слова» была бы разоблачена еще два столетия назад.

Автор скор на обобщения:

Советским историкам и литературоведам органически чуждо антинаучное деление ученых на «скептиков» <...> и «нескептиков» <...>. Хорошо известно, что в 30–40 гг. XIX в. царское правительство пыталось с помощью некоторых реакционных ученых, защищавших древность Слова о полку Игореве, противоборствовать представителям передового направления исторической и филологической наук (с. 12).

Что же за заговор против прогрессивной науки плел Николай Павлович Романов? Через триста страниц выясняется, что крамолой были признаны осторожные сомнения московского профессора И. И. Давыдова относительно древности «Слова».

Фактов, удостоверяющих заговор, не обнаружено, кроме одного: «Чтобы как-то уменьшить впечатление, которое производил Давыдов на слушателей, *товарищ министра просвещения* (курсив мой. — А. Ч.)

С. С. Уваров 27 сентября 1832 г. привел на его лекции Пушкина» (с. 399). Видимо, это Николай I через Бенкендорфа рекомендовал махровому реакционеру Александру Пушкину разоблачать опасные для власти взгляды флагманов прогрессивной науки И. И. Давыдова и О. И. Сенковского (последний, кстати, полагал, что царь Кир во-евал под Оршей, а «Илиада» написана по-белорусски).

Увы, перед нами не очередное желтое «журналистское расследование», а научная монография, атрибутирующая «Слово о полку Игореве» в качестве памятника XVIII века и обосновывающая авторство Иоила Быковского. (Проделанное А. А. Зиминим разыскание о жизни и творчестве Быковского при других обстоятельствах могло бы, пожалуй, стать образцом биографического жанра.) Книга А. А. Зимина, в которой он, в частности, отвечает своим критикам, стала в два раза толще ротاپринтного издания 1963 года. Добавлен к ней и справочный аппарат, составленный О. В. Твороговым, последовательным оппонентом А. А. Зимина. Не считая корректным полемизировать с покойным в его книге, текстолог ограничился тем, что снабдил том историка ссылками на новейшие исследования.

Но эти внешне невинные сноски порой убийственны.

Скажем, А. А. Зимин отмечает «слабое знание древнерусского оружия» автором «Слова» (с. 213) и утверждает, что «замена “меча” (Задонщина) “саблей” (Слово) также свидетельствует о слабом знании оружия XII в. автором Игоревой песни» (с. 214).

Действительно, слово «сабля» в поэме произнесено семикратно. Но историк поверил легенде, изложенной на первых страницах «Повести временных лет», и полагает, что сабля — оружие *исключительно* восточное. Однако стоит не полениться и открыть «Энциклопедию “Слова о полку Игореве”», чтобы отыскать короткую заметку того же О. В. Творогова:

Как установили археологи, сабли бытуют на Руси приблизительно с X в. <...>. В XI–XIII в. произошли существенные сдвиги в распространении сабель. Территория, где находят искривленные клинки, расширилась на север вплоть до Минска, Новгорода и Суздальского Ополя. Особую популярность завоевывает сабля у южнорусских конников. Почти половина всех находок происходит из курганов Поросья...²⁴

О. В. Творогов ссылается на работы трех археологов, вышедшие еще до того, как Зимин увлекся «Словом». Историк на них указывали, а он от ненужной информации предпочел отмахнуться.

²⁴ Творогов О. В. Сабля // ЭСПИ. Т. 4. С. 258.

Но в летописях русская сабля (оружие, и впрямь завезенное с Востока) упоминается под 1086 и 1174 годом. И в далеком от Поля Половецкого Боголюбове заговорщики убивают князя Андрея именно саблями.

Того же рода и сюжет с харалужными мечами «Слова», которые в «Задонщине» заменены на «мечи булатные». Как пишет А. В. Арциховский, и дамаская сталь, и булат также пришли из восточных стран²⁵. Но археологически дамасские клинки, отождествляемые с харалугом, вытесняются булатной сталью лишь в XIV веке. Следовательно, анахронизма ни в «Слове», ни в «Задонщине» нет.

А. А. Зимин находит «несообразности» и «ошибки» поэта практически на каждой странице поэмы. Однако он ничего не пытается доказать, он на протяжении всей книги лишь иллюстрирует свое априорное представление. Вместо того чтобы выделить параллели с летописью, проанализировать их характер и прийти к каким-то выводам, он просто многократно декларирует открывшуюся ему истину.

Например, так:

Автор Слова отлично знал летописную статью 1201 г., откуда он черпал ряд образов для своей Песни: «пиль золотомъ шоломомъ Донъ» (так в летописи. — А. Ч.), «храборъ бо бѣ яко и туръ» и др. (с. 205).

Вопрос, а не могли ли эти выражения попасть в летопись из «Слова», даже не ставится.

Чтения, предлагаемые А. А. Зиминим, по-своему последовательны, ведь каждый раз комментатор видит подлог и фальшивку именно там, где текст многомерен. И дело даже не в веществе поэзии, о которой исследователь отзывается вполне пренебрежительно: «Перед нами чисто поэтические образы, далекие от действительности» (с. 199). Речь как раз о том, что должно быть близко и понятно именно историку, знающему тонкости феодальных отношений и подробности внутривосточной ситуации.

К примеру, А. А. Зимин замечает, что Святослав Киевский своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода называет «сыновцами» (с. 197), и на этом основании полагает, что Иоиль Быковский не знал разницы между словами «сын» и «сыновец» (племянник). Историк забыл, что Игорь еще в 1180 году назвал Святослава «отцом», и потому в устах Святослава горький каламбур *сыновья* — *сыновцы* вполне оправдан: это жест отстранения от себя ослушников (мол, какие же вы сыновья, вы так — младшие родственнички).

²⁵ ССПИ. Вып. 6. С. 116.

Упоминание в «Слове» о звонящих Всеславу колоколах Полоцкой Софии (тех самых, что Всеслав снял с Софии Новгородской) наводит А. А. Зимина на размышление, что Полоцкая София была возведена около 1220 года, но «вместе с тем хорошо известно, что храм был построен заново в 1750 году». Последняя дата нужна историку, чтобы как-то связать храм с серединой XVIII века (а отсюда уже и рукой подать до связанного с Полоцком Иоиля Быковского).

Все это — неправда. В начале XIII века князь Борис не построил, а отремонтировал (*вчинилъ*) храм XI столетия, возведенный той же строительной артелью, что и две другие Софии — Киевская и Новгородская. Современный исследователь пишет:

Известно, что в начале XII в. при Софийском соборе жила будущая основательница Спасского монастыря Евфросинья. <...> Крупные ремонтные работы проводились <...> в 1738–1750 гг. при архиепископе Флориане Гребницком»²⁶.

Итак, ремонтные работы, а не постройка. Но А. А. Зимину надо дезавуировать самое раннее упоминание о Софии, и он идет на подлог. А поскольку диалектическая логика постоянно подводит советского историка, собственное непонимание предмета он неизменно превращает в повод для нападения на поэзию:

Автор Слова допускает ошибки тогда, когда соединяет Задонщину с летописью. Так, он написал, что князь Борис погиб в 1078 г. «за обиду Ольгову», хотя Олег Святославич отговаривал его от выступления против коалиции князей (с. 210).

Но *отговаривал* не значит *отговорил*. Учит А. А. Зимин древнерусского поэта и тому, что ему можно говорить, а что нельзя:

Автор Слова рисует Кончака как «поганого кощея», а не как достойного противника. <...> Отсутствие понятия о законах феодально-иерархической морали резко выделяет Слово о полку Игореве из состава памятников древнерусской литературы (с. 211).

Надо полагать, во времена Быковского уровень *феодально-иерархической морали* был заметно ниже? Или иерархическое мышление человека XII столетия предписывало и на поле боя оказывать почести лютому врагу в том случае, если тот вдруг оказывался святым одного из русских князей?

²⁶ Булкин В. А. Софийский собор в Полоцке: (К вопросу о западных апсидах) // Древнерусское искусство. М., 1988. С. 59.

А. А. Зимин резонно замечает, что поэт говорит на равных с князьями XII века. Историк даже цитирует мнение В. Ф. Ржиги о том, что дружинник не мог «идейно занять такую позицию, которая объяснима только как междукняжеская» (с. 212).

Но поскольку А. А. Зимин знает априори, что автора надо искать в XVIII веке, то в сторону известных нам по летописям князей конца XII столетия он даже не смотрит.

Когда что-то хочешь обосновать, а серьезных аргументов нет, дело неизбежно дойдет до прямых курьезов: присоединив концовку одной фразы («Ольговичи храбрые князи к брани подоспели») к началу другой («Ингварь и Всеволод, и все три Мстиславича...»), А. А. Зимин делает справедливый вывод: «Ольговичей нельзя было считать Мстиславичами» (с. 204). И это, конечно, также аргумент в пользу позднего создания поэмы.

Историк удивлен (разумеется, риторически), почему в рассказ Ипатьевской летописи о событиях 1185 года «не проник ни один поэтический образ этой Песни». То есть он полагает, что, если бы «Слово» было известно летописцу, следы этого были бы очевидны.

С этим нельзя не согласиться: в Ипатьевской летописи мелькает *желя* (олицетворение скорби), о которой сказано, что Господь «навел ее на нас вместо веселия». Но это контаминация двух образов «Слова»: «Желя поскакала по Русской земле» и «А веселие поникло...».

В «Слове» Святослав изронил злато слово, смешанное со слезами, а в летописной повести «Святослав... утер слезы свои и сказал: “О любезные братья и сыны... Отворили ворота на Русскую землю...”»

Яркая эта метафора и есть не замеченный А. А. Зиминим парафраза из «Слова», где тот же киевский князь говорит: «Загородите Полю ворота...».

Большого требовать от летописца просто невозможно. Он явно находится под влиянием поэмы, но переводит на свой, сугубо прозаический язык.

Впрочем, дело не в «образах», ведь А. А. Зимин сам же замечает:

И уже совсем необъяснимо, почему он (поэт. — А. Ч.) сохранил летописную последовательность рассказа, которая не вытекает из логики развития событий... (с. 188).

Однако нехронологическая последовательность эпизодов (а их, как подсчитал сам А. А. Зимин, около тридцати) и есть главный аргумент в пользу того, что сюжетное строение «Слова» повлияло на летопись. В противном случае надо допустить, что рукой летописца вела некая неясная нам *нехронологическая* установка.

Троекратно повторяет А. А. Зимин любимую свою мысль:

Автор Слова, если бы он был, как составители летописной записи 1185 г., современником этих событий, не мог бы не прибавить каких-либо новых подробностей о походе князя Игоря (с. 188).

Тут же:

Точное следование известным нам источникам, отсутствие в «Слове» каких-либо новых фактов показывает, что его автор — писатель, не являющийся современником тех событий, которые он изображал (с. 193).

И еще:

В «Слове о полку Игореве» нет достоверного исторического материала, который выходил бы за рамки названных летописей, нет никаких следов того, что автор был современником описанных им событий (с. 224).

Поскольку археология не может быть востребована для подтверждения подлинности «Слова», ясно, что помимо летописей иного «достоверного материала» просто не существует.

Но на тех же страницах А. А. Зимин противоречит сам себе:

Почему, например, при рассказе об осаде Путивля половцами летописец не говорит о Ярославне, которая, по «Слову», находилась именно в этом городе? (с. 190).

А. А. Зимин считает, что последнее — фантазия автора XVIII века, ведь, если верить летописи, Гзак сжег путивльский острог, и, значит, Ярославна никак не может плакать «на забрале». Однако историк Древней Руси не может не знать, как устроен древнерусский город: внутри острога *окольный град*, а в самом центре *детинец* — кремль.

Гзак пожег внешний город, но взять кремль не сумел, и Ярославна плачет на кремлевской стене (а не на частоколе острога).

Метод А. А. Зимина прост, но безошибочен: он требует от поэтического произведения уникальной и сугубо прозаической информации, но, когда она присутствует (как в случае Ярославны в Путивле), объявляет ее выдумкой фальсификатора.

Правда ли, что поэт не сообщает новых подробностей о событиях 1185 года? (То есть придумывает массу «новых» слов, но не новых подробностей.) Неправда. В летописи не сказано, что Кончак, узнав о походе Игоря, призвал Гзака, и один от Азовского Лукоморья с юго-запада, а другой с юго-востока от предгорий Кавказа спешат к Дону, чтобы дать сражение Игорю у Каялы («Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь указывает к Дону великому»).

Только в «Слове» сообщается, что битва происходит в междуречье Донца и Дона (в «поле безводном», находящемся «на реке на Каяле у Дона великого», но где-то вблизи Донца).

Лишь «Слово» говорит о ветре, который три дня гнал на прижатых к берегу Каялы русичей половецкие стрелы и тем определил исход битвы (см. с. 232 и 233 и более подробно с. 239–294).

Роль Буй Тура Всеволода, который ведет Игореву войско к Донцу, прорубаясь через половецкие полки, становится понятна лишь из «Слова» (летописец отмечает мужество Буй Тура, но не сообщает, что именно Всеволод находится в авангарде, *на борони*).

Можно еще прибавить и упоминание о двух померкших на Каяле «молодых месяцах» (княжичах Олеге и Святославе), уникальный список родов (или титулов) черниговских ковуев, рассказ о неизвестном летописям Изяславе Полоцком и о двух его братьях, а также отсутствующие в других источниках свидетельства о ранних походах на литву, ятвягов и половцев Буй Романа (видимо, Волынского), иные, нелетописные подробности побега Игоря.

Самые оглушительные поражения «скептики» терпят там, где пытаются учить автора «Слова» одновременно и военному делу, и поэзии. А. А. Зимин присоединяется к мнению В. Б. Вилинбахова, который однажды обронил, что «поющие копья» — «позднейший вымысел», ведь метательные копья назывались сулицами (с. 213).

Сулицы в поэме тоже упомянуты. Но брошенный человеческой рукой дротик летит беззвучно (это не пущенная из лука стрела). А вот ко́пья как раз могут петь: как отмечают знатоки вооружения, вертикально притороченное копье при сильном ветре или скачке издает слабый звук. Если же вокруг «лес копий» — звук крепнет. А поскольку тут же мелькают плещущие *хоботы* (языки увенчанных копейными наконечниками стягов), то пение копий — это еще и хлопывание полотнищ (так и вдругом месте: «стяги глаголют»).

Добавлю еще, что А. А. Зимин лишь делает вид, будто отвечает на критику. Ему не до полемики. Факты, не укладывающиеся в его концепцию, он игнорирует. И не видит того, чего видеть не хочет. Однако если ошибка слишком уж очевидна, то окружает ее облаком рассуждений, не имеющих прямого отношения к предмету. И, измотав читателя окольными подробностями, вновь повторяет в качестве вывода начальный свой тезис.

Как ни парадоксально и как ни печально, но перед нами книга дилетанта — столь же агрессивного, сколь и убежденного в истинности априорного своего знания. И своими немалыми профессиональными знаниями он распоряжается как носитель сверхценной идеи.

О. В. Творогов в середине 1960-х спрашивал А. А. Зими́на, как он может объяснить, что трудные, но надежно истолковываемые темные места «Слова» в «Задонщине» превращаются в бессмыслицу. В устной полемике историк А. А. Зимин уклонился от ответа, в своей монографии ушел и от самой постановки этого вопроса.

А. А. Зимин цитирует отзывы о «Слове» своих предшественников. Это весьма любопытная подборка :

Сенковский удивлялся, почему «бессвязность слов и мыслей», обнаруживающаяся в «Слове», расценивается обычно как показатель «древности творения» (с. 400).

В 1840 г. в рецензии на книгу М. Максимовича «История древней русской словесности» М. Н. Катков, тогда либерал-западник, позднее крайний реакционер, упрекал автора за пристрастие к Слову <...>. Такая, пишет он, «уродливость в языке, ...такая бессвязица — ни одного слова живого» (с. 401).

Языковые особенности Слова вызывали сильные сомнения у идеолога раннего славянофильства К. С. Аксакова <...>: «Именно этой-то жизни языка не видим мы в Слове о полку Игореве; мы видим в нем какую-то холодность, безучастие слога к жизни языка (с. 402).

И совсем иного рода сомнения терзали первого скептика:

Каченовский задает слушателям вопрос: могла ли на Руси в то далекое время «процветать поэзия». При том «песнь эта, изобилующая красотами, не могла быть отдельным явлением в литературном мире... А песнь о полку Игореве одна, — как с неба упала...» (с. 396).

То есть основатель скептической школы сомневался в подлиннике потому, что тот казался слишком хорош для XII века, а в случае с его последователями мы имеем дело с неприятием более сложной и совершенной художественной системы, чем та, которая данным исследователем принимается за идеальную и истинную. (Не случайно же А. Мазон полагал, что художественные достоинства «Задонщины» куда выше достоинств *слабого и подражательного* «Слова».)

Нагляднее всего этот парадокс можно проиллюстрировать тем, как обходится А. А. Зимин с обнаруженными Е. В. Барсовым реминисценциями «Слова» из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (с. 232)²⁷.

---

²⁷ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887–1889. Т. 1. С. 260.

Здесь кроме *обаполы, трубы трубятъ, лица напряжени, стружие, гневомъ затворише уши* (в «Слове» *уши закладаше*), *жалощами и заступивъ путь* встречаем целые выражения, откликающиеся эхом в древнерусской поэме: 1. *Прием умъ своею крепостию (Истягну умъ крѣпостию своею)*; 2. *Поострите душа ваша (Поостри сердца своего мужествомъ)*; 3. *Исполньшимся ратнаго духа (Напѣлнивъся ратнаго духа)*; 4. *И лепле смърть славну взяти, негли жити пленени (Луце жѣ бы потяту быти, неже полонену быти)*; 5. *Подѣ шеломомъ състаревшеся (Подѣ шеломы възлелѣяны)*; 6. *И стрелы на нихъ летяху, яко дождь (Ити дождю стрѣлами)*; 7. *Бысть видети падающа жиды, акы снопы со забралъ (Снопы стелють головами)*; 8. *Слаби есмы противится римляномъ, яко же и дух спряжен (жажею имъ лучи съпряже)*.

А. А. Зимин показывая, что некоторые из этих параллелей попадаются и в других памятниках, без всякой мотивировки заключает:

Итак, если мы можем допустить влияние Иосифа Флавия на Задонщину и Ипатьевскую летопись, то нет никаких реальных следов того, чтобы этим произведением воспользовался автор Слова о полку Игореве (с. 233).

Но «Слово» хуже лишь тем, что А. А. Зимин считает его фальсификатом. Однако в «Истории» перед нами ряд клише, а в «Слове» часть из них превращена в метафоры (№№ 2; 5; 6). Но из теста можно испечь хлеб, а из готового каравая теста не сделать. (Перевод из Флавия оказал столь мощное влияние на поэта, что, видимо, следует поставить вопрос, не был ли сам поэт переводчиком этого памятника.)

При этом понятно, почему А. А. Зимин объявляет, что Иоиль Быковский не мог воспользоваться «Историей» Иосифа Флавия: беспрецедентная концентрация реминисценций из этого переводного памятника есть только в «Слове», в «Задонщину» же попала лишь часть их, а значит, «Задонщина» по отношению к «Слову» вторична.

Задача А. А. Зимины не допустить, чтобы читатель пришел к этому сколь естественному, столь и печальному для его концепции выводу.

Виктор Шкловский в 1920-х ввел в оборот термин «энергия заблуждения». Благодаря энергии этого рода А. А. Зимин спровоцировал новый виток изучения «Слова». Но книга А. А. Зимины показала, что реальных аргументов у «скептического направления» на сегодняшний день нет. На книжной полке эта монография найдет свое место рядом с томиками Алексея Югова, Андрея Никитина и Олжаса Сулейменова, ведь всех этих авторов объединяет метод, сформулированный еще шекспировским Полонием: «Условимся, что принц сумасшедший, это даст нам право считать его таковым, и, значит, мы доказали, что принц сошел с ума».

СЕМЬ СВИДЕТЕЛЬСТВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПРОЗЫ

А. А. Зимин заговаривал читателя:

Одним из аргументов в пользу позднего происхождения «Слова о полку Игореве» уже давно являлось полное отсутствие его реминисценций в древнерусской письменности XII–XVII вв. (с. 233).

(На с. 404 в книге Зимина о том же и почти теми же словами.)

Если все это правда, то дело «нескептиков», разумеется, безнадёжно. Но для того, чтобы понять картину, надо отойти от нее на должное расстояние. И мы никогда не услышим логику разговора писателей со своими предшественниками, то есть логику исторического процесса, если будем исходить из сравнения лишь двух памятников. Попытаемся увидеть всю картину и показать, что до XVI века «Слово» было в среде древнерусских книжников некоей точкой отсчета.

В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что «в поздних списках “Повести об Акире” появляются вставки в текст, упоминающие о линьке сокола. *Егда бо соколь трех мьтеи бывает он не даст ся с гнъзда своего взяти*»²⁸. Это эхо «Слова» — случайность или закономерность?

Первое свидетельство

В Ипатьевской летописи находим похвалы галицко-волинскому князю Роману Мстиславичу, среди которых звучит и похвала его прапрадеду Владимиру Мономаху (стб. 716).

Роман Мстиславич, с большой степенью надежности отождествляемый с Буй Романом «Слова», погиб летом 1205 года в польском походе. Выписки из Похвалы Роману, помещенные в летописи под 1201 годом, предшествовали рассказу о великом его княжении.

О походах Романа на половцев сказано, что он *прехожаше землю ихъ яко и орель, храборъ бо бѣ яко и турь*. Это кажется общим местом, хотя в «Слове» и говорится, что Роман «высоко плавает на дело в отваге, как сокол на ветрах паря». Но тут же в летописи о Владимире Мономахе черным по белому: *пиль золот<ы>мъ шоломомъ Дону*. А это прямая отсылка к «Слову» (*а любо испити шоломомъ Дону*).

Далее следует ссылка на события лета 1185 года: говорится о Кончаке, *иже снесе Сулу*. Значит, на летопись повлияло именно «Слово».

К 1203 году В. Н. Татищев относит послание Романа к русским князьям, и в этом тексте, дошедшем лишь в выписке да в переводе Татищева (возможно, с какой-то другой редакции), откликается «Слово»:

²⁸ Адрианова-Перетц. С. 141.

Вы, братия, известны о том, что Киев есть старейший престол во всей Руской земли, и надлежит на оном быть старейшему и мудрейшему во всех князьях русских, чтоб мог благоразумно управлять и землю Рускую отвсюду оборонять, а в братии, князех русских, доброй порядок содержать, дабы един другого не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять. Ныне же видим все тому противное. *Похисчают престол* моложшие и несмысленные, которые не могут не токмо других распорядить и братию во враждах разводять, но сами себя оборонить не в состоянии; часто *восстает война в братии, приводят поганых половцов и разоряют землю Рускую*, чим наипаче и в других *вражду всевают...* (Татищев В. Н. История Российская: в 7 т. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 169).

В татищевском переводе «проекта конституционной реформы Романа Мстиславича» на политический язык переложены не только идеи, но и метафоры «Слова». (Однако Татищев «Слова» не знал и, значит, приведенный им текст — подлинный.) Курсивом мною выделены четыре заимствования, идущие в послании Романа друг за другом. Параллели: «Не в победных жребиях власть расхитили», «Встала Обида в войсках Дажьдбога внука», «...а поганые сами победно нарыскивают на Русскую землю», «Тогда при Олеге Гориславиче заседалось и прорастало усобицами».

Вот и в «Слове о князьях» (анонимная черниговская проповедь второй половины XII века) сказано, что князья «противятся старшей братии» и «поганых на братью свою призывают». Есть здесь и такой мотив: *рассьдеса* (разошелся) *верхъ теремцю* и сквозь щель влетел **белый голубь**. Вспомним сон Святослава, где терем лишается кнеся/охлупня и слышно, как кричат **серые вороны**.

А. Г. Бобров, доказавший факт влияния «Слова о князьях» на «Слово о полку Игореве»²⁹, ссылается на переводной (с греческого) памятник «Сказание Афродитиана». Здесь возникает тема вещего сна, а у языческого храма расходятся стропила, и на голову кумира по имени Источник нисходит Вифлеемская звезда (она в «Слове о князьях» и замещена белым голубем). Логика развития образа помогает определить последовательность создания текстов: «Сказание Афродитиана» (до 1178) — «Слово о князьях» (1178) — «Слово о полку Игореве». (Видимо, наиболее подходящий кандидат в авторы «Слова о князьях» — черниговский епископ Порфирий, который по просьбе Святослава Всеволодича дважды пытался мирить рязанских князей с Всеволодом Большое Гнездо и в 1178 и 1186 годах приезжал для этого в Рязань и Владимир.)

²⁹ Бобров А. Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. СПб., 1994. С. 88–89.

Второе свидетельство

Д. С. Лихачев показал, что автор «Задонщины» считает своим долгом перелицевать *каждый* образ древнерусской поэмы с *изнаночного* (кромешного, плохого) на *лицевое* (правильное и хорошее). Цена орнаментальности стиля, создатель «Задонщины» обстоятелен в перечислениях, но, за редкими исключениями, равнодушен к веществу поэзии, а потому неизбежно демонстрирует свою вторичность³⁰.

1) В «Задонщине» князья хвалятся: *А воеводы у нас уставлены, а дружина съдана, а под собою имъем добрые кони, а на собъ злаченыи достъхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немтъцкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные...* (Список Ундольского).

Спохватившись, что не к месту увлекся номенклатурой амуниции и лучшего оружия, автор сам себя одергивает и цитирует «высокий образец»: *но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую* (вновь контаминация из «Слова» — А. Ч.) *и за вѣру крещеную*.

И тут же: *Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собъ чести и славного имени*. Дружинники, которые *сами пашутся* (полощатся) на ветру, как живые хоругви (вообразим отлетевшие назад плащи), — не только редкий для «Задонщины» полновесный образ, но одна из самых ярких метафор древнерусской литературы. Это увидено глазами того, кто участвовал в воинских походах и мог наблюдать графическую рифму параллельно плещущих плащей и стягов.

Но и это контаминация из «Слова», где «врозь пашут» концы стягов, а удалые Глебовичи названы живыми шереширами (смысла этого выражения автор «Задонщины» не знает, оно встречается лишь в «Слове», где, видимо, имеется в виду греческий «живой огонь»).

2) Автор «Задонщины» не знает слова *шеломя*, но как текстолог-любитель и стихийный лингвист, обративший внимание на «шоканье» «Слова» (*шизый орел*) и понимающий, что в некоторых случаях в языке *e* может соответствовать *o*, правит на неуклюжее: *Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала*.

3) В «Слове» фраза *Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями...* относится к самой сече. (Хотя в глаголе *звенить* откликается и звон княжеских крамол, выкованных Олегом Гориславичем, дедом Игоря; тот звон, от которого старые князья «затыкали уши».) «Задонщина» представляет дело так, что русские с лязгом и грохотом шествуют к месту битвы: *Что шумит и что грьмит*

³⁰ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины» (к вопросу об отношении «Задонщины» и «Слова о полку Игореве») // Русская литература. 1964. № 3. С. 84–107.

рано пред зорями? Князь Владимирь Андръевичь полки пребирает и ведет к великому Дону... В «Слове» же о самом походе сказано просто: «Игорь к Дону воинов ведет».

4) В «Слове» Див — некий злой мифологический персонаж, а Диво в «Задонщине» — олицетворение удивленья и восхищенья: *укутим животу своему славы учиним землям диво. Оно кличет под саблями татарьскими*, но при этом, когда *вознесся слава руская на поганых хулу, уже бо вержено диво на землю*. Автора повести невольно спровоцировал на ошибку автор «Слова»: *А чи диво ся, братие, стару помолодити...*

5) В «Слове» «черная земля под копытами костьми посеяна, а кровью полита», и этот посев всходит по Русской земле *тугою* (бедами). Но в другом месте сказано, что Святослав Киевский, «наступил на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, возмутил озера и реки, иссушил потоки и болота». Две разные, но логичные в своей образной последовательности метафоры в «Задонщине» слиты воедино: *Черна земля под копыты а костьми татарскими поля насеяша а кровью их земля пролита бысть. Сильнии полки ступишася вместо и протопташа холмы и луги и возмутишася реки и потоки и озера*.

6) В «Слове» *золотой* — включительно княжеский эпитет. «Злаченными» (позолоченными) могут быть шлемы бояр и стрелы половецких ханов. Автор «Задонщины» этой древней и сакральной иерархии золотого не знает, у него злаченные шлемы и доспехи и на князе, и на монахе Пересвете, и на простых ратниках.

7) В «Слове» Днепр пробивает «каменные горы» (это знаменитые Днепровские пороги), а в «Задонщине» это делает Дон (который, как известно, вовсе не «быстрый», а «тихий», и порогов на нем нет). Если Ярославна плачет на Сейме (Сейм впадает в Десну, а та в Днепр), и потому от моря (Азовского) Игорь и впрямь мог бы вернуться в Путивль по Днепру, то жена Микулы Васильевича Марья *рано плакаша у Москвы града на забралах стоя, а ркут тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течещи в землю Половецкую. Прильльи моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ»*.

Но по Дону в Москву не дано приплыть ни мертвому, ни живому.

8) В «Слове» Святослав Киевский, чьи ладьи Днепр «лелеял» до стана Кобыяка, вызывает: «Загородите Полю ворота!», а о Ярославе Осмомысле сказано, что он «затворил Дунаю ворота». Параллельное место в «Задонщине»: *Замкни государь князь великий Оке реке ворота чтобы потом поганые татаровя к нам не ездили*. Но монголы приходили на Русь совсем не на ладьях, да и Ока — своя река, она не течет, как Дунай, из глубин заморских и враждебных стран, ее истоки в центральной части Среднерусской возвышенности.

9) И главное: «Задонщина» начинается с того, что князь Дмитрий Иванович на пиру у Микулы Васильевича узнает о походе Мамай на Русь: *«Поидем брате тамо в полунощную страну жребия Афетова сына Ноева, от него же родися русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всеи земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусормановя»*. И вдруг: *«Тъ бо на рекъ на Каяль одолъша родъ Афътов»* (Список Ундольского). Проговорка (или ссылка) «на Каяле» (не Калке!) не оставляет сомнений в том, что повесть о битве на Непрядве подражает песни о Каяльском побоище, то есть «Слову».

Долгое время считалось, что автор «Задонщины» — упомянутый в некоторых ее списках Софоний Рязанец. Относительно поздняя Тверская летопись называет его «брянским боярином»³¹.

Р. П. Дмитриева показала, что краткий Кирилло-Белозерский список «Задонщины» составлен на основе не дошедшего до нас протографа редактором Ефросином³². Он и дал произведению название «Задонщина великого князя, господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича» (в других списках «слово», «сказание», «похвала»). Исследовательница сделала важный вывод:

...исходя из содержания самой «Задонщины», следует признать, что Софоний не был ее автором; последний ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать. Имя Софония как писателя упоминается в рукописях (начиная с XV в.) только в связи с произведениями на тему Куликовской битвы. Следует признать, что автор «Задонщины» воспользовался двумя поэтическими произведениями — сочинением Софония и «Словом о полку Игореве».

Третье свидетельство

Если проблема взаимоотношения «Слова» и «Задонщины» большинству исследователей представляется решенной, кто же такой живший в XIV (или даже XIII) веке Софоний Рязанец, и нет ли среди известных нам древнерусских повестей его сочинений?

Вероятно, есть, ведь неизвестный нам автор «Задонщины» цитирует не только «Слово о полку Игореве», но и «Повесть о разорении Рязани Батыем»³³.

³¹ Дмитриева Р. П. Задонщина // ЭСПИ. Т. 2. С. 203.

³² Дмитриева Р. П. Был ли Софоний рязанец автором Задонщины? // ТОДРЛ. 1979. Т. 34. С. 24.

³³ Текст повести см.: Памятники литературы Древней Руси: XIII век // Общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981. С. 184–199; примеч. 554–559.

В «Слове» Игорь хочет напиться шеломом из Дона. Шлем превращается в смертную чашу на том пиру, где русичи чествуют своих «сватов». Это горькая ирония, ведь Кончак — и впрямь сват Игоря. Но само слово «чаша» звучит лишь внутри одного-единственного глагола *ту пирь доконьЧАША*. Цитирую в стиховой записи:

ту кроваваго вина не доста
ту пирь доконьчаша
 храбрии русичи
 сваты попоиша
 а сами полегоша
 за землю руськую

В «Повести о разорении Рязани Батыем» это превратится в «мудрый ответ», издевку над Батыем захваченных им в плен раненых русских ратников: *Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарьскую*. А «Задонщина» начинается с пира, и в конце ее уже иноземцы-фряги издеваются над бежавшим с Куликова поля Мамаем: *Ньшто тобѣ князи руские горазно подчивали ни князеи с тобою ни воевод? Ньшто гораздо упилися у быстрого Дону на полъ Куликовъ на травъ ковыль?* (Список Ундольского).

Видимо, для автора «Задонщины» рязанская повесть не менее важна, чем «Слово». Потому-то в противопоставление «смертной чаше» (этот образ не раз встречается в рязанской повести) в «Задонщине» возникает образ «медовой чары»: *И рече брату князь Владимир Андреевичь: «Тут, брате, испити медовыа чары <...> своими полки сильными на рать татар поганых...»*

В рязанской повести несколько реминисценций из «Слова»:

И едва поимаша от полку Еупатиева пять человекъ воиньскихъ, изнемогших от великихъ ран. И приведоша ихъ къ царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коеа вѣры еста вы, и коеа земля, и что мнѣ много зла творите?» Они же рѣша: «Веры християнския есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя силна царя почтити и честна проводить, и честь тобѣ воздати. **Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарьскую**». Царь же подивися ответу ихъ мудрому. И посла шурича своего Хостоврула на Елупатиа, а с ним силныа полкы татарския. Хостоврулъ же похвалися предъ царемъ, хотя Еупатиа жива предъ царя привести. **И ступишася силныа полкы татарския**, хотя Еупатиа жива яти. Хостоврулъ же съехася съ Еупатиемъ. Еупатеи же исполни силою и разсѣче Хостоврула на полы до седла. И начата сѣчи силу татарскую, и многихъ тут нарочитыхъ багатырей Батыевыхъ побил, овихъ на полы пресекоша, а иныхъ до седла краеше.

Д. С. Лихачев обратил внимание на такую параллель со «Словом»:

И рече братии своей: «О господия и братиа моа, аще от руки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим! **Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти.** Се бо я, брат ваш, напред вас **изопью чашу смертную** за святых Божия церкви, и за веру христьянскую, и за очину отца нашего великаго князя **Ингоря Святославича**».

Это могло быть заимствованием из какого-то иного произведения, но автор повести прямо указывает на генеалогическую преемственность: Евпатий Коловрат — воевода черниговского князя Ингваря Ингоревича, отец того — Ингорь Святославич (Игорь Святославич «Слова»), дед — Святослав Ольгович Черниговский. То есть герой «Слова» Игорь воспринимается не как неудачливый «крамольник», а как легендарный предок и образцовый борец со степняками.

В «Задонщине» (по списку Ундольского) читаем:

И отскоца поганьи Мамаи от своая дружины серым волком и притече к Хафѣсте граду. (Это контаминация из «Слова»: *скочи оть нихъ лютымъ зпѣремъ; и скочи съ него босымъ вълкомъ и потече къ лугу доньца.* — А. Ч.) Молвяше же ему фрязове: «Чему ты, поганьи Мамаи, посягаеш на Рускую землю? То тя била орда Залѣская. А не бывати тобѣ в Батыя царя. У Батыя царя было четьреста тысящ окованые рати а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил Богъ Рускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамаи, со многими силами з дѣвятью ордами и 70 князями. А нынѣ ты, поганьи, бѣжишь сам-девят в лукоморье, не с нем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тобя князи русские горазно подчивали, ни князеи с тобою ни воевод? Нѣчто гораздо упилися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковыль?»

Но *лежаша на земли пугте, на траве ковыле* — «Повесть о разорении...», а *любо испити шеломомъ Дону* — «Слово».

О словах *Сии бо государи рода Владимира Святославича... внуцата великаго князя Святослава Ольговича Черниговского* обычно пишут, что возведение генеалогии рязанских князей к Святославу Ольговичу Черниговскому или Киевскому (герою «Слова») — неверно, ведь по летописи Ингварь Ингваревич умер в начале 1220-х. А по поводу самого «отца нашего» Игоря Святославича замечают, что, неясно, кто этот Ингварь (Игорь) Святославич, поскольку рязанские князья — потомки Игоря Ольговича (умер в 1194).

Д. С. Лихачев полагал, что Игорь Ольгович эпически переосмыслен здесь как Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве», а художественные традиции «Слова» могли перейти в Рязанскую землю через соседнюю Черниговщину.

Уточним: автор «Задонщины» упоминает как своих предшественников не только киевского гусельника Бояна, но и Софония Рязанца, а автор рязанской повести цитирует лишь «Слово о полку Игореве». То, что он отождествил своего Игоря Игоревича с неизвестным (вероятно, просто придуманным для этого случая) сыном Игоря Святославича, говорит лишь о популярности «Слова» в XIII или XIV веках. Поэтому автором рязанской повести, вероятно, и был брянский боярин Софоний Рязанец, который получил свое прозвище за то, что описал разгром Рязани Батыем, подвиг Евпатия Коловрата и восстановление Рязани, то есть первым на всю Русь внятно произнес, что и с татарами можно (и нужно) биться.

Рязанская повесть — недостающее звено между «Словом» и «Задонщиной».

Четвертое свидетельство

В 1813 году историк К. Ф. Калайдович открыл приписку в Псковском Апостоле 1307 года, сделанную священником Домидом (ГИМ. Синодальное собрание. № 722). После слов *сего же лета бысть бои на Русьской земли: Михаил с Юрьем о княженъе Новгородское* следует столь нам знакомое: *При сихъ князехъ сеяшеться и ростяше усобицами гыняше жизнь наша въ князехъ которы и веци скоротишася чело-векомъ*. Сравним по изданию 1800 года: *Тогда при Олзъ Гориславличи стьяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци челоувкомъ скратишась*.

Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин считают что фрагмент какого-то источника XI века дошел без правки в записи на Апостоле и подвергся переработке под пером автора «Слова». Однако в XI веке княжеские крамолы воспринимались лишь как досадное отступление от нормы. Боян осуждал Всеслава Полоцкого (осудил бы и Олега Гориславича, когда бы дожил до 1078 года), но до обобщения «в князях распри, и жизни людские укоротились» было еще далеко. А поскольку оба текста созданы на основании событий и «замышлений» XII столетия, они вряд ли могут принадлежать автору XI века.

Увы, это рассуждение слишком умозрительно, чтобы иметь силу доказательства. Попробуем зайти со стороны поэтики. Итак, считается, что языковые формы в записи на Апостоле архаичней соответствующих форм в «Слове», а, значит, Домид имел в распоряжении более древний экземпляр «Слова», в котором Даждьбога не было.

Но это у автора «Слова» Игорь — внук Трояна (так следует из синтаксической конструкции), Боян — внук Велеса, ветры — внуки Стрибога, а Даждьбожий внук назван не один, а даже два раза. И если

внук Дажьбога — весь русский народ³⁴ (включая и полочан, которые не ходили с Вещим Олегом на Царьград и не прозывались в Киеве *Русью*), то ясно, зачем в данном случае понадобилось поэту обращение к древней мифологии: другого понятия, которое объединило бы и «Русскую землю», и «жизнь Всеславу» (Полоцкую землю), в конце XII века в языке просто не существовало.

Если бы Автор выкроил полноценный образ *въ княжахъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ съкратишася* из заемной прозаической ткани, ему было бы весьма непросто столь удачно вписать в этот контекст *Дажьбожа внука*. И потому перед нами не вставка, а органичный элемент поэтики «Слова», восходящий, надо думать, к наследию Бояна.

Да, у Домида был «более исправный» список «Слова» (XIII или даже XII века), чем дошедший до нас. Но, цитируя, Домид решил избавиться от поминания языческого бога и сам заговорил в рифму: *гъняше жизнь наша*. А потом справился со стиховым притяжением и дописал честной прозой: *въ князехъ которы и вѣщи скоротишася челоувѣкомъ*.

Язык церковного переписчика может быть архаичней стихов поэта, пусть и жившего на столетие раньше. Это демонстрирует и словоформа *русьскои*, употребленная Домидом еще до цитаты, а ведь к его времени с ерами не говорили уже более полутора веков. Но полагаю, что и в «Слове» сознательно сохранялась эта старинная норма: не *русьская* (реконструкция А. В. Дыбо), но: *о руС/Е/Ская земля уЖЕ за ШЕломенемъ еСИ СЕ въТРИ сТРИбожи вѣнуци...*

³⁴ Так понял Н. Ф. Грамматин, так позже читали М. А. Максимович, Д. С. Лихачев, Вяч. Всев. Иванов, В. Н. Топоров и многие другие. Однако автор статьи о Дажьбоге в *ЭСПИ* (Т. 2. С. 81) Л. В. Соколова вслед за С. А. Геденовым, Вс. Ф. Миллером, а также М. Н. Тихомировым присоединилась к точке зрения автора работ по генеалогии Н. Г. Головина: «Наиболее удачной гипотезой является, вероятно, та, согласно которой “Дажьбожьем внуком”, то есть потомком солнечного бога, назван в “Слове” княжеский род Рюриковичей, русских князей. Эта гипотеза соответствует языческим представлениям». Во-первых, Автор совсем не язычник, во-вторых, достаточно лишь продолжить цитату из «Слова» (в переводе): «Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны кричали, трупы деля...» Еще одно упоминание Дажьбога в «Слове» звучит так: *въстала обида въ силахъ Дажьбожа вѣнука вѣступила дѣвою на землю Трояню...* Никаких объединенных «сил Рюриковичей» в XII веке не было (уже сто лет как каждый князь сам по себе). И не Рюриковичам, а всей Русской земле несет страдание дева Обида. В-третьих, если бы Головин был прав, то и Игорь в «Слове» должен быть «внуком Дажьбога», а он «внук Трояна» (на что и указала лингвист А. В. Дыбо).

Упоминание языческих богов в поэтическом тексте конца XII века, столь шокировавшее в свое время Луи Леже, нас смущать не должно. Именно в это время и скандинавские скальды вновь начинают поминать Одина и Тора. Христианство победило, и древние боги из идеологических противников превратились в поэтические образы.

Пятое свидетельство

В. Н. Перетц обнаружил цитату из «Слова» у Даниила Заточника в списке, с которым работал И. И. Срезневский (список, увы, утрачен): *Поведаху ми, яко тои ести суд Божий надо мною, и суда де Божия ни хитру уму ни горазду не минути* (ЭСПИ. Т. 4. С. 84). Вспомним однако: *Ни хытру, ни горазду, ни пѣтицю горазду, суда Божия не минути...*

А в середине XX века женеvский историк А. В. Соловьев заметил, что тот же Даниил Заточник пародирует фразу *Ты бо можеши Вѣлгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти*. И пародирует блистательно: *Ни моря уполовником вылияти, ни чашею бо моря расчерпати*³⁵ (ЭСПИ. Т. 1. С. 255).

Цитировать можно любой текст (и известный каждому, и никому не известный), но пародисты всегда предпочитали знаменитые творения знаменитых авторов.

Шестое свидетельство

Б. А. Рыбаков считал, что повесть о походе Игоря в Ипатьевской летописи создана в 1185 году в Киеве и около 1190 года отредактирована в Галиче. Историк отмечает уникальность ее заголовка:

Нигде ни один летописец не величал живого князя сверх отчества еще и именем деда. Этот необычный по своей торжественности заголовок, совершенно не соответствующий заслугам Игоря в описываемом походе, получит очень простое и убедительное объяснение, если допустить, что летописец-редактор был уже знаком со «Словом о полку Игореве»³⁶.

Рассказ о последнем подвиге Владимира Глебовича Переяславского подтверждает правоту историка.

При осаде Кончаком Переяславля князь Владимир Глебович был во время вылазки тяжело ранен сразу тремя копьями. Но дружина князя отбила. Повествуя об этом, летописец говорит, что Владимир Глебович *бѣше князь в Переяславль*, и уязвлен был *язвами смертьными* (Ипат. Стб. 646 и 647). Он умер 18 апреля 1187 года. Прошедшее время глагола (*бѣше князь* — был князь) и провидческое знание летописца (меж тем князь умрет не в постели, а в новом походе) говорят о том, что рассказ о кампании 1185 года если не писался, то редактировался после смерти Владимира.

³⁵ Здесь откликается еще и сон Святослава: *Чърпахуть ми синее вино съ трудомъ съмѣшено...*

³⁶ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 194.

В «Слове» же о Владимире говорится как о тяжело раненом: он «кричит под ранами», ему — *туга и тоска*. Но не «вечная память». Следовательно, поэма написана до мая 1187 года, и летописные параллели надо признать заимствованиями из нее.

Б. А. Рыбаков приводит три переклички «Слова» с летописью, однако их около тридцати (это показал А. А. Зимин). Или оба древних автора цитируют один источник, или один воспользовался текстом другого. (Но совпадение последовательности трех десятков параллелей делает первое предположение маловероятным.) Чтобы не утомлять читателя, приведу лишь наиболее яркие примеры:

ИПАТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

1. Игорьъ жь възрѣвъ на небо и видѣ солнце... и рече бояромъ своимъ и дружинѣ свои...

2. ...и жда два дни брата своего Всеволода тотъ бя шель инемъ путемъ ис Курьска...

3. ...заутра же пятъку... усрѣтоша полкы Половѣцкыѣ...

4. ...в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю. На рѣцѣ Каялы...

5. Святославъ же то слышавъ и вельми воздохнувъ утеръ слезъ своихъ и рече: «О любя моя братья, и сыновѣ, и мужѣ землѣ Рускоѣ. Дал ми Богъ притомити поганья но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю... да како жаль ми бяшетъ на Игоря тако нынѣ жалую болми по Игорѣ братѣ моемъ...»

6. Молвяшетъ бо Кончакъ... а Кза молвяшетъ...

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое сълньце и видѣ отъ него тьмою всѣ своѣ воѣ прикрыты и рече Игорьъ къ дружинѣ свои: «Братие и дружино...»

Игорь жьдетъ мила брата Всеволода... а мои ти готови осѣдлани у Курьска на переди... пути имъ вѣдоми...

Съ зарания въ пятъкъ потопѣташа поганыѣ пълкы половецкыѣ...

...и Жьля поскочи... жены руськыѣ въсплакашася ...на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла... а мы уже дружина жадни веселия...

Тогда великыи Святъславъ изрони злато слово съ слезами сѣмѣшено и рече: «О моя сыновчя Игорю и Всеволоде, рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити а собѣ славы искати...»; загородите Полю ворота...

Ранее в тексте: жаль бо ему мила брата Всеволода...

мълвить Гѣза къ Коньчакови... рече Коньчакъ ко Гѣзѣ... и рекъ Гѣзакъ къ Коньчакови...

Седьмое свидетельство

Это открытые Н. К. Гудзием в «Сказании о Мамаевом побоище» десять уникальных параллелей к «Слову». (Однако ограничимся ссылкой на статью Л. А. Дмитриева в *ЭСПИ* (Т. 4. С. 301).

(Два свидетельства безымянных древнерусских поэтов о подлинности «Слова» читатель найдет на с. 98 и 102.)

ПОКЛОН ОТ СТАРЦА ЕФРОСИНА

В 1814 году Е. А. Болховитинов писал К. Ф. Калайдовичу, что «Слово» должно быть написано в конце XIV или в XV столетии, «когда воображение и дух россиян уже ободрился от успехов над татарами»³⁷. Взглянув на дату письма, можно понять, почему будущий киевский митрополит это написал. Аргументация же была такой: Боян, названный «соловьем старого времени», в конце поэмы поет припевку Игорю. Значит, «Слово» не принадлежит XII веку.

Развивая наивное это соображение, воронежский преподаватель А. М. Ломов с пафосом объявляет, что «все выдающиеся произведения национальной литературы создавались эпохи полной консолидации национальных сил», а в 1185 году «русскому народу было явно не до изящной словесности»³⁸. (От комментариев воздержимся.)

Петербургский историк М. А. Шibaев пришел к выводу, что начальный текст «Задонщины» был создан в Кирилло-Белозерском монастыре между серединой XV века и 1474 годом³⁹ и привел семь параллелей, которые, по его мнению, говорят о приоритете «Задонщины». Пять из них убедительно отведены А. Г. Бобровым⁴⁰. Но, считая, что «Задонщина» в отношении «Слова» вторична, Бобров все же допускает, что две параллели говорят о *записи* «Слова» в XV веке. Однако ссылка на захоронение великого князя Изяслава в Киевской Софии (а не в Десятинной церкви, как в «Повести временных лет») свидетельствует лишь о чтении поэтом новгородских летописей да о том, что автор «Слова» не киевлянин (или не коренной киевлянин).

³⁷ Дмитриев Л. А. Болховитинов // *ЭСПИ*. Т. 1. С. 136–139.

³⁸ Ломов А. М. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Диалог Софония старца // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1: Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 42–44.

³⁹ Шibaев М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 29–57.

⁴⁰ Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // *Acta Slavica Iaponica*. Sapporo, 2005. V. 22. P. 238–298.

Остается один аргумент — фраза Новгородской первой летописи: *Новгородци же стаха в лице железному полку противу великою свиньи* (1268 год). Но совпадение эпитета в этом рассказе о немецком строе и в гиперболе «Слова» («железные великие полки половецкие») доказывает лишь то, что Автор предпочитает парадоксальные метафоры: речь о легких всадниках, но степняков так много, что сам их строй становится железным. (О выворачивании в «Слове» летописных клише писал Д. С. Лихачев. См. сноску на с. 213.) Да и сам эпитет не уникален: «Железная рать — название войска в железных доспехах в старинных русских летописях» (Словарь Брокгауза и Ефрона).

В том-то и состоит работа поэта со словом, та работа с обычными, казалась бы, словами, о которой в XX веке Давид Самойлов сказал: «...Они понятны лишь сперва, /Потом значенья их туманны. /Их протирают, как стекло, /И в этом наше ремесло».

В «Слове» железными полками подpiraет Карпаты Ярослав Осмомысл, а Святослав Киевский *лжу* <...> *грозою бяшетъ при-трепеталъ своими сильными полкъы и харалужьными мечи*. Но и это метафоры, рожденные из вывернутых наизнанку клише, ведь при скандировании *полкъы* звучит почти как *палки*. Ярослав подpiraет горы железными полками (словно клюками), как будто горы без этого не устоят, а Святослав сильными полками да харалужными мечами, прибывает *лжу* грозой (то есть, полками, как молниями).

Р. П. Дмитриева показала, что Кирилло-Белозерский список «Задонщины» составлен иноком Ефросином. (У этого книжника, как отмечал Д. С. Лихачев, весьма узнаваемая манера правки текста.)

А. Г. Бобров, следуя за М. А. Шибяевым, делает вывод, что «Задонщину» написал (а не переписал) Ефросин Белозерский и он же записал бытовавшее в дружинной среде «Слово о полку Игореве», то есть стал автором «Слова» как *литературного произведения*.

Исследователь отмечает «значительное количество индивидуальных совпадений» текста Ефросина с текстом «Слова», однако в других версиях «Задонщины» индивидуальных совпадений не меньше. Можно допустить, что авторы этих списков пользовались некоей полной версией Ефросина, но текстологически это не подтверждается:

1) Невероятно, чтобы Ефросин, якобы уже записавший «Слово», в «Задонщине» вместо *под трубами повити* поставил *под трубами поють* (а далее две строки точно по «Слову») и вместо *хинови* написал *хинела*. (В других списках многократно *хинова* и *хиновские*.)

2) Описка (перенесение слога *го* на строку выше) *въщаго го* (!) *Бояна в городъ Киевъ гораздо*<*го*> (!) *гудца* и еще два явных пропуска в двух смежных фразах, показывают, что копируется чужой текст.

Вот и гипотеза о том, что Ефросин записал «Слово» со слуха, опровергается исследованием А. А. Зализняка: если б «Слово» три века бытовало в устном виде, оно утратило те языковые особенности, которые характерны лишь для XII—XIII столетий. (Статья А. Г. Боброва была сдана в печать до выхода книги А. А. Зализняка, хотя и появилась на год позднее.) Однако сделанное А. Г. Бобровым отождествление Ефросина с князем Иваном Дмитриевичем Шемякиным — весьма убедительная многоуровневая атрибуция.

Иван Дмитриевич — правнук Дмитрия Донского, единственный сын Дмитрия Шемяки, отравленного в 1453 году по наущению Василия Темного. Это последний великий князь той ветви Рюриковичей, которая потерпела поражение в феодальной войне XV века.

Но по сути война длилась четыре века, и Иван Дмитриевич (не позже 1437 — после февраля 1500) — последний из проигравших ее.

Он родился в Угличе. Осенью 1448 года его с матерью приняли новгородцы, и шесть лет изгнанники прожили в Юрьевом монастыре.

Иван хранит вывезенный его отцом великокняжеский архив, за которым многие годы охотятся москвичи (в результате архив исчезает).

В 1454 году псковичи направили Ивана Дмитриевича к великому князю литовскому и королю польскому Казимиру. Но в это время тот начал многолетнюю войну с Тевтонским орденом. Упования новгородцев и псковичей на союз с Казимиром и противостояние Москве под стягом великого князя Ивана Дмитриевича в одночасье рухнули.

В 1456 году Василий Темный идет на Новгород, и мать Ивана великая княгиня Софья бежит к сыну в западнорусский город Оболчи. Через два года новгородцы заключают с Василием Яжелбицкий мирный договор, обязуясь не принимать Ивана Дмитриевича.

Видимо, в тот же год он становится новгород-северским князем. В 1463 году новгородцы вновь вспоминают о князе Иване, но он на их призыв отвечает, как пишет А. Г. Бобров, «уклончиво». При этом самая ранняя переписанная Ефросином рукопись (не что-то, а Апокалипсис) относится как раз к июлю 1463 года. С этого времени со страниц летописей Иван Дмитриевич исчезает. Однако по Коростынскому мирному договору 1471 года он вновь упоминается в числе тех князей, которых новгородцы не должны пускать в город. А это значит, что князь жив.

Его отца отравили, когда тот отверг пострижение. Ефросин/Иван это знает. Его волнует «тема князя-инока», но из всех житий православных святых он, как заметил А. Г. Бобров, переписал лишь жития двух добровольно принявших постриг русских князей.

А. Г. Бобров предположил, что свой список «Задонщины» Ефросин запечатывает своим именем: *То ти, брате, не стукъ стучить и громъ*

гремять в славнь городъ Москвь <...> стучить силная рать великаго князя ИВАНА ДМИТРИЕВИЧА. (Вместо Дмитрия Ивановича!)

Согласимся: это не описка, а подпись. По контексту сфрагиды Ивана Дмитриевича видно, что в 1474 году сорокалетний инок не оставил надежду скинуть рясу и стать великим князем *в славнь городъ Москвь*: у Ефросина Дмитрий Донской называет братьев «гнездом *ИВАНА Данильевича*», предка Ивана III и Ивана Дмитриевича, мелькает некий *ИВАН Сано*, а Федосия (здесь вдова *ИВАНА Белозерского* — !), плачет: *Уже наша слава пониче в славнь городъ Москвь*.

В других списках вдовы оплакивают не славу, а мужей: *Уже нам солнце померкло во славномъ граде Москве*, а само имя Иван звучит лишь раз (в Синодальном списке вскользь упомянут тот же Иван Калита).

Список «Слова» принято датировать рубежом XV—XVI веков (*ЭСПИ*. Т. 3. С. 370), и выросший в Новгороде, а живший Оболчах князь как нельзя лучше подходит на роль «псковско-новгородского» переписчика. К тому же Ефросин, как показывает А. Г. Бобров, — ценитель восточных и «баснословных» повестей, но они и заключали белозерский «Хронограф». Если древнейшая часть мусин-пушкинского конволюта составлена (после 1474 года) Иваном Дмитриевичем, понятно, почему в «Слове» уцелели языческие реминисценции, и пласт брянской лексики (см. с. 201). Великий князь даже в постриге оставался князем-диссидентом, и вспомним, что одно время он был новгород-северским князем (смежная с Брянщиной территория). Изучение рукописного наследия Ефросина позволит окончательно ответить на вопрос, действительно ли «Слово» переписал этот книжник.

Напомню лишь, что инока Ефросина как автора летописной анти-московской истории России XV века открыл в 1960-х Я. С. Лурье.

ВРЕМЕНА НАВЫВОРОТ

В. П. Адрианова-Перетц, говоря о синтезе в «Слове» литературной и фольклорной традиций, ссылается на Изборник Святослава 1073 года, где есть статья «Об образех» (лл. 237 об.—240 об.)⁴¹.

Ее автор Георгий Херобоск, византийский филолог, живший на рубеже IV—V веков, из «творческих образов» на первое место ставит аллегория (*инословие*). Далее идут метафора (*перевод*), олицетворение (*лицетворение*), гипербола (*лихоречье*)...

На одной из метафор «Слова» стоит задержаться.

⁴¹ *Адрианова-Перетц*. С. 27–28; 37.

Во второй половине XI века что-то случилось с временем.

Закончились «лета Ярославовы», и по Руси огнем прокатились «крамолы» Всеслава Полоцкого и «полки Олеговы». Государство, с таким трудом удержанное Ярославом Мудрым, фактически распалось. Брат пошел на брата, над пожарищами повеяло духом библейских пророчеств.

В «Слове» сказано: *Наниче ся години обратиша*. Можно перевести: «навзничь времена упали». Но еще Н. С. Тихонравов цитировал «Лексикон триязычный» Ф. П. Поликарпова (1704 год): *наничь одежду одевати* — надевать одежду наизнанку⁴², а Д. С. Лихачев писал:

В «Слове» *наничный* мир противостоит некоему идеальному: <...> старый молодеет, сокол не дает своего гнезда в обиду. И вот весь этот мир *наниче* обратился⁴³.

Итак, *наизнанку времена обратились*.

Вспомним мнимое сумасшествие Гамлета и знаменитую фразу датского принца: «The time is out of joint» (Век вывихнулся). Русский вариант оказывается *куда кромешной*: вывих можно вправить, но если победы обернулись бедами, а гибель, как в детской страшилке, исходит от родной матери, современнику остается лишь молиться.

Как показывает Д. С. Лихачев, идея антимира и изнанки времен хорошо известна фольклору. Продолжим цитату:

Весьма возможно, что загадочное «инишное царство» в былине «Вавило и скоморохи» — это тоже вывернутый наизнанку, перевернутый мир — мир зла и нереальностей. Намеки на это есть в том, что во главе «инишного царства» стоят царь Собака, сын его Перегуд, зять его Пересвет, его дочь Перекраса. «Инишное царство» сгорает от искры скоморохов «с краю и до краю».

Применительно к «Слову» это наблюдение нуждается в развитии.

Игорь Святославич вышел в поход против половцев в день памяти своего небесного покровителя Георгия Победоносца. Святой Георгий освободил город от змея, запиравшего хвостом источник, и для этого копье ему не понадобилось. Согласно древнейшим изводам жития, Георгий усмиряет змея не железом, а Божьим словом. Игорь же, вознамерившись «преломить копье о край Поля Половецкого» и «испить шлемом Дона», и впрямь переломил копье и отведаль «кровавого вина», угостив им своего свата Кончака и до смерти упоив собственную дружину. А коня загнал, когда бежал из плена.

⁴² СССПИ. Вып. 3. Л., 1969. С. 139.

⁴³ Смех. С. 20.

Святого Георгия на Руси называли Егорием Храбрым. Но дважды автор «Слова» произносит формулу *А Игорева храбраго полку не крьсити* (А Игорева храброго полку не воскресить). Мало того, что на слух выражение *Игорева храбраго...* звучит здесь почти как *Егорева храбраго...*, так еще и контекст употребления этой формулы отсылает нас к сюжету «Чуда Георгия о змие», ведь сказано, что сам Дон кличет русских князей освободить его. (Вспомним, что святой Георгий освободил не только царскую дочь, но и тот источник, который дракон запырал своим хвостом.) И это после того, как для Игоря «померк свет солнца», а кочевники поделили русские города по рекам Суле и Роси (образ кочевника ассоциировался со змеем, и летопись упоминает о «змеиных головах куманских»), Карна и Желя (Печаль и Скорбь, или даже Вопись и Стон) попкакали по Русской земле.

Тема Игорь — Анти-Георгий продолжится и дальше: Георгий спас от гибели царскую дочь Елисаву, принесенную в жертву змею, а в «Слове» дочь государя Осмомысла Ярослав Галицкого одним своим плачем на опаленных стенах Путивля освобождает князя из плена.

И только после покаяния Игоря у Святой Пирогощей Богородицы изнаночный мир будет повержен, а лицевой восстановлен.

В изнаночном мире Игорь и Всеволод кинули вызов не только феодальному главе Руси Святославу Киевскому, но и самому Солнцу: «Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: “Один брат, один свет светлый, — ты, Игорь, а оба мы — Святославичи!..”» Переведем с поэтического на прозаический: Солнце насылает на нас тьму, но для меня есть один свет — светлый ты, Игорь, а мы оба — Святославичи.

Небесный ответ на этот вызов — солнечное затмение, которое на берегу Северского Донца тьмой накрывает полки Игоря.

В своем монологе Всеволод опирается на две весьма прозрачные реминисценции: 1) крестителя Руси Владимира Святославича называли Владимиром Красное Солнышко (полагаю, прозвище появилось потому, что он первым на Руси стал чеканить золотую монету, да еще и со своим на ней изображением); 2) во время литургии священник произносит формулу приглашения к причастию: *Святая святым!*, и в ответ хор общины поет: *Един свят, Един Господь Иисус Христос...*

Пародийным парафразом этого и звучат начальные слова монолога Всеволода: *Одинъ братъ, одинъ свѣтъ-свѣтлыи ты, Игорю! Оба есѣтъ — Святъславича!* (И вероятно, не случайно формула священника и формула хора здесь поменяны местами, то есть тоже вывернуты наизнанку.) Не только выше Солнца, но и выше Христа в ратной своей гордыне ставит Всеволод брата (да и самого себя).

Д. С. Лихачев, однажды обронивший в интервью ярославскому поэту Юлиану Надеждину, что «Слово о полку Игореве» написано в жанре «антиславы», высказывает такое соображение:

В балагурстве значительную роль играет рифма. Рифма провоцирует сопоставление разных слов, «оглупляет» и «обнажает» слово. <...> Рифма объединяет разные значения внешним сходством, оглупляет явления, делает схожим несхожее, лишает явления индивидуальности, снимает серьезность рассказываемого, делает смешным даже голод, наготу, босоту. Рифма подчеркивает, что перед нами небылица, шутка. Монахи в «Калаязинской челобитной» жалуются, что у них «репка да хрен, да чашник старец Ефрем». Ефрем — явно небылица, пустословие⁴⁴.

«Слово о полку Игореве» показывает, что смех с плачем произрастают из одного корня, но рифма не есть знак одного лишь балагурства.

Поэт пишет, что перед битвой с моря, желая «прикрыть четыре солнца» (четырёх русских князей, участников похода), идут черные тучи, а в третий день Каяльского побоища «два солнца (Игорь и Всеволод) померкнут...» и еще два (пятнадцатилетний Владимир Игоревич и восемнадцатилетний Святослав Ольгович) так и не успеют взойти, погаснут неразгоревшимися «багряными столбами».

И когда зачинатель усобиц Олег Святославич превращается у Автора в Олега Гориславича, балагурства тут нет (а рифма есть).

Рифму современное литературоведение устойчиво путает с рифмовкой — звуковым повтором, закрепленным в вертикальной структуре стихотворения на определенном месте (в конце, середине или начале строки). Но рифмовка — это принцип употребления рифмы в стихах, а сама рифма — типологически нечто совсем иное, не имеющее прямого отношения к предмету литературоведения. Рифма — не элемент структуры текста, а особый психоэстетический феномен⁴⁵.

Рифма есть метаморфоза образа при сходстве звучания.

Это не звуковой повтор, а магическое наследие колдунов, шаманов и волхвов, ведь зарифмовать человека — обратить его в то, с чем

⁴⁴ Смех. С. 21. (Однако не могу согласиться с Д. С. Лихачевым по поводу Ефрема. Это, конечно, пустословие, но отнюдь не небылица: для того чтобы угодить в пародию, чашник Ефрем должен был существовать реально. Иначе шутка не была бы смешной.)

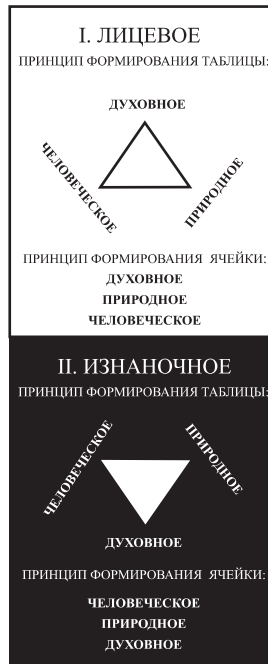
⁴⁵ По этому поводу в 5-й книжке журнала «Литературная учеба» за 1978 год моей заметкой «Штрихи к двум портретам рифмы» была открыта полемика, в которой приняли участие Давид Самойлов, Михаил Гаспаров, Юрий Минералов и Дмитрий Лихачев (№ 5, 6).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

он рифмуется. Эта традиция и сегодня живет в детских дразнилках (точней — *обратилках*). Так и у автора «Слова» во время побега Игорь превращается по созвучию в горностая и в гоголя («а ИГОРЬ к̑нязь по-скочИ ГОРЬностаемь к̑ тростию...»), а ОВЛур в ВОЛка⁴⁶.

Для поэтического (как и для мифологического) сознания что с чем рифмуется, то и связано причинно-следственной зависимостью. Отношение к рифме как к инструменту исследования у поэта XII века столь серьезно, что, видимо, не желая напророчить новые беды от вернувшегося из плена Игоря, он нигде не употребляет слова «горе». Слово он знает (оно звучит в отчестве Игорева деда — Олег Гориславич), но предпочитает пользоваться синонимами: туга, тоска, напасть, печаль, жалобá (стенание), плач, уныние, страдание, беды, нужда (притеснение).

Рифма связана не только с двоичным кодом (в том числе добра и зла), но и с выработанным человечеством еще в дохристианские времена троичным членением сущего. Это можно показать на триадах лицевого и изнаночного мира. Зададим два условия:

⁴⁶ В XII веке редуцированные звуки *ѣ* и *ѥ* в живой речи были утрачены, но сохранялась традиция их произнесения в стихотворных текстах (*ѣ* как *о* и *ѥ* как *е*).

ЛИЦЕВОЕ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

1					
2			Бог;		
3			Святая София;		
			Святая Богородица		
4			Слово;	Солнце;	
5			Ум;	Свет;	
6			Внутренний мир (сердце)	Тепло	
7					
8		Слава;	Величие;	Высота;	
9		Хвала;	Сила;	Широта;	
		Честь	Власть	Чистота	
10	Дух;	Мужество;	Доблесть (бусть);	Достояние (жизнь);	
11	Вещий Дар;	Внутр. сила (крепость);	Здоровье;	Обилие (жир);	
12	Душа	Храбрость	Удаль	Богатство	
13	Христианство;	Сычай и обычай;	Любовь;	Веселье;	Добро (болого);
14	Воскрешение;	Жизнь по обычаю (воля);	Ласка и нега;	Красота;	Жизнь (жизнот);
15	Человек	Защита и помощь	Жалость и умиление	Радость	Доля (жеребий)

- 15	Идол (болван);	Отказ в помощи (непосobie);	Проклятие (каиние);	Стенание (жалоба), жалобы (жалози);	Удача волшебной (вазь);
- 14	Убийство, ад (дебрьски сани);	Притеснение (пужда);	Страсть (жасалость);	Воспаление (смаза, жестоций);	Гибель;
- 13	Язычество (поганый)	Рознь и разлучение, неправда (лжа)	Ненависть (нелюбие)	Кручина (туга), печаль, уныние, страдание, тоска, скорбь, беды	Зло
- 12	Труп;	Лютость;	Насилие;	Развеивание и расхищение;	
- 11	Хитрость (клоука);	Тягость;	Рана, недуг (труд);	Кровавые жатва и шир;	
- 10	Искушение (лохоть)	Месть	Ярость (буйство)	Напасти	
- 9		Нечестие; Позор (хула);	Распря и мятеж (крамала, котара);	Муть, пыль, грязь; Плен, рабство;	
- 8		Похвальба (слава) и горислава	Немощь (пустыня);	Дно	
- 7			Малое, худое, тощее		
- 6			Незнаемое;	Озноб (студеная роса);	
- 5			Ущербное и оскверненное	Угасание, тьма;	
- 4			(верженое); Стоп, плач	Жар и жажда, лихорадка (смага)	
- 3			Дева Обида;		
- 2			Див (сордыня);		
- 1			Бес		

ИЗНАНОЧНОЕ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Обработав смысловое поле текста «треугольно-гнездовым способом» так, чтобы каждый элемент системы нашел место и в пространстве поля, и в троичной иерархии своей ячейки, мы получим *ценностную матрицу*. Детали ее могут варьироваться, но отсутствие или наличие в матрице лакун — надежный способ проверки цельности и культурной самодостаточности художественного произведения.

Оказывается, что «Слово о полку Игореве» успешно проходит такую проверку. Нетрудно заметить, что *лицевое* (верхняя часть матрицы) не только жестко структурировано, но и иерархично: в рамках ячейки три ее элемента каждый раз образуют шеллинговскую триаду (теза–антитеза–синтез), и в любом направлении по координатам самого поля мы получим цепочки диалектических триад.

К примеру, синтез *жалости* и *ласки* — *любовь*, но *ласка* плюс *любовь* — *власть*, а *любовь* и *власть* — *сила*. Если из той же точки двигаться в сторону соединения Духовного — Человеческого, то *любовь* и *мужество* ведут к *славе* и т. д.

Это значит, что мы имеем дело, во-первых, с органичной системой мировоззренческих реалий, во-вторых, с произведением, дошедшим до нас без глубокой позднейшей редактурой.

Можно заметить, что христианские категории оказались сгруппированы на той стороне треугольника, где одной вершиной является Духовное, а другой — Человеческое. Христианство, перестроив порядок первичного расположения элементов начальной матрицы, переосмыслило значение и место каждого элемента архаического мирознания, но каркас начальной структуры все же сохранился и потому может быть реконструирован. Понятия *ум*, «*сердце*», *слава*, *хвала*, *честь*, *вещий дар* были встроены и в архаическую матрицу, к категориям которой относился и весь спектр Природных и большая часть Человеческих сущностей.

В архаической матрице духовной вершиной было Солнце (Хорс). Потому-то ему и кидают вызов отправляющиеся в Поле Игорь и Всеволод Святославичи, а князь-оборотень Всеслав Полоцкий волком перебегает ему путь, в одну ночь совершив прыжок из Киева до Тмуторокани (то есть с севера на юг, наперерез идущему с востока солнцу).

Собственно христианских понятий оказывается девять (8 + 1). В лицевой верхней части матрицы: *Бог (Христос)*, *Святая София (Премудрость Божья)*, *Святая Богородица*, *Слово*, *дух*, *душа*, *воскрешение*, *христианство*. На дне изнаночной части — *бес*.

Изнаночные категории (и Природные, и Духовные, и Человеческие) — тень лицевой структуры, некий опрокинутый и отраженный в бездне колеблемый мираж: Богу соответствует бес, а Богородице

дева Обида и т. д. Но из этого вовсе не следует, что изнаночные категории не образуют собственной структуры. Хотя эта часть матрицы полна нюансов и синонимических понятий (вспомним: счастливые семьи счастливы одинаково, а каждая несчастная несчастна по-своему), принцип диалектической триадности в ней также работает.

Но если в центре лицевого треугольника находится *сила*, то в центре сердце «инешнего царства» — *немошь* («пустыня»).

Вырываясь из темных недр на дневную поверхность бытия, немошь способна подчинить себе силу, если в той есть некий нравственный дефект. О чем, собственно, и говорит автор «Слова»: «Уже немошь силу прикрыла». После этого в тексте и возникает образ шествующей по Русской земле Девы Обиды. В зеркале лицевого и изнаночного это не просто «обида», но анти-Богородица.

Изнаночное время «Слова о полку Игореве» — агония Киевской Руси. И потому столь ценяемая советскими литературоведами цитата из письма Карла Маркса («Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ») не столь плоска, сколь истаскана публичной к ней любовью⁴⁷.

Перевертыш времени передается через рифменный перевертыш:

и половци сулицы своѣ повьргоша —
по рьси и по суль гради подѣлиша

Когда эпоха кончается, поэт мало что может поправить.

Но великий поэт лучше профессиональных политиков и профессиональных идеологов видит и само грядущее, и его необратимость. Мобилизуя резонансы доступных ему смыслов, лирический поэт становится пророком.

В «Слове» есть такое выражение *уши закладаше*. Это и *об ушах* (пазах) городских ворот, которые утром, ожидая нападения, бревном закладывал Владимир Мономах, и, поскольку речь идет о звоне распрей, выкованных мечом Олега Гориславича, об ушах как об органе слуха.

Уши уклоняя от зла слышания, — читаем в «Изборнике» Святослава 1076 года.

⁴⁷ Как показал чешский славист Славомир Вольтман, Маркс всего лишь пересказывает мысль французского слависта Ф. Г. Эйххофа, о книге которого «История славянского языка и литературы» (1839) он писал Энгельсу 5 марта 1856 года. Однако то же самое говорил о «Слове» в 1841 году в двух прочитанных им в Париже публичных лекциях Адам Мицкевич. А на самого Мицкевича повлияли лекции профессора И. И. Чернявского и взгляды декабристов и Пушкина, с которыми Чернявский общался во время своей ссылки (*ЭСПи*. Т. 1. С. 230; Т. 3. С. 222). Итак, можно сказать, что написано *Маркс*, а читать следует *Рылеев* и *Пушкин*.

Поэт не может ни уклонить слух, ни заткнуть уши, поскольку, как заметил Иосиф Бродский, он — инструмент языка. А богатство языка и глубина исторической памяти тесно взаимосвязаны.

Автор «Слова» помнит и о «веках Трояна», однако, сравнивая современных ему князей с их дедами, ограничивает повествование двумя последними столетиями («от старого Владимира до нынешняго Игоря»). Значит, у него на слуху поэмы Бояна, который, если верить «Задонщине», в XI веке сравнивал своих современников с «первым князем Рюриком и Игорем Рюриковичем».

Былины Бояна до нас не дошли, и нам ничего не остается, как попытаться вообразить тот древний историко-мифологический (для поэта XII века — поэтический) код, на основе которого перед самым падением Киевской Руси создавалось «Слово о полку Игореве».

В 1114 году престарелый Нестор, чтобы ответить на вопрос, откуда пошла Земля Русская, отправляется в Ладогу. Последуем за ним.

ПЕРУН И ВЕЛЕС. СТАРОЛАДОЖСКИЙ СЮЖЕТ

Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров реконструировали «основной миф», лежащий в фундаменте культур многих народов, в том числе и индоевропейских (см. их работу: «Исследования в области славянских древностей», М., 1974.). Согласно этому мифу бог неба раз в год поражает огненной стрелой выползшего на камень змееподобного бога земли. И начинается очистительный дождь. У скандинавов громовержец Тор бьется с мировым змеем, который хвостом обнимает все земные материки, у славян в роли Тора Перун, а имя его противника, видимо, — Велес (Волос). «Скотным богом» (богом скота и богатства) Волосом клянутся при заключении договоров с греками Олеговы дружинники в 907-м и воины Святослава в 971-м.

Но в «Повести временных лет» Велес отсутствует.

Т. А. Бернштам объяснила разницу между Велесом и Волосом:

Велеса через его прибалтийские «водные» корни можно более соотнести с северо-западными (приморскими и озерными) землями к водным культам... Волос <...> является персонификацией лесного культа <...> поскольку имя Волос приписывается и архаическому «хозяину» поволжских лесов в обличье медведя (так называемый «медвежий культ»), и более позднему идолу и злему духу лесных пастбищ Ростово-Ярославского края⁴⁸.

⁴⁸ Бернштам Т. А. «Слово» об оппозиции Перун–Велес/Волос и скотных богах Руси // Канун. Вып. 2. СПб., 1996. С. 104–105.

Если Волос ассоциировался с медведем, то Велес со змеем (а, значит, и с библейским змием). Имя Велеса мелькает лишь в одном из списков «Хождения Богородицы по мукам» (XII–XIII вв.), где сказано, что язычники *Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша*, да еще в «Житии Авраамия Ростовского» говорится, что старец разрушил в Ростове каменный идол Велеса. Как сообщил мне С. Л. Николаев, та же картина и в финно-угорских языках: у коми «гондыр» — многоголовое чудовище, дракон, змей, а удмуртское «гондыр» — медведь.

В «Слове» князь-оборотень Всеслав Полоцкий кидает жребий «на девицу себе любу». Под девицей надо понимать Киев и главное его сокровище — мозаичную Оранту Киевской Софии (Богородицу Нерушимую Стену), с которой Всеслав при всем желании не мог поступить так, как с новгородскими колоколами, — забрать в Полоцк.

Сквозь легенду о Всеславе зримо проступает миф о поединке Велеса и Перуна, а мотив кидания жребия на деву, приговариваемую к участи Велесовой невесты, приводит нас в Ладогу, первую столицу Рюрика. Именно здесь от укуса змеи Вещий Олег гибнет после того, как обещает, вернувшись в Киев, перебить солгавших ему волхвов. («Волхвов бояться — к Велесу не ходить», — заметил однажды в Ладоге московский телережиссер Сергей Мирков.)

Упомянутую в новгородских и северных летописях могилу Олега в Ладоге еще в пушкинское время Зориан Доленга Ходаковский отождествил с огромной сопкой на берегу Волхова, находящейся в километре к северу от Ладоги близ деревеньки Велеша. Эта сопка на повороте Волхова к озеру, — последнее, что видно из Ладожской крепости, если смотреть от церкви святого Георгия или от находящегося сразу за ней Земляного городища. Здесь важно и то, что эта сопка находится на пределе просматриваемого пространства (и зрительно замыкает его), и то, что она защищает город с той стороны, откуда приходят находники-викинги.

В Георгиевской церкви сохранилась фреска, на которой греческий мастер очень бережно и, похоже, даже с юмором пересказал красками страницу из жития святого воина. Георгий — совсем мальчик! — едет к городу на фоне иконных горок. Но одна из них, та, из-под которой дева Елисава и выводит змея, стилизована под ладожскую сопку. Конь у Георгия белый, в серых яблоках. Правое переднее копыто написано так, что невольно приходит на ум фальконетовский Медный всадник: копыто упирается в землю за спиной змея, но касается хребта чудовища. И смотрящему кажется, что всадник змея попирает. А змей покорно выползает из реки на белокаменную набережную, и Елисава, всплескивая левой дланью: «Пожалуй-ка в ворота!»

Фреска в Георгиевской церкви (см. цветную вкладку) должна была утвердить, что эпоха Велеса и Перуна навек завершилась.

Нас же интересует высшая (и трагическая) точка той эпохи.

Итак, в 912 году в Ладогe Вещий Олег принял смерть от укуса змеи. (Но на миниатюре в Радзивилловской летописи из черепа коня выползает не змейка, а дракон.) Этому предшествует упоминание о комете Галлея. В «Повести временных лет» под 911 годом сказано: *Явися звезда велика на западе копейным образом.*

Комета Галлея, напророчившая смерть Харальду
Фрагмент гобелена из Байе. Около 1070 г. Англия

Однако комета подошла к земле на год позже — 19 июля 912 года.

Хронологическая эта инверсия объяснима только одним: более столетия рассказ об Олеге бытовал в устной традиции (и, разумеется, в нем не было текста договора русских с греками). Перенесение в летописи времени небесного знамения означает, что в устной саге с явления кометы начиналось повествование об Олеговом коне, пророчестве волхвов и гибели князя. Таково мифологическое мышление: комета пророчила смерть конунгу, значит, с нее все и должно начинаться.

Современный историк Игорь Данилевский, сославшись на библейские параллели, однажды заметил, что щит, который повесил Олег на воротах Царьграда, — это не столько символ победы, сколько заЩИТЫ. В Византии существовало пророчество, начертанное на гробнице первого ее христианского императора — Константина Великого: «Семихолмный град падет, когда вражеский флот перейдет перешеек посуху, но падет не навсегда, а явятся люди от рода русокудрые и возьмут его под свою защиту»⁴⁹.

⁴⁹ Об этом сообщают греческие источники со ссылкой на императора Льва VI Премудрого (886–911). См.: *Данилевский И. Н.* Библия и Повесть временных лет // Отечественная история. 1993. № 1. С. 88–89; *Данилевский И. Н.* «Повесть временных лет»: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 158. Вещий Олег приходил к Царьграду именно при Льве VI, а значит, Лев Премудрый и мог быть автором этого «прорицания».

Пророчество сбылось. Объявившись у Константинополя, Олег приступил к осаде, а потом вдруг разыграл перед изумленными греками грандиозный спектакль — поставил свои лады на колеса и двинул суда на город. И греки поспешили заключить с Олегом мир.

То ли Олег узнал о прорицании от своих лазутчиков, то ли византийцы сами решили поторопить исполнение пророчества и, сообщив о нем Олегу через перебежчика, дождались, когда князь двинет лады на город, а после разыграли изумление и предложили повесить щит на воротах. То ли это был спектакль и со стороны Олега, и со стороны греков, которые, сфальсифицировав пророчество, предложили Олегу мир, чтобы тут же попытаться его отравить.

Змей, выползая из черепа коня, жалит Вещего Олега
Фрагмент миниатюры Радзивилловской летописи. Конец XV в.

Византийцы быстро забыли имя Олега. Но в «Повести временных лет» сказано, что при Олеге в Киеве словене, чудь и русь прозвались Русью. А Псевдо-Симеон (конец X века) пишет, что у росов был некий могущественный правитель, от коего «росы получили свое имя <...> после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними»⁵⁰. (Отсюда может происходить и известный лишь по «Слову» этноним *русичи*, то есть потомки Роса/Руса.)

⁵⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под редакцией Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 115.

Итак, Псевдо-Симеону известно, что у стен Царьграда Олег ослушался своих прорицателей, но не погиб. Что сделал Олег, мы знаем — заключил мир с греками. И он должен был погибнуть, когда б отведал вынесенного ему отравленного вина. Отвергнув дары, Олег заслужил прозвище Вещий и посрамил волхвов, предупреждавших, мол, замришься — погибнешь. (Что, скорее, угроза, чем пророчество).

Через четыре года, сидя в Киеве, Олег заключает на удивление выгодный ему договор с греками. По доброй воле византийские императоры даруют Олегу беспрецедентные торговые льготы. Предварительный текст договора, найденный Нестором в архиве, был подписан Олегом 2 сентября 6420-го, то есть по современному летосчислению 911 года. Никто, впрочем, не обратил внимания, что это день святого Маманта, а именно у его церкви по договору 907 года греки повели русским селиться в Царьграде. (В том же контексте имя Маманта возникнет и в договоре Игоря.)

1 сентября 312 года Константин Великий даровал христианам свободу. Уже в IV веке с этого дня велено было начинать новый год. Но Олег не воспользовался круглой датой, предпочтя ей странный для язычника жест смирения: мол, вы определили нам, русским, держаться святого Маманта, и я это блюду.

Чтобы понять, почему Олег так поступил, сравним, чем клянется Олег в 907 году и чем в 911-м. Там — Перуном и Волосом. Тут — Предлежащим честным крестом и Святою Единосущною Троицей.

Психологическая установка на то, что Олег — неисправимый и последовательный язычник, не позволила беспристрастно прочесть то, что в тексте договора написано черным по белому. Логично предположить, что Олег крестился в Киеве 2 сентября 911 года, и византийский поп Иванко, составивший договор, самим фактом внесения в текст договора своего имени это удостоверяет.

Комментируя «Повесть временных лет», Д. С. Лихачев заметил одну загадочную подробность: глядя на катящиеся по полю ладьи, византийцы говорят, что это не язычник Олег, а сам Дмитрий Солунский явился их покарать. Исследователь отмечал, что никакой параллели к этому в житии Дмитрия Солунского нет.

Однако посмотрим на дату: шестисотлетняя годовщина гибели Дмитрия приходится на 26 октября 906 года. Видимо, именно в этот день в 906 (а не в 907) году Олег и пошел на приступ Царьграда.

(И поскольку греки со стен «окрестили» его Дмитрием, надо думать, имя этого святого воина Олег и принял, выйдя из купели.)

Купцы-русы на Арабском Востоке охотно выдавали себя за христиан (тем полагались таможенные льготы), и у викингов в обычае

было скреплять внешнеполитические договоры с христианскими странами собственным крещением. Еще за полвека до появления Олега у стен Царьграда патриарх Фотий после неудачного набега киевлян Аскольда и Дира записал: «Крещен свирепый народ Рос». Но Олег убил киевских правителей и, захватив Киев, перенес сюда свою столицу. Теперь он сам должен был пойти на греков. И волхвы, видимо, догадывались о том, что Олег хочет креститься, ведь только так он мог прорубить новый торговый путь из Варяг в Греки.

Архангелогородская летопись сохранила архаичный вариант саги об Олеге: Олег правил тридцать лет и три года, но *прежде же сих лет* он спросил у волхвов: *Скажите ми, что смерть моя?* То есть роковой вопрос был задан еще в Ладоге, когда Олег узнал о смерти Рюрика. Тут он и приказывает отсечь коню голову, а тело отдать *зверям полевым и птицам небесным*. Перед нами, разумеется, описание не казни, а жертвоприношения. И отделение головы коня от тела необходимо по языческому обряду: конские черепа в Новгороде находят под нижними венцами жилых построек, в Суздале череп лошади обнаружен в основании городского вала. Потому и череп Олега коня должен был лежать не в чистом поле, а на волховском святилище Велеса.

Не случайно после подписания договора Олег отправляется в Новгород, а оттуда в Ладогу. Над ним уже тридцать лет висит проклятие о смерти от своего коня, и Олегу надо доказать, что его бог сильнее Велеса. Но он неосторожно произносит: «...солгали мне волхвы наши, да придя в Киев, побью волхвов». Этим первый русский Великий князь подписывает себе смертный приговор. (Постоянные атрибуты Велеса — конь и змея. И можно предположить, что конские черепа на святилище Велеса служили жилищем для змей, а все капище было своеобразным террариумом.) Взяв череп в руки и собираясь лобзать его, Олег должен был заглянуть в глаза собственной смерти. Но волхвы, зная об отведенной им участи, Олега переиграли.

По Иоакимовской летописи, Олег урманский, то есть норвежский князь. В скандинавской саге он превратился в правителя Гардарики (Руси) норвежского конунга Орвара Одда. Сага об Орваре Одде повествует, что ему, изгнанному из Новгорода некоему Квиланусу (реплика на убийство Олегом Аскольда и Дира?), будет напророчено, дескать, он примет смерть от черепа своего коня. Вернувшись на родину, конунг умрет от выползшей из черепа змеи.

Имя Орвар Одд переводится как Наконечник Стрелы. Это посмертное имя Олега, ведь по мифу наконечником стрелы (или копья) Олег/Орвар должен был поразить змея. Но (по версии саги) он не успел это сделать, потому что споткнулся о череп коня.

Смерть Олега и «великая звезда», повисшая «копейным образом», совпали. Велес на 77 лет сумел отодвинуть крещение Руси.

Отождествление «Олеговой могилы» с сопкой, частично раскопанной Ходаковским, недавно было оспорено тремя молодыми исследователями, полагающими что Ходаковский не знал, что именно он копает, и, «более того, очевидно, что ему был неизвестен летописный рассказ о могиле Олега в Ладозе»⁵¹. Это ошибка: в 1820 году в «Сыне Отечества» (№ 33. С. 288–312) ученый сообщал, что хочет *найти и раскопать известную по Архангелогородской летописи Олегову могилу в Ладозе*. В конце XIX века к той же атрибуции сопки Ходаковского пришел Н. Е. Бранденбург, а через полвека С. Н. Орлов. С этим согласились Г. С. Лебедев, З. Д. Бессарабова, С. В. Белецкий.

Такова мифологическая (и естественнонаучная) логика ладожской топографии и топонимики (см. на с. 243–244). Гений места и структура мифа сами подсказывают место сакральных точек.

Семантическая многомерность — фундаментальное свойство мифологического мышления.

Проиллюстрирую это несколькими ладожскими примерами.

Верховный бог Один — не только владетель чудесного копья, но и покровитель песнотворцев. Фигурку Одина на ладожском Земляном городище нашел в 1975 году Е. А. Рябинин. Это — древнейший из известных «портретов» Одина. На торце стержня, которым заканчивается шея Одина, находится прямоугольное отверстие. (По догадке историка Игоря Арзамасцева, перед нами приспособление для подтягивания костяных колков на лире.) Рот Одина полуоткрыт, и кажется, что бог поет. Правый глаз прочерчен двумя концентрическими окружностями. Под лупой они прекрасно видны. Левого глаза нет, но именно левый глаз Один отдал в подземном царстве за возможность испытать из источника мудрости. (Благодарю за помощь хранителя ладожского собрания в Государственном Эрмитаже Бориса Короткевича.)

А для нас важно, что два ворона (постоянные спутники Одина) не просто сидят у него на плечах, а изображены в виде его рогов.

В то же лето и на том же Земляном городище Е. А. Рябинин обнаружил под большим деревянным дворцом времен Вещего Олега (слой 890–910 годов) округлую «игральную фишку»⁵².

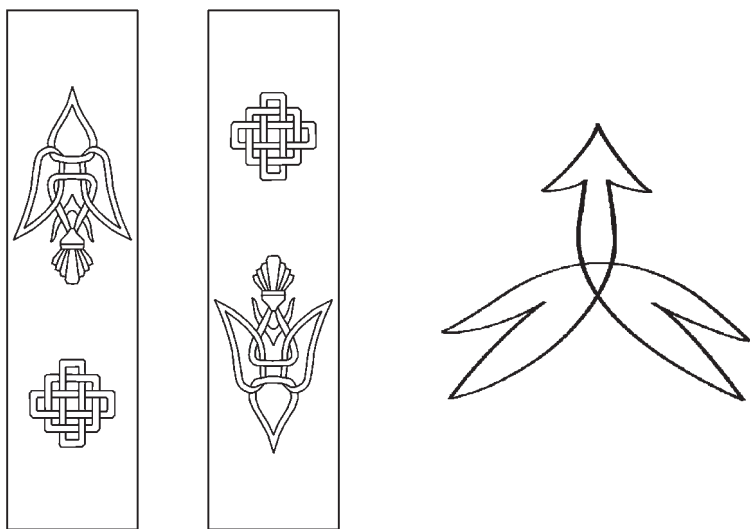
⁵¹ Панченко А. А., Петров Н. И., Селин А. А. Дружина пирует у берега. На границе научного и мифологического мировоззрения // Русский фольклор. Т. 30. СПб., 1999. С. 82–91.

⁵² Рябинин Е. А. Новые данные о «больших домах» Старой Ладогои // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Сборник статей памяти О. И. Давидан. СПб., 2002. С. 15–29.

Поющий Один из Старой Ладоги
Бронза. Высота 5,4 см. Середина VIII в. ГЭ, № 2551/2

Слева: Рисунок с ободка «игральной фишки». 890–910 гг. Старая Ладога.
Реконструкция начальной геометрической формы (два варианта).
Справа: Рисунок с гадательного жребия. X в. Старая Ладога

Это плоский фрагмент деревянного сучка, на ободке которого острым штихелем прорезана летящая с гнезда-плетенки птица.

Видимо, тут мы имеем дело с хитроумным гадательным жребием, с помощью которого волхв мог напроорочить все, что хотел: если фишку перевернуть, то птица превратится в полураскрытый бутон лотоса, а гнездо в солярный знак. Вернемся к первой позиции, и вместо птицы перед нами маска предка в древнескандинавском шлеме. Перевернем еще раз, и цветок обернется маской грифона.

Здесь же, на Земляном городище, в 1995 году А. Н. Кирпичников нашел в слое X века обрубок звериного ребра, на котором сделан рисунок стрелы, летящей на двух парах остроконечных крыль⁵³.

Когда обрубленное с двух сторон ребро положить на ровную поверхность, оно превратится в подобие рулетки: если сильно крутануть, жребий сделает десяток-два оборотов. Перед нами просто другой тип гадательного жребия. (Вспомним детскую игру в «бутылочку».)

Так крылатая стрелочка становится указательной. Поэтому не стоит удивляться, что рисунок крылатой стрелы с Земляного городища так же, как игральная фишка, насыщен смыслами.

Стрелка ладожского жребия напоминает изображение хвостатой кометы Галлея на английском гобелене из Байе. В ней также можно увидеть и громовой знак Перуна (замечание Г. С. Лебедева), и четырехусую его маску, и многое другое. Мы не знаем, какие из этих смыслов сознательно вложены в рисунок его автором. Но одно сразу бросится в глаза ладожанину: на рисунке из-за сопки встает деревянная сторожевая башня, у которой шатровая крыша с далеко выступающими скатами (чтобы на стены не попадала дождевая вода). И впрямь, от «Олеговой могилы» до 1950-х расходились в стороны лучи из больших валунов, а ближайшая к Олеговой могиле башня стоит на стрелке Мысового городища и зовется Стрелочной.

Еще один загадочный предмет найден в 1976 году при раскопках на Варяжской улице археологом Валерием Петренко (слой середины IX века). Округлый в сечении костяной стержень выточен из челюсти коровы и со всех сторон покрыт гравировкой. Среди прочего ясно читаются два крестообразных знака, два питьевых рога, молот Тора и стоящая на облаке антропоморфная фигура с огромными усами.

Историк Д. А. Мачинский, предполагая, что перед нами или «святой в нимбе», или даже Христос в «крестчатом одеянии», выстраивает довольно сложную легенду о языческо-христианском происхождении

⁵³ Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996. С. 77.

этой «вероятно, рукояти»⁵⁴. Но «нимб» — всего-навсего волосы идоподобной фигуры, крестчатая одежда — просто штриховка, а два креста на разных сторонах «рукояти» говорят лишь о том, что крест как символ был известен ладожанам за век до постройки в Киеве деревянной церкви пророка Ильи, заместителя Перуна по части громов и молний. (Кстати, кресты в орнаментах появляются еще в неолите.)

Полагаю, что и это гадательный жребий (но не для верчения, а для бросания). О том и говорит тщательно выполненная тройная обводка, которая, опоясывая середину стержня, проходит по центру облака и делит рисунки на относящиеся к горнему верху и дольнему низу.

То, как выпадал и куда указывал жребий, определяло выбор пути. И нетрудно догадаться, что на жребии выгравирован идол того, чьим именем и через полвека будут клясться дружинники Олега.

Это Перун — покровитель дружины и ценитель оружия.

Если Один узнается по рогам, то Перун по усам, ведь, по одним представлениям, молнии — стрелы громовержца Перуна, но по другим — его усы. Как отметит летописец, тело у идола Перуна деревянное, *глава серебряна, а усы злать*. Перун и есть олицетворение Мирового древа: тело — само Древо, голова — серебряные облака, ну а усы — золотые зигзагообразные молнии.

Идол Перуна на облаке
Высота фигуры 2,6 см. Гравировка на кости.
Середина IX в. Старая Ладога

⁵⁴ Мачинский Д. А. Крест и молот // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 199.

Язычник Святослав Игоревич, как описывают его греки, носил огромные усы. Как заметила поэт Мария Игнатьева, к культу Перуна должны восходить усы казаков (да и поговорка «сами с усами»).

Еще одно эхо Олегова сюжета звучит в исландской «Саге о Хрольве Пешеходе», в которой Приладожье называется *Ормаланд* — Страна змей. Правит ею великан Эгир, способный обращаться в дракона, летать по небу и изрыгать огонь. Отрубленные части его тела превращаются в змей. От руки Эгира погибает конунг Альдейгьюборга (Ладоги) Хреггвид. (Вероятный перевод этого имени — Древо Бури, то есть Молния.)⁵⁵ По мифу, Громовержец (в данном случае Хреггвид) должен молнией сразить своего змееподобного противника (Эгира). Но в Стране змей бог Нижнего мира оказывается сильнее бога Верхнего мира. Не помог Хреггвиду даже его вещей (так!) конь.

«Сага о Хрольве Пешеходе» сохранила не только отголосок предания о гибели Олега и культе его кургана, но и саму структуру ладожского космоса. Альдейгьюборг — единственное на земле место, где Змей сильнее Громовержца. Вблизи Альдейгьюборга над Хреггвидом насыпают священный курган. Из него Хреггвид пророчит Хрольву, что тот станет властителем Хольмгарда (Новгорода).

Напомню, что на северной окраине Ладоги за Олеговой могилой расположена деревенька Велеша, и, как предположил археолог Глеб Лебедев, здесь было святилище Велеса. Это уже на самом краю глинта, то есть на древнем берегу озера Нево. (Современное свое название Ладожское озеро получило по имени города.) Волхов начинается с Перыни, а кончается Велешей. Это горизонтальная модель Верхнего и Нижнего мира, ведь и само имя Альдейгья, от которого родилось слово Ладога, восходит к финскому Алоде-йоги — Нижняя река (то есть Волхов ниже порогов). Считается, что и в Киеве идол Велеса стоял на Подоле. Ставить бога Нижнего мира на горе рядом с его мифологическим противником Владимир не считал удобным.

Существует опубликованное в XVII веке новгородское предание о чарошее Волхове (или Волхве), старшем сыне князя Словена, который преобразился в *лютого зверя коркодила* (так. — А. Ч.) и «залег путь водный». Тех, кто плыл по реке, чудище пожирало или топило⁵⁶.

⁵⁵ *Мачинский Д. А., Панкратова М. В.* Саги о древних временах, ладожская эпическая традиция и локализация Алаборга // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996. С. 47–56.

⁵⁶ *В лето 7090 (1582) <...> Того же лета изыдоша коркодили лютии зверии из реки и путь затвориша; людей много поядоша. И ужасошася людие и молиша бога по всей земли. И паки спряташася, а них избиша* (Псковские летописи. М., 1955. Т. II. С. 262).

Оно и написано на фреске в церкви Святого Георгия в виде змея, выползающего из реки со стороны Велеша.

В Велеше здешние бабушки утверждают, когда-то здесь жил рыбак, которого звали Велеш (так. — А. Ч.), но шестидесятипятилетний уроженец Велеша Николай Малин убеждал меня и моего товарища им не верить, уверяя, что «Велеш — это не рыбак, а бог»⁵⁷.

Напротив Велеша — Любшин омут, а за ним городище на крутом правом берегу и устье речки Любши. По словарю В. И. Даля, *любша*, или *любжа*, — это любовный напиток, приворотное зелье, некие корни и вообще любовь. Над Любшей нависают лианы дикого хмеля, но любжа — не хмель, а совсем другое растение, которое по-латински зовется *Orchis incarnata*. По-русски «любжа», «любка», или «дремлик». Видимо, хмель и дремлик были компонентами пьянящего и подавляющего волю «любовного напитка», чей западный его аналог известен из средневековой легенды о Тристане и Изольде.

У Даля в той же статье описана хороводная игра «Дремá». Сама Дрема сидит в центре хоровода, «выбирает по песне кого хочет, целует и сажает на свое место». Но в середине 1950-х в подмосковной Опалихе мы, дошкольники, водили хороводы под такую вот песню:

Сиди, сиди, Яша,
Под ореховым кустом,
Грызи, грызи, Яша,
Орешки каленые,
Милому даренные.

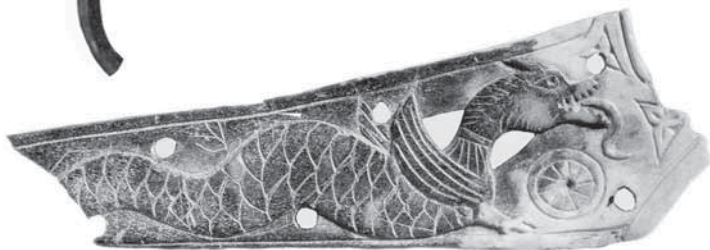
Чок, чок, пяточок,
Стал наш Яша дурачок.
Где твоя невеста?
В чем она одета?
Как ее зовут
И откуда приведут?⁵⁸

⁵⁷ В Велешу не заглядывают ни туристы, ни фольклористы, ни археологи, и мы с поисковиком Константином Смольниковым были первыми, кто в конце 1990-х спросил у местных жителей о названии их деревни, а Коля Малин случайно услышал наш разговор с бабушками. Никаких наводящих вопросов мы не задавали.

⁵⁸ В книге Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» (М., 1981. С. 40) приведен текст, лишь в паре строк отличающийся от этого, и, видимо, более близкий к начальному варианту: «Сядить Яшер / У золотым кресле / У ореховым кусте / Орешачки лучше...». И далее: «Возьми себе девку, / Которую хочешь...» (цитируется по: *Безсонов П.* Белорусские песни. М., 1871. С. 81–82).

Вверху: Настенный крюк. *Дерево. Конец VIII в. Старая Ладога.* Слева: Фрагмент фрески в диаконнике Георгиевского собора Старой Ладоги. *Около 1180 г.* Справа: Фрагмент напрестольной сени из Вщижа. *Бронза. XII в.* Справа внизу: Железное кресало. *Ширина 5 см. XI в. Новгород*

Вверху: Ручка ковша. *Дерево*. Длина фрагмента 12 см. Первая половина XI в. Новгород. Слева: Ручка сосуда (змея Велес и медведь Волос). *Бронза*. Высота 14 см. XII в. Новгород. Справа вверху: Ручка ковшика. *Дерево*. Длина фрагмента 4,8 см. Конец XIII в. Новгород. Справа в центре: Деталь «курицы» от кровли дома. *Дерево*. Длина головы змея 25 см. XI в. Новгород. Внизу: Накладная пластинка. *Кость*. Длина 10 см. Середина XIV в. Новгород

Наши хороводы были очень похожи на описанную Далем «Дрему». Разница лишь в том, что «Яша», выбрав себе невесту, садился с ней на корточки в центре хоровода, а потом, отвечая на пропетое в очередной раз «И откуда приведут?..», выхватывал себе вторую, третью и т. д.

«Невеста» пыталась увернуться, но это редко удавалось (тем более, что парни из хоровода помогали «Яше» схватить его избранницу). Потеснившись, предыдущие Яшины жены покорно принимали в свой кружок новую подругу. Первых двух Яша держал за руки. Начиная с третьей, рук уже не хватало, и девочки сами держались за Яшу. Под конец все девчонки оказывались в центре круга, и хоровод превращался в мальчишник.

На этом кон заканчивался. И выбирался другой Яша.

Хоровод — образ солнечного колеса, звездного неба и вообще всей видимой вселенной. Но это еще и модель омута (недаром же омут *кружит*), и потому невинная игра «в Яшу» объясняет, откуда в русских омутах так много русалок, то есть дев-утопленниц, и почему у многих народов девушка, теряющая по какой-то причине возлюбленного, непременно бросается в омут, озеро или море.

Попытаемся угадать, что стоит за хороводным обрядом.

«Люба, любя, любя.. любожа!» — с ударением последнего слова тоже на «лю» выкрикивал из центра хоровода волхв.

И добавка одного-единственного слога жалила насмерть.

Только что волхв бросил жребий. Точнее — раскрутил его.

Жребий, остановившись, должен указать на ту, что станет божьей любимицей, отведаст любжи-дремлика и будет препровождена в царство Велеса — утоплена в омуте или в «дреме болотной».

До середины XX века русские девы будут плести на Купалу венки и пускать их по реке. Поплывет — хорошо, а утонет — плохо, потому как к смерти. И не столь важно, что воспоминание о Велесе уже изгладилось из народной памяти. Утянет некая сила твой венок на дно — значит, тебя и выберет жертвой.

Люба божа — божья избранница. Родившийся от волхвования (так утверждает «Повесть временных лет») Всеслав Полоцкий уже одним своим именем напоминает о Велесе, а потому и кидает жребий *о девицу себе любу*. В том же «Слове» упомянуты и два притяжательных прилагательных, образованных от имен Даждьбога и Стрибога: русичи — это *Даждьбожи внуки*, а *Стрибожи внуки* — ветры.

Любящие родители могли попытаться еще при рождении оградить свое чадо от участи Велесовой невесты. Изю всех русских имен есть только одно, которое в народе принято комментировать скроенной из него же поговоркой: «Людмила — людям мила». (Ну а Велесу,

соответственно, — *постыла*.) Весьма вероятно, что перед нами обломок магической формулы древнего оберега.

Люба божя со временем должна была превратиться в Любшу.

Полагаю, что сначала по правилу гаплогии⁵⁹ произошло стяжение двух слов в одно и выпадение одного из слогов. Гаплогия разрушила первоначальную семантику заклятия, и позже слово *любожа* стало восприниматься как *любъжа*.

Но в XII веке из речи исчез *ѡ*, а поскольку прямо напротив Любжи находится Велеша, должно было сработать правило ассимиляции, и *любъжа* стала *любшей*⁶⁰.

Воспоминание о человеческих жертвоприношениях Велесу (или змею, или реке) сохранилось и в «Слове», и на современной «Слову» фреске в диаконнике Георгиевской церкви. И обе метафорические пары (Игорь–Анти-Георгий и Всеслав–Велес), дополняя друг друга, восстанавливают органичное единство мифа, лежащего в основе древнерусской поэмы.

Святой Георгий побеждает змея Божьим словом и только потом убивает (но не копьем, а мечом). Если же учесть, что на георгиевской фреске святой воин едет без меча и копья (у древка его флажка нет и, как утверждают реставраторы, никогда не было навершия), а в «Слове» автор призывает русских князей понизить стяги и вонзить в землю «оскверненные мечи» (то есть поднятые не на змея-половца, а братьев), можно предположить, что отнюдь не случайно в одно и то же время сюжет «Чуда Георгия о змие» был реализован и на ладожской фреске, и в созвучном ей «Слове о полку Игореве».

(Продолжение этого сюжета см. на с. 239.)

ВЕЛЕС ПРОТИВ ДИВА

Мыслью или мыслию (белкой) взмывал Боян по Мировому Древу? Кажется, все-таки мыслью, ведь и само Древо в поэме названо мысленным. Но необходимо помнить и о незримом присутствии белки-мысли, иначе разрушается известная по скандинавской поэзии триада Мирового Древа (орел–белка–волк).

Уподобляясь скандинавской белке, сновавшей по Древу Мироздания и переносившей вести из заоблачного мира на землю, Боян

⁵⁹ Гаплогия — это своеобразная «фонетическая лигатура», когда, скажем, слово «знаменоносец» теряет повторяющийся слог и превращается в «знаменосец».

⁶⁰ Приток Оки река Любжа известна по письменным источникам с XIV века.

ведал тайны иных миров, знал прошлое и грядущее, как герои и колдуны многих архаических народов, путешествующие по трем мирам вселенной. Потому-то он, «вещий», и может спеть припевку Игорю.

Но эпитет к Древу (мысленное, воображаемое) показывает: для Автора Древо уже не мировоззренческая, а поэтическая конкретность. Именно в XII веке, когда христианство уже победило, древние мифологические мотивы вновь начинают звучать и у скальдов. (С XIII века скальдическая поэзия перестает быть устной и вскоре отмирает.) Перекличек со скальдами у «Слова» немного, но они есть: 1) Д. С. Лихачев предположил, что выражение *копия поють* означает «идет бой». И впрямь, у скальдов «песня копий» — битва⁶¹; 2) Двустилишние Эгиля Скалагримсона «Кукушка не кукует, если кличет сокол» может объяснить, почему молчат птицы, когда в погоне за Игорем Гзак и Кончак обсуждают судьбу «соколенка» Владимира Игоревича; 3) Скандинавский кеннинг «древо града» (конунг) напоминает о *кнесе* — охлупне с крыши златоверхих палат Святослава Киевского.

Итак, перед нами Мировое Древо с эмблемами трех его ярусов. Гордо встали путивльские стяги. Солнце преградило путь, однако упомянутый в древнерусских поучениях в числе языческих богов Див кличет с вершины Древа, и поход продолжается. Но вот стяги Игоря пали, Древо в тоске склонилось к земле, терем князя стоит без князька, и с преклоненного Древа на землю бросается Див.

Какова бы ни была этимология имени Дива, его место на вершине Древа указывает на *дивинец* — верхнюю точку кургана или сопки. Отсюда *дивились*, то есть наблюдали за окрестностями сторожѧ. По летописи и археологическим данным мы знаем, что дивинец венчался бдыном — вертикальным деревянным столбом. Посади на него птицеподобное чучело, и будет казаться, что сторожей на сопке нет. (Отсюда, видимо, и фигурка голубя на кресте Софии Новгородской, и легенда, что Новгород стоит, пока голубь на месте.)

Если Велес — хозяин Нижнего мира, то Див — его антипод (и, вероятно, двойник, спутник или заместитель отсутствующего в «Слове» Перуна). Такое соотношение этих мифологических персонажей мы обнаруживаем на двух арках XII века из разрушенной Батыем церкви во Вщиже (см. с. 76 и цветную вкладку).

Б. А. Рыбаков в «Язычестве Древней Руси» пишет:

Самым важным и самым убедительным доказательством того, что люди русского средневековья твердо считали ящеров неотъемлемой частью общей космологической системы, являются знаменитые вщижские бронзовые

⁶¹ Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 647.

арки, найденные в алтаре церкви середины XII в. в удельном городе Вщиже. <...> Они показывают, что и много позднее рассматриваемого времени в церковном искусстве Руси ящер был неотъемлемым элементом представлений о макрокосме. Арок две; они абсолютно тождественны, так как отлиты по восковой модели в одной форме. Изготавливал арки мастер Константин, сделавший на модели при первой отливке надпись: «Господи, помози рабу своему Костянтину...» Конец надписи был стерт с воска и в отливке не получился. <...> учет полукруглой формы конструкции, четырех ножек и точного расстояния между парными ножками в один локоть позволяет считать вщижские арки каркасом конструкции «напрестольной сени», воздвигаемой при торжественном богослужении над алтарем и священными предметами на алтаре. Судя по некоторым миниатюрам, такую сень вносили на специальных носилках и утверждали на алтаре над евангелием. Сама сень на этой миниатюре выглядит в виде шатра или дома⁶².

И, пожалуй, наиболее важный для нас вывод:

Идея напрестольной сени — небо, покрывающее землю. Поэтому мы должны обратиться к церковному пониманию образа Вселенной. Образ Вселенной очень четко и доступно (хотя и весьма примитивно) обрисован Козьмой Индикопловом, давшим описание в прямом смысле модели мира. Его модель представляет собою плоскую доску размером в 1 локоть шириной и 2 локтя длиной. Над этой доской возвышается коробовый свод, опирающийся на длинные стороны модели. Все это уподоблено писателем кибитке кочевника, как правило, во все века крытой коробовым сводом и имеющей примерно такие же пропорции.

Ту же структуру славянского космоса и тех же мифологических персонажей мы встречаем и на киевском серебряном наруче из Тереховского клада (XII — начало XIII века)⁶³. Наруч (см. с. 76) разделен по горизонтали на два мира: внизу дракон, вверху под сенью небесного свода существо, которое авторы альбома приняли за птицу.

Но крыло «птицы» на наших глазах превращается в пятипалую когтистую лапу.

Если в XII веке изображения Дива и Ящера были допустимы даже на церковной утвари, стоит ли удивляться, что автор «Слова», человек, несомненно, светский, допускает упоминание Велеса, и упоминание Дива? При этом змеиную природу Велеса он как

⁶² Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. М., 1953. С. 98–120.

⁶³ Плешанова И. И., Лихачева Л. Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. Табл. 15–16.

поэт всячески старается обойти (ведь его Боян, а значит, и он сам — Велесовы внуки). Но Дива автор не шадит. Для него эта «птица» — олицетворение темной стихийной архаики: гордыни и «похоти». После поражения Игоря Див то ли повержен, как падшие русские стяги, и сметен с вершины Древа, которое «не добром листву уронило», то ли сам бросается на землю и терзает ее.

Три Дива и два Велеса

Слева направо: 1. Капитель портала Борисоглебского собора в Чернигове (археологическая находка). 20-е годы XII в. 2. Фрагмент бронзовой напрестольной сени из алтаря церкви во Вщиже (под Дивом Велес, грызущий корни Мирового Древа или свой хвост). XII в. 3. Фрагмент гравировки наруча из киевского Тереховского клада (Див под аркой небесного свода, а ниже Велес). XII — начало XIII в.

Символизирующие Мировое Древо русские прялки нередко венчает птица-дева Сирин. Но поверженный с Древа Див и обращается в Деву-Обиду с лебедиными крылами. И вот Автор призывает всех князей «склонить стяги», ведь они «розно веют».

Вновь упомянуто Древо в разговоре Игоря с Донцом.

Поскольку Див уже сметен с вершины уронившего листву Древа, а тут Древо «зеленое», да еще под его сенью расстилается зеленая трава (вспомним «зеленую паполому» Бориса Вячеславича), вероятно, был прав биолог Г. В. Сумаруков, считавший, что это — реминисценция обрядового установления зеленого деревца и расстилания травы на Троицу. По рассчитанной Сумаруковым хронологической таблице, именно в Троицу Игорь и прощается с Донцом⁶⁴. Значит, «зеленое древо» — альтернатива языческому Древу с его гордым Дивом, как покаяние Игоря в Пирогощей — альтернатива его гордыни.

⁶⁴ Сумаруков Г. В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М., 1983. (Замечание об обрядовом календаре сделано в частном разговоре.)

ТРОПОЙ ТРОЯНА

Спор Д. С. Лихачева и Б. А. Рыбакова о том, кто такой Троян «Слова» — языческий бог или римский император, — тот случай, когда правы оба исследователя. Покажем, что Троян не вошел в русский языческий пантеон 980 года, потому, что это древний бог дунайских славян, целиком связанный с «землей Трояна» — Подунавьем и Причерноморьем. Для тех славян, что ушли на восток, Троян становится сказочным персонажем, и его имя лишь изредка мелькает в русских антиязыческих поучениях. Но в дружинном наследии Бояна оно было, очевидно, более чем востребованным.

В 1861 году Ф. И. Буслаев заметил, что текст сербских песен о короле Трояне близок к легенде о Всеславе. В 1867 году И. В. Ягич показал, что в сербском фольклоре Троян — результат контаминации мифов о некоем божестве и легенд об императоре Траяне.

Как установил А. С. Орлов (Слово о полку Игореве. М.; Л. 1938. С. 92–93), тропа Траяна упоминается в двух византийских источниках: у Феофилакта Симокатты (начало VII века) и во всемирной хронике Феофана Исповедника (родился около 760). При этом речь о славянском селении Новы, и в более древнем тексте употреблено слово, родственное русскому «тропа» — атралός:

Коментиол <...> отправился в Новы, желая пройти так называемой Траяновой военной дорогой <...> он торопился провести зиму в Византии. Местные жители отсоветовали Коментиолу идти *этой тропой*. Придя в гнев, двоих из тех, которые ему это говорили, он велел казнить. Тогда жители Нов сказали Коментиолу, что нет у них человека, который смог бы показать ему этот путь, но что за двенадцать миль отсюда остался еще глубокий старик ста двух лет от роду; они утверждали, что он знает военную дорогу императора Траяна⁶⁵.

В начале II века император Траян строит сеть военных дорог. Но здесь говорится о пути, который можно назвать путем из *Славян в Греки*. Двухсоткилометровая трасса проходила с севера на юг и вела из Паластола (на Дунае) через римскую крепость Мелту (ныне Ловеч), Диоклетианополь (Хисаря) к Филиппополю (Пловдив). Это и впрямь путь «через поля на горы» (и вновь в поля): дорога переваливала через Гем (Северные Балканы) по Троянскому перевалу. Чуть северней перевала расположен город Троян (сегодня здесь показывают туристам руины римской крепости).

⁶⁵ Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. С. 178, 179.

Вблизи перевала дорога превращалась в горную тропу.

По сербским поверьям король Троян — змеборец. Но, как мог бы и о нем сказать летописец, Игорь/Георгий вышел «рубить змиевы головы куман». Однако тут мифология переплетается с историей. Главные перевалы на Балканах — Шипка, Вратники Троянский. Но в «Слове» Боян «рыщет тропой Трояна через поля на горы» именно в контексте выступления идущего «за Шеломя» войска. А это значит, что Автору были известны те песни Бояна, где речь шла о первых славянских походах на Византию, или о походах **Святослава Игоревича**. И потому идущий за Шеломя «тропой Трояна» (сейчас бы сказали тропой войны) **Игорь Святославич** (еще один перевертыш «Слова») поименован «того <Трояна> внуком» (это следует из грамматической конструкции всей фразы, как показала А. В. Дыбо).

Под Шеломенем Боян должен был иметь в виду Стару-Планину — вытянувшийся в виде разогнутой подковы пятисоткилометровый хребет в северной части Балкан, который и отделял земли славян Подунавья от Византии. (У Бояна фраза Игоря *а любо испити шеломомь Дону* должна была бы относиться к Святославу и звучать, вероятно, так: *а любо ми за Шеломянем испити шеломомь Дунаю.*)

Локализация «тропы Трояна» дарит нам дальний хронологический горизонт славянской самоидентификации. Это рубеж I—II веков, начальный рубеж той младенческой для славян эпохи, когда император могучих соседей мог стать героем преданий, а потом по созвучию имен заменить одного из богов. (Балтийские славяне поклонялись Триглаву, а в иранской мифологии бог-драконоборец зовется Траэаона.)

Любопытно, однако, что историки фиксируют расселение славян в Нижнем Подунавье лишь с III—IV веков, что документировано римской Певтингеровой картой⁶⁶.

ГРАММАТИКА ТЕМНОГО СТИЛЯ

Мировую поэзию (и, может статься, и вообще культуру) можно рассматривать как борьбу «ясного» и «темного» стилей.

Известно, что почти каждая строка поэм Низами допускает ряд интерпретаций. Это заставляет исследователей предполагать, что «во многих деталях мы еще заблуждаемся, не чувствуем ряда тончайших намеков...»⁶⁷. К «трудному языку» Низами добавим «магическую

⁶⁶ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 95.

⁶⁷ Низами. Пять поэм. М., 1946. С. 19, 21.

темноту» скальдов, миннезингеров и трубадуров. Очевидно, все это должно быть справедливо и для поэтики «Слова», если оно — поэтическое авторское произведение XII века.

Для конца XII века «темный стиль» — черта всей ойкумены.

Только в XIII столетии в противовес «темному» по ойкумене распространяется новый, «ясный» стиль. Одним из первых так начинает писать младший современник Автора «Слова» — Руставели. При этом он сам указывает на новизну своего стиля. (И это отличает его от древнерусского поэта, который связан с магической архаикой и сообщает, что поведет рассказ *старыми словесы*.) Дело идет к Возрождению с его прямой перспективой в живописи и прочими изысками покуда еще юного и обаятельного рационализма.

Но Шекспир — реакция на Возрождение, и «Гамлет» написан тем же «темным стилем». И потому мы верим поэту на слово там, где он вовсе не хотел нас обмануть⁶⁸.

Люди, встречаясь с незнакомым и непонятным, как правило, исходят из привычных установок и представлений. Комментатор же обязан войти в чужую систему и *судить художника по законам, им самим над собою признанным*. Если этого не происходит, то начинается вчитывание в текст того, чего в нем не может быть по определению. Одно-два *случайных сближений*, и вот уже готова концепция, не имеющая ничего общего с историческим и поэтическим контекстом памятника, но весьма эффектная для дилетанта.

«Темный стиль» — не значит бессмысленный. В XIII веке Снорри Стурлусон, автор «Младшей Эдды», так заканчивает свою книгу:

Созвучны и слова, означающие гнев и корабль. К подобным выражениям часто прибегают, чтобы затемнить стих, и это называется двусмыслицей. <...> Подобные слова можно так ставить в поэзии, чтобы возникала двусмыслица и нельзя было понять, не подразумевается ли что-то другое, нежели то, на что указывает предыдущий стих⁶⁹.

Можно выделить семь основных свойств «темного стиля»:

1. *Смысл сквозь смысл* — это игра словом, в своем простейшем виде — каламбур, двусмыслица.
2. *Чужая цитата* — отсылка цитатой или реминисценцией к контексту чужого текста. Это позволяет включить в свой смысл описанную у другого автора ситуацию.

⁶⁸ Чернов А. Гамлет. Поэтика загадок // Шекспир Уильям. Гамлет. М.; Париж, 2003. С. 237.

⁶⁹ Снорри Стурлусон. Младшая Эдда. Л., 1970. С. 179.

3. *Своя цитата* — включение в текст речевой самохарактеристики героя или отсылка к чему-либо ранее произошедшему.

4. *Очная ставка высказываний* — параллельность двух фрагментов текста, выявляющая неявный их смысл, а иногда и просто ложь персонажа.

5. *Расчлененная информация* — такой способ повествования, при котором читатель должен сам собрать информационную цепочку, вычленив ее звенья из разных частей текста.

6. *Парадоксализация обыденного* — выворачивание наизнанку и переосмысление устоявшегося в культуре клише или знака⁷⁰.

7. *Анаграммирование* — концентрация смыслов при помощи ступенчатости звуковых ассоциаций, шифровка сакрального имени в несакральном тексте.

В тех случаях, когда в тексте возникает двусмыслица, мы сначала должны попытаться понять ее природу. Любое «темное место» может быть и результатом порчи текста при его переписывании, и следствием нашего непонимания авторской игры словом. Но когда концентрация «темных мест» выше нормы, а из самого текста следуют два или несколько решений одной текстологической задачи, мы можем говорить об авторской установке на «темный стиль».

Анализ полисемантических особенностей даже вне зависимости от ритмического анализа выявляет стиховую природу «Слова». Считается, что большинство темных мест говорит о порче «Слова» временем. Осмелюсь утверждать обратное: «темные» места поэмы — свидетельство особых законов строения средневекового стихового языка. И игра смыслами пронизывает всю поэму буквально от заглавия до «аминя».

Древнерусское *полк* — поход, битва, войско. «Слово о полку» — слово о походе, войске и битве... Но гражданский пафос поэта особо выделяет одно из значений слова полк. Дважды Автор воскликнет: «А Игореве храброго полку не воскресить!» И проходящий через весь текст плач о дружине горестным эхом отражен в последней фразе поэмы. Перевод: «Слава князьям и дружине. Аминь» — первый смысл.

Но *Аминь* — истинно, верно. Конечное положение *аминя* в церковных текстах определило и народную этимологию: аминь — конец.

---

⁷⁰ Частный случай того явления, которое В. Б. Шкловский в 1925 году назвал острашением, имея в виду вычленение того или иного предмета (или явления) из привычного контекста, чтобы отнести к нему как к новому и увидеть в нем новые свойства.

И поскольку союз *a* мог быть соединительным, а мог и разделительным (либо противительным), вспомним, как читали последнюю фразу первоиздателя, Жуковский, Пушкин и Срезневский: князьям слава, а дружине — аминь!

Такое чтение подтверждается звуковым повтором. При произнесении по архаическим нормам древнерусского языка слышна рифменная метаморфоза: *А дружИНЕ АмИН/Е*.

В *СССПИ* (Вып. 1. С. 37–38) попал пример, демонстрирующий игру двумя значениями *аминя*: *сътвори пред сущими ту послѣднюю молитву... запечатльвъ воистину послѣднее «аминь»... успе блаженным сном и неизреченнымъ*. Тут *аминь* — и «воистину», и «конец земного бытия». Как, впрочем, и в «Слове».

Во фразе *княземь слава а дружинь*. . . смысл, видимо, не такой уж и невинный. Автор полемизирует с дважды произнесенной формулой феодального этикета: дружины «ищут себе чести, а князю славы». Но после поражения удел князей — плен и бесчестие, слава же отдается дружине. Однако при этом: *дружине — аминь*.

Автор начинал «от старого Владимира до нынешнего Игоря», а заканчивает «от Игоря до Владимира Игоревича». Славу Игорю, Всеволоду и Владимиру Игоревичу по логике этого места споют «потом», когда русские князья наконец объединятся в своей борьбе с Полем.

Так зачин и концовка поэмы отражаются друг в друге:

Пѣти было пѣсьнъ Игореви... — ...пѣти: Слава Игорю...

Автор вместе с Бояном поют славу «старым» князьям (в том числе и шестидесятилетнему Святославу), а потом молодым песнотворцам петь славу молодым князьям.

Фонетика не существует без артикуляции, ну а артикуляция, мимика и жест едины при произнесении стиха. Исследуя фонетику, мы многое узнаем об интонации, а следовательно, и о смысле.

Услышим иронию певца над его преемником-губошлепом:

...а потОМ/Е МОлодЫМ/О пѣти.

Значит, «слава» Игорю, Всеволоду и Владимиру — не более чем пожелание на будущее. Сам же автор «Слова» этим «Гориславичам» петь славу не то чтобы отказывается, но все ж уклоняется.

Законы темного стиля таковы, что в нем невозможны «случайные сближения». Любое сближение, даже ассоциативное, должно работать на прояснение загадки, то есть подсказывать разгадку внимательному слушателю (или читателю). Скажем, дважды в тексте назван «Старый Владимир», и каждый раз в следующем эпизоде появляется образ солнца: в одном случае, в плаче Ярославны, оно даже названо «красным». Но ведь и крестившего Русь князя тоже звали

Владимир Красное Солнышко. Так сближение имени Старого Владимира и образа солнца подсказывает нам, какого именно из Владимиров имеет в виду Автор. (В пушкинистике этот метод называется *методом смежного эпизода*. С его помощью, в частности, атрибуируются портретные зарисовки на полях пушкинских рукописей.)

Поэтика загадок — архаическая основа темного стиля. И потому она напрямую связана с магической его природой. «Слово» — светское произведение, но если оно написано темным стилем, кроме рифмы и аллитерации в нем должен существовать и орнамент повторяющихся фразеологизмов. Собственно, так и есть. Покажем это, последовательно выписав наиболее значимые фразеологические повторы:

- 1) **вещий Боян** (I песнь)
- 2) **старый Владимир** (I)
- 3) **на землю Половецкую** (I)
- 4) **за землю Русскую** (I)
- 5) **либо испить шлемом Дону** (I)
- 6) **Боян, соловей старого времени** (I)
- 7) **тропа Трояна** (I)
- 1) **вещий Боян** (I)
- 8) **мила брата Всеволода** (II)
- 9) **ища себе чести, а князю славы** (II)
- 10) **вступил в злато стремя** (II)
- 4) **О Русская земля!** 11) **Ты уже за Шеломянем!** (II)
- 9) **ища себе чести, а князю славы** (II)
- 12) **на реке на Каяле** (III)
- 4) **О Русская земля!** 11) **Ты уже за Шеломянем!** (III)
- 13) **отчий злат престол** (III)
- 14) **века Трояна** (III)
- 15) **крамолу ковал** (III)
- 16) **вступал в злато стремя** (III)
- 17) **внук Дажьбога** (III)
- 4) **по Русской земле** (III)
- 3) **среди земли Половецкой** (III)
- 4) **по Русской земле** (IV)
- 8) **мила брата Всеволода** (IV)
- 4) **за землю Русскую** (IV)
- 18) **а древо с печалью к земле приклонилось** (IV)
- 17) **внук Дажьбога** (III)
- 7) **земля Трояна** (IV)
- 15) **на себя крамолу ковали** (IV)
- 4) **на землю Русскую** (IV)
- 19) **а Игорева храброго полку не воскресить** (IV)
- 4) **по Русской земле** (IV)
- 4) **по Русской земле** (IV)
- 4) **среди земли Русской** (IV)
- 15) **на себя крамолу ковали** (IV)

- 4) на Русскую землю (IV)
 3) на землю Половецкую (V)
 13) с отчего злата престола (V)
 5) либо испить шлемом Дону (V)
 12) на реке на Каяле (III)
 4) по Русской земле (V)
 3) Половецкую землю (VI)
 13) отчий злат престол защитить (VI)
 16) вступите в злато стремя (VI)
 4) за землю Русскую, 20) **за раны Игоря буюго Святославича (VI)**
 13) отчий злат престол (VI)
 4) за землю Русскую, 20) за раны Игоря буюго Святославича (VI)
 19) а Игорева храброго полку не воскресить (VI)
 4) за землю Русскую, 21) за раны Игоря буюго Святославича (VI)
 4) за землю Русскую (VII)
 3) от земли Половецкой (VII)
 14) седьмой век Трояна (VII)
 13) злат престол киевский (VII)
 1) вещий Боян (VII)
 4) стонать Русской земле (VII)
 2) старый Владимир (VII)
 12) во реке во Каяле (VIII)
 21) **Ярославна утром плачет в Путивле на забрале, причитая (VIII)**
 21) Ярославна утром плачет в Путивле-городе на забрале, причитая (VIII)
 3) сквозь землю Половецкую (VIII)
 21) Ярославна утром плачет в Путивле на забрале, причитая (VIII)
 3) из земли Половецкой (VIII)
 4) на землю Русскую (VIII)
 13) отчий злат престол (VIII)
 4) Русская земля (VIII)
 18) а древо с печалью к земле приклонилось (IX)
 6) Боян и Ходына... песнотворцы старого времени Ярославля... (IX)
 4) Русская земля (IX)
 4) Русская земля (IX)

Если пропустить фольклорные и просто языковые клише (десять соколов, серый волк, борзой конь, широкие поля, великий Дон, красные девы, свет поведают, алые щиты, харалужные мечи, каленные сабли, град Киев и град Тмуторокань, Святая София), то перед нами состоящая из 21 элемента структура магического заклятия, чей орнаментализм уже сам по себе способен воздействовать на сознание (и, надо полагать, — на подсознание) слушателей. При этом словосочетание «Русская земля» также встречается 21 раз (ровно в три раза чаще, чем «земля Половецкая»).

Фольклорные заговоры, как правило, троичны, а потому вряд ли можно сомневаться, что это «троекратное преимущество» — случайность, а не магический расчет (пусть и бессознательный).

СТИХИ ИЛИ ПРОЗА?

В конце 1970-х замечательный музыковед и фольклорист Дмитрий Покровский сделал попытку силами своего ансамбля распеть древнерусский текст «Слова» и пригласил меня консультантом.

Наша работа окончилась, едва успев начаться: в первый же день Покровский установил, что собственно фольклорные средства тут бессильны⁷¹. У фольклориста не было сомнений относительно подлинности «Слова» или стиховой его природы. Однако оказалось, что спеть этот текст в фольклорной традиции невозможно: слишком ярко выражено авторское начало, чрезмерно густа для песенного произведения концентрация звуковых (рифменных и аллитерационных) повторов, а постоянно меняющийся ритм не оставляет возможности для песенного распева.

Вместе с Покровским мы и пришли к выводу, что этот текст, написанный одним человеком не для пения, а для речитативного исполнения, принадлежит к традиции, исключаящей (а значит, и исключавшей в прошлом) его бытование в фольклорной среде.

Потому-то ни одно произведение древнерусской литературы так не искушает читателя стать исследователем, как «Слово о полку Игореве». Причина — бесконечная полисемия «Слова», основанная на поэтике непрекращающихся переосмыслений словесного материала. Переосмысляются Автором, превращаясь в яркие метафоры, феодальные клише⁷². Переплавляются в пламени поэтики «Слова» элементы фольклорные и книжные — славы, плачи, обрядовая лирика, мотивы славянских и тюркских мифов, стихи церковных песнопений, припевки Бояна, строки летописных преданий и воинских повестей. Постоянная борьба поэта с энтропией ведет к концентрации смысла, к череде метамоρφоз ритма, к каскаду рифм и аллитераций.

То, чего не найти в подражающей «Слову» прозаической «Задонщине», почему-то неизменно обнаруживается в первоисточнике.

Пятитомная «Энциклопедия “Слова о полку Игореве”», в подготовке которой под руководством Д. С. Лихачева участвовали лучшие академические силы, подвела предварительные итоги изучения «Слова» за истекшие два века. И тем обнажила кризис в исследовании

⁷¹ Весной 2005 года тот же вывод сделал новгородский фольклорист и реставратор древнерусских музыкальных инструментов В. И. Поветкин: «Это красиво, но это не фольклор».

⁷² См.: *Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова» // Слово о полку Игореве. М.: Л., 1950. С. 58.*

памятника. Нагляднее всего это видно по статьям о поэтике «Слова». Их автор, петербургский профессор В. В. Колесов убежден, что стихов в «Слове» нет (за исключением «попевок Бояна»).

К «поэтическим частям» Колесов относит «Плач Ярославны, Побег Игоря Святославича из плена, разговор Кончака с Гзой и некоторые другие». Но «поэтический» не есть синоним определения «стихотворный», и совершенно не ясно, какую именно часть текста занимают эти «некоторые другие» фрагменты. Колесов полагает, что основной корпус текста, сложенный «речитативным строем собственно ораторского “слова”, вряд ли можно определить как стихи»⁷³. В десятке своих статей в *ЭСПи* ученый пытается это доказать.

Однако уже сам список статей говорит об обратном.

Действительно, если быть уверенным, что перед тобой проза, какой смысл братья за написания сугубо стиховедческих обзоров «Аллитерация в “Слове”», «Анаграммы...», «Анафоры...», «Ассонанс...», «Звукопись...» и далее по алфавиту вплоть до «Рифма в “Слове”», «Стих “Слова”» и «Эпифора “Слова”»?⁷⁴

Впрочем, статья «Рифма в “Слове”» занимает неполную страницу, автор ограничивается лишь парой примеров глагольной рифмовки да несколькими существительными: песни — времени; ожерелье — веселие; хвалу — волю — землю.

Но, как ни парадоксально, собранные вместе статьи Колесова демонстрирует нам систему не ораторской, а собственно стиховой речи. Чего их автор не замечает, хотя и цитирует мнение В. Ф. Ржиги: «“Слово” полно звуков как никакое другое произведение мировой литературы»⁷⁵.

Дело даже не в методологической ошибке (мол, если это стихи, то покажите, что они «регулярные»). Поэтическая глухота — явление обычное. Проблема в том, что стиховедение по привычке не замечает принципиальной разницы между прозаическим и стихотворным способом мировыражения. Но разница огромна: лирический поэт существует в категориях фонетического мышления, у которого своя логика и свои собственные законы построения текста (К. И. Чуковский, как рассказывал мне В. Д. Берестов, называл это «звуковым мышлением»). Поэтический «звук» (цеховой термин А. А. Ахматовой,

⁷³ Колесов В. В. Стих «Слова» // *ЭСПи*. Т. 5. С. 64.

⁷⁴ Аллитерация — один из видов звукового повтора в поэтических текстах; анаграмма — некое слово, чаще всего имя, зашифрованное в тексте при помощи созвучных слов и их частей; анафора — так называемое «единоначатие» смежных стихов или строф; ассонанс — созвучие согласных звуков; эпифора — совпадение слов или звуковых повторов на концах смежных ритмических отрезков.

⁷⁵ Колесов В. В. Звукопись в «Слове» // *ЭСПи*. Т. 2. С. 218.

о чем знаю также от Берестова), а не формальное «равенство строчек», становится межевой чертой, по одну сторону от которой проза (даже если она написана четырехстопным ямбом с регулярной точной рифмой), а по другую — стихи. Вывод «есть звук» или противоположный — «нет звука» для Ахматовой был окончательным критерием определения поэтической подлинности.

Звук — не рифма и не аллитерация. Это раз и навсегда закрепленный в стихе комплекс эвфонии, артикуляционной пластики и ритмики самого дыхания стихотворца. В хороших стихах авторская интонация оказывается навеки запечатлена в стихе, чего не происходит в формально безупречных, но бездарных виршах, где интонацию надо не выявлять, а привносить извне. (Таковы и большинство песенных «текстов», даже весьма хороших, но, как правило, эстетически не существующих без поддержки музыкальной мелодией.)

Со стихами картина обратная: чем сильней и явственней собственная фонетическая их музыка, тем меньше шансов сделать их песней. Разумеется, и Пушкина, и Ахматову, и Мандельштама можно петь. Компромисс между фонетической и музыкальной мелодией обычно находится в пограничном жанре романса, или, как иногда говорят, — «романса на стихи».

Наличие *звука* приводит к повышению смысловой нагрузки на слово, то есть к еще одному информационному измерению текста.

Но если отсутствие музыкального слуха люди обычно признают, то отсутствие слуха фонетического (другими словами — стихового), как правило, даже не замечается. Но именно это может настолько объединять и скептика-историка, и апологета-литературоведа, что их разногласия о подлинности текста окажутся уже непринципиальными: многие традиционные текстологические недоразумения останутся таковыми, ибо обе стороны будут исходить из предпосылок, игнорирующих саму природу памятника.

Видимо, в древнем списке «Слова» стояли ударения. Об этом говорит сохранившееся в Екатерининской копии «Слова» ударение в словах не *худá гнѣзда*. Нетрудно догадаться, что ударение здесь поставлено ради сохранения рифмы. Однако, если текст скандировался (или читался нараспев), требование совпадения опорных гласных в рифме избыточно. Впрочем, корректная акцентологическая реконструкция «Слова о полку Игореве» — дело будущего⁷⁶.

⁷⁶ К сожалению, первый опыт такой работы (*Колесов В. В.* Ударения в «Слове о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. Т. XXXI. С. 23—76) не нашел положительного отклика у специалистов-акцентологов.

Практически вся древнерусская литература — это проза.

А это значит, что у специалистов по древнерусской литературе, как правило, просто нет опыта работы со стихом. Стиховой текст принципиально иначе организован, у него другое устройство семантического пространства, другая логика сюжетного развития. И потому многим академическим исследователям справедливо казалось, что в тексте «Слова» чего-то не хватает. Не видя «четвертого измерения» стиховой ткани (цеховой термин О. Э. Мандельштама), филологи постоянно должны были иметь дело с мнимыми пропусками и противоречиями.

Приведу лишь один пример. В издании 1800 года об Игоре читаем: *...иже истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половъцькую за землю Руськую.*

«Истянул, как лук, изострил, как меч, — метафоры, заимствованные из одного источника», — комментирует поэт (*Пушкин*. С. 150).

Уточним: здесь *весь* фрагмент построен на метафоре натягивания лука (а не на метафоре кузнечного производства, как в 1950 году предположил И. Д. Тиунов)⁷⁷. Игорь сначала стягивает «крепостью» свой ум (натягивает тетиву на лук или натягивает сам лук), после заостряет сердце мужеством (при натягивании лука пальцы держащей стрелу правой руки оказываются напротив сердца лучника), исполняется ратного духа (задержанное перед выстрелом дыхание) и наводит полки на землю Половецкую (лучник прицеливается).

В. Н. Добровольский ссылаясь на «старинную» идиому стянутый ум — ум, устремленный к цели⁷⁸. И сам поход Игоря будет стремительным, как полет стрелы (см. карту с реконструкцией его маршрута на с. с. 273). Но уже из этого ясно, что мы имеем дело с метафорическим мышлением поэта.

О близости «Слова» к поэзии скальдов писали Й. Добровский, Адам Мицкевич, Ф. И. Буслаев, М. И. Стеблин-Каменский, Д. М. Шарышкин. Идею о том, что «Слово» не фольклорный памятник, а древнерусская авторская поэма, «продукт придворной княжеской культуры Киевской Руси», обосновал в 1895 году немецкий славист Рудольф Абихт⁷⁹. Он полагал, что произведение написано под влиянием скальдической поэзии и в стихе «Слова» видел чередование двух- и трехударных полустихий.

⁷⁷ См.: ССПИ. Вып. 2. С. 167.

⁷⁸ Добровольский В. Н. Песни Дмитровского уезда Орловской губернии. 1905. Вып. 3–4. С. 309; см. также: Козырев 1975. С. 81.

⁷⁹ Булашин Д. М. Абихт // ЭСПИ. Т. 1. С. 20.

По справедливому мнению Абихта, отличие скальдического стиха от стиха «Слова» в том, что у северогерманских поэтов аллитерация является структурно организующим элементом стиха (начальная аллитерация объединяет два полустушия), а у древнерусского стихотворца — всего лишь свободный элемент украшения речи⁸⁰.

Однако сегодня и этот тезис оспорен, причем довольно забавно: «аллитерации в современном смысле слова в “Слове” нет, поскольку чередуются не отдельные звуки (=буквы), а слоги в целом»⁸¹.

Остановимся на истории вопроса.

В разное время «Слово» возводили к разным традициям словесности. Первоиздатели, комментируя имя Бояна, пишут:

Так назывался славнейший в древности стихотворец русский. <...> Когда и при котором государе гремела лира его, ни по чему узнать нельзя, ибо не осталось нам никакого отрывка, прежде великого князя Владимира Святославича писанного. От времен же его дошла до нас между прочими следующая народная песня, в которой находим уже правильное ударение, кадансом в стихотворстве называемое; но вероятно, что и та впоследствии переправлена⁸².

Далее в издании следует отрывок из тринадцати стихов:

Во славном городе Кieve,
У князя у Владимира,
У солнышка Святославича,
Было пирование почетное,
Почетное и похвальное
Про князей и про бояр,
Про сильных могучих богатырей,
Про всю Поляницу удалую.
В пол-сыта баря наедалися,
В пол-пьяна баря напивалися,
Последняя ества на стол пошла,
Последняя ества лебединая:
Стали бояре тут хвастати...

⁸⁰ Первые десять примеров аллитерации в «Слове» привел в 1877 году П. П. Вяземский, заметивший, в частности, что строка *Съ зараня въ пятокъ потопташа* имитирует конский галоп. (См.: *Творогов О. В. Вяземский // ЭСПИ. Т. 1. С. 267.*)

⁸¹ *Колесов В. В. Аллитерация в «Слове» // ЭСПИ. Т. 1. С. 48.*

⁸² Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича. М., 1800. С. 2.

Развивая это наблюдение, в 1820 году Н. Д. Цертелев обнаруживает стилистическое сходство «Слова» с фольклорными «богатырскими повестями» (теперь мы называем их былинами)⁸³.

Выдержки из былин приводил в приложении к своему изданию и С. Т. Тихонравов⁸⁴.

В 1877 году А. А. Потебня восстанавливал в «Слове» редуцированные звуки *ѣ* и *ѵ*⁸⁵. В конце XII века они уже не произносились, но при распеве могли звучать. Его поддержал и академик Ф. Е. Корш, известный, в частности, тем, что знал несколько десятков современных и мертвых языков (В. О. Ключевский называл его «секретарем при Вавилонском столпотворении»).

Корш был первым, кто поставил проблему реконструкции поэтических текстов (в том числе и пушкинских) и предложил свою версию древнерусского текста «Слова». По версии Корша «Слово» — древняя былина⁸⁶. К тому же выводу в конце 1930-х пришел А. И. Никифоров. Его неопубликованная четырехтомная докторская диссертация (две тысячи страниц машинописи) хранится в рукописном отделе Пушкинского Дома⁸⁷.

Еще в 1806 году А. Х. Востоков предположил, что стих «Слова» — подобие библейского стиха. Но он полагал, что это эпическое произведение, которое «с начала и до конца, как кажется, голая проза»⁸⁸. С ним не соглашался Н. М. Карамзин, писавший в «Истории государства Российского» (1818): «Сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотою языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов». Однако Вл. Бирчак (1910) находил параллели к «Слову» в традиции византийских церковных песнопений⁸⁹.

Украинский филолог М. А. Максимович (1833) видел в «Слове» «начало той южнорусской эпопеи, которая потом звучала и звучит еще в думах бандуристов». Хотя и оговаривал, что «Слово» сложено не для пения, а для чтения, «как Песнь о Калашникове Лермонтова»⁹⁰.

⁸³ Цертелев Н. Д. Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений. СПб., 1820. С. 4., примеч. 2.

⁸⁴ Слово о полку Игореве. М., 1866.

⁸⁵ Творогов О. В. Потебня // ЭСПИ. Т. 4. С. 158.

⁸⁶ Корш Ф. Е. Слово о полку Игореве // Исследования по русскому языку. СПб., 1909. Т. 2, вып. 6. С. I–LXIV; 1–29.

⁸⁷ Руди Т. Р. Никифоров // ЭСПИ. Т. 3. С. 315.

⁸⁸ Лихачев Д. С. Жанр «Слова» // ЭСПИ. Т. 2. С. 173.

⁸⁹ Прохоров Г. М. Бирчак // ЭСПИ. Т. 1. С. 119.

⁹⁰ Творогов О. В. Максимович // ЭСПИ. Т. 3. С. 203.

Почти через век, в 1922 году, другой украинский исследователь, Ф. М. Колесса, аргументировал связь «Слова» с украинскими народными думами, фольклорными плачами и заговорами. Он высказал мысль о том, что древний текст написан «неравносложными стихами», построенными так же, как произносимые речитативом стихи дум⁹¹. (Добавим, что в русской фольклорной традиции стиху украинских дум XVI–XVII веков близок «раешник» — раешный стих скоморохов.)

Во второй половине XIX века о природе «Слова» спорили два однофамильца — Всеволод Федорович и Орест Федорович Миллеры⁹². Оба были филологами и фольклористами. Первый доказывал книжное происхождение текста, отрицая его связь с народным или дружинным эпосом и демонстрируя влияние на «Слово» византийских и болгарских прозаических сочинений (Бояна он считал болгарским поэтом). Второй смотрел на памятник как на некое переходное явление от фольклора к личностному художественному творчеству и сделал произительное для своего времени наблюдение.

По мнению О. Ф. Миллера, «Слово» как повесть — произведение эпическое, а как выражение души самого поэта — лирическое. Кроме того, он подметил, что в отличие от былин в «Слове» нет и тени чего-либо богатырского и даже эпический элемент почти не выражен.

В. Ф. Миллер пережил О. Ф. Миллера почти на четверть века и одну из последних своих работ (1912) посвятил «Слову» и Бояну. В ней он не упомянул ни о болгарском происхождении Бояна, ни о подражании «Слова» болгарским и византийским церковным сочинениям. Видимо, аргументы оппонента-однофамильца в какой-то мере сделали свое дело, и В. Ф. Миллер, как пишет Т. В. Руди, «уделил значительное внимание связи памятника с национальной традицией “эпических песен”»⁹³.

В 1937 году Н. К. Гудзий отмечал, что все попытки найти в «Слове» стихи провалились. И полагал, что по ритмической своей организации текст напоминает скандинавские саги, представляя собой «чередование прозаических и стихотворных, в основе своей песенных фраз»⁹⁴.

От этого до признания всего текста прозаическим был только шаг.

В 1950 году И. П. Еремин предпринял обстоятельную попытку доказать, что «Слово» написано в жанре ораторской прозы и его должно отнести к типу политического торжественного красноречия.

⁹¹ *Водолазкин Е. Г. Колесса // ЭСПИ. Т. 3. С. 62.*

⁹² *Руди Т. Р. Миллер В.; Миллер О. // ЭСПИ. Т. 3. С. 249–254.*

⁹³ Там же. С. 252.

⁹⁴ Слово о полку Игореве // Литературная учеба. 1937. № 5. С. 46.

Его поддержал Л. А. Дмитриев. С критикой гипотезы Еремина выступил А. А. Назаревский, показавший, что «Слово» — произведение многожанровое и сводить его к ораторской прозе некорректно⁹⁵. Компромиссную позицию занял А. Н. Робинсон (1976): он считал, что перед нами первоначально устное, «но вскоре в незначительной мере литературно обработанное лироэпическое произведение»⁹⁶.

Д. С. Лихачев по этому поводу заметил:

Обращает на себя внимание жанровая одиночность «Слова». Ни одна из гипотез, как бы она ни казалась убедительной, не привела полных аналогий жанра «Слова». Если оно светское ораторское произведение XII в., то других светских ораторских произведений XII в. еще не обнаружено. Если «Слово» — былина XII в., то и былин от этого времени до нас не дошло. Если это воинская повесть, то такого рода воинских повестей мы также не знаем⁹⁷.

Не вдаваясь в перипетии всей этой двухвековой полемики, заметим, что были сделаны десятки попыток уложить древнерусский текст «Слова» в прокрустово ложе какой-то одной известной традиции. И каждый раз это *почти* удавалось.

К сожалению, то, что не вмещалось в предложенную парадигму, нередко объявлялось результатом порчи текста позднейшими его переписчиками.

Гипотезы, конъектуры, попытки правки оригинала (вплоть до перестановки страниц древнего текста и изъятия «вставок») привели к тому, что, если бы мы взяли на себя труд свести все уже предложенные реконструкции воедино, получилось бы произведение, лишь отдаленно напоминающее то, что опубликовал Мусин-Пушкин⁹⁸.

Создалась парадоксальная ситуация: поэты вот уже два века переводили «Слово» исключительно стихами, а ученые не нашли в нем ни одной из известных стиховых систем и по умолчанию видели в нем риторическую прозу. Давид Самойлов писал: «Не объяснен, к примеру, стих “Слова”. Нет сомнения, что оно написано стихами. Но какими?»⁹⁹

Этот порочный замкнутый круг (что хочешь найти в «Слове», то и найдешь) надо было как-то разорвать.

⁹⁵ Лихачев Д. С. Жанр «Слова» // ЭСПИ. Т. 2. С. 174.

⁹⁶ Там же. С. 175.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ В конце 1970-х Д. С. Лихачев сказал мне о предложенных Б. А. Рыбаковым перестановках текста: «Он правит автора “Слова” как своего аспиранта». Но именно так можно сказать и о многих других.

⁹⁹ Слово о полку Игореве. 800 лет. М., 1986. С. 562.

В середине 1970-х на мой вопрос, с чего бы вы начали, если бы занялись изучением «Слова о полку Игореве», Валентин Берестов ответил: «Я бы попытался понять, почему оно так прекрасно, как об этом пишет Лихачев. Сравните текст с самим текстом».

Сравнение показало, что «Слово» насыщено рифмами и аллитерациями. Это означало, их изучение и должно дать ответ на вопрос о жанре и природе текста.

Еще в 1914 году Н. К. Гудзий упрекал С. В. Щуратова за то, что он использует в своем переводе (1909) рифмы: «Ведь в самом “Слове” рифмы сравнительно редки, и вводить их в изобилии в перевод — значит нарушать стиль памятника»¹⁰⁰.

Из российских академических ученых второй половины XX века, пожалуй, только Д. С. Лихачев, А. М. Панченко и О. А. Державина признавали, что «Слово» может иметь стиховую природу. Они и поддержали мою работу о рифмах «Слова». С предисловием Лихачева вышла моя заметка в «Литературной газете» (1977, № 49)¹⁰¹. В другой нашей совместной публикации Д. С. Лихачев писал:

А. Чернов предлагает ритмическую реконструкцию памятника, исходя из своих наблюдений, касающихся рифмы и аллитерации в «Слове». Он показывает, что в тексте звучат уже утраченные к XII в. живым языком редуцированные *o* и *ь*, и при их произнесении возникают многочисленные рифмоиды¹⁰² вроде *Святославъ — злато слово* (Святославо — злато слово), *Игорь — возре* (Игоре — возре) и т. д. <...> Подмеченное явление положено А. Черновым в основу его ритмической реконструкции и стихотворного перевода. Автор идет от синтаксического разделения текста, и потому его работа находится в русле традиционных ритмических реконструкций «Слова». <...> Интересно, что автор демонстрирует единство текста «Слова», показывает связь ритмики и фонетики памятника...¹⁰³

Однако в середине 1980-х сколь-нибудь продуманной системы доказательств стиховой природы «Слова» у нас не было. Сегодня уже не на материале нескольких десятков рифмоидов, а на всем тексте можно показать, что «Слово» — это авторские стихи.

Древнерусский текст практически без конъектур укладывается в русло тонического по своей природе, но достаточно свободного

¹⁰⁰ *Дмитриев Л. А.* Гудзий // *ЭСПи*. Т. 2. С. 69.

¹⁰¹ См. также: *Лихачев Д. С.* О статье Андрея Чернова // *Литературная учеба*. 1978. № 6. С. 168.

¹⁰² Неточные (с точки зрения силлабо-тонической традиции) рифмы.

¹⁰³ *Лихачев Д. С.* Скрытые открытия автора «Слова» // *Литературное обозрение*. 1985. № 9. С. 6–8.

аллитерационного стиха. И во всем памятнике прослеживается единая стиховая система. Просто она не похожа на фольклорный стих.

Чешский славист Славомир Вольман заметил, что у всех зачинов «Слова» восходящая интонация (*Не льпо ли ны бяшетъ, братие...; Боянь бо вѣщій...; О Бояне, соловію стараго времени... и т. д.*), а у всех концовок — нисходящая (*...славу рохотаху; ...за землю Рускую; ...а любо испити шеломомъ Дону и т. д.*).

В результате Вольман пришел к выводу, что сама звукопись «Слова» (аллитерация, ассонансы, звуковые анафоры и эпифоры), а также многочисленные поэтические тропы подтверждают, что это стихи и перед нами «лиро-эпическая песнь с исторической основой, окрашенная сильным пафосом современности»¹⁰⁴.

Какова стиховая система «Слова» — нам предстоит выяснить.

ЧТО ЕСТЬ СТАРЫЕ СЛОВЕСЫ

Если «Слово о полку Игореве» — единственный дошедший до нас без видимых утрат образец древнерусской дружинной поэзии, то как тогда быть с теми сугубо книжными параллелями, которые в этом произведении ищут и находят вот уже более двух веков?

Сам Автор определяет жанр своего произведения трижды. И каждый раз ответ у него получается разным. В заголовке сказано «Слово...». А потом — «повесть» и «песнь».

Все три определения точны. В «Слове о полку Игореве» хватает политики и публицистики (слово), при этом в нем стихами (песнь) излагается конкретный сюжет современной истории (повесть).

Неоднократно отмечалось, что в зачине автор размышляет о том, «как повести речь, какого принципа изложения придерживаться»¹⁰⁵. Такой зачин свойствен византийской литературе¹⁰⁶. Но это значит, что с первых же строк поверх собственного текста автор обращается к метатексту. И дело не в авторской рефлексии по поводу еще не написанного сочинения, не в творческих колебаниях, не в проблеме выбора манеры. Поэт не выбирает манеру — талант, эпоха и сам

¹⁰⁴ Гребнева Э. Я. Вольман // ЭСПИ. Т. 1. С. 232

¹⁰⁵ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 100.

¹⁰⁶ Миллер В. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877. С. 62.; см. также: Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» / Ответственный редактор Д. С. Лихачев // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 65.

материал повествования делают это за него. А потому уместно вспомнить скоморошью поговорку: какой мед, такие и песни.

Автору «Слова» достался не горький, а горчайший напиток.

И чтобы осушить чашу скорбных времен до дна, потребовался синтез слова, повести и песни.

Древнерусская литература знает конструкции, подобные первой фразе «Слова»: *Нъ нѣсть льпо прыздѣникъ съмотрити...* (Изборник Святослава, 1073 год); *Льпо бы намъ, брате, надежю имѣти къ Богу уповающее...* (Житие Феодосия, около 1088 года); *А льпо ны было, братѣ, възряче на Божию помочь...* (Ипатьевская летопись, 1170 год, Стб. 538); *Льпо бы намъ, братия, по вся дни зла не творити...* (Слово и поучение против язычества, XV век).

Однако зачин «Слова» *Не льпо ли ны бяшетъ, братие...* почему-то врезается в память того, кто хоть раз его прочитал или услышал. Покажем, что дело в звуковой его организации, в совмещении двух типов эвфонической симметрии.

1. Зеркальная симметрия:

НЕ	НЫ
ЛЪ	ЛИ
	ПО

2. Прямая симметрия:

Б'	Бр
Аше	А
Т/Е	ТИЕ

Графически здесь и возникает что-то вроде чаши. А в ней эхом откликается первая фраза Библии («Берешит бара...»), которая в русском переводе звучит без какой-либо аллитерации («В начале сотворил...»), но в церковнославянском изводе, как и по-древнееврейски, акт творения и по смыслу, и фонетически проистекает из некоей начальной точки: *ИССТАРИ СОТѠРИ...*

Итак, *В начале сотворил Бог небо и землю...*

Сравним с оригиналом: *БЕРЕШИТ БАРА... — ...БЯШЕТЪ, БРАТие, начати старыми словесы...*

В Пятикнижии далее следует описание новорожденной земли, ну а в «Слове» уже со второй фразы начинается рассказ о Мировом Древе — мифопоэтической модели мироустройства древних славян.

Значит, надо полагать, автор «Слова» знал, как звучит начало Торы по-древнееврейски, и «срифмовал» свой зачин с библейским.

И в этом нет никакой «мистики».

Во-первых, подобные *подразумеваемые рифмы* (как правило, впрочем, смехового характера) хорошо известны в пародийных древнерусских сочинениях. Скажем, «Служба кабаку» начиналась с парافраза молитвы: было *Отче наш...* — стало *Кабатче наш...*

Во-вторых, в городах Киевской Руси можно было встретить книжников самых разных народов, в том числе и греков, и иудеев.

В-третьих, мы еще не раз убедимся, сколь чуток к звучащему слову древнерусский поэт. (В пушкинских бумагах есть записи турецких слов, хотя турецкого языка Пушкин не знал.)

Древнееврейский текст аукается фонетически (*берешит бара — бяшетъ, братие*), а его смысл передан вербально (*начати старыми словесы*; и ниже о Бояне: *...аще кому хотяше пѣснь творити*).

При этом *начати старыми словесы* — эхо не только к началу Библии, но и к первому стиху Евангелия от Иоанна: *В начале бе Слово...*

Значит, автор «Слова» воспринимает свой текст как продолжение библейского текста и продолжение русского летописания. И такое восприятие закономерно, оно задано не только поэтической дерзостью поэта, но самим фактом крещения Руси в 988 году.

А упоминание о «трудных повестях» вместе со словами *почнемъ же, братие, повѣсть сию* (начнем же, братия, повесть сию) отсылает нас и к первой фразе «Повести временных лет»: *Се начнемъ повѣсть сию...*, и к началу Евангелия от Луки: *Понеже убо мнози начаша чинити повѣсть...* Но ведь и сама русская летопись начинается с рассказа о разделении народов после потопа, а значит, мыслится как продолжение библейского повествования.

Итак, автор «Слова» — христианин и книжник, читающий на разных языках или, по крайней мере, представляющий, как звучит в оригинале начало Торы. А если принять во внимание звуковую симметрию зачина «Слова», можно сделать вывод (покуда предварительный), что мы имеем дело с поэтическим текстом.

Его автор сообщает нам, что будет петь «старыми словесы», а сама поэма написана в то время, когда в древнерусском языке почти завершилось падение редуцированных. Однако исчезнувшие в древнерусских говорах к середине или концу XII века полугласные *еры* и *ери* в стихотворной традиции еще продолжали звучать. (Во французской поэзии так и сегодня может произноситься конечное немое «e».)

Мы еще не раз убедимся, что «Слово» — не ораторское произведение, а написанная тоническими стихами авторская поэма. И в этих стихах, построенных как один непрекращающийся каламбур (только не смеховой, а страшный), в рифме и аллитерации звучат уже утраченные древнерусским языком редуцированные звуки *ѣ* и *ь*.

«Слово» наполнено самоцитатами. В начале песни солнце заступает Игорю путь, в конце — «светится на небесах». В начале кровавые зори, а в конце соловьи *свьть повьдають*. При Олеге Гориславиче «часто вороны граяли», а во время побега Игоря «вороны не граяли, галки примолкли». И голоса, что «приуныли» после поражения Игоря, по его возвращении «вьются через море до Киева». Таких самопереосмыслений в поэме множество, и говорят они о том, что от заглавия до «аминя» текст написан одной рукой.

Единство места, времени и текста — фундаментальное свойство собственно лирического сознания.

Д. С. Лихачев не раз повторял, что автор «Слова о полку Игореве» не рассказывает о походе Игоря, его причинах и последствиях, но оценивает их. Отсутствие установок на последовательное изложение событий — аргумент за то, что «Слово о полку Игореве» написано вскоре после Игорева похода.

Если автор не излагает, но лишь оценивает произошедшее, значит, его читатели (или слушатели) сами находят внутри контекста и обстоятельств эпохи.

В поэтическом произведении плотность текста обратно пропорциональна его эпической составляющей. Чем больше игры смыслов, тем меньше фабульности. И чем проявленной авторское лирическое начало, тем время создания текста ближе к реальным событиям, о которых в нем повествуется.

Поэту просто неинтересно излагать общеизвестное. Его дело — найти тайный смысл, отыскать скрытые пружины события.

И он, как на музыкальном инструменте, играет на нашей душе, выстраивая сюжет в ущерб фабуле и жертвуя подробностями ради *смыслообразующих деталей*. По библейской версии, отражающей наиболее древние и фундаментальные представления человечества, мир творится Словом и при посредстве слова.

На земле работой, преобразующей хаос в космос, заняты поэты, художники и музыканты. И чем больше мера хаоса, тем более труда и вдохновения требуется для гармонизации бытия. А потому поэтическое слово — способ преобразования времени и пространства через преобразование сознания читателей (и самого поэта).

По-гречески «космос» — это порядок. С системы *упорядочения порядка* и начинается автор «Слова»:

Не льпо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудныхъ повьстии о пълку Игоревь, Игоря Святъславлича?

Частицу «ли» можно переводить как вопросительную, а можно как усилительную.

А. С. Пушкин склонялся ко второму варианту:

Все занимавшиеся толкованием «Слова о полку Игореве» перевели: «Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не славно ли, други, братья, братцы, было воспеть древним складом, старым слоном, древним языком трудную, печальную песнь о полку Игореве, Игоря Святославича?» <...> Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же песнь по былинам сего времени (то есть по-новому) — а не по замыслению Боянову (то есть не по-старому). Явное противуречие! Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слоном печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна. Стихотворцы никогда не любили упрека в подражательности, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна...¹⁰⁷

Пушкин и прав, и не прав. Он точно почувствовал противуречие, заложенное в зачин самим автором «Слова», но несколько спрямил логику синтаксической конструкции. Для того чтобы понимать зачин «Слова» по-пушкински, вовсе не надо воспринимать «ли» как усиленную частицу. При вопросительном «ли» смысл всего сказанного остается ровно таким, каким его понял Пушкин: «старыми словесы», но по делам и былям нынешнего времени.

Отчего же поэт не хочет расстаться со «старым складом»?

А. М. Панченко полагал, что «Слово о полку Игореве» написано славянским «безразмерным» стихом, сложившимся в результате перехода с силлабической системы стихосложения на тоническую. (Здесь же ученый писал о «традиции искусственного произношения редуцированных»¹⁰⁸, которая на материале «Слова» была позднее подтверждена нами на многих примерах их рифменного звучания¹⁰⁹.)

Падение редуцированных должно было создать в XII–XIII веках такую ситуацию, при которой силлабическое равенство нарушилось, и наряду со слоговой длинной мерой все чаще стал выступать другой фактор — ударение. Автор «Слова» пытается держаться за «старые словесы», и потому в ряде случаев его стих силлабичен. Но поскольку

¹⁰⁷ Пушкин. С. 148.

¹⁰⁸ Панченко А. М. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства // ТОДРЛ. Т. XX. М.; Л., 1964. С. 263.

¹⁰⁹ То, что *ѣ* и *ь* некогда произносились, открыл младший современник А. И. Мусина-Пушкина замечательный русский филолог Александр Христофорович Востоков (1781–1829). Странно, но до сих пор никто не высказал предположения, что он в десятилетнем возрасте и сочинил «Слово о полку Игореве».

уже не силлабическая, а тоническая (ударная) стихия сама определяет движение стиха, порой возникает подобие хоря или ямба, ну а порой трехдольника. В этом древнерусский поэт на столетия опережает время. Силлабо-тоническая реформа будет проведена только в XVIII веке Третьяковским и Ломоносовым, а активную борьбу с силлабо-тоникой начнут в начале XX века Хлебников и Маяковский.

Возникает и нечто похожее на принцип кинематографического монтажа, открытого Эйзенштейном и Пудовкиным. (К примеру, когда в фильме «Цирк» гимнаст опаздывает на представление и директор вынужден заменить номер, в зале начинается свист. В следующем кадре этот свист продолжается свистком милиционера, который на улице задерживает пропавшего артиста.)

Так и автор «Слова», повествуя о битве, при помощи рифмы проваливается на столетие в глубины истории, чтобы показать, что поражение Игоря обусловлено «крамолами» его деда Олега Гориславича.

Сказители быстро освоили тоническое стихосложение. «Слово о погибели Русской земли» написано около 1240 года сказовым (нерегулярным тоническим) стихом, а в цитирующей эту былинку «Задонщине» есть и вкрапление рифмованного раешника:

Уже намъ, брате,
в земли своеи не бѣвати,
а дѣтѣи своих не видати,
а катунь своих не трепати,
а трепати намъ сырая земля,
а цѣловати намъ зелена мурова,
а на Русь намъ уже ратью не х<а>живати,
а выхода намъ у русских князеи не прашивати¹¹⁰.

(Первые четыре строки аукаются со «Словом о полку Игореве».)

Но в конце XII века фольклорная традиция еще могла сохранять силлабику. Вот два примера из Даниила Заточника (реконструкция):

Кому Переяславль,	7 слогов
а мьне Гориславль.	7
Кому Боголюбово,	7
а мьне горе лютое.	8

Не зъри на мя, акы вѣлкъ на аг<ъннца>, 14
но зъри на мя, акы мать на младъннца 14

¹¹⁰ Это цитирование одной из не дошедших до нас былин о Мамаевом побоище находим в списке ГИМ, № 3045 (И-2). Правка по списку Ундольского № 632 (У).

А вот один из древнейших образчиков стёба¹¹¹. Это затемненная нехитрым шифром новгородская берестяная грамота № 46.

Читать этот текст XIV века следует сверху вниз и слева направо:

Н	В	Ж	П	С	Н	Д	М	К	З	А	Т	С	Ц	Т
Е	Е	Я	И	А	Е	У	А	А	А	Х	О	Е	И	А
						Невежа	писа					5		
						недума	каза					5		
						а	кто	се	цита...			5		

Последние пять слогов утрачены, но их подсказывает рифма к *каза*. Очевидно, это *а той гуза* (задница), и оторванный правый край грамоты говорит о ярости прочитавшего. Переведем:

Что невежа написал —
 Недоума показал.
 А кто зарится,
 Тот — задница.

Данная модель, как отмечает В. Л. Янин, дожила до наших дней: «Кто писал, не знаю, / А я, дурак, читаю»¹¹². Но есть и более близкая параллель: «Кто сюда глянет, / У того нос отвянет».

Пример силлабики, доведенной уже до хорея, то есть до правильной силлабо-тоники, обнаруживаем в Новгородской первой летописи (год 1219): *Отымаша конии 700 и придоша сдрави вси*. (Отняли 700 коней, и все вернулись в здравии.) Объясним, как это надо читать. Число 700 записывалось буквой «ψ» (пси). Пригнать из Литвы табун в семьсот коней хоть и трудно, но возможно. Однако легче допустить, что автор, предвосхищая на восемь веков интонацию Василия Теркина, подсмеивается над теми читателями, которые читать-то уже научились, а считать до семисот еще не могут. Видимо, перед нами уникальный образчик стёба древнерусского школьного учителя:

Отымаша конии Пси	8 слогов
И придоша сдрави вси.	8

Значит, силлабическая традиция в рудиментарном виде сохранялась и после падения редуцированных.

Здесь же стоит привести и реконструкцию московской сказочницы Татьяны Ивановны Александровой, которая в конце 1970-х

¹¹¹ *Стёб* — словесная порка (родственное слово «стебель»).

¹¹² *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М., 1998. С. 68–69.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

однажды сказала нам с Берестовым, что догадалась, как первоначально звучали поговорки «Седина в бороду, а бес в ребро» и «Чем дальше в лес, тем больше дров»:

В браде сребро,	4
А бес в ребро.	4

(Видимо, насмешка над немолодым батюшкой, оснащающим свою речь славянизмами, но имеющим слабость к женскому полу.)

Чем дале во лес,	5
Тем боле древес.	5

(Древняя школярская поговорка, в которой «лес» — книжный текст, а «древеса» — те же церковнославянизмы.)

Языковая перестройка XII века трансформировала язык поэзии. Падение редуцированных окончательно разрушило мелодичный строй древнеславянской речевой системы, формулу которой обычно записывают *СГСГС...* (согласный + гласный, согласный + гласный и т. д.).

В результате открылись новые возможности для игры ритмом, возникла неравносложная рифмовка (так Маяковский будет рифмовать *врезываясь — трезвость*).

В «Слове» мы встречаем рифмовку обоих типов: *онь — порожденно — воронь* и уже известное нам *Святъславъ — злато слово* (*ѣ* звучит при огласовке как *о*), но *Игорь — възъръ, чьсти и живота — Чьрнигова* и т. д. (*ѣ* звучит как *е*).

Таким образом, под старыми словесами трудных повестей автор «Слова» имеет в виду звучание редуцированных, от которого он, судя по рифмоидам текста, отказываться не собирается.

В древнейшем Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» читаем: *Первѣе встѣхъ вшедъ восхвалимъ въщаго Бояна в городѣ в Киевѣ, гораздо<го> гудца. Тои бо въщии Боянъ воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскимъ княземъ, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю, восхваляя ихъ пѣс<нѣ>ми и гусельными буиными словесы...*

Переведем: «Прежде всего восхвалим вещего Бояна, искусного киевского песенника. Тот вещий Боян, возлагая свои золотые персты на живые струны, пел славу русским князьям — первому князю Рюрику и Игорю Рюриковичу, Святославу Ярославичу и Ярославу Владимировичу, восхваляя их песнями и гусельными ярыми словесами...»

За флером цитаты из «Слова» скрыт пласт новой для нас информации, которая косвенно подтверждается самим «Словом», но которую автор «Задонщины» взял из какого-то другого источника.

Эхо «Слова» угадывается и в поэтическом тексте XIII века, созданном во время первого или второго похода монголов на Русь (цитирую по изданию «Слово о полку Игореве», Л., 1967, с. 359):

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ

О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руская!
 И многими красотами удивлена еси:
 озера многими удивлена еси,
 рѣками и кладязьми месточѣстными,
 горами крутыми, холми высокими,
 дубравами частыми, полями дивными,
 звѣрьми разлычными, птицами бесчисленными,
 города великими, селы дивными,
 винограды обителными¹¹³, дома церковными,
 и князми грозными, бояры честными, вельможами многими.
 Всего еси исполнена земля Руская,
 о прававѣрная вѣра хрестиянская!
 Отсель до Угорь и до Ляховъ, до Чаховъ¹¹⁴,
 от Чаховъ до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець,
 от Нѣмець до Корѣлы, от Корѣлы до Устьяго,
 гдѣ тамо бяху тоимици¹¹⁵ погании, и за Дышючимъ моремъ¹¹⁶,
 от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртась¹¹⁷,
 от Буртась до Чермись, от Чермись до Морьдвы, —
 то все покорено было Богомъ хрестиянскому языку
 поганьскыя страны великому князю Всеволоду,
 отцю его Юрю, князю Киевьскому,
 дѣду его Володимеру и Манамаху,
 которымъ то половоци дѣти своя <поло>шаху в колыбѣли,
 а литва из болота на свѣтъ не выникываху,
 а угры твердыху каменныя города желѣзными вороты¹¹⁸,
 а бы на них великыи Володимеръ тамо не вѣхаль.
 А нѣмци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ.
 Буртаси, черемиси, вьда¹¹⁹ и морьдва бортьничаху¹²⁰

¹¹³ Садами монастырскими.

¹¹⁴ До чехов.

¹¹⁵ Видимо, языческое племя, жившее близ реки Тоймы (приток Сев. Двины).

¹¹⁶ Белое море. (Этот и три предыдущих стиха цитирует автор «Задонщины».)

¹¹⁷ Болгары и буртасы жили на Волге.

¹¹⁸ Тут надо читать «каменные горы». (См. на с. 102.)

¹¹⁹ *Вьда* — не западное финское племя воль, живущее на Ижорском плато (как это полагают), а удмурты, живущие близ реки Вятки (указано Е. А. Рябиным).

¹²⁰ Платили дань медом.

на князя великого Володимера,
и <к>юръ¹²¹ Мануиль Цесарегородскый опась¹²² имѣя,
поне и великыя дары посылаша к нему,
а бы под нимъ великый князь Володимеръ
Цесарягорода не взял.
А в ты дни болѣзнь крестияномъ,
от великаго Ярослава и до Володимера,
и до нынѣшняго Ярослава¹²³,
и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго...

Полагают, что это предисловие к не дошедшей до нас светской биографии Александра Невского, написанное по смерти князя. Но перед нами не проза, а стих (хотя и достаточно свободный, сказовый).

Считается, что «Слово о полку» и «Слово о погибели» объединяют лишь некая схожесть жанра да загадочное «сходство поэтических особенностей»¹²⁴. Но А. В. Соловьев выделил двадцать семь пунктов близости этих текстов¹²⁵. Остановимся лишь на двух строках:

а угры твердяху каменныя города желѣзными вороты,
а бы на них великый Володимеръ тамо не въѣхалъ.

Венгры укрепляют каменные города железными воротами, дабы «Владимир там не въехал». Но поскольку на городские стены нельзя *въехать*, то очевидна ошибка, а точнее, неверная интерпретация протографа, в котором речь шла не о каменных городах, а о каменных горах (конъектура А. В. Соловьева). Их-то угры, страшась Владимира Мономаха, и крепили «железными воротами» (реминисценция с летописными «Железными Вратами» в предгорьях Кавказа, за которые тот же Владимир Мономах загнал Отрока, отца Кончака). И только в этом случае образный ряд получается простым и естественным: в болотах — литва, на Угорских горах — венгры, за синим морем — немцы. Но это в «Слове о полку Игореве» Ярослав Осмомысл «подпер горы Угорские своими железными полками» (как палками), а его дочь говорит, что Днепр «пробил *каменные горы* в земле Половецкой». Следовательно, «Слово о погибели Русской земли» — эхо «Слова о полку Игореве».

---

¹²¹ Господин (*греч.*).

¹²² Опасение.

¹²³ В «Слове о полку Игореве»: «от старого Владимира до нынешняго Игоря».

¹²⁴ Дмитриев Л. А. Слово о погибели Русской земли // ЭСПИ. Т. 5. С. 7.

¹²⁵ Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. 1948. № 25. С. 71.

Как не раз писал Д. С. Лихачев, на Руси слава предков передавалась не от отца к сыну, а от деда к внуку. Потому автор «Слова о полку Игореве» обходит умолчанием поколение «отцов», чтобы рассказать о дедах и прадедах. По «Слову» можно сделать вывод, что Боян сочинял свои славы на протяжении полувека — с начала 1020-х до начала 1070-х годов (от «старого Ярослава, храброго Мстислава» до Всеслава Полоцкого и «красного», то есть еще юного Романа Святославича). Однако в «Слове» нигде не сказано, что Боян сравнивал современных ему князей XI века с первыми князьями IX века. Манера «свивать славы вокруг сего времени» присуща самому автору «Слова», который в XII веке поет своему современнику Святославу Всеволодичу, а воспеваает князей древности Ярослава Мудрого и «старого Владимира»¹²⁵. (Старым Вальдемаром скандинавские скалды называли крестителя Руси Владимира Святославича.)

Но если судить по тексту «Задонщины», маловероятно, что ее автор мог, исходя из ткани «Слова», не только реконструировать манеру Бояна, но и достаточно достоверно указать, с какими именно князьями Боян сравнивал своих современников. Скорее, фольклорная (дружинная) память о Бояне дожила до XV века, и автор «Задонщины» (или один из переписчиков), вероятно, некогда сам дружинник, знал о вещем певце Ярослава и Святослава Ярославича больше, чем он мог взять из «Слова».

«Повесть временных лет» сохранила для нас два фрагмента дружинной поэзии. Самый древний из них относится к 964 году и повествует о походах Святослава Игоревича.

Цитирую по Лаврентьевской летописи:

...Легко ходя, аки пардусь, воины многи творяше. Ходя возъ по собъ не возяше, ни котъла, ни мясь варя, но потонку изръзавъ конину ли, звърину ли или говядину, на углех испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подькладъ по-славъ и съдло въ головахъ. <...> И посылаше¹²⁶ къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку рьку и на Волгу...¹²⁷

Здесь превосходна не только ритмика, но и сама поэтика: чего стоит одна только имитация походки гепарда в первом же стихе (*ЛеГЪКО ХОДя, аки пардусъ...*) — кошачья пластика, сопровождаемая

¹²⁶ Так в Лаврентьевской летописи (ритмически сомнительное и мало звучащее с подхватывающим эту эвфоническую тему глаголом *постьлахъ*), а в Ипатьевской и вовсе *посылаце*.

¹²⁷ Повесть временных лет // Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. СПб., 1999. С. 31.

звонким постукиванием когтей¹²⁸. Попутно заметим, что именно в Лаврентьевской летописи сохранен реликтовый *ѣ* в слове «легъко». В Ипатьевской летописи стихотворный строй в начале и конце этого отрывка полностью разрушен: *...бѣ бо и самъ хоробрѣ и легокѣ, ходя акы пардусѣ <...> но подѣкладѣ постилаше а стѣдло въ головахѣ*¹²⁹.

Итак, XII век — эпоха перестройки древнерусского языка. Из речи уходили редуцированные (полугласные) звуки *ѣ* («ер», звучащий как короткое «о») и *ь* («ерь», смягчавший предыдущую согласную и звучащий примерно как короткое «е»). В одних случаях они превращались в гласные, в других (например, в конце слова после согласных) утрачивались. Процесс этот шел неравномерно, и на юге уже к середине XII века редуцированные исчезли, а в Новгороде какое-то время еще сохранялись. Однако в стиховых текстах редуцированные звучали и звучат. Огласовку редуцированных (даже в слабых позициях) можно услышать в шляпинских грамофонных записях русских былин и в духовных стихах старообрядцев.

Гипотеза о произнесении редуцированных в «Слове» (А. А. Потебня и Ф. Е. Корш) была поддержана Е. А. Ляцким¹³⁰. О том же писал и Николай Заболоцкий¹³¹. Ссылаясь на исследования историков музыки и мнение А. А. Потебни («древние редуцированные вовсе не так далеко остались за нами, как думают некоторые»), он напоминал, что «эволюция полугласных произвела целый переворот в культовом пении Древней Руси». До XV века в певческих рукописях каждая редуцированная имела над собой музыкальный знак, а значит, произносилась». Скажем, слово *дньвьсь* распевалось на три знака. С XV века, чтобы сохранить традиционный напев, записывают *денесе*.

Звучание (а точнее прояснение) слабых редуцированных в «Слове» было подтверждено в 1977 году примерами превращения прозаического текста этого древнерусского памятника в рифмованные стихи¹³².

¹²⁸ У гепардов, которых на Русь привозили из степей Азии и с которыми князья охотились, как с гончими, «невтяжные», как у собак, когти.

¹²⁹ *Ипат.* Стб. 52, 53.

¹³⁰ *Ляцкий Е. А.* Звукопись в стиховом тексте «Слова о полку Игореве» // *Slavia*. Praha, 1938.

¹³¹ *Заболоцкий Н. А.* К вопросу о ритмической структуре «Слова о полку Игореве» // *Вопросы литературы*. 1969, № 1. С. 176–187.

¹³² *Чернов А.* У истоков русской рифмы // *Литературная газета*. 1977. № 49. С. 6; *Слово о полку Игореве: Сб. / Составитель А. Е. Тархов.* М., 1981. С. 124–295; *Слово о золотом слове.* М., 1985; *Вслушаемся в «Слово о полку Игореве» // Литературное обозрение.* 1985. № 9. С. 8–10; *Бежали струны по гуслиам // Слово о полку Игореве. 800 лет.* М., 1986. С. 501–515; *Поэтическая полисемия и сфрагида автора в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве».* Л., 1986. С. 270–293.

В «Поэме без героя» к строке «Не ко мне, так к кому же?» Анна Ахматова делает сноску: «Три “к” выражают замешательство автора». Однако много труднее произнести фразу из «Слова» с тем же сближением трех «к»: *И рекъ Гзакъ къ Кончакови*. (Так в рукописи, снятой в конце XVIII века для Екатерины II, Первых издателей «Слова» эта фраза, видимо, столь шокировала, что они ее отредактировали: *И рече Гзакъ къ Кончакови*. Но злополучный стык трех «к» все же остался.)

Гзак с Кончаком рассуждают о грядущей судьбе Владимира Игоревича. И если мы вспомним, что *ъ* должен читаться как короткое *о*, то непроемкость этой строки будет преодолена: *И реК/О Г/ОзаК/О К/О КОнъчаКОВи...* Пятикратное «ко» имитирует речь «лебедей» (половцев). Впрочем, согласно одной из этимологических версий, Гза (в «Слове» Гзак) — по-тюркски значит «гусь»¹³³.

Из-за падения редуцированных должна была перестроиться и система рифмовки. После того как «еры» в слабых позициях перестали звучать, «правильная» рифма в стихотворном отрывке о язычнике Святославе «постылах/о — головах/о» не без переводческого изящества была заменена ассонансом, сохраненным в Лаврентьевской летописи: *пос<т>лав — головах*, а прочие глаголы в форме первого лица — ритмически адекватными им формами третьего лица (*творяше — возяше* и т. д.).

Первоначально же весь текст, видимо, строился на монориме¹³⁴ и произносился якобы от Святославова «я»: *творяхъ — возяхъ — ядыхъ — имяхъ — постылахъ — головахъ — посылахъ*.

Если держаться за созвучие *постлав — головах*, придется признать, что фрагмент этот явно позднего происхождения и должен быть написан после падения редуцированных в слабых позициях. Но это невозможно, поскольку рассказ о походах князя X века должен восходить к тексту, современному этим походам. Однако все встанет на свои места, если мы допустим, что перед нами перевод с того древнерусского языка, в котором редуцированные звучали и в слабых позициях, на язык XIII–XIV веков, притом перевод бережный, сохранивший, пусть и в ослабленном виде, конечную рифмовку.

Но под/о/клад/о пост<е>лах/о
И съдыло в/о головах/о...

¹³³ *Березин И. Н.* Рецензия на книгу «Игорь, князь Северский» / Перевод Н. Гербея. СПб., 1854 // Москвитянин. 1854. № 22.

¹³⁴ Наиболее простая система рифмовки, при которой многократно эксплуатируется какое-то одно созвучие.

Хороша (и, может быть, для X века даже свежа) заключительная, с ударением на последних слогах, рифма: на Оку — <на> реку́.

Если мы обратимся к лексике этого стихотворения, то увидим, что ключевые слова взяты как будто из «Слова о полку Игореве»: *възмужавшу, воины многи, изрѣзав, звѣрина, постылавъ, пардус*. Разумеется, на самом деле все наоборот: это автор «Слова» черпает из дружинной «славы» о Святославе Игоревиче и, вероятно, даже без посредничества летописца.

По «Повести временных лет» Святослав объявляет: *Хочу на выити*. И идет на Оку и Волгу. А в «Слове» Игорь заявляет, что хочет преломить копье о край Поля Половецкого, и Див «велит послушать земле неизвестной — Волге, Поморию...». И в обоих случаях речь идет о выступлении русских князей в поход на «землю неизвестную».

Стихотворными следует признать двенадцать строк этого фрагмента, построенного на чередовании длинного и короткого стиха. Речь от первого лица, то есть это монолог Святослава о себе самом:

...Легко ходя, аки пардусъ,	10 слогов
воины многи творяхъ,	8
ходя възь по собѣ не возяхъ,	11
ни котъла, ни мясь варя.	9
Но потонку изрѣзавъ конину ли,	12
звѣрину ли, говядину	8
на угляхъ испекъ ядыхъ,	10
ни шатра имяхъ,	6
но подъякладъ постылахъ	9
и сѣдло въ головахъ...	9
И посылахъ къ странамъ, глаголя:	12
—Хочю на вы ити!..	6

Нечетные стихи — основа, четные — утѣк. Другими словами, переплетены две ритмические структуры, и нечетные стихи (9–12 слогов) практически всегда чуть длиннее четных (6–9 слогов). Регулярное повторение такого дыхания стиха составляет систему, следовательно, мы имеем дело с попавшей в летопись цитатой из столь мало нам известной древнерусской дружинной поэзии. А поскольку перед нами не силлабическое, а тоническое устройство стихотворной ткани, или, сказать точнее, — переходный вариант между силлабикой и тоникой, это или цитата из Бояна, или фрагмент текста еще более раннего поэта.

Однако вариант того же ритмического рисунка (две длинные строки — одна короткая) мы обнаруживаем в рассказе о Лиственской битве Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутороканского.

Под 1024 годом в Лаврентьевской летописи читаем:

И бѣв/ѣ/ши нощи, бѣсть т/ѣ/ма.	10 слогов
Молонья и громъ, и дождь.	10
И бѣсть сѣча сил/ѣ/на,	8
Яко посвѣтяше молонья,	10
блещашеться оружье,	9
И бѣ гроза велика	7
И сѣча сил/ѣ/на и страш/ѣ/на.	10

Двойное чередование двух пар длинных стихов (9–10 слогов) с одиночными короткими (8 и 7 слогов) завершается одним длинным (10 слогов). Мы вправе полагать, что перед нами семистрочная строфа Бояна (записанная в «Повести временных лет» с прозаической вставкой-комментарием после третьего стиха).

Вспомним, что, как сообщает автор «Слова», именно Боян и сочинил славу «старому Ярославу, храброму Мстиславу».

Из четырех припевов Бояна, которые «цитирует» автор «Слова», минимум две сочинены самим автором. В этом нетрудно убедиться, если внимательней к ним присмотреться.

Мы уже видели, что автор «Слова» использует магический прием «превращения по созвучию», когда описывает побег Игоря: *тогда ИГОРЬ князь поскочи ГОРЬностаемь къ тростию...*

В третьей «припевке Бояна» найдем тот же прием: *Ни хитру, ни ГОРазду, ни пѣтицю горазду...* Тут анаграммировано имя Игоря и сделана каламбурная отсылка к имени плененного Святославом Всеволодичем хана Кобяка: того, кто был «птице горазд», то есть умел гадать по птичьему полету, на Руси звали *кобником*.

Во второй (от начала текста) припевке Бояна описана конкретная реальность весны 1185 года: «Кони (половецкие) ржут за Сулою, звенит слава в Киеве (слава Святослава Всеволодича), трубы трубят в Новеграде (в Новгороде-Северском Игорь собирает рать), стоят стяги в Путивле (полк Владимира Игоревича ждет, когда подойдет основное войско).

Лишь первая припевка («Не буря соколов занесла...») — подлинная цитата из Боянова наследия, ну а к древнему двустипхию последней («Тяжко ведь голове...») Автор добавил свой стих об Игоре.

Но в «Слове» из двух «исторических отступлений» одно сочинено Бояном. И это при том, что оба начинаются весьма похоже: рассказу о крамолах Олега Гориславича предшествует фраза «Были века Трояновы...», а стих «На седьмом веку Трояна...» предваряет рассказ о крамолах Всеслава Полоцкого.

При восстановлении в «Слове» древних синтаксических, грамматических и орфоэпических норм¹³⁵ оказалось, что эти фразы строго симметричны относительно центра текста (об этом см. на с. 164).

Все это и говорит о том, что структурно текст «Слова» дошел до нас даже в лучшей сохранности, чем рублевская Троица или, скажем, домонгольская старолadoжская церковь Успения Богородицы. (Должно быть, он и переписывался ценителями стихотворчества.)

Еще один стихотворный текст (на сей раз, видимо, и подписанный Бояном) — граффити в «лестничной башне» Новгородской Софии. Это загадка о *волоте* (великане), а на самом деле о самой Софии:

волоте железнь чьль	8 <i>слов</i>
камянены пьрсьи	7
медяная голова	7
липовая челюсть	7
въ золотъ чьрѣвь	7
се бояне дане	6

Вновь текст (скорее, силлабический) начинается длинной строкой. (Об этой записи см. главу «Автограф Бояна?» на с. 295.)

Во всех трех случаях перед нами или силлабика, или некая переходная модель между силлабикой и тоникой.

Иная ситуация в «Слове». Приведем в реконструкции А. В. Дыбо (и в нашей стиховой записи) оба «отступления», также подсчитав при этом число слогов в каждом стихе и для удобства чтения заменив графему *ou* на *y* (как это и произносилось).

Об Олеге:

Были вѣчи Трояни	7 <i>слов</i>
минула лѣта Ярославля	9
были пѣлци Ольговы	8
Ольга Святъславлича	8
Тѣи бо Олегъ	6
мечемь крамолу коваше	9
и стрѣлы по земли сѣяше	9
ступаеть въ златъ стремя	10
въ градѣ Тьмуторокани.	9

¹³⁵ Эту работу по моей просьбе сделала А. В. Дыбо (см. с. 389 и след.). На разных этапах моими консультантами были Д. С. Лихачев, В. А. Дыбо, С. Л. Николаев, Н. И. Милютенко, Л. В. Зубова, А. А. Зализняк и А. А. Гишпиус.

СКАЗАЛИ БОЯН И ХОДЫНА

То же звонъ слыша	6
давньны великыи Ярославъ	12
а сынъ Всеволожь	8
Владимѣрь по вься утра	9
уши закладаше въ Чьрниговѣ	11
Бориса же Вячеславлича	9
слава на судъ приведе	8
и на Канину зелену	8
паполому постыла	7
за обиду Ольгову	9
храбра и млада князя	8
Съ тоѣ же Каялы Святопѣлкѣ	11
полелѣя отьця своего	10
межю угорьскыи иноходьци	12
ко святѣи Софии къ Киеву	11
Тогда при Ользѣ Гориславличи	11
сѣяшеться и растяшеть усобицами	15
погыбашеть жизнь Дажьбожа вьнука	14
въ князяхъ крамолахъ	9
вѣци челоувѣкомъ съкратишася	12
Тогда по Руськой земли	9
рѣтко ратаевѣ кыкахуть	11
нѣ часто врани гряхуть	9
трупия собѣ дѣляче	8
а галици свою рѣчь говоряхуть	13
хотять полетѣти на уедие	12
То было въ ты рати и въ ты пѣлкы	12
а сицеѣ рати не слышано	10

Это не силлабические, а правильные тонические стихи. Практически в каждой строке по три фонетических слова (это группа слов, у которых одно общее ударение). Несколько двухударных исключений не только акцентируют трехударность ритмической основы, но и берут на себя смысловую нагрузку главных слов-сигналов: *Ольга Святъславлича; въ градъ Тьмуторокани; сынъ Всеволожь; паполому постыла // за обиду Ольгову; въ князяхъ крамолахъ*. Для того чтобы стихотворная речь не порвалась, эти строки надо скандировать как трехударные. А это значит, что они и подаются «громче». Но именно

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

эти строки и являются акцентными с позиции не ритма, но смысла. И уж вовсе криком кричит самая короткая строка: *Тѣи бо Ольгѣ...*

Так ритм (вкупе с фонетикой) сохраняет нам авторскую интонацию, и эта интонация оказывается столь же осмысленной и неслучайной, как если бы мы имели дело с авторскими пояснениями, как именно и в каком регистре надо произносить каждую строку. Так в XX веке Владимир Маяковский боролся с энтропией «правильного» метра и неравносложной рифмовкой перегораживал ритмическое течение стихового потока.

При этом в каждом фрагменте по 4–6 стихов (исключение — последнее двестишье).

Значит, перед нами не прозаический, но именно стиховой текст.

Обратимся теперь к рассказу о Всеславе Полоцком:

На седьмомъ вѣцѣ Трояни	10 <i>слов</i>
вѣрже Всеславъ жеребии	9
о дѣвицю собѣ лобу	8
тѣи клюками подѣпърся окони	12
искочи къ граду Киеву	9
и дотъчеса стружиемъ	9
злата стола киевскаго	9
скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ	12
въ пѣльночи из Бѣлагограда	12
обѣсися синѣ мѣглѣ	8
утѣрже вазни съ три кусы	10
отъвори ворота Новугороду	12
расшибе славу Ярославу	9
скочи вѣлкомъ до Немигы съ Дудутокъ	14
на Немизѣ снопы стелють головами	13
молотять чепы харалужьными	12
на тоцѣ животь кладуть	9
вѣють душу отъ тѣла	9
немизѣ кровави берези	9
не бологомъ бяхуть посѣяни	12
посѣяни костьми руськихъ сыновъ	14
Всеславъ кнѣзь людемъ судяше	13
кнѣземъ грады рядяше	9
а самъ въ ночь вѣлкомъ рискаше	12
ис Киева дорискаше	8

СКАЗАЛИ БОЯН И ХОДЫНА

до курь Тьмутороканя	9
великому Хърсови	7
вълкошь путь прерискаше	9
тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю	16
рано у Святѣѣ Софѣи въ колоколы	14
а онъ въ кыевъ звонъ слыша	11
аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ	12
нъ часто бѣды страдаше	8
тому вѣщеи Боянъ	8
и първое припѣвкѣкъ съмысленыи рече	15
ни хытру, ни горазду	7
ни пѣтицю горазду	7
суда Божия не минути	9

Вставная новелла о Всеславе Полоцком по ритмическому рисунку поразительно близка к стихотворному отрывку, процитированному в летописном рассказе о Лиственской битве. Как и в летописной цитате из статьи 1024 года, здесь каждая строфа насчитывает семь стихов. Строфа начинается с длинных стихов (и в трех случаях длинным стихом завершается, причем также в трех случаях второй стих также оказывается «длинным»).

Итак, перед нами новелла из пяти Бояновых строф и одной «припевки». Семистрочная организация строфы и окольцовывающие каждую строфу длинные стихи свидетельствуют о том, что это не стилизация под Бояна, а его собственный текст, лишь чуть отредактированный в последней, пятой строфе, в которую автор «Слова» вставил ссылку на Бояна.

Правы оказались те украинские и белорусские исследователи и поэты рубежа XIX–XX веков (И. Я. Франко, М. С. Грушевский, Е. А. Ляцкий, М. А. Богданович¹³⁶), которые полагали, что перед нами включенный в «Слово» фрагмент самостоятельной «Песни о Всеславе». Это самый значительный (38 стихов) из дошедших до нас стихотворных текстов XI века. И он свидетельствует, что в древнерусском стихе переход от силлабики к тонике произошел не с падением редуцированных, а еще в XI веке.

При этом Бояновы «славы», «плачи» и «хулы» (три жанра, в которых, судя по аналогии со скальдической традицией, должен

¹³⁶ *Творогов О. В.* Всеслав Брючиславич // *ЭСИИ*. Т. 1. С. 256.

был работать Боян¹³⁷) свиваются в единую повествовательную нить «Слова».

Конечно, мы не знаем, что именно в этом тексте поправил автор «Слова». Но достаточно сравнить новеллу о Всеславе с такой же вставной новеллой об Олеге Гориславиче, чтобы убедиться, как далеко ушла стиховая реформа. Во-первых, строфа превратилась в строфоид: из семистишной она стала четырех-шестиштишной. Во-вторых, ни один из строфоидов новеллы об Олеге, в отличие от рассказа о Всеславе и загадки из Софии Новгородской, не начинается длинным стихом.

После двух десятков трехударных стихов автор играет на обмене и ритмического, и рифменного ожидания. Мы ждем грамматическую рифму *посьяни костьми руськыми* (вроде *стрълами калеными* или *сьребреными струями*): а получаем: *посьяни костьми русь...кыхъ сыновъ!*

В «Слове» сказано, что Боян пел «храброму Мстиславу» (Мстиславу Владимировичу Тмутороканскому). И действительно, в «Повести временных лет» о нем читаем: *храбрь на рати и милостивъ, и любяше дружину по велику а имъния не щадыще ни питья ни ядения не браняше* (Ипат. Стб. 138).

Вновь мы имеем дело с тоническим моноримным трехстишием (да еще с панторифмой во втором-третьем стихе). Реконструировать начальный вид не составит труда:

и дружину по велику любяше	11 слогов
а имъния не щадыще	9
ни питья ни ядения браняше	12

Поэт XII века не мог не заметить этой цитаты (тоже из Бояна?).

По мнению лингвиста С. Л. Николаева, в «Слове» существует целый пласт цитат и парафраз из дружинных «ратных повестей» XI или даже X века¹³⁸. Сюда следует отнести все упоминания о земле Трояна (Причерноморье), Хорсе, Велесе, Стрибоге и Дажьбоге, о готских девах, «море» и Дунае. Николаев полагает, что автор «Слова» воспользовался как матрицей некоей Бояновой «славой», а возможно,

¹³⁷ Шарыткин Д. М. Рек Боян и Ходына... К вопросу о поэзии скальдов и «Слова о полку Игореве» // Скандинавский сборник. № 18. Таллин, 1973. С. 195–201.

¹³⁸ Сообщено автору в частном письме. Архаичный пласт в «Слове» в свое время попытался выявить писатель Андрей Никитин. (См. его работу: Испытание «Словом» // Новый мир. 1984. № 5. С. 182–206; № 6. С. 211–226; № 7. С. 176–208.) Но он столь по-свойски обошелся с текстом поэмы, что своей «реконструкцией» ее практически уничтожил. (См. об этом в статье Г. М. Прохорова: ЭСПИ. Т. 3. С. 311.)

и устным текстом кого-то из предшественников Бояна. Поэма Бояна (или Прото-Бояна) рассказывала, как считает С. Л. Николаев, о дунайских походах Святослава Игоревича.

На Дунай в свой Переяславец Святослав ходил на ладьях. Но для этого ему надо было по Днепру выйти в Черное море. (Вот почему в конце «Слова» мы читаем: «Девыцы поют на Дунае. Выются голоса через море до Киева».) В центре этой поэмы, как полагает С. Л. Николаев, стоял плач жены убитого печенегами Святослава.

«Дунайский след» позволяет объяснить и некоторые гапаксы (слова, более нигде не встречающиеся) «Слова о полку Игореве». Скажем, эпитоним «русичи», загадочный для XII века, но вполне объяснимый с точки зрения зафиксированной в арабских и византийских источниках легенды X века о происхождении названия «Русь» от некоего (якобы исторического) предка Руса. При этом замечено, что особенно широко распространение такая модель получила в южно-славянской эпической поэзии¹³⁹.

Вот плач Ярославны:

На Дунаи Ярославьнинь	10 слогов
глась ся слышитъ	6
зегъзицею незнаемь	9
рано кычеть:	5
— Полечю рече зегъзицею по Дунаеви	15
омочю бегрянъ рукавъ въ рѣцѣ въ Каялѣ	16
утру князю кровавыѣ его раны	14
на жестоцѣмь его тѣлѣ	9
Ярославьна рано плачеть	10
въ Путивли на забралѣ а рькучи:	12
— О Вѣтрѣ Вѣтрило	6
чему господине	5
наильно вѣеши	7
чему мычеша	5
хыновьскыѣ стрѣлькы	8
на своею нетрудную крильцо	12
на моеѣ лады вои	8
мало ли ти бяшеть горѣ	9

¹³⁹ См.: ССПИ. Вып. 5. С. 63.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

подъ облакы вѣяти	8
лелѣючи корабли	7
на синѣ морѣ	5
чему господине	6
мое веселие	6
по ковѣлиу развѣя	8
Ярославна рано плачеть	10
Путивлю городу	6
на заборолѣ а рѣкучи:	9
— О Дѣнепре Словутицю	8
ты пробилѣ еси	6
каменьнѣ горы	7
сквозѣ землю Половецкую	10
ты лелѣялѣ еси на собѣ	10
Святослави носады	7
до пѣлку Кобякова	7
възлелѣи господине	8
мою ладу къ мнѣ	7
а быхъ несълала	6
къ нему слезъ	5
на море рано	5
Ярославна рано плачеть	10
въ Путивли на забралѣ а рѣкучи:	12
— Свѣтълое и Тресвѣтълое Сълнце	13
въсѣмъ тепло и красъно еси	11
чему господине простъре	9
горячую свою лучю на лады вои?	13
въ полѣ безводнѣ	7
жажею имѣ лучи съпряже	10
тугою имѣ тулы затъче	10

При всей привлекательности идеи С. Л. Николаева должен заметить, что в этом виде плач Ярославны принадлежит тонической аллитерационной поэзии XII века, а, значит, это не фольклорное, но новейшее авторское творение.

Автор пользуется рифмоидами для переключения ритма двухударного стиха на трехударный, используя мнимое силлабическое

равенство как разменную монету (по принципу округления $2 = 3$, когда $2 = 2,5$):

възлелѣи господиНЕ	8 слогов
мою ладу къ мъН/Е	7
а быхъ НЕсълала	6
къ НЕму слъзь	5
на море РАНО	5
ярославьна РАНО ПЛАЧЕТ/Е	10
въ путивли на забРАЛѣ А Р/Е/КУЧИ	12

Это убегающее влево и потому взвинчивающее ритм «не» вместе с удлинняющим стих двухступенчатым созвучием *РАНО — РАНО ПЛАЧЕТ/Е — ... забРАЛѣ А Р/Е/КУЧИ* и показывают, каким образом дышит стиховая ткань «Слова»: она то увеличивается, то сокращается, оставаясь при этом собственно стиховой.

Обратим внимание, как, создавая иллюзию причитания, спущается в плаче Ярославны концентрация ятей (*ѣ* в звучал как дифтонг *иэ*) и «зияющих» слогов (идущих друг за другом слогов без согласных звуков): *въ рѣцѣ въ Калялѣ; лелѣючи корабли; на жестоцѣмъ его тѣлѣ; О Вѣтрѣ Вѣтрило; горячию свою лучю... И здесь же: веселие; по ковьлюю развѣя; лелѣялѣ; възлелѣи...* (то есть *ие, ию, изя, иэи*).

Прием *рифменного перетекания* не раз используется автором «Слова». Вот фрагмент из обращения к Осмомыслу Ярославу:

...подъпъръ горы угорьскѣѣ
 своими желѣзьными пѣлки
 заступивъ королеви путь
 затворивъ Дунаю ворота
 меча беремены через облакы
 суды ряда до дуная
 грозы твоѣ по землямъ текутъ
 отворяеши Киеву врата
 стрѣляеши съ отня злата стола
 салтъани за землями...

Концевые рифмы: *пѣлки — облакы; пѣт/е — текут/е*; и даже *воротá — вратá*. Но *вратá* рифмуется с *златá*, однако при этом стих не заканчивается, и *златá стола* перетекает аллитерацией в следующий стих: *салтъани...*

Разумеется, при такой степени всепроникающей метаморфозы нелепо искать в тексте некий «единый» стихотворный размер.

Налицо превращение трехударного тонического стиха в четырехударный (предпоследняя строка) и как следствие в двухударный (последняя строка). Это значит, что стих «Слова» основан на естественных речевых паузах после каждой речевой синтагмы (назовем его тоническим аллитерационным стихом), и вследствие самой своей речитативной природы способен *дышать*: он не укачивает слушателя однообразной мерностью, он то кристаллизуется чеканной тоникой, то взрывается рифмоидами и аллитерацией, то приближается к спокойному течению прозаической речи. И все это не мозаика из разных размеров, а единая (поскольку скреплена эвфонической метаморфозой) стиховая ткань.

Другое дело, что такое устройство стиха, основанного на двух-, трех- и четырехударной модели, не всегда возможно передать графической записью, ведь «двойка» легко превращается в «тройку», «тройка» в «четверку», а та, в свою очередь, делится на две «двойки».

Впрочем, в начале XX века столкнувшийся с той же проблемой Владимир Маяковский очень скоро стал записывать свои стихи «лесенкой». И к тому же приему графической передачи текста «Слова» в середине XX столетия вынужден был прибегнуть Д. С. Лихачев.

ЦИТАТЫ БЕЗ КАВЫЧЕК

В «Слове» не один, а два зачина.

Казалось бы, для эпического произведения два зачина с двумя разными (хотя отчасти и дублирующими друг друга) рассказами о начале похода — нонсенс. Однако мой редактор Алексей Дмитренко заметил, что здесь автор «Слова» следует за библейским канонem. Первая Книга Бытия также начинается с двух рассказов о сотворении мира. Один из них в первой, другой во второй главе. (Причем второй лишь несколько дополняет первый.)

Хотя идея перестановок в «Слове» постоянно возникает в каждом поколении его исследователей¹⁴⁰, можно утверждать, что на самом деле в этом тексте нет «перепутанных страниц». Но есть два плана повествования: от Автора и «от Бояна». Автор рассказал о выступлении Игоря и затмении, потом воскресил Бояна, и тот начинает издалека, с рассказа о сборах в поход. Поэтому предшествующий походу монолог Всеволода перенесен, и о затмении упоминается дважды. Но во второй раз вместо Автора (и вместе с Автором) говорит Боян.

¹⁴⁰ См.: *Творогов О. В.* Перестановки в тексте «Слова» // *ЭСПи*. Т. 4. С. 78.

Отказавшись следовать «замышлению Бояна», у которого струны сами рокотали славу князьям, но взяв на вооружение «старые словесы» своего легендарного предшественника, Автор сочиняет собственное начало «Слова», а потом заставляет певца XI столетия высказываться по поводу событий столетия XII: «Так пел бы ты песнь Игорю...», «Или так бы ты пел...». И каждый раз подтверждает эти свои высказывания «цитатами» из Бояна. «Слово» написано для восприятия со слуха, а поскольку в устной речи кавычек не поставишь, все дальнейшее звучит словно бы уже и не из уст Автора. Проиллюстрирую это фрагментом своего перевода:

О Боян, соловей былых времён!
Если бы тебе петь о походе том,
порхая по Мысленну Древу соловьём,
разумом паря под облаками,
времена свивая славой,
торопясь тропой Трояна
через поля — на горы,
так бы ты пел для Игоря,
внука того Трояна:

— Не буря гонит соколов
чрез поля широкие —
стаи галок стелются
к Дону Великому!

Или так бы ты пел,
вещий Боян,
правнук Велеса:

— Кони ржут за Сулою,
а слава-то звенит в Киеве!
В Новеграде трубы трубят.
Стяги стоят в Путивле.

Игорь ждёт, где же милый брат?
И молвил ему Буй Тур Всеволод:
— Брат один, свет един...

Инверсия подлежащего и сказуемого выдерживается трижды, и этот тройной хиазм (прием перекрестного синтаксиса смежных стихов) делает последнюю пару стихов почти амебейной. Два поэта

разделены целым столетием, а поют вместе, и авторский голос сплетается с голосом Бояна. Так речь Автора переходит в речь Бояна, а речь Бояна перетекает в речь Всеволода. Автору «Слова» это необходимо для поднятия авторитета его текста. В средневековой русской (как и в византийской) традиции новый текст нередко приписывался перу почитаемого предшественника. Именно поэтому Автор дважды описывает и солнечное затмение (во второй раз он растолковывает слушателям поведение не внявшего знамению князя и показывает, что Игоря ведет языческий Див, олицетворение гордыни и темной старины).

Перетекание речи героя в авторскую справедливо и для «Золотого слова», у которого тоже нет ясного окончания. Очевидно, это осознавалось как особый поэтический прием: если автору это нужно, он умеет отделить слова одного героя от слов другого («Игорь сказал... Донец сказал...»).

Обратимся к опыту скандинавской поэтической традиции. Когда умирающий скальд является во сне к своему отцу и слагает прощальную вису, даже современному исследователю не приходит в голову, что публиковать эти стихи надо среди наследия отца¹⁴¹. Так и современники Автора, доверявшие слову поэта куда больше нас, должны были верить, что устами Автора вещает сам Боян.

Так авторский принцип: поэту важно назвать событие и сразу его оценить, найдя причины и следствия, выстраивающие логику развития событий в сюжете поэмы. Значит, сюжет и фабула «Слова» подчинены не повествовательной, но лирической логике, и система авторских оценок реализуется в череде намеков, понятных только современникам:

— Не соколами, а галками Боян (устами автора) называет полки Игоря. Но сделано это весьма осторожно, двусмысленно, и при желании можно понять так, что «галки» — половцы.

— Всеволод зовет в поход, сообщает, что его дружина уже стоит перед Курском, но слушатели знают, что на берегу Оскола Игорь два дня будет поджидать Всеволода.

— Повествование о битве разорвано рассказом о крамолах Олега Гориславича, деда Игоря и Всеволода. Это не просто историческое отступление. Это исследование причин поражения Игоря. (Когда-то Олег первым из князей привел половцев на Русь.) Так и смерть полоцкого князя Изяслава объясняется распрями Всеслава Полоцкого.

— Начав говорить о Святославе Киевском, автор называет его «отцом» двух Святославичей — Игоря и Всеволода. Может показаться,

¹⁴¹ Поэзия скальдов. Л., 1979. С. 162, 163.

что автор спутал Святослава Всеволодича со Святославом Ольговичем, который никогда не был киевским князем. Но после того, как прозвучал эпитет «Киевский», поэт тут же начинает рассказ о пленении Кобяка. И только тогда слушатели понимают, что это не поэт, а они ошиблись: Святослав Киевский — феодальный «отец» всех русских князей. И потому даже отчество Игорю и Всеволоду автор дает не по земному их родителю, а по отцу феодальному.

Автор следует за летописью. В 1180 году *рече Святославъ братъи своєї се азъ старъе Всеволода а нынѣ я вамъ во отця мѣсто остался а велью тобѣ Игорю сдѣти остати съ Ярославомъ блюсти Чернигова (Ипат. Стб. 618).*

— «Злато слово» Святослава — самая длинная песнь «Слова о полку Игореве». Это оправдано логикой высказывания лишь в том случае, если, помимо поэтической, поэт ставит и политическую задачу.

Речь Святослава строго этикетна.

Сначала киевский правитель обращается к князьям своего, шестого от Святого Владимира поколения, после переходит к князьям седьмого и лишь потом — к князьям восьмого поколения.

Начинает Святослав с укоров Игорю и Всеволоду. Вслед за виновниками похода он обращается к Ярославу Всеволодичу Черниговскому и к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо. Далее следуют обращения к князьям седьмого поколения. Святослав призывает на защиту Руси Рюрика Ростиславича Киевского (своего соправителя), Давыда Ростиславича Смоленского и Ярослава Осмомысла Галицкого (отца Ярославны). И только вслед за этими призывами дело доходит до князей восьмого поколения.

Такая иерархия старшинства также свидетельствует о том, что «Слово» современно описанным в нем событиям.

Эту закономерность открыл Б. А. Рыбаков¹⁴². Но он не обратил внимания на то, что «Злато слово» начинается с обращения к Игорю и Всеволоду, которые тоже относятся к шестому поколению. Историк полагал, что Владимир Святой в «Слове» не упомянут, а под «Старым Владимиром» надо понимать Владимира Мономаха. И потому не увидел, что по линии Ольговичей генеалогическое древо «Слова» произрастает (без единого пропуска в тексте) от Владимира Святого.

Имена большинства названных Святославом князей ни о чем не говорили человеку XV или XVII веков, а кроме того, понадобился труд нескольких поколений историков новейшего времени, чтобы

¹⁴² Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 125–132.

сначала было составлено генеалогическое древо Рюриковичей, а уж потом мы увидели систему в обращении Святослава Киевского к своим современникам.

Заметим, что отсутствует призыв к упомянутому в «Золотом слове» Владимиру Глебовичу Переяславскому: поэт знает, что он тяжело ранен при защите своей столицы.

Если мы не будем относиться к тексту как к линейному (прозаическому) или отстраненно-объективному эпическому сообщению и вспомним, что живой речи неравнодушного современника свойственно то, что Пушкин называл *лестницей чувств*, мы услышим иронию поэта там, где до сих пор слышим мнимую его ошибку:

— Святослав Киевский, укоряя Ярослава Черниговского, изумляется, что не видит его власти, и расписывает доблести подвластных Ярославу тюрок («своих поганных»), которые-де, воюя без щитов, с одними засапожными ножами, побеждают «кликом» вражеские полки. Но слушатели знают, что Ярослав сам отпустил Игоря и Всеволода в поход, сам придал им полк ковуев, и именно ковуи первыми побежали с поля, и это решило судьбу Игоря полка.

— Намек на недавний поход Всеволода Большое Гнездо на Волгу также сделан в расчете на понимание современников. Б. А. Рыбаков пишет, что именно летом 1185 года рязанские «удалые сыны Глебовы» восстали на Всеволода, но эта весть еще не успела дойти до Киева.

Меж тем очевидно, что Автор потому и упоминает о рязанских князьях, что знает об их мятеже. Ни к Ярославу Черниговскому, ни к Всеволоду Большое Гнездо Святослав не обращается с призывом «вступить в золотое стремя» и «загородить Полю ворота». Он иронизирует над Всеволодом, как и над Ярославом. Для этого ему и нужны «непобедимые» ковуи (еще и «звонящие в прадедову славу») и удалые Глебовичи, которыми Всеволод якобы может «стрелять посуху».

Так и слова Святослава о «передней» (предшествующей) славе, которую замыслили похитить «двое» (Игорь и Всеволод), и о славе «задней» (будущей), которую они захотели добыть и поделить, понятны только современникам, знающим, что за год до того Святослав Киевский добыл эту «переднюю славу» победоносным походом на половцев, а Игорь со Всеволодом от того похода уклонились.

Отсутствие призыва к Ярославу Черниговскому говорит о том, что автор прекрасно осведомлен: Черниговская земля и так приняла на себя летом 1185 года удар половцев. (Ярославна в Путивле плачет на обожженных, но устоявших стенах кремля.) А к Всеволоду Большое Гнездо взывать о подмоге не имеет смысла: он именно в это время занят выяснением отношений с рязанскими мятежниками.

Итак, мнимые «противоречия» текста снимаются, если мы даем себе труд услышать его так, как должны были слышать современники событий, описанных древнерусским поэтом.

В поэме упомянуты события, произошедшие до осени 1185 года. Единственное исключение — намек на то, что должно состояться, но еще не состоялось. Это возвращение из половецкого плена старшего сына Игоря, о котором Гзак говорит Кончаку: «Если соколенка опутаем красной девицей, не будет ни соколенка, ни красной девицы». Непонятно, вернулся ли из плена Владимир Игоревич к тому времени, как автор взялся за перо, но, судя по пропетой ему здравнице, автор не сомневается, что княжич жив. (Равно как и брат Игоря Буй Тур Всеволод.) Мы не знаем точно, когда прибыл на Русь женившийся в плену на дочери Кончака сын Игоря, но случилось это до смерти Ярослава Осмомысла Галицкого (отца Ярославны). Этот князь умер осенью 1187 года, однако в «Золотом слове» Святослав Киевский обращается к нему как к живому: «Стреляй, господин, Кончака!..» Как о живом Автор говорит и о Владимире Путивльском (умер в апреле 1187 года).

ИЗ «СЛОВА» ПЕСНИ НЕ ВЫКИНЕШЬ

Начнем реконструкцию звучания «Слова» с исследования эвфонии текста, с того, что обычно зовется *музыкой слова* (или в терминологии, принятой с начала XX века, — звуковыми повторами).

После того как по моей просьбе А. В. Дыбо провела реконструкцию грамматики и синтаксиса древнерусского текста, оказалось возможным измерить силлабическую длину каждой песни древнерусской поэмы, то есть посчитать число ее слогов и сравнить между собой пропорции текста. Разумеется, такая работа могла дать сколько-нибудь интересный с научной точки зрения результат лишь в том случае, если текст «Слова» дошел до нас без радикальной редактуры. Помня о том, что Д. С. Лихачев называл «презумпцией художественности», я исходил из презумпции сохранности текста.

Упоминание о языческих богах и некоторые архаические особенности текста, сохранившиеся вопреки его грамматико-синтаксической адаптации переписчиками, говорили в пользу того, что «Слово» не слишком сильно пострадало от времени и человеческих рук.

Относительно хорошая сохранность дошедшего до нас текста могла быть обеспечена, если переписчики понимали, что перед ними не проза, а стихи («из песни слова не выкинешь»), и список XVI века,

с которым работали первоиздатели, был сделан пусть не с древнего оригинала, но с весьма исправной копии.

При восстановлении редуцированных *ѣ* и *ѥ*, а также древнейших грамматических и синтаксических норм текст обогатился рядом новых рифмоидов.

Возникновение рифмоидов и аллитерации там, где они были утрачены в процессе перестройки древнерусского языка, — говорит о том, что перед нами памятник XII века.

Ни в XV, ни в XVII столетии подделать такое было невозможно хотя бы потому, что языковые нормы двойственного числа были досконально изучены лингвистами только в XX веке.

Поэт пишет созвучиями, как живописец красками. Вот, к примеру, как он передает тяжкие удары железа по человеческому телу:

на немизѣ снопы сТелюТ/Е головами
молоТЯТ/Е чепы харалужьными
на ТОцѣ живоТ/О кладуТ/Е
въЮТ/Е душу отъ Тѣла...

Впрочем, этот текст, видимо, принадлежит не автору «Слова», а Бояну (см. с. 110).

Но вот конская скачка (галоп, потом рысь, а под конец тяжелый от усталости и пресыщения шаг):

Съ зараня въ пятькъ потопѣташа
поганѣ пѣлки половецькѣ
и расушася стрѣлами по полю помѣчаша
красньнѣ дѣвѣкы половецькѣ
а съ ними злато и паволокы
и драгыѣ оксамиты
орьгѣмами и японьчицами и кожоухы
начаша мосты мостити
по болотомѣ и грязивымѣ мѣстомѣ
и всякыми узорочѣи половецькыми

чърлень стягъ
бѣла хорюговъ
чърлена челька
сърбрено стружие
храброму святѣславличю

Если существует система, то должна иметь место и повторяемость приема. Это можно показать на примерах кольцевой аллитерации:

- аще кому хотяше;
- иже погрузи жиръ;
- вежи ся половецькыѣ подвизашася;
- а вѣ соколыца опутаевѣ.

В последнем случае дальше звучит *красною дѣВИцею* и происходит магическое опутывание слушателей арканом тройного звукового повтора. Именно поэтому и предыдущий пример *вежи ся половецькыѣ подвизашася* вряд ли может быть позднейшей вставкой, хотя А. А. Зализняк указывает, что совмещение препозиции и постпозиции частицы *ся* возникает не раньше XIV века¹⁴³.

Но здесь двойное *ся* — явление не языка, а поэтики. Вежи — это дома кочевников. Это дома на телегах, но для человека оседлой земледельческой культуры двигающийся дом — нонсенс¹⁴⁴. Поэт и передает это двойной частицей, создающей здесь опоясывающую рифму: вежи впрямь «двинулись» — только не потому, что половцы погнали коней, а потому что Игорь удаляется от веж.

Рифма может быть и линейной, как аллитерация (это когда рифмующиеся или проаллитерированные слова находятся в одной строке и следуют друг за другом):

- иже зарѣза редедю;
- рища вѣ тропу трояню.

При помощи такой рифмы разгневанное солнце окликает Игоря: *тогда игоР/Е вѣзьРѣ...*

А вот совмещение кольцевой аллитерации с линейной:

- дремЛЕть вѣ полѣ оЛ/Е/гово...
- аще и вѣща душа.

Тройные рифмы:

- вѣ жестоцемъ харалузѣ съкованѣ
- а вѣ буести закаленѣ
- се ли сътвористе
- мои сѣребрени сѣдинѣ;

¹⁴³ СПИВЛ. С. 61.

¹⁴⁴ Исключение — избушка Бабы Яги на курьих ножках. Такие избушки — не сказочный вымысел. «Курыи ножки» (или «стулья») — пни деревьев, выкопанные с корнями. На них ставились амбары. В пень вбивался шип для закрепления нижнего венца сруба. В 1970-х на старолadoжском Земляном городище Е. А. Рябинин раскопал серию таких «стульев» 810–830 годов. Фото см.: У истоков Северной Руси: Новые открытия. СПб., 2003. С. 108. Так что Баба Яга живет не в человеческом доме, а в амбаре.

— ни нама будеть сокольца
ни нама красьны дѣвице
то почьнуть наю пѣтици...

Нередко в «Слове» рифма скрепляет эпизоды или даже песни:

— съвычая и обычая
были вѣчи троя...ни...

— ни мало того потрепати
а вѣстона бо братие...

— по бѣлѣ отъ двора
та бо дѣва хра...брая...

— буюго святъславлича
уже бо сула не течеть...

Чаще всего аллитерация и рифма — смысловой скреп имени и того, что из этого имени проистекает. Это своеобразные антидразнилки (не хулящие, но возвышающие):

святъслав/о — злато слово;
богатаго — брата моего;
миЛА браТА въсеволОДА;
чти и живота — чърнигова;
се у римова — а володимиръ;
въсеволоде — вѣлгу веслы раскропити;
ты буи рюри... — не ваю ли бояре — рыкають акы тури;
осмомыслѣ ярославе — златокванѣмъ столѣ;
а ты буи романе и мѣстиславе — храбрая мысль носить —
на дѣло въ буести;
мѣстиславлича — шестокрыльци¹⁴⁵;
а Р/Е/кУЧИ — о дънепРЕ словУтиЦЮ;
притрепа славу дѣду своему въсеславу

Но есть, как мы уже видели, в «Слове» и настоящие дразнилки:

коньчака — кощя;
и реК/О Г/О/заК/О К/О КОнъчаКОВи...

---

¹⁴⁵ Звуки *ц* и *ч* в говоре автора «Слова» звучат одинаково.

Рифма может быть мотивировкой поступка, намерения, призыва или декларации:

- МЪЛВИТИ — краМОЛу коВАТИ;
- давеча рано — заворочаеть;
- въступита господина
въ злата СтРЕМЕНИ
за обиду Сего вРЕМЕНИ;
- съ засапожьники — кликомъ пълкы;
- а дружинѣ — амин/е;

В конце 1970-х В. Б. Шкловский рассказывал мне, что Владимир Маяковский очень любил поговорку «сила соломѣ ломит» и фольклорную загадку, в которой уже заключена и ее разгадка: «Черный конь прыгает в огонь»¹⁴⁶. Что-то подобное находим в «Слове»: *на КАЯЛЪ — о русьКАЯ земЛЪ*.

Рифма может быть и подразумеваемой: *уже лъжю убудиста которую...* Последнее слово здесь и местоимение «который», и существительное *котора* (распря).

Впрочем, не исключено, что в тексте оба слова следовали друг за другом, но переписчик убрал одно из них, приняв эту игру за опisku своего предшественника.

Рифмой катящийся по полю вал пыли может обернуться строем вражеских полков:

ПОРОСИ поля прикрывають
стязи глаголють
ПОЛОВЬЦИ идуць отъ дона

Так визуальное превращение передано через звуковое и семантическое. «Половцы склублись», — сказала бы Ахматова, которая, как рассказывал Валентин Берестов, любила этот глагол («Вот и Валя склублись». Впрочем, автор «Слова» скорее сказал бы *Валя ввалился*).

Рифма по началам стихов несколько раз встречается в тексте:

по уноши кнѣзи ростиславѣ
уныша цвѣти жалобою

Затухающий звон украденных Всеславом колоколов Софии Новгородской тоже передан рифмой:

¹⁴⁶ Видимо, начальный вариант звучал *КОНЬ ЧЕРНЫЙ прыГАет в огонь*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

тому въ полотьскѣ позвониша заутренюю
рАНО у святыѣ софѣи въ колоколы
А ОН/О въ кыевѣ звОН/О слыша

А вот как свистит рассекаемая конями тяжелая от студеной росы высокая степная трава:

коли игорь соколомъ полетѣ
тогда вълурь вълкомъ потече
ТРУСЯ СОбою СТУденую РОСУ
преТ/О/РгоСТА БО Своя Б/О/РЗая комоня

В одной строке четыре «с», в другом мы ждем тоже четыре, но их (вместе с «з») лишь три. Это потому, что роса убила разгоряченных коней и свист в ушах прервался.

Еще свист, но уже свист стрел:

соколича рострѣляевѣ
своиМИ злаченыМИ стрѣлаМИ

Голоса птиц и скрип ползущих по песку змей:

...тогда врани не гряхуть
галици помълкоша,
сороки не трескоташа
полозие пълзоша

только дятлове текѣтомъ
путь къ рѣцѣ кажють
соловии веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдають

Проверим древность текста на примерах употребления двойственного числа, частично разрушенного переписчиками.

Случай 1

одинѣ братъ одинѣ свѣтъ
свѣтълыи ты игорю
оба есвѣ святѣславлича

сѣдълаи брате свои
бързыѣ комони

Это правильное (по Зализняку — «безупречно правильное») *есвѣ* представляется здесь чрезвычайно важным, ведь налицо смысловая

аллитерация с игрой на созвучных корнях «свят» и «свет»: *СВѣтъ СВѣтълыи... — еСВѢ СВЯтъьславлича — СѢдлаи СВОи*.

Перевод этих слов Всеволода с поэтического на русский может быть примерно таким: ну и что, что солнце накрыло тьмою твоих воинов? Один ты, брат, — свет светлый. А оба мы — Святославичи!

Если бы вместо *есвъ* стояло обычное *есмы* (*есме*), то аллитерация исчезла, а смысловая игра разрушилась.

Случай 2

ту ся брата разлучиста
на березѣ быстрыѣ каялы
ту кроваваго вина не доста

Ся разлучиста (3-е л. двойст. ч. аориста, возвр.) рифмуется с *не доста* (3-е л. ед. числа аориста). Следовательно, это не грамматическая, но изысканная рифма.

Случай 3

въсплескала лебединыма крылома
на синѣмь море у дону

При восстановлении грамматической нормы XII века возникает созвучие: *крылома* (восстановлено из *крылы*) дает ассонанс с *у Дону*.

Случай 4

емляху дань
по бѣлъ отъ двора
та бо два храбрая святъьславлича

В тексте *тии бо два...*, но аллитерационный подхват будет полнее, если восстановить двойственное число: *...по бѣльь ОТЪ ДВОРА — ТА БО ДѢВА ХРА...*

Случай 5

Обратим внимание на фрагмент: *се бо два сокола сълътъьста съ отьня стола злата*. Это панторифма (полная рифма):

се бо дѡва сокола сълътъѣста
съ отьня стола злата

Рифмуются последовательно: *се бо дѡва — съ отьня; сокола — стола; сълътъѣста — злата*.

Из текста следует, что совпадение опорных согласных для Автора было важно: в фольклорной традиции хватило бы и рифмы *сълътъѣста — стола*.

При этом четырежды в «Слове» звучит выражение *отъня злата стола* и один раз — *къ отъню злату столу*. Следовательно, тут сознательное (ради рифмы) разрушение устоявшегося клише (поддержка этого панторифмой исключает случайность). Кроме того, это один из двух случаев, когда эпитет «злат» в тексте памятника следует за определяемым словом (а не перед ним). Второй случай: *ис съдла злата, а въ съдло кощѣево* объясняется тем, что выражение *ис злата съдла, а въ кощѣево съдло* дало бы неуместное здесь плюсовое (то есть смеховое, а не трагическое) звучание. При этом древнерусский поэт не привязан к рифмовке концовок строк:

отъворяеши кыеву врата
 стрѣляеши съ отъня злата стола
 салтъани за землями

Здесь на одиннадцатом слоге в первой строке ударное «та» (*врата*) и на десятом также ударное «та» (*злата*). А дальше, как мы уже видели, строчка удлиняется, и рифма переходит в аллитерацию: *СТОЛА — САЛЪТАни*. Есть здесь и игра на двойственном числе: *помѣркоста — погасоста — мѣсяца...*

Красноречивы рифмоиды *погрузиста — буиство — подаста*.

Если б двойственное число было разрушено (как произошло в первом издании и в Екатерининской копии: *и съ нимъ молодая мѣсяца...*), существительное «буиство» эвфонически повисло бы (как, впрочем, и существительное *мѣсяца*).

Случай 6

...и рече
 о моя сыновъча
 Игорю и Всьеволоде
 рано еста начала
 Половецкую землю
 мечи цвѣлити
 а собѣ славы искати

нѣ нечестно одолѣсте
 нечестно бо кровь
 поганую пролиясте
 ваю храбрая сѣрдьца
 въ жестоцемъ харалузѣ съкованѣ
 а въ буести закаленѣ
 се ли сътвористе
 мои сѣребренеи сѣдинѣ

«Стандартная» норма требовала бы формы «сыновьца», но отказаться от чоканья нельзя, поскольку оно поддержано аллитерацией: *рече — сыновьча — нача...ла — неч/е...стью.*

В приведенном фрагменте мы исправили *скована* на *сѡкованѣ*, а *закалена* на *закаленѣ*. При этом мы учитывали мнение А. А. Зализняка, который утверждает:

В нарушение классических древнерусских норм в «Слове о полку Игореве» все словоформы именительного падежа двойственного числа среднего рода имеют окончание -а (а не -ѣ/-и): *два солнца; ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена.* Но ныне благодаря берестяным грамотам мы знаем, что это ранняя инновация, начавшаяся на северо-западе не позднее XII в. и в дальнейшем распространившаяся и на другие зоны¹⁴⁷.

С А. А. Зализняком можно было согласиться, если бы не цепочка рифмоидов: *сѡкованѣ — закаленѣ — стѣдинѣ*. (Возможно, этот случай показывает, что текст действительно написан «старыми словесы», но переписан уже в конце XII или в XIII веке, когда эта инновация воспринималась уже как норма двойственного числа, а само двойственное число еще не вышло из употребления?)

Случай 7

не ваю ли храбрая дружина
рыкають аky тури
ранены саблями калеными
на полѣ незнаемѣ
вступита господина
въ злата стремени
за обиду сего времени
за землю Рускую...

Рифмы *дружина — господина* и *стремени — сего времени*.

В тексте Первого издания: *въ злата стремь за обиду сего времени*, но грамматическая норма дает полную и точную рифму.

Случай 8

а ты буи Романе и Мьстиславе
храбрая мысль носить
ваю умъ на дѣло
высоко плаваесте на дѣло въ буести

¹⁴⁷ СПИВЛ. С. 38.

В первопечатном тексте:

— *плаваеши на дѣло въ буети*. Но при восстановлении двойственного числа появляется рифмоид: *плаВАЕТЕ...* — *В/О буети*.

— *васъ умъ*. Однако: *ВАЮ умъ — плаВАЕсте*.

Случай 9

Инъгварь и Вьсеволодь
и вьси трие Мьстиславличи
не худа гнѣзда шестокрильци
непобѣдными жеребии
собѣ власти расхыгисте
кое ваши златыи шеломы
и сулицы ляцькыѣ и щиты

Ассонансный подхват, поддержанный звуковым повтором согласных «с» и «т»: *шестокрил/е/ци — расхыгисте*. Кроме того: *Мьстиславличи — шестокрил/е/ци* (видимо, — *шестокрил/е/чи*).

Случай 10

коли Игорь соколомъ полетѣ
тогда Вълуръ вълкомъ потече
труся собою студеную росу
претѣргоста бо своя бързая комоня

Здесь без двойственного числа *претѣргоста* мы бы не услышали аллитерацию *ся со — сту — осу — оста — сво*, передающую свист высокой и тяжелой от росы степной травы, через которую прорубаются кони.

Случай 11

рече Коньчакъ къ Гъзѣ
аже соколь къ гнѣзду летить
а вѣ сокольца опутаевѣ
красною дѣвицею

Кольцевая аллитерация *А ВЕ сокольца опутАЕВЕ* имитирует набрасывание и затягивание петли аркана.

Случай 12

рекѣста Боянъ и Ходына
Святѣславля пѣснотворьца
старога веремени
Ярославля <и> Ольгова
коганя хоти:
тяжко ти...

Восстановленная норма (в первом издании «Рекъ Боян...») аукается рифмоидами: *рекоСТА — Свят/О...славля — СТА...раго*.

В пятнадцати эпизодах «Слова» 28 случаев двойственного числа, частично разрушенного переписчиком. Оно поддерживается звуковыми повторами в четырнадцати случаях. При восстановлении грамматических норм XII века двойственное число эвфонически оправдано еще в семи случаях. В оставшихся четырех двойственное число в первопечатном тексте сохранилось, но эвфонического акцента на нем нет. В трех случаях утраченное двойственное число не было поддержано звуковым повтором. Для нас важно, что в шести случаях, когда двойственное число целиком или частично утрачено переписчиками, при его реконструкции появляются новые рифмоиды или аллитерации. Ни один фальсификатор XVIII века не смог бы этого подделать.

Возникновение дополнительных рифмоидов происходит при чтении *ѣ* как *о* (даже в слабых позициях):

- не было н/о обидѣ порождено — ворон/о;
- рано — а он/о — звон/о;
- святъслав/о — злато слово

Так из самого имени Святослава и изронилось его «Злато слово». Рифмоиды возникают и при чтении *ѣ* как *е*:

- игор/е — възьрѣ;
- а ты, буи романе и мьстиславе — храбрая мысль носить... — въ буети;
- мьстиславличи — шестокрильци;
- а дружинѣ — аминь.

В тексте явно отсутствует позднейшее *ѣ*. Слова *черныя* и *жены* звучат, очевидно, без ёканья (при этом *ѣ* вновь корреспондирует с *е*):

- чьрньѣ тучѣ — четыре солныца;
- жены — уже намъ;
- съ вечера — рече — чьрною — чьрпахуть.

А теперь покажем на наиболее наглядных примерах, что аллитерации и рифмоиды, возникающие при восстановлении двойственного числа, характерны для поэтики «Слова»:

- рече — русичи;
- сиѣ пѣлки — подѣ облакы — оба полы;
- коньчакъ ему — къ дону великому;
- пороси — половьци;

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- чьсти и живота — и града чърнигова;
- съвычая и обычая — были вѣчи троя...ни — ольга святъславлича;
- живота — отъня злата;
- мильгѣ — минула;
- вино — съмѣшено — на лоно;
- врани — болони — сани;
- богатаго — брата моего;
- засапожьники — кликомъ пълкы;
- въсеволоде — вългу веслы раскропити;
- коньчака — кощея;
- и половъци сулицы своѣ повъргоша —
по роси и по суль гради подѣлиша;
- страны — сѣрони;
- литѣва — листьвие;
- ятвязи — кнѣязи;
- уже — кнѣяже;
- кнѣяже — приодѣша — полизаша;
- чрезъ злато ожерелие — пониче веселие;
- окони — скочи отъ нихъ;
- скочи — въ пълночи;
- аще и вѣща душа — нѣ часто бѣды страдаше;
- нынѣ сташа — хоботи пашють;
- бебрянѣ рукавъ въ рѣцѣ <въ> каялѣ —
крававѣ его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ

Но в этом случае, полагаю, в оригинале было *последовательно* прорифмовано каждое фонетическое слово: *рукавъ — крававыѣ; бебрянѣ — его раны; въ рѣцѣ — на жестоцѣмъ; въ каялѣ — его тѣлѣ*.

- тулы затѣче — море полунощи;
- ростърена — ростиславу;
- по уноши — уныша;
- хоти — тяжко ти — зъло ти

В диалекте, на котором говорил Автор «Слова», звуки *ч* и *ц* звучали, видимо, одинаково (условно можно приравнять *ц* к *ч*).

Отсюда рифмовка: Донец/е — рече, волци — ищучи и др.

Итак, при восстановлении двойственного числа мы получаем ту же систему рифмовки и аллитерации, которая возникает при восстановлении звучания редуцированных. Но эта же система наблюдается и в тех местах текста, где древние нормы не были утрачены.

ТОПОГРАФИЯ ТРИДЕВЯТОГО ЦАРСТВА

Топографически царство «Слова» — и впрямь тридевятое.

В древнерусских рукописях не было принято делить текст на отдельные слова. И уж тем более — на части или главы. Однако это лишь графическая условность: любой хорошо построенный текст должен был члениться на составляющие. Так древнерусский крестово-купольный храм членился на три нефа (с востока на запад) и три нартекса (с юга на север), образуя в сумме девять локальных пространств. Именно такую структуру деления мы обнаруживаем и в «Слове».

Фабула «Слова» трехчастна: Поход — Поражение — Возвращение Игоря на Русь. Но и каждая часть естественно делится на три песни, а в каждой песни — по три темы. Умножив три на девять, как раз и получаем подходящий ключ к *тридевяти* царству.

Часть первая. Поход

Первая песнь. Выступление Игоря

- Выбор темы, жанра и рассказ о Бояне.
- Выступление Игоря и затмение солнца.
- Как Боян начал бы песнь Игорю.

Вторая песнь. Бросок к Каяле

- Обращение Буй Тура Всеволода к Игорю перед походом.
- Начало похода. Дурные предзнаменования и Див.
- Первый бой с половцами в пятницу.

Третья песнь. Битва

- Утро субботы: русские окружены.
- Начало решающего сражения. Буй Тур Всеволод в обороне.
- Историческое отступление о крамолах Олега Гориславича.

Часть вторая. Поражение

Четвертая песнь. Конец сражения и его последствия

- Полдень воскресенья: конец битвы.
- Дева Обида и княжеские распри как причина поражения.
- Карна и Желя — скорбь по всей Русской земле из-за поражения.

Пятая песнь. Святослав Киевский

- Рассказ о делах Святослава Киевского.
- Сон Святослава.
- Толкование сна боярами.

Шестая песнь. «Злато Слово» Святослава

- Обращение к князьям шестого поколения: осуждение Игоря и Всеволода, упреки Ярославу Черниговскому и Всеволоду Большое Гнездо.

- Обращение к князьям седьмого поколения: призыв к Рюрику, Давыду и Ярославу Осмомыслу Галицкому встать на защиту Руси.
- Обращение к князьям восьмого поколения: призыв к Буй-Роману и Мстиславу, Ингварю, Всеволоду и «трем Мстиславичам».

Часть третья. Возвращение Игоря

Седьмая песнь. «Жизнь Всеслава».

- Гибель Изяслава и призыв ко всем внукам Ярослава и Всеслава прекратить распри.
- Историческое отступление о Всеславе Полоцком.
- Противопоставление Старого Владимира современным князьям.

Восьмая песнь. Ярославна и Игорь

- Плач Ярославны.
- Бог указывает Игорю путь на Русь.
- Побег Игоря.

Девятая песнь. Возвращение Игоря на Русь

- Противоборство Игоря с Донцом.
- Погоня за Игорем Гзака и Кончака.
- Игорь в Киеве.

Попробуем проверить объективность такого членения текста. Выпишем все глаголы и деепричастия текста, но сделаем это а) по их первому употреблению; б) по «гнездовому принципу» (если этот или однокоренной глагол повторяется в других песнях, не станем его более учитывать).

Первая часть

I песнь: 1) начать 2) хотеть 3) творить, затворять, отворять 4) взмывать (*растькашеться*), устремиться (*потечи*) 5) поминать 6) напускать 7) настигать 8) петь, воспеть 9) зарезать 10) воскладывать 11) рокотать 12) затянуть 13) поострить 14) наполняться 15) наводить 16) воззреть 17) видеть 18) прикрывать, покрывать 19) сказать 20) быть 21) всесть, насесть (*снестися*), высесть, сидеть 22) сжечь 23) заступить, вступать, обступать, наступить 24) искусить 25) приломить, сломать 26) приложить голову, ложиться 27) испить 28) воспеть (*ущекотать*) 29) скакать, поскакать, отскочить 30) летать, слететь, залететь 31) свивать, виться 32) рыскать (искать цель по ее следу), дорыскивать (*дорискать*), нападать (*нарискать*), перебегать путь (*прерыскивать*) 33) заносить, носить 34) бежать 35) ржать 36) звенеть и звонить 37) трубить 38) стоять, вставать

II песнь: 1) ждать 2) седлать 3) искать 4) ехать, ездить 5) стонать 6) пробудить, проснуться 7) взметнуться (*сббитися*) 8) кликать 9) пред-

упредить (*велеть послушать*) 10) кричать 11) вести 12) охранять (*насти*) 13) беречь (*всрожить*) 14) звать 15) брехать 16) меркнуть, померкнуть 17) зажечь 18) усыпить, усыпить 19) перегородить, преградить, загородить 20) потоптать, притоптать 21) рассеяться, сеять 22) умчать с собой (*помчатъ*) 23) мостить 24) дремать 25) направлять (*след править*)

III песнь: 1) предвещать (*поведать*) 2) идти 3) трепетать и прибить (*притрепать*), 4) затупиться 5) веять (о стрелах) 6) гудеть 7) течь 8) глаголать 9) греметь 10) посвечивать 11) лежать 12) расщеплять (*поскепать*) 13) каять (как проклинать) 14) забыть 15) минуть 16) ковать 17) слышать 18) закладывать 19) привести 20) стелить 21) бережно доставить (*возлеживать* и *полежать*) 22) прорасти 23) погибать 24) сократиться 25) покрикивать (*кикахуть*) 26) грать (от грая воронов) 27) делить, поделить

Вторая часть

IV песнь: 1) трещать, треснуть 2) поливать 3) всходить 4) шуметь 5) заворачивать 6) падать 7) разлучиться 8) докончить 9) поить 10) лечь 11) никнуть, поникнуть 12) приклоняться, склонять и подставлять голову (*подклонить*) 13) плескать, всплескать 14) погибнуть 15) молвить 16) бить, возбивать, биться, избивать 17) воскресить 18) кликнуть 19) метать (*мыкать*) 20) восплакаться, плакаться 21) смыслить 22) сдумать 23) соглядать 24) потеревить 25) разливаться 26) собирать (брать дань)

V песнь: 1) возмутить 2) иссушить 3) исторгнуть, загнать (*претъргнути*) 4) пасть 5) жалеть (*каять*) 6) погрузить (в воду) 7) насыпать, сыпать 8) приуныть 9) одевать 10) черпать, 11) нежить 12) каркать 13) нестись (быстро ехать) 14) подрезать (*припешать*) 15) опутать 16) погаснуть 17) заволочиться тьмой 18) распространиться 19) накинуться (*воврецися*) 20) проломиться (*треснуть*) 21) жаждать

VI песнь: 1) изронить, уронить 2) досаждать (*цвелить*) 3) одолеть 4) проливать 5) закалить 6) побеждать 7) мужаться 8) похищать, расхищать 9) помолодеть 10) давать 11) обернуться 12) поблюсти 13) раскропить 14) вычерпать (*выльяти*) 15) мочь 16) стрелять, расстрелять 17) плавать 18) рыкать 19) ранить 20) подпирать, подпереться 21) метать 22) судить суд 23) рядить (устраивать, управлять) 24) парить (*ширятися*) 25) бросить (*повреци*), бросить (*вергнуть*) 26) ослабеть (*утъргнути*) 27) попевать

Третья часть

VII песнь: 1) прирубить, то есть прибавить, и подрубить, то есть зарубить (*притрепать*) 2) полизать 3) понизить 4) вонзить 5) выскочить, скакнуть 6) коснуться (*доткися*) 7) обернуться (*объсися*) 8) урвать (*утъргнуть*) 9) расшибить 10) молотить 11) класть 12) веять (о зерне) 13) страдать 14) пригвоздить 15) развеяться по ветру (*пахаться*)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

VIII песнь: 1) кикать 2) омочить 3) утереть 4) развеивать (о веселье) 5) пробивать 6) посылать 7) простирать 8) иссушать (*съярять*) 9) заткнуть 10) прыснуть 11) указывать 12) спать 13) бодрствовать 14) мерить 15) свистнуть 16) разуметь 17) стукнуть 18) отодвинуться (*подвизаться*) 19) отрясать

IX песнь: 1) стеречь 2) иметь 3) поглотить (*пожрать*) 4) раздвоить (*ро-стрети*) 5) трескотать 6) ползать 7) светиться 8) бороться

Первая часть — 90 неоднокоренных глаголов

I песнь — 38; II — 25; III — 27

Вторая часть — 74 новых глагола

IV — 26; V — 21; VI — 27.

Третья часть — 42 новых глагола

VII — 15; VIII — 19; IX — 8

Статистически новизна глаголов (степень освоения текстового пространства) держится на одном уровне со II по VI песнь. Но третья часть показывает, что поэма завершается: пространство уже освоено.

Уровень глагольной новизны от I песни к IX падает в пять раз, а от VIII к IX в 2,6 раза. В последней песни лишь 8 новых глаголов.

Это то, что называется «кодой».

Стройность композиционной логики — верный признак художественной стройности и цельности произведения.

В древнегреческой драме триада — это композиционный принцип: строфа — антистрофа — эпод.

Триадность «Слова» также напрямую связана с его композицией. Каждая из частей, песен, и каждая самостоятельная тема в «Слове», развиваются по закону триады. И если открытая Шеллингом триада — и впрямь основа механизма любого развития, то стихийная диалектика Автора не должна нас смущать. Когда бы в поэме существовали утраты, добавления или перестановки, триадное развитие сюжета было бы нарушено.

В зачине поэмы теза — выбор темы и манеры.

Антитеза — замышления Бояна.

Автор предлагает и два варианта синтеза: сам начинает «от старого Владимира до нынешнего Игоря», а потом заставляет Бояна «свивать славу обополы сего времени» и петь о князьях XII века.

Так синтезируются «старые словесы» и «замышления сего времени».

Переплетение триад образует стройную, но не прямолинейную структуру поэмы.

Три дня битвы — тоже триада. Теза — легкая победа первого дня. Антитеза — половцы, идущие «со всех сторон» утром в субботу. Воскресный полдень — страшный, гибельный синтез.

Игорь вышел в Поле на Светлой седмице. Летописец замечает это роковое «изнаночное» сближение: «Так, в день святого воскресения навел на нас Господь гнев свой; на реке Каяле навел на нас вместо радости — плач, и вместо веселья — печаль».

О том же говорит и Автор: русские, стяжавшие легкую победу в постную пятницу, именно в воскресенье, «в третий день», перебиты. И уже вовеки «Игорева храброго полка не воскресить!».

Но летописец ищет причину гибели войска и плена князей в грехах Игоря, поэт же глядит в глубину истории, выясняя реальный генезис катастрофы на Каяле. Прерывая описание боя, он вспоминает о «крамолах» деда Игоря, Олега Гориславича. Звон «котор» и «крамол» Олега летел по всей Русской земле. Слышал его Владимир, «затыкавший уши» в Чернигове, «слышал» сам Ярослав Мудрый, заклиная детей жить в мире. Слышит и поэт: «Что мне шумит, что мне звенит...» И если при Олеге «редко оратаи покрикивали, но часто вороны граяли», то тем горше звучат слова поэта «а такой рати и не слыхано!». Автор свивает славу и «гориславу», и потому историческое отступление невозможно перенести в другое место «Слова». Сложнейшие созвучия прошивают стык повествований так, что разорвать их просто-напросто уже никому не под силу.

Теза второй части — сон киевского князя. Антитеза — толкование сна. Синтез — «Золотое слово».

Логика третьей части: Ярославна плачет — Бог слышит — Игорь возвращается. Тройное созвучие скрепляет стык, а точнее — переход Плача в Побег: *иМ/О ЛУЧИ* — *иМ/О тУЛы затъЧЕ* — *МОре полУноЩИ*. Три обращения в Плаче, три части и в Побеге: побег — диалог с Донцом — диалог Гзака и Кончака.

Три развернутых напоминания о князьях XI века — Олеге, Все-славе и Ростиславе — болевые точки прошлого в рассказе о настоящем. Но если рассказы про Олега и Ростислава имеют к судьбе Игоря непосредственное отношение, какая связь предания о Всеславе с событиями 1185 года?

На седьмомъ вѣць Трояни вѣрже Вьсеславъ жеребии о дѣвицю собѣ любу. Для Всеслава девица — Киев. Но и поход Игоря к сватам заканчивается кровавой свадьбой: Ту кроваваго вина не доста, ту пирь доконьчаша храбрии русичи: сваты попошша, а сами полегоша. . .

Сваты — это тот же Кончак, а девица — Кончаковна, с которой помолвлен, видимо, еще до похода Владимир Игоревич.

Игорь говорил: *Хоцю главу свою приложити, а любо испити шело-момь Дону. Тут любо* — всего лишь союз. Но вспомним *дъвицю собъ любу*, и союз *любо* словно превращается в наречие. Князю *любо* погрузить в реку золотой шлем. Это обернется невольным самопророчеством: *иже погрузи жирь въ дънь Каялы, рѣкы половецькыт, руськаго злата насыташе...*

Хитростью, «клюкой» оперся Всеслав на коней, которых требовали киевляне у Изяслава. Хитростью, тайно от Святослава, выступает Игорь, чтобы похитить славу киевского князя.

Всеслав сидел в порубе и был освобожден при подходе половцев. Игорь — первый русский князь, попавший к ним в плен.

Всеслав в полночи бросил киевлян, не разделив их ратной судьбы. Игорь в полночи бежал из плена, оставив брата, племянника и сына на милость врага.

Всеслав судил людям суд, а сам оборачивался волком, перебежал Хорсу путь и за ночь поспевал от Киева до Тмуторокани. Перебежав солнцу путь, Игорь обрек свою дружину на гибель, а землю на поругание. Потом, превращаясь в горностаю, гоголя и волка, от Тмуторокани прыгнул к Киеву.

Всеслав расшиб славу Ярослава, Игорь, носивший, как и Ярослав, христианское имя — Георгий, хотел «похитить» славу прошлых князей, но «выскочил из дедовой славы», славы Ярослава Мудрого.

Всеслав отворял «в три удара» ворота Новгорода, а Новгород-Северский князь в трехдневной сече отворил ворота половцам на Русь.

У Всеслава была Немига, где кровавые берега реки засеивались костями русских сынов. У Игоря — Каяла, где «черна земля под копытами костями была засеяна...».

Судьба Всеслава и судьба Игоря в «Слове» подробно сопоставлены, и про Всеслава рассказано лишь то, что откликается эхом в судьбе Игоря. Обоим за причиненные Руси страдания *суда Божия не минути*. (Тут имеется в виду не сама смерть, а Божий суд над душой после смерти.)

Замечательна и магическая кратность дат. Всеслав бросил свой жребий на седьмом (то есть, по фольклорным представлениям о числе семь, — последнем) веку Трояна. Игорь — в лето от сотворения 6693-е, за семь лет до окончания седьмого столетия седьмого тысячелетия.

«Век» по-древнерусски — не сто, а тысяча лет. В одном из текстов XII века (1136) читаем: *Отъ Адама до сего времени минуло есть въковъ 6. А седмого въка минуло лѣтъ 644*¹⁴⁸.

¹⁴⁸ ССПИ. Вып. 1. С. 96.

Древнерусский седьмой «век» начался в 492 году, то есть за три с половиной столетия до первого упоминания о Руси. И Всеслав, и Игорь (внук Трояна) бросают жребий *на седьмомъ вѣцѣ Трояни*. Так поэт включает нас в калейдоскоп исторических реминисценций, и они становятся явными, когда мы начинаем ощущать текст не как ряд случайных эпизодов, а как стройное и саморазвивающееся единство, полное не только линейного, логического, но и ассоциативного, поэтического смысла.

У великого художника система доказательств не менее строга, чем у Ньютона, только строится она не на формальной логике, а на логике художественной. Ученый стремится к терминологичности, поэт же, напротив, к многозначности, к расширению семантического поля слова. Комментируя, скажем, строки *которыи дотечаше, та преди пѣсьнь пояше...*, ученый избавится от ненужной ему двусмысленности. Что такое «та прежде песнь пела»? Прежде кого или чего? Прежде других? В какие времена? Но для поэта ценен как раз такой семантический дуализм. Автор нередко сближает омонимы: *любо* (либо) и *любо, копие приломити конецъ поля Половецького и конецъ копия въскърмлени* и т. д. Однако если бы этим и ограничилась полисемия поэтической речи, решить все проблемы можно было бы с помощью словаря.

Игорь и Всеволодъ уже лъжу убудиста, КОТОРОЮ то бѣше усьпиль отецъ ею Святъслава...

И в другом месте: *...на землю Руськую, на жизнь Всеславию. КОТОРОЮ бо бѣше насилие отъ земли Половецькыи.*

Которою и которое — местоимения (современное «который»). Но *котора* — усобица. И местоимение поэт оба раза поставил так, что на слух оно может пониматься и как существительное.

Приведу еще несколько из многих подобных мест «Слова».

Для архаического мышления любое совпадение — знак или знамение. Вспомним о «магической темноте» скальдов или о «темном стиле» поэтов Прованса того же XII столетия. Мироззрение у них христианское, а пристрастие к полисемии — архаическое.

Затыкал Владимир Мономах уши или закладывал уши (скобы) городских ворот бревном?

Вторая трактовка подкрепляется историческим контекстом, уганданным А. Н. Майковым и аргументированным Б. А. Рыбаковым.

Первая — словами самого Автора: *То же звонъ слыша давньми великыи Ярославъ...* Ярослав слышал, а Владимир *уши закладаше*. Разумеется, не из страха, а от гнева.

Б. А. Успенский по другому поводу упоминает полесское выражение «ужи закладывать» — наводить порчу.

В древности насылание болезни представлялось как насылание змей или червей¹⁴⁹.

Но известен неолитический культ ужей, с которыми связывалось представление о дожде и об охране жилища. Постройка неолитического дома начиналась с «закладывания ужей», с рисунка безвредных змеек на месте будущего жилища¹⁵⁰.

Видимо, позднее такие изображения стали почитаться за колдовство, а память об охраняющих жилище ужах (например, от мышей) сохранилась в созвучном выражении, известном нам по «Слову»: «уши закладать» — запирать ворота. (Вообразим, к примеру, такой диалог: «Мы вам ужи закладем!» — «А мы уши закладем!»)

Есть в «Слове» и «двуязыкая» полисемия. Всеслав из Киева дорыскивал «до курь Тмутороканя».

Древнерусское *курь* — петух, а тюркское или кавказское *кур* — основа глагола «строить» (предполагают, что слово было заимствовано со значением «стена»). Поэтому можно перевести: «дорыскивал до пения петухов до стен Тмуторокани».

Любопытно, что именно в рассказе о князе-оборотне Всеславе, обладавшем «вещей душой в двух телах», Автор достигает предельной концентрации бисемантических оборотов. Это еще раз говорит о том, что «магическая темнота» понималась как умение «вещее», а не как бессмыслица испорченного книгописцем текста.

В своей работе о рудиментах амебейности (двуголосия)¹⁵¹ в тексте «Слова» Д. С. Лихачев показывает пласт параллельных тем и образов. Когда я рассказал ему, что, на мой взгляд, в тексте куда более ярко выражено трехчастное деление, он заметил (цитирую по памяти): «Если это так, то Автор и сам еще находится под властью магической традиции, традиции заговоров. Он пытается искупить Игореву вину, и тройственность ему нужна, чтобы сильнее воздействовать на слушателей». Действительно, фольклорные заговоры основаны на приеме троекратного повторения, и если автор литературного произведения прибегает к этому способу организации художественного пространства, значит, он пытается магически (или молитвенно) воздействовать на реальность и, следовательно, сам находится в гуще описываемых им событий.

У современной «Слову» средневековой латинской поэзии (и вообще у западной средневековой культуры) было два корня — один

¹⁴⁹ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 69.

¹⁵⁰ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 165, 171.

¹⁵¹ Лихачев Д. С. Не рассчитано ли было «Слово» на двух исполнителей? // Знание — сила. 1985. № 6. С. 7–9.

СКАЗАЛИ БОЯН И ХОДЫНА

в античности, другой в христианстве. Корни поэзии творца «Слова», соответственно, в языческом фольклоре и в византийском православии.

Триадный принцип — та основа, на которой зиждется все мироздание «Слова о полку Игореве». При этом древняя магическая традиция и троичные христианские воззрения автора с точки зрения поэтики ничуть не противоречат друг другу. И хотя отдельные звенья этой реконструкции в будущем могут быть опровергнуты или уточнены, вряд ли такая корректировка существенно повлияет на суммарный результат.

ЧЕЛОВЕК

Вербальная триада: слово — речь — песнь.

Целостность человека: голова — тело — душа; сердце — кости — кровь; грудь (лоно) — плечи — персты; очи — уши — волосы (седина).

Триада мыслительного: ум — мысль — дума.

Три физиологических состояния человека: бодрствование — дрема — сон.

Голосовые неречевые триады: голос — клик — свист; плач — стон — рык.

Возрастная триада (для мужчин): юноша — муж — старик.

Три девичьих синонима: дева — девица — девка.

Триада женской доли: дева — женщина (*жена*) — мать.

Триада обращения с младенцем: пеленать — взлелеивать — вскармливать.

Девять степеней родства: прадед — дед — отец — сын — внук — брат — племянник (*сыновец*) — муж (*лада*) — жена (*хоть*).

ИСКУССТВО

Три жанра словесности: слово — повесть — песнь.

Три типа музыкальных инструментов: струнные (струны) — духовые (трубы) — ударные (колокола).

ХРИСТИАНСТВО

Триада духовной вертикали: Бог — человек — бес.

Три храма: Святая София Киевская, Святая София Полоцкая, Святая Богородица Пирогощя (в Киеве на Подоле).

Степени духовного восхождения: христианство — святость — София (Премудрость Божия).

ЯЗЫЧЕСКАЯ АРХАИКА

Три яруса Мыслена Древа: небесный (эмблема — орел), древесный (эмблемы — мысль/белка и соловей), земной (эмблема — волк).

Шесть языческих богов (три земных и три небесных по их первому упоминанию): Троян (верхний уровень земли; внук Трояна — Игорь Святославич) — Велес (Нижний мир) — Див (вершина Древа);

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Стрибог (прародитель ветров) — Дажьбог — (небесный бог; внук Дажьбога — русский народ) — Хорс (солнце).

Низшая мифология: дева Обида — Карна (олицетворение скорби) — Желя (олицетворение плача).

Степени языческой мудрости: опытный (*сведомый*) — мудрый (*смысленный*) — вещей.

Языческий путь постижения сакрального: через знамение (затмение солнца) — бросание жребия — гадание по полету птицы (*птице горазд*).

Магическая (приворотная?) любовная триада: *мыслию съмыслити — ду-мою съдумати — очима съглядати*.

Три «клика»: клик Дива, клик половцев («бесовых детей») и клик Карны.

МИРОЗДАНИЕ

Триада зримого пространства: небеса — земля — вода.

Три уровня неба (сверху вниз): солнце и месяц — облака и тучи — ветры (веют под облаками) и туман (*мьгла*).

Три верхних уровня земли: гора — холм — поле.

Три нижних земных уровня (земля плюс вода): овраг — болото — топь (*грязное место*).

Три вида большой воды: море — озеро — река.

Три уровня реки: волна — течение (*струя*) — глубина (*дно*).

Три вида ручьев: *ручей — поток — струга*.

Две триады границы воды и земли: берег реки — луг — *болонь* (пространство от реки до городских стен); устье реки — лукоморье (берег залива) — берег моря.

СЧЕТ

Девять чисел натурального ряда: все от единицы до десяти (кроме девятки, но песен в поэме именно девять).

ВРЕМЯ СУТОК

Три триады времени суток: завтрак — обед — ужин; утро — полдень — день; вечер — полночь — ночь.

Три небесных источника света: солнце — заря — месяц.

Три небесных явления, с которыми сравниваются русские князья: *солнце — багряный столп — месяц*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Века Трояна (в них входит и *время Бусово*) — лета Ярослава — походы Олега.

ЖИВОТНЫЙ МИР

Девять видов животных: белка-летьяга (*мысль*), белка (*бела*), волк (он же *лотый зверь*), лисица, горноста́й, гепард (*пардус*), тур, конь, полоз.

СКАЗАЛИ БОЯН И ХОДЫНА

Пятнадцать видов птиц: орел, сокол, лебедь, соловей, галка, кречет, ворон, иволга (*зегзица*), гоголь, гусь, чайца, чернядь, сорока, дятел, петух (*кур*). Двенадцать разновидностей языка птиц и млекопитающих (девять и три): щекот (пение) соловья, речь (и говор) галок, крик (и песнь) лебедя, клеток орлов, грай воронов, кыкание зегзицы, трескотание сорок, текот дятлов, свист птиц; брех лисиц, ржание коней, рык туров.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

Древесная триада: древо — ? ветви (*лозие*) — листва.
Три вида древесной растительности: ? бор (*дебрь*) — дубрава (*дубие*) — прибрежный кустарник (*тростие*).
Три вида полевой растительности: зелена трава — ковыль — цветы.

ПОГОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Три триады ненастья: туча — гроза — буря; молния — гром — дождь; ветер — вихрь — ? смерч.
Три вида облачности: черная туча — облако — туман (*мьгла*).

ГЕОГРАФИЯ

Пятнадцать народов: касоги, половцы, русичи, авары, венгры (угры), немцы, венецийцы (и шире — латиняне), греки, морава, хинова, готы, литовцы, ятвяги, дремела, ляхи.
Шесть племен (?) черниговских тюрков: *могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы*.
Три «земли»: земля Трояна (Причерноморье), земля Половецкая, земля Русская.
Шесть частей «земли незнамой»: *Волга, Поморие, Посулие, Сурож, Корсунь, Тмуторокань*.
Девять определений Поля Половецкого: Поле, Пустыня, земля Половецкая, Земля Незнаемая, Поле Незнаемое, чистое поле, поле безводное, великие поля, поля широкие.
Пятнадцать городов (двенадцать русских и три черноморских): Киев, Белогород, Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Курск, Переяславль, Римов, Новгород Великий, Полоцк, Городен (?), Галич, Сурож, Корсунь, Тмуторокань.
Шесть киевских урбонимов: Киевские горы, Плесенск на болони, Кисанский лес (? *дебрь Кисани*), собор Святой Софии, Боричев взвоз (дорога с Киевских гор на Подол), церковь Пирогощей Богородицы.
Двенадцать рек: Дон, Сула, Волга, Каяла, Канина, Дунай, Рось, Двина, Немига, Днепр, Малый Донец, Стугна.
Горы: Карпаты (горы Угорские), Киевские, Днепровские.
Триада наземного передвижения: тропа — дорога — путь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВО

Структура ойкумены: города — земли — страны.

Три элемента защиты города: стена (*забрало* — верхняя часть стены) — ворота — запоры ворот (*уши*).

Структура города: терем — двор — городская стена.

Три уровня княжеского терема: охлупень (*киѣс*) — кровля (*дѣскы*) — пиршественный зал (*гридница*).

Три уровня гридницы: престол (злат стол) — кровать — пол (*и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридници Святѣславѣ*).

Три высших титула правителей разных народов: каган (государь) у русских, король у католиков, салтаны (предводители орд) у половцев; (термин «хан», то есть император, отсутствует).

Три эпитета Святослава Киевского: «*Грозный, Великий, Киевский*».

Шесть золотых символов княжеского достоинства: злат шлем, златоверхий терем, злат престол (и «златокованный престол»), злато ожерелие, злато седло, злато стремя.

Высшие уровни господства у русских: каган — великий князь — князь.

Высшее сословие: князья — вельможи (*были*) — бояре.

Народная триада (три части «внука Дажьдбога»): воины — горожане (полочане, куряни и т. д.) — крестьяне (*ратаеве*).

Степени несвободы: данник — пленник — раб (*кощеи*).

Три способа решения спора или разрешения участи: Божий суд — суд княжеский — жребий.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Триада сева: посев — полив — всходы.

Триада жатвы: стелить снопы на току — молотить цепами — отвечать <зерно от плевел>.

ВОЕННАЯ СФЕРА

Шесть слов для войны: полк, усобица, рать, брань, дело, оборона (*боронь*).

Три ратных символа: стяг — хоругвь — бунчук (*челка*).

Иерархия в войске: *кмети* (старшие дружинники) — дружина — воины (все, включая ополчение).

Три вида режущего оружия: меч — сабля — засапожный нож.

Три вида оружия с наконечником: копье — дротик (*сулица*) — стрелы.

Триада лука: лук — колчан — стрелы.

Три элемента защиты воина: шлем — щит — доспехи (*папорзи*).

Три типа древней «артиллерии» — метательный огонь (*живые шерешеры*) — камнеметание (*беремены*) — ? стрикусы (стенобитное орудие).

Три слоя одежды воина: кожих (меховая поддевка под доспех) — панцирь (*папорзь*) — плащ (*паполома*).

Снаряжение лошади: стремяна — седло — попона (*орѣтъма*).

Три вида лошадей: боевой конь (*борзой комонь*) — иноходец — лошадь (слово *кони*, звучащее в частице *окони*).

СКАЗАЛИ БОЯН И ХОДЫНА

Триада «гориславы»: *усобица, крамола* (междоусобица), *котора* (распря).
Замкнутый цикл междоусобицы (как пародия на две триады земледельческого цикла): посев костями — поливка кровью — всходы горем; жатва (головы, уложенные, как снопы) — обмолотка *харалужными цепами* (мечами) — отвевание души от тела; посев костями... (и т. д. по кругу).

ПИТЬЕ

Вода («испить шлемом Дону») — вино — кровь («коровое вино»).

ПРОИЗВОДСТВО, ДЕНЬГИ, ДРАГОЦЕННОСТИ

Три металла: золото — серебро — железо.

Три вида обработки железа: ковка — закалка — заточка (*сабли изострени*).

Деньги: *бела* (шкурка белки, но во времена «Слова» — серебряная новгородская монета), *ногата* и *резана* (серебряные новгородские деньги).

Три вида драгоценных шелковых тканей (*всякие узорочки*): паволоки (тип византийской шелковой ткани) — оксамиты (греческое «гексамит» — шестинитный) — белый шелк (*бобръ*).

Простые ткани и одежда: *ортъма* — *япончица* — *кожух*.

Три вида драгоценностей: золото — серебро — жемчуг.

ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Идти — ехать — плыть.

Три типа судов: корабль (морское судно) — насад (речное судно) — судно (? вторым смыслом во фразе «суды ряда до Дуная»).

Кочевое передвижение половцев: верхом — на телеге — в кибитках-вежах.

ЦВЕТОВОЙ МИР

Две триады цветового мира: багряный (эпитет к небесным столпам) — кровавый (эпитет к зорям) — червлёный; золотой — зелёный — синий.

Четыре триады монохромной гаммы: тресветлый (эпитет к солнцу) — светлый — белый; бобранный (белый шелк) — серебряный (седина, вода и берега из белого камня) — жемчужный (эпитет к душе); мутный — серый — сизый; бусый (темно-серый, эпитет к ворону) — темный — чёрный.

МЕТАФОРЫ СКОРБИ

Две триады: *Уже сънесся хула на хвалу, уже тресну нужна на волю, уже вържесе Дивъ на землю*. Слезы — жемчуг — студёная роса.

ПЯТНАДЦАТЬ РУССКИХ КНЯЗЕЙ-ДЕДОВ

Первое поколение:

— Владимир Святой («старый Владимир»)

Второе поколение:

— Ярослав Владимирович Мудрый («старый Ярослав»)

— Мстислав Владимирович Тмутороканский («храбрый Мстислав»)

Третье поколение:

- Изяслав Ярославич (упомянут как «отец Святополка»)
- Святослав Ярославич Киевский
- Всеволод Ярославич
- Вячеслав Ярославич (косвенное упоминание в виде отчества Бориса Вячеславича)

Четвертое поколение:

- Всеслав Брячиславич Полоцкий
- Борис Вячеславич (внук Ярослава Мудрого)
- Святополк Изяславич
- Олег Святославич Черниговский и Тмутороканский («Гориславич»)
- Роман Святославич Тмутороканский («красный Роман»)
- Владимир Всеволодич Мономах («сын Всеволодов Владимир»)
- Ростислав Всеволодич Переяславский («юноша Ростислав», сын Всеволода Ярославича, брат Владимира Мономаха)

Пятое поколение:

- Святослав Ольгович, отец Игоря и Всеволода

ТРИДЦАТЬ КНЯЗЕЙ-ВНУКОВ

Шестое поколение от «старого Владимира»:

- Святослав Всеволодич («Грозный, Великий, Киевский»)
- *Игорь Святославич Новгород-Северский*¹⁵²
- *Буй Тур Всеволод Святославич Трубчевский и Курский*
- *Ярослав Всеволодич Черниговский*
- *Всеволод Юрьевич Большое Гнездо* («Великий князь Всеволод»)
- Глеб Ростиславич (упомянут как отец «удалых сынов Глебовых»)
- Глеб Юрьевич (отец Владимира Переяславского и, как считали Первоиздатели «Слова», жены Буй Тура Всеволода Ольги; упомянут как отец Владимира)
- Василько Святославич (Рогволодич?) Полоцкий (упомянут как отец Изяслава)

Седьмое поколение:

- Владимир Игоревич Путивльский (сын Игоря Святославича)
- Олег Игоревич (сын Игоря Святославича)
- Святослав Всеволодич /?/ (сын Буй Тура Всеволода Святославича)
- Владимир Глебович Переяславский (сын Глеба Юрьевича, внук Юрия Долгорукого)
- Святослав Ольгович Рьльский
- «Удалые сыны Глебовы», четыре рязанских князя, сыновья Глеба Ростиславича (названы лишь по отчеству):
- Святослав Глебович

---

¹⁵² Курсивом здесь и далее выделены имена князей, к которым обращается Святослав в «Золотом слове».

СКАЗАЛИ БОЯН И ХОДЫНА

- Игорь Глебович
- Ярослав Глебович
- Владимир Глебович

- Рюрик Ростиславич Киевский (соправитель Святослава Всеволодича)
- Давыд Ростиславич Смоленский
- Ярослав Осмомысл Галицкий (отец Ярославны)
- Мстислав Ростиславич Храбрый (косвенное упоминание в виде отчества его детей «всех трех Мстиславичей»)

Васильковичи (по Б. А. Рыбакову):

- Изяслав Василькович
- Брячислав Василькович
- Всеволод Василькович

Восьмое поколение:

- Буй Роман Мстиславич Волынский
- Мстислав Ярославич Немой Луцкий
- Ингварь Ярославич Луцкий

«Все три Мстиславича» (по Б. А. Рыбакову):

- Давид
- Владимир
- Мстислав Удатный

ТРИ РУССКИХ КНЯГИНИ

- «Мать Ростислава» (жена Всеволода Ярославича)
- «Красная Глебовна» (жена Буй Тура Всеволода, дочь Глеба Юрьевича Переяславского, внука Юрия Долгорукого)
- Ярославна (жена Игоря Святославича Новгород-Северского, дочь Ярослава Осмомысла Галицкого, внука Юрия Долгорукого)

ТРИ СОВРЕМЕННЫХ ВРАГА РУСИ

- Гзак, Кончак, Кобяк

ЛИЦЕВЫЕ И ИЗНАНОЧНЫЕ ТРИАДЫ ДУХОВНОГО, ПРИРОДНОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО (см. таблицу на с. 55)

Поэт угадывает меру и без подсчетов. За него это делают его внутренний слух и музыкальный инструмент (скорее всего, это гусли).

Не вписываются в триадность «Слова» два песнотворца Боян и Ходына, антский правитель Бус (?), половецкий хан XI – начала XII веков Шарукан, касожский вождь Редедя, а также два вида княжеской охоты (соколиная и с гепардами в качестве гончих).

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ

метрология текста и пропорции домонгольского храма

Семь раз отмерь, один — отрежь.
Неверно понятая поговорка

Должен извиниться перед читателем за то, что начать эту главу придется издали: попытка объяснить принципы пропорциональной системы «Слова о полку Игореве» в середине 1990-х увела меня сначала в Ладогу, первую столицу Рюрика и древнейший из русских городов, а потом и еще дальше. Но начнем с Ладоги.

Просматриваю коллекцию археологического дерева в запасниках Староладожского музея-заповедника. Вот уже знакомый нам деревянный крюк, вставленный в стену избы (музейный шифр *СЛМ* КП-94161/А2-47). По-нашему — вешалка. Петербургский археолог Е. А. Рябинин в середине 70-х годов прошлого века нашел этот артефакт на Ладожском Земляном городище в слое 780-х годов, и музейщики дружно решили, что это «уточка» (см. с. 70). Но у утки голова заканчивается клювом, а тут вместо клюва — тяжелая челюсть Змея Горыныча. Видимо, это древнейшее изображение змееподобного бога Велеса, того, что на фреске XII века в ладожской Георгиевской церкви выводит на пояске из реки дева Елисава (см. вкладку).

А вот тщательно оструганная палочка с аккуратно вырезанными делениями (*СЛМ* 1721, ЛП). Это фрагмент измерительной линейки (длина его 139 мм), найденной археологом В. П. Петренко в слое конца X века. Линейка эта также древнейшая на Руси. Петренко нашел ее на языческом капище близ Варяжской улицы, уничтоженном при крещении Ладоги в 991 году. Она представляет собой часть мерной, овальной в сечении линейки (диаметр от 21 до 26 мм) с четырьмя тонко и аккуратно нанесенными резами, то есть тремя делениями (25,8; 25,8 ; 26,2 мм)¹⁵³.

Градуировка в 25,7 мм соответствует 1/12 древнегреческого «олимпийского» фута. Если в целой палочке было двенадцать делений, то величина шкалы была лишь на два с половиной миллиметра длиннее меры, по которой в середине V века до н. э. был построен Парфенон.

¹⁵³ Первая научная публикация мерной линейки из раскопа на Варяжской улице появилась в каталоге выставки Государственного Эрмитажа «Старая Ладога — Древняя столица Руси». СПб., 2003. Кат. № 89.

Итак, на языческом святилище в Ладоге до 991 года сидели волхвы, которые творили свои требы и жертвы, пользуясь античным греческим футом. Впрочем, договор Олега с Византией был подписан за восемьдесят лет до разгрома святилища воеводой Владимира Добрыней, и заморский фут был нужен волхвам, чтобы измерять ценившиеся тогда на вес золота греческие ткани, импорт которых в Северную и Центральную Европу шел через Ладогу.

Обрубок мерной линейки с капища на Варяжской улице
Около 990 г.

Исследователь средневековой архитектуры К. Н. Афанасьев, написавший монографию о греческом футе на Руси¹⁵⁴, ни разу в ней не упоминает о том, что он, как и английский, мог делиться на двенадцать дюймов. Вернувшись в Москву, я позвонил Афанасьеву: «Кирилл Николаевич, вы когда-нибудь слышали о древнегреческом олимпийском дюйме?» И в ответе девяностолетнего патриарха древнерусской метрологии прозвучало удивление: «Нет, никогда».

Античный греческий фут, равный 0,30871 м, — это 1/100 короткой стороны плиты под Парфеноном Акрополя или, на что исследователи внимания не обратили, — 1/31 от высоты ствола его колонн (каждая

¹⁵⁴ Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.

по 9,570 м). Число 31 здесь не случайность, это метрологический каламбур на тему пропорций Парфенона: $100 = 69 + 31$, а отношение 69 к 31 только в 1,005 раз меньше $\sqrt{5}$, на котором, как показал архитектор-реставратор И. Ш. Шевелев, основаны пропорции Парфенона¹⁵⁵.

По античному футу, за полторы тысячи лет не изменившемся, построены и первые древнерусские храмы. Впрочем, греческий фут, вероятно, еще древней, чем это полагают, ведь геометрически он — $1/12$ диагонали квадрата, сторона которого равна пяти египетским царским локтям (0,5239 м). Это значит, что диагональ пирамиды Хеопса можно измерить без остатка в греческих футах. Греки, по всей видимости, и заимствовали у египтян фут как меру для проверки диагоналей, но превратили его в меру «прямую».

Семь древнегреческих футов точно равны одной так называемой большой древнерусской сажени (2,16 м). Так что русская поговорка «семь раз отмерь, один раз отрежь» — это, видимо, о греческом футе, ведь, расчистив площадку будущего храма, архитектор должен был изготовить набор из девяти пропорциональных тростей¹⁵⁶. Семь раз отложив поясок с эталоном греческого фута, он получал мерную линейку со шкалой в одну большую сажень. Остальные восемь строились уже чисто геометрически.

Саженная система на Руси рухнула в одночасье, когда государь Алексей Михайлович росчерком пера ввел вместо большой сажени «казенную». Русский царь желал торговать с Англией и потому решил привязать систему русских мер к английской. Если раньше семь греческих футов составляли большую сажень, то теперь велено было семь раз отмерить английский фут.

(Английский фут — это тот же древнегреческий, он лишь на неполных четыре миллиметра короче.)

Таким образом получили казенную сажень в 2,13 м, что на три сантиметра короче древнерусской большой сажени. И когда новую сажень встроили в старинную систему, последняя рухнула, поскольку пропорцию указом не назначишь.

А потом и вовсе начали пользоваться модным французским нововведением — метром.

С падением саженной системы архитектура лишилась инструмента для пропорционального проектирования.

¹⁵⁵ Шевелев. И. Ш. Принцип пропорции. М., 1986. С. 82–95.

¹⁵⁶ Воинова И. Л., Чернов А. Ю. Система древнерусских сажени и два храма Старой Ладоги // Ладога и эпоха викингов: Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 111–121.

Лишь в XX веке Ле Корбюзье, ничего не зная о саженьях, изобрел «модуль» — упрощенный и практически не работающий вариант саженной системы, основанный на одном только золотом сечении¹⁵⁷.

То, что длина английского фута была на неполных четыре миллиметра меньше греческого, на глаз совершенно незаметно. «Обмер» покупателя обеспечивал британским производителям шерстяной ткани выигрыш в один фут на семьдесят девять греческих.

Вот и старолadoжская мерная трость с греческим футом тоже не идентична античному эталону.

Только фут, которым в конце X века пользовались русские волхвы, был не меньше, а больше греческого.

Русский «обмер» (2,5 мм с фута) был еще менее заметен, чем британский, а мера с аккуратными резами одним своим видом должна была внушать уважение не подозревающему о подвохе даннику.

Волхвы измеряли не отпускаемую, а принимаемую ими ткань — драгоценные ортомы, япончицы, паволоки, аксамиты «и всякие узорочья» (список из «Слова о полку Игореве»), которые привозили купцы из Византии. Очевидно, что они не продавали «узорочья» (тогда их фут был бы тоже меньше греческого эталона) и не покупали их (товар измеряет продавец, а перемерять купленное меньшим футом — абсурд), но принимали дань от тех же купцов за зимовку их морских кораблей в устье Ладожки или просто за право проследовать по Волхову.

В свою пользу они выгадывали один фут на ста двадцати пяти.

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ. ПЛЮС СЕРЕБРЯНОЕ

Золотая пропорция — самый древний и, может быть, самый загадочный из математических феноменов.

Однако его использование продолжается уже не менее пяти тысячелетий.

В библиотеке Эрмитажа есть книга, в которой мы можем найти археологические обмеры гробницы зодчего Хеси-Ра, построившего пирамиду Джосера (первую в Египете большую пирамиду)¹⁵⁸. Пропорцию, основанную на $\sqrt{5}$, этот мастер знал в XXVII веке до н. э.

¹⁵⁷ *Ле Корбюзье*. Модуль. М., 1976.

¹⁵⁸ Надо полагать, что Хеси-Ра (т. е. Посвященный богу Ра), чья гробница-храм была обнаружена археологами в начале XX века близ пирамиды Джосера в Саккаре, и есть посмертное имя обожествленного египтянами гениального зодчего Имхотепа. Впрочем, и последнее имя, скорее, — лишь титул.

Его прямоугольная гробница, как мне представляется, — первый дошедший до нас случай применения золотой пропорции¹⁵⁹.

Геометрически суть золотого сечения весьма проста. Это такое деление целого отрезка на два, при котором весь отрезок относится к большей своей части, как большая к меньшей.

У золотой пропорции две равноправные формулы и два числа:

$$\begin{aligned}\Phi &= (\sqrt{5} + 1) : 2 = 1,618034\dots \\ 1 : \Phi &= (\sqrt{5} - 1) : 2 = 0,618034\dots\end{aligned}$$

где Φ и $1 : \Phi$ — числа золотого сечения

Умножая на Φ или деля на $(1 : \Phi)$, мы получим одинаковый результат.

К золотой пропорции стремится отношение смежных членов *любого* ряда, в котором каждый следующий член есть сумма двух предыдущих. Можно взять два любых числа, и через полтора десятка сложений мы получим пару смежных чисел, отношение которых будет приближено к золотому числу 1,618034 с точностью до шести знаков по запятой.

Это тот универсальный механизм развития, который описали Фридрих-Вильгельм Шеллинг и (уже за ним) Гегель:

Теза антитеза синтез

При этом каждый локальный синтез тут же становится не тезой (как это обычно думают), а антитезой. Это реалья любого математического ряда, в котором последующий член получается в результате суммы двух предыдущих. Так, сложив единицу с единицей и получив двойку (начало знаменитого ряда Фибоначчи), мы должны вернуться ко второй единице, чтобы сложить ее с двойкой: 1; 1; 2; 3; 5; 8...

Если цепь не прерывается, мы получаем значения, отношения которых с каждым шагом все более приближаются к золотому идеалу.

Золотое сечение описано в «Началах» Евклида. За последние полтора века появились десятки исследований, открывших золотое сечение в многообразии природных форм и в искусстве. Но если в некоем природном явлении мы обнаруживаем золотую закономерность, это должно означать, что данное явление — следствие эволюционного его

¹⁵⁹ См. воспроизведение в книге: *Quibell J. E. Excavations of Saqqara (1911–1912). The Tomb of Hesy. La Centre Imprimerie de l'Institut de Francais, d'Archeologie Oriental. 1913.* Отмечу, что первые раскопки мавзолея Хеси-Ра были произведены еще в XIX веке основателем Египетского музея Огюстом Мариетом (1821–1881).

развития. Если же геометрическое «золото» обнаруживается в творении рук и ума человека, значит, это творение ориентировано на фундаментальные закономерности космических метаморфоз.

Точка золотого сечения «Слова» приходится на строку *меча беремены черезь облакы* (VI песнь).

В прямом и переносном смысле это высшая точка повествования. Речь именно о пространственной отметке: выше Бояна, который «парил умом в подоблачье», лишь «высоко сидящий» на златокованном галицком престоле Ярослав Осмомысл. Он не только подпирает своими полками Карпаты, но и перекидывает «тяжести» (*беремены*) через облака.

Но гармония не может сводиться к одному лишь «золоту».

Когда в середине 1990-х я рассказал Б. В. Раушенбаху о том, что в пропорциях текста «Слова» просматриваются закономерности, основанные на числе π , он предложил мне заняться изучением древнерусской саженой системы. И заметил, что число π — странное число: задачка может не иметь никакого отношения к окружности, а оно «все равно выскакивает».

На числе π и золотом сечении должна быть основана и гармония совершенной поэтической формы. Золото — гармония прямого, а число π — основа любой синусоиды, а значит, и любого гармонического процесса. В «Слове» мы обнаруживаем обе эти пропорции¹⁶⁰.

Напомню, что текст «Слова» естественно делится на три части, в каждой из которых по три песни (а в каждой песни по три темы). И если число гласных (с полугласными *ѣ* и *ѵ*) разделить на π , то полученный отрезок будет равен Первой или Третьей части поэмы.

Третья часть начинается строкой «Уже Сула не течет серебряными струями...». Потому гармонию, найденную на материале «Слова», мы и будем называть серебряным сечением.

Серебряное сечение — это отношение целого отрезка к меньшему как длины окружности к ее диаметру.

Другими словами, надо развернуть окружность в отрезок прямой, а потом отложить с любого его конца диаметр окружности.

Соответственно, если «золото» — гармония прямого, то «серебро» — гармония круглого.

¹⁶⁰ Доклад «Принцип серебряного сечения в “Слове о полку Игореве” и зодчестве Древней Руси» был сделан мною на заседании отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома 8 февраля 1995 года. Приношу благодарность петербургской компьютерной фирме «Альга» и ее руководителям Петру Гринфельду и Борису Райхелю за первичную статистическую обработку древнерусского текста.

СЕРЕБРО КАК ВЫСШАЯ ПРОБА ЗОЛОТА

Некогда египтяне освоили пропорции человеческой руки: если в одну сторону отложить три египетских локтя, добавив к ним «пальму» (ширину ладони), а перпендикулярно взять один локоть, то отношение сторон даст 3,14. (При этом π равно 3,142...) Никакой мистики тут нет, потому что в царском локте семь пальм, следовательно, три локтя плюс пальма — 22 пальмы, а $22 : 7 = 3,143...$

Этим, очевидно, и объясняется одна из загадок пирамиды Хеопса, у которой отношение ее удвоенного основания к высоте близко к π . Дело тут в самих египетских мерах.

Античность научилась строить по пропорциям «совершенного» человека. Так утверждает живший во времена Цезаря ее теоретик Витрувий. По этому автору учились и архитекторы позднего Средневековья, и зодчие XVIII века. Но между временем Витрувия и временем, скажем, Доменико Трезини — восемнадцативековая христианская культура, давшая, помимо прочего, музыку Баха и Моцарта. Почему же ни одна другая культура не пришла к симфонической полифонии, а христианская пришла?

Древнегреческие храмы, как и здания Ле Корбюзье, возведены по пропорциям человеческого тела. Однако в обоих случаях под гармонией понимались лишь математические вариации на тему квадратных корней (Парфенон) и золотого сечения. Древние греки не молились в своих храмах, это место богов и жрецов. Во время богослужений народ находился не в храме, а около.

На три века Рим загнал христиан в катакомбы, где единственным мыслимым занятием стала молитва. Но катакомбы — это прежде всего криволинейные своды. Здесь и сложилась культура подкупольного пения. А когда христиане вышли на поверхность земли и взяли власть в Римской империи, оказалось, что как ни кропи святой водой языческий храм и сколько крестов ни вырежи на его колоннах, хорошо петь в нем все равно нельзя. Не получается. Тогда христианские архитекторы и вспомнили о куполе, ведь и античность его знала, да только не умела использовать по назначению.

Христиане словно извлекли из-под земли привычный катакомбный свод и надели его на античные базилики.

Через век-два появятся и крестово-купольные храмы. И это будет свидетельством того, что архитектурная мысль христианской культуры освоила основные пропорции человеческого тела и научилась сопрягать гармонию прямого и плоского с гармонией круглого и объемного, квадратных корней и чисел золотого сечения с числом π .

Средневековый зодчий мыслил не линейной мерой, а пропорцией. Или, как выразился архитектор И. Ш. Шевелев, — парной мерой. Человеку, привыкшему пользоваться одной мерой (скажем, метром), понять это бывает не так-то легко.

В основе системы сажений XII века лежит античный олимпийский фут, равный $1/31$ ствола колонны Парфенона (0,30871 м). В системе из девяти мерных шкал закреплены фундаментальные пропорции ($\sqrt{5} - 1$) : 1; $\sqrt{5}$: 2; $\sqrt{2}$: 1 и число π .

Систему древнерусских строительных мер привожу (с. 157) по реконструкции, сделанной мною вместе с петербургским архитектором-реставратором И. Л. Воиновой на базе обмерных чертежей двух старолadoжских храмов середины XII века и проверенной на новгородском археологическом материале¹⁶¹.

Древнерусские сажени делились на полусажени ($1/2$), локти ($1/4$), пяди ($1/8$). А дальше могли идти ладони ($1/24$ — деление пяди на три ладони установил И. Ш. Шевелев), а могли вершки ($1/32$). Следующий класс градуировки — зарубки ($1/240$ или $1/320$). Но несколько фрагментов свидетельствует, что существовало и деление на полуладони ($1/48$) и полувершки ($1/64$ сажени). В этих случаях зарубок на целой сажени будет 480 и 640. Сажений в XII и в начале XIII века было не менее девяти. Но мастер, размечая план будущего храма, пользовался в основном какими-то тремя. А остальные — подспорье (для расчета радиуса апсид и подкупольного барабана, для настройки гармонии прямого на гармонию круглого).

В витрине Новгородского музея можно видеть древнюю мерную трость зодчего церкви Параскевы Пятницы (начало XIII века). На ее гранях три пропорциональных шкалы: маховая, тмутороканская и косая новгородская сажени. Это пропорции ($\sqrt{5} - 1$) к 1 и 1 к $\sqrt{2}$. (Реконструкция И. Ш. Шевелева.)

Рядом десятков деревянных обломков от других тростей. И тоже с зарубками. А в запасниках хранится еще около трех десятков обломков мерных тростей.

По моей просьбе их обмерили и перевели на кальку¹⁶². Выяснилось, что новгородский набор содержит шесть из девяти сажений. И еще три

¹⁶¹ Эта работа основывалась также на статьях Б. А. Рыбакова «Архитектурная математика древнерусских зодчих» и «Мерило новгородского зодчего» (Рыбаков Б. А. «История культуры Древней Руси», М., 1984) и на реконструкции шкалы мерной трости 1207 года, сделанной И. Ш. Шевелевым (см.: Шевелев И. Ш. Принцип пропорции. М., 1986).

¹⁶² Автор выражает благодарность Г. Н. Кожинной, хранительнице археологических фондов Новгородского музея.

под вопросом, поскольку из-за малой величины или небрежности градуировки они не поддаются надежной интерпретации.

На одной из тростей обнаружилась та самая «темная» сажень, без которой не удастся достроить третий (малый) саженный квадрат. При этом в паре с саженью без чети, которая в большом квадрате занимает то же место, что и «темная» в малом.

Корректность реконструированной саженной системы мы с Ириной Воиновой проверили по обмерным чертежам двух храмов Старой Ладogi — церкви Успения Богородицы (около 1157 года), самом северном из домонгольских храмов Древней Руси, и построенной на десятилетие-два позже (до 1180) Георгиевской церкви.

Новгородская мерная трость
1207 г. Дерево. Длина сохранившегося фрагмента 54 см

О космологических воззрениях Платона И. Ш. Шевелев пишет:

Наибольшей степени единства можно достигнуть, как утверждает Платон, если середины находятся в одинаковом отношении к крайним величинам — тому, что больше, и тому, что меньше, и между ними существует пропорциональная связь¹⁶³.

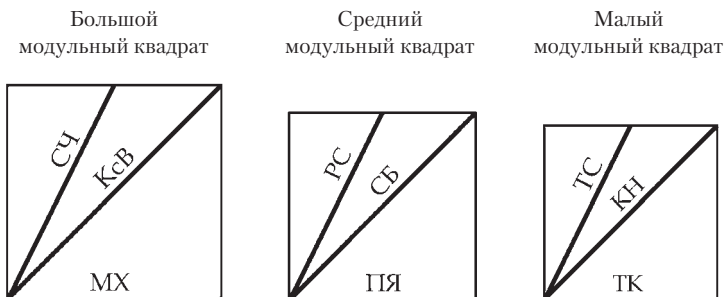
По Платону, гармонию Космоса определяет равенство:

$$\frac{\text{Огонь}}{\text{Воздух}} = \frac{\text{Воздух}}{\text{Вода}} = \frac{\text{Вода}}{\text{Земля}} = \text{const.}$$

Смысл этого становится понятен, если взять какую-нибудь геометрическую пропорцию. К примеру, 1, 3, 9... Первое так относится

¹⁶³ Шевелев И. Ш. Принцип пропорции. М., 1986. С. 77.

СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКИХ САЖЕНЕЙ. XII ВЕК

- КсВ — кося великая сажень — 2,489 м
 СБ — сажень большая (высота поднятой вверх руки при росте человека 1,7084 м) — 2,161 м
 КН — косяя новгородская — 2,013 м
 СЧ — сажень без чети — 1,967 м
 МХ — маховая, она же мерная (размах рук) — 1,76 м
 РС — ростовая (рост человека) — 1,708 м
 ТС — темная — 1,592 м
 ПЯ — простая (между большими пальцами раскинутых в стороны рук) — 1,528 м
 ТК — тмуроканская, она же малая (расстояние от плечевого сустава до земли) — 1,424 м

СБ равна семи олимпийским футам ($7 \times 0,3087 \text{ м} = 2,161 \text{ м}$)
 Олимпийский фут равен $1/31$ ствола колонны Парфенона — 0,3087 м

$$\text{МХ} : \text{ТК} = (\sqrt{5} - 1) : 1 = 1,23607\dots$$

$$2\text{ТК} : \text{МХ} = \Phi$$

$$G_a = \text{МХ} : \text{РС} = (\sqrt{5} + 1) : \pi = 1,03007\dots : 1$$

$$\text{РС} : \text{ТК} = \pi : \Phi^2 = 1,19998\dots$$

$$\Phi = (\sqrt{5} + 1) : 2 = 1,61803$$

$$\Phi^2 = (\sqrt{5} + 3) : 2 = 2,61803$$

G_a — антропоморфный (живой ростовой) квадрат

$$(\text{МХ} + \text{ТК}) : 2 = \text{ТС}$$

$$\text{СЧ} : 2 + \text{МХ} : 4 = \text{ТК}$$

$$\text{РС} : \pi + \text{ТК} = \text{СЧ}$$

$$(\text{ПЯ} + \text{ТК}) : 2 \approx \frac{3}{4} \text{СЧ} \text{ (откл. } 0,00025 \text{ м)}$$

Отношение площади квадрата к площади вписанного круга или периметра квадрата к длине вписанной окружности равно $4 : \pi$

$$(4 : \pi) : G_a = (\sqrt{5} - 1) = \text{МХ} : \text{ТК}$$

$$(\sqrt{5} - 1) : G_a = \pi : \Phi^2 = \text{РС} : \text{ТК}$$

Отношения прямых мер саженной системы практически равно квадрату отношений одних и кубам отношений других парных мер:

$$\text{МХ} : \text{ПЯ} \approx \text{ПЯ}^2 : \text{ТК}^2 \text{ (откл. } 0,0003)$$

$$\text{МХ} : \text{ТК} \approx \text{ПЯ}^3 : \text{ТК}^3 \text{ (откл. } 0,0003)$$

к среднему, как среднее к последнему. Последнее к среднему, как среднее к первому. Перемещение среднего числа на первое и последнее места, а последнего и первого, напротив, на среднее — не меняет результата:

$$3 : 9 = 1 : 3$$

Изысканный вариант этой платоновской системы мы находим в саженной системе:

$$MX : ПЯ \approx ПЯ^2 : ТК^2$$

$$MX : ТК \approx ПЯ^3 : ТК^3$$

Работая с прямыми и «косыми» сажнями, зодчий мог получать гармонию не только площадей, но и кубов. (Мы можем лишь гадать какой физический смысл стоит за этим изящным построением.)

Систему саженных пропорций придумали и рассчитали византийские математики. Можно реконструировать процесс изготовления их пропорционального инструмента. Вероятно, строители предпочитали хранить не длинные саженные трости, а поясok или компактную линейку с греческим футом. Его-то и откладывали семь раз на натянутой бечеве (или на длинной трости), а потом, как предписывает поговорка, отрезая бечеву (либо трость), получали большую сажень.

В саженную систему заложены не только пропорции золотого сечения, но и число π . Видимо, опираясь на это, средневековый архитектор и решал знаменитую задачу о квадратуре круга, то есть о построении круга, равновеликого квадрату.

$$СЧ - ТК = РС : \pi$$

Это теоретически точное равенство.

Используя разные комбинации мерных тростей, зодчий по длине условной окружности (часто это была именно прямая линия) вычислял ее диаметр. И потому заранее знал, что если внутренняя длина храма с запада на восток равняется $9 РС$, то диаметр подкупольного барабана будет равняться $(РС + 2 ТС)$. Так один размер завязывался с другим по числу π . (Мы можем предположить, что такая пропорция как-то связана с акустикой помещения.)

Имея в руках большую сажень, не составит труда геометрически построить все остальные: сделав две больших сажени, мастер мог скрестить их под прямым углом (прямой угол строится по египетскому треугольнику со сторонами 3–4–5) и получал квадрат. Сторона этого квадрата — простая сажень, а диагональ полуквадрата — ростовая. Достаточно взять пять шестых от ростовой, чтобы получить

тмутороканскую сажень (сторону малого квадрата), а построив квадрат, провести диагональ (косую новгородскую) и диагональ полуквадрата (темную сажень). Но темная сажень — это среднее арифметическое маховой и тмутороканской. Значит, чтобы найти половину стороны махового квадрата, надо вычесть из темной сажени половину тмутороканской. Остается, построив маховой квадрат, провести в нем диагональ и диагональ полуквадрата.

Так должны были поступать на Руси византийские мастера в XI веке. Позже (мы не знаем, когда) произошел отказ от греческого фута и модулем стала маховая сажень (отсюда и другое ее название — «мерная»). Теперь сначала строился маховой квадрат, в котором проводилась его диагональ (косая великая сажень) и диагональ полуквадрата (сажень без чети). Половина сажени без чети вместе с четвертью маховой давала тмутороканскую (малую) сажень. Строился квадрат со стороной в тмутороканскую сажень. Из него извлекали косую новгородскую и темную. Среднеарифметическое ПЯ и ТК — это три локтя СЧ, то есть целая сажень без чети, от которой отняли ее же четверть (отклонение менее четверти миллиметра).

В названии *сажени без чети* оказалась запечатлена часть связанного с ней процесса изготовления саженного инструмента: сажень, от которой отнимали *четь* (четверть), чтобы после отнять половину ТК и получить половину ПЯ, и стала зваться *саженью без чети*. (Но это как раз и означает, что мы правильно реконструировали порядок изготовления саженных линеек, а следовательно, верно воссоздали и саму саженную систему, в основе которой лежит олимпийский фут.)

Размеры МХ и ТК по планам храмов Старой Ладogi неотличимы от размеров тех же саженей на новгородской мерной трости. И это при том, что между церковью Успения Богородицы в Старой Ладoge и новгородской церковью Параскевы Пятницы дистанция в полвека.

Можно допустить, что эталоны строительных мер были воплощены в каком-то материальном объекте. Аналогом современной Палаты мер по логике вещей должен был являться первый и главный из храмов Новгородской земли. Но идет ли речь об эталоне, зафиксированном в престоле Новгородской Софии, или о чем-то ином, мы не знаем.

Используя отношение площади квадрата к площади вписанного круга ($4 : \pi$) и пропорцию МХ : РС, придем к удивительному, хотя и элементарному преобразованию:

$$(4 : \pi) : (2\Phi : \pi) = (\sqrt{5} - 1) : 1$$

$$\text{где } \Phi = (\sqrt{5} + 1) : 2$$

Но именно так относится МХ к ТК. Значит, ростовая сажень — это некий переходный модуль от круглого к прямому. При помощи ростовой сажени мы можем превратить маховой квадрат в прямоугольник со сторонами МХ и РС, и в помещении, построенном на пропорциях этого прямоугольника, отношение периметра стен к длине окружности звуковой волны будет равно отношению двух саженных мер. Так мы отсечем от «мертвого» квадрата то лишнее, что препятствует гармонизации (надо полагать, прежде всего — акустической) прямоугольного в своем плане пространства храма.

Византийские математики, создавая крестово-купольный храм, построили систему антропоморфных пропорций, в которых работают и золотое сечение, и число π . Меры, взятые с человеческого тела, сохранили в себе драгоценные (и до сих пор мало изученные) закономерности, на которых основаны гармонические природные процессы.

Гуманисты, как и древние греки, боялись иррациональных величин. Но таковы пропорции человека: отношение сто три к ста (размах рук к росту) — можно записать как удвоенное «золото», деленное на π , то есть отношение мерной сажени к ростовой.

Назовем живым ростовым или антропоморфным квадратом (G_a) диаметр двойного мажорного золотa ($\sqrt{5} + 1$): $\pi = 1,03007...$

Круг, вписанный в квадрат, — модель распространения звуковой, световой и любой иной волны в замкнутом прямоугольном пространстве. Если же квадрат заменить живым квадратом или квадратом живого квадрата, то в первом случае получится 1,236... — отношение маховой сажени к малой, а во втором отношение роста к малой сажени, а это просто π , деленное на 2,618... (то есть на квадрат «золота»).

Татлин наставлял своих учеников: никогда не рисуйте правильного квадрата, ибо он мертв. Но квадрат оживет, если его горизонтальную сторону сделать чуть шире вертикальной. В 1912 году Малевич вписал два живых квадрата (красный и черный) в работу, которую он назвал «Супрематизм». Теорию живого квадрата пытался разрабатывать и академик архитектуры И. В. Жолтовский. Но художники и теоретики начала XX века просто не знали, что среднее отношение размаха рук человека на три процента больше его роста. Об этом не знал и Леонардо да Винчи, попытавшийся втиснуть своего знаменитого витрувианского человека в квадрат и круг.

Система древнерусских саженей как частный случай включает в себя живой квадрат Жолтовского, но в ее основе лежит живой ростовой квадрат (функция серебряного сечения).

Мы не знаем, когда в древнерусской метрологической системе появляется ростовая сажень, настроенная при работе в паре с маховой

на отношение $2\Phi : \pi$, а при работе в паре с тмутороканской на отношение $\pi : \Phi^2$. (В обоих случаях мы имеем дело с серебряным сечением.)

Полагаю, утрата ростовой сажени и привела в конце концов к вырождению всей пропорциональной системы строительных мер.

В живом ростовом квадрате одна сторона равна размаху рук, а другая — диагонали «простого» (по названию соответствующей сажени) полуквадрата. Заметим, что живой ростовый квадрат изобретен не древними зодчими, а самой природой. Ведь, говоря о саженной системе, мы имеем в виду пропорции человека, созданного, как в это верили христианские зодчие, по Божественному Образу и Подобию.

Число G_a связано с пропорциональной устойчивостью при делении клетки на 2, 3 и 5 частей a , значит, с эволюционным механизмом. Введя в самые простые пропорции G_a , обнаруживаем их связь с $\sqrt{2}$ и π :

$$\begin{aligned} 3/2 : G_a^2 &\approx \sqrt{2} \approx 4/3 G_a^2 && (\text{отклонение } 0,0005 \text{ и } 0,0006) \\ 5/3 : G_a^2 &\approx \pi/2 && (\text{отклонение } 0,00003) \end{aligned}$$

На практике живой квадрат должен был возникнуть как коэффициент, на который надо уменьшить отношение $5/3$ (отношение гипотенузы и короткого катета священного египетского треугольника $5-4-3$), чтобы получить золотое сечение (отклонение всего лишь $0,00002$).

Заметим, что в старолadoжской церкви Успения МХ и ТК задают габаритный размер с запада на восток, а внутренний размер помещения в этом направлении, впрочем, как и внутренние размеры жертвенника и диаконника, будут взяты именно по РС.

Полученное отношение МХ : ТК вновь разделим на число живого ростового квадрата, и перед нами предстанет пропорция РС : ТК.

$$(\sqrt{5} - 1) : G_a = \pi : \Phi^2 = 1,19998... : 1$$

Выражение, обратное последнему, в музыке называется малой (миной) терцией чистого строя ($5 : 6 = 0,8333...$).

О ЧЕМ ПОЮТ ОПОРЫ

Гармония — устойчивое состояние нарушенной симметрии. А симметрия нарушается, когда мы имеем дело с разноприродными по своей сути явлениями. И пушкинское определение разноприродного («волна и камень») — напоминание о том, как гармонизировать звуковую волну с пропорциями каменных стен, а круг с квадратом.

Старые мастера говорили, что искусство архитектуры — это искусство заставить «звучать опоры». В помещении, построенном

по живому ростовому квадрату, длина окружности звуковой волны соразмерна периметру стен (и внутреннему, и внешнему), и, значит, отражение и поглощение звуковой волны будет гармонизировано с линейными пропорциями самой архитектуры.

Древние зодчие строили храмы так, как мы шьем одежду, — строго по пропорциям человеческого тела. И вместе с антропоморфными пропорциями в постройку попадали гармонические константы — иррациональные и трансцендентные отношения.

Если одну октаву (от ноты *до* и до следующего *до*) принять за виток спирали, то малая терция будет соответствовать по частоте ноте *ля*. Но в темперированном (классическом) строе отношение 5/6 уже не работает: камертонное *ля* равно 440 герцам, а мы по эталонному *до* II октавы (523,25 герц) получаем *ля* I октавы в 436,04 герц.

В XVII столетии создатели темперированного строя разделили октаву на двенадцать равных интервалов. Они рассуждали так: если от *до* до *до* частота ноты удваивается, то темперированный интервал должен быть $^{12}\sqrt{2}$. (Умножив двенадцать раз число 1,0595..., получаем искомую двойку.)

Симфоническая музыка выросла из темперации октавы.

Но, понимая, что темперированная гамма — виток спирали, музыковеды вот уже три века не могут уйти от линейных представлений времен позднего Средневековья, хотя все музыканты слышат, что клавишные инструменты почему-то очень плохо звучат рядом со смычковыми.

Можно допустить, что на самом деле темперированный полутон не равен $^{12}\sqrt{2}$, но только близок к этому числу. И скрипач, и певец, и человек за роялем — все они настроены природой по числу π , а не по квадратным корням. Потому-то, надо полагать, опытные настройщики всегда перестраивают фортепьяно для игры со смычковыми, чуть повышая (по сравнению с эталонной) частоту каждого следующего *до* (а на самом деле — каждой ноты).

Отказавшись от сведения трансцендентной пространственно-временной гармонии к иррациональной гармонии диагоналей квадратов, мы откажемся от попытки выразить π через $\sqrt{2}$. И получим другое решение проблемы темперации и другое определение минорной терции: малая (минорная) терция — это диаметр частотного интервала от данной ноты до аналогичной ноты более низкой октавы, то есть серебряное сечение октавы. В этом случае, взяв эталонные значения *до* I и II октав, мы получим отклонение от камертонного «*ля*» только в 0,02 герца.

Это значит, что интервал каждой октавы надо расширить на несколько центов.

Ньютон разделил цветовую гамму по соотношениям простейшей фригийской гаммы. С тех пор мы и пользуемся архаичным по сути цветовым строем, очень мало соответствующим реальной «музыке сфер» и просто музыке, а значит, и гармонии вообще.

Мы живем, как строим, и строим, как живем. Наши стандарты до чудовищного рационалистичны и никак не резонируют ни с космосом, ни с человеком. Система саженей, плод тысячелетних исканий нескольких великих культур, была погублена, когда государство вмешалось в святая святых старых мастеров и начало диктовать: вот эту сажень делайте такой, а эту такой.

Саженная система — это подобие темперированного клавира для архитектуры, музыкальный инструмент для дизайнера (от дизайнера жилищ и машин до антропоморфной верстки газеты или журнала).

Когда государство стало *назначать* пропорции, мастера поджали губы и предпочли унести свои секреты в могилу, не передав их новейшему времени.

МЕТРОЛОГИЯ «СЛОВА»

Мышление поэта структурировано (помимо прочего) пропорциональными закономерностями.

Сравним саженные отношения с пропорциями «Слова о полку Игореве». Текст «Слова» естественно делится на три части: Поход — Поражение — Возвращение героя.

В каждой части легко выделить по три песни, а в каждой песни по три темы. (Напомним, что в системе саженей также девять мер.) Практически совпадает интервал пропорций¹⁶⁴ саженей (от 1,75 до 1,02) и песен «Слова» (от 1,68 до 1,03).

Серебряное сечение антропоморфно: если рост человека вместе с вытянутой вверх рукой разделить на π , то это будет длина руки.

Но, разделив на π длину восточного фасада церкви Успения Богородицы в Старой Ладоге, мы получим ширину крайних апсид (вместе с толщиной стен). А умножив на π внутренний диаметр подкупольного барабана, получим внутренний размер церкви с запада на восток.

Поскольку в «Слове» само действие поэмы идет по кругу (поход — поражение — возвращение), у нас есть основания говорить о *диаметре текста*, или диаметре его композиции. Но практически

---

¹⁶⁴ Первое число в интервале пропорций — отношение наибольшей величины к наименьшей, а второе — отношение двух наиболее близких величин.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

любой сюжетный художественный текст обладает свойством в конце возвращаться к собственному началу и представляет собой либо окружность, либо виток спирали (что, по сути, одно и то же).

Поэтому, чтобы вычислить диаметр «Слова» (D), достаточно разделить общее число слогов текста на π . (Это длина первой и третьей частей.)

Часть первая. Поход — 884 слова; 2307 слогов (*откл. от $D + 3$ слога*)

I песнь — 292 слова; 741 слог

II песнь — 289 слов; 772 слога

III песнь — 303 слова; 794 слогов

Часть вторая. Поражение — 1035 слов; 2626 слогов

IV песнь — 277 слов; 685 слогов

V песнь — 307 слов; 788 слогов

VI песнь — 451 слово; 1153 слога

Часть третья. Возвращение — 878 слов; 2304 слога (*откл. от D нет*)

VII песнь — 321 слово; 841 слог

VIII песнь — 280 слов; 722 слога

IX песнь — 277 слов; 741 слог

Всего в тексте 2797 слов; 7237 слогов

Диаметр текста 2304 слога

Радиус 1152 слога

Гармония «Слова» построена на числе π .

Соотношение частей поэмы такое же, как у абсид церкви Успения в Старой Ладогe (тот же XII век), и такое же, как у отношения внутреннего размера церкви (от входа до стены алтарной абсиды) к диаметру подкупольного барабана.

Для «Слова» отклонение в 3 слога, это, если перевести в метрическую систему, ошибка менее полмиллиметра на метр.

У двух песен «Слова» (у первой и последней) одинаковая слоговая длина. В этом не было бы ничего удивительного, когда б первая и третья части не равнялись диаметру текста.

VI песнь (Злато слово) равна радиусу текста.

В самом «Золотом слове» первая точка серебряного сечения (диаметр, взятый от начала) приходится на ключевую фразу «наизнанку времена обратились», а вторая серебряная точка на слова «стреляй, господин, Кончака, поганого кощея».

От начала текста до слов *были вьчи Трояни* 1950 слогов, а от конца текста до *на седьмомъ вьць Трояни* (включая всю фразу) — 1952 слога. От начала текста до *земли Трояна* 2629 слогов. Это практически равно второй части текста (2626).

Такова математическая «мистика» топографии этого текста.

ПРОПОРЦИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

d и -d — серебряное сечение (диаметр текста и весь текст минус диаметр)

A — Тропа Трояна (628-й слог)

B — Века Трояна (1950-й слог; диаметр от этого отрезка равен 621 слогу)

C — Земля Трояна (2629-й слог), что равно длине второй части (2628)

E — Седьмой век Трояна (5284-й слог; 1953 слога до конца текста)

Темп речи поэта то растягивается, то замедляется. Если средняя длина слова по всему тексту 2,6 слога, то самая короткая IV песнь оказывается и самой стремительной: средняя длина слова здесь 2,5 слога. И это понятно, ведь вся эта песнь — рассказ о битве и поражении. А самая торжественная песнь — заключительная IX (средняя длина слова 2,7 слога).

Можно привести и другие примеры пропорциональной симметрии текста. Скажем, вряд ли является случайностью, что единственное авторское «я» приходится на точку 1/3 текста, а упоминание о Бояне и Ходыне — это 2/3 от длины последней песни.

АНТРОПОМОРФНЫЙ КВАДРАТ

В отношении пропорций песен «Слова» последовательно прослеживается то, что мы назвали антропоморфным (живым ростовым) квадратом (пропорция 1,03 к 1). Это диаметр удвоенного золотого сечения.

$$G_a = (\sqrt{5} + 1) : \pi$$

Начнем с наибольшей длины стандартной песни и будем последовательно делить на величину G_a :

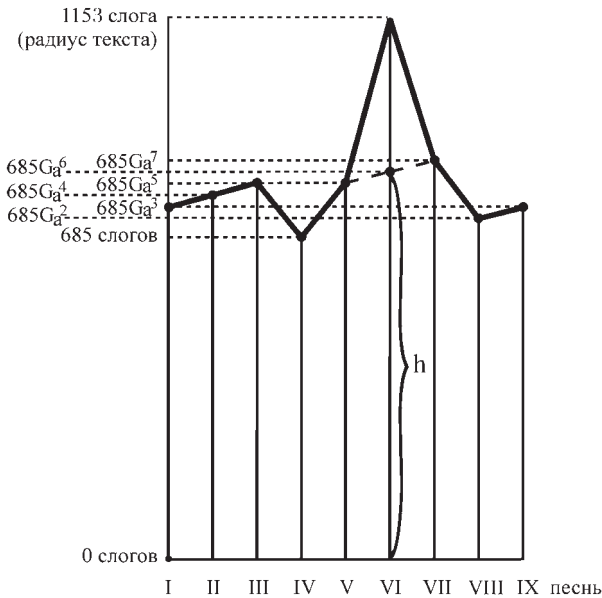
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- 841 – (VII песнь)
 816 –
 793 – (III – 794; V – 788)
 769 – (II – 772)
 747 – (I – 741; IX – 741)
 725 – (VIII – 722 слога)
 704 –
 683 слогов (IV – 685)

При этом две крайние части «Слова» (по три песни в каждой) равны диаметру, а VI песнь (Злато слово) радиусу текста.

Отношение в этом ряду самой длинной к самой короткой песни близко к пропорции $(\sqrt{5} - 1)$ к 1. Видимо, гармония в конечном счете и рождается как компромисс разных гармонических пропорций.

ДИНАМИКА АНТРОПОМОРФНОГО КВАДРАТА «СЛОВА»

Средняя погрешность 4 слога, максимальная 6 слогов (при средней величине шага в 23 слога)

Величина VI песни (R) больше, чем она должна быть по графику антропоморфного квадрата ($h = 816$) в 1,413... раза. Это отношение диагонали квадрата к его стороне (откл. 1 слог)

Итак, «Слово» повторяет устройство и пропорции древнерусских трехнефных крестово-купольных храмов XII века. Кстати, именно такую композицию (три части по три главы в каждой) первоначально намеревался придать «Евгению Онегину» А. С. Пушкин.

Православный храм, как писал Д. С. Лихачев, — модель вселенной. Можно сказать, что домонгольский храм — действующая ее модель.

Если в «Слове о полку Игореве» обнаруживается та же пропорциональная система, что и в системе древнерусских саженей (и в созданных на ее основе храмах), это должно означать, что «Слово» или написано под непосредственным влиянием гармонических особенностей древнерусской архитектуры, или гармония средневекового византийско-русского зодчества и гармония поэтического слова восходят к неким неизвестным нам пропорциональным законам, в основе которых лежат золотое сечение и число π .

Второе, впрочем, отнюдь не противоречит первому. Поскольку пропорции саженей антропоморфны, можно предположить, что сама архитектура домонгольских храмов должна была воздействовать на человека (и воздействует до сих пор) как некий резонатор (физическое действие и сам механизм которого нам неведом, хотя сегодня и нет недостатка в псевдонаучных спекуляциях на этот предмет).

Пропорции «Слова» свидетельствуют, что древнерусский текст дошел до нас без радикальной редактур.

Пропорциональная система поэмы делает невозможной все перестановки текста, которые предлагались самыми разными исследователями. Текст поэмы развивается по своим собственным объективным законам, которые по мере приближения к заключительному «аминю» оставляют автору все меньшую степень свободы. Основанные на числе π и золотом сечении законы соразмерности диктуют свою волю: диаметры и радиусы целого (и его автономных частей), цепляясь друг за друга, как шестеренки, вращают часовой механизм сюжета.

И поэтому магические созвучия автора «Слова», как и струны Бояна, сами рокочат и славу, и «гориславу».

И это заставляет вспомнить о древнем представлении о поэте не как о творце, а как о сотворце, то есть как о *проводнике*.

Анну Ахматову однажды спросили, трудно ли писать стихи.

Ахматова удивилась: «Что же тут трудного, когда диктуют?»

О «диктовке» говорил и Пушкин: две рифмы «приходят сами», третью «приводят». (Обывательское представление о том, что поэт может написать все, что угодно и как ему угодно, — всего лишь расхожее заблуждение. На примере «Слова о полку Игореве» мы еще раз в этом убеждаемся.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Приведу список слов, которые в русской лирике чаще, чем положено по законам статистики, попадают на точки золотого и серебряного сечения¹⁶⁵:

душа; сердце; жизнь;
любовь; мечта; красота;
ангел; счастье; дума;
слово; отчизна; Россия;
небо; вселенная; Бог;
царь; народ; мать;
свобода; венец; стихи;
друзья; дом; стакан/бутылка;
сон; одиночество; горе/печаль;
изгнание; цепи; пехота;
война; смерть/гибель/гроб; судьба.

Вероятно, этот *поэтический код* может показаться излишне романтическим и даже инфантильным.

Но такова формула русской лирики, ее периодическая система, состоящая (на сегодняшний день) из тридцати трех элементов. Такова объективная и незащищенная реальность, оплаченная страданиями и самой жизнью русского поэта (см. об этом статью Владислава Ходасевича «Кровавая пища»).

Абсолютный лидер по частоте встречаемости в точке золотого и двух точках серебряного сечения (диаметр от начала и диаметр от конца текста) — *душа* (в два с половиной раза чаще, чем это должно быть статистически, исходя из средней частоты появления этого слова в выбранном для анализа материале).

А потому не грех вспомнить душу полоцкого князя Изяслава Васильковича, изронившего ее через *злато ожерелье*, ту жемчужную душу, за которую, как однажды заметила Новелла Матвеева, многие стихотворцы заложили бы собственную.

---

¹⁶⁵ Мною проанализировано более тысячи любимых моих стихотворений и поээм русских поэтов XVIII–XXI вв.

ТРИ ИМЕНИ АВТОРА
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

текст как оттиск личности

Я вышел на арену вместе с равным мне.

*Циц<ерон>*¹

ХОДЫНА. СФРАГИДА АВТОРА

В издании 1800 года читаем: *Рекъ Боянь и ходы на Святъславля пѣтворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти: тяжко ти головы кромъ плечю; зло ти тѣлу кромъ головы: Руской земли безъ Игоря.* Здесь частично сохранено двойственное число: *Святъславля пѣтворца* («два Святославовых песнотворца», или «два песнотворца двух Святославов») и *коганя хоти* (два государевых любимца). Поэтому в конце XIX века историк И. Е. Забелин предложил чтение «рекъ Боянь и Ходына» (сказали Боян и Ходына), признав в Ходыне второго песнотворца, напарника Бояна².

Древний текст позволяет понимать его, к примеру, так: «Сказали Боян и Ходына, оба Святославовы песнотворцы, певшие старое время Ярославово, Олега государевы любимцы: — Тяжело голове без плеч, худо телу без головы. Так и Русской земле — без Игоря»³.

Фразу «Так и Русской земле без Игоря» невозможно оторвать от двух предыдущих. Но тогда выходит, что Боян вместе с неким Ходыной поют князю, который живет через век после смерти Бояна.

---

¹ Пушкинский эпиграф из Цицерона к полемической статье, направленной против Ф. В. Булгарина. Сокращенная подпись (в «Литературной газете» эпиграф на латыни и без перевода) становится семантическим ключом ко всему высказыванию.

² *Забелин И. Е.* Заметка об одном темном месте в «Слове о полку Игореве» // Археологические известия и заметки, изданные Императорским Московским Археологическим обществом. 1894. № 10. С. 298–301.

³ Иногда в этом видят обращение к неизвестно зачем и как здесь возникшей жене Олега Гориславича, прабабке Игоря и Всеволода: «О, супруга кагана Олега!»

К этому анахронизму мы еще вернемся.

Но вот чтение, предложенное в 1950 году И. Д. Тиуновым: «Возгласили Боян и Ходына, оба Святославовы песнотворцы, певшие старое время Ярославово-Олегово — государевы любимцы»⁴. Оно предпочтительнее, поскольку из этого следует, что автор «Слова» использует здесь свой любимый прием «свивания обаполы» одного времени с другим. (Вспомним: «Минули лета Ярославовы, были полки Олеговы».) И. Д. Тиунов подчеркивал, что при перестановке единственного знака (исследователь предлагал поставить запятую: «времени Ярославова, Олегова») текст становится понятным.

С этим трудно не согласиться.

В реконструированном виде: *Рекоста Боянь и Ходына, Святъславля пѣснотворьца, стараго веремени Ярославля [и] Ольгова, коганя хоти.*

Считается, что в глубокой древности у многих народов было в обычае так называемое амебейное пение — парное исполнение эпоса. Два певца садились рядом и импровизировали. Первый сочинял либо припоминал стих, второй этот же стих повторял в несколько измененном виде, давая время сопевцу вспомнить или сложить следующую фразу. До XIX века традиция амебейного пения дожила в практике карело-финских рунопевцев, и мы вслед за Д. С. Лихачевым⁵ вправе предположить, что *рекъ Боянь и Ходына* — реминисценция амебейности древнерусской эпической поэзии.

Однако если бы Боян пел на пару с другим певцом, мы никогда бы не узнали ни имени Бояна, ни имени Ходыны, ведь, как известно, при двухголосом пении исполнители не считали себя авторами. Создание, скажем, былины осознавалось как рассказ о чем-либо, а не как творение некоей новой формы. Это эпическое, фольклорное, анонимное по самой своей природе сочинительство, в котором явлен архаический, доавторский тип сознания. При двухголосом пении памяти о том, кто создает песнь, не сохраняется, и потому невозможно отыскать «авторов» древнерусских былин или скандинавских баллад.

Рассматривая на материале арабской средневековой поэзии проблему авторского самосознания, А. Б. Куделин ссылается на арабского филолога X века: «...ал-Хатими в принципе исключает возможность двойного или коллективного авторства. Касыда может быть продуктом творчества только одного человека, а не результатом сотворчества

⁴ Тиунов И. Д. Несколько замечаний к «Слову о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 196–203.

⁵ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 9.

двух и более лиц. Двойная атрибуция произведения возможна лишь по ошибке или вследствие мистификации»⁶.

В нашем случае правильно второе утверждение. И мнение средневекового арабского ученого для нас тем ценней, что речь идет не о частном вопросе конкретной стиховой традиции, а об общей закономерности перехода от фольклорного сознания к авторскому. Этот переход у многих народов происходил в Средние века, и у нас нет оснований полагать, что на Востоке и Западе тут могли быть какие-то принципиальные различия.

Единственное исключение из правила амебейной анонимности — поэма древнеанглийского барда Видсида⁷. В ней говорится о «взаимности» поэта и правителя. Дошедший до нас отрывок начинается с того, что Видсид раскрывает государю «сокровищницу слова», а потом описывает, как, когда и чем государи его награждали. Считается, что Видсид называет имя своего поэтического напарника: «Мы со Скиллингом возгласили чистыми голосами...» Однако такая интерпретация — плод текстологического недоразумения. Песнотворца Скиллинга никогда не существовало. И хотя он упомянут Видсидом в 103-м стихе, ключ к разгадке спрятан десятью стихами раньше: оказывается, «владелец готский» подарил певцу обручье в шестьсот монет «счетом на скиллинги» (то есть шиллинги), но поэт отдал его Эадгильсу, «государю любимому», за «вотчину отчью», а Эальхильд потом одарила Видсида новым обручьем. Вот за это Видсид «со Скиллингом» и возгласили ей хвалу «чистыми голосами».

Видсид не делил обручье со Скиллингом, ведь Скиллинг тут — эвфемизм авторского гонорара.

Воспользуюсь случаем поблагодарить О. А. Смирницкую, подтвердившую такое мое чтение дополнительным аргументом: в оригинале эпитет «чистые» — тот же, что используется у Видсида для удостоверения чистоты пробы серебра. Поэт намеренно сближает чистоту голоса и чистоту пробы металла: *SKÆRE skatpund i SKILLING regning u Derpå jeg og SKILLING med SKÆREN røst*.

Итак, «мы со Скиллингом» — это «мы с Шиллингом», *мы при Монете*. (Так сегодня иконописец может сказать батюшке: «Мы с Рублевым храм распишем, но Рублева — вперед».) Единственная ссылка на имена авторов в гипотетическом амебейном тексте оказывается лишь буквальным (а потому и неверным) прочтением метафоры.

⁶ Куделин А. Б. Средневековая арабская поэтика. М., 1983. С. 115.

⁷ Древнеанглийская поэзия / Отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский; ред. перевода О. А. Смирницкая. М., 1982. С. 15.

И поскольку до нас дошло имя поэта, жившего в последней четверти (или даже трети) первого тысячелетия, его поэма по определению не могла быть амебейной.

Говоря о Бояне, автор «Слова» всячески подчеркивает его сакральную, вещую природу. По поэтическим представлениям Автора, «соловей» старого времени наделен магическим знанием, и все превращения Бояна в орла, соловья, волка — подчеркнуто индивидуальные метаморфозы. Из самого «Слова» ясно, что Боян пел старым князьям отнюдь не амебейно, и появление на последней странице «напарника Бояна» — более чем странный анахронизм, перечеркивающий все то, что было сказано о Бояне в начале поэмы.

Если мы не предполагаем какого-то особого пути развития авторского «я» в поэтических текстах Киевской Руси, мы должны отвергнуть предположение о возможной амебейности «слав» Бояна. К XI веку по всей ойкумене поэты, осознававшие себя авторами, не только порвали с архаикой двухголосого пения, но уже на протяжении нескольких веков противопоставляли амебейности состязания поэтов. Они уже не помогали друг другу вести рассказ, а спорили друг с другом, сочиняя на своих турнирах за один прием по стиху или строфе и после этого уступая право на ответное поэтическое высказывание, как рыцари право на удар (обычай, сохраненный дуэльной традицией). Напарник к этому времени окончательно превращается в соперника.

И тем более странно, что Боян и Ходына, по свидетельству Автора, «говорят» свою припевку именно так, как пропели бы ее анонимные и архаичные рунопевцы, которые всего лишь развивали во втором стихе мысль первого: «Тяжко ведь голове без плеч. Зло ведь телу без головы!»

Протестуя против Ходыны как сопевца Бояна, филолог и текстолог М. В. Щепкина писала: «Добро бы это было нечто исключительное, но данная “припевка” ничего необычного в себе не заключает»⁸. Исследовательница совершенно справедливо отказывает Ходыне в праве быть соавтором и современником Бояна, ибо верно почувствовала архаическую примитивность припевки Бояна и Ходыны. Согласимся: Боян, певший Ярославу и Святославу Ярославичу (в одной гриднице со скандинавскими скальдами, еще несколько веков назад простившимися с амебейной традицией), никогда бы

⁸ Щепкина М. В. Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 21.

не оставил о себе память как о «вещем» песнотворце, если бы был всего лишь фольклорным сказителем, исполнявшим свои «славы» с напарником.

Именно по этой причине имена народных сказителей стали известны лишь благодаря интересу фольклористов. В памяти же народа (точнее — народов) они не сохранялись.

Поэтическая стройность «Слова» нарушается воистину загадочным сопевцом Бояна.

Доходя до имени Ходыны, мы попадаем в тупик: с одной стороны, если мы принимаем Ходыну, текст становится ясным и простым, с другой — Ходына как напарник Бояна по амебейному пению противоречит современным представлениям об амебейности.

Невозможно появление на последней странице «Слова» неизвестного песнотворца и еще по одной причине. Автор «Слова» — отличный психолог. В его поэме звучит прямая речь Бояна, Игоря, Всеволода, Святослава Киевского, Ярославны, Донца, Гзака и Кончака, но *всякий раз* голосу героя предшествует косвенное упоминание о самом герое. Скажем, сначала словно вскользь обронена фраза про «замышления Бояна», потом следует рассказ о Бояне и только после: «...так бы ты, Боян, запел Игорю...».

Здесь же, в самом конце «Слова», неизвестный певец безо всякой мотивировки буквально врывается в текст на плечах Бояна.

Есть ли выход из подобного текстологического тупика?

Все станет на свои места, если предположить, что Ходына — имя самого Автора. Тогда окажется, что и появление своего имени в конце текста тактичный автор «Слова» подготовил заранее, употребив личное местоимение первого лица еще в рассказе о поворотном эпизоде битвы на Каяле: «Что мне шумит, что мне звенит давеча⁹ утром перед зарей...»

Покажем, что это единственно возможное решение данной текстологической задачи, и убедимся, что, если мы будем исходить из контекста средневековой авторской поэзии, то перед нами всего-навсего общее место.

⁹ Употребление слова *давеча* (накануне, недавно) свидетельствует, что «Слово» написано летом 1185 года. Впрочем, еще переводчик «Слова» Яков Малашев, чье комментированное издание «Слова» вышло в Москве в 1871 г., писал, что поэт «был если не действующим лицом, то, во всяком случае, близко заинтересованным лицом в событиях», поскольку в начале поэмы называет Игоря «нынешним», а о себе сообщает, что будет петь «по былинам сего времени» (цитирую по: *Руди Т. Р. Малашев // ЭСПИ. Т. 3. С. 208*). Из этого своего наблюдения Малашев делает еще один, весьма важный для понимания текста вывод (см. примеч. на с. 181).

Гипотезу о том, что Ходыной звали переписчика «Слова» или его Автора, высказал московский переводчик А. Г. Степанов¹⁰. Но он подверг текст столь радикальной правке, что эта гипотеза научным сообществом даже не обсуждалась. Идею Степанова по достоинству оценил лишь Владимир Набоков. К тому времени он уже закончил работу над собственной англоязычной версией «Слова» и выпустил английский перевод¹¹. Имя Ходыны в набоковском переводе не упоминается. Видимо, сначала писатель просто не обратил внимания на старую конъектуру И. Е. Забелина. Но через несколько месяцев пожалел о своем упущении. Уже в следующей книге, романе «Бледный огонь», Набоков фактически признал правоту А. Степанова¹². Правда, сделал это столь по-набоковски (в романе он назвал Ходыну мистификатором), что на это просто не обратили внимания.

Нас должно удивлять ни то, что Ходына говорит вместе с песнотворцем XI века, ни то, что оба называются «Святославовыми песнотворцами», ни то, что «подпись» Автора звучит в третьем лице. Все это вписывается в канон средневекового авторского мышления, укладывается в закономерности исторической поэтики и, кроме того, — вполне в духе «Слова».

Данте путешествует с Вергилием, а грузинский поэт и царь Арчил II из глубин XVII века обращается к царю и поэту Теймуразу (начало того же столетия) и одновременно к поэту XII–XIII века: «Скажу царю и Руставели»¹³, что, впрочем, даже по конструкции напоминает: «Сказали Боян и Ходына».

Именно такое орнаментальное восприятие времени (вспомним набоковский «узор Мнемозины») характерно для средневекового сознания. А. Я. Гуревич пишет:

Архаическое общество отрицало индивидуальность и новаторское поведение. Нормой и даже доблестью было вести себя как все, как поступали люди испокон веков. Только такое традиционное поведение имело моральную силу. Поэтому жизнь человека в традиционном обществе представляет собой постоянное повторение поступков, ранее совершенных другими.

¹⁰ Слово о полку Игореве: поэтические переводы и переложения / Под общей редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961. С. 364.

¹¹ The Song of Jgov's campaign / Translated from old russian by Vladimir Nabokov. New York, 1960. См. также: *Набоков В. Бледный огонь* / Перевод В. Набоковой. Мичиган, 1983. С. 232–233, 299.

¹² *Соколова Л. В. Ходына // ЭСПИ. Т. 5. С. 186.*

¹³ *Арчил II. Спор Теймураза с Руставели // Поэзия народов СССР IV–XVIII веков. М., 1972. С. 470.*

Неизбежно вырабатывается эталон, первообраз поведения, который приписывается первым людям, божеству, «культурному герою». Повторение людьми поступков, восходящих к небесному, божественному прототипу, связывает их с божеством, придает реальность им и их поведению. Вся деятельность людей, производственная, общественная, семейная, интимная жизнь получает смысл и санкцию постольку, поскольку участвует в сакральном, следует в «начале времен» установленному ритуалу. Поэтому мирское время лишается своей самоценности и автономности, человек проецируется во время мифологическое. В особенности это обнаруживалось в периоды празднеств, торжеств, устанавливающих прямое отношение с мифом, воплощающим в себе образец поведения. Миф не просто пересказывался, но разыгрывался как ритуальная драма и соответственно переживался во всей своей высшей реальности и напряженности. Исполнение мифа «отключало» мирское время и восстанавливало время мифологическое.

И еще:

В самом деле, если время циклично и прошлое повторяется, то и будущее время не что иное, как возобновляющееся настоящее или прошлое. Все три времени расположены как бы в одной плоскости¹⁴.

У Бояна в XI веке был свой «каган» — Святослав Ярославич Киевский, а у Автора через столетье свой — Святослав Всеволодич Киевский. Его единственного признает Автор главой Русской земли. Святослав сначала мелькает напоминанием о звенящей в Киеве славе его недавних походов на половцев, потом говорится и о пленении им Кобяка и пересказывается вещий сон Святослава, а после толкования сна боярами следует знаменитое «Золотое слово». И даже Ярославна напоминает Днепру, что тот «леležал Святославовы суда до стана Кобяка». Вот и Игорь после возвращения из плена спускается с «киевских гор» — едет из терема Святослава по Боричеву взвозу к церкви Пирогощей Богородицы.

Образ Святослава Всеволодича в «Слове» центральный в буквальном и метафорическом смыслах, а это означает, что поэт адресует свою песнь (в узком смысле слова) именно Святославу. Однако замечательнее всего не само объединение двух киевских Святославов в одном

¹⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры, М., 1972. Гл. VI («Что есть время»). Ссылка на: *Finkenstaedt Th. Das Zeitgefühl im altenglischen Beowulf-Epos // Antaios. Bd. III. Stuttgart, 1962. S. 226 ff.; Steblin-Kamenskij M. I. Tidsforestillingene i Islendingasagaene // Edda. Bd. LXVIII. Hefte 6. 1968. S. 358–359.*

выражении, а то, что этот прием Автор уже использовал: именно Святослава Всеволодича поэт объединил с другим Святославом, сыном Олега Гориславича (Святославича), отцом Игоря и Всеволода: «Ибо те два храбрых Святославича... пробудили неправду, которую усыпил отец их Святослав...». Слушатели были вправе ждать рассказа о черниговском Святославе Ольговиче, но поэт неожиданно переосмыслил сказанное: «...Грозный, Великий, Киевский!» И заговорил о том, как двоюродный брат Игоря и Всеволода, феодальный «отец» всех русских князей, разбил Кобяка. Другими словами, отчество черниговским князьям дается не по их родителю, а по киевскому Святославу. (Напомню, что, как сообщается в Ипатьевской летописи, в 1180 году сам Игорь обратился к Святославу Киевскому «Отче!»)

Этот очень сильный и, безусловно, семантически наполненный поэтический прием, вписывающийся в поэтику «переосмыслений» Автора, — первое прямое упоминание в поэме о Святославе Всеволодиче. Ну а последнее — такое же «объединение» его «по имени» со Святославом Ярославичем, отцом Олега Гориславича.

Зеркальность — яркая черта поэтики «Слова», где самореминисценции, выделяя соотношенность разных частей поэмы, приводят к спиральному развитию сюжета.

Объединение имен двух живших в разное время правителей — не редкость для средневековой поэзии: современник автора «Слова» Низами «на пути любви к правителю» пишет в своей «Сокровищнице тайн», что приносит «на суд две книги двух славных поэтов, и на обеих печати Бехрамшахов»¹⁵.

И для нас очень важно, что древнеанглийский поэт Деор, современник автора «Слова», называл себя «любимцем господина» и «певцом Хеоденингов» (хотя жил лишь при одном из этих правителей).

Деор рифмовал свое имя с выражением *dryhte dýre* — государев любимец¹⁶. Так же поступает и автор «Слова»: *КОГАНЯ ХОТИ — реКОСТА БОЯН/О и ХОДЫ...* И тут же: *коганя хóти — тяжськó ти...*¹⁷

У Низами уже третий стих его «Сокровищницы тайн» возглашает: «На дороге любви к тебе — песню пою».

Речь не о любви к красавице, а о любви к Бехрамшаху.

У средневековых поэтов Запада и Востока принято говорить о любви к государю. И не всегда это следствие корысти или страха.

¹⁵ Низами. Пять поэм. М., 1946. С. 29.

¹⁶ Lehnert M. Poetry and prose of the Anglo-Saxons. Berlin, 1955. P. 23.

¹⁷ При восстановлении двойственного числа, частично разрушенного в издании 1800 года, возникают и другие рифмоды: *рекоСТА — Свят/О/славля — СТАраго*. При этом *твсьтворьца* рифмуется с *сокольца* (из предыдущего эпизода).

В этом свобода поэта (в частности и средневекового): для него «закон нет», он любит кого любит, он вечный странник в пространстве и времени. (Так Пушкин на своих черновиках мог нарисовать себя и в виде Робеспьера, и в виде лошади, и в образе женщины.)

Автор «Слова» ценит умение Бояна «свивать славу обаполы сего времени» и сам заставляет время течь вспять (новелла о Всеславе Полоцком). Он поэтическим словом воскрешает Бояна, трижды заставляя того петь Игорю (дважды в начале и один раз в конце поэмы).

Из «Слова» следует, что Боян начал слагать свои славы не позднее 1036 года, а умирает после 1073-го, но до 1078 (или 1079) года.

Нижняя хронологическая граница творчества Бояна определяется по упоминанию в «Слове» о том, что Боян пел Мстиславу Владимировичу Тмутороканскому («храброму Мстиславу»). Летопись сохранила семистрочную строфу о битве Ярослава и Мстислава в 1024 году. Ярослав, которому также посвящал свои славы Боян, скончался в 1054 году. Любитель песнотворчества Святослав Ярославич, чьим певцом назван Боян, стал киевским князем в 1073 году и был им до своей смерти в 1076-м. Роман Святославич (сын Святослава Ярославича), которому Боян тоже пел, в «Слове» назван «красным», то есть красавцем. Этим автор подчеркивает, что Боян пел Роману, когда тот был юн, то есть до того, как тот стал тмутороканским князем, а в 1078 (или 1079) году был убит своими союзниками-половцами и брошен без погребения. (Летописец скажет: *Суть кости его и доселе лежаче тамо.*)

Упоминание о Романи в начале поэмы необходимо, чтобы слушатели вспомнили о его гибели, ведь она рифмуется с гибелью Изяслава Васильковича, которому автор «Слова» переадресует анонимную силлабическую припевку о Романи¹⁸:

дружину твою кнѣже	8 <i>слов</i>
пѣтиць крылы приодѣша	9
а звѣри кровь полизаша	9

Но если припевка Роману принадлежит фольклорной традиции, значит, до походов Олега (начались в том же 1078-м) Боян не дожил.

Заметим, что в «Слове» отсутствуют припевки Бояна Олегу.

¹⁸ Параллельное существование в XI веке фольклорной силлабической и авторской тонической традиции говорит о том, что Боян и был реформатором древнерусской стиховой гармонии. Почти через тысячелетие подобную задачу стиховой революции (от силлабо-тоники к тонике) поставили перед собой в начале XX века Велимир Хлебников и Владимир Маяковский.

И не сказано, что Боян пел Олегу.

То, что Олег — каган, а Боян — Олегов любимец, — плод недоразумения. Просто однажды текст был некорректно прочитан и его автору приписали как раз то, против чего он столь яростно протестует.

В «Слове» сообщается, что Боян сочинил припевку, осуждающую Всеслава Брячиславича Полоцкого (умер в 1101 году, но прославился своими междоусобными походами в конце 1060-х). Боян осуждал крамолы Всеслава и потому должен был бы осудить и Олега, который первым привел половцев на Русь. Рассказ об Олеге в «Слове» отличается от пространной, очевидно, Бояновой цитаты о Всеславе и тем, что в нем отсутствует семистрочная строфа, и тем, что первые стихи каждого строфоида не длиннее последующих (подробнее см. с. 110).

Никакого отношения к Олегу и Ольговичам Боян не имел и, очевидно, не дожил до злополучного 1078 года, когда молодой тмутороканский князь появился на Руси во главе половецкого войска. В противном случае от автора «Слова» мы бы, вероятно, знали, что сказал Боян об Олеге Гориславиче. Но поскольку Боян назван «песнотворцем Святослава», а Святослав Ярославич стал «каганом» только в 1073 году и умер в 1076-м, значит, время Бояна, начавшееся до смерти Романа в 1036 году (еще при Ярославе Мудром), закончилось практически одновременно со смертью Святослава. Следовательно, вещей Боян был, как об этом и говорит автор «Задонщины», именно киевским песнотворцем (а не черниговским или тмутороканским). И свои славы киевским каганам он сочинял на протяжении как минимум сорока лет. (Напомним из «Задонщины»: «Прежде всего восхвалим вещего Бояна, искусного киевского песенника. Тот вещей Боян, возлагая свои золотые персты на живые струны, пел славу русским князьям, — первому князю Рюрику и Игорю Рюриковичу, а также Святославу Ярославичу и Ярославу Владимировичу, восхваляя их песнями и гусельными ярыми словесами...».)

Итак, смысл этого места «Слова» может быть только таким: Боян — Святославов песнотворец, но и Ходына тоже (даром, что века и Святославы в Киеве разные); оба песнотворцы, а песнотворцы традиционно — «государевы любимцы».

Боян пел «время Ярославово», а Автор, вторя Бояну через столетие, пел о «времени Ярославовом и Олеговом», времени единства и времени усобиц («минули лета Ярославовы — были походы Олеговы»).

В начале «Слова» Автор обмолвился: *Боянь... аще кому хотяше птьсь творити...*

Этим Автор утверждает, что Боян свободен: он творил песнь лишь «кому хотел» и «если хотел». А в конце поэмы — зеркальное

отражение этой фразы: «Боян и Ходына... песнотворцы... государевы любимцы». Боян «хочет творить» песнь лишь тому, для кого песнотворцы — *хоти*. Потому-то чтение «Боян и Ходына... любимцы государя Олега» входит в решительное противоречие с тем, что Автор рассказал нам о противнике княжьих «крамол» Бояне и о первом «крамольнике» Олеге Гориславиче.

Итак, Боян и Ходына — *коганя хоти*, то есть «государевы любимцы» и «певцы Святославы». И. Д. Тиунов показал, что слово *пѣсньтворца* (правильное двойственное число, то есть «два песнотворца») имеет здесь и двойную синтаксическую связь: песнотворцы чьи? (Святославы) и песнотворцы о чем? (о старом времени).

Да, метафорически (*свивая славу оба полы сего времени*) Боян и Ходына оба — певцы старого времени: один жил в «старое время», другой это время воспеваает, противопоставляя его своему «изнаночному». Поэт любит играть с временем и в случае с Всеславом Полоцким даже заставляет время течь по кругу. Свои *многочисленные* и сознательные анахронизмы автор «Слова» использует в поэтических целях, а потому они лишь кажутся анахронизмами¹⁹.

Теперь о том, почему Олег не мог быть назван каганом.

Аварский и хазарский титул «каган» (император) был выше княжеского и применялся только к киевским князьям — Владимиру Святославичу (каганом его назвал митрополит Иларион), Ярославу Владимировичу Мудрому, Святославу Ярославичу. Слушатели и читатели XII века знали, что великим Киевским князем Олег так и не стал. Обычно ссылаются на то, что Олег Гориславич мог себя именовать каганом как Тмутороканский князь. Но Тмуторокань —

¹⁹ Вот единственный контраргумент, выдвинутый Л. А. Дмитриевым: «Приводимые Черновым параллели и высказанные им соображения в пользу своей гипотезы представляют интерес. Однако, как бы мы ни расставляли знаки препинания в этой фразе, определение Ходыны как песнотворца старого времени остается в силе. Так себя автор “Слова” охарактеризовать не мог, а объединенность имени “Ходына” с именем “Боян” во времени обозначена не только определением, что они певцы старого времени, но и правильным употреблением в этом предложении двойственного числа» (*ЭСИ*. Т. 1. С. 32). Но буквальное прочтение метафоры всегда ошибочно. Чтобы быть певцом старины, вовсе не обязательно жить в те времена, которые воспеваешь. Уточню: в припевке говорится не о том, что Ходына жил в старое время, а о том, что Боян и Ходына — песнотворцы двух Святославов и певцы того старого времени, когда поэты были любимцами государей. На то, что слова о Святославом песнотворце Бояне указывают на принадлежность самого автора «Слова» ко двору Святослава (но не Ярославича, а Всеволодича), еще в 1871 году обратил внимание переводчик Яков Малашев (*ЭСИ*. Т. 3. С. 208).

хазарская провинция, а не столица. К тому же автор «Слова» считает Олега (наравне с Всеславом) зачинателем междоусобиц и, пародируя отчество Олега, награждает его горьким прозвищем *Гориславич*.

Олег для автора «Слова» не каган, а разоритель Русской земли, из-за которого «погибало достояние внука Дажьдбога» и при котором «жизни человеческие сократились».

Выражение «каган Олег» из уст автора «Слова» могло прозвучать разве что иронически, однако контекст против такого чтения.

Сравнить (и тем сравнить) Олега Гориславича с Владимиром Святым и Ярославом Мудрым автор «Слова о полку Игореве» не мог. Более того, совершенно невозможно представить, чтобы Боян, осуждавший крамолы Всеслава (а значит, и междоусобицы вообще), мог быть назван в «Слове» Олеговым любимцем.

Таким образом, из двух вариантов чтения фрагмента, посвященного Бояну и Ходыне, приемлем лишь один: «Сказали Боян и Ходына, оба Святославовы песнотворцы, государевы любимцы, воспевшие старое время Ярославово и Олегово».

Только в таком контексте возможен этот «анахронизм»: Боян мог и не знать об Олеге, но, с позиции автора «Слова», Ярослав и Олег как ангел и демон стоят у врат, ведущих в «старое время».

Прием, которым Автор «подписывает» свое произведение в третьем лице, называется сфрагидой. Любопытно, что первые сфрагиды, которыми «опечатывал» свои творения античный поэт-эпиграмматист («И это сказал Фокилид»), напоминают сфрагиду Ходыны.

Низами и Руставели, два великих современника автора «Слова», также пользуются сфрагидой. Руставели оттискивает свое имя в последнем стихе «Витязя в тигровой шкуре». Разница лишь в том, что, упомянув в предыдущих строках имена своих предшественников-поэтов, Руставели называет их и себя певцами ими прославленных героев, но не играет на сходстве имен (ибо такого сходства просто нет).

Список сфрагид средневековых поэтов — от сфрагиды трубадура Турольда в конце «Песни о Роланде» («Завершается Турольдово сказание») до скальдов и персидских поэтов — займет не одну страницу. Назовем лишь тех, в чьих именах звучит та же семантика, что и в имени Ходыны: это трубадур Серкамон, буквально — странствующий по свету (вторая треть XII века) и древнеанглийский поэт Видсид — широкостранствующий. Прибегал к сфрагиде и Гугон Примас Орлеанский, «первый гений» вагантов, поэтов, чье латинское прозвище переводится как «бродячие». Известно, что не только средневековые поэты, но и прозаики использовали прием упоминания себя в третьем лице. Так поступали и древнерусские летописцы.

Но достаточно сопоставить сфрагиду Ходыны со сфрагидой того же Деора, чтобы убедиться, что Ходына — не прозаик или переписчик (так поначалу считал А. Г. Степанов), а поэт. Специфика поэтических сфрагид в аллитерировании имени автора с созвучным именем нарицательным. Деор и Ходына, как мы видели, аллитерируют себя со словами «государев любимец». Более того, Автор «Слова» тут же подхватывает: *коганя хоти — тяжько ти... зьло ти...* Перед нами особая «рифменная» семантика. (По рифменному смыслу «тяжко и зло» может быть тому, кто назван государевым любимцем, то есть Автору.)

И только после того, как припевка отзвучала, она переадресовывается Игорю, который, кстати, вовсе не глава Русской земли (сказать о нем так можно лишь иронически, что Автор и делает).

Обыгрывание образа собственной головы, которую поэт рискует потерять, если песнь не придется по вкусу адресату, для Средних веков — общее место, известное поэтам разных традиций. Можно было бы привести немало параллелей, но ограничимся указанием на скальдическую традицию «выкупа головы»²⁰.

Похожие фольклорные формулы каждый знает с детства: «Мой меч — твоя голова с плеч» и «Не веди казнить, веди слово молвить».

Не случайно о своей голове Автор вспоминает именно в концовке «Слова». В качестве параллели процитирую слова М. И. Стеблин-Каменского о структуре скальдических хвалебных песен: «Драпа обычно начинается с просьбы скальда выслушать сочиненные им стихи. Затем следует перечисление воинских подвигов прославляемого и восхваляется его храбрость и щедрость. Заключение драпы может содержать просьбу скальда о награде за его произведение»²¹.

Автор «Слова» тоже говорит о награде, но эта награда — не «скиллинги» Видсида, а собственная голова певца (так это и у Эгиля Скаллагримссона, самого знаменитого из скальдов).

Ходына — не просто имя. Это или поэтический псевдоним, или прозвище. И в обоих случаях — судьба. (Так в начале XIX века некий шляхтич, под конвоем прошагавший Россию до Сибири и обратно и ставший русским историком и фольклористом, взял себе псевдоним Ходаковский.) Странник Ходына, очевидно, не был «придворным поэтом». Отсюда и смелость, с которой он ведет речь о княжеских распрях, и тот воистину «космический» взгляд на землю, с перечислением многих стран, народов, рек и городов, что и в древнеанглийской поэме певца со сходным по семантике именем — Видсид.

²⁰ Поэзия скальдов. Л., 1979. С. 114; 137–139.

²¹ Там же. С. 110.

Замечательно, что в конце XII века Низами также считает, что придворный поэт рано или поздно проглотит «кусочек железа»²² и что песнотворец может посвящать свою хвалу государю, но долго оставаться вблизи его персоны не должен. В этом контексте становится понятно, почему во многих дошедших до нас значительных памятниках средневековой словесности поэты всячески подчеркивают, что они «гости» или «любимцы государей» — *коганы хоти*. Об этом точно сказал тот же Низами: «Кто мыслью поднялся до истины, не положит голову на каждый порог»²³.

Единственный порог, которому может доверить свою голову автор «Слова», — порог Святослава Киевского. Об этом говорит и целый ряд историко-политических обстоятельств, и контекст самой поэмы. Однако поэтическая и политическая позиция «Святослава песнотворца» много шире, глубже, чем позиция киевского государя. За сорок лет до Калки поэт видит надвигающуюся из Поля катастрофу Киевской Руси, угадывает страшные последствия княжеской розни. Главный его герой, как неоднократно отмечали исследователи «Слова», — не Игорь или Святослав, а вся «Земля Русская». (Недаром Автор, как следует из «Слова», так много *ходил* по этой земле.)

Как и Видсид, Ходына целиком оправдывает, «оплачивает» свое поэтическое имя всем текстом поэмы, ведь «Слово о полку...» — «Слово о походе...». Он, если воспользоваться его же выражением, «мыслью поля мерит» — совершает весь путь Игоря от Новгорода-Северского до Каялы и от Каялы до Киева. Он ведет повествование «по былинам сего времени», противопоставляя этим «былинам» замысления Бояна. Помимо прочего, это еще и пространственное противопоставление. Боян недаром назван «соловьем старого времени», и недаром четырежды подчеркнута в «Слове» вертикальность его передвижения: «мыслью по Древу», «волком по земле — орлом под облаками», «соловьем по Мысленну Древу», «волком через поля на горы». Движение Ходыны параллельно движению русичей по плоскому Полю Половецкому.

Можно сказать, что Автор замечает каждую былинку (др.-рус. *былие* — сухая высокая трава) во время броска Игоревых полков к Каяле, играет созвучными словами «былины» — «былие», как в случае с Бояном играл созвучными «замышление» — «мысль» — «мысль» (зверек, белка). Такая игра встречается в «Слове» десятки раз, и это вполне соотносится с «темным», «магическим», «странным» стилем современников Автора — трубадуров, скальдов, Низами.

²² *Низами*. Пять поэм. С. 37.

²³ Там же. С. 36.

Другое дело, что Автор, видимо, и в самой полемике с Бояном опирается на традицию Бояна, во многом развивая и переосмысляя ее. Образ Бояна все же несколько снижен по сравнению с образом архаических шаманов. Три эмблемы «Мысленного Древа» в «Слове» относятся не к трем мирам, а к трем ярусам «срединного мира».

Выше облаков и в глубь земли Боян не проникает, и это говорит о том, что «Слово» написано человеком с христианским, а не языческим мировоззрением.

Мы помним, что, по свидетельству Кирилло-Белозерского списка «Задонщины», того самого, где имя Бояна прочтено переписчиком правильно, «горазд гудец» в Киеве сравнивал современных ему князей XI века с первыми русскими князьями. В «Слове» только глухой намек на это, а в «Задонщине» говорится впрямую.

В Древней Руси до XV столетия еще бытовали какие-то легенды о вещем песнотворце. Иначе перед нами более чем странный случай: если автор «Задонщины» (или, может быть, Кирилло-Белозерский переписчик Ефросин) узнал о Бояне только из «Слова», мы должны признать его поразительные текстологические способности, ведь он не только правильно понял смысл выражения «Святославовы песнотворцы», но, исходя из манеры автора «Слова» сравнивать князей XII века с князьями времени Бояна, сделал вывод, что Боян также сравнивал князей двух столетий, *свивая славу обополы...*

Перед первой припевкой Бояна, которую тот по воле Автора произносит не кому-либо, а Игорю, звучит: «О Боян, соловей старого времени...» Сравним: «Боян и Ходына, песнотворцы старого времени...»

Но первая и последняя припевки «объединены» не только самоцитатой: в начальной припевке Боян устами Автора поет его современнику Игорю, а в конце Игорю поют Боян с неким Ходыной. Если помнить текст, то вопрос *кто есть Ходына?* не просто возникнет.

Оказывается, что отнюдь не случайно перед начальной «цитатой» из Бояна сказано, что Боян бы так пел Игорю, «свивая славу обополы сего времени». Тут, в конце поэмы, сам Автор накрепко «свивает» двух песнотворцев двух веков — Бояна и себя, «свивает» двух Святославов Киевских, «свивает» и время Ярослава с временем Олега.

Подытожим: в начале «Слова» Автор устами Бояна сочиняет два варианта припевки Игорю, своему современнику, и весь дальнейший рассказ ведется словно бы от лица воскрешенного воображением поэта Бояна («О Боян, соловей старого времени... так бы ты запел Игорю...»). А тут Боян с каким-то Ходыной («оба песнотворцы старого времени») поют Игорю припевку о его возвращении из плена.

Составим уравнение:

$$\frac{\text{Боян + Автор}}{\text{Игорь}} = \frac{\text{Боян + Ходына}}{\text{Игорь}}$$

Решение: Автор = Ходына

Переведем, пожертвовав звуковой организацией:

Возгласят Боян и Ходына,
двух Святославов песнотворцы,
ибо старое время
Ярослава и Олега
воспели государевы любимцы:

— Тяжко голове без плеч,
зло и телу обезглавленному, —
Русской земле без Игоря!

Пока поэтическая традиция жива, живы и поэты. Потому-то с такой легкостью они протягивают друг другу руки через века: Данте — Вергилию, Арчил — Теймуразу и Руставели, Алишер Навои — Низами Ганджеви, Амиру Хосрову Дехлеви и своему современнику Джамии:

Я верю — мне поможет Низами,
Меня Хосров поддержит и Джамии.
Тогда смелее к цели, Навои!..²⁴

²⁴ *Навои А.* Смятение праведных: Отрывки из поэмы. Ташкент, 1983. С. 14. Полемизируя со мной, Л. В. Соколова в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» выдвигает лишь один контраргумент: «...Приведенные исследователем параллели из средневековой литературы нельзя признать убедительными, так как он сопоставляет далекие друг от друга, если не сказать совершенно различные поэтические явления. <...> В приведенных примерах — традиционное обращение поэта к своим предшественникам; такое обращение есть и в самом “Слове”: в зачине автор мысленно полемизирует с Бояном. Но в рассматриваемом фрагменте (*Рекъ Боянь и Ходына...*) нет двух сторон — автора и его предшественника. Здесь автор “Слова” говорит в третьем лице о двух певцах XI века, спевших цитируемую припевку» (*ЭСЛИ*. Т. 5. С. 186). Как и чем «далека» сфрагида Ходыны от сфрагид античных и средневековых поэтов, почему в ней нет «двух сторон» и из чего именно следует, что Боян и Ходына были современниками, мой оппонент не расшифровывает.

С припевки Бояна и Ходыны начинается кода поэмы. Звучит она в том жанре, который скальды называли «выкупом головы» (так называлась песня, сочиненная во славу прогневанного певцом правителя): «Тяжело голове без плеч, худо телу без головы...» Вот и тут имеется в виду собственная голова поэта, который просит пощадить его самого, если его песня не понравится. (А *эта песня* должна была не понравиться очень многим.) И только в третьей строке припевки поэт делает вид, что пошутил, и переадресовывает прозвучавшее двустипшие Игорю: «...так и Русской земле без Игоря». Поэтому Автор, словно подражая Деору, сначала зарифмовывает имена Бояна и свое с выражением *коганя хоти*, а потом переходит к «выкупу головы»: *коганя хоти — тяжьско́ ти...*

Говоря о проблеме атрибуции средневековых письменных произведений, Д. С. Лихачев пишет, что во всей древнерусской литературе он не знает ни одного случая, когда бы сведения, сообщенные с помощью тайнописи, были мистификацией. Ученый подчеркивает: «“Официальные” данные об авторе в названии произведения менее достоверны, чем неофициальные. Косвенные указания более бесспорны, чем прямые...» И еще: «Надо в первую очередь внимательно изучить все высказывания автора произведения о самом себе, сделаны ли они в третьем лице или в первом»²⁵.

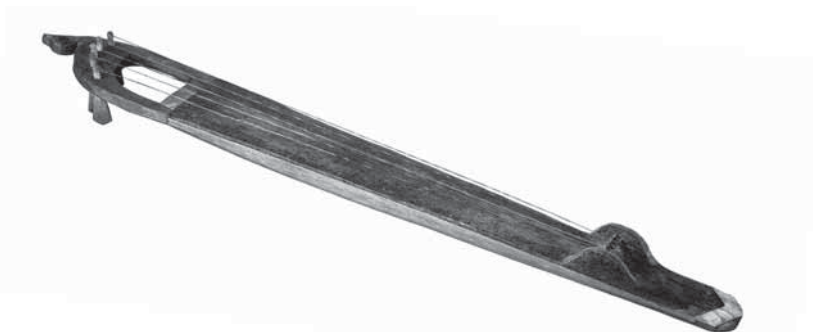
Сфрагида Ходыны в «Слове» сделана в третьем лице, но это «косвенное указание» как раз и свидетельствует о ее «неподдельности». А самый широкий контекст средневековой авторской поэзии Востока и Запада, равно как и поэтический контекст самого «Слова», подтверждают, что перед нами не двойная, ошибочная или мистификационная атрибуция припевки Бояна (вспомним мнение Ал-Хатами), а именно подпись Автора.

Впрочем, в сфрагиде «Сказали Боян и Ходына» все же есть элемент поэтической мистификации (и остается только отдать должное пронизательности Владимира Набокова, который и сделал своего Ходыну древним мистификатором). Но имя этой мистификации самое благородное — метафора.

В 1975 году в Новгороде археологи нашли пятиструнные гусли середины XI столетия²⁶. Музыкальный инструмент был опечатан сфрагидой: на его корпусе вырезано имя «Словиша» (Соловушка).

²⁵ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVIII вв. Л., 1983. С. 343, 344.

²⁶ Колчин Б. А. Гусли Древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 361–364.

Пятиструнные гусли «Словиша» (Соловушка)
*Дерево. Длина 82 см. Середина XI в. Новгород. НГМ.
Реставрация В. И. Поветкина*

Нам известны имена трех древнерусских песнотворцев: Бояна, Словиши и Ходыны. И если наши рассуждения были корректны, то Ходына — поэтическое имя автора «Слова о полку Игореве».

Топонимы, которые могли быть образованы от имени Ходыны, отыскиались на территории Северо-Западной и Центральной России в исконных владениях новгородских, владимирских, рязанских, черниговских и полоцких князей.

В Ленинградской области, то есть на некогда новгородских землях, еще во время Великой Отечественной войны существовала деревня Ходына (или Ходыны). Город Ходынички находится в Белоруссии (бывший Кобринский уезд Гродненской губернии), древнее село Ходынино — под Рязанью. Речка Ходына, отмеченная в писцовых книгах XVI века, дала название московскому Ходынскому полю. В сорока километрах от Путивля на Украине есть поселок Хоудино (Глуховский район Сумской области), расположенный в междуречье Сейма и Десны на границе с Курской областью.

ПОЧЕМУ МАРИЯ КИЕВСКАЯ НЕ ПИСАЛА «СЛОВА»

В середине 1980-х московский инженер А. А. Гогешвили обнаружил в концовке «Слова» акростих:

Тяжъко зъло Руси, Дръв/е икъс<ъ>: спаси Святъславлича.

Шестиструнные гусли
*Дерево. Длина 35,3 см. Первая половина XII в. Новгород. НГМ.
Реставрация В. И. Поветкина*

В стиховой записи:

ТЯЖЬКО ти головѣ кромѣ плечю
ЗЬЛО ти тѣлу кромѣ головы

Руськой земли без игоря
Сълнце свѣтится на небесѣ
Игорь кнѣзь въ руськой земли

Дѣвици поють на дунаи
Вѣются голоси чрес море до кыева

Игорь ѣдет по боричеву
Къ Святѣи богородици пирогощен
Страны ради гради весели
Пѣвше пѣснь старымъ кнѣземъ
А по томъ молодымъ пѣти
Славу Игоря СВЯТЪСЛАВЛИЧА...²⁷

---

²⁷ Гогешвили А. А. Акrostих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XIII веков. М., 1991. С. 71–192. Другое возможное чтение: *Тяжько зьло Руси, Дѣви в<ѣ> икѣс<ѣ>: спаси Святъславлича.*

Икос — строфа в акафисте.

Вероятно, в оригинале вместо *слава Игорю Святъславлича* стояло *славу Игоря Святъславлича* (при такой конструкции отчество будет грамматически согласовано с основным текстом, и речь пойдет о молодых певцах, которые в будущем еще споют славу Игорю).

Можно спорить с деталями этой реконструкции, но чтение *спаси Святъславлича* представляется весьма убедительным.

Примеру А. А. Гогешвили попытался последовать московский биолог Г. В. Сумаруков²⁸.

Исследователь поставил перед собой задачу доказать, что «Слово» написала Мария Полоцкая, жена Святослава Киевского. Пропустим аргументы вроде того, что перечни драгоценных тканей и богатство цветового мира поэмы свидетельствует в пользу «женской руки» автора «Слова». В тексте поэмы Сумаруков выделяет несколько «акrostихов»: трижды это имя «Мария», один раз *Сие писа Мария* и один раз «угловой акrostих» (это, как и в акrostихе, обнаруженном Гогешвили, когда начальная или заключительная часть читается не по вертикали, а «открытым текстом» по горизонтали): *Сие писа сестра БРЯЧИСЛАВА*.

Сегодня в Интернете можно обнаружить немногочисленные, но восторженные отклики (в основном специалистов технических профессий) на «открытие Сумарукова».

Впрочем, ссылки на Марию как на автора «Слова» уже попали и в сборники докладов профессиональных филологических конференций. И это при том, что аорист *писа* (писал) встречается впервые в новгородской грамоте № 46, надежно датированной 30-ми годами XIV века, то есть эта форма появляется лишь спустя полтора столетия после времени «Слова», в которое место глагола *писати* занимал другой глагол — *пъсати*.

Но, положим, Мария Васильковна просто далеко обогнала свою эпоху (тем более что в акrostихе допустимы вольности и, если, к примеру, *ь* может означать *е*, почему *и* не может означать *ь*?).

Г. В. Сумаруков, приняв на веру расчеты палеографов, согласно которым в строке протографа было приблизительно 30 букв, выделяет нужные для угаданного им имени буквы там, где они оказываются (в любом месте любого слова). При этом колебание длины строки составляет 26–37 графем. Не станем придирааться к мелочам, но с учетом утраченных редуцированных и записи звука *у* в виде графемы *ou* разброс длины строк еще более увеличится.

²⁸ Сумаруков Г. В. Затаенное имя: Тайнопись в «Слове о полку Игореве». М., 1997.

Реконструкция Сумарукова выглядит так:

*Спалакнязюумъпохотишжалостьемужнамен
Иезаступишкуситидонувеликагохошубор
Ечекониеприломитиконецъполя*

*Половецкагосъвамирусицихошуглаву своюпр
Иложитиалюбоиспитишешеломомъдону бояне
Соловиюстароговремениабытиси
Аплъкыуцекотальскачаславиюпо*

*Мысленудревулетаяумомъподъобл
Акысвиваяславыобапольсеговремени
Рищавътропутьрояночресъполянагорытет
Ибылопесьигоревитогоолгавнукунебур
Ясоколызанесечрезъполяширокаягали*

На первый взгляд — убедительно. Но стоит сдвинуть пятую снизу строку всего на одну букву, и вместо Марии автором станет Олег (чье имя вдобавок еще и появится в конце последней строчки):

*...Омысленудревулетаяумомъподъобл
Лакысвиваяславыобапольсеговрем
Енирищавътропутьрояночресъполяна
Горытетибылопесьигоревитого**ОЛГА***

Колебание длины практически идеальное: 29–31 буква в строке. И хотя слово «Олга» первоиздатели добавили сами (в издании 1800 года оно взято в круглые скобки), если бы мы пришли к выводу, что автора звали Олегом, вряд ли нам было бы легко себя убедить, что это всего лишь игра случайности.

Однако «украдем» из того же места не одну букву, а две, и автором будет дама с библейским именем (колебание 27–32 буквы, то есть интервал на целых шесть букв «лучше», чем у Сумарукова):

*...Сленудревулетаяумомъподъобл
Акысвиваяславыобапольсеговремени
Рищавътропутьрояночресъполянаго
Рьпетибылопесьигоревитогоолг
Авнукунебурясоколызанесечрезъ*

Наконец, поставим контрольный опыт...

Предположим, что таким способом нам надо доказать нечто вовсе абсурдное. К примеру, что «Слово» написано революционным матросом. И действительно, слово «матрос» методом Сумарукова читается идеально:

*...Мъподъоблакысвиваяславыоб
Апольсеговременирищаѿвѣ
Тропутьрояночресьполянаго
Рытетибылопесьигоревитого
Олгавнукунебурясокользана
Сечрезъполяширокаягалицыста
ДЫБЕжатькъдоНувелиКОму*

К тому же оказалось, что наш матрос еще и командующий красным Балтфлотом, ведь в угловом акrostихе (см. последнюю строку) мы обнаруживаем фамилию известного большевика.

Жаль, что Г. В. Сумаруков, работая над этой последней в его жизни статьей, не поставил контрольного опыта и потому не заметил многоликостью вариативности текста. Надо думать, ему просто не хватило времени. Впрочем, даже если бы сумаруковская система поэтической тайнописи была корректной, автор «Слова» все равно вряд ли смог бы ей воспользоваться. Реальный угловой акrostих *...спаси Святославлича*, найденный А. А. Гогешвили, убедителен потому, что а) находится в конце текста; б) связан с общим контекстом данного места; в) повторяет устойчивую молитвенную формулу; г) восходит к общепоэтической средневековой традиции «выкупов головы».

И при этом видно, с какими трудностями столкнулся древнерусский поэт, вписывая свое молитвенное *краеграниесие* по началам стихов: в этом месте каждый стих равен одному предложению и текст дробится на сумму семантически полуавтономных фраз.

Труд поэта все ж отличен от хитроумия кроссвордиста.

О КАКОЙ БРАТИИ РЕЧЬ?

В XX столетии в академической филологической среде считалось за аксиому, что текст «Слова» не дает оснований для его атрибуции. Попытки отождествить Автора с одним из исторических персонажей XII–XIII веков (Кирилл Туровский, «премудрый книжник Тимофей», «словутный певец Митуса», бояре Кочкарь, Беловод Просович и Петр Бориславич, новгородский тысяцкий

Миронег, князя Игорь Святославич, Святослав Всеволодич, Святослав Рыльский, Владимир Ярославич Галицкий, княгини Мария Васильковна, жена Игоря Ярославна, Агафья Ростиславна и т. д.) лишь доказывали бесплодность подобных усилий²⁹.

Перед нами далеко не полный список того, что нельзя назвать даже гипотезами. Если воспользоваться детским словечком, это всего лишь *угадайка*. В атрибуциях-угадайках аргументация, как правило, основывается на риторике: мол, кто же еще, как не сам Игорь (Ярославна и т. д.), так хорошо мог знать мысли Игоря? Или: кто другой, если не Святослав Киевский, мог видеть свой сон?

И было бесполезно доказывать угадчикам, что если б Игорь Святославич мог мыслить так, как автор «Слова», он никогда бы не вышел в тот роковой поход. А когда б поэтом был Святослав Киевский, он не призывал бы на Русь половцев.

В 1970-х было ясно, что однажды авторство «Слова» припишут Кончаку или Гзаку. (Кто же еще мог слышать их распрю во время погони за Игорем?) Но этой высоты тогда не взял даже автор книги «Аз и Я» Олжас Сулейменов, простодушно утверждавший, что значительная часть «Слова» — «перевод с кыпчакского».

После издания Пушкинским Домом пятитомной «Энциклопедии “Слова”» мы должны вернуться к этой (увы, маргинализованной дилетантскими штудиями последних десятилетий) проблеме. Сегодня в нашем распоряжении несколько иной, чем у предшественников, набор исследовательских инструментов и, в первую очередь, иные ключи к основе основ текста — его поэтике³⁰.

Ошибка была в том, что искали автора «Слова о полку Игоре»», пытаясь угадать его имя на основании других источников. А искать надо было поэта, воина, гражданина, исходя из текста самой поэмы.

Что мы знаем о его социальном статусе? Неоднократно отмечалось, что автору «Слова» до тонкостей известны следующие вещи:

- политическая география Руси (и, как можно догадаться по нескольким пассажирам, — Европы);
- генеалогия Рюриковичей, их иерархия, политические предпочтения, этикет и пр.;

²⁹ О кандидатах в авторы «Слова» см. статью Л. А. Дмитриева: *ЭСПИ*. Т. 1. С. 24.

³⁰ В своей «Поэтике древнерусской литературы» (М., 1979) Д. С. Лихачев не касается стиховедческой проблематики «Слова». Выявление закономерностей поэтики и стиховой организации «Слова» осуществлено в 1976–2005 годах автором этих строк. Дмитрий Сергеевич следил за тем, как идет работа, и трижды высказывал в печати свое мнение о ней (*Литературная газета*. 1977. № 49; *Литературная учеба*. 1978. № 6; *Литературное обозрение*. 1985. № 9).

— ратный быт, вооружение, устройство доспеха и вообще тонкости военного дела (от основ стратегии и тонкостей тактики до номенклатуры воинских трофеев);

— соколиная охота.

Это кругозор не монаха или даже дружинника, а князя. Только находясь на одной с прочими ступени социальной лестницы, средневековый человек мог позволить себе публично обсуждать (а тем паче осуждать) политическую практику современных ему правителей. В 1934 году В. Ф. Ржига, споря с тем, что поэма могла быть написана дружинником, писал: «...неизбежна мысль, что “Слово о полку Игореве” сложилось не в дружинной среде, а в княжеской»³¹. Согласимся: гипотеза о том, что Автор мог быть придворным поэтом или дружинником Игоря, весьма наивна. Поэт, осуждающий правителя («...двое сказали: “Помужествуем сами, прошлую славу сами похитим, а грядущую сами поделим”»), не мог присутствовать при его дворе.

Регламентированность генеалогического мышления также выдает в Авторе человека высшего сословия:

— Обращения к князьям в «Золотом слове» строго иерархичны и следуют по поколениям от шестого (Игорь, Всеволод, Ярослав Черниговский, Всеволод Большое Гнездо) к седьмому (Буй Рюрик и Давыд; Ярослав Осмомысл Галицкий) и только после к восьмому (Буй Роман Волынский; Мстислав, Ингварь и Всеволод Ярославичи; «все три Мстиславича»);

— От Владимира Святославича Святого до Владимира Игоревича (которым Автор заключает поэму) цепочка в семь поколений. И только в этой ветви Рюриковичей поэт поминает всех князей, не пропуская ни одного генеалогического звена. Сказал, что будет петь «от Старого Владимира до нынешнего Игоря», и перевыполнил свое обещание (закончил даже не Игорем, а Владимиром Игоревичем).

Двадцать лет назад страстный поклонник князя Игоря писатель Владимир Чивилихин в богатом самого разного рода вымыслом романе-эссе позволил себе несколько корректных рассуждений.

Вот одно из них:

«Брате и сыну!» — так, согласно летописи, обращался современник Игоря, персонаж «Слова», великий князь Киевский Святослав к своему двоюродному дяде по матери Всеволоду Владимиро-Суздальскому, который, в свою очередь, точно так же обращался к Роману Галицко-Волынскому. «Сыну» — это была форма изъявления политического

³¹ Цит. по: *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // *ЭСПи*. Т 1. С. 29.

патронажа, «брате» — традиционное обращение князя к князю. Абсолютная идентичность понятий «братия» и «русские князья» сквозит в татищевском переложении события 1117 года: «Ярославец владимирский, сын Святополч, емлет согласие с ляхами противу братии своея, русских князь, и многие обидит волости». Б. А. Рыбаков однажды процитировал тот же источник, излагающий политическое кредо Романа Галицкого (1203 г.); киевский князь должен «землю Русскую отовсюду оборонять, а в братии, князьях русских добрый порядок содержать, дабы един другого не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять». Можно привести сотни летописных текстов, где слова «братие», «братия» исходят от князей, адресованы князьям и выражают не родственные, а политические отношения³².

Ссылался писатель и на мнение академика А. С. Орлова:

Светские примеры из русской летописи XI–XII вв., повествовавшей главным образом о междукняжеских отношениях, дают слово *братия*, *братья* преимущественно в значении то всей группы русских князей, то группы князей-союзников, и не только родных по крови³³.

Это, пожалуй, наиболее интересное наблюдение Чивилихина (совместно с Орловым) над текстом «Слова», академическими учеными было опротестовано³⁴. Выстраивая контраргументацию, Л. А. Дмитриев показал, что в древнерусской литературе слово «братие» — этикетный книжный оборот, то есть вообще обращение к читателям и слушателям. И тем, казалось бы, *закрыл тему*.

Однако то, что при расширении контекста — общее место, в частном случае может быть атрибуционной метой.

Девять раз в прямой речи князей и в авторской речи звучит слово «брат». Всякий раз имеются в виду князья, и только князья.

Обращение *братие* употреблено в «Слове» также девять раз.

Два раза оно встречается в прямой речи Игоря (*братие и дружино*), один раз в «Золотом слове» Святослава. И это также обращение князей к князьям.

Поэтому и шестикратное *братие* в устах автора «Слова» не может быть апелляцией к монашеской братии³⁵.

³² Чивилихин В. Память // Наш современник. 1984. № 3. С. 98–128; № 4. С. 90–130.

³³ Слово о полку Игоре / Редакция и комментарий А. С. Орлова. М.; Л., 1938. С. 88.

³⁴ Дмитриев Л. А. Автор «Слова» // ЭСПИ. Т. 1. С. 29–31.

³⁵ Так и слово «сокол» в тексте десять раз употреблено по отношению к князьям, а «соколенок» (трижды) — это Владимир Игоревич.

И дело не в том, что это создало бы неминуемую путаницу. Напомню, что автор «Слова» пишет «темным стилем» (поэтика загадок — это его поэтика). Автор, если ему это нужно, без видимого труда ставит «путаницу» на службу и смыслу, и политической задаче своей поэмы.

Но путаница путанице рознь.

Дело в том, что адресат «Слова» — все «хороброе гнездо» Рюриковичей. И только оно. Предположить иное — объявить Автора революционером, который агитирует монастырскую братию за введение на Руси республиканского строя. Но как антицерковная сатира вагантов никогда не переходит в антирелигиозную, так и критика автора «Слова» направлена лишь на восстановление древнего феодального обычая и «правильных порядков» старого времени.

А значит, расширительный контекст слова «братие» невозможен. Что, кстати, подтверждается и упоминанием в тексте о языческих божествах — Велесе, Трояне, Стрибоге, Дажьбоге, Хорсе.

И хотя эти упоминания касаются обычаев и событий «старого времени» и звучат не в мировоззренческом, а в поэтическом контексте, понятно, что для ушей монастырской братии эта поэма просто не предназначена.

Итак, то, что в монашеской среде обращение «братие» тоже существовало, в данном случае не может быть аргументом. В «Слове» *братие* и *брат* — обращение князей к князьям.

А раз так, то круг поиска сужается: выбирать придется из нескольких десятков исторических персонажей, известных нам по летописям.

ТОЧКА ОТСЧЕТА: СВЯТОСЛАВ КИЕВСКИЙ

Некто Ходына написал беспрецедентно смелую поэму о Русской земле, гибнущей из-за раздоров разросшегося правящего класса.

Ходына надеется на заступничество Богородицы.

Контекст акростишной молитвы *...спаси Святославлича* (акростих, да еще в конце произведения) таков, что речь в этой тайной молитве может идти лишь о самом поэте: спасенному из плена Игорю Святославичу поется (а точнее — обещается в будущем) слава.

Ходына Святославич — еще и «Святославов песнотворец», то есть и сам Святославич, и воспеваает какого-то Святослава.

Но кто этот Святослав — ясно из текста.

Не раз писалось, что автор «Слова» близок к Ольговичам, но из них выделяет лишь феодального главу Киевской Руси Святослава

Всеволодича Киевского, который действительно старше всех Ольговичей и положением (Великий Киевский князь), и возрастом (ему около шестидесяти)³⁶. Кроме того, одна из песен поэмы целиком посвящена полоцким князьям и их делам, вроде бы не имеющим никакого отношения к походу Игоря и событиям лета 1185 года.

Но жена Святослава — полоцкая княжна Мария Васильковна, и, как давно замечено, лирическое отступление о гибели ее брата (или дяди?) Изяслава должно быть адресовано прежде всего ей.

«Общепризнанным следует считать и предположение о том, что автор принадлежал к высшему классу тогдашнего общества. Аргументами для такого заключения служат отличное знание им междукняжеских отношений, профессиональная осведомленность в военном деле, независимость авторской позиции», — справедливо пишет Л. А. Дмитриев. И тут же: «Многие исследователи предполагают, что автор “Слова” был киевлянин, человек близкий к киевскому князю Святославу Всеволодовичу»³⁷.

Но здесь мы вновь неожиданно сталкиваемся с, казалось бы, неразрешимым парадоксом.

³⁶ Существует особое мнение Б. А. Рыбакова. Однако его гипотеза о том, что лишь сторонник Мономашичей мог называть черниговских князей Ольговичами, выдвинута исключительно для того, чтобы приписать авторство «Слова» киевскому боярину и летописцу Петру Бориславичу. Б. А. Рыбакову хотелось доказать, что употребление термина Ольговичи прекращается после 1196 года, поскольку этот летописец в это время умирает (*СССПИ*. Вып. 6. С. 231). Историк запомнил, что в том же 1196 году умер Буй Тур Всеволод, а за два года до того глава всего «гнезда Ольговичей» Святослав Киевский. Через пять лет умрут Игорь Святославич и Владимир Святославич (сын Святослава Киевского). Трех сыновей Игоря Святославича в 1211 году в Галиче казнят бояре. Термин Ольговичи исчезает не потому, что почил Петр Бориславич, а потому, что это «храброе гнездо» было разорено смертью. В Лаврентьевской летописи, как отмечает сам Б. А. Рыбаков, обобщенное «Ольговичи» встречается в последний раз под 1210 годом: *Того же лета прислаша с молбою к великому князю Всеволоду митрополита Матфья Всеволодь Чермныи и вси Ольговичи прося мира и во всем покаяющесе великыи же князь видьвь покоренне их к собь не помяна злобы их цьлова к ним крестъ а митрополита учредивь отпусти и с честью* (*Лавр.* Л. 148). Описана политическая капитуляция Ольговичей. Петр Бориславич импонировал Б. А. Рыбакову «патриотизмом» и светскими своими манерами, но напомним, что Никоновская летопись и В. Н. Татищев прямо называют этого кандидата в авторы «Слова» клеветником и предателем киевлян, главным виновником чудовищного разгрома Киева мономашичами в 1169 году. И потому трудно не признать уместным вопрос Владимира Чивилихина, усомнившегося, мол, как же такое чудовище могло написать «Слово»? (Подробнее об этом см. статью Л. А. Дмитриева «Петр Бориславич»: *ЭСПи*. Т. 4. С. 195.)

³⁷ *ЭСПи*. Т. 1. С. 25; *Яценко Б. И.* Святослав Всеволодович // *ЭСПи*. Т. 4. С. 274.

Святослав Киевский, как и Игорь Святославич, был то врагом, то союзником половцев. До 1181 года он не отказывался от той практики решения политических проблем, которую завел на Руси их предок Олег Святославич (в «Слове» тот и назван за то *Гориславичем*). В конце 1170-х Святослав не раз наводил половцев и на землю Русскую, и на землю Полоцкую. Вместе они брали Дмитров и волжские городки, разоряли Киевщину, сожгли Друцк.

Если бы Автор был противником Святослава, он бы его осуждал, а не идеализировал, ведь одна из фундаментальных идей поэмы, внятно артикулированная ее автором, гласит: «...ибо вы (князья) своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеславова...»

Вот что говорит поэт о княжеских крамолах (в моем переводе):

Тот князь Олег
распря мечом выковывал,
стрéлами землю засеивал
да в Тмуторокáни
в злато-стрема вступал...

Еще:

При Олеге Гориславиче посеянное зло
усобицами по земле взошло.
Достоянье правнука Даждьбóга
в княжеских раздорах погибало.
Жизни людские сократились.

Редко пахари покрикивали
в Русской земле,
а вóроны часто кричали —
на тризне трупы делили...

И еще:

Ибо князья с погаными брань прекратили.
Брат говорит брату:
— И твоё, мол, — тоже моё!
Тогда же князья про малое
промолвили: — Вот великое!..
И каждый выковал крамолу на себя.
А поганые набегами
рыщут с победами
по тебе, Русская земля.

Далее почти теми же словами:

Но сами князья
куют крамолу на себя,
а поганые набегами
приходят с победами
на Русскую землю —
подавай им белку от каждого двора!

И обобщение:

Внуки Ярослава и Всеслава!
Стяги свои склоните,
мечи оскверненные в землю вонзите!
Славу прадедов попрали
и крамолами своими
наводить поганых стали
на землю Русскую,
на нивы Полоцка!
Обернулись ваши распри
насильем от половца.

Равный обличает равных. Никакой монах, никакой боярин не могли бы решиться на такое: архаичная регламентация распространялась на все сферы жизни, включая, в первую очередь, самосознание. (Вспомним куда более осторожные обличения междоусобиц в «Слове о князьях».) Пожалуй, автором «Слова» мог быть киевский митрополит, но упоминание в поэме о языческих божествах делает это невероятным.

Единственное исключение — Новгород, где не служили князьям, а нанимали их на службу. И легко расставались, указав им с вечевой площади на ворота. Было бы логичным допустить, что поэт — пропитавшийся республиканским духом новгородец. Тем более что, как показал Д. С. Лихачев (см. его статью в *ЭСИ*, Т. 3. С. 323), в «Слове» существует целый пласт новгородских реминисценций³⁸. Но кто позволит новгородцу витийствовать при дворе Святослава Киевского?

Искать поэта среди Мономашичей также бесполезно. Если бы Автор был Мономашичем, Святослав Всеволодич под его пером

---

³⁸ Поэт поминает новгородскую «славу Ярослава» (в летописях об этом ничего не сказано), упоминает о новгородских мелких монетах (беле, ногате и резане; он не знает киевских летописей, но знает новгородские (по Софийской новгородской летописи дан рассказ о похоронах в киевской Софии Изяслава Великого).

превратился бы в удачливый вариант того же Олега Гориславича, а его место в центре поэмы занял бы Всеволод Большое Гнездо.

Идеализируя Святослава, поэт должен обходить молчанием то, что русские князья *сами* приводят половцев на Русь, и пока Святослав не утвердился на киевском престоле, он был одним из первых «крамольников». Слова «вы своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую (*Южная Русь*), на достояние Всеславова (*Полоцкое княжество*)» звучат так, словно княжеские распри лишь провоцируют кочевников. Здесь же: «...а князья *сами на себя* крамолу ковали, а поганые *сами...*» Не сами, но нанятые Святославом половцы сожгли Дмитров и Друцк. Проговаривается поэт лишь раз, сравнивая половцев с выводком рыщущих по Руси дрессированных гепардов (охота с гепардами — исключительно княжеская забава).

Двойственность позиции — верная примета того, что Автор находится в непосредственной близости от Святослава. Он Святославу *свой*, вот только он не может согласиться с тем, что тот творил на Руси в бытность черниговским князем. И потому речей, прямо осуждающих практику приглашения половцев, Автор в уста киевскому князю не вкладывает: глумление над Святославом в планы поэта не входит. Он полагает, что надо перестраивать систему внутриэлитных отношений и кончать с княжескими «крамолами». (То, что иначе Русская земля погибнет, поэт понимает за полвека до порабощения ее монголами.)

Именно эта живая «непоследовательность» сужает круг нашего поиска уже до десятка имен. И единственное объяснение парадоксальной позиции Автора должно быть таким: поэт не просто близок Святославу, он и впрямь, как сказано в акrostихе, — Святославич, преданный и любящий сын старого киевского князя, легитимного, но номинального (по дедову обычаю, а не по политической реальности) правителя Руси.

Принимая важнейшие политические решения, Святослав советовался не с боярами, а с женой Марией Васильковной. От кого еще властолюбивый Святослав может выслушать горькую (хотя и предельно тактичную по отношению к нему самому) филиппику, как не от родного сына?

Если Автор — кто-то из детей Святослава, то это, скорее всего, — не старший сын. По западноевропейской практике нам известно, что из обделенных наследством детей получают странствующие рыцари, искатели гроба Господня и романтические виршеписцы. Кроме того, поздних детей больше балуют, им многое позволяют.

Однако Иван-дурак — это не порядковый номер, а призвание и судьба.

ОТКРЫТИЕ ДИАЛЕКТОЛОГА ВЛАДИМИРА КОЗЫРЕВА

Беспокойный Святослав Всеволодич без малого сорок лет провел в борьбе за киевский стол и только за четыре года до рокового похода Игоря окончательно утвердился на престоле «матери городов Русских» (В. Л. Янин однажды заметил, что это всего лишь калька греческого слова «метрополия» — столица).

С 1141 года Святослав сидел в Турове, затем недолго во Владимире Волынском, вновь в Турове и Пинске. С 1158 по 1164 год он правит в Новгороде-Северском, а потом становится еще и черниговским князем, три года не уступая Новгороду-Северскому своему брату Олегу. Значит, те его дети, кто родился до 1158 года, росли не в Русской земле, а в «Жизни Всеславовой», в землях дреговичей и западных кривичей. И само разделение Автором русских князей на внуков Ярослава и Всеслава, а страны на Русскую землю и «достояние Всеслава» — указание на полоцкие корни поэта.

Для летописца конца XII века Русская земля — это Южная Русь или даже только Среднее Поднепровье (та Киевщина, где, по «Повести временных лет», русь и прозвалась Русью). Для Автора Русская земля — все «русские земли» (включая Новгород и Владимир). Но не Полоцк. Поэт говорит князьям:

вы бо своими крамолами
начасте наводити поганыѣ
на землю Рускую,
на жизнь Вьсеславлю

Полоцк для поэта — особый мир. Но это значит, что поэт, как и сейчас сказали бы в землях кривичей, *так привыкши*.

Гениальный новатор в поэзии, Автор — приверженец консервативных взглядов и консервативного миропорядка. Его идеал — старое время Ярослава Мудрого, а потому он полагает, что каждый русский князь должен почитать «грозного великого киевского» князя больше, чем собственного отца. Данная модель государственного устройства весьма утопична — это пирамида власти, построенная на идеальном авторитаризме — добровольном подчинении и добровольном самосмирении. Поэт верит в истинность данной модели, но его слова лишь тогда будут чего-то стоить, если сам он отказался от каких бы то ни было политических амбиций.

Гражданственно он очень и очень смел, но это гражданственность не республиканской новгородской, а, как это ни парадоксально, —

патриархальной закваски (в домонгольском ее варианте). Если что и может ему нравиться в новгородской модели, так это возможность свободного высказывания и свободного отстаивания своего мнения и древнее родовое представление о том, что князья поставлены служить «внуку Дажьдбога» — то есть не просто «Русской земле» (это официальный государственный термин и потому и подразумевает прежде всего вертикаль государственной власти), а всему *народу русскому*. Такого термина еще нет, и, по сути, перед нами нравственный и мировоззренческий прорыв на шесть столетий вперед — к Радищеву и декабристам (также детям правящего класса). Но таков поэт: он равно страдает и князю, и дружиннику, и пахарю. Он один нутром способен воспринять всю экосистему национального устройства, и потому для него невыносимы кровавые дела той элиты, к которой он сам имеет несчастье принадлежать.

В *ЭСИИ* дети Святослава Всеволодича и Марии Васильковны не расписаны, а участник кампании лета 1185 года Владимир Святославич и вовсе не упомянут. И поскольку в современных генеалогических таблицах есть разночтения, новые разыскания о сыновьях Святослава были проведены по моей просьбе Н. М. Введенской. Она и указала на неточности в монографии О. М. Рапова³⁹.

По старшинству дети Святослава выстроятся друг за другом так: Олег — Владимир — Всеволод — Глеб — Мстислав.

Ходыну Святославича, видимо, надо искать среди них.

Кто же из сыновей киевского князя мог написать «Слово»?

У Олега в 1177 году стол на Оке в Лопасне. Ипатьевский летописец особо оговорил, что это «его волость» (Стб. 602). Олег сидит на дальней границе черниговских владений по праву первородства (каждый рязанский князь знал, что, если обидит Олега, простится

³⁹ Рапов. С. 116–118. Историк считал, что дети у Святослава родились в следующем порядке: Олег, Всеволод, Глеб, Владимир, Мстислав. О. М. Рапов не обратил внимания на то, что в летописи Всеволод назван средним сыном (то есть третьим из пяти): *Въ то же лѣто приведе Святославъ за Всеволода за среднего сына жену из Ляховъ...* (Ипат. Стб. 612, а не 119, как указал Рапов). Первенец — Олег Лопасненский, который впервые упоминается под 1177 годом (Стб. 602). Владимира — второй сын, поскольку в паре с Олегом летописец обычно называет Владимира на втором месте. Глеб и Мстислав — младшие дети, ведь Святослав в 1182 году сыграл свадьбу Глеба и Мстислава одновременно (Стб. 624–625), а Всеволод и Владимир женились также в одно лето, но тремя годами раньше.

О. М. Рапов полагал, что в 1161 году Олег Святославич сел в Курске. Но по именному указателю Ипатьевской летописи это не сын Святослава Всеволодича, а сын Святослава Ольговича. И действительно, под 1159 годом сказано: «Святослав Ольгович и сын его Олег» (Стб. 498).

с отчиной). Мы не знаем, когда женился Олег, но его свадьба предшествовала бракосочетаниям Владимира и Всеволода. В 1191 году Игорь Святославич и Буй Тур Всеволод вновь задумают идти в Поле, к ним присоединится Владимир (второй сын Святослава Киевского), а Олег отпустит своего сына Давида. (Значит, Давид Ольгович родился до 1178 года, а его дядя Владимир только женился в 1179-м.)

Однако Олег — исторический пращур пушкинского помещика Троекурова и нам вряд ли интересен: в 1177 году он безо всякого повода взял на шит Свирильск, объявив Глебу Ростиславичу Рязанскому, что это — «волость Черниговская». И весомо аргументировал это, разбив Гюргевича (Глебова племянника).

Не может быть автором «Слова» и средний сын Святослава. Проницательный Карамзин, называя Всеволода «хитрым», в третьем томе своей «Истории» характеризует его лаконично и убийственно: «Все способы казались ему позволенными». Этот Святославич не только не разделял мнения автора «Слова» о том, что русские князья не должны приводить половцев, но сам был союзником степняков и с их помощью в 1206 году пытался взять Киев.

Круг еще более сузился. Внутри его остались дети Святослава Владимир, Глеб и «меньшой» Мстислав (он погибнет в 1224 году на Калке и перед смертью, может быть, успеет вспомнить о том диагнозе, который автор «Слова» поставил за тридцать девять лет до начала окончательной катастрофы Киевской Руси).

О. М. Рапов верно замечает, что Владимир (второй сын Святослава) владел каким-то уделом в Черниговской земле: в Лаврентьевской летописи в записи о его смерти он назван черниговским, но не великим черниговским князем⁴⁰.

Ипатьевская летопись отвечает на вопрос, что это за удел: *Святославъ <...> сына посади въ Вщижи* (1167 г. Стб. 525 об.).

Имя не произнесено: княжич, видимо, столь молод, что не назван даже среди участников этого похода на Вщиж.

Поскольку у старшего Олега (сына Святослава) «своя волость», юный **Владимир Святославич** после смерти бездетного вщижского князя **Святослава Владимировича** (вновь изначальная зеркальность имен) как второй по рождению должен сесть на престоле разделенного между Святославом и его братом Олегом удельного Вщижского княжества. (Олег сам претендовал на Вщиж, но неугодный Святослав дал ему «лучшую волость» — уступил уже не нужный ему самому Новгород-Северский.) Достаточно взглянуть

⁴⁰ Рапов. С. 118. (Но и в некрологе Игоря в Лавр. также нет слова «великий».)

на карту, чтобы понять: Святослав готовит поход на Рязань (и Новгород-Северский ему уже *не по пути*). Это конный бросок к Вщижу по прямой (или на ладьях, но по дуге да против течения Десны), а оттуда через Олегову Лопасню и Свирильск.

Задуманное осуществится лишь отчасти, когда Олег (якобы по своеволию) захватит этот третьестепенный городок. И счастье рязанцев, что в 1176 году Святослав сообразит: поскольку он сам и помог Всеволоду Большое Гнездо взять Владимир (послав своего сына Владимира сопровождать Юрьевичей), собственное его место не на Севере и не на Юге, а в историческом центре Русской земли — в Киеве.

Обратимся к лингвистическим данным. Исходя из диалектных особенностей текста, А. В. Дыбо пришла к выводу, что язык автора «Слова» близок северо-западному кривичскому диалекту. (Так, видимо, и должно быть, если Автор — сын полоцкой княжны.)

Однако в поле зрения современных лингвистов, увлекшихся «Словом о полку Игореве» уже в 1990-х, не попала одна публикация (а точнее — три, но одного автора). Во время экспедиций на Брянщину (1967–1972) студент-диалектолог Владимир Алексеевич Козырев обнаружил в брянских говорах пласт параллелей к «Слову»⁴¹, и первая же его статья стала научной сенсацией начала 1970-х. (Заметка об одном-единственном слове столь глубоко взволновала Д. С. Лихачева, что он послал на адрес Герценовского пединститута письмо, адресованное «профессору В. А. Козыреву».)

Почти через сорок лет Козырев, теперь уже и впрямь профессор и проректор Петербургского педагогического университета, по моей просьбе рассказал, как было дело.

В середине 1960-х его преподаватель Вера Ивановна Чагишева услышала на Брянщине («где-то в автобусе») слово «смага». И поручила студенту-первокурснику Козыреву заняться диалектными параллелями к «Слову» и просмотреть все более ранние записи брянской экспедиции. (Эта работа продолжалась до 1988 года.) Впрочем, в 1969 г. В. И. Чагишева и Т. А. Бабешкина сами записали песню: *Смагу мыкъл гърямыкъл, дѣнный пищи не имел* (СССПИ. Вып. 6. С. 238).

В брянских говорах Козыреву встретилось более ста слов, неизвестных современному русскому литературному языку. Как выяснилось через четыре десятилетия после выхода новых выпусков

⁴¹ Козырев В. А. 1) Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах // Брянские говоры. Вып. III. Л., 1975; 2) Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л., 1976. С. 93 (ТОДРЛ. Т. XXXI).

«Словаря русских народных говоров», в уникальности ряда параллелей Козырев ошибался, но при этом поразившая его картина была репрезентативной: ошибки в одних примерах статистически компенсировались другими уникальными примерами — теми, на которые молодой исследователь просто не обратил внимания.

Могло показаться, что в силу каких-то особых причин на Брянщине сохранились те древнерусские слова и выражения, что попали в «Слово о полку Игоре» и приходится на темные места текста. Специальных исследований на соответствие «Слову» других диалектов не проводилось (в апреле 1941 года Ф. П. Филин, Б. М. Ляпунов и В. И. Чернышев призвали академическую общественность к планомерному изучению новгород-северских говоров, но...).

Козырев поднял обширный материал всех опубликованных региональных словарей и пяти диалектических картотек (брянской, орловской, смоленской, псковской и общерусской) и обнаружил, что из 151 параллели к лексемам «Слова» 95% были «южнорусскими», 25% от общего числа — брянскими.

В начале 1970-х В. А. Козырев не знал, чем объяснить такую концентрацию параллелей к «Слову» в брянских говорах, и призвал коллег к продолжению поиска. Единственной заметной находкой оказалась *зегзица* — иволга (а не кукушка и не пигалица), обнаруженная в середине 1970-х воронежских говорах Г. М. Левиной и через четверть века в курских диалектах А. А. Зализняком⁴². Отмечу при этом, что кукушку зовут по-иному: *загоза* (новг.), *загозочка* (смол.), *загоска* (пск., олон.), *загошица* (волог.), *зазуля*, *зазюля*, *зезюля* (граница Псковщины и Смоленщины) и т. д. Но *зегзица* — это только иволга.

За три десятилетия устарел сам термин «южнорусские говоры».

С помощью лингвистов Анны Дыбо и Анастасии Крыловой удалось частично перепроверить козыревский материал. Вот как сегодня представляется пласт лексики «Слова», который находит уникальные или редкие параллели в брянских говорах (и в смежных с ними):

Босый волк — недавно перелинявший, голодный, быстрый (В *СРНГ* нет. По Козыреву *брян.*). В старых словарях с семантикой «серый» (вероятно, путаница с *бусый*): *босый волк* — серый волк (*ржев., опочк.*, т. е. между Псковом и Полоцком, *севск.*, т. е. южнее Брянска).

Бусый — пепельный, серый (*брян.*). Бусая борода, бусые крыса или кошка (*арх., волог.*).

Въсплескати — начать усиленно разбрызгивать воду (*брян., курск., тул.*). *СРНГ*. Т. 5. С. 208–209.

⁴² *СССПИ*. Вып. 6. С. 219; *СПИВЛ*. С. 119.

Въсрожити > *восрашити* — взерошить, разбередить. (В СРНГ нет. По Козыреву брян.)

Възраяти — начать каркать (арх., брян.). Грай — карканье (смол.).

Грязивый — грязный или топкий, болотистый (словарь Даля, но без указания места записи). Помимо «Слова» встречается лишь в акте 1475 года. (В СРНГ нет. По Козыреву брян.) Ср.: грязливый (пск.).

Див — леший. В СРНГ нет. По Суетенко брян. (Суетенко В. // Литературная Россия. 1980. 5 сентября. № 36.)

Дно — глубина (брян., смол.).

Доспети — 1) в значении приготовиться (арх., брян.); 2) в значении успевать (арх., брян., новг.).

Жестокий — горячий (брян., тамбов.). СРНГ. Т. 9. С. 146.

Жир — богатство > много (брян., псков.). СРНГ. Т. 9. С. 181.

Заворочати — поворачивать назад или в сторону (смол., брян.).

Зарание — раннее утро (брян.). СРНГ. Т. 10. С. 378. Стандартное прилагательное от него — *заранный* — имеющий место рано утром (моск.; глагол от него *заранниться*; пск.). Белорусское *зарание* — утро; существует также украинское *зарания* — утреннее время.

Заступати/заступити — преграждать путь; в варианте *преграждать путь лесному пожару* (екатеринб.). (В СРНГ нет. По Козыреву брян., псков., смол.).

Карна — мучение (брян.). *Карьна* — прилагательное от *кара* (оплакивание). Производный от *кара* глагол *каровать* (мучиться) — нижегор., яросл. Уменьшительное *карнуша* — трясавица, лихорадка (онеж., т. е. архангельские говоры). СРНГ. Т. 10. С. 96.

Каяти (в значении «жалеть»). (В СРНГ нет. По Козыреву брян.).

Клюка (в значении «хитрость»). (В СРНГ нет. По Козыреву брян.).

Кнес — охлупень, гребень крыши. Это центральная балка или верх крыши (В СРНГ нет. По Козыреву брян.). *То же*: *кнёзь* (новг., калужское., курск., орловск.), князь (арх., вол., кост., курск., орлов., ряз., смол., яросл.).

Кощей — 1) слуга (В СРНГ нет. По Козыреву брян.) 2) сказочный змей или скряга (арх.). В древнерусском — раб или кочевник; глава коша (рода).

Кресити — воскрешать (брян., тул.).

Лжа (в значении *распря, раздор*). (В СРНГ нет. По Козыреву брян.).

Насильно — навстречу. *Ветер дуить насильно, пряма у лицо; Какой ветер в пирёт дуит* — *насильный* (по Козыреву и Чагишевой брян.).

Неговати — наслаждаться негой, лаской, заботой (брян., волог.).

Посвечивати — в значении поблескивать. (По Козыреву брян. В СРНГ нет.) Ср.: *Посветкати* — посверкать (о молнии; арх.) *Посветить* (арх.) — 1) поджечь, подпалить; 2) прийти в голову, угораздить (арх., новг.).

Правити следь — указывать направление, дорогу. *Давай правь новую дорогу в луга* (по Чагишевой брян.).

Рассутися — рассыпаться (брян., урал.).

Рокотати — говорить невнятно. (По Козыреву *брян., пск.*).

Смага — 1) горе (*брян., клетиянское., пск., саратов.*); 2) сухость губ; лихорадка на губах; изжога, жажда (*курск., орлов., пск., смол.*; от этого существует производное *смаговать смол.*); 3) грязь (*курск.*); 4) грязь, чернота, сажа, копоть (*волог.*).

Сморкъ — туча, темное облако (*Сморок — брян., пск.*).

Троскотати (о сороках) — трещать (*брян., пск., твер.*).

Тутнети — гудеть (*брян., сибирск.*).

Ухи закладать — запира́ть засовом (*брян., твер.*).

Чаица — пигалица или чибис (*брян., смол.*).

Яруга — овраг (*брян., ряз.*).

34 брянских находки, но 8 из них еще и псковские, а 6 смоленские.

В 1377 году, заканчивая свой труд, «худой недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий»: *...оже ся гдѣ буду описаль или переписаль или не дописаль, чтите исправлявая, благо дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны а умь молодѣ...* Он понимает, что мог описаться, сделать неверное исправление или пропустить текст. И просит его исправить. Но Лаврентий и переписчики «Задонщины» хотят быть понятны и чураются редкой некнижной лексики. А потому правят редкие и старые слова на новые и общеупотребимые (к примеру, «былей» меняют на «вельмож», а глагол «въсрожити» на глагол «выть»).

В. В. Колесов полагает, что список «Слова» за несколько веков «мог пройти через несколько книжных центров», и потому «если по отношению к мусин-пушкинскому списку проблема диалектизмов еще имеет какое-то оправдание, ее обсуждение в связи с самим текстом “Слова” некорректно с научной точки зрения»⁴³. Но в свете открытия В. А. Козырева именно такой взгляд и представляется некорректным («мог пройти» не значит прошел). Если в «Слове» мы встречаем пласт уникальных диалектизмов, значит, у переписчика поэмы не было мотивации заменять одни слова другими. (И тогда тем более вероятно, что первым переписчиком был, к примеру, *брянский боярин* Софоний Рязанец, а вторым — Ефросин Белозерский.)

Поскольку А. В. Дыбо атрибуировала текст поэмы как западно-кривичский, нас должны интересовать прежде всего Псков, Полоцк, Смоленск. Брянск — это смежная территория, однако до сих пор средневековых брянских памятников лингвисты не выявляли.

Не удивительно, что в Брянской области В. И. Чагишева обратила внимание на брянскую лексику «Слова». Так москвич в Питере постоянно натывается на странные словечки, знакомые ему разве что

⁴³ Колесов В. В. Диалектизмы в «Слове» // ЭСПИ. Т. 2. С. 108.

по литературе: поребрик (а не бордюр), карточка (о проездном билете), булка (батон белого хлеба) и т. д.

Уникальные (на сегодня) брянские параллели к «Слову»:

1. *Босый волк* — перелинявший после зимы, голодный, быстрый.
2. *Въсрожити* > *восрашити* — взерошить, разбередить.
3. *Грязивый* — грязный или топкий, болотистый, вязкий.
4. *Див* — леший.
5. *Каяти* (в значении *жалеть*).
6. *Клюка* (в значении *хитрость*).
7. *Кнес* — гребень крыши, охлупень.
8. *Кощей* — в значении *слуга* (в древнерусском — *раб*).
9. *Лжа* — в значении *распря, раздор*.
10. *Насильно* — навстречу.
11. *Посвечивати* — в значении *поблескивать*.
12. *Править след* — указывать дорогу.
13. *Рассутися* — рассыпаться (помимо Брянщины найдено на Урале).
14. *Тутнети* — гудеть (по картотеке СРНГ еще и иркутское).

Теоретически можно представить диалектную лексику памятника в виде нескольких отчасти перекрывающихся друг друга окружностей и допустить, что, если бы мы обследовали псковские говоры, то получили срез специфически псковских элементов «Слова». Однако и в этом случае нам бы уже не удалось закрыть глаза на редкие брянские слова, ведь нельзя, к примеру, исправить *кнес* на *кнёз* или *князь*, или *конек*. Если даже обнаружится след какой-то иной региональной лексики, это будет означать, что автор связан и с этой землей (скажем, с Полоцком, потому что мать — полоцкая княжна; или потому что поэт просто какое-то время жил там). Но оказывается, что слова, зафиксированные в брянских говорах, покрывают более половины всей диалектной лексики «Слова», а среди оставшейся части нет диалектизмов, привязанных к какому-либо конкретному говору.

Вряд ли исследователи, работавшие в Трубчевском, Карачевском и других районах Брянской области, вычерпали все возможные брянские параллели. (Спрашивать напрямую, а не знаете ли такое-то слово, диалектологу запрещает профессиональная этика.) И потому до слова «Див» (леший) питерские ученые не докопались. (Дива обнаружил и обнародовал брянский журналист В. Суетенко.) Полагаю, что это же относится и к «зегзице». С той лишь разницей, что эта «леса отшельница» и на сей раз спряталась. И спряталась даже лучше, чем Див.

Предположим, что В. И. Чагишева и В. А. Козырев целенаправленно искали на Брянщине лексику «Слова» (хотя это и не так, ученые

просто делали свою работу). Но и в этом случае десятки собирателей слов, которые, начиная с Владимира Даля, трудились по всей России два века, оставили в лексикографических картотеках куда более мощные пласты народных говоров.

Итак, в «Слове» мы обнаруживаем множество гапаксов, и большинство из них оказываются брянскими. Можно удивляться тому, что брянские ауканья со «Словом» чаще всего и приходится на темные места текста, и объяснять это случайностью, «энтузиазмом» конкретных диалектологов либо какими-то уникальными свойствами брянских дебрей. Но проще признать очевидное, потому что помимо курско-воронежской зегзицы/иволги ни в одном из русских диалектов не найдено ни одной *уникальной* параллели к лексике «Слова».

Полагаю, что научное сообщество просто оказалось не готовым воспринять данное открытие: вместо того чтобы поставить вопрос, почему именно брянские говоры дают столь оглушительный материал для комментария «Слова», проблема была нивелирована (и в конце концов снята) расширением контекста до общерусского. На самом деле все ровно наоборот: не брянские говоры сохранили редкие слова и выражения, встречающиеся лишь в одном древнерусском памятнике — «Слове о полку Игореве», но автор «Слова» употребляет более тридцати слов, и сегодня известных брянским говорам (из них более десятка уникальных), потому что многие годы жил во Вщиже.

Вщиж — город на Десне, центр удельного княжества, к которому когда-то относился и Брянск. Город был разрушен Батыем. Сейчас это «неперспективное» село на Брянщине в семи километрах от Овстуга, родины Ф. И. Тютчева.

То, что во Вщиже сел именно Владимир Святославич, утверждают и современные генеалогические сайты⁴⁴. Но даже если бы в летописной записи 1167 года имелся в виду старший его брат Олег, то Владимир все равно должен был бы сменить его на вщижском престоле, ведь до 1176 года Олег уже получает Лопасню.

Сам Святослав на княжение в Турове был посажен своим отцом в 1141 году, когда ему исполнилось лет пятнадцать. Если в 1167-м Владимиру столько же, то он родился в начале 1150-х. Но, надо думать, он даже несколько младше (около 1160 года).

---

⁴⁴ «Ветвь князей Черниговских. Родоначальником был сын князя Святослава Всеволодовича Черниговского, князь Владимир Святославич, владевший каким-то уделом в Черниговской земле (скорее всего, Вщижским). Его сын Филипп в 1201 году получил в удел Вщижское княжество. Он и его братья записаны в Любецком синодике. Скорее всего, ветвь угасла в 1238 году, когда Вщиж был razорен монголами». Источник в Интернете: www.genealogia.ru/projects/nr/rurik.htm

СВЯТОСЛАВИЧ – СЫН СВЯТОСЛАВА?

Если «Слово» написал Святославич, то в тексте должны присутствовать какие-то (пусть косвенные) указания и на черниговское происхождение Автора.

Статистически вслед за словосочетаниями «Русская земля» (21 раз) и «земля Половецкая» (7 раз) следует выражение «отчий злат престол» (5 раз). При этом в одном случае имеется в виду Галич, в одном — Переяславль и в трех — Чернигов.

Эта нехитрая статистика, возможно, и указывает на то, какой именно престол для автора «Слова» является отчим.

Да и сообщение о том, что в 1078 г. Борис Вячеславич погиб на малой речке Канине (а не у Нежатиной Нивы, как в летописи) говорит в пользу отменного знания поэтом окрестностей Чернигова.

И еще аргумент в пользу черниговской принадлежности автора: Ипатьевская летопись называет Владимира Всеволодича Мономахом (Стб. 580. Лето 6683), а автор «Слова» — Владимиром, сыном Всеволода. Автор не случайно игнорирует императорское прозвище Владимира: речь идет о приоритете престолонаследия на Руси, и упоминание о том, что Мономашичи — потомки византийской династии, в устах Ольговича было бы политическим самоубийством⁴⁵.

Вот и Игорю с Всеволодом поэт дает отчество Святославичи не по их отцу Святославу Ольговичу, а по их двоюродному брату и «феодалному отцу» Святославу Всеволодичу Киевскому. Делается это, как мы помним, с помощью элементарной детской обманки: сначала сказано «...отец их Святослав грозный, великий, киевский...», а дальше не про Святослава Ольговича (он никогда не был киевским князем), а про то, как Святослав Всеволодич пленил Кобяка.

Отец Игоря и Всеволода умер в 1164 году, а в 1180-м Игорь Святославич признал Святослава Всеволодича своим феодальным отцом, обратившись к нему «отче» (*Inam*. Стб. 616). И Автор это знает. Но в «Золотом слове» Святослав называет двоюродных своих братьев Игоря и Всеволода сыновцами (племянниками), то есть демонстративно отстраняет их от себя, отказывает им в праве называться его

⁴⁵ Стоит отметить, что при всей революционности своей поэтики автор «Слова» — сторонник старинного порядка престолонаследия, при котором киевский князь — глава всего феодального рода. Начиная свой рассказ «старыми словесы», поэт и ориентируется на обычаи и нравы «старого времени», противопоставляя их тем новейшим политическим тенденциям, за легитимизацию которых выступает большая часть Мономашичей.

сыновьями (с чем решительно не согласен Ипатьевский летописец. См. статью 1185 года).

Поэт дважды понижает феодальный статус Игоря и Всеволода на одно поколение, видимо, потому, что сам принадлежит к седьмому поколению от «старого Владимира» (а не к шестому, как Святослав Киевский, Игорь и Буй Тур Всеволод). Чтобы говорить с дядьями как с «братьями», то есть на равных, он и затевает метафорическое переписывание реальной генеалогии. И имеет на это право, потому что в 1180-м эту «игру» начал сам Игорь Новгород-Северский⁴⁶.

Указал ли Ходына Святославич имя, данное ему при рождении?

В парадигме темного стиля достаточно формального созвучия, чтобы внутри одного слова (или имени) высветилось другое. Так, в прозвище Олега *Гориславича* звучат *Святославич* и *горе*, в глаголе *преторпоста* — название реки Тор, с которой Игорь бежал из половецкого плена, в словах *ни хытру ни ГОРАЗду* и *поскочи ГОРЬносттаемь* — имя Игоря. Такое восприятие текста как знака и знаменья характерно для средневекового мышления, а тем более для поэтической парадигмы *темного стиля*. Подобное мы встречаем и в русской иконописной традиции: на старообрядческой прориси с иконы Андрея Рублева *внутри* евангельского текста *Приидете ко мнѣ вси труждающіися* *ІѠ Бремененіи* угадано, графически выделено и закреплено титлами указание на то, кто первым к кресту должен прийти — Иоанн Богослов (или Иоанн Креститель) и Богородица⁴⁷. Так и на иконе «Спас в силах» (ГТГ, № 22124), которую сегодня приписывают Андрею Рублеву, тот же евангельский текст написан так, что последняя строка содержит лишь четыре заповедные буквы: *ІѠБР*.

Сошлось и на пример из гимнографической практики XV столетия: один из тропарей канона Михаилу Клопскому начинается с имени

⁴⁶ Такая линия поведения следует из древнего лествичного принципа наследования, по которому престол переходил не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему. Иное дело — обращение Святослава (устами автора «Слова») к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо. Хотя оно наполнено иронией и злыми аллюзиями, можно подумать, что великий киевский князь всерьез называет Всеволода «великим», то есть признает равней. Но элемент юродства присутствует и в этом, казалось бы, сугубо этикетном чествовании. Чтобы подчеркнуть это, Святослав тут же назовет «господами» еще трех князей — своего соправителя Рюрика, его брата Давыда и Осмомысла Ярослава. В устах Святослава Киевского, только что объявившего «князья мне не в помощь», это уже очевидное юродство. (Впрочем, начиная с Буй Романа, все князья — уже просто «князья». Они феодалы младшего, восьмого поколения, и юродствовать перед ними незачем.)

⁴⁷ Прорись см. в книге В. А. Плугина «Мировоззрение Андрея Рублева» (М., 1974. С. 129).

Макария Великого, а из акростиха следует, что канон написан по благословию святителя Макария, когда тот был новгородским архиепископом. В акростихе имена двух святителей сливаются в одно⁴⁸.

Вот и автор «Слова» начинает повествование «от старого Владимира до нынешнего Игоря», но заканчивает не Игорем, а Владимиром Игоревичем, который до этого по имени назван не был. Имя Владимира (последнее личное имя в поэме) следует сразу после обращенного к Богородице углового акростиха ...*спаси Святъславлича*:

Страны ради гради весели
 Пѣвъше пѣснь старымъ княземъ
 А по томъ молодымъ пѣти
 Слав<у> Игоря **СВЯТЬСЛАВЛИЧА**

буи тура ВЪСЕВОЛОДА
 ВЛАДИМЪРА игоревича⁴⁹

Набор имен совпадает с именами отца, деда и личным княжеским именем Владимира Святославича, сына Святослава Киевского. Это и есть вторая часть авторской сфрагиды. При этом конструкция зеркальна двум другим, уже прозвучавшим.

Напомню аналогичную конструкцию заголовка поэмы: «Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославова, внука Олегова».

Итак, в заголовке имя — отчество — дедство виновника похода.

В центре текста дедство — отчество — имя Владимира Мономаха, чьему походу 1111 года пытался подражать Игорь Святославич:

то же звонь слыша
 давньи великьи ЯРОСЛАВЪ
 а сынъ ВЪСЕВОЛОЖЪ
 ВЛАДИМЪРЪ...⁵⁰

⁴⁸ *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество. Париж, 1951. С. 198–199. На эту параллель обратила внимание Н. М. Введенская.

⁴⁹ Сохраненная в издании 1800 года грамматически нелепая форма *игорю святъславлича* говорит о том, что в протографе, вероятно, читалось: ...*а по томъ молодымъ пѣти славу игоря СВЯТЬСЛАВЛИЧА буи тура ВЪСЕВОЛОДА ВЛАДИМЪРА игоревича*. Впрочем, парадигма темного стиля также не требует грамматического согласования, как графическая лигатура не требует стопроцентного совпадения графики сопрягаемых ею штрихов.

⁵⁰ В издании 1800 года: *тоже звонь слыша давньи великьи Ярослав сынъ Всеволожь а Владимиръ по вся утра уши закладше въ Черниговъ*.

В концовке поэтическое отчество (Святославич) — дедчество (Всеволодич) — и, наконец, княжеское имя Автора — Владимир.

Перечитаем то место, где звучит имя Ходыны: «Сказали Боян и Ходына, оба песнотворцы Святославы, воспевшие старое время Ярославово и Олегово, два государевых любимца: “Тяжело голове без плеч, худо телу без головы. Так и Русской земле — без Игоря”».

После того, как отзвучали два первых стиха «выкупа головы», текст переадресовывается Игорю. Но Игорь не глава Русской земли, а Боян может петь ему лишь устами автора «Слова» (здесь и названного Ходыной). Такое чтение подтверждается акростихом, а также тем, что автор «Слова», начиная рассказ, обещал вести повествование «от старого Владимира до нынешнего Игоря», но закончил почему-то именем сына Игоря — Владимиром.

Отдав свое, поэт взамен берет не чужое, а свое же. Замыкая кольцо повествования, он, словно вывернув наизнанку магическую формулу «говорила на меня — переводишь на себя», использует имя сына Игоря для еще одной, уже последней сфрагиды. (Сказал про Владимира Игоревича, а указал на Владимира Святославича Черниговского.)

В XV веке так поступит и Ефросин/Иван Дмитриевич, четырежды запечатавший Кирилло-Белозерский список «Задонщины» именем Иван. Для этого ему пришлось помянуть своего предка великого князя Ивана Данильевича, князя Ивана Белозерского, некоего Ивана Сано, а один раз даже заменить Дмитрия Донского Иваном Дмитриевичем, то есть собой (об этом подробнее на с. 50).

Таковы законы знакового средневекового мышления, законы авторского сознания средневековья. Таковы и законы поэтики автора «Слова» — той поэтики переосмыслений и выворачивания наизнанку устойчивых клише, о которой писал Д. С. Лихачев⁵¹.

Круг поиска сузился до точки, и теперь дело за проверкой наших построений жесткой конкретикой исторических реалий.

АВТОРСКОЕ «Я» В «СЛОВЕ»

Автор называет себя среди участников событий лета 1185 года: *Что ми шюмить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь пълкы заворочаеть, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другыи, третьяго дъни къ полудънию падоша стязи Игоревы...*

⁵¹ Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова» // Слово о полку Игореве. М.; Л. 1950. С. 58.

Поскольку это не рассказ, но лишь напоминание о произошедших *давеча*, а потому всем известных событиях, переведем и прокомментируем: «Что мне шумит, что мне звенит недавно рано утром перед зорями? Игорь полки поворачивает (пытается остановить побежавших ковуев и сам попадет в плен), ибо жаль ему милого брата Всеволода (который бьется в авангарде и с этого момента обречен). Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы...»

Это пишется для очень узкого круга посвященных. Не зная, зачем Игорю поворачивать какие-то полки и при чем тут Всеволод, здесь ничего не понять. Но поэтический смысл этого пассажа не в том, чтобы напомнить об известном. Если перевести на язык прозы, автор «Слова» говорит примерно следующее: когда бы я был рядом, Игорю удалось бы остановить ковуев. И стяги бы не пали.

Нескромно и несмиренно.

Однако поэт не хвастается: он и впрямь так думает.

Есть ли у Владимира Святославича основания для такого рода публичных заявлений? Оказывается, есть, и более чем у кого бы то ни было. Слушатели прекрасно это знают, что ратная карьера самого Владимира Святославича началась с того, что летом 1176 года на поле брани, когда его собственный стяг уже пал, Владимир сумел повернуть дрогнувшую было дружину лицом к врагу.

Воображение поэта по-настоящему приковано лишь ко времени становления и единства Руси, а современность начинается для Автора с 1158 года (упоминание о том, как Ярослав Осмомысл захватил Киев; может статься, это и есть указание на год рождения поэта). Но первое упоминание Владимира Святославича в летописи в 1176 году, объявленное «новым чудом Богородицы» и потому ставшее духовным достоянием всей Руси, определило всю последующую судьбу юного князя. Сэтого авторского «я», лишь однажды звучащего в «Слове», начинается отсылка к череде тех событий, в круге которых то в центре, то на вторых ролях, неизменно оказывается фигура Владимира Святославича Черниговского. Потому-то нас интересует предшествующий 1185 году сравнительно небольшой период в двадцать семь лет. Все остальные исторические реминисценции в поэме относятся к самому началу XII века (походы на половцев Владимира Мономаха) или еще более ранним временам. Они взяты из летописи или почерпнуты из дописьменных преданий.

Между этой стариной и 1158 годом — разверстая пропасть шириной более чем в полстолетия.

Итак, — чудо Белехова поля: юный князь, павший стяг, дрогнувшая дружина...

И это больше, чем подпись или указание на авторство в заголовке произведения. Подпись можно подделать, авторство мистифицировать, но подделать образный строй всей поэмы и вложить в текст жизненный опыт конкретного человека столь же нереально, как нереально в восемнадцатом веке написать поэтический шедевр на языке двенадцатого столетия.

Это столь же надежный инструмент атрибуции, как и то уникальное поведение энклитик, о котором пишет А. А. Зализняк⁵².

ЧУДО БЕЛЕХОВА ПОЛЯ

Его отец черниговский князь Святослав Всеволодич в 1143-м (лет восемнадцати от роду) женился на Марии Полоцкой. Владимир впервые упоминается как начинающий воевода в 1176 году, а женится в 1179-м. В 1185-м ему от двадцати пяти до тридцати лет.

Хотя о Владимире известно больше, чем о его братьях, никто из исследователей этим третьестепенным князем не интересовался, а главный его подвиг, в конце XII века прогремевший на всю Русь, оказался просто-напросто забыт.

Начнем с событий, случившихся за одиннадцать лет до Каялы.

В ночь с 28 на 29 июня 1174 года в своей резиденции в селе Боголюбове заговорщиками был убит великий князь владимирский Андрей Юрьевич Боголюбский, сын Юрия Долгорукого.

Война за его наследство продолжалась целое десятилетие.

Русь раскололась на два лагеря: одни князья встали за интересы братьев Боголюбского — Михаила и Всеволода Большое Гнездо, другим по душе были внуки того же Юрия Долгорукого — Ярополк и Мстислав Ростиславичи⁵³.

Одолевали то одни, то другие.

В результате Михаил и Всеволод Юрьевичи бежали в Чернигов к Святославу Всеволодовичу. Когда же в 1176 году владимирцы

---

⁵² См.: *СПИВЛ*. С. 66.

⁵³ В 70-е годы XII века на Руси жили два Мстислава Ростиславича. Первый — смоленский князь — получил прозвище Храбрый, его дети упомянуты в «Слове» (по Б. А. Рыбакову) как «все три Мстиславича». Второй — внук Юрия Долгорукого, храбростью и победами не отличался. В результате многолетней войны со своими дядьями Михаилом и Всеволодом Большое Гнездо он был взят в плен и «ослеплен», но чудесным образом «прозрел» в Смоленске и прозван Безоком. Оба Мстислава, с разницей в два года, умирают новгородскими князьями (в 1178 г. — Мстислав Безокий, в 1180 г. — Мстислав Храбрый).

призвали Михаила на княжение, Святослав послал с ними свой отряд во главе со своим сыном Владимиром. Возможно, старый князь рассуждал так: назвали тебя Владимир, вот во Владимир и пойдешь, а может статься, что и сам княжич вызвался помочь Юрьевичам.

Выступили 21 мая. В любом церковном календаре можно прочитать, что в этот день в память спасения Москвы в 1521 году от нашествия хана Махмет-Гирея установлено празднование иконы Владимирской Божией Матери⁵⁴.

Вряд ли это простое совпадение. Игорь пошел на половцев в день своего небесного покровителя Георгия Победоносца. Надо думать, что и Юрьевичи не выступили бы в решающий для их судьбы владимирский поход абы когда.

С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» (т. 2, глава VI) так пересказывает те события:

Михаил с братом Всеволодом и с Владимиром Святославичем, сыном черниговского князя, отправился на север, но едва успел он отъехать верст 11 от Чернигова, как сильно занемог и больной приехал в Москву, где дождался его отряд владимирцев с молодым князем Юрием Андреевичем, сыном Боголюбского, который жил у них, будучи изгнан из Новгорода. Между тем Ростиславичи, узнав о приближении Михаила, советовались в Суздале с дружиною, что делать. Решено было, чтоб Ярополк (Ярополк Ростиславич, владимирский князь. — А. Ч.) шел со своим войском против Юрьевичей к Москве биться с ними и не пускать ко Владимиру. Михаил сел обедать, когда пришла весть, что племянник Ярополк идет на него; Юрьевичи собрались и пошли по Владимирской дороге навстречу неприятелю, но разошлись с Ярополком в лесах, тогда москвичи, услышавши, что Ярополк, миновав их войско, продолжает идти к Москве, возвратились с дороги от Михаила для оберегания своих домов, а Ярополк, видя, что разошелся с Михаилом, пошел от Москвы вслед за ним, послав между тем сказать брату Мстиславу в Суздаль: «Михалко болен, несут его на носилках, и дружины у него мало; я иду за ним, захватывая задние его отряды, а ты, брат, ступай поскорее к нему навстречу, чтоб он не вошел во Владимир».

⁵⁴ Видимо, и за три с половиной века до этого Владимирскую икону чествовали именно в этот день. И в 1521 году усердно молились у этой иконы, а после узнали, что крымский хан отступил. Позже это событие и заслонило начальную и, если судить по имени иконы, относящуюся еще к владимирскому периоду неведомую нам первопричину прославления образа Владимирской Богоматери именно 21 мая. Возможно, это день перенесения Андреем Боголюбским иконы во Владимир (1155). Но в Новгородской летописи под 1179 годом (лето 6687) указано, что 21 мая архиепископ Илья заложил каменную церковь Благовещения Святой Богородицы. Поэтому не исключено, что начало празднования в этот день образа Владимирской Богоматери может относиться и к киевскому периоду.

Мстислав объявил об этой вести дружине и на другой день рано выехал из Суздаля, помчался быстро, точно на зайцев, так что дружина едва успевала за ним следовать, и в пяти верстах от Владимира встретился с Юрьевичами; полк Мстиславов, готовый к битве, в бронях, с поднятым стягом вдруг выступил от села Загорья; Михаил начал поскорее выстраивать свое войско, а враги шли на него с страшным криком, точно хотели пожрать его дружину, по выражению летописца. Но эта отвага была непродолжительна: когда дошло до дела и стрельцы начали перестреливаться с обеих сторон, то Мстиславова дружина, не схватившись ни разу с неприятелем, бросила стяг и побежала; Юрьевичи взяли много пленных, взяли бы и больше, но многих спасло то, что победители не могли различать, кто свои и кто чужие; Мстислав убежал в Новгород; Ярополк, узнавши о его поражении, побежал в Рязань, но мать их и жены попались в руки владимирцам. С честью и славою вступил Михаил во Владимир; дружина и граждане, бывшие в сражении, вели пленников.

Так по Лаврентьевской летописи (которая, как известно, восходит к владими́ро-суздальскому летописанию и возвеличивает Всеволода Большое Гнездо). Следуя ей, С. М. Соловьев лишь в начале упоминает о юном княжиче. Увы, историк не перепроверил свой пересказ по Ипатьевской летописи, в которой главным героем той ратной драмы показан Владимир Святославич⁵⁵.

Фабула та же — сюжет иной.

15 июня перешли левый приток Клязьмы реку Колокшу (в списках: Лакшу, Калакшу; по В. Н. Татищеву — Кужляк).

До владимирских стен оставалось несколько верст, когда шедший впереди Владимир (*пѣдуцю же Володимѣрю Святославичю напередѣ*) на Белеховом поле был неожиданно атакован Мстиславом Ростиславичем (в ближайшем будущем «Безоким»).

Войска Мстислава появились *изъ загорья*.

⁵⁵ Лаврентьевская летопись названа по имени монаха Лаврентия, переписавшего летопись в 1377 году по благословению суздальского епископа Дионисия. Заказчиком же был суздальско-нижегородский великий князь Дмитрий Константинович. Поэтому в текст многократно вставлено упоминание о Всеволоде Большое Гнездо и в его же пользу отредактирован сохранившийся в составе Ипатьевской летописи рассказ черниговского летописца о битве на Белеховом поле. М. Д. Приселков в своей «Истории русского летописания XI–XV вв.» полагал, что в числе источников южнорусского летописного свода начала XIV века (т. е. Ипатьевской летописи) находятся киевский свод 1200 года князя Рюрика Ростиславовича и черниговская летопись Святослава Ольговича и Игоря Святославича. При этом исследователь считал, что сами Святослав и Ярослав Всеволодовичи летописания не вели. Последнее опровергается рассказами о Белеховой рати, женитьбе Владимира Святославича и приглашении его в Новгород.

Загорье — это и название доньне существующего в пяти километрах от Владимира села, и восточная сторона возвышенности, вершина которой на несколько верст западнее села. Дружинники Мстислава были *вси во броняхъ, ако во всякомъ леду и удари на нихъ изнезапа и подъяша стягъ* (Ипат. Стб. 601).

Ипатьевская сохранила драгоценную подробность: ратники Мстислава «удариле внезапно и подняли стяг». Поскольку далее будет рассказано, что Ростиславичи⁵⁶ стяг бросят, имеется в виду взятый в качестве трофея стяг шедшего впереди Владимира.

В Лаврентьевской летописи не так: *и выступи полкъ изъ загорья вси во броняхъ яко во всякомъ леду и подъяша стягъ* (л. 127). То есть выступили и одержали победу. Но никакой победы не было...

Мы не знаем христианского имени Мстислава, но повел он себя как человек, подражающий Георгию Победоносцу. Местом битвы Мстислав избрал Велесово урочище⁵⁷ (см. карту на цветной вклейке). Сюда, боясь опоздать, он и примчался из Суздаля, хотя мог встретить противника у стен Владимира (это было бы ближе).

Ход его рассуждений был примерно таким: пусть Юрьевичи начнут подниматься на холм и растянутся по взгорью змеей, а он грянет на них сверху, как Перун на Велеса или как Георгий на дракона.

Однако Мстислав слишком хорошо продумал ситуацию и потому стал рабом собственного режиссерского замысла.

Если бы потерявший стяг полк Владимира был опрокинут, он бы покатился с горы и смял шедших сзади Михаила и Всеволода. Но Владимир не шелохнулся, и Мстислав смекнул: что-то здесь не так... Видимо, — ловушка. Он слишком многим рисковал и потому предпочел сам откатиться на исходную позицию.

Ловушки не было. Мстислав вновь изготовился.

Но Юрьевичи уже развернули боевой строй.

Несостоявшийся громовержец решил атаковать вторично: *поидоша Мъстиславичи кличюче, яко пожрети хотяще стрѣльцемъ стрѣляющимъ обоимъ межю полкома*. Смысл этого пассажа такой: воображали себя Георгием Победоносцем, а вели как рыкающее чудище. (Вспомним в «Слове»: «Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи преградили им путь алыми щитами...»)

⁵⁶ Внуки Юрия Долгорукого Мстислав и Ярополк в Ипатьевской летописи названы Мстиславичами, т. е. детьми Мстислава Юрьевича. Однако сейчас большинство исследователей считают их сыновьями Ростислава Юрьевича.

⁵⁷ Некогда у противоположной от села Загорья подошвы холма было капище Велеса, а потом монастырь и село с тем же названием Велесово (так!). Тут и сегодня бьет святой ключ, и люди к нему приходят за водой даже из Владимира.

Мстислав был потрясен провалом своего сценария: когда в дело вступили лучники, он на глазах изумленных Юрьевичей бежал, «бросив стяг» (разумеется, трофейный). Это чтобы Владимир не ринулся в погоню. Бросать свои стяги Мстиславу и Ярополку было незачем.

В «Слове»: сначала «алый стяг... — храброму Святославичу», а потом сюжет раскручивается в обратную сторону: «на третий день к полудню пали стяги Игоревы».

Уточню: в подражающей «Слову» Задонщине (по реконструкции текста Л. А. Дмитриева) стяги упомянуты три раза (и на редкость одинаково): «встали стяги»; «трепещут стяги»; «ветер ревет в стягах».

Ну а в «Слове» боевые знамена мелькают шестикратно, трижды взмывая и трижды падая (или склоняясь): «стоят стяги в Путивле»; «стяг... — Святославичу»; «стяги глаголют»⁵⁸, «на третий день к полудню пали стяги Игоревы», «склоните стяги свои», «встали стяги Рюриковы, а другие Давыдовы, но врозь их полотнища веют».

Если «Слово» написал человек, чьим одним из самых сильных переживаний в жизни были потеря и чудесное обретение стяга, троюкратная игра на антиномии стяговой семантики понятна и естественна.

При этом вовсе не случаен сбой графического ритма в двух последних примерах. Если Ярославовы и Всеславовы внуки склонят стяги, то это будет не поражением, а победой для всей Русской земли. А вот в разные стороны реющие полотнища Рюрика и Давыда (из-за этого летом 1185 года и не удалось дать отпор половцам) пророчат грядущие падения русских знамен. Значит, никакого сбоя в графике ритма нет: два первых звена этой цепочки одинаковы (вверх–вниз), ну и последнее звено точно такое, только «от обратного».

Битва на Белеховом поле произошла за три дня до празднования Боголюбской иконы Божией Матери, иконы, написанной по заказу Андрея Боголюбского в честь образа Владимирской Богородицы.

А потому чудо было налицо.

⁵⁸ У этого выражения несколько значений: 1) русские или половецкие стяги «переговариваются» (стягами в бою отдавались команды); 2) стяг — наименьшее воинское подразделение, которое в бою «стягивается» вокруг своего стяга, значит, это разные полки русских дают знать князю, что на них наступает враг; 3) Алишер Навои сравнивал арабскую букву алеф, записываемую вертикальной черточкой, с гордо поднятым стягом, но за два века до него древнерусский поэт увидел в развеваемом стяге славянскую букву «Г» («глаголь»); 4) по-древнерусски *глаголать* — не только говорить, но и пророчить. Смысл этого пророчества будет раскрыт в следующем упоминании о стягах: *третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы*. Дело в том, что буквой «Г» под тиглом обозначалась цифра 3. И именно в воскресенье, в третий день битвы, если мы вслед за автором «Слова» будем считать с первого столкновения с половцами в пятницу, русские потерпят поражение.

ВЛАДИМИРСКАЯ СЕСТРА МОСКОВСКОЙ ХОДЫНИ?

В Лаврентьевской летописи и Московском летописном своде XV века битва на Белехове поле названа «новым чудом Святой Богородицы»⁵⁹. Здесь же уточнено, что битва состоялась в пяти верстах от Владимира (*ПСРЛ*. Т. XXV. С. 85–85). Действительно, деревня Загорье находится от города именно на таком расстоянии. Отсюда и атаковал Мстислав, хотя сама битва должна была произойти в нескольких верстах западней, на противоположном склоне «горы»⁶⁰.

Б. А. Успенский, иллюстрируя связь Волоса/Велеса и Николы, пишет: «Поскольку в св. Георгии можно усматривать ипостась Перуна, постольку в Николе можно предположить воплощение Волоса; это предположение, как будет видно ниже, находит достаточно достоверное подтверждение. Отметим в этой связи Волосов Николаевский монастырь, некогда существовавший во Владимирском уезде, в 16 верстах от г. Владимира при реке Колочке. По преданию, сохранявшемуся в народе, Волосов Николаевский монастырь был основан на месте языческого капища в честь Волоса, откуда название как самого монастыря (Волосов), так и соответствующего места (Волосово)»⁶¹.

Речь именно о том месте, близ которого Владимир Святославич был атакован Мстиславом.

Село Волосово названо по монастырю. (Произносить и писать «Николо-Велесов монастырь» было, очевидно, неудобно.) Но параллельно, вплоть до сегодняшнего дня, сохраняется и древнее название: село Велесово (Велисово) существовало до недавних дней. Находилось оно на вершине холма в километре от монастыря (в сторону Владимира)⁶².

К 2005 году, как сообщила мне настоятельница Николо-Волосова монастыря мать Евфимия, из всего села осталось лишь три дома, и те давно нежилые.

⁵⁹ Эпитет «новое» говорит о том, что эта формулировка относится к протографу XII века. В Ипатьевской летописи данное определение опущено, хотя ее рассказ наиболее полон и, очевидно, ближе к протографу.

⁶⁰ Видимо, летописец принял слово «загорье» за название села и по селу определил расстояние. Приношу сердечную благодарность за помощь в расшифровке этого сюжета владимирскому историку и краеведу Игорю Арзамасцеву.

⁶¹ *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 33.

⁶² Еще одна деревня Велесово (в современной записи Велисово) находится в соседнем Суздальском районе (почтовый индекс 601272). Здесь и сегодня стоит краснокирпичная часовня Георгия Победоносца (поставлена в начале XX века, видимо, на месте некогда существовавшего тут Георгиевского храма).

Первоначально монастырь располагался возле села «на месте уничтоженного языческого капища».

Упоминается он с конца XIV века, но основан много раньше.

До XVIII столетия здесь, если верить церковному преданию, находилась икона Николая Чудотворца, подаренная монастырю Владимиром Мономахом. Чудесным образом икона Николы переместилась под гору и была обнаружена там «висящей на волосах». Монастырь перенесли на это место. Позднее этот образ был передан в Николо-Труниловскую церковь Петербурга, упраздненную в марте 1932 года и снесенную в конце 1930-х. (Поиски иконы, предпринятые в 1990-х, успехом не увенчались.)

В 1176 году Юрьевичи шли, хоронясь в лесах, то есть чуть северней современной автотрассы. Река Колакша в 25 километрах от Владимира, монастырь в пятнадцати. Лесной массив заканчивается у Велесова урочища. Дальше единственная дорога идет по водоразделу на восток через обширное поле и, проходя мимо Велесова и Загорья, приводит к Медным воротам Владимира.

Проселок этот жив и сегодня, его можно разглядеть и на сделанном из космоса снимке (см. на вклейке). И на том же снимке южнее берега впадающей в Колочку Надейки (той речки, что течет по северной оконечности Белехова поля) отчетливо читается охристо-кирпичное пятно диаметром в несколько сотен метров. Это растащенная по пахоте кирпичная крошка начальных монастырских построек.

Село Загорье, судя по названию, находится *за горой*. Но такое имя осмысленно лишь в том случае, если смотреть от монастыря. Значит, Велесово урочище (Велесово поле) простирается от монастыря до вершины холма. Однако вспомним, что по «основному мифу» Громовержец поражает змея, когда тот вползает на гору (или камень).

Тактически Мстислав выбрал прекрасную позицию: он атаковал «из-за «горы», то есть в данном случае не в обход горы, а с ее вершины. К фактору неожиданности присовокуплялась сила того, что называется «лавой»: остановить скачущих под уклон тяжелых всадников практически невозможно.

Хорошая тактика всегда учитывает и психологический (в данном случае — мифологический) фактор. Потому Мстислав и мчался сюда во весь опор: ему надо было встретить Юрьевичей там, где бы он оказался в роли мифологического победителя Велеса — в роли Перуна и Егория Храброго.

Устояв, Владимир Святославич ужаснул нападающих (что и отмечает летописец). Случилось то, чего произойти не могло.

Следовательно — чудо.

Чудо имело место «в неделю» (то есть в воскресенье), а в среду владимирцы собирались отмечать празднование Боголюбской иконы Божьей Матери, которое за два десятилетия до этого установил Андрей Боголюбский. Так убийство Боголюбского, празднование иконы (или даже два празднования двух Богородичных икон, одна из которых происходит от другой) и победа на Белеховом поле завязались в тот семантически трансцендентный узел, который на Руси именовали знамением (*белегом* или *белехом*). Чудо приписали заступничеству Богородицы, и потому народ встречал Юрия и Михаила у Успенского собора, в котором находилась главная святыня Владимирской земли — Богоматерь Владимирская.

Анаграмму «Белехово поле» (вероятно, невольную) мы встречаем в «Слове» там, где речь о первом удачном бое Игоря. Причем звучит она в контексте перечисления трофеев-белегов и сразу вслед за упоминанием об алом стяге:

чърлень стягъ
 БЪЛА ХОругоВЪ
 чърлена челька
 сьребрено стружие
 храброму святъславличю
 дремлетъ въ ПОЛЪ
 ольгово хороброе гнѣздо...

Это могло бы быть случайным совпадением (вспомним ошибку биолога Георгия Сумарукова), но присутствие здесь «алого стяга», «Ольгова храброго гнезда» и «храброго Святославича» (два последних выражения можно напрямую отнести и к самому Владимиру Святославичу) сводит вероятность случайности к нулю.

Да и объясняется эта анаграмма не шифром, а ассоциативной логикой поэтического мышления: вспомнил о собственном червленом стяге, отбитом на Белеховом поле Ростиславичами. Сclubившись из ассоциации, анаграмма определила начало следующей фразы: «Дремлет в поле...»

Волосово расположено к северо-западу от Владимира. Оно является географическим, ландшафтным и, надо думать, мифологическим аналогом московского Ходынского поля.

Напомню, что на берегу Колочки близ Николо-Волосовского монастыря бьет святой источник. Именно к нему по легенде и переместился с горы от Велисовой деревни образ Николы. К нему ходили и до сих пор приходят, и из окрестных сел, и из Владимира.

Может быть, Велесово поле называлось еще и Ходынским, а одна из двух обтекающих его речек — Ходыней или Ходыной?

Точка в этом сюжете пока не поставлена⁶³.

ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ СПАСИБО

Михаил и Всеволод по достоинству оценили силу духа и храбрость Владимира: Ипатьевская летопись отмечает, что после бегства Мстислава братья *одаривши Володимѣра Святославича отпусти и во свояси потом же Михалко и Всеволодъ потъхаста въ Володимирѣ* (Стб. 602). То есть в город Владимир триумфаторы предпочли въехать без юного героя⁶⁴. Они вовремя сообразили: после того, что Лаврентьевская летопись называет и «новым чудом Богородицы», и «знамением Богородицы», владимирцы могут посадить на престол не умирающего Михаила, а того, на кого Богородица указала своим знаменьем, — молодого Святославича (к тому же еще и тезку их города).

И, одарив героя прямо на поле битвы, спровадили его *восвояси*.

⁶³ После того, как эта работа была написана, оказалось, что Владимир Святославич назван певцом Игоря и автором поэмы о его походе в тексте, опубликованном в 1993 году в качестве русского перевода утраченной болгарской летописи начала XIII века. Если верить этому тексту, *Караджар-Булымер* (Владимир Черниговский) потерял левую руку во время похода с *Сыб-Булатом* (Всеволодом Большое Гнездо) на Волжскую Булгарию и воспел этот поход в поэме, которую он потом «переделал» на поэму об *Угыре Батавыллы* (Игоре Святославиче). Некий болгарский правитель Гази-Барадж пишет: «А языки давались мне легко, и я испытывал даже необходимость в их изучении. В заключении я прочитал немало урусских (русских. — А. Ч.) книг, и одна из них рассказывала очень живо о набеге Сыб-Булата на Буляр. Ее написал Булымер, звавший себя Хин-Кубаром, но затем, когда его господином стал его дядя Угыр Батавыллы, переделал ее...» (Бахши Иман, Джагфар Тарихы. Свод болгарских летописей 1680 г. / Издание подготовлено Ф. Г.-Х. Нурутдиновым. Оренбург, 1993. Т. I. С. 166). Атрибуция имен произведена И. Р. Мусиной. Казалось бы, можно поздравить издателя с головокружительной находкой. Однако обвинения в фальсификации этого документа были выдвинуты татарским филологом Марселем Ахметзяновым («Турусы на колесах, или О новых фальсификациях в истории татарского народа» // Журнал «Идель». 1993. № 5). И хотя в статье З. А. Львовой «Летопись Гази-Барадж тарихы (1229–1246). Вопрос о подлинности документа» (Государственный Эрмитаж: Археологический сборник. Вып. 36. СПб., 2003) приведены доказательства подлинности отдельных сведений Гази-Бараджа, без дополнительных исследований и разысканий (в том числе и в тюркских средневековых источниках) использовать «булгарскую версию» мы не можем.

⁶⁴ Татищев излагает этот эпизод по официальной версии владимирского летописца Юрьевичей: князья въехали в город вместе и несколько дней праздновали победу. Только после этого Владимир Святославич отправился к отцу в Чернигов.

ГДЕ МЕТАФОРА – ТАМ И ПОЭТ

Рыцарская броня в 1176 году на Руси была заморской диковинкой. «В броне, как во льду», — записал черниговский летописец со слов очевидца-поэта. Но кто мог быть и этим очевидцем, и этим поэтом, если не сам вернувшийся в Чернигов со славой Владимир Святославич? Надо думать, он впервые увидел западноевропейские доспехи (и залюбовался ими), а через миг осознал, что его стяг уже в руках врага.

Исследователи единодушно признают, что в Ипатьевскую летопись рассказ попал из черниговской. Но черниговский летописец должен был записать или прямо со слов только что вернувшегося нашего героя, или со слов его деятельной матери. (Кого же еще расспрашивать официальному летописцу?) Потому и вся картина так подробно: Владимир впереди войска, Мстислав «из загорья», всадники в броне, как во льду, захваченный стяг... Ну и напоследок о награждении героя и срочной отправке его с поля брани *восвояси*, к отцу.

Для нас важно то, что событие увидено глазами Владимира Святославича, и в рассказе о нем мы обнаруживаем свежую поэтическую метафору, развитие которой (от тяжести брони треснула земля) встречаем в «Слове».

Он выстоял, потому что был поэтом. И оценил мощь замысла Мстислава, напоминающего о таких же ратно-театральных постановках Вещего Олега (вспомним, как тот под Царьградом поставил лады на колеса и пустил их на город посуху). Молодой князь, конечно, мог просто испугаться и остолбенеть от страха. Но тогда это бы все увидели — и враги, и свои. А страх полководца передается войску в одно мгновение. Кроме того, в этом случае сам Владимир вряд ли бы заметил, что всадники *цельноледяные*. И, вернувшись, не рассказал бы об этом домашнему летописцу Ольговичей.

Вот и авторское «я», звучащее в «Слове» лишь в контексте эпизода пленения Игоря и падения его стягов, внятно напоминает о поразившем современников Белеховском чуде, явленном через подвиг юного Владимира Черниговского.

Может удивить, что в «Слове» поэт не вспомнил о «ледяной броне». Однако эту броню он передал в «Золотом слове» Буй Роману и (по ассоциации!) другому Мстиславу (по иронии «Немому», а не «Безокому»):

суть бо у ваю желъзьньи папорзи
 подъ шеломы латиньскими
 тѣми тресну земля и мьногы страны...

В паре с Буй Романом назван Мстислав Ярославич Немой — князь Пересопницкий, участник событий 1180-х годов. Он ходил вместе со Святославом и Рюриком на половцев. Его стол в Волинском княжестве, и потому, как сказано в «Золотом слове», на Романа и Мстиславе латинские шлемы и крылатые доспехи из цельной брони, тяжесть которых не способна выдержать даже земля. Метафора 1176 года (броня/лед) была, конечно, хороша, но она сочинена юношей, который впервые увидел рыцарский доспех. За девять ратных лет у Владимира Святославича было время приглядеться к этому ледяному блеску и понять, что не всякий свежий оборот есть поэтическая удача. Броня похожа на лед не больше, чем война на катанье с зимней горки. Лед свеж и хрупок, доспехи же тяжелы и жарки, а после дня военной работы пахнут смертью и потным железом.

У Романа и Мстислава действительно должны быть латинские шлемы и лясшские копья, ведь их уделы находятся на границе с Польшей, на границе со всем католическим миром. Диалектное *папорзок* — один из суставов птичьего крыла. Значит, речь о доспехах с рыцарскими наплечниками. И выходит, что князья парят на железных крыльях своей брони. Оценим смелость метафоры: эти крылья, стремительные, как сама мысль, столь тяжелы, что, когда соколы бросаются на землю, даже земля не выдерживает удара и трескается (как тот самый лед).

Из Мономашичей лишь Рюрика и Романа поэт награждает эпитетом «Буй». (Так же как Игоря и Всеволода Святославичей, и в этом смысле равновесие между Ольговичами и Мономашичами соблюдается.) Это вполне объяснимо: Буй Рюрик проявил великодушие и, победив, уступил отцу автора «Слова» Киевский стол. Понятно и то, почему поэт симпатизирует Буй Роману: тот был изгнан новгородцами в 1170 году после их примирения с Андреем Боголюбским, войска которого четырнадцатилетний Роман и разбил у стен Новгорода. В 1185-м он правит во Владимире на Волыни. Но с Владимиром Святославичем через восемь лет приключилась почти та же история: он сменил Мстислава Храброго на новгородском престоле, но новгородцы, желая замирииться с Всеволодом Большое Гнездо, через полтора года указали Владимиру на ворота.

Логика развития метафоры «броня–лед–земля» завязывается в единый узел с железной логикой жизненных перипетий.

Судьбы Владимира и Романа на удивление параллельны: оба юношами, хотя и с разницей в десятилетие, стали новгородскими князьями, с обоими связаны две поразившие современников ратные победы, объявленные «новыми чудесами Богородицы», оба были изгнаны из Новгорода по не зависящим от них сходным обстоятельствам.

Кроме Владимира и Романа в 1176 году на Руси нет никого, кто был бы отмечен покровительством Богородицы и явленными через ратный подвиг юных князей ее чудесами. Вот почему в «Слове» Буй Роману и достается Мстиславова броня.

Этот свой трофей Автор приносит в дань собрату по судьбе.

И КНЯЖНЫ ЛЮБИТЬ УМЕЮТ

В 1177 году война возобновилась. В июне на Сампсония Странноприимца Всеволод разбил на реке Гзе вновь затеявшего смуту Мстислава Ростиславича (в это время новгородского князя). Новгородская первая летопись старшего извода сообщает: *И възратися Мъстиславъ въ Новъгородъ и не прияша его новгородьцы, нъ путь ему показаша...* (л. 40 об.)⁶⁵. Тогда Мстислав склонил на свою сторону Глеба Рязанского. Тот призвал половцев и осенью сжег Москву. Всеволод поспешил навстречу. На подмогу ему пришли Олег и Владимир Святославичи и Владимир Глебович из Переяславля Русского. (Последнего автор «Слова» через восемь лет оплачет словами «Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами. Туга и тоска сыну Глебову» и тут же перейдет к обращению к Всеволоду Большое Гнездо.)

Глеб Рязанский разграбил церковь в Боголюбове, разорил округу Владимира. Но Всеволод, Олег и два Владимира встретили его на той же Колакше. Глеб с сыном Романом и Мстислав Ростиславич попали в плен, а союзные им половцы, как пишет Татищев, были окружены и перебиты Владимиром и Олегом Святославичами. После этого воронежцы выдали Всеволоду Ярополка Ростиславича.

Жители Владимира потребовали казни Ростиславичей. Всеволод Большое Гнездо этого не хотел, но на словах согласился ослепить пленников⁶⁶. Они вернутся в Смоленск и там, как сообщает Новгородской летопись, — прозреют.

Зимой 1177/78 года новгородцы пригласят Мстислава Ростиславича Безокого к себе на княжение, где он вскоре и умрет.

А Глеб Рязанский через два года скончается в темнице.

В 1179 году Всеволод Большое Гнездо призывает Владимира Святославича к себе и женит на дочери своего покойного брата Михаила. Всеволод, уже севший на владимирский престол, понимает,

⁶⁵ Через год его простят, и Мстислав еще раз станет новгородским князем.

⁶⁶ Если верить Татищеву, им только надрезали брови, чтобы кровь залила глаза и казалось, что князья и впрямь стали «безокими».

что в долгу у Владимира Святославича. Но Владимир мужает, он уже несколько раз прекрасно проявил себя в деле и, судя по всему, со временем станет главой Ольговичей. А потому с ним надо породниться.

Примерно так должен был рассуждать Всеволод.

Но Всеволод мог знать и еще кое-что.

Если молодые люди растут вместе, а потом через несколько лет разлуки встречаются, чтобы пойти под венец, вряд ли это брак по расчету. Вероятно, Владимир сам вызвался идти в 1176 году с Юрьевичами на Владимир, а потом и на другое лето примчался на помощь, потому что они с Марией Михайловной полюбили друг друга, когда Всеволод и Михаил жили в Чернигове у Святослава. (А то, что автор «Слова» свою жену любил, видно из того, как он описывает и любовь Буй-Тура Всеволода к «красной Глебовне», и любовь Ярославны к Игорю.)

В 1179 году Владимир возвращается к отцу с молодой женой. Это сообщает нам черниговский летописец, и поверх этих подробностей сквозит гордость за того, кто стал надеждой Ольговичей.

Теперь все по фольклорному канону справедливости: тот, кто освободил город от змея, и должен получить в жены царскую дочь.

«ЖИВЫЕ ШЕРЕШИРЫ»: ГРЕХ И СМЕХ

Но на другой год Владимира зовут в Новгород, и такое усиление Ольговичей Всеволоду Большое Гнездо понравиться не может.

В 1180 году Святослав послал сына Глеба в помощь Роману Глебовичу Рязанскому, воевавшему с младшими своими братьями. Глеб был в Коломне, когда подошел Всеволод Юрьевич и велел Глебу явиться к себе. Глеб подчинился, был схвачен и в железках отослан во Владимир. Святослав рассвирепел и затеял большую войну.

Прежде чем отомстить Всеволоду, он задумал изгнать из Русской земли (то есть из Поднепровья) Рюрика и Давыда Ростиславичей, аргументировав это тем, что *тѣ ми во всемъ пакостятъ* (Ипат. Стб. 614). Скрыв свой план даже от бояр, Святослав принял это решение на тайном совете с двумя самыми близкими ему людьми — женой и своим милостником Кочкарем.

Преступив крестное целование, Святослав переправился через Днепр и напал на Давыда, который со своей княгиней был на охоте. Давыд еле успел бежать в ладье. Его обстреляли с берега, но безуспешно. Святославу пришлось вернуться в Чернигов и собрать совет Ольговичей. (На этом совете Игорь Святославич и назвал впервые Святослава своим «отцом».)

Давыд прибежал к Рюрику в Белгород. Рюрик занял Киев и призвал на помощь Ингваря и Всеволода Ярославичей. (Заметим, что в «Золотом слове» так, парами, и названы сначала Рюрик и Давыд, потом Ингварь и Всеволод.)

Святослав призвал половцев, вызвал из Новгорода сына Владимира и двинулся на Всеволода. А тот с суздальскими, рязанскими и муромскими полками преградил ему путь, став в сорока километрах от Переяславля на Влене (приток Дубны в Суздальском княжестве).

Ипатьевский летописец сообщает: *бъ бо рѣка та твердо текущи бережиста* (Стб. 618–619).

Перейти реку Святослав не мог: на переправе его ждала неминуемая гибель. Но Всеволод не хотел биться и отправил рязанских князей в обход: те *борзо* напали на обозы Святослава и *борзо же утекоша*. Так Всеволод использовал «живых шереширов, удалых сынов Глебовых», чтобы наказать Святослава⁶⁷. Святослав отправил к Всеволоду своего попа и послов. Называя соперника братом и сыном, черниговский князь посетовал: *много ти есмь добра твориль и не чайль есмь сякого возмездья от тебе*. Предложив Всеволоду или дать ему брод, или самому переправиться на этот берег, Святослав отошел, давая Всеволоду дорогу.

Всеволод не ответил, а послов взял под стражу и отправил во Владимир. После этого Святослав вынужден был ретироваться: он пошел от Влены в Новгород. Всеволод шел сзади, позволяя Святославу сорвать весь его гнев на волжских городках. Тот их брал и отдавал на растерзание половцам. Первым пал Дмитров, город, основанный и названный в честь Всеволода Большое Гнездо, которому при крещении было дано имя Дмитрий (в память святого Дмитрия Солунского).

Так Владимир Святославич своими глазами увидел, чем оборачиваются для Руси княжеские крамолы. Но сам Владимир в этом черном деле участия не принял: новгородские летописи отмечают, что дружинники-новгородцы «все возвратились здравы».

Одна стычка с суздальцами, впрочем, все же была и закончилась разгромом последних. Но поскольку никто из дружинников Владимира не был даже ранен, значит, суздальцы бежали с поля брани, не оказав и символического сопротивления.

⁶⁷ Мой товарищ Александр Пануца заметил, что «удалые Глебовичи» должны были сечь обозы Святослава: на иное у них просто не было времени. Если так, то становится понятно, почему автор «Слова» называет их «живыми шереширами», которыми Всеволод «стреляет *посу*». «Живой огонь» использовался греками в морских сражениях для уничтожения вражеского флота. В данном случае вместо моносилов и ладей были телеги, и не столь важно, использовали Глебовичи какую-то горючую жидкость или просто обстреляли обозы Святослава стрелами с горящей паклей.

ЮВЕНАЛОВ БИЧ. ДРЕВНЕРУССКАЯ МОДЕЛЬ

Белинский, прочитав «Медный всадник», сетовал, что Пушкин не успел его должным образом обработать. Почему он так решил? Потому, мол, что поэт хвалит стихи графа Дмитрия Хвостова, а тот был плохим стихотворцем, и Пушкин сам не раз указывал на сей при- скорбный для русской словесности факт.

Это о строках:

...Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов...

Литературные критики — люди на удивление серьезные.

Меж тем сарказм — черта не литературного стиля, а натуры.

Обращение к «великому князю Всеволоду» с приглашением его поблюсти отчий престол — эпиграмма автора «Слова», летом 1185 года бьющая в самое больное для Всеволода место. (От такого оскорбления владимирский князь должен был взвыть.)

На насмешку указывает и лихой фонетический перепляс:

аже бы ты былъ то была бы
чага по ногатъ
а кощеи по резанъ
ты бо можеши посуху
живыми шерешеры стрѣляти
удальми сыны глѣбовы

С этими «удальцами» Владимир Святославич впервые встретил- ся на Влене, а после, уже замирившись со Всеволодом, ходил на Вол- гу (сведения Лаврентьевской летописи).

Однако летом 1185 года в Рязани была «злая крамола»: «удалые сыновья Глеба» затеяли войну со своим покровителем Всеволодом Большое Гнездо. Но автор «Слова» делает вид, что ему про это ничего не известно, и обращение к «великому» Всеволоду становится сати- рическим. Мол, не ты ли этих *живых шереширов* напускал на наши с отцом обозы? Ну и кого ты пригрел на груди?

Метил ими в нас с отцом, а они теперь тебя поджаривают.

Автор «Слова» знает толк в скороморшѣй науке.

К примеру, ему известно, что Ярослав Черниговский дал Игорю полк ковуев (оседлых черниговских тюрков), но в «Золотом слове»

Святослав представит дело так, что «не видит власти» Ярослава над подчиненными ему Игорем и Всеволодом. Тут же будет сказано, что черниговские ковуи побеждают полки криком, воюя без щитов с одними засапожными ножами. Но все понимают, что стяги на Каяле пали после того, как побежали ковуи.

Однако в качестве политика автор «Слова» — сугубый прагматик. Восставших против Всеволода Глебовичей (велика удаля спалить обоз и дать деру!) поэт не призывает встать на защиту Русской земли. От них, как и от «всех внуков Всеслава», требуется не обнажить мечи, а, напротив, вонзить их в землю.

ИЗГНАНИЕ ИЗ НОВГОРОДА

По мнению В. Л. Янина, Владимир правил в Новгороде всего полгода⁶⁸. Ученый повторяет неточность новгородского летописца, составившего список новгородских князей, видимо, на основании близкого к Ипатьевской летописи южного текста. Однако в самой Новгородской первой летописи картина иная: 17 августа 1180 года Владимир приходит в Новгород, потом *на зиму* идет помогать отцу укоротить Всеволода Юрьевича. С Влены сын вернется в Новгород вместе с отцом. Поэтому фраза *Яропѣлка посадиша на Новемь тѣргу, и въниде Святославъ великѣи Всеволодиць Новугороду* была некорректно понята как сообщение о том, что Владимир уступил престол отцу. Но Святослав пришел не княжить, а готовить новый поход: далее следует статья 1181 года, где сказано, что летом Святослав пошел с новгородцами к Друцку. Это продолжение войны с Всеволодом, поскольку Друцк был захвачен «удалыми сынами Глеба». Но Всеволод и тут не желает ввязываться в драку со Святославом: он осаждает Торжок и держит пятидневную осаду. В городе начинается голод, князя Ярополка ранят. Жители пытаются договориться с Всеволодом, но он берет горожан в плен (вместе с их князем), а город предаст огню. А Святослав сжигает Друцк, и новгородский полк возвращается (но уже без ушедшего в Чернигов Святослава).

Новгородцы понимают, что Торжок — это только предупредительный выстрел.

Расклад поменялся, и пора менять князя. (По Ипатьевской летописи, Владимира изгоняют, по татищевским выпискам — «отпускают», оказав некие большие почести.)

⁶⁸ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 9.

Итак, в Новгороде Владимир не уступал престол своему отцу. Амбициозному Святославу этот город с его боярской демократией и нанятым на время князем, видимо, был и даром не нужен. (Другое дело, что Святослав провел в Новгороде полгода, и, похоже, уже сами новгородцы запутались, кто у них княжит — сын или отец.) Но в статье лета 6689 (1181) Новгородской первой летописи старшего извода читаем: *Тѣгда же на зиму показаша путь Володимиру Святославицю, и иде къ отцю въ Русь, а нгородѣцы послашася къ Всъволоду по князь, и въда имъ своякъ свои* (л. 45).

Святослав не затем бросил новгородцев у Друцка (отскочил от них, как некогда у Белгорода Всеслав от киевлян), чтобы довольствоваться Черниговом. Его цель — Киев. Здесь его и союзных ему половцев разобьет Рюрик (тогда Игорь Святославич со своим будущим сватом Кончаком бежали с места сражения в одной ладье). Но Рюрик, чтобы прекратить смуту, уступит древнюю столицу побежденному, а сам возьмет себе «землю Русскую», то есть Киевщину.

Так возникнет дуумвират Святослав — Рюрик.

В 1182 году Святослав и Всеволод заключили мир. Глеб Святославич прямо из владимирской темницы попал под венец: отец женил его на дочери Рюрика.

Как и положено поэту, Владимир Святославич не был злопамятен. По воле Всеволода Большое Гнездо он был лишен новгородского княжения, но через три года идет с обидчиком на волжских болгар. Кампания, впрочем, не задалась (в самом начале погиб один из молодых князей), и потому утверждение, что Всеволод может «Волгу веслами раскропить», звучит столь же двусмысленно, как и похвала рязанским «живым шереширам».

ЧЕГО АВТОР НЕ ЗНАЛ О ПОХОДЕ ИГОРЯ

После 1176 года во Владимире Святославиче, как это можно понять из летописи, видели нового Владимира Мономаха. Очевидно, что многие пошли бы за ним, но в политической ситуации 1180-х и 1190-х это означало, что Владимир Черниговский должен был действовать теми средствами, против которых и выступает автор «Слова». Однако Владимир, точно следуя рекомендациям того же Автора, до конца дней предпочел оставаться в тени собственного отца, которого он любил сыновним, но никак не слепым сердцем.

Междоусобных походов Владимир не затевал, собственную политику на теле Русской земли концом копья не чертил.

И такой тип поведения также обнаруживает в нем поэта, то есть (вспомним пушкинское определение) человека, для которого его слова суть его дела.

Призыв «Слова» к единению на какой-то миг будет услышан: к осени 1185 года создается антиполовецкая коалиция с центром в Киеве.

В целом ряде эпизодов жизнь Владимира Черниговского — комментарий к отдельным пассажам поэмы.

Это он опрокинул Мстислава, он отгонял от Святославовых обозов на Влене «живых шереширов», он ходил с Всеволодом по Волге в Булгарию. Перипетии отношений Владимира с Всеволодом Большое Гнездо и «удальными сынами Глебовыми», а также параллельность судьбы Владимира с судьбой выделенного им среди многих прочих Буй Романа Волынского хорошо объясняют наличие тех, а не иных подробностей и акцентов «Золотого слова».

Если принять, что поэму написал Владимир Святославич, текст становится многомерным и мотивированным там, где он представлялся клишированным и простым или, напротив, темным. То, что на ратных полях случалось с самим Владимиром, так или иначе откликается в тексте, делая его индивидуальным и авторским.

Может показаться, что поэт сам участвовал и в походе Игоря.

Не участвовал. Для того чтобы поэтически восстановить картину и Игорева похода, и самого побоища, у поэта достаточно собственного ратного и жизненного опыта. Ему не надо подслушивать диалог пустившихся в погоню за Игорем Гзака и Кончака. Игорь, Всеволод, Ярославна и Кончак — для него живые реальные люди, которых он еще мальчишкой встречал при Черниговском дворе.

Автор знает, что Каяла по-русски называется Быстрой («два брата разлучились на берегу *быстрой* Каялы»), и, возможно, знает, что именно левый берег высокий и скалистый (отсюда тема жажды в поэме), но пишет: «Идти дождю стрелами с Дона великого...» и тут же: «Вот ветры, Стрибожки внуки, веют с моря стрелами...»

Итак, поэт прекрасно осведомлен о подробностях похода и поражения Игоря, но дает противоречивые сведения о каяльской топографии. По его версии, ветры несут половецкие стрелы и от моря (с юго-запада), и от Дона (с юго-востока).

Разумеется, перед поэтом стоит задача точности поэтической, а не географической. И с этой точки зрения Автор прав, ведь Кончак подошел с одной стороны (от Азовского моря), а Гзак с другой (из-за Дона, от предгорий Кавказа).

Можно было бы допустить, что в конкретном случае «с Дона» значит от устья Дона, то есть тоже с моря. Но «море» и Дон в «Слове»

символизируют разные стороны света: «Половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон русские полки обступили».

Одновременно с двух сторон ветер дуть не может.

Войско Игоря пробивалось к Донцу, прижатое к левому берегу текущей с севера на юг «быстрой Каялы»⁶⁹, и половцы два дня расстреливали русских с фланга с безопасного для себя расстояния.

В Ростовской области в это время года *постоянно* дует сильный восточный ветер, в просторечии — «калмыцкая пыль». Сегодня он известен каждому по казацкой песне: «Ой, налетели ветры злые да с восточной стороны...»

Следовательно, Автор слышал, что ветер — виновник гибели русских дружин, но не знает, что ветер был не юго-западным, а восточным. Эта поэтическая «ошибка» и указывает нам на то, что Автор не был участником похода.

КТО ВИДЕЛ СЛЕЗЫ ЯРОСЛАВНЫ?

Одна из частей «Слова» посвящена картине той беды, которая обрушилась на Посемье и Посулье после поражения Игоря. И это тоже страница из жизни Владимира Святославича. По Ипатьевской летописи именно Олега и его брата Владимира, узнав о поражении Игоря, посылает в Посемье Святослав Киевский.

Получается, что в то страшное лето плачущую на путивльской стене Ярославну могли видеть только Олег и Владимир. Они и утерли ее слезы. Утерли хотя бы тем, что в княжестве, лишившемся в одночасье всех своих князей, остановили мятежи и мародерство, а после преступили путь Гзаку.

Защищавший Переяславль Владимир Глебович молил Святослава Киевского о подмоге. Кто же помог Путивлю?

Путивль устоял, поскольку его оборонял все тот же Владимир Святославич. Это следует из сличения двух летописных текстов.

В. Н. Татищев, работавший с не дошедшими до нас источниками и создавший последний русский летописный свод, цитирует: *Святослав... немедля сына своего Ольга отправилъ в Северскую землю, велел ему стать с войски в Посемье.* (Владимир Святославич здесь у Татищева не упомянут, из чего следует, что историк пользовался летописью, восходящей не к Ипатьевскому списку, а к владимиросудзальскому варианту, близкому к Лаврентьевской летописи.)

⁶⁹ Подробнее о локализации Каялы см. с. 239–294.

По Татищеву, Святослав направил в Посемье Олега, а Гзак явился у стен Путивля «с великим войском». Он сжег острог, но детинец оказался кочевнику не по зубам. Гзак отступил, послав пятитысячный отряд грабить Посемье. Где-то «у реки» наиболее крупный отряд половцев встретили Олег Святославич и воевода Тудор, известный летописцу своей храбростью и военной хитростью:

Тудор же, умысля их обмануть, хотя войска гораздо меньше имели и могли чрез реку не пустить, стали отступать, а половцы смело на них наступали. Тудор же, вшед в лес меж болота, разделился: Ольга с половиною оставил против половцов, а сам, обошед, сзади напал. И так их, смявши, порубил, что едва 100 их назад возвратилось, ибо их более 2000 побито, а с 500 знатных и подлых пленено. Сын же и зять князя Кзи побиты. Гзя, о том увидав, с великою злобою и горестию возвратился.

Итак, Олег и Тудор встретились с половцами уже после того, как Путивль устоял. И бились вдаль от стен города и только с одним, хотя и самым большим, отрядом.

А значит, Путивль спас не Олег.

Ярославна на путивльской стене увидена глазами не просто очевидца, но и близкого родича: Игорь был двоюродным дядей Владимира Свяtosлавича, а Ярославна двоюродной сестрой его жены⁷⁰.

⁷⁰ Л. Е. Махновец полагает, что обороной Путивля руководил Владимир Ярославич Галицкий, живший два года у Игоря, и что этот князь написал «Слово о полку Игореве» (*Махновец Л. С.* Про автора «Слова» // Пам'ятники України. Інформаційно-методичний бюлетень Укр. тов-ва охорони пам'яток історії та культури. Київ, 1985. № 3. С. 24–27). Считаю, что последний свой тезис исследователь не доказал, Л. А. Дмитриев тем не менее пишет: «...В. Я., выгнанный отцом из Галича, перешел из одного города в другой (Владимир-Волынский, Дорогобуж, Туров, Смоленск, Суздаль), но нигде не находил приюта, так как князья, не желая ссориться с отцом В. Я. — Ярославом Осмомыслом, не принимали его, и только Игорь Святославич приютил своего шурина в Путивле: “Той (Игорь. — Л. Д.) же прия (В. Я. — Л. Д.) с любовью и положи на немь честь велику” (*Inam.* Стб. 634). По сообщению летописи, В. Я. пробыл у Игоря два года, а на третий год Игорь примирил его с отцом. В. Я. поехал в Галич вместе с сыном Игоря — Святославом (т. е. внуком Ярослава Осмомысла по материнской линии). Очевидно, что у В. Я. с Игорем были хорошие отношения и что во время похода Игоря на половцев В. Я. мог находиться в Путивле» (*ЭСИИ.* Т. 1. С. 213–215). Однако гипотеза Л. Е. Махновца построена на читательской ошибке: из летописной статьи следует, что Владимир Ярославич после двух лет гостевания в Путивле (здесь он, видимо, исполнял роль дядьки при малолетнем Владимире Игоревиче), отъехал в Галич в 1183 году (грамматически весь текст построен на аористах, что означает законченное действие), где и жил, как отмечает летопись, любя *тутше много* и не любя советов со своими мужами. Он известен как клятвопреступник и насильник, в Галиче он отбил у священника жену, а через год после смерти Ярослава Осмомысла (1188) бежал в Венгрию (*Inam.* Стб. 659–660).

В «Слове» Ярославна плачет не в Новгороде-Северском, а в Путивле. Кажется, это необъяснимо. Однако посмотрим на карту: Путивль, где правил ее сын Владимир, на восемьдесят верст ближе к Полю, и, значит, Ярославна хотела встретить мужа и сыновей (Владимира и, видимо, Олега) на два дня раньше. Здесь летом 1185 года ее должен был увидеть Владимир Святославич.

Вот рассказ татищевской летописи о возвращении Игоря:

И иде 11 дней до города руского, а оттоле в свой Новгород (имеется в виду Новгород-Северский. — А. Ч.). И не доехав мене полднища, спотчеся конь, и паде Игорь, мало ногу потолче, яко не можаше на конь всести. В той час прибеже в Новгород детск един и возвести. И ач надолзе не яша веры, княгиня же не могла часа терпети, нощию иде к нему...

Д. А. Мачинский, отмечая, что В. Н. Татищев не знал «Слова о полку Игореве», комментирует: «Та, которая могла, доверившись непроверенному сообщению, броситься ночью навстречу мужу, и та, которая выкликает его аркучи на городской стене Путивля, готовая птицей лететь к нему, — это, несомненно, одна личность»⁷¹.

Согласившись с этим выводом, добавлю, что пребывание Ярославны в Путивле во время похода Игоря также говорит о подмеченной и летописцем, и автором «Слова» любви Ярославны к Игорю (а значит, и о подлинности приведенной Татищевым выписки)⁷². Но в таком случае мы можем верить и указанию автора «Слова», что Ярославна ждала Игоря в Путивле.

Из Путивля в Новгород-Северский она вернулась до бегства Игоря из плена.

Для тех, кто не видел сам, пребывание Ярославны в Путивле — малосущественная и странная подробность. Издалека деталей такого рода не углядишь, и, если бы поэму писал кто-то сторонний, Ярославна бы стенала в стольном граде Новгород-Северской земли. Вот и для Ипатьевского и Лаврентьевского летописцев Игорев поход начинается в Новгороде-Северском. А для Автора — в Путивле, потому-то Ярославна здесь и ждет Игоря. И поэт заранее, еще в начале поэмы, подготовил нас к такому повороту: «Трубы трубят в Новеграде. Стоят стяги в Путивле». (Те самые стяги, которые достанутся Кончаку и никогда

⁷¹ Мачинский Д. А. Вновь открытые источники по истории Руси IX–XI вв. // Ладога, первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003. С. 164–165.

⁷² В Новгород-Северский Ярославна должна была вернуться не только после ухода Гзака из Посемья, но и после того, как двое Святославичей восстановили порядок в княжестве.

не будут отбиты.) Когда бы поэт не мог сам засвидетельствовать путивльский плач Ярославны, он бы эту деталь упустил. (Зачем трижды повторять, что стена — путивльская, скажи «на городской...» или просто — «на стене...».)

Но пишет тот, кто видел сам. Тот, кто не отдал Путивль на разграбление Гзаку.

И по тексту видно, что слушатели это знают.

ОТСУТСТВИЕ — ЗНАК ПРИСУТСТВИЯ

Историк отмечает: «Автор не назвал в своих призывах ни одного “Ольговича” из родичей Святослава и перечислил девять родичей Рюрика, которых он призывал “загородить Полю ворота”»⁷³.

Это не совсем так, ведь в «Золотом слове» Святослав укорами и сарказмом пытается пробудить совесть родного своего брата Ярослава Черниговского.

Может показаться, что призыв остановить половцев обращен лишь к Мономашичам. Но Ярослав Галицкий не Мономашич. Тем не менее киевский князь призывает его встать «за землю Русскую, за раны Игоревы» и «стрелять Кончака, поганого раба».

Как мы помним, Ипатьевский летописец сообщает, что Святослав послал в Посемье своих сыновей Олега и Владимира. После этого киевский князь просит помощи у Давыда Смоленского и Ярослава Черниговского. Откликнулся на его призыв и Рюрик.

К каждому из них Автор от имени Святослава обращается в «Золотом слове».

К каждому, но не к Олегу и Владимиру, к которым реальный Святослав апеллировал сразу, как узнал о Каяльской катастрофе.

Логика автора «Слова» понятна: публично агитировать самого себя — то же, что для нас посылать себе приглашение на собственный день рождения.

И хотя одно дело — непосредственная реакция Святослава, а совсем другое — «Золотое слово», которое спустя какое-то время поэт вкладывает в его уста, отсутствие в тексте поэмы имен Олега и Владимира весьма примечательно, и также должно говорить о том, что Автор — один из Святославичей. (Другое дело, что мы уже знаем: Олег Святославич здесь ни при чем.)

⁷³ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 131.

ШЕСТЬ ПОРТРЕТОВ НА СВИНЦЕ?

Повторюсь: выражение «отчий злат-стол» в «Слове» трижды отнесено к черниговскому княжескому престолу, ведь отец поэта Святослав Всеволодич был черниговским князем и окончательно утвердился в Киеве лишь в 1181 году. Но новгородские реминисценции «Слова», выявленные актером МХАТа Ив. М. Кудрявцевым⁷⁴, объяснимы тем, что полтора года Владимир Святославич был князем в Новгороде. (Прибавим сюда и тот дух новгородской вольности, которым дышит вся поэма.)

Печать Владимира Святославича
Современное состояние. Диаметр 22 мм.
Экземпляр найден в 1927 г. М. Е. Калининым на Рюриковом городище.
НГМ, № 4048.
Атрибуция В. Л. Янина. Фото Е. Гордюшенкова

⁷⁴ Дмитриев Л. А. Кудрявцев // ЭСПИ. Т. 3. С. 109–110. Здесь автор статьи называет «очень ценной по сообщенному материалу» статью Ив. М. Кудрявцева (1898–1966), который указал, что в новгородской Софийской первой летописи местом погребения Изяслава названа не Десятинная церковь (так в «Повести временных лет»), но, как и в «Слове», — Киевская София. Это говорит о том, что Киева и его исторической молвы Автор по-настоящему еще не знает, ведь его отец лишь четыре года назад окончательно утвердился на Киевском престоле, но знаком с новгородской версией этого события. Добавим и упоминание о том, что сидящему в киевской темнице Всеславу звонят к заутрене колокола Полоцкой Софии. Если не знать, что колокола краденые (Всеслав снял их с Софии Новгородской), то непонятен вывод поэта о том, что этому князю «Божия суда не миновать».

В Новгороде нашли уже шесть экземпляров свинцовых печатей Владимира Святославича (№ 187, атрибуция В. Л. Янина)⁷⁵. На одной стороне Андрей Первозванный, на другой архангел Михаил. По мнению исследователя, это означает, что христианское имя Владимира Святославича было Андрей Михайлович.

Воспроизведение печати Владимира Святославича (по Н. П. Лихачеву)

Добавлю одно частное наблюдение: матрицу для этой печати, надо полагать, изготавливал тот же новгородский мастер (или его ученик), что резал матрицу печати Святослава Ростиславича (1158–1160-е и 1161–1167 годы; печать № 160), а также для сменившего Владимира на новгородском престоле Ярослава Владимировича (правил с двумя перерывами с 1181 по 1199 год.; печать № 192).

На печатях Святослава и Ярослава слова *О АГЮС* (святой; первое «о» — артикль) записаны так, что буква *Г* почти сливается с буквой *І*. Но только в случае с печатью Владимира графика этих двух букв практически превращается в графику буквы *П*, а потому слова *О АГЮС АНОДРЕІ* можно прочесть как кириллическое *О АПОС<ТОЛ> АНОДРЕІ*⁷⁶. Игра эта вполне в духе перевертышей автора «Слова».

Кажется, никто из специалистов по средневековой сфрагистике не ставил вопроса, сколь могут быть похожи изображенные на княжеских печатях тезоименитые святые на самих владельцев печатей.

⁷⁵ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 265. Табл. 17, 187. Воспроизведение печати по изданию: Лихачев Н. П. Сфрагистический альбом // РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2, д. 444, табл. II: 18.

⁷⁶ Такая двуязыкая игра невозможна с печатями Святослава Ростиславича и Ярослава Владимировича. На аверсе их печатей изображен в одном случае Иоанн Предтеча, в другом архангел Михаил.

Однако в нашем случае апостол, держащий в правой руке крест (символ крестных мук), имеет мало общего с традиционной андреевской иконографией. Такая полукруглая борода (у апостола длиннее и клином) и такая прическа «под горшок» (у апостола высокий лоб и волосы зачесаны на прямой пробор или назад) свидетельствуют, что, по всей вероятности, перед нами условный, «формульный», но потому и легкоузнаваемый портрет новоприглашенного новгородского князя.

Можно подумать, что, поэт по дару и странник по судьбе, Владимир составил свой поэтический псевдоним в виде анаграммы, использовав 9 из 14 букв своего крестильного имени и отчества: АНОДРЕИ-МИХАИЛЬ — ХОДИНА (Ходына). Но более естественным выглядит предположение, что одна из речек, текущих по краям Белехова поля (сегодня они зовутся Надейка и Воронки), звалась Ходынской или Ходыней, поскольку вела к святому источнику. В этом случае после своей победы Владимир мог стать Владимиром Ходынским, как позже князь Александр — Невским, а Дмитрий — Донским.

Впрочем, это лишь предположение.

Да и атрибуция В. Л. Янина еще может быть оспорена. Согласно Любецкому Синодику Владимир Святославич Черниговский был не Андреем, а Борисом (см. с. 251).

БЕЛЕХОВО ПОЛЕ И СТАРОЛАДОЖСКИЙ ГЕОРГИЙ

Вспомним, что Игорь Святославич был крещен во имя святого Георгия и вышел в Поле в день своего небесного патрона.

Святой Георгий без оружия смирил змея, запиравшего хвостом источник, освободил город от мучительной и стыдной дани — по жребию раз в год отдавать чудищу на съедение юношу или деву.

А Игорь в гордыне хотел «испытать шлемом Дона», но упился кровавым вином и в буквальном смысле этого слова преломил копье о край Поля. И тем выпустил змея-кочевника (фольклорный образ, попавший и в летопись) на Русь. И не Игорь вызволил царскую дочь, а дочь государя Осмомысла Ярослава Галицкого своей мольбой освободила его из плена. Кроме того, «Егорий храбрый» — покровитель воинства, но в «Слове» дважды произнесено «А Игорева храброго полку не воскресить» (что на слух почти неотличимо от «А Егорева храброго...»).

Метафорический перевертыш Игорь — анти-Георгий, на котором основана поэтика описанного в «Слове» *изнаночного времени*, приводит нас, как мы уже знаем, в Георгиевскую церковь Старой Ладого, где на фреске в диаконнике святой Георгий едет без копья

и меча, но со щитом и красным (червлёным) стягом, который полощется на лишенном навершия древке. Это метафора ненасильственной победы добра, ведь, по житию Георгия, змей был побежден не сталью, а Божьим словом.

Как утверждает архитектор-реставратор С. В. Лалазаров, Георгиевская церковь построена в Ладожской крепости не позже 1179 года.

Приведу пассаж из монографии В. Д. Сарабьянова:

Академическая выверенность фресок Георгиевской церкви, «оживлённая» приемами динамичного стиля, который уже стал традиционным для новгородского искусства этого времени, представляет собой ту художественную формулу, которая знакома нам по Владимиро-Суздальским росписям позднего XII столетия, особенно по изображениям пророков на алтарных столбах Успенского собора (1189 г.). Нельзя исключить того, что ладожские мастера, выполнявшие, несомненно, княжеский заказ, были непосредственно связаны с той рафинированной художественной средой, которая определила сдержанно-экспрессивный дух Владимиро-Суздальской живописной культуры⁷⁷.

Полагаю, что все было ровно наоборот: реставратор георгиевских фресок В. Д. Сарабьянов отмечает, что стилистика ладожских фресок никак не откликается в известных нам новгородских росписях. Но это и означает, что, не осев в Новгороде, византийские мастера из Ладоги отправились во Владимир. (Вспомним, что как раз в 1181 году новгородцы простятся с Владимиром Черниговским и попросят себе князя у взявшего Торжок владимирского князя Всеволода Большое Гнездо.)

«Княжеский заказ» — это, надо думать, заказ Мстислава Георгия Храброго. Храм строился как Георгиевский, и, видимо, с самого начала предполагалось, что в диаконнике будет фреска с изображением святого⁷⁸. Но если до росписи дело дошло лишь к началу лета 1180 года, это должно было наложить отпечаток на работу иконописцев. Может быть, новгородские заказчики надоумили византийских мастеров изобразить святого воина худеньким безоружным мальчиком и подсказали, что у воина не должно быть меча, а у стяга, парящего над головой Георгия, — копейного наконечника. (Что, конечно, не вполне соответствует житию, поскольку по житию Георгий отрубает главу змию, после того как Елисава приводит усмиренное чудище в город.)

⁷⁷ Церковь Св. Георгия в Старой Ладогe: История, архитектура, фрески // Монографическое исследование памятника XII в. / Автор-составитель В. Д. Сарабьянов. М., 2002. С. 288. Датировка постройки храма там же, с. 291.

⁷⁸ О том же говорит и отсутствие в этой абсиде окна.

А, может быть, сметливые греки и сами проявили инициативу, узнав о Белеховском чуде и о приглашении Владимира в Новгород.

Иконографически мастера не погрешили против канона: мы знаем грузинские иконы X и XI веков, на которых Георгий едет не с копьём, а с крестом, а под ногами коня распростерт император Диоклетиан. Это метафора победы православия над язычеством. Можно допустить, что были и изображения Георгия со стягом, не увенчанным наконечником. Но и тогда соединение в одной композиции образа безоружного мальчика-воина, змея, которого конь попирает копытом, столь же знаково для новгородской реальности 1180 года, как и то, что одна из иконных горок написана в виде ладожской сопки.

1 августа 1998 года на земляном городище после сильного ночного ливня была обнаружена свинцовая вислая печать с греческой надписью «Матерь Божия, Богородица, помоги рабу твоему Леону, митрополиту Лаодикиеи»⁷⁹.

Печать митрополита Лаодикийского Леона (до реставрации)
 Свинец. 25 × 29,5 мм. Земляное городище Старой Ладogi.
 Случайная находка. Фото Андрея Усова

Первая часть надписи вписана в венец Богородицы, а на реверсе читается: <Л>ΕΟΝΤΙ <М>ΝΤΡΟΠΟΛΙΤΗ ΛΑΟΔΙΚΕΙΑΣ

⁷⁹ Казанский Н. Н., Кирпичников А. Н. Византийская митрополичья печать, найденная в Старой Ладoge // Ладoga и эпоха викингов: Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 78. Печать вымыта дождем из земляной ступеньки, которая вела в раскоп № 2¹; ступенька же была сооружена из верхнего мешаного слоя Земляного городища, который перед началом раскопок был перемещен при помощи бульдозера.

Лаодикея (в позднем русском написании Лаодикия) — византийский город в Малой Азии, столица провинции Фригии Пакатианской. В 1402 году ее разрушил Тамерлан. Среди немногих известных печатей лаодикейских митрополитов имени Леона пока не обнаружено.

Авторы публикации по иконографическим и сфрагистическим аналогам отнесли печать к X — первой половине XII веков и приписали бежавшему на Русь от сельджуков митрополиту Леону. Грек с таким именем в 1070-х стал переяславским митрополитом, и если он действительно был беженец из Малой Азии, то, как допускают авторы, какое-то время мог пользоваться своей лаодикейской печатью.

Однако при сельджуках лаодикейская митрополичья кафедра не была утрачена. Гипотетического Леона сменил митрополит Михаил, и церковная жизнь в городе продолжалась.

Есть и более простое объяснение: по догадке хранильницы фондов Староладожского музея Зои Дмитриевны Бессарабовой, эта печать свидетельствует о том, что не в первой, а уже во второй половине XII века ладожане обратились за помощью к Лаодикейскому митрополиту. Просто лаодикейцы лучше других знали, как бороться с рецидивами языческого культа: по древнейшим вариантам жития, Георгий одолел змея именно близ Лаодикеи. Похоже, печать Леона была привешена к грамоте, посланной лаодикейским митрополитом в Ладогу вместе с мастерами-иконописцами.

Для ладожан, как заметил питерский поэт Илья Фoniaков, было знаменем само созвучие: *Лаодикея — Ладога*. А писали они в Малую Азию в XI, или во второй половине XII века, для нас не столь важно.

Белеховское чудо приводит к двум атрибуциям: видимо, ладожская фреска написана в честь попрапия Велеса 15 июня 1176 года, а «Слово о полку Игореве» создано тем, кто осуществил это попрапие, — Владимиром Святославичем.

Как новгородский князь Владимир не мог не побывать в Ладоге, и полагаю, что след его посещения обнаруживается и в «Слове».

Доказательством тому — сама фреска. Змей выползает из реки, а дева по белокаменной береговой отмостке ведет чудище в город на пояске-убрусе (как козу или собачку). И всплескивает левой дланью, указывая змею в направлении пробитых в скале ворот.

Ворота изображены весьма условно, и, если не знать, что на многих георгиевских иконах Елисава стоит именно у городских ворот, можно и вообще не догадаться, что же в этом месте нарисовано. Но дело не в небрежности мастера, а в живописной метафоре.

Фреска зримо прорифмована: рифмуются чешуя змея, словно бы рождающаяся из пенной кольчужницы волховской волны,

золотой чашуйчатый доспех всадника, яблоки на крупе коня. Фреска крылата, а точнее — *трехкрыла*: внизу крыло змея (его попирает копытом конь), вверху — летящий плащ Георгия (автор «Задонщины» сказал бы, что Георгий плещется по ветру, как живая хоругвь), а еще одно «крыло» — справа, прямо за плечом облаченной в белый саван девы Елисавы. Это прописанная пробелами верхушка прорубленных в стене городских ворот. Она-то визуальна и превращает Елисаву в деву-лебедя. (Обычный вопрос посетителей ладожского музея-заповедника у этой фрески: а это что за ангел?)

Поэт XII столетия, столь ценивший метаморфозы поэтических тропов, не мог не заметить этой лебединой метафоры.

В правом верхнем углу фрески сохранились четыре двойных горизонтальных графы. Здесь была надпись. Учитывая длину и ширину строк, реконструировать ее можно по сохранившимся аналогам. Надо лишь вписать правильное (корректное для древнейших георгиевских текстов) имя спасенной царевны и правильное название города:

УЮДО СВАТАГО
 ГЕОРГІА О ЗМЕН
 ДЪВЪ ЕЛИСАВЪ
 ГРАДЪ ЛАОДИКЕН

В таком виде это рифмованные стихи⁸⁰.

Поэт должен был заметить и то, что змей выползает из-под изображенной между задними ногами коня сопки (а весь позем на фреске цвета конского навоза⁸¹.) Это не условная «иконная горка», каких на фреске две, а узнаваемый портрет одной из ладожских сопкок. Если бы стена была прозрачной, мы бы увидели, что прямо за этой «горкой» и находится упомянутая в новгородских и архангельских летописях «Олегова могила» — самая большая сопка в урочище Мбръевщина. Этот топоним, не попавший в монографию Г. С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси (СПб., 2005), сотрудница музея Гузель Николаи в 1982 году услышала от бабы Насти, первой сторожихи только что созданного Староладожского музея. Фамилия ее ныне забыта, помнится только, что она первой и принесла в музей свою прялку (едва ли не лучшую в нынешней коллекции.)

⁸⁰ Вероятно, ради рифмы к позднейшей словоформе «змий», в русском написании Лаодикея превратилась в Лаодикию.

⁸¹ В этом можно угадать отзвук борьбы церкви с языческими культурами, в частности, с культом Вещего Олега, принявшего смерть от Велеса.

Однажды баба Настя шибко ругалась: кто-то подкопал ее картошку в Морьевщине. На вопрос, где растет картошка, уточнила, мол, *там, где мертвые* (где сопки). А ее подруга Полина Андреевна говорила по-иному: *Зáморье*. (Но, видимо, это уже ближе в Велеше.)

От города живых Морьевщину отделяет Морев ручей, и всего в километре за сопками Велеша (см. цветную вклейку).

В новгородских летописях читаем: «Шел Олег к Новгороду, а оттуда в Ладогу, иные же говорят, будто шедшего его *за море* ужалила змея в ногу...». Так и в чешском заклятье (запись XV века:) «К Велесу *зá море*». И в обоих случаях *Заморье* (местность за городом мертвых) по созвучию вытеснено морем. А на старой топографической карте Г. С. Лебедев нашел и другой вариант — *Марьящина* (так в самом конце XIX века военные топографы поняли слово *Морьевщина*.)

На Белеховом поле Мстислав ставил спектакль, в котором сам хотел сыграть Георгия Победоносца. Но Мстиславу выпало играть Велеса, а юношей, который поверг нехраброго Мстислава силой духа (а не оружия), стал Владимир Черниговский.

Но в изнаночном мире «Слова о полку Игореве» святая дева-лебедь превращается в деву Обиду, бредущую по берегу Каялы и плещущую лебедиными крыльями⁸². И если Елисава на убрусе ведет смиренного змея, то дева Обида выпускает на Русскую землю Карну и Желю.

Эпизод с девой Обидой следует непосредственно за единственный раз прозвучавшим в тексте авторским «я» и упоминанием о павших Игоревых стягах. И тут же говорится, что русичи «сватов попоили, а сами полегли за Русскую землю». Это об Игоре, чей сват — Кончак. Но это и о Всеволоде Большое Гнездо, который вызвал Владимира Черниговского в город Владимир и дал ему в жены дочь брата. А потом из свата превратился в лютого врага.

Следствием поражения на Каяле стал воплощенный в «Слове» призыв Святослава Киевского прекратить междоусобицы и перестать приводить половцев. Для нас не столь важно, кто именно был автором идеи этого нового корпоративного договора Рюриковичей, однако идея должна была вызреть внутри правящего клана, и лучшего, чем этот сын Святослава, кандидата на ее авторство нам не найти.

⁸² Можно лишь гадать, знал ли Автор, что, по греческому мифу, дева Немезида тоже оборачивается лебедью, и от нанесенной ей Зевсом обиды рождается фактически и разрушившая Трои Елена, но изнанка имени девы Немезиды (Богини справедливой кары) по-древнерусски и есть дева Обида. Однако ссылка на Гомера (Омира) есть в Ипатьевской летописи (1233 г., Стб. 770): *Омиръ пишет до обличьниа же зла: есть кто в нъи ходить, коньць золь примет о злье зла* («Гомер пишет, обличая зло: если кто во зле пребывает, то злой конец примет, либо злее злого»).

Сопереживание автора «Слова» *страданиям простого народа*, отнюдь не характерно для феодала XII столетия. Однако поэт, оплакивая оратаев, горожан и дружинников, указывает, что «жизни людей сократились» именно из-за княжеских крамол. Но как раз о таком бережном отношении Владимира Святославича к дружине упоминает новгородский летописец, сообщающий, что из похода на Всеволода Юрьевича все новгородцы вернулись не только живыми, но и здоровыми.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

В 1191 году Игорь с Буй Туром Всеволодом и еще несколькими князьями снова идут на половцев, но те вновь оказываются предупреждены и отгоняют вежи в глубь Поля, а сами соединяются и готовятся дать сражение. Дойдя до Оскола, русские князья об этом узнают. И делают то, что не позволили себе в ночь на 11 мая 1185 года. Под покровом темноты они поворачивают назад. Половцы *и не узръша ихъ и гонившеся по нихъ и не постигоша ихъ*⁸³ (*Ипат.* Стб. 673).

Среди участников этого незадавшегося похода мы видим и Владимира Черниговского. Наверное, он просто не мог не пойти с теми, про чье поражение сам и сложил «трудную повесть». Но реванш не состоялся, а потому обещанная в «Слове» слава Игорю и Всеволоду так и не была пропета.

Полагают, что с тех пор Владимир правит во Вщиже⁸⁴, а в конце жизни — в Переяславле Русском. Но доказательств второго утверждения нет. Разве что строчки Даниила Заточника «Кому Переяславль, а мне Гориславль...» можно трактовать так, что автор «Слова» за свою песнь получил в конце концов переяславский стол, а Даниила, за какую-то крамольную его песнь заточили в поруб.

Умер Владимир Святославич осенью 1201 года. В Воскресенской летописи под этим годом упомянута смерть некоего Владимира Всеволодича. Это описка, ведь Всеволодом звали деда Владимира Святославича. В Лаврентьевской летописи под тем же годом сказано: *Тои же осени преставися князь Черниговьскыи Володимерь* (л. 141).

Других Владимиров Черниговских тогда просто не было.

⁸³ Это означает, что и этот поход был конным: в противном случае половцы догнали бы русских.

⁸⁴ *Войтович Л.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000. С. 7.

Семью строками ниже (уже под 1202 годом) — сообщение о кончине Игоря Святославича: *Преставися князь Черниговъскый Игорь*.

Так они и ушли друг за другом — великий поэт и воспетый им незадачливый, но весьма романтический герой.

Примечательно, что в Ипатьевской летописи вместо известия о смерти Владимира Черниговского находим перенесенный сюда переписчиком некролог, посвященный одному из *положительных героев* «Слова» — Буй Роману Волынскому (Стб. 715–716). А в этом некрологе нас должно заинтересовать рассуждение о Владимире Мономахе, который *пилъ золотымъ шоломомъ Донъ* (парафраз из «Слова») и загнал хана Отрока в Обезы (Абхазию) «за Железные врата». Здесь же сказано, что от Отрока родился тот самый Кончак, *иже снесе Сулу*.

То есть упомянут не только сват Игоря Кончак, но и его набег на Посуле летом 1185 года. И рассказано о половецком «едином гудце Ореви» (гусларе по имени Орь), который должен был после смерти Мономаха отправиться в Обезы и вернуть Отрока в Поле Половецкое. (Об этом см. стихотворение Аполлона Майкова «Емшан».)

И хотя в Ипатьевской летописи ни слова не сказано о рифмуемом с *гудцом Ореви* русском *гудце Игореве*, трудно избавиться от мысли, что некролог Буй Роману потому и перенесен в это место, что в протографе здесь находился некролог Владимиру, «единому певцу Игореву» и певцу Буй Романа. Кстати, последний в своем «проекте конституционной реформы» еще и цитирует «Слово» (см. с. 37).

Владимир Черниговский не писал историю кровью, хотя именно от него этого ждали, и, в отличие от своего отца, никогда не приводил половцев на Русь. Автор «Слова» — первый русский интеллигент. То есть тот, кому не за державу обидно, а больно за людей.

По Любецкому синодику (позиция 20) жена Владимира Святославича — Мария. (Но, не исключено, что речь о Марии Васильковне, матери Владимира.) По одной из версий церковного предания, супруга Владимира пережила мужа на полвека, основала Ризоположенский женский монастырь в Суздале, который Батый не сумел взять, и позднее была прославлена как Евфросиния Суздальская⁸⁵. И эта версия выглядит убедительней другой (о юной невесте князя Мины), поскольку объясняет, почему черниговская вдова направилась после смерти мужа во Владимирскую землю. Видимо, зыбкая память предания свела в единый образ духовные подвиги двух святых суздалянок, носивших в иночестве одинаковые имена и живших в одном монастыре.

⁸⁵ *Спасский И.* Преподобная Евфросиния, княжна Суздальская // Журнал Московской патриархии. 1949. № 1. С. 61.

Евфросинья сама родилась на этой владимирской земле, и здесь 15 июня 1176 года Богородица взяла под защиту будущего ее мужа Владимира Святославича. Под 1202 годом в Лаврентьевской летописи читаем не только о смерти Игоря Святославича, но и об упокоении и Февронии, вдовы Михаила Юрьевича и матери Евфросиньи: «Преставился князь Черниговский Игорь, в то же лето преставилась княгиня Михалкова Феврония месяца августа в 5 день, на память святого мученика Евстигния и положена в церкви Святой Богородицы в Суздале» (л. 141 об.).

Видимо, лишившаяся матери и к тому времени уже овдовевшая княгиня постриглась в монахини под именем Евфросиньи и пожертвовала имение и земли, которыми владела ее мать, новооснованному Ризоположенскому Суздальскому монастырю.

Вщижский престол, если верить составителям современных генеалогических таблиц, в 1201 году перешел к сыну Владимира Святославича — Филиппу Владимировичу (Любецкий синодик, позиция 26), а потом к другому сыну — Святославу, который и сидел тут до взятия Вщижа в 1238 году Батыем (по Л. Войтовичу).

Князь, очевидно, погиб, и линия вщижских князей пресеклась.

Город так и не был восстановлен.

В Воскресенской летописи есть такое сообщение: *А Всеволожи дъти Олговича: Святославъ, Ярославъ, а Святослави дъти Всеволодича: Володимерко Галицкой да Олег*⁸⁶. Если летописец не перепутал Владимира Святославича с Владимиром Ярославичем Галицким, то, выходит, сын Святослава какое-то время был и галицким князем.

Но скорее всего — все же перепутал.

Подытожим.

На княжеское происхождение поэта указывает:

1. То, что Автор на равных обращается сразу ко всем Рюриковичам («Ярославы и все внуки Всеславы...»). Он обличает всю феодальную верхушку Руси, но при этом использует обращение «братие». Кругозор его мышления определяет систему полемической аргументации. Метафорические ряды охватывают сферу сугубо княжеских интересов от геополитики до соколиной охоты. Непричастность к церковно-монастырской среде (библейские реминисценции и христианский пафос всей поэмы при свободном упоминании языческих богов), как и династическая этикетность обращений (в «Золотом слове» строго по поколениям — с шестого

⁸⁶ ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 232.

от Владимира Святого к восьмому), также указывает на авторство кого-то из князей-современников.

2. Игорь в 1180 году публично назвал своего двоюродного брата Святослава Киевского своим «отцом». Это дает право поэту дважды понижать статус Игоря и Буй-Тура Всеволода на одно поколение, давая им отчество не по их родному, а по их феодальному отцу Святославу Всеволодичу Киевскому.

Делается это, чтобы говорить с Игорем (дядей) на равных (как с братом). Из этого следует, что Автор принадлежит не к шестому, а к седьмому поколению.

3. Сам Игорь не мог написать «Слово». Автор не только жалеет Игоря и Всеволода, он осуждает их за попытку «похитить прошлую славу» (славу Владимира Мономаха и Святослава Киевского) и «поделить грядущую». О том же он говорит и устами киевского князя: «...ибо без чести кровь поганую проливали».

4. Автор близок к Святославу Киевскому, которого он одновременно и идеализирует, и укоряет, выступая против *его* политики звать половцев на Русь. При беспримерной гражданской отваге поэта эта парадоксальная двойственность может быть объяснена тем, что Автор — один из сыновей Святослава.

5. В конце поэмы есть угловой акrostих «...спаси Святославича», в котором речь, очевидно, идет не об Игоре, а о самом поэте. Спасенному Игорю здесь же поется (или обещается в грядущем) слава.

6. Жена Святослава Киевского была полоцкой княжной, а одна из песен посвящена не имеющим никакого отношения к событиям лета 1185 года полоцким князьям и гибели даже не упомянутого в летописях Изяслава, брата (или дяди) Марии Полоцкой. Лингвист Анна Дыбо усматривает в языке «Слова» полоцкие элементы.

7. Автор не был участником похода: во-первых, он говорит о битве Игоря, находясь не в гуще событий, а где-то в стороне: «Что мне шумит, что мне звенит давеча рано пред зорями...», во-вторых, считает, что ветер был или юго-западным («с моря»), или дул и от моря, и «с Дона», — с востока. Автор знает, что судьбу последнего двухдневного сражения решил ветер, но не знает, что в Нижнем Подонцовье ветер весной дует с востока.

На то, что автором «Слова» является Владимир Черниговский, второй сын Святослава и Марии, указывают такие обстоятельства:

1. Упоминание о гибели Бориса Вячеславича в 1078 году на малой речке Канине (а не у Нежатиной Нивы) свидетельствует, что поэт хорошо представляет окрестности Чернигова. Но Новгород он знает изнутри (см. статью Д. С. Лихачева «Новгородские элементы в “Слове”»

в *ЭСИ*. Т. 3. С. 323). Владимир два года княжил в Новгороде, а Автор упоминает о новгородской «славе Ярослава» и о трех новгородских мелких монетах — беле, ногате и резане. Он не знает киевских, но знает новгородские летописи (по ним он и рассказывает о похоронах в Софии Киевской Изяслава Ярославича).

Из трех старших сыновей Святослава только Владимир отвечает тому образу поэта, который мы представляем из самого текста: он никогда не затевал усобиц и никогда не приводил половцев на Русь, а в 1180 году удержал свою новгородскую дружину от участия в разорении его отцом и половцами городов в устье Тверцы. При этом в «Слове» поэт трижды оплакивает Игореву дружину (два раза звучит рефрен «А Игорева храброго полку не воскресить», а последняя фраза по законам темного стиля может быть переведена двояко, и один из переводов «Князьям слава, а дружине аминь»). Этого поэта и князя ведут по жизни сострадание ко всей Русской земле (от пахаря до великого князя) и то, что Пастернак сказал о Блоке: «дворянское чувство равенства со всем живущим».

2. Диалектолог В. А. Козырев выявил в брянских говорах пласт лексических параллелей к темным местам «Слова», из которых более дюжины бытуют только в этой местности, а Владимир Святославич не менее десяти лет жил во Вщиже (современная Брянщина, в последней трети XII века территория Черниговского княжества), и вщижский престол перешел к его сыну.

3. Владимир Черниговский женат на двоюродной сестре Ярославны, Игорь Святославич приходится ему двоюродным дядей. Летом 1185 года Владимир и его брат Олег остановили начавшиеся в Новгород-Северском княжестве мятежи и дали отпор Гзаку. И только Владимир мог видеть Ярославну на путивльской стене (и знал, что она ждет мужа из похода здесь, а не в Новгороде-Северском), поскольку он и руководил обороной Путивля. (Из Ипатьевской летописи следует, что Посемье обороняли Олег и Владимир. Татищевская летопись уточняет, что Олег догнал Гзака уже при отступлении последнего, но не у стен города, а где-то у Сейма.)

4. Автор «Слова» в начале поэмы сообщает, что будет петь «от старого Владимира до нынешнего Игоря», но заканчивает повествование именем сына Игоря — Владимира, то есть начал с Владимира, Владимиром и закончил. Но Владимир — это имя самого Автора, а это значит, что перед нами еще одна сфрагида поэта.

5. Авторское «я» звучит в поэме лишь однажды, причем в ратном контексте — Игорь не сумел остановить бегущие полки, и его стяги пали. Эта ситуация — эхо «нового чуда Богородицы на Белеховом

поле», первого ратного подвига Владимира Святославича, который сначала потерял стяг, а после одолел Мстислава Безокого, даже не обнажив меча. Белехово поле возникает в поэме в виде анаграммы в том месте, где и говорится о трофейном «алом стяге». Со слов черниговского летописца (тот, очевидно, записывает рассказ самого Владимира) мы знаем, что Мстислав ударил из-за холма, причем его дружинники были «все в броне, как во льду». Эта метафора находит свое развитие в «Слове», но трофейные железные доспехи автор передает любезным ему Буй Роману и Мстиславу Волынским.

6. Битва на Белеховом поле произошла близ древнего капища Велеса. В 1180 году, когда умирает Мстислав Храбрый, новгородцы зовут Владимира на княжение, и в Ладоге пишется фреска, на которой святой Георгий едет со стягом, но без меча и копья, а Велеса на пояске ведет Елисава. Но в 1180 году Владимир стал новгородским князем, и этим объясняется подтверждаемое текстом «Слова» его знакомство с фреской в диаконнике старолadoжской Георгиевской церкви.

7. Отраженные или откликнувшиеся реминисценциями в «Слове» события новейшей истории укладываются в период с 1158 (взятие Ярославом Галицким Киева) по 1185 год. Отношение Автора к участникам этих событий обусловлено взаимоотношениями Владимира Святославича с его родичами, друзьями и врагами — Святославом Киевским, Игорем Святославичем, Буй Романом, Буй Туром Всеволодом, Буй Рюриком, Владимиром Переяславским, Всеволодом Большое Гнездо и «живыми шереширами», рязанскими Глебовичами.

Друзей поэт воспевает. Это относится к Буй Туру Всеволоду (Вщиж лишь в ста верстах от Трубчевска, и, видимо, соседи дружили) и к мало кому известному в 1185 году Роману Волынскому, которого автор «Слова» также награждает эпитетом «Буй». Но судьбы Владимира и Романа зеркальны: оба стали героями двух ратных чудес Богородицы, оба в юности были новгородскими князьями, и оба из-за интриг владимирских князей недолго продержались в Новгороде. С Владимиром Глебовичем Переяславским Владимир плечом к плечу дрался на Колакше, и потому, узнав летом 1185 года о его тяжелых ранах, кручинится о своем ратном товарище.

Из Мономашичей эпитета «Буй» удостоены лишь Роман и Рюрик. Рюрик заслужил это тем, что проявил великодушие и смирение: победив Святослава, он уступил ему (как старшему) Киевский стол.

Всеволоду Большое Гнездо, который был то другом, то врагом, достается лишь хлесткая ирония. Он и его брат Михаил получили Владимирский престол благодаря Белеховскому чуду (то есть подвигу Владимира). Всеволод женил Владимира на дочери покойного

своего брата, но вскоре по вине Всеволода (и по воле Святослава, отца поэта) Владимиру пришлось с ним сражаться. Сжечь обозы Святослава и Владимира на реке Влене Всеволод пустил «живых шереширов». Поэт поминает это в тот момент, когда «шерешеры» восстали против самого Всеволода. Столь же язвительно он напоминает Всеволоду о его походе на Волжскую Болгарию, участником которого был и сам, и о новгородской монетке ногате, за которую якобы можно было купить раба-половца, если б Всеволод пришел на помощь.

Но все помнят, что по две ногаты новгородцы в 1169 году продавали суздальцев, а Всеволод — князь владимирский и суздальский.

Мне представляется, что этого достаточно для атрибуции.

Личность автора столь глубоко и отчетливо оттиснута в веществе поэмы, что текст многократно указывает нам на своего творца.

Мы знаем, может статься, не одно, а три имени автора «Слова»:

- 1) Ходына (прозвище или псевдоним);
- 2) Владимир Святославич Черниговский (княжеское имя);
- 3) Андрей Михайлович (христианское имя и отчество по атрибуции В. Л. Янина).

Впрочем, историк Л. Войтович резонно указывает, что в Любечком синодике Владимир Святославич (в паре с княгиней Марией) назван Борисом/Владимиром Святославичем (позиция 20)⁸⁷. А поскольку имя Мария может быть лишь крещальным именем инокини Евфросинии, то и Борис вряд ли может быть иноческим именем Владимира. (А, если так, то Борис/Владимир Святославич не есть Андрей Михайлович.) Остается предположить, что эта Мария — не супруга, а мать Владимира, то есть Мария Полоцкая. Или, раскладывая пасьянс новгородских печатей, В. Л. Янин ошибся?

Но дадим историкам деспорить самостоятельно.

Д. С. Лихачев не боялся гипотез, поскольку знал, что информация в конечном счете порождает ее осмысление. Двадцать лет назад он попросил меня написать для юбилейного издания Пушкинского Дома статью о рифмах «Слова» и сфрагиде автора:

— Важно, чтобы ваша статья появилась *в нашем* сборнике.

О смысле этого его высказывания (удивившего и потому запомнившегося) я стал догадываться, когда полемика об атрибуции Ходыны как автора «Слова» попала на страницы «Энциклопедии «Слова о полку Игоре»». Но атрибуция была не моя, а переводчика А. Г. Степанова. Я же только выстроил аргументацию.

⁸⁷ См. сноску 84. При этом автор ссылается на другую свою работу: *Войтович Л. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII–XVI ст. Львів, 1996. С. 71.*

Александр Георгиевич Степанов (12. V. 1907, Тифлис — 8. III. 1988, Москва) печатался под псевдонимом Степанэ, поскольку был тифлисским армянином. Как литератор он дебютировал в 1934 году русскими переводами Галактиона Табидзе.

Человек Российской империи, он, влюбившись в «Слово», несколько десятилетий его переводил (публикация первого полного перевода 1967 год, новая редакция — 1985).

Как человек не только русской, но и армянской, грузинской, и шире — кавказской христианской культуры, он не мог не заметить, что появление имени Ходыны в конце «Слова» — это безусловная сфрагида, то есть личная печать автора.

Но открыть и самому же корректно обосновать собственное открытие — зачастую две разных профессии.

Александр Георгиевич резонно полагал, что данное место не было понято переписчиком, и в конце концов реконструировал его так: «Реку Бояново, Ходына, Святославов песнотворец, — написанное Ярослав в старые времена Олега-князя в харатье» (то есть в хартии, в каком-то документе). С текстологической и исторической точки зрения такое чтение уязвимо (Ярослав до времени Олега Гориславича не дожил), а с семантической все почти верно, ведь примерно то и сказано Автором. (Если б это был перевод, скажем, на японский, он вряд ли шокировал даже академического педанта.)

Андрей Платонов, не только великий русский писатель, но и профессиональный инженер, в 1930-х высказался, мол, скольких же гениальных открытий человечество лишилось только потому, что они не были до конца додуманы. Согласимся: мы обязаны додумывать за наших учителей и предшественников, ведь каждое следующее поколение, как утверждал Натан Эйдельман, старше предыдущего на одно поколение. (Значит, кто-то додумает и за нас.)

Но, как любил повторять Валентин Берестов, благодаря которому в 1970-х и начались мои штудии «Слова о полку Игореве», каждая правильная идея должна пройти три инстанции, три стадии ее восприятия: 1. Чушь собачья. 2. В этом что-то есть. 3. Да кто же этого не знает.

Мы же повторим за иноком Лаврентием:

*Радуется купецъ прикупъ сотворивъ,
и кормчийъ въ отишье приставъ,
и странникъ въ отечество свое пришедъ,
такъ же радуется и книжный писатель
конца книгамъ <дошедъ>...*

ПЯТЬ ЭКСПЕДИЦИЙ

окрестности текста

ВТОРОЕ ИМЯ РЕКИ КАЯЛЫ

экспедиция первая: Нижнее Подонцовье

Тут два брата разлучились
на берегу быстрой Каялы...

Слово о полку Игореве

Весной 1185 года на реке Каяле впервые за сто лет борьбы с Половецким Полем русские князья попали в плен к степнякам. Если вслед за автором «Слова» считать с начальной стычки в пятницу, то битва продолжалась три дня и закончилась доселе невиданной на Руси военной катастрофой. За четыре десятилетия до Калки, где соединенные русско-половецкие войска будут разбиты монголами, история преподала Киевской Руси урок, смысл которого понял лишь один человек — автор «Слова о полку Игореве».

Инициаторами похода, а значит, и виновниками поражения, стали младшие Ольговичи — Игорь и Всеволод Святославичи. Это не было неожиданностью. Их дед Олег первым из русских князей начал приводить половцев на Русь и «выковывать мечом распрю».

Полагали, что Каяла (так называют эту реку и «Слово», и Ипатьевская летопись) — поэтическое имя реки *Суда и Скорби* (от глагола «каять»). Но в 1929 году М. Фасмер указал, что по-тюркски *kaja* — утес, скала, а *kajalı* — скалистый¹. Так песнотворец XII столетия сталкивает *поэтическую этимологию* с иноземным названием этого гидронима: *...кають кнзя Игоря, иже погрузи жирь во днь Каялы рькы половецькыь, руськаго злата насыпаше.*

---

¹ Бобров А. Г. Каяла // ЭСПИ. Т. 3. С. 33.

Поскольку подробности события могут указать на его место, начнем с реконструкции *обстоятельств происшествия*.

ПОХОД ИГОРЯ. СВОДКА СВИДЕТЕЛЬСТВ

По Ипатьевской летописи поход удельного новгород-северского князя Игоря Святославича (1151–1202) начался во вторник 23 апреля 1185 года. Это день святого Георгия Победоносца. Игорь, получивший при крещении имя Георгий, выступил в Поле в этот день, ибо уповал на помощь своего небесного покровителя. Был тут и некий патриархальный нюанс: в Юрьев день принято на Руси впервые после зимы выгонять в поле скотину и коней.

С Игорем пошли его брат Всеволод (князь курский и трубчевский), племянник Святослав Ольгович из Рьльска и сын Владимир из Путивля, а Ярослав Всеволодич Черниговский дал Игорю Ольстина Олексича с ковуями (отрядом местных тюрков, «своих поганых»).

Лаврентьевская летопись упоминает не об одном, а о двух сыновьях, взятых Игорем в Поле. Автор летописной повести не называет имен, но речь может идти только о пятнадцатилетнем Владимире и о его одиннадцатилетнем брате Олеге. После 1185 года об Олеге, как, впрочем, и о плененном на Каяле восемнадцатилетнем Святославе Рьльском, ничего не известно. А поскольку в «Слове» сказано, что «два молодых месяца, Олег и Святослав <...> тьмою заволоклись и в море погрузились», надо думать, что Олег погиб.

Автор «Слова» говорит, что в Поле Половецкое Игорь «поехал по чистому полю». Это выражение легко принять за поэтический штамп. Но это не так: с юга Русь от Поля отделяет Донецкий кряж, гористая и поросшая лесами местность. По северной его границе течет Северский Донец, чей левый берег луговой, низкий. Из описанной в «Слове» картины следует, что по нему и пошел Игорь. При приближении Игоря половцы «неготовыми дорогами» побежали на юг, «к Дону», и хан Гзак поспешил им на выручку из-за Дона с юго-востока.

На берегу Донца под вечер 1 мая (согласно астрономическим расчетам в 3 часа 25 минут по киевскому времени) Игорь увидел «солнце, стоящее, как месяц». Он спросил у дружины, что может означать затмение, и получил ответ: «Не на добро это знамение». Игорь возразил: «Тайны Божьей никто не знает...» Форсировав Северский Донец, князь подошел к Осколу (видимо, в среднем его течении, ведь в устье были уже кочевья половцев) и двое суток ожидал идущего из Курска Всеволода. Ценой этой задержки и будет гибель русских полков.

Из Ипатьевской летописи (в переводе):

...Переправился через Донец и, пойдя к Осколу, ждал там два дня брата своего Всеволода: тот шел из Курска иной дорогой. И оттуда пошли² к Салнице. Здесь приехали к ним разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали: «Видели врагов, они в доспехах разъезжают. Либо не медлите и поезжайте, либо возвратимся домой: не наше сейчас время».

Решили не медлить и *пхаша чересь ночь*. (По Лаврентьевской летописи братья встретились «у Переяславля», но имеется в виду не город, а восточная граница этого княжества.) По Ипатьевской:

...Наутро же, в пятницу, в час обедни, встретились с полками половецкими. <...> И когда приблизились к реке Сюурлию, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, усаkali. Еще не успела русь переправиться через Сюурлий, как обратились в бегство даже те половецкие полки, которые стояли далеко за рекой.

Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями и стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков. Передовые русские избивали половцев и брали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили полон. А другие с пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда собрали всю добычу, обратился Игорь к братии своей и к мужам своим: «Это Бог силою своей даровал нам победу и честь, и славу. Но видим мы бесчисленные полки половецкие — а все ли половцы уже собрались? Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится нас преследовать, то не все догонят: лишь лучшие из половецких конников переправятся [через реку], а сами мы — как Бог даст». И сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». И поддержал его Всеволод, и предложил заночевать здесь. И сказал Игорь: «Да не трудно, братья, догадаться, что и умрем здесь». И заночевали на том месте.

А вот как рассказывает о роковой пятнице автор «Слова»:

Поутру в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, умчали красных девок половецких, а с ними злато, и паволоки, и драгоценные оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами начали гати мостить по болотам и топким местам — и всякими нарядами половецкими. Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бундук, серебряный жезл — храброму Святославичу! Дремлет в поле

---

² В *Ипат.* читаем: *и оттуда поидоша к Салнице*, но в Хлебниковском списке не *поидоша*, а *воидоша*, то есть «вышли».

Олегово храброе гнездо — далеко залетело. Но не было оно рождено на обиду ни от сокола, ни от кречета, ни от тебя, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь указывает к Дону Великому.

Итак, половцы, пустив через Сюурлий «по стреле», побежали. Их преследовали Святослав, Владимир и Ольстин. Игорь и Всеволод следовали за ними *помалу*. К ночи передовые части вернулись с трофеями и пленными. Игорь предложил немедленно отходить, но Святослав сказал, что коням нужен отдых. Всеволод поддержал Святослава, и решено было ночевать на месте.

Скажем о противниках Игоря. Это Гзак (Кза) — сын Беглюка, глава союза донских половцев Бурчевичей. В 1169 году вежи (кочевые кибитки) этого хана были захвачены братом Игоря Олегом Святославичем. Его союзник Кончак Отрокович — сын Атрака (Отрѹка), внук Шарукана, первого из половцев, пришедшего на Русь в 1068 году и угрожавшего ее южным границам почти четыре десятилетия.

Ипатьевская летопись:

Когда же рассвело в субботу, то проступили полки половецкие, стоявшие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать — так много было половцев. И сказал Игорь: «Ведаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, и Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посовещавшись, сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо говорили: «Если ускачем — спасемся сами, а простых людей оставим, а то будет грех перед Богом, коли уйдем, а их выдадим. Но либо умрем, либо все вместе живы будем». И сказав так, сошли с коней и двинулись с боем.

«Слово»:

На другой день рано поутру кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи с моря³ идут, хотят закрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дона Великого! Тут копыям преломиться, тут саблям притупиться о шелома половецкие — на реке на Каяле, у Дона Великого. О Русская земля! Ты уже за Шеломенем! Это ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги глаголят: половцы идут от Дона и от моря⁴, и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи преградили червленными щитами.

---

³ Здесь «море», судя по географическому контексту, — Азовское.

⁴ И тут речь об Азовском море.

Здесь автор «Слова» переключает свое внимание на Всеволода:

Яр тур Всеволод! Стоишь в обороне, сыплешь на воинов стрелами, гремишь о шелома мечами харалужными. Куда, тур, поскачешь, своим золотым шеломом блистая, там лежат поганные головы половецкие. Расщеплены саблями калеными шелома аварские тобой, Яр тур Всеволод! И кляня раны, дорогие братья, забыл он почести и жизнь, и города Чернигова отчий злат престол, и своей милой жены прекрасной Глебовны любовь и ласку...

О Всеволоде (ок. 1155–1196), который через два года вернулся из половецкого плена, тот же Ипатьевский летописец скажет в некрологе, что он был *во Олговичехъ всихъ удалъе, рожаемъ и воспитанъе, и возрастомъ, и всею добротою, и мужьственною доблестью, и любовь имьяше ко всимъ* (стб. 696).

Итак, русские полки спешились. Правда, если верить автору «Слова», Всеволод со своим конем не расстался.

Но почему главный удар принял именно Буй Тур?

Со слов Ипатьевского летописца мы знаем, что в пятницу Ольговичи построились в таком порядке: в центре — Игорь, слева от него Святослав, справа — Всеволод. А впереди — полк Владимира Игоревича, ковуи и сводный полк лучников (стб. 639). Если шли по левому берегу Донца, а в субботу повернули к нему и впереди оказался Всеволод, то перегруппировку Игорь не производил.

Более суток русские пробивались к Донцу. Всеволод их вел.

Ипатьевская летопись указывает: Игорь еще до сражения был ранен стрелой в левую руку (значит, и впрямь повернули направо):

Тогда Божьим попущением ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И была печаль великая в полку его: был у них воевода, а ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.

Настала субботняя ночь, но все еще шли они, сражаясь. На рассвете же в воскресенье вышли из повиновения и бежали ковуи. Игорь в то время сидел на коне, ибо ранен был, и поспешил к ним, желая возвратит их. Но заметив, что он слишком удалился от своих, сняв шлем, погнался вновь за бегущими, чтобы те узнали князя и вернулись. Но не возвратился никто, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. <...> Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, перехватили его на расстоянии полета стрелы от полка его. И схваченный Игорь видел брата своего Всеволода, крепко бьющегося, и просил для себя смерти, чтобы не видеть гибели брата своего. Всеволод же так бился, что не успевал менять [ломавшегося] оружия. И сражались, обходя озеро.

Как сообщает Лаврентьевская летопись, «от жажды и кони, и сами изнемогли. Изнемогая от зноя и отчаянья, немногие пробились наконец к воде, а то ведь три дня их к воде не подпускали». То есть степняки отрезали русских от воды, и ратников мучила жажда. В «Слове» тема жажды прозвучит в рассказе Святославовых бояр о поражении Игоря («А мы уже, дружина, жаждем веселья»), и в плаче Ярославны, которая упрекнет солнце в том, что оно «в поле безводном жаждой им (воинам ее мужа. — А. Ч.) луки иссушило».

Почему, если идешь по берегу реки Каялы, нельзя напиться?

Авторы Ипатьевской (пространной) и Лаврентьевской (краткой) версии описывают одну и ту же ситуацию: если Каяла — «скалистая», то русские шли над крутым обрывом, а внизу, в тростнике и за камнями, скрывались половецкие лучники.

Окружение и в самом деле было полным, хотя из-под берега кочевники атаковать не могли. В «Слове» сказано: «Гзак бежит серым волком, Кончак ему след правит к Дону Великому». «Править след» — указывать направление. Значит, половцы, проведая об экспедиции Игоря, уговорились соединиться и дать сражение «у Дона». Игорь идет к Дону с северо-запада. Гзак, выдвигаясь от предгорий Кавказа, уже форсировал Дон и «бежит» наперерез Игорю. С юго-запада от Азовского моря поспешает Кончак, который рыскал той весной между Днепром и Донцом где-то у Лукоморья (Северное Приазовье). Именно там год назад Святослав Киевский взял в плен хана Кобяка и его сыновей, и теперь Кончак прибирал Лукоморье к рукам.

Кончак и предупредил Гзака о походе Игоря. Это на его отряды наткнулись посланные за языком Игоревы «сторожа». Они вернулись с пустыми руками, но сообщили, что видели половцев, которые ехали наготове — «при доспехах».

Игорь принял сражение, форсировав Каялу. В противном случае получается, что бежавшие накануне половцы каким-то образом зашли в тыл к русским, или Гзак с Кончаком промахнулись и теперь догоняют Игоря. Однако Лаврентьевская летопись сообщает:

А остатки битых тех [половцев] бежали к войскам своим, куда прежде весть посылали, и поведали им о погибели своей. Те же, услышав, пришли к ним, и за другими послали.

В пятницу, после первой победы русские похвалялись:

А теперь пойдем следом за ними за Дон (! — А. Ч.) и перебьем их всех без остатка. Если же и тут одержим победу, то пойдем вслед за ними и до Лукоморья, куда не ходили и деды наши, а славу и честь свою всю возьмем до конца.

Это свидетельство, почему-то не попавшее в поле зрения тех, кто считает, что битва произошла где-то у северного побережья Азовского моря, не оставляет сомнений в замысле Игоря: его путь — на Дон и только оттуда — к Лукоморью.

Если русские сразу пошли бы в Лукоморье, Дон был бы дальше. А он — ближе. Сказано же: «На реке на Каяле у Дона Великого». Кроме того, в Лукоморье князья не могли принять решение пробиваться «вокруг озера» к Донцу, ведь до него была бы не одна сотня километров.

Значит, верен только левобережный маршрут по Северскому Донцу с одной переправой через него и броском к Осколу. Это путь к рекам Калитве и Быстрой. И Донецкий кряж, выходящий на левобережье Донца (Караул-гора у города Белая Калитва), если смотреть с левого берега Быстрой, оказывается уже на севере.

Попробуем разобраться с «морем», о котором упоминают и автор «Слова», и Ипатьевская летопись.

В летописи сказано: *А прочии в морь истопоша...* (А прочие в море утонули).

А вот «Слово»: *дѣва сълньца помѣркоста, оба багряная стѣлпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца Олегъ и Святъславъ тѣмоу ся поволокоста <...> и въ морь ся погрузиста и великое буиство подаста хынови.*

Но тот же Ипатьевский летописец свидетельствует, что битва происходит «на реке Каяле», а сражаются русичи, «обходя озеро». Не упоминает о море и Лаврентьевская летопись (только о «воде», к которой пробилась русские, дав последний свой бой). Поэт же «озера» просто не заметил. Для него битва была «на реке на Каяле у Дону Великого».

«Утонуть в море» и «погрузиться в море» — две равноправные идиомы, означающие смерть. Сравним с чешским заклятием, записанным в XV веке: «пойти к Велесу за море». И еще: *Тако же и море житииское: ови мало въ немъ явивъшеся и потопишася, ови же на большее время пребывше, такоже погрузишася...* (Кормчая Варсонофиевская, XIV век)⁵. Переведем: «Так и море житейское: кто на малый срок на нем явится, — потонет, а кто на большее время задержится, — также <в пучину> погрузится». Это символический, поэтический язык. Когда же речь идет о земной реальности, Ипатьевский летописец говорит: «И сражались, обходя озеро». Лаврентьевская летопись: «А к воде не давали им [русским] подойти».

Таким образом, «море», в котором утонули русичи, — это результат прозаического чтения поэтического текста.

⁵ ССПИ. Вып. 4. С. 108.

Чуть северней реки Белой Калитвы (ее часто называют без эпитета) заканчивается разнотравье и начинаются типчаково-ковыльные степи. До Лукоморья — несколько дневных переходов. Вряд ли половцы предполагали, что Игорь идет «поискать Тмурокань». Однако, зная скорость передвижения войска по степи, они высчитали, где реально соединиться и встретить русских.

Вечером в пятницу Игорь еще думал продолжать движение на юг, к Дону. Понимая, что в погоне от Сюрля к Каяле его передовые полки устанут, он форсировал Каялу, чтобы сократить авангарду обратный путь. Надо думать, Игорю не хотелось повторять утренний сценарий, когда половцы, обстреляв русских из-за реки (с левого высокого берега), ушли в степь, и догонять их пришлось до ночи.

Так Игорь перешел свой Рубикон.

Теперь сзади — крутой берег, спереди — орды кочевников, выше — немилосердное степное солнце. Когда же Игорь повернул свои полки вправо и стал пробиваться к Донцу, Каяла оказалась по правую руку. Правда, Ипатьевский летописец утверждает, что в ночь на субботу Игорь уговаривал брата и племянника немедленно отступить. Но это означает, что князь понял опасность уже после того, как сам переправился через Каялу. Переправа через невеликую эту реку стала роковой ошибкой Игоря. Утром в субботу он первым из всего войска был ранен в левую руку. (Поскольку полки повернули вправо, Игорь стоял к врагу левым боком.)

Ранить князя могли только стрелой. Если б войска сошлись врукопашную, у ратников просто не было бы времени скорбеть об уязвленном в шуйцу Игоре. Автор «Слова» тоже не говорит об обстоятельствах этого ранения, но, описывая приближение степняков, дважды упоминает о летящих с юга половецких стрелах: «Идти дождю стрелами с Дона Великого!..», «Это ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги глаголят: половцы идут...». Позже Святослав Киевский устами автора «Слова» произнесет: «...стреляй, господин, Кончака, поганого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы...», а Ярославна будет укорять ветер: «О Ветер-Ветрило! Зачем, господин, веешь навстречу? Зачем несешь хиновские стрелы на своих легких крылышках на воинов моего мужа? Мало ли тебе, будучи вверху, под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Поэт не был участником похода. Это видно по тому, как он описывает конкретную топографическую ситуацию. Он знает, что к Каяле половцы подошли «от моря» (Кончак) и «от Дона» (Гзак). Но тут

же утверждает, что дувший во время битвы *насилъно* (то есть навстречу русским) ветер прилетел и с моря, и с Дона: *чьрныѣ тучѣ съ моря идуть... ити дождю стрѣлами съ Дону Великаго; се вѣтри Стрибожи вѣнуци вѣють съ моря стрѣлами, на храбрьѣ пѣлкъы Игоревы*. Море — это на юго-западе. Но ветер не может одновременно дуть в противоположные стороны.

Поскольку шли на юг или юго-запад, прорубаясь сквозь ряды врагов, «насилъный» ветер опасен не был. В ближнем бою от длины полета стрелы мало что зависит. Беда была в том, что дул именно боковой восточный ветер. Он и принес роковую стрелу.

Итак, Игорь форсировал Каялу, а теперь пробивается в сторону Донца, чей левый берег порос дубравами, а по правому — взгорья Донецкого кряжа. Бросок к Донцу по левому берегу Каялы — единственно возможный путь отступления. Иначе — неминуемая гибель на переправе через Каялу. Разумеется, всегда можно найти приемлемый спуск и перейти неширокую речку, но, если враги поджидают тебя и на другом ее берегу, не успеешь перестроиться для отражения их атаки и примешь бой по пояс в воде.

Всю субботу половцы наседали. Русские не дрогнули и стали их теснить, двигаясь, как сообщает Ипатьевский летописец, «вокруг озера». В «Слове» об озере ничего не сказано, но свидетельство летописца задает азимут: поскольку в Поле русские пришли по левому берегу Северского Донца, то Донец справа от них.

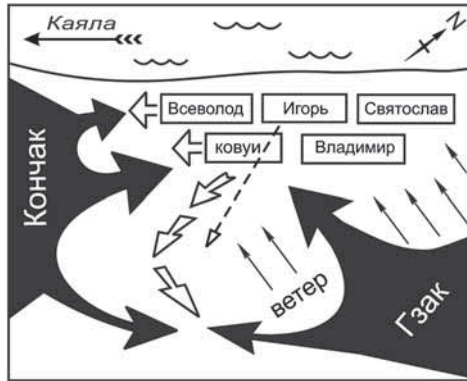
На рассвете в воскресенье обратились в бегство ковуи.

По всей видимости, в ночь на воскресенье Гзак с Кончаком сменили тактику. Они осознали слабость Игорева строя и, видя, что русские хотят пробиться к Донцу, пошли на хитрость: расступились, оставляя между собой коридор и создавая иллюзию, что Кончака можно обойти. Гзак атаковал ковуев, прикрывавших Всеволода с напольной стороны, и те кинулись в ловушку. Клещи стали сжиматься, и теперь правый фланг Кончака встретил ковуев, которым ничего не оставалось, как повернуть к югу. Но там — левый фланг Гзак. Мышеловка захлопнулась, и лишь десяток беглецов смогли проскочить между Кончаком и Гзаком и ушли в степь. Об этом в «Слове»:

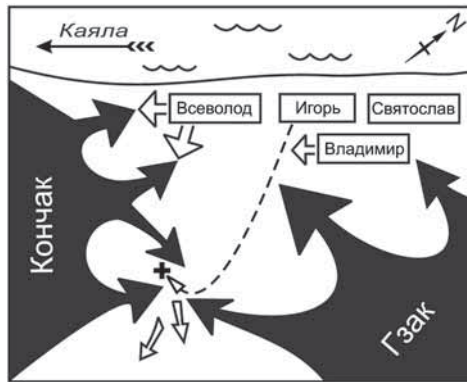
С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копыя харалужные в поле неведомом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами косями засеяна и кровью полита, скорбью взшел тот посев по Русской земле. Что мне шумит, что мне звенит давеча рано пред зорями? Игорь полки поворачивает, ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут два брата разлучились на берегу

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

быстрой Каялы. Тут кровавого вина не хватило, тут пир закончили храбрые русичи — сватов напоили, а сами полегли за Русскую землю. Никнет трава от жалости, и дерево в печали к земле склонилось.

Бегство ковуев и рейд Игоря Святославича

Пленение Игоря

Когда дрогнули ковуи, раненый Игорь поскакал наперерез беглецам, пытаясь их возвратить: «Игорь полки возвращает: жаль бо ему мила брата Всеволода...». Чтобы его узнали, князь снял шлем. Он понимал, что, если ковуи покинут поле боя, левый фланг брата будет оголен и Гзак сбоку атакует бьющегося с Кончаком Всеволода.

Игорь решается на отчаянный рейд. И перехватят его на обратном пути не потому, что за ним специально охотились, а потому, что Кончак в это время двинул вперед свой правый фланг. Последнее, что видел схваченный Игорь, — «крепко быющего Всеволода» (видимо, тот тоже поспешил на выручку брату, но не успел).

Из обстоятельств пленения Игоря также следует, что в субботу русская рать, не меня описанного Ипатьевским летописцем начального своего построения, повернула вправо, и правый фланг (полк Всеволода) стал авангардом, а полк Святослава — арьергардом. Игорь, прикрытый спереди Всеволодом, сзади Святославом, а слева ковуями и Владимиром, находился вне контакта с противником (по этому автор «Слова» о его подвигах и не рассказывает).

Если бы построение русских было иным, Игорь, возвращаясь из погони за ковуями, не смог бы увидеть, как дерется Всеволод. Следовательно, Кончак стоял против Всеволода, а Гзак атаковал полки Святослава Рьльского, ковуев и Владимира. Так, кстати, и должно было произойти, поскольку Гзак подошел с юго-востока.

Летописец сообщает, что цель одиночного рейда Игоря — вернуть ковуев. Автор «Слова» описывает ту же ситуацию, но у него иная и, надо заметить, весьма пронизательная мотивировка. Всеволод и так «стоит в обороне» против Кончака, но, раз ковуи побежали, его и в самом деле *жаль*: теперь по левому его флангу ударит Гзак.

Мнение автора «Слова» о том, что битва длилась три дня, — ключ к тактическому пониманию произошедшего. Если первая стычка в пятницу была началом решающего сражения, значит, Гзак и Кончак, которым не хватило дня до соединения друг с другом, переиграли Игоря, кинув ему «трофеи» в виде незащищенных веж. Отменная наживка оказалась насаженной на хорошо выкованный крючок.

Единственный за три дня битвы ратный поступок находящегося во втором эшелоне Игоря — его одиночный рейд наперерез бегущим ковуям. Больше Игорь просто ничего не успел предпринять. Он расставил полки так, что сам был обречен на фактическое неучастие в битве. Это значит, что автору «Слова» просто нечего поведать потомству о ратных подвигах Игоря на Каяле. Лаконизм высказывания поэта о действиях Игоря (всего одна фраза!) показывает, что стихотворец вник в тактические детали сражения основательнее, чем его современники-летописцы, и глубже, чем историки и комментаторы его поэмы. Героем битвы на Каяле был не Игорь, а его брат Буй Тур, которому и воздает по заслугам щедрый поэт. Удивительно, что Всеволод после бегства ковуев и пленения Игоря, продолжая движение вправо по берегу «озера», сумел продержаться до полудня (то есть еще не менее шести часов).

То, что оставшаяся без воеводы дружина Игоря вступила в бой лишь после бегства ковуев, подтверждает и Лаврентьевский летописец:

И сошлись стрельцы, и перестреливались три дня, а копий не преломляли, ожидая подкрепления. А к воде не давали им [русским] подойти. И подошло к ним [половцам] все их огромное войско. Наши же, увидев их, ужаснулись и похвальбу свою забыли, ибо не ведали сказанного пророком: «Вотще и мудрость, и мужество, и хитрость, если Бог противится». От жажды и кони, и сами изнемогли. Изнемогая от зноя и отчаянья, немногие пробились наконец к воде, а то ведь три дня их к воде не подпускали⁶. Видя то, устремились на них враги и к воде прижали. И крепко бились, и лютая была битва.

Этот отрывок, который не принято цитировать из-за кажущегося его противоречия Ипатьевскому рассказу, показывает, что Лаврентьевская повесть написана, видимо, со слов кого-то из чудом спасшихся дружинников Игоря. С утра пятницы по воскресное утро дружина Игоря в бой не вступала. Прикрытая с трех сторон другими полками, она шла по высокому берегу, но к воде подойти не могла. Когда же берег понизился, измученные жаждой ратники бросились к реке.

Здесь Игорев полк и дал свой последний «лютый» бой.

КАЯЛА. ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ

Литературовед Б. М. Гаспаров утверждает, что автор «Слова» предельно мифологизирует поход Игоря и под его пером ни один из элементов текста не остается равнозначным своему внепоэтическому смыслу⁷. Так и Н. С. Демкова полагает, что поэт не описывает мужества Игоря во время битвы, ибо Всеволод — «эпический двойник» и, соответственно, заместитель Игоря⁸. Увы, оба этих изящных построения — плод кабинетной мифологизации поэтического текста. В том случае, когда исключительная в своих деталях реальность описана зорким и внимательным современником, нетрудно различить, где перед нами устоявшиеся фольклорные обороты (Дунай как

⁶ Из этого мотива трехдневной битвы и трехдневной жажды, очевидно, и возник не подтверждающийся текстом Ипатьевской летописи рассказ о трехдневном веселье на захваченных половецких вежах.

⁷ Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. См.: ЭСПИ. Т. 2. С. 16–17.

⁸ Демкова. Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве». Ереван, 1980; Творогов О. В. Демкова // ЭСПИ. Т. 2. С. 103.

вообще река, или «море» в значении озера), а где конкретные топографические термины (Шеломя, Каяла, Лукоморье).

О. В. Творогов пишет, что Шеломя — «древнерусский топографический термин, обозначающий холм, возвышенность»⁹.

Но все-таки — *холм* или *топоним*?

Загадочное Шеломя упомянуто в Ипатьевской летописи под 1151 и 1184 годами. В первом случае речь о битве Юрия Долгорукого где-то на Малом Рутце и Великом Руте (Рут — приток Роси), во втором — о том, как русские, «перейдя Хорол» и после «взойдя на Шеломя», высматривали, не идут ли половцы: «Кончак же стоял в луговой части, и его обошли, пройдя по Шеломени». Значит, Шеломя (во всяком случае, в летописях и в «Слове») — не вообще холм или холмы, а Донецкий кряж, протянувшийся по правому берегу Северского Донца на 370 километров (высшая точка 367 метров), и продолжающая его Приднепровская возвышенность, доходящая до Киева. Рут и Хорол находятся на западной оконечности этой гряды, река Каяла — на восточной, а посредине — гора Кременец («Изюмский курган»), отождествленная с Шеломением еще в 1821 году П. Г. Бутковым¹⁰.

Итак, Шеломя — поросшая широколиственными лесами гористая гряда, разогнутой подковой отделяющая Южную Русь от Поля. (Так воспетый «Повестью временных лет» Оковский лес отделяет Северную Русь от Южной.) По Шеломению русские в 1184 году обошли Кончака. И именно к Шеломени, держа курс на Донец, станут во время решающей битвы пробиваться полки Игоря. И расчет Игоря понятен: в горной местности половецкая конница малоэффективна.

Геологически Донецкий кряж заканчивается километрах в двадцати восточнее Северского Донца на левом берегу реки Быстрой. Но по летописи В. Н. Татищева, в пятницу половцы осыпали русских стрелами и «отступили от реки за гору», а самая высокая восточная точка Шеломени — Караул-Гора при впадении Белой Калитвы в Донец.

Средневековые ратники ходили в походы не по картам, а по ориентирам. И мышление идущего было азимутным, то есть строго горизонтальным и пунктирным. В лесу человека вели звериные тропы, а ориентирами служили засечки на деревьях, в поле — горки, излучины и урочища, то есть любые естественные маяки. На первых страницах «Повести временных лет» сказано, что по Варяжскому (Балтийскому) морю можно доплыть до Рима. Что, конечно, справедливо, только при этом надо выйти в Атлантику, а потом войти в Средиземное море.

⁹ Творогов О. В. Шеломя // ЭСПИ. Т. 5. С. 228.

¹⁰ Там же.

Именно такое *пунктирное* отношение к маршруту мы обнаруживаем и в «Слове о полку Игореве».

Ипатьевский летописец ограничивается формальной последовательностью рек: 1) переправа через Донец; 2) Оскол; 3) Сальница (точную локализацию которой мы не знаем); 4) Сюурлий; 5) Каяла.

Уже из пунктов 1 и 2 понятно, что Игорь идет по луговому берегу Донца, и, поскольку в летописи говорится лишь про одну переправу через Донец, значит, мы должны отвергнуть те варианты маршрута русского войска, которые уведут нас в сторону азовского Лукоморья.

Б. А. Рыбаков и М. Ф. Гетманец считают, что «Великим Доном» автор «Слова» называет Северский Донец. И забывают о том, что и в Ипатьевской летописи говорится о затмении солнца не на берегу Дона, а на берегу Донца, причем имя реки упомянуто даже дважды¹¹.

И именно к Донцу (а не к Дону) станут пробиваться полки Игоря в роковую субботу (так по той же Ипатьевской летописи).

Отличает Донец от Дона и автор «Слова»: перед побегом на Русь «Игорь князь путь измеряет от Великого Дона до Малого Донца».

Лаврентьевский летописец приводит слова князей, сказанные после первого боя: «Пойдем за половцами на Дон, а оттуда в Лукоморье». С Донца можно пойти на Дон, а потом выйти к Азовскому морю. (Если б под «Доном» имелся в виду Донец, то летописец должен был написать: «Пойдем за половцами в Лукоморье, а оттуда на Дон».) Потому-то Донец в «Слове» и в трех летописях (включая татищевскую) — Донец, а Дон и есть Дон. Летописи подтверждают лишь *левобережную версию* похода Игоря в Нижнее Подонцовье.

Вспомним, как поэт приступает к рассказу о походе: «Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, что и стянул свой ум крепостью, и изострил его мужеством сердца, исполнился ратного духа и навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую». Это не метафора кузнечного дела, как принято считать, а метафора натягивания лука: Игорь сначала стягивает «крепостью» свой ум (натягивает лук), после заостряет ум мужеством сердца (пальцы правой руки, держащей стрелу, оказываются напротив сердца), исполняется ратного духа (вдох и задержанное перед выстрелом дыхание) и «наводит полки на землю Половецкую» (лучник прицеливается).

Начинается поход в Новгороде-Северском, где трубят трубы, собирая Игоревое войско, и в Путивле, где стоят стяги Владимира

¹¹ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991; Гетманец М. Ф. По пути князя Игоря // Наш девиз — поиск. М., 1987. С. 37–56.

Игореви́ча. А ориентиры маршрута: 1) Сула (за которой уже ржут половецкие кони); 2) «широкие поля» и дубравы на низменном берегу Малого Донца (хотя само имя этой реки прозвучит только при возвращении Игоря из плена); 3) Шеломя; 4) река Каяла у Дона; 5) и «великие поля» на рубеже «безводного поля».

Это рассекающий Поле Половецкое путь к Дону по левому берегу Северского Донца. Пройдя его, и в самом деле можно «поискать града Тмуторокани», то есть выйти в Причерноморье. И автор не стесняется многократно повторить, что цель похода — «Великий Дон», а еще Тмуторокань, где некогда княжил Олег Святославич, дед Игоря.

Если следовать по ориентирам «Слова», уточняя детали по летописям, то путь Игорева войска лежит строго на юго-восток.

Пройдем по тексту еще раз.

1. Игорь говорит: «Да позрим синего Дону», «Хочу искусьить Дона Великого», «Хочу копые преломить о конец (о край) Поля Половецкого», «Хочу <...> испить шеломом Дона».

2. Див «велит послушать» Волге, Поморью, Посулью, Сурожу, Корсуню, тмутороканскому истукану (это восточные и южные соседи).

3. Половцы бегут от Игоря «неготовыми дорогами к Дону Великому», а Игорь «к Дону воинов ведет». К ночи на пятницу Игорь подошел к Шеломени и Сюрлию. Гзак из задонских степей спешит наперерез русским, Кончак «ему след правит (указывает путь) к Дону Великому». В пятницу половцы отступают к югу (по Татищеву — «за гору»), русские их преследуют. За пятницу Игорь и Всеволод *пома-лу* дошли от Сюрлия до Каялы, а Святослав Ольгович углубился в Поле и только к ночи вернулся с добычей (так по летописи).

4. Об утре субботы говорится: «Идти дождю стрелами с Дона Великого». Битва начинается «на реке на Каяле у Дона Великого», и Автор еще раз подчеркивает, что Русская земля осталась за Шеломенем. Половцы окружают Игоря, идя с востока «от Дона» (Гзак) и с юго-запада «от моря» (Кончак подходит со стороны Азовского моря). Войска сошлись «в поле незнаемом среди земли Половецкой», и уже к полудню в воскресенье «два брата разлучились на берегу быстрой Каялы».

5. После поражения Игоря дева Обида «в стане внука Даждьбога» вступает «на землю Трояна» не где-то, а «на синем море у Дона», ибо Игорь насыпал русского злата «на дно Каялы, реки половецкой».

6. Бояре говорят Святославу Киевскому, что Игорь с Всеволодом пошли «поискать града Тмуторокани, либо испить шеломом Дону». (Дон впадает в Азовское море, а южнее его устья на Таманском полуострове находится Тмуторокань.) Уточняется, что поражение произошло «на реке на Каяле».

7. Ярославна собирается омочить шелковый рукав в Каяле-реке и в «поле безводном» утереть Игорю кровавые раны.

8. В плену Игорь находится где-то южнее Дона, у моря. Его путь на Русь лежит «от Великого Дона до Малого Донца» (до Северского Донца). Князь и бежит с Дона «к лугу Донца» (то есть к левому низменному его берегу).

9. Судя по диалогу с Донцом, Игорь возвращался на Русь вдоль этой реки (тем же путем он шел в Поле), а в конце пути переплывает на другой берег. А по летописи, бежав в некую пятницу, Игорь через 11 дней приходит в город Донец (то есть за день он проходил около сорока километров), а оттуда направляется в Новгород-Северский.

Исследователями предложены разные варианты локализации Каялы. Перечислим все известные версии¹²:

1) река Кагальник, приток Дона (Карамзин, Беляев, Семенов, Семенов Тянь-Шанский, Глухов, Баскаков);

2) приток Кагальника (Новиков);

3) река Айдар, левый приток Северского Донца (Арцыбашев);

4) река Быстрая, левый приток Северского Донца (Афанасьев);

5) река Калитва, левый приток Северского Донца, впадающий в него чуть выше реки Быстрой (Стеллецкий);

6) река Калалы, приток Егорлыка, который впадает в реку Маныч, являющуюся, в свою очередь, самым нижним левым притоком Дона (Ковешников);

7) река Кальмиус или ее приток река Кальчик, впадающие в Азовское море с севера, где, как считается, в 1223 году произошло первое столкновение соединенных русско-половецких сил с монголами (Бутков, Броневский, Багалеи, Кудряшов);

8) река Берда, впадающая в Азовское море с севера (Григорович);

9) река Самбок, впадающая в Азовское море с севера (Зотов);

10) река Миус, впадающая в Азовское море с севера (Тиньков, Гетманец);

11) река Казенный Торец в среднем течении Северского Донца (Ваденюк);

12) река Макашиха в среднем течении Северского Донца (Сибиллов, Кудряшов, Гетманец, Сумаруков, Махновец);

13) река Каменка в среднем течении Северского Донца (Кудряшов);

14) Ложников овраг в среднем течении Северского Донца (Грум-Гржимайло);

¹² см.: Бобров А. Г. Каяла // ЭСПИ. Т. 3. С. 31–32.

- 15) река Мокрые Ялы в бассейне Днепра (Лонгинов, Рыбаков);
- 16) река Кривель в бассейне Днепра (Федоров);
- 17) район реки Самары в бассейне Днепра (Рыбаков, Плетнева);
- 18) овраг Скелеватый в бассейне Днепра (Рыбаков);
- 19) река Орелька, впадающая в Орель, которая, в свою очередь, является левым притоком Днепра (Корж);
- 20) река Казинка в междуречье Северского Донца и Оскола (Андриевский);
- 21) река Хахлань или река Холка в междуречье Северского Донца и Оскола (Иванов);
- 22) река Малая (Крайняя) Балаклея в междуречье Северского Донца и Оскола (Гойгел-Сокол, Беликов, Сафонов, Пядышев);
- 23) река Гнилица в междуречье Северского Донца и Оскола (Гойгел-Сокол).
- 24) междуречье Ольховатки, Россоши и Черной Калитвы (Поливанов)¹³.

Итак, перед нами следующие варианты: Поморский, Верхнедонский, Среднедонский, Нижнедонский, Орельский, Самарский, Верхнедонецкий, Среднедонецкий, Нижнедонецкий.

Но нам нужна река с высоким и скалистым южным берегом. Возможно, в паводок она образует озеро. «Слово» задает жесткие условия поиска: ищем в Поле Половецком на берегу «скалистой» реки, протекающей по краю «поля безводного». Каяла — левый приток Северского Донца. Находится она где-то «у Дона Великого», но севернее его.

Условия Ипатьевской, Лаврентьевской и татищевской летописей: ищем междуречье Сюрля и Каялы (в поперечнике менее одного дневного перехода), находящееся на левом берегу Северского Донца ниже Оскола и севернее Дона. При этом до Сюрля прошли Сальницу (расстояние — ночь пути), а прямо у Сюрля находится Шеломя (в переводе/пересказе Татищева — «гора»).

Летописи и «Слово» приводят нас к одной и той же топографической точке. Артефакты Каяльского побоища надо искать в Нижнем Подонцовье, на рубеже «поля безводного», на левом берегу излучины реки Быстрой (ниже поселка Жирнова). Тут заканчиваются холмы Донецкого кряжа («О, Русская земля, ты уже за Шеломенем!») и начинается безводная Донская степь.

Условиям, заданным «Словом» и летописями, удовлетворяет лишь одна версия: Каяла — это река Быстрая (№ 4 — Афанасьев).

---

¹³ Поливанов А. М. «Восточная» гипотеза о месте битвы Игоря с половцами // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 3. Донецк, 2003. С. 431.

Владимир Александрович Афанасьев (1873–1953) — военный историк, профессор, с 1912 года полковник Генерального штаба. До 1917 года — член Русского военно-исторического общества и кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года, автор книг и брошюр по военной истории. В 1930–40 годах его статьи выходили в «Военно-историческом журнале» и «Военно-историческом вестнике». Статья о походе Игоря на Каялу «Вероятный путь князя Игоря Святославича на половцев. Критическое исследование похода по летописям и “Слову о полку Игореве”» появилась в «Историческом журнале» в 1939 (№ 6. С. 45–56).

При этом историк рассматривал не левобережный, а правобережный вариант маршрута.

Анализируя его версию, А. Г. Бобров пишет:

По мнению Афанасьева, начальный этап похода проходил по маршруту *Путь — Белополье — Сумы — Белгород — Хотомля — Изюм*, где у переправы дружину застало солнечное затмение 1 мая 1185 года. 2 и 3 мая южнее Изюма (против устья Оскола) Игорь Святославич ждал Всеволода, а 4 мая началось наступление в направлении нижнего Дона мимо реки Сальницы (Сольницы), с которой Афанасьев отождествляет реку Тор. Оценивая дневной переход конного войска с обозом в 40 верст в день (1 верста — около 1070 м), Афанасьев предложил искать реку Сюурлий (Суугли) в 220–240 верстах от устья Оскола (они могли быть пройдены за 6 дней с 4 по 10 мая). Исследователь полагал, что река Сюурлий — это река Должик, приток реки Каменки в 20 верстах к востоку от Ровеньков, а за 11–12 мая дружина Игоря была оттеснена на 80 верст к востоку в направлении Северского Донца, переправилась через него и потерпела поражение в междуречье реки Белая Калитва и реки Быстрая, в которой Афанасьев видит Каялу. Существенным недостатком концепции Афанасьева является предположение о том, что дружина Игоря была «умышленно завлечена половцами» в течение второй битвы на 80 верст в глубь половецких степей¹⁴.

Критика А. Г. Боброва справедлива. Но при всей уязвимости реконструкции пути Игоря (скорее, это путь Владимира Мономаха в 1111 году) военный историк, видимо, правильно указал на реку Быструю, хотя вышел к ней другим путем и полагал, что битва произошла на правом берегу Быстрой.

Сделаем несколько уточнений.

Если половцы и заманили Игоря в глубь степей, то не во втором, а в первом сражении. Кроме того: а) в летописи не говорится, что Игорь дважды переходил Донец; б) именно к Дону (с юго-востока на

¹⁴ Бобров А. Г. Афанасьев // ЭСПИ. Т. 1. С. 78.

ВТОРОЕ ИМЯ РЕКИ КАЯЛЫ

северо-запад) Кончак «правит след» (указывает направление) Гзаку, и от Дона идут на русских «черные тучи» половцев; в) путь в 80 верст можно пройти за два дневных перехода, но не во время двухдневной битвы (да еще с переправой через Донец).

Поход Игоря и Всеволода Святославичей 23 апреля – 12 мая 1185 г.

● — место наблюдения Игорем затмения солнца (1 мая)

По инициативе Д. С. Лихачева в 1970 году на левом берегу Дона близ устья Калитвы (окраина города Белая Калитва) на высокой Караул-горе была установлена гранитная стела с надписью «Воинам Игоревой рати — храбрым русичам 1185 года».

Поверив не до конца выстроенной версии, Д. С. Лихачев, как это сегодня представляется, все же оказался прав.

Указание летописца на то, что русское войско от Оскола пошло к Сальнице, означает, что русские, форсировав Донец и перейдя на левый равнинный его берег, миновали Оскол (левый приток Донца) и двинулись в сторону Сальницы. О том, где находилась эта река, спорят и сегодня¹⁵. Однако это должен быть не правый, а левый приток Донца, иначе Игорю пришлось бы форсировать Донец дважды. Но это крайне нелогично да и противоречит всему, что мы знаем о дальнейшем маршруте Игоря.

Путь из Новгорода-Северского к Каяле по левому берегу Северского Донца оказывается не просто прямой линией, но той самой «стрелой», которую, по мнению автора «Слова», Игорь и «навел на землю Половецкую». Автор «Слова» превращает новейшие технические достижения своего времени в метафоры: «живой огонь» становится в «Золотом Слове» Святослава Киевского «живыми шереширами», удалыми Глебовичами, а гигантский лук-самострел, захваченный в 1184 году тем же Святославом, оборачивается Игоревым замыслом идти в Поле Половецкое кратчайшей дорогой.

После Змиева (железная дорога Харьков — Красный Лиман) Северский Донец подходит к Донецкому кряжу и, повернув вдоль него на юго-восток, омывает его северные и северо-восточные склоны вплоть до слияния с Доном. Правый берег Донца гористый, на большом протяжении одет широколиственными, преимущественно дубовыми лесами. Левый берег, за небольшим исключением (начало Изюмской луки), пологий, занят лугами, старицами и пойменным лесом (осокорь, вяз, дуб, ольха); поодаль, вплоть до Красного Лимана, протянулись сосновые леса. Ширина реки от 30–35 м в начале маршрута увеличивается до 60–80 м в конце, русло преимущественно песчаное, довольно много пляжей. <...> На первой половине маршрута с каждым новым десятком километров река становится живописнее (исключение составляет небольшой участок ниже Изюма), достигая апогея в районе Святогорья, где высокий правый берег с выходами гранита и величественными соснами напоминает пейзажи южного берега Крыма, а *луговое раздолье левого берега с привольно стоящими дубами-великанами вызывает ассоциации со «Словом о полку Игореве»*¹⁶.

Присоединимся к мнению профессионального путешественника: дубравы, овраги и поля — это пейзаж левобережья Северского Донца.

¹⁵ См.: Бобров А. Г. Сальница // ЭСПИ. Т. 4. С. 263–267.

¹⁶ Воронов Ю. Б. 100 избранных маршрутов для путешествий на байдарке. М., 1993. Сх. 93.

Итак, Ипатьевский летописец ничего не напутал: Игорь пошел именно по левому (низкому) берегу Донца, ведь путь по гористому правому берегу труден для телег и конницы.

РАСЧЕТ СКОРОСТИ. ДВА ВАРИАНТА

Вариант первый. Полагают, что Игорь форсировал Донец на Изюмской переправе. От Новгорода-Северского до Изюма по прямой 420 километров. С утра 23 апреля по вечер 1 мая (то есть почти девять полных дней) за день преодолевали расстояние в 47 километров. От Изюма до устья Оскола 12 километров. С утра 4 мая по вечер 10 мая войска шли не шесть (как указывает А. Г. Бобров¹⁷), а семь дней. По прямой расстояние от устья Оскола до реки Быстрой 285 километров. На втором этапе маршрута средний переход (по прямой) равнялся 41 километру (расчетные 40 верст Афанасьева — около 43 километров).

Владимир Мономах в своем «Поучении» похвастался: «А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни». Это значит, что 140 километров он преодолевал в один день. Но с такой скоростью можно передвигаться, только меняя коней (в одиночку или с малым числом хорошо подготовленных спутников).

Напомню, что в среду 1 мая Игорь увидел затмение на берегу Донца и тут же форсировал реку. (От Изюма до устья Оскола 12 километров прошли еще до темноты.) Два дня (то есть 2 и 3 мая) Игорь ждал Всеволода, который шел из Курска. Оттуда 4 мая в субботу вместе двинулись к Сальнице. А «в пятницу» (по Ипатьевской летописи и «Слову») — первый бой с половцами. То есть к Сюурлию шли с субботы то ли шесть, то ли тринадцать дней. Летописец не говорит, когда перешли Оскол. И какая-то Сальница, по некоторым спискам «Книги Большому чертежу» (1627), впадала в Северский Донец где-то ниже Оскола.

Но пусть, говоря о двух днях ожидания, летописец имеет в виду вечер среды 1 мая и 2 мая. Тогда к Сальнице (если это Сальница близ Изюма) вышли 3 мая, потом получили сообщение от разведчиков и шли всю ночь (чего половцы, как выяснится, не ожидали). Но 4 мая — это уже суббота. А нам нужна пятница. Значит, надо прибавить еще шесть дней, чтобы выйти к Сюурлию. После предупреждения разведчиков Игорю было уже не до дневок. За шесть дней он должен был углубиться в степь еще на 180–250 километров. Но тогда совершенно

¹⁷ Бобров А. Г. Афанасьев // ЭСПИ. Т. 1. С. 78.

нелогичным оказывается решение от Изюмской Сальницы идти «через ночь» (то есть всю ночь). И значит, речь о какой-то другой Сальнице.

Да и столь стремительный бросок из Новгорода-Северского к Донцу противоречит летописному рассказу. Ипатьевский летописец говорит о начале похода: «И так двинулись они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое». Это чрезвычайно ценное свидетельство. Если бы в походе принимали участие пешие ратники, летописцу незачем было бы говорить о «раскормленных конях». Следовательно, даже «черные люди» Игорева ополчения были на лошадях¹⁸. Но все же ежедневный переход в 47 километров нельзя назвать «малым». (Если верить учебникам тактики XIX века, это норма конного «усиленного марша».) Придется допустить, что летописец ошибся, сообщив, что сначала шли медленно, а потом быстро (по карте все как раз наоборот), а, значит, этот вариант критики не выдерживает.

Вариант второй. Другое дело, если Игорь шел не к Изюму (как принято считать лишь потому, что тут была переправа и принимаемый рядом исследователей за «Шеломя» Изюмский курган), а к ближайшей точке Северского Донца (выше впадения в него Корочи). Тогда расстояние и, соответственно, скорость на первом этапе похода уменьшаются. И в этом случае указание летописца на то, что до Донца шли медленно, становится осмысленным и информативным.

Путь из Новгорода-Северского мимо Рыльска на юго-восток — кратчайший путь на Дон и для идущего из Путивля Владимира, и для выступившего из Рыльска Святослава. От Новгорода-Северского до Донца 290 километров. С утра 23 апреля до трех часов пополудни 1 мая — 8,5 дней пути. Скорость 34 километра в день. Затмение солнца придавало решимости: от Донца до Оскола 120 километров прошли в полтора раза быстрее — не за три с половиной, а за два с половиной дня (вечер 1, 2, 3 мая). Но с Буй Туром такого уговора не было, и он пришел, когда обещал. Его ждали два дня (вечер 3 и все 4 мая).

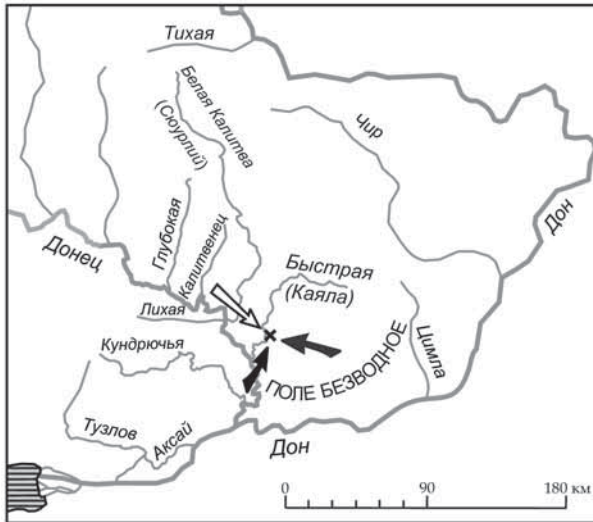
5 мая двинулись уже в полном составе. У Сальницы были в четверг 9 мая и шли ночь до Сюрля.

Так мы выходим к междуречью Белой Калитвы и Быстрой. Если Каяла — Быстрая, то Сюрлий — Калитва, а Шеломя — Караул-гора в устье Калитвы. А Сальница, от которой до Сюрля идти ночь, — река Калитвенец, или находящаяся чуть западней река Глубокая.

¹⁸ Конным будет и поход 1191 года. Игорь и Всеволод попытаются взять реванш, и вновь окажется, что половцы предупреждены, русские снимутся в ночи и ускачат (а половцы, как отмечает летописец, кинутся за ними, но не догонят).

Предположим, что Сальница — это Глубокая. От Оскола до Глубокой 250 километров. Средняя скорость — 50 километров в сутки, то есть шли в день часов по десять. От Глубокой до Калитвы 45 километров (вечер и ночь пути). (Для сравнения: в 1245 году русские войска в один день прошли около 65 километров от Холма до Люблина¹⁹.)

От Калитвы до Быстрой около 25 километров прошли за день *помалу*. (Пока передовые полки гнались за половцами, Игорь со Всеволодом не спеша следовали за ними.) Если так, то решающая битва началась в субботу 11 мая и закончилась в воскресенье.

Утро 11 мая. Место битвы на Каяле

Указанные летописцем скорости передвижения корректны.

«Помалу» — это 34 км в день. Быстро — по 48–52 км, то есть в полтора раза быстрее.

По той летописи, с которой работал В. Н. Татищев, Игорь потерпел поражение «во вторую неделю Пасхи». Это ошибка (ее отметил еще В. В. Капнист), которую принял на веру Б. А. Рыбаков. Второе воскресенье по Пасхе — 28 апреля, но затмение случилось лишь 1 мая. Значит, речь должна идти о третьей или четвертой неделе по Пасхе.

¹⁹ Кудряшов К. В. Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 55.

Вспомним о Стрибожьих внуках, которые будут веять стрелами на Игоревы полки. Б. А. Успенский пишет, что южные славяне поклонялись «Стари богу» (в русском изводе это «Николин Батька»). Его поминают накануне Николы Весеннего (8 мая, поскольку 9 мая по старому стилю — перенесение мощей Святого Николая).

Но «в Купянском уезде Харьковской губернии “Николин батька” празднуется <...> после Николы вешнего»²⁰.

Итак, по календарю «Слова» дата поражения на Каяле — 12 мая.

ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ И ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Обратимся к знаменитому (1111 года) походу Мономаха на половцев. Этот поход для нас тем более важен, что половцы тогда были разбиты на Сальнице, а эту реку в рассказе о походе Игоря упоминает и Ипатьевская летопись. Более того, можно утверждать, что, выступая в поход, Игорь и имел в виду повторить поход Мономаха (который, кстати, вскоре после этой победы и стал великим киевским князем).

Автор «Слова» говорит, что Игорь и Всеволод собирались «прошлую славу похитить, а грядущую поделить». Под «прошлой» исследователи обычно подразумевают славу Святослава Киевского, за год до Игоря совершившего удачный поход против половцев и полонившего в Лукоморье хана Кобяка.

Однако Игорь покусился на куда более громкую славу. Покажем, что эта историческая параллель была очевидна современникам, и автор «Слова», как и летописцы, тоже имеет в виду это «нестранное сближение», а Ипатьевский летописец даже вставляет прямую цитату из своего предшественника в описание Игорева похода.

Речь идет о половцах, которые «проступают» перед Игорем на рассвете, «как леса»: *И облегоша ту свѣтаючи же суботѣ начаша выступати полци Половецкии, акъ боровѣ <...> бысть бо ихъ безчисленое множество...* (И окружили тут, и как начало светать в субботу, то проступили полки половецкие, как леса. *Ипат.* Стб. 641.)

Заснули в степи. Проснулись, окруженные лесом врагов. Это восходит к летописному (1111): *...иноплеменници собраша полки своя многое множество и выступиша яко борове велиции и тмами тмы и оступиша полкы Рускыи.* (...иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч.

²⁰ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 43.

И обложили полки русские. *Inam*. Стб. 267.) Разница лишь в нюансах метафорической мотивировки: у Ипатьевского летописца 1111 года полки половцев выступают, как леса (непонятно откуда), и обступают русских (видимо, в оригинале было что-то вроде: «иноплеменники собрали полки свои и выступили; и, как великие леса, обступили полки русские»). В 1185 году другой летописец поправил: половецкие полки проступают на рассвете, как леса (и князья не знают, кому против кого идти, поскольку их окружили, как и в 1111 году).

Цитирует летописный рассказ 1111 года и автор «Слова». Его *Руськыи пълкы оступиша* — эхо к *и оступиша полкы Руськыи*.

Владимир Мономах со Святополком и Давыдом вышли на половцев во второе воскресенье Великого поста.

Пасха была 2 апреля, а начался Великий пост 13 февраля. Значит, 26 февраля Владимир пошел с «санями» из своего Переяславля Русского (сейчас Переяславль-Хмельницкий).

К пятнице 3 марта были на Суле. Скорость 22 километра в день, поскольку прошли 110 километров за 5 дней. В субботу пришли на Хорол, это еще около 22 километров. На Хороле «сани побросали», поскольку зима закончилась. Ясно, что дальше пошли быстрее. При этом смерды, как сообщает летописец, идут в поход на своих конях. (То есть «черные люди» есть, но пеших ратников, как и в походе Игоря, — нет.)

Пришли на Псел, форсировали его и стали на Голте.

В среду 8 марта целовали крест на Ворскле. От Хорола до Ворсклы около 100 километров. Но на этом участке маршрута на Голте ждали воинов (сколько ждали — не сказано, поэтому считать здесь нечего).

Далее в летописном тексте следует явная нелепость, впрочем, до сих пор неоткомментированная:

...И оттуда прошли через много рек в шестую неделю поста. И прошли к Дону **во вторник**. И оделись в броню, и построили полки, и пошли к городу Шаруканю. <...> А **в воскресенье** вышли горожане из города к князьям русским с поклоном, и вынесли рыбы и вина. **И переспали там ночь. И на другой день, в среду** (! — А.Ч.), пошли к Сугрову и подожгли его, а в четверг пошли на Дон; в пятницу же на другой день, 24 марта собрались половцы <...> на потоке Дегея.

Итак, в шестую неделю Великого поста во вторник (то есть 21 марта) подошли к Дону, в воскресенье — к Шаруканю (26 марта), заночевали там и «на другой день в среду» (почему не в понедельник?) подступили к Сугрову, подожгли его, а в четверг пошли с Дона.

Но дальше нечто просто невероятное: «В пятницу же на другой день, 24 марта собрались половцы...»

24 мая не может следовать за 26-м, а потому в начальном своем виде текст должен был выглядеть так:

И оттуда прошли через много рек в шестую неделю поста. И прошли к Дону **во вторник**. (Далее изымаем текст от слов *И оделись в броню...* до слов *И переспали там ночь*. — А. Ч.) **И на другой день, в среду**, пошли к Сугрову и подожгли его, **а в четверг** пошли с Дона²¹; **в пятницу же, на другой день, 24 марта** собрались половцы, построили полки свои и пошли в бой. Князья же наши возложили надежду свою на Бога и сказали: «Здесь нам смерть, да станем твердо». И прощались друг с другом, и, обратив очи к небу, призывали Бога Всевышнего. И когда сошлись обе стороны и была битва жестокая, Бог Всевышний обратил взор свой на иноплеменников с гневом, и стали они падать перед христианами. И так побеждены были иноплеменники, и пало множество врагов, наших супостатов, перед русскими князьями и воинами на потоке Дегея. И помог Бог русским князьям. И воздали они хвалу Богу в тот день. **И наутро в субботу** праздновали Лазарево воскресенье, Благовещенья день, и, воздав хвалу Богу, проводили субботу, и **воскресенья дождались**. *И оделись в броню, и построили полки, и пошли к городу Шаруканю. И князь Владимир, едучи перед войском, приказал попам петь тропари и кондаки креста честного, и канон Святой Богородицы. И поехали они к городу вечером, и в воскресенье вышли горожане из города к князьям русским с поклоном, и вынесли рыбы и вино. И переспали там ночь. В понедельник же Страстной недели вновь иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. И обложили полки русские. И послал Господь Бог ангела в помощь русским князьям...*

Такая перестановка выделенного курсивом фрагмента вряд ли вызовет возражения, ведь рассказ становится хронологически непротиворечив, и 26 марта наступает через день после 24 марта. При этом события излагаются день за днем (после вторника следуют среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье и понедельник). И именно в воскресенье, на другой день после празднования Благовещения, Владимир приказал петь праздничные песнопения, и жители Шаруканя, уже знавшие судьбу Сугрова, не выдержав зрелища вооруженного отнюдь не одними хоругвями «крестного хода», сдались.

Если устья Дона (ближайшая точка на Дону от Ворсклы) достигли во вторник 21 марта, то 460 километров проделали за 13 или 14 дней со скоростью 33–35 километров в день.

²¹ ...а в четверг подошла сь Дона. (Ипат. 1111 г., Стб. 266). В переводе Д. С. Лихачева ошибочно «...а в четверг пошли на Дон» (см.: Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 261).

В среду 22 марта 1111 года на Дону Владимир Мономах сжег город Сугров. В четверг 23 марта «пошли с Дона». В пятницу 24 мая победа «на потоке Дегея». В субботу 25 марта стояли и праздновали Благовещенье и Лазарево воскресение. В воскресенье 26 марта дошли до города Шаруканя и в нем заночевали. В понедельник 27 марта 1111 года (дата и день недели указаны в летописи) на реке Сальнице русские разбили половцев.

Здесь необходимо одно историко-географическое примечание.

До 1185 года русская летопись не знает гидронима Донец. Поскольку Северский Донец — приток Дона, то летописцы обходились одним термином — Дон. Такой географический эгоцентризм — обычное явление²². Впервые Донец упоминается в Ипатьевской летописи именно в связи с походом Игоря Святославича. Автору рассказа о поражении 1185 года важно подчеркнуть, что именно к Донцу пробивался Игорь во время своей последней битвы. Второе упоминание о Донце тоже связано с Игоревым походом, и находим мы его в «Слове»: перед побегом из плена «Игорь путь мерит от Великого Дона до Малого Донца».

Как должен был пойти Мономах на Русь с Дона? Только другой, северной дорогой. И сначала ему надо было повернуть к северу, чтобы двинуться к Северскому Донцу в сторону устья Калитвы.

Указание на то, что 23 марта «пошли с Дона», проясняет сразу два обстоятельства: а) Мономах повернул в сторону Руси; б) летописец прекрасно отличает Дон от Донца (хотя о последнем и не упоминает).

От выхода на Дон до Шаруканя сделали четыре дневных перехода (22, 23, 24, 26 марта), то есть при прежней скорости должны были пройти около 130 километров, или чуть менее, ведь как минимум полдня ушло на захват Сугрова и битву на потоке Дегея. Но поскольку и на Дон могли прийти среди дня 21 марта и после дневки двигаться «усиленным маршем», то локализация Сугрова, Дегеева ручья и Шаруканя по средней скорости передвижения войска, увы, невозможна.

Если мы имеем дело с многодневным походом и большими расстояниями, скорость будет усредняться. Пройдя 700 километров, Владимир Мономах на двадцать четвертый день вышел на Дон. Пройдя те же 700 километров, Игорь за то же время (вычтем два дня стоянки у Оскола) вышел к Сюурлию. Но измерять средней скоростью в 30 километров расстояние между близкими пунктами нельзя. (Вспомним, что в начале своего пути Мономах идет по 22 километра в день.)

²² Мы до сих пор считаем, что Волга впадает в Каспийское море, меж тем как Волга впадает в куда более широкую Каму. Просто Кама течет от предгорий Урала, а для раннего русского средневековья это была «земля неизвестная».

И все же, поскольку 21 и 22 марта Мономах шел по Дону, то Сугров, скорее всего, находился не у Аксая на территории Ростова-на-Дону (Кобяково городище), а где-то километров на сорок восточнее, напротив поселка Багаевского. Еще два дня надо, чтобы, повернув на север, дойти до ручья Дегея. Но именно в 60–70 километров к северу течет речка Кундрючья (правый приток Северского Донца). На ее берегу расположена станица Грушевка. А от Грушевки 36 километров до Белой Калитвы (18 километров до брода через Северский Донец у станицы Синегорской и еще столько до Белой Калитвы).

Впрочем, погрешность нашей прикидки такова, что «потоком Дегея» может быть и речка Лихая, впадающая в Северский Донец напротив Белой Калитвы.

Половецкий (а точнее аланский) город Шарукань принято искать где-то в окрестностях Харькова или Чугуева. (Критику этого см. у И. Г. Коноваловой²³.) Такая привязка не выдерживает и арифметической критики: придется допустить, что от Ворсклы «до Дона» (в данном случае — Северского Донца в районе Изюмского кургана) Мономах 13 дней плелся со скоростью 16 километров в день.

Устье Калитвы (сегодня здесь город Белая Калитва) — идеальное место для процветающего поселения: оно со всех сторон защищено от ветров высокими холмами, тут свой микроклимат, и даже деревья зацветают на несколько дней раньше, чем в округе. Кроме того, здесь легли на карту крестом сразу три реки: Северский Донец, Белая Калитва, а напротив в Донец впадает еще одна речка — Лихая.

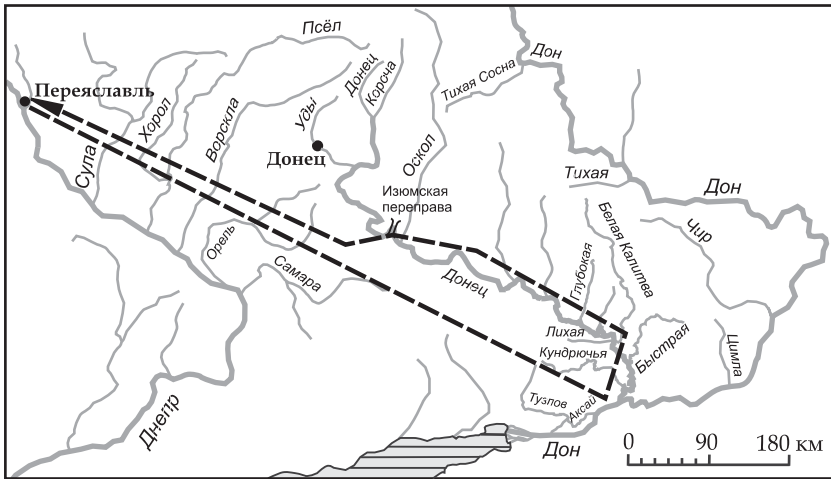
Итак, Мономах обошел Донецкий кряж с востока. Из Шаруканя он вышел утром 27 марта и в тот же день на Сальнице дал решающее сражение. Следовательно, речь может идти только о левом притоке Донца, который находится западнее Калитвы и расстояние до которого менее одного дневного перехода.

Но от Белой Калитвы лишь 25 километров до устья Калитвенца и 45 километров до Глубокой. Если вышли утром, то битва состоялась

²³ «...Точное местонахождение самих городов Шаруканя, Сугрова и Балина, с которыми Б. А. Рыбаков предложил отождествить города народа ан-нибарийа, до сих пор не установлено. <...> Маловероятно, чтобы пограничный район с редким и разноэтничным населением мог стать предметом для рассказа об отдельном народе, каким этот рассказ является у ал-Идриси. К тому же территория, заключенная между притоками Северского Донца, — это сравнительно небольшая область радиусом около 100 километров. Приведенные же в “Малом Идриси” дорожки с указанием расстояний между городами свидетельствуют о том, что речь шла о более значительной по размерам территории» (Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 104–105).

ВТОРОЕ ИМЯ РЕКИ КАЯЛЫ

на исходе дня. И это объяснимо. Половцы знали, что Мономах без боя взял Шарукань и заночевал в нем. Самым разумным в этой ситуации было встретить Мономаха не у стен неразоренного города, а после утомительного дневного марша. Степняки поняли, что Мономах, нагруженный богатой добычей, уже возвращается домой, и что путь его лежит по левобережью Северского Донца. У основных половецких сил было время подойти к Калитвенцу (или Глубокой) и встать у переправы. На их беду, Мономах оказался сильнее даже после дневного марша.

Поход Владимира Мономаха. 1111 г.

В 1113 году Мономах сел на княжение в Киеве и в 1116-м послал своего сына Ярополка с Всеволодом Давидовичем на Дон. Они взяли три града — Сугров, Шарукань и Балин. После этого Шарукань не был восстановлен. Но место на территории нынешней Белой Калитвы в силу своих климатических особенностей все равно оставалось для кочевников притягательным (особенно в начале весны, поскольку именно тут степь покрывается травой даже раньше, чем на Дону).

Потому-то и Игорь Святославич знал, куда идти: весной 1185 года он встретил половцев именно в устье Калитвы (Сюурлия).

Амбициозный Игорь, замысливший украсть славу Владимира Мономаха, должен был в своем походе (параллельном и одновременно зеркальном Мономахову) перейти Глубокую и Калитвенец.

Игорь в 1185 году пошел в Поле не по правому, а по левому берегу Донца, поскольку Новгород-Северский севернее Переяславля.

Но сторожа Игоря, которые встретили его у Сальницы, не зря сказали: *Не наше есть веремя*. Все помнили, что на той же Глубокой *наше веремя* было при Владимире Мономахе.

После Сальницы Игорь «ехал через ночь», пройдя то ли 45, то ли 25 километров до Сюурлия (Калитвы). И сразу же утром вступил в бой. Передовые полки погнали половцев к Каяле (Быстрой). Это еще 25 километров. А Игорь с братом пошли вслед «помалу».

Получилось, что войска шли весь четверг, ночь на пятницу и всю пятницу. Понятно, почему кони Святослава Ольговича, который преследовал половцев, утомились и решено было ночевать.

Итак, два князя — два зеркальных маршрута. Но пути Мономаха и Игоря пересекаются на Сальнице. Это — или Глубокая, или Калитвенец. Именно так увязываются на местности два этих похода — один победоносный, другой бедоносный.

СЮУРЛИЙ ЗНАЧИТ ВОЛОК

Тюрколог Н. А. Баскаков среди прочих дает и такой вариант:

Так название р. Сюурлия могло происходить от полов. глагола *sùjre-* «тащить, волочить», *sùjrew* «волочение, волок» аффикс обладания или наричия *-li* > *sùjre-w-li* «река с волоком»²⁴.

Белая Калитва — самый длинный и полноводный левобережный приток Северского Донца (ее длина около двухсот километров). Эта река течет параллельно Быстрой, но совсем на нее не похожа. Калитва до XX века была судоходной, а значит, говорить о порогах на ней не приходится. При устройстве в верхнем течении Калитвы волоков можно выйти в речку Тихую, а по Тихой спуститься в среднее течение Дона между станицами Мигулинской и Вешенской.

Зачем волочить ладьи на себе, когда куда приятней на них плыть? Да затем, что если идешь по Дону, а выйти надо к Таганрогскому заливу, экономия составит около двухсот пятидесяти километров, а если надо попасть на Северский Донец выше Калитвы и дальше плыть вверх по его течению, — более четырехсот пятидесяти.

Ради такой экономии стоит попотеть, волоком таща ладьи из Тихой в Калитву верст десять или двенадцать.

²⁴ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 114.

Параллельный путь мог существовать лишь в двухстах километрах выше по течению Дона: поднимаясь по его притоку Тихой Сосне (обратим внимание на переключку не только функций, но имен двух «тихих», то есть непорожистых и относительно глубоких рек), можно дойти до верховий Оскола, и уже по нему спуститься в Северский Донец.

Калитва — важнейшая артерия между Доном и Северским Донцом. А если так, то в ее устье (на территории нынешнего города Белая Калитва) и должна была возникнуть некая «таможня», а потом город²⁵. Это также говорит в пользу локализации богатого Шаруканя в устье Белой Калитвы, но, увы, археологических разведок здесь не проводилось.

Битва Игоря произошла несколько южнее, чем полагал Афанасьев, — не в междуречье Быстрой и Калитвы, а на левом, скалистом берегу Быстрой. То есть «...на реке на Каяле у Дона Великого».

Быстрая — самый южный из притоков Северского Донца. Реки к востоку от нее (Чир и Цимля), облегая обширную возвышенность, впадают в Дон, чей правый берег также высокий. На северной границе этого известнякового (и потому безводного) плато и должно лежать «озеро», по южному берегу которого русские пытались пробиться к Северскому Донцу. По левому берегу Донца они шли в Поле, по правому хотели возвратиться.

Да и сам Игорь Святославич вернется из плена по луговому берегу Донца. Потому-то диалог Игоря с Донцом и включен в «Слово».

В «Слове» некое «поле» близ Дона названо «безводным», а из летописи известно, что во время битвы русские страдали от жажды. Значит, мы можем предположить, что южный берег искомого «озера» — высокий и обрывистый. Также на этом берегу должна быть горка, с которой Игорь Святославич собирался руководить боем и на которой он был ранен первой же половецкой стрелой.

В Ростовской области вода в небольших реках поднимается в марте-апреле на 1,5–2 метра, а еще полвека назад уровень воды в Быстрой был и летом на два метра выше, чем теперь. Кто-то из спасшихся, то есть переплывших Каялу участников похода, принял за озеро ее разливы по низкому правому берегу. Заметим, что о берегу озера говорит только летописец. Автор «Слова» местом битвы называет берег Каялы. Но как раз левый берег Быстрой — высокий (до 25 метров над водой).

²⁵ Вот и название близлежащей Сальницы происходит, как полагают, от древнетюркского *salih* — подать (*ЭСПи*. Т. 4. С. 265). В этом и объяснение того, почему другая таможня была близ Изюмской переправы, и какая-то другая Сальница впадала здесь в Северский Донец.

Н. А. Баскаков замечает:

Господствующая в настоящее время и общепризнанная многими тюркологами, и в том числе в последней работе К. Менгеса, принятая ранее этимология названия реки Каялы от слова *qaja* «скала» + аффикс обладания — *ly/-li* > *qaja-ly* «скалистая, порожи́стая» представляется вполне возможной, хотя эпитет «скалистая» может быть приложен с точки зрения тюркской семантики этого слова только к берегу реки, а не к самой реке, а следовательно, можно сомневаться в истинности этой этимологии²⁶.

Но именно этот оттенок смысла (не просто «скалистая река», но «река с обрывистым скалистым берегом») как нельзя лучше подходит к реке Быстрой.

Левый берег Быстрой напротив поселка Жирнов

Далее Н. А. Баскаков пишет, что название реки Каялы могло произойти и от других основ, например от половецкого *qujuu* ~ *qujuu*, ср. тур., тат. *qujuq* ~ *qujuu* ~ *quju* «берег реки, край, предел, узкая полоса берега между скалами и рекой, оторочка, место, находящееся в непосредственном соседстве» + аффикс обладания *-ly/-li* > *qujuuly* «с узкой полосой берега между скалами и рекой» > рус. Каялы > Каяла, или от основы *quju* ср. тат., каз. *qujuu* «искривление, изгиб, кривой, косой, извилистый» + аффикс обладания *-ly/-li* > *qujuuly* «извилистая, с изгибами».

²⁶ «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 243.

И хотя ничего удивительного тут нет (где крутые скалы — там и крутые виражи), это штрих к индивидуальному портрету Быстрой, ведь она отличается от всех южных притоков Донца и Дона тем, что делает несколько почти замкнутых петель.

Собственно, это все, что осталось от некогда существовавших в ее нижнем течении «озер».

Пройдя виражи, река в десяти верстах от устья вновь поворачивает к Донцу. И если Игорь пробивался к Донцу по левому берегу Быстрой, которая по весне на некоторых участках становилась похожей на озеро, то, огибая излучину, войска Игоря действительно шли как «вкруг озера». Вспомним, что еще в ночь на роковую субботу Игорь уговаривал брата, сына и племянника немедленно уходить восвояси:

Так поедem же сейчас, ночью, а кто утром пустится преследовать нас, то разве все смогут? Лишь лучшие из половецких конников переправятся, а нам самим — уж как Бог даст.

Разумеется, имелась в виду переправа через Донец, а не Каялу, которую накануне с ходу форсировали и половцы, и русские. Значит, даже в половодье на Каяле были броды. И потому обратный бросок через нее был бессмыслен: впереди еще Сюрлий, за ним тот же Северский Донец и только после — его лесистый (и потому спасительный) правый берег.

Мы не знаем, как далеко было до Донца. Но подсказка в том, что отвечал Игорю Святослав Ольгович: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». Святослав Рьльский знал, что отстанет до переправы и утром половцы нагонят его еще на левом берегу Донца. Следовательно, русские находились не в устье Быстрой, а километрах в двадцати-тридцати от нее. Именно здесь самое узкое место междуречья Быстрой и Калитвы, здесь начинается крутая излучина Быстрой. И здесь, как рассказывают старики, река еще в середине XX века разливалась в паводок «насколько глаз хватало» (судя по перепаду высот на карте, это пять-шесть километров).

Паводковые озера на левом берегу Быстрой существуют и сегодня, однако только выше хутора Михайлова (несколько северней поселка Жирнов): Круглое, Старое, Бурлацкое, Соленое...

Но Ярославна не зря именует место пленения Игоря «безводным полем»: Дон, Северский Донец, Быстрая, Цимла и Чир обтекают каменное плато, диаметр которого около ста километров.

Рек на плато нет.

На правобережье Дона это самое сухое место.

ОСКАЛ КАЯЛЫ

Тюркское название типа «Кайла» распространено в Поволжье и на Урале (откуда и пришли половцы). На русский это можно перевести как «Каменка»²⁷. Значит, Быстрая — не перевод с иноплеменного и не позднейшее, а изначальное имя. Монголы пришли сюда в XIII, половцы в XI, а русские в X веке, когда эти земли вошли в состав Тмутороканского княжества. Но русские поселения существовали здесь и при половцах, и при татарах. Одно из них на правом берегу Северского Донца (как раз напротив междуречья Калитвы и Быстрой) открыто в 2000 году²⁸. Оно существовало с конца XII (!) до конца XIII века. Полагаю, здесь и должны были поселить русских пленников. После кого-то выкупили родичи, кто-то сбежал или умер. А кто-то прижился, поскольку степняки нуждались в услугах ремесленников. Так что древнее русское имя Каялы вполне могло сохраниться до прихода в эти места казаков.

Поскольку автор «Слова» пишет «темным стилем», у него есть возможность сообщить нечто такое, что может понять лишь современник да исследователь.

И тут нам особенно интересны три случая темного стиля Автора:

1. Во время побега из плена Игорь по созвучию с собственным именем обращается в горностая: *а ИГОРЬ князь поскочи ГОРЬнастаемъ...*

2. Если верить Ипатьевской летописи, то Лавр ждал Игоря с конями на другом берегу реки Тор. (Есть правый приток Северского Донца с таким названием, однако Игорь бежит от Дона к Донцу, и, значит, этот Тор и надо искать где-то на Дону.) В словах о том, что Игорь и Овлур «загнали своих борзых коней», имя реки явственно просвечивает сквозь глагол *претЪРгоста* (загнали).

3. В поэтическом тексте внутри одного слова может оказаться другое или даже два. Когда автор «Слова» сообщает нам о поражении Игоря («Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы, тут кровавого вина не хватило, тут пир закончили храбрые русичи, — сватов попили, а сами полегли за землю Русскую»), в глаголе «закончили» (*доКОНЬЧАША*) звучит и слово «чаша» (из которой пьют кровавое «свадебное» вино), и отчество Кончаковны (речь ведь о «сватах», а Владимир Игоревич был помолвлен с Кончаковной, видимо, еще до похода).

²⁷ Благодарю за это указание С. Л. Николаева.

²⁸ Прокофьев Р. В. Раскопки древнерусского поселения на Северском Донце: Предварительные итоги // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2005. С. 110–119.

И как Игорь насыпал «русское золото» «на дно Каялы, реки половецкой», так и поэт под видом эпитета утопил в тексте древнерусское имя Каялы: «*Тю ся брата разлучиста на брезь быстрыь Каялы...*» («Тут два брата разлучились на берегу **БЫСТРОЙ КАЯЛЫ**».)

Значит, Быстрая — действительно древнее название.

И автор «Слова» его знал.

Во второй половине апреля 2004 года сюда и направилась разведка нашей Каяльской историко-археологической экспедиции²⁹. Нашей целью было найти поле, на котором половцы разбили князя Игоря.

Средства — магнитный мониторинг (три металлоискателя).

Древний пейзаж поселка Жирнова и его окрестностей обезображен до неузнаваемости: каяльские кряжи были использованы в строительстве Волго-Донского канала, десятки миллионов тонн пустой породы передвинуты бульдозерами, сотни миллионов тонн известняка вывезены. Крупных карьеров всего три. Но каждый тянется на сотни метров, и на его территории могло уместиться место субботней битвы. Карьерами уничтожены именно самые мощные и ровные (а потому удобные для места сражения) каяльские «скалы». Почва и грунт с них здесь же, в отвалах.

Первое, в чем мы убедились своими глазами, — в том, что Быстрая то разливается (отсюда и ее петли, оставленные бывшими «озерами»), то превращается в стремительный поток, напоминающий о течении горных речек. И сегодня, когда река обмелела и кое-где почти уже превратилась в ручей, ее уровень у хутора Михайлова 33 метра по Балтийской шкале, а в устье, у впадения в Донец, лишь 12 метров. По прямой это около 35 километров. Выходит, среднее падение уровня Быстрой более полуметра на километр, а на некоторых участках — даже более метра. А у впадения в Донец Калитвенца (выше от устья Быстрой на пятьдесят километров) уровень зеркала воды лишь 19 метров.

Но на то она и Быстрая, что в четыре раза стремительней Донца и в полтора раза резвее Калитвы.

У хутора Исаев высокий и обрывистый левый берег Быстрой становится низким. Но Исаев — большой поселок. Он существует

---

²⁹ Экспедиция была организована Фондом имени Д. С. Лихачева при поддержке студии веб-дизайна Артемия Лебедева и «Новой газеты». Разрешение на проведение изыскательских работ дано администрацией Тацинского района Ростовской области (согласовано с Ростовской областной инспекцией охраны памятников и Полевым комитетом Института археологии РАН). В состав разведки входили московские поисковики Константин Смольников и Влад Мурашов, петербургский реставратор Антон Дубашинский и автор этих строк.

уже триста лет, и отыскать здесь следы сражения вряд ли возможно. Значит, начинать надо с озера.

Полвека назад в марте-апреле подъем воды в Быстрой в районе поселка Жирнов был до трех метров. Но в середине мая, как здесь утверждают, вода могла стоять, «аки море», лишь в одном месте — близ хутора Усть-Халань.

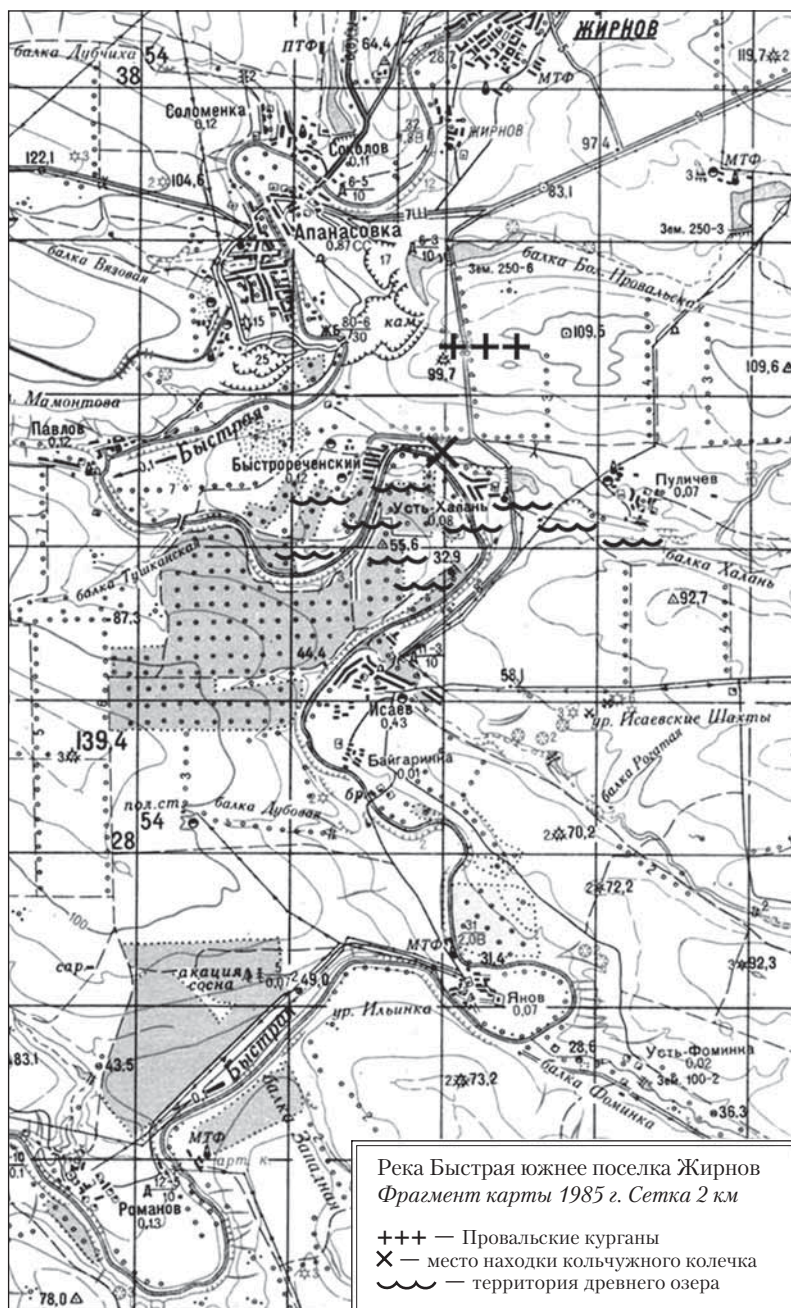
Именно тут и начинается «поле безводное»: на правом берегу Быстрой черноземы, а на левом — тонкий слой бедной почвы, песок и глина. И под ними — скала. Значит, любой более или менее крупный предмет за восемь веков тут должны были поднять.

Легче всего оказалось найти озеро: в северной его части на заплывшей песком котловине — сады плодопитомника «Зареченский». Под несколькими сантиметрами почвы — речной песок с ракушками. Озеро было обречено, ведь в этих краях не так уж редки песчаные бури. И до того как в XX веке были посажены лесозащитные полосы, песок после бурь (здесь говорят «калмыцкая пыль») мог замести двор по щиколотку. А весной, когда снег таял, ручьи текли в балки, а из балок мутные потоки заполняли котловину. Быстрая просто не справлялась переносить в Донец такое количество мутной взвеси, и при разливах дно котловины нарастало до тех пор, пока озеро не превратилось в заливной луг. Однако на какой глубине лежит сегодня дно XII века, могут сказать только геологи. Для этого надо делать бурение, брать керн и проводить лабораторные исследования.

По краю этой котловины Быстрая и делает десятикилометровую излучку. И на ней три почти замкнутых петли (близ Усть-Халани, Янова и Исаева). Излучка — это большое «озеро», петли (они диаметром от километра до двух) — три малых. Каждая из них может быть местом Игорева побоища. Но самая большая — у Усть-Халани и Зареченского. Здесь в Быструю впадают сразу четыре балки: с востока Большая Провальская и Халань, с запада Большая Мамонтова и Тушканская. Две первых уходят в «поле безводное» на десятки километров и весной превращаются в полноводные реки. Чуть ниже по течению — три пологих, но узких ущелья. Значит, после паводка вода держалась довольно долго — по крайней мере до лета.

В первый же день разведки на капустном поле у брода между Жирновым и Апанасовкой Антон Дубашинский поднимает наконец железной стрелы (высота вместе с черенком 4,5 см). Но одна стрела ничего не доказывает. Она могла быть выпущена в полет и в X, и в XV веке. Продолжаем исследовать правый берег, спускаясь вниз по реке. В третий день на мысу Быстрой и Халанской балки Влад Мурашов обнаруживает кованое колечко. Его диаметр 16 миллиметров,

ВТОРОЕ ИМЯ РЕКИ КАЯЛЫ

внутренний диаметр 11 миллиметров. В нескольких шагах от колечка — фрагмент подковы и полоски перетлевшего металла.

В Москве, в лаборатории металловедения Института археологии РАН, Людмила Семеновна Розанова и Наталья Николаевна Терехова сделают металлографический анализ и подтвердят: да, стрела, и металл ее древний. Они же определяют, что насквозь изъеденное ржавчиной колечко — звено древнерусской кольчуги. (И не простой, которая делалась из тянутой проволоки, а весьма редкой и в свое время очень дорогой.) Колечко сделано из кованого прута прямоугольного сечения $2,4-2,6 \times 2$ мм. Один конец прута был чуть шире, и потому место сварки хорошо читается. Два обрывка кольчуги (но не такой, а из тянутой и слегка прокованной проволоки) были найдены археологами в междуречье Быстрой и Калитвы у Северского Донца и сейчас вместе с древнерусскими боевыми топорами и наконечниками копий лежат в витринах Белокалитвенского музея.

Если поглядеть на колечко сбоку (см. на цветной вклейке), оно напомнит латинскую букву «V». Когда-то по тому, кто носил эту кольчугу, ударили клинком. Удар был мощным. Звенья, с которыми это кольцо было скреплено, оказались разрублены. След от одного из них отчетливо читается под лупой в миллиметре от засечки, оставленной вражеским клинком.

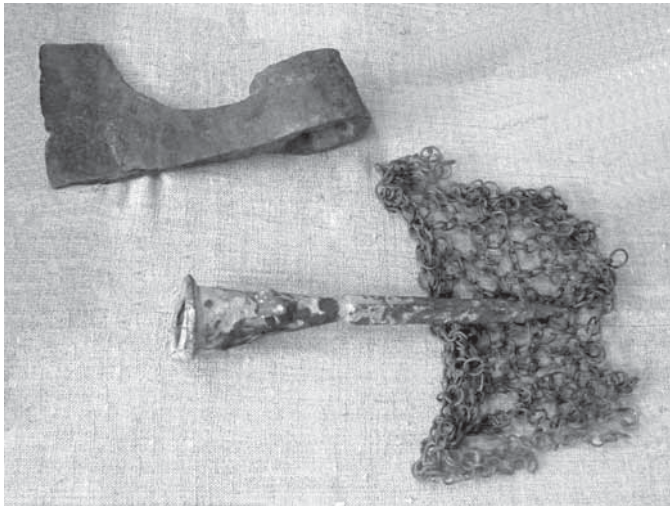
Наконечник стрелы (в натуральную величину)
Находка у брода на левом берегу Быстрой между Жирновым и Апанасовкой

Значит, здесь, на мысе реки Быстрой и Халанской балки, в древности шел бой. Но тогда где-то поблизости должны находиться курганы. Во время сражения с обеих сторон погибли сотни человек, и их надо

было похоронить (в противном случае половцы должны были бы сами уйти из этих мест, ведь такое побоище грозило эпидемией).

Курганы в Донецких степях еще со скифского времени устраивались по водоразделам полей (то есть так, чтобы их не размывало).

И действительно, в ближайшей от «озера» высокой точке — группа больших курганов (см. цветную вклейку). Два десятка распаханых, четыре — нетронутые. На одном — вышка геодезического знака (высота отметки по карте 1985 г. 99,7 м).

Боевой топор, наконечник копья и фрагмент кольчуги
*Находки в междуречье Быстрой и Калитвы вблизи Северского Донца.
Музей города Белая Калитва*

О том, что это массовые захоронения, говорит, на мой взгляд, пологое концентрическое (вокруг вершины) проседание дерна. Но это может быть объяснено и особенностями структуры грунта, а потому подождем, когда до Провальских курганов и до коллекции древнерусского оружия из запасников белокалитвенского музея дойдут (наконец) руки у профессиональных археологов.

Краеведы утверждают, что в начале XX века много находок было сделано на берегу Северского Донца между Быстрой и Белой Калитвой. И это понятно: прорвавшиеся через окружение всадники, должны были выйти к переправе через Донец и здесь побросать (или зарыть до лучших времен) тяжелую амуницию и лишнее оружие.

НАЛЕТЕЛИ ВЕТРЫ ЗЛЫЕ ДА С ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ...

В донских и донецких степях с марта по июнь дуют сильные восточные (реже — юго-восточные) ветры. Здесь считается, что это один ветер, и про него говорят «ветрогон», или «астраханец», или «губатый». А еще, как я уже писал, — «калмыцкая пыль» (ветер-то из Казахстана и с калмыцких степей).

Наша археологическая разведка работала под ним лишь неделю, но, когда солнце припекает, а ветрогон пронизывает, чувствуешь себя не в своей тарелке и без града вражеских стрел.

Калитва и Быстрая текут с севера на юг. И это объясняет, почему, перейдя на правый берег Быстрой и «обходя озеро», Игорь приказал своим конникам сойти с коней. Не потому, что князья боялись бегства собственных дружин (так наивно рассудил Ипатьевский летописец), а потому, что ветрогон гнал половецкие стрелы в сторону русских. И стрелы летели не на сто метров, а, скажем, на сто двадцать. А стрелы русичей — едва ли на восемьдесят.

В «поле незнаемом», где даже *дождь шел стрелами*, половцы с безопасного расстояния более суток расстреливали левый фланг пробивающегося к Донцу Игоря.

Напомню, что об этих летящих «от Дона» стрелах в «Слове» говорится: «Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого...»; «Это ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы...»

Вот Ярославна будет пенять ветру на то, что он несет «хиновские стрелочки на воинов ее мужа».

Коня щитом не прикроешь. Потому русские спешили и «перегородили поле червлеными щитами» (а коней, видимо, вели у самого обрыва). И только Всеволод, который, прорубаясь в сторону Донца, пытался спасти попавшие в западную полки, оставался со своей дружиной на конях.

В ближнем бою половецкие стрелы были ему не страшны.

Для меня эта экспедиция началась более четверти века назад с предположения моего друга и соавтора Александра Тархова о том, что Каяла — это Калка. Спасибо за помощь Н. Б. Сулимовой, В. Г. Заярной и всем учителям средней школы поселка Жирнов, преподавателям истории в школах хутора Исаев и поселка Шелуховский И. А. Шевакову и С. Н. Ящкову, директору краеведческого музея в станице Тащинской Д. Ф. Гречкину, сотрудникам районной администрации и Н. В. Черкасову, а также В. А. Мамыркиной, Н. Ф. Беляеву, и археологам Р. В. Прокофьеву, К. В. Синяпкину, М. В. Власкину, А. П. Орехову.

АВТОГРАФ БОЯНА?

экспедиция вторая: Новгород

...отворил ворота Новгорода...

Слово о полку Игореве

Этот текст процарапан на столбе «лестничной башни» Новгородской Софии. Находится он над шестой ступенькой последнего пролета лестницы на уровне колен взрослого человека. По палеографическим признакам граффити № 199 до лета 2005 года относили к рубежу XII–XIII веков. Но доверять такой датировке было нельзя: исследователи работали с черно-белой фотографией 1970-х годов, на которой одни буквы читаются предположительно, а другие вообще не видны, края надписи на фото срезаны, а съемка сделана при косом освещении слева, и некоторые резы, оставленные острым кончиком писала, перекрыты тенями от неровностей штукатурки.

Фото граффити № 199 опубликовано в книге А. А. Медынцевой¹.

Предложено такое чтение:

Гололе Железничъ камяньи перси, медяная голова, липова челюсть, в золоте... Далее предположительно: руки... бесе сотона татем... добр ако... аминь.

Интерпретация публикатора: это загадка про колокол или колокольню, а подсказка в ничего не значащем звукоподражании «гололе» (ну а «Железничъ» — «отчество»). Медынцева пишет: «..бесспорно

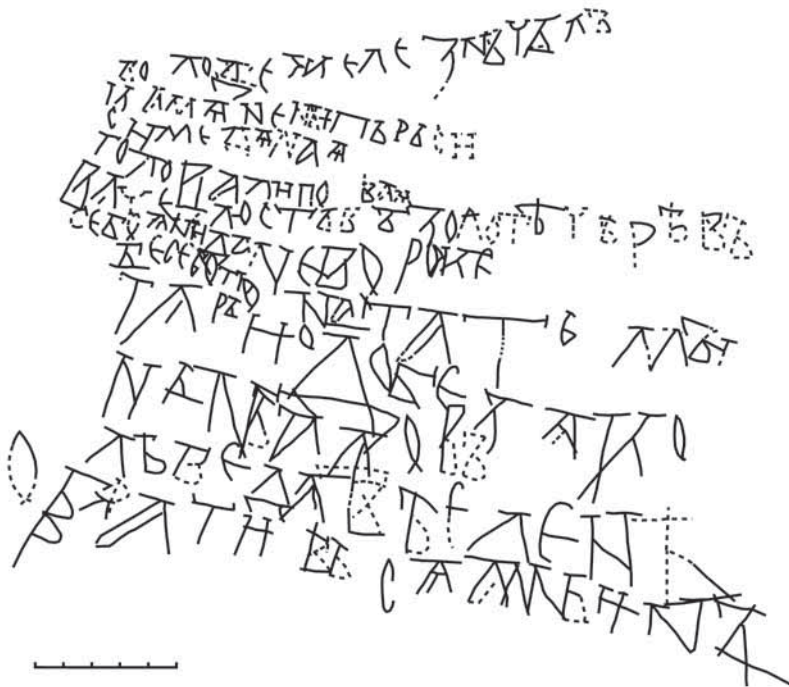
---

¹ *Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV веков. М., 1978. С. 142–145; 278–278.*

чтение последнего слова — *аминь*». Однако даже на опубликованном в ее книге фото видно, что *аминь* записано с ошибкой: *аминьъ*. Видимо, кто-то попытался исправить начертанное единой графемой с несколькими лигатурами

AMHЪ

(А+М+Н+Ъ), добавив справа последние буквы граффити ИНЪ.

Граффити № 199 Софийского собора в Новгороде. Прорись по фотографиям *Точечным пунктиром переданы затертые, поврежденные или недораскрытые штрихи и буквы, которые при многократном увеличении читаются с большей или меньшей долей уверенности*

Изучение надписи продолжил А. А. Зализняк². Вот его чтение, основанное на фотографии из книги А. А. Медынцевой (те буквы,

² Первая версия его чтения представлена в книге: Янин В. Л., Зализняк А. А., Гитлис А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 гг. Т. 11. М., 2004. С. 242–246.

которые читаются неоднозначно, даны в квадратных скобках, чистые конъектуры — в круглых скобках):

[ИД]ОЛЕ ЖЕЛЕЗН(-)
 КАМЛАН-- ПЬРЬ=
 СИ МΕΔΔ[Н]АА
 ГОЛОВА ЛНП[О]=
 ВА [Υ]ΕΛ[ΙΟС]Т[Ь В]ЪЗΟ(РН) [С](Ρ)=
 ΕΒ(Ρ)[Λ]НИ Д[Ш]Ε ΒΟΡΟЖЕ
 БЕСЕ СОТОНА ТАТΕΛЪ
 [Ц]АРЬ Н О Д[О]БРЕ ΖΑΚΟ=
 НЕ НА[Χ]Ο=
 [ДЬЦ]Ε ΔΑ [Н]Α [ΜΛ Π](Ε Ο)=
 Β[Ρ]ΑΤΙΝΙ(Н)С[Λ ΑΛ]ΝНЪ

Перевод: «Идол железный, каменная грудь, медная голова, липовая челюсть, взоры серебряные. Дух, враг, бес, сатана, вора царь и доброму закону насильник, да не обратишься ты на меня! Аминь».

Варианты перевода первой строки: «великан железный» и «волос железный».

Смущают не столько «серебряные взоры» (привет от декадентов начала XX столетия), сколько то, что в таком виде текст противоречит нашим представлениям о средневековом мышлении. Невозможно вообразить, чтобы в XII веке некто взошел по винтовой лестнице под купол «лестничной башни» и, подробно описав сатану в виде фантастического идола, просил у беса не причинить ему зла, ведь средневековый человек понимал, что назвать по имени — окликнуть, то есть призвать. (Не буди лиха — сиди тихо!)

Но, может быть, перед нами уникальная молитва, обращенная не к Богу или Святой Софии, а к самому «ангелу ада»? Тогда почему, хотя адресат — хозяин подземной бездны, текст не зарыт на капище и не брошен в воду, а написан высоко над землей *поближе к Богу?* (А отсюда ближе — только птицы небесные.)

Остается допустить, что автор граффити — душевнобольной, у которого инверсированы фундаментальные для любой архаической культуры понятия о верхе и низе.

Не все буквы этой записи оказались до конца раскрыты реставраторами. Однако в ряде случаев видно, где буква утрачена окончательно, а где перекрыта консервантом (которым пользовались реставраторы XX века, укрепляя древнюю штукатурку) или же высолами. Если буква раскрыта не полностью, то на макрофотографии она

в ряде случаев читается, однако не по рваной линии, дающей резкую тень при косом освещении, и не по варварской обводке графитным карандашом, которой в XX веке подверглись многие записи Новгородской Софии, а по двойной плавной линии проступающего из-под мастики «продава». Как объяснили мне реставраторы, этот лжепродав, визуально напоминающий хорошо зарубцевавшуюся рану, может возникать оттого, что от перепадов температуры на поверхности штукатурки проступает ямчуга — высолы. Буква может заплыть и полностью, как, видимо, не раз произошло в нашем случае.

С помощью новгородского историка С. В. Трояновского удалось организовать пересъемку этого граффити. 1 февраля 2005 года серию фотографий граффити сделал Е. В. Гордюшенков. Снимки я передал А. А. Зализняку. К работе над текстом подключились А. В. Дыбо, А. А. Гиппиус, С. М. Михеев и С. Л. Николаев, предложившие ряд новых прочтений, в основном относящихся ко второй части текста. Зализняк и Николаев независимо друг от друга прочитали в восьмой строке граффити *Иудо безаконь...* («Безаконный Иуда» — выражение, встречающееся в целом ряде древнерусских текстов.) Зализняк вернулся к чтению Медынцевой (*железньчь*), принял мое и Гиппиуса чтение *тать мытарь* (вместо *татемь [ц]арь*) и, передатировав надпись второй половиной XII века, вновь сделал попытку прочитать весь текст как единое высказывание.

Однако и она, как признает сам исследователь, стопроцентным успехом не увенчалась:

Полного перевода надписи на этот раз, ввиду того, что некоторые места все еще остаются недостаточно ясными, мы уже не предлагаем. Первая часть надписи гласит: «Голод(?))-Железнец(?), каменная грудь, медная голова, липовая челюсть». Далее следует не имеющий полной расшифровки отрезок с упоминанием ехидны³ и ворожбы; возможные толкования: «в ехидниной злобности ворожи (или ворожит)»; «в злобе, ехидна, ворожи»; «во зло себе, ехидна, ворожи»... Вторая половина надписи: «бес Сатана, вор-мытарь, безаконный Иуда! А улетел, так на плечи [нужно] брать веру. Аминь». Как и в нашем прежнем прочтении, надпись понимается как описание идола, отождествляемого с сатаной, и выступает как важное свидетельство древнерусского двоеверия. Из образов христианского происхождения добавились Иуда, а также мытарь⁴.

³ Чтение *ахидьне* предложено А. А. Гиппиусом и С. М. Михеевым. Но тогда выходит, что верхняя левая часть этой буквы крадется из написанного в пятой строке *e* и отсутствует одна из верхних шрифтовых засечек.

⁴ Пользуясь случаем поблагодарить А. А. Зализняка за возможность познакомиться в рукописи с его новой версией.

Получается, что некий сатанист возжаждал креститься, поскольку сатана (он же Иуда, и медноголовый идол, и мытарь с липовой челюстью), по мнению пишущего, уже «улетел». Но разве такое мог написать человек, цитирующий, как показал тот же А. А. Зализняк, библейский сон Навуходоносора (см. ниже)? И какую веру автор этого текста собирает «брать на плечи», если враг, как известно средневековому человеку, всегда рядом и всегда на охоте за твоей душой?

Может быть, писал язычник? Но язычники поклонялись не сатане, а своим домашним богам. А если речь об идоле Перуна, то он не улетел, а уплыл из Новгорода за полтора-два века до появления этих строк. (Идол был из дерева, и когда бы у него была «медная голова» и «каменная грудь», вряд ли он смог бы далеко уплыть.)

Ключ к разгадке граффити № 199 лежит в Словаре В. И. Даля.

В статье «Колпь» читаем: «Летят колпчики и говорят: у нашей матушки *сердце каменное, грудь железная*, мельничные крылья».

Даль указывает, что колпица — и деревянная пристройка печи, за которой устраивают полати, и птица⁵. Розовая колпица (чубатая цапля) гнездится колониями в зарослях тростника, по низовьям рек, на озерах и там, где устроены запруды. Потому-то «матушка колпчиков» — мельница. И если убрать подсказку, не составляет труда реконструировать начальный вид далевской загадки: «...сердце каменное (жернов), грудь железная (приводной механизм), крылья деревянные». Однако в XI веке мельниц еще не строили, обходились ручными крупорушками и зернотерками, а первые сведения о мельницах на Руси относятся к 1267 году (упоминание о них мы находим в ярлыке хана Менгу-Темира митрополиту Кириллу).

Итак, упрощенный вариант софийской загадки еще двести лет назад бытовал в деревенском фольклоре в виде загадки про мельницу (церкви с колокольнями бывают лишь в крупных селах, а великаны-мельницы есть в каждой сельской округе), и, значит, А. А. Медынцева была права: в Софии в верхней части граффити № 199 написана загадка. Только не о колокольне, а обо всей Софии.

Эта загадка могла быть и тестом на сообразительность (прекрасный способ проверить остроту ума гостя или нового собрата).

Заведующий сектором архитектурной археологии Эрмитажа О. М. Иоаннисян подсказал мне, что древнерусский человек воспринимал храм как некое антропоморфное существо: *Паде лобъ*

⁵ Однако, как растолковала мне А. В. Дыбо, это два разных слова. Общеславянское *колт* — лебедь. А *колпица* (деревянная пристройка, кладовая) — заимствование из восточнофинских говоров (от древнескандинавского *golf* — навес).

(купол), а после шея (подкупольный барабан), говорит летописец о разрушении Успенского собора в Ростове.

Мне представляется, мы имеем дело с комплексом из четырех одновременных граффити. Высказанное в частной беседе предположение А. В. Дыбо о том, что перед нами как минимум две разные записи, подтверждается тем, что верхняя половина текста (за исключением нескольких исправленных букв) выполнена строгим архаическим почерком, но затем буквы становятся в полтора-два раза крупнее, а их неряшливая и чересчур эмоциональная графика вполне согласуется с бранным содержанием записи.

Сегодня, в конце августа 2006 года, я так понимаю последовательность текстов:

199-А

Некто записал загадку о храме. Упоминание о «липовой челюсти» говорит о том, что это произошло до середины XIV столетия, когда на Софию были навешены бронзовые Магдебургские врата (их также называли Корсунскими).

199-Б

Кто-то из набожных читателей попался в интеллектуальный капкан и по-своему (а на самом деле, именно так, как ожидал хитроумный автор) разгадал текст, аккуратно приписав снизу: «бес Сатана». Надпись получилась вполне учительская, и потому церковная цензура ее пощадила. Однако автор софийской загадки поставил новгородских монахов в положение Эдипа, которому Сфинкс предлагает загадку о человеке. Эдип дал правильный ответ, а автор приписки «Б» неправильный. Поскольку сработал прием *отстранения* и ложной подсказки, за чудесным описанием разгадчик не узнал того места, в котором сам в данный момент находится.

199-В

Третий писавший (его почерк заметно крупнее) высказал свое негативное отношение к кому-то из своих современников. Если почерк «А» дышит спокойствием и уверенностью, то обладатель почерка «В» чем-то взволнован. Он или торопится, или болен, или нетрезв. Его текст (в переводе): «Ахидна, враг, тать, мытарь, Иуда беззаконный, адов лев, да в оленя (?) облачившийся. Аминь».

199-Г

Четвертый автор этого настенного форума, солидаризируясь с автором «В», исправил лишь несколько букв.

Перейдем к расшифровке.

199-А. Силлабическая загадка о Софии (в стиховой записи):

(В)ОЛО(Т)ε⁶ ЖЕΛΕΖНЪ ΥΒΛ[Ъ]⁷
 ΚΑΛΛΑΝΕ[ΝΥ] ΠΥΡΨΗ⁸
 ΜΕΔΑ[Ν]ΑΑ ΓΟΛΟΒΑ
 ΛΗΠΟΒΑΛ⁹ [Υ]ΕΛΙΟСΤЪ¹⁰
 [В]Ъ ΖΟ(ΛΟ)[Τ]Ъ¹¹ [Υ](ΨΡΨΒЪ)¹²
 [с]ε Б[ОΛ]Н(ε) ΔΑΝε¹³

В первом стихе восемь слогов, в шестом — шесть, в прочих по семь.

⁶ Изначально первым словом граффити было, вероятно, **ВОЛОТ**ε — великан (так полагал в первой версии своего чтения А. А. Зализняк). Буква **В** частично заглажена и исправлена на **Г** (петельки **В** различимы при макросъемке). Вокруг буквы **Δ** видна затертая область, в которой угадываются правая часть горизонтального штриха и шрифтовые засечки начальной **Т**. При этом нижняя часть **Δ** оторвана от верхней и начертана столь размашисто, что А. А. Медынцова принимает ее за «случайную царашину» (что опровергают снимки). Нехарактерен для почерка «А» и правый верхний штрих **Δ**. Он не наклонен, но строго вертикален (как и должно быть у **Т**). При этом если написано **Т**, то графика всего слова уже не такая рваная, и пробел после **Г**ε поддерживается пробелом после **λ**ο (см. прорись).

⁷ А. А. Зализняк показал, что в бытовом письме практиковалась замена **ο** на **ъ** и **ε** на **Ъ** (и наоборот). Такую замену встречаем в тексте «А» (но только в нем).

⁸ Слог **сн** в конце строки затерт и продублирован в начале следующей строки самим автором. Буква **с** с верхней засечкой встречается только в тексте загадки, дальше она с головкой-полупетлей.

⁹ Три последние буквы в конце слова **ΛΗΠΟΒΑΛ** полузатерты, а в начале следующей строки размашистым почерком правщика продублировано только **ΒΑ**, причем **Λ** широко раскрыто, какое встречается только в тексте «В» (**ΜΥΤΑΡΨ**).

¹⁰ Лигатура **λ+ι**ο.

¹¹ А. А. Медынцова полагает, что слог **ТЪ** записан лигатурой **Т+Ъ** (если запись одноеровая, то **Т+Ъ**). Но если мы правильно разобрали слово **ζο[λοτ]Ъ**, то последняя буква в нем **Ъ**.

¹² От этого слова видны лишь отдельныерезы (на прориси сплошной линией).

¹³ Начальное **с** частично затерто, но целиком видно на экране компьютера. Читается **сε** **Б**ο... Буква **ο** узнается по нижней своей характерной части (два пересекающихся серпа). Верхняя ее часть угадывается внутри выбоины по замкнутому остроконечному контуру. У буквы **Λ** почти не виден средний горизонтальный штрих, и она выглядит как **Λ** (необходима дополнительная макросъемка этого фрагмента). Поскольку поверхность штукатурки левее графемы повреждена, можно допустить, что здесь надо читать **ια**. Но возможно и написание **Б[οΛ]не**, известное по более поздним текстам. Чтобы получить слово **ΛΧΗΔЪне**, редактор небрежно исправил в слове **Б[οΛ]не** букву **н** на **χ**, а **ε** на **н** (у последней отсутствует одна из шрифтовых засечек); в **ΔΑΝε** и ныне хорошо читаемое **Λ** переделал в **Ъ**.

199-Б. Неверная отгадка: БЕСЕ СОТЪНА¹⁴.

199-В. Приписка и правка:

АХНДЪНЕ ВОРОЖЕ (далее из 199-Б: БЕСЕ СОТЪНА) ТАТЪ МЫТЪАРЬ¹⁵ НЮДО¹⁶ БЕЗАКОНЪН[Ъ] АДОВ[Ъ] ЛЬ[В]Е ДА (В)Ъ ЕЛЕН(Ь) [О]БЛАУНВ[Ъ]СА¹⁷ АМННЪ¹⁸. Автор приписки начал с правки ВОЛОТЪЕ на ГОЛОДЕ. (Для чего он это сделал, скажем чуть позже.) Ему же принадлежит и написание слога ВА в начале пятой строки граффити (правщик хотел продублировать полустертое окончание слова ЛНПОВАА, но не заметил конечного А). Еще о правке этого редактора см. примеч. 13 на предыдущей странице.

199-Г. Правка: СОТЪНА исправлено на СОТОНА. Под последней строкой и над ней дважды ρ. В конце текста добавлено Н НЪ¹⁹.

ДЕСЯТЬ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ

1. В «А» буква о прямая или наклонена вправо, в «Б» прямая или наклонена влево.

2. В «А» у буквы с сверху присутствует шрифтовая засечка, а в «Б» и «В» — полупетля.

3. В «А» буква ε серповидная, в «Б» и «В» сверху полупетли (в трех случаях они видны на макрофотографиях).

4. В «А» оба написания буквы ζ «большоголовые», в «В» головка маленькая.

5. В «А» буква γ чашеобразная: ΥЪЛ[Ъ], в «В» с плоской крышкой шрифтовыми засечками вверх: [О]БЛАУНВЪСА.

6. В «А» у букв к, л, ж, а штрихи округлые, в «В» прямые.

7. В «А» у буквы л боковые направляющие под крышкой не сходятся углом, в «В» это острый угол.

8. В «А» у буквы т шрифтовые засечки скошены в направлении центра, в «Б» и «В» они вертикальные.

9. В «А» буква л «стоящая», в «В» «шагающая».

10. Графика буквы ρ в «А», «В» и «Г» разная, но при этом в «В» и «Г» это — графемы-близнецы (каждая в своей паре).

¹⁴ Здесь ъ переправлен в о. Последняя буква подчеркнута (видимо, это знак окончания текста). Возможно, впрочем, начальный вариант был БЕСЕ СЪТЪ.

¹⁵ Правая мачта буквы Ы руинирована, но видны шрифтовые засечки.

¹⁶ Лигатура Н+Ю.

¹⁷ Первоначально, возможно, было [О]БЛАУНШЪСА. Дописанное под этой строкой ρ продублировано в тексте выше л (впритык к правой мачте л): [О]БЛАУНШЪСА (или [О]БЛАУНВЪСА) было понято редактором как [О]БРАТНВЪСА.

¹⁸ Сначала слово было записано лигатурой А+М+Н+[Ъ].

¹⁹ После правки слово превратилось в ошибочное АМННЪ.

А. А. Зализняк допускает, что сумма текстов граффити № 199 могла быть написана разными людьми, но отмечает, что почерки слишком уж похожи. Однако таблица почерков говорит об обратном.

ПОЧЕРКИ ГРАФФИТИ № 199

А	Б	В	Г
ooooooo ππππππππ	o	ooooo ↑↑↑↑↑	o
σσσ εεεεεεεεεε ccccc γγγ	εε σσ	εεεεε c γγγ	
ππππππππ γγγγ δδδδδδδδδδ γγγ	ππ γγ δδ	πππππ γγγγ δδδδδδδδδδ γγγ	ππ γγγγ δδδδδ
γγγ γγγγ λλλλλλλλ ππππππ ρρρ σσσ πππ γγγ γγγ	λλ ππ γγ ππ γγ	λλλλ ππππππππππ ρρρ σσσ πππππ γγγγ	ρρ
πππ γγγ γγγ	ππ γγ	πππππ γγγγ	

В результате мы имеем дело с уникальным для древнерусских граффити палимпсестом, в котором, по счастью, предыдущие тексты не уничтожены, а отредактированы (и потому могут быть восстановлены).

Поясню на бытовом примере: тот, кто в восьмидесятых годах пользовался услугами метрополитена, знает, что в Москве и Питере на окна вагонных дверей изнутри было написано «Не прислоняться. Дверь открывается автоматически». Трафаретную надпись, сделанную желтой краской, можно было затереть ногтем. Ожидая своей станции, шутники обеих российских столиц машинально ковыряли нанесенную на стекло краску. И кто-то стер буквы так, что получилось «Не п...ис...о...т...ся. Дверь от...рывает... (далее непристойно)». Мысль о грамматических ошибках нимало не смутила ни первооткрывателя этой магической формулы, ни его последователей.

Сегодня эта транспортная острота встречается реже, а в Петербурге, как рассказали мне Ю. Ю. Рыбакова и П. З. Аршакуни, популярны куда более невинные варианты: «Не ...слоняться» и «Не слон... я».

О новгородском изводе подобного *прикола* сообщил мне Сергей Трояновский. В Новгороде нет метрополитена, но и в рейсовых «Икарусах» висит жестяная табличка «Осторожно, двери открываются внутрь». Затиранием надписи и правкой одной-единственной буквы это превращается в «...сторож... р...ыгает внутрь».

Следуя той же знаковой (а потому чрезвычайно древней) логике, автор текста «В» (но, может статься, что «Г») превратил слово *волоть* в слово *голодь*. (О правках редактора «Г» см. выше.)

Правщик мастерски сделал черную свою работу. Во всяком случае, даже А. А. Зализняк, читая «дух, ворог, бес Сатана, царь татей (или мытарь, вор)», не обратил внимания на то, что в этом эклектическом ряду отсутствует обычная в данных конструкциях иерархия нагнетания. После inferнального «бес Сатана» слишком слабым выглядит и «тать», и «мытарь».

Это случайный набор бранных слов, то есть не ругательство, а его имитация.

²⁰ Как сообщила мне архитектор-реставратор О. Г. Гусева, деревянные резные двери древнерусских храмов до нас не дошли (даже фрагментарно в виде археологического материала). Но они сохранились в Италии и на Кавказе — в Грузии и Армении, где изготовлялись из кипариса или тиса. Однако И. Л. Воинова подсказала, что в Спасе на Нередице ведущая на хоры лестница и сегодня закрывается современной строительству храма деревянной дверью. Впрочем, нельзя исключить, что под липовой челюстью имеется в виду не покрытая резными барельефами дверь, а деревянный навес-козырек и крыльцо.

Перевод текста «А»:

О, великан, железное чело (*София и ее колокол*)
 каменная грудь (*стены, апсиды*)
 медная голова (*центральная главка, крытая медью*)
 липовая челюсть (*резные липовые двери*²⁰)
 в золоте чрево (*интерьер*)
 вот дань Боянова

Чтение «чело» предложила Н. М. Введенская. Она же угадала и продолжение строки [В]ъ 50... В этом случае «чело» — колокол, ведь он, как полагают, должен был висеть метрах в трех над головой того, кто записал эту загадку.

В Интернете на форуме С. Кара-Мурзы находим правильную разгадку (речь идет о древних граффити в лестничной башне):

А какие-то друзья — не разлей вода, — по обычаю, восходящему к языческим верованиям, на лестнице внутри храма устроили настоящий пир-братчину да еще оставили на центральном столбе лестничной башни свидетельство о своем веселье: «Радко, Хотко, Сновид, Витомир испили лаговицу [сосуд вина] здесь повелением Угруна. Да благослови Бог то, что нам дал! А ему [щедрому Угруину] дай спасение! Аминь!» Вот так новгородское веселье, рядясь в благообразную церковную одежду, проникало даже в святой храм. Кто не осмеливался на такую дерзость, искал себе развлечений потише и поскромнее, чтобы хоть чем-то заняться во время службы. Разговаривать в храме священник не велит, так кто-то приятелю на стене загадку нацарапал — пусть отгадает! «Гололе железный, камяны перси, медяная голова, липовая челюсть, в золоте...» Что такое? «Гадай, гадай, приятель! А выйдем из церкви — отгадку скажу! Это же храм Божий! Голос-звон железный у него, грудь каменная, голова — медный купол, золотом крытый, а липовая челюсть — легкое крыльцо!..»

Ссылка на источник отсутствует, хотя можно догадаться, что автору надо искать где-то в кругу экспедиции В. Л. Янина. Однако, дав правильный ответ, интерпретатор тем не менее продемонстрировал, что весьма смутно представляет ситуацию с граффити № 199: напомним, что эта надпись сделана не в храме, а также в «лестничной башне», где не надо молчать во время службы (поскольку здесь и не служат).

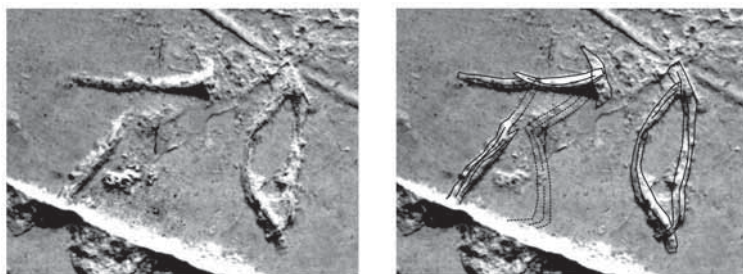
Вернемся к первой строке загадки. Колокол вряд ли был железным, но А. А. Зализняк показал, что перед нами парафраз из сна Навуходоносора, где говорится о железных ногах идола и о грядущем «железном царстве». В Книге пророка Даниила (2: 31–33) пророк разгадывает сон Навуходоносора, который видел великана.

В Острожской Библии это место выглядит так (цитирую по первой статье А. А. Зализняка):

И се тѣло едино велие, тѣло то и обличие его округло, стоя пред лицомъ твоимъ, и озракъ лица его страшень, тѣло егоже глава от злата жива, руцѣ и перси и мышцѣ его сребренѣ, чрево и стегнѣ мѣдянѣ, голени желѣзни и часть нѣкая скуделна.

Сам набор материалов стандартен для описания идола: на пирах Валтасара славили богов золотых, серебряных, медных, железных, деревянных и каменных. (В загадке из граффити № 199 из этого списка отсутствует только серебро.)

Графически в первой строке софийской надписи приемлемы варианты *голоде* и *володе*. В последнем случае (по Зализняку) перед нами существительное *волод* — нигде более не засвидетельствованный вариант слова *волот* — великан. (Вспомним, что самую большую московскую колокольню позже прозовут Иваном Великим.) Но при макросъемке видно, что буква *г* в слове *голоде* получена из *в*:

Макрофотография и прорись по ней

*Буквы **В** в слове **В**ОЛОТѢ/ГОЛОДЕ (с учетом параллельных царапин, оставленных неровностями кончика писала).*

О том, что часть рез затерта, а не просто перекрыта высолами, говорят:

*а) двойная прорись горизонтального штриха **В**/Г;*

*б) утрата верхней части мачты **В**/Г;*

*в) отскочившая вверх шрифтовая засечка (чтобы не совпасть с затертой петлей **В**), завершающая процесс превращения **В** в Г.*

(Свою версию о том, зачем и кому понадобилось слово *волоте* превращать в *голоде*, я выскажу чуть позже.)

Указанная А. А. Зализняком библейская параллель — тот редкий случай, когда параллели и впрямь пересекаются. Перед нами ключ

ко второму дну загадки, ко второй, ученой и пророческой разгадке такого, казалось бы, «детского» текста.

В Книге пророка Даниила под истуканом имеется в виду Вавилонское царство, которое будет разрушено «Божьим камнем». У вавилонского истукана голова была золотая, грудь и руки — серебряные, чрево и бедра медные, голени железные, а ступни глиняные. Тот истукан предшествовал другому, золотому, которого установит Навуходоносор. (Вся образная система текстов «А» и «В» построена на заимствовании из тех мест Библии, где говорится о поклонении золотому истукану и золотым тельцам.) По пророчеству Даниила (2: 36–46) после златоглавого царства Навуходоносора настанет время второго (материал не уточняется), после будет третье, медное, которое станет владычествовать над всей землей. А потом железное.

Логично, что описание великана начинается с «железного чела».

Итак, первые шесть строк граффити — это действительно загадка, написанная силлабическими стихами.

В Новгородской Софии на стене придела Иоанна Богослова сохранился рисунок Софии, сделанный по первоначальной цемяночной штукатурке в 1109–1112 годах, возможно, неким Петром (граффити № 35). А. А. Медынцева считает, что автор этого рисунка — знаменитый новгородский зодчий Петр. В 1118 году он построил Георгиевский собор Юрьева монастыря²¹, но до того, видимо, закладывал камнем проемы южной галереи Софии, превратив ее в крытую паперть. Имя Петр над рисунком может быть и именем апостола Петра, что не только не исключает, а даже скорее подтверждает авторство архитектора Петра:

Граффити № 35

²¹ *Медынцева*. С. 59, 220.

так и Петр Первый назвал Петербург не в свою честь, а в честь своего небесного покровителя.

Архитектор-реставратор Г. М. Штендер полагал, что на этом рисунке горизонтальными линиями на барабанах переданы ряды красной плитки. Видны две из четырех боковых глав, а центральная перекрыта колокольней, то есть тем, что сегодня принято звать «лестничной башней». Под ее куполом нарисован рифмующийся с воротами арочный проем. Здесь и должен был висеть колокол.

Такой же арочный проем под куполом Софийской колокольни мы видим и на клейме новгородской иконы «Знамения» XVII века.

А вот свидетельство Новгородской Первой летописи (1067): *Приде Встславъ и възя Новгородъ съ женами и съ дѣтми и колоколы сѣма у святыхъ Софие* (ПСРЛ. Т. III. С. 17).

А. А. Медынцева пишет, что колокольня была построена только в 1437 году. Но под этим годом в Комиссионном списке сказано, что по весне вода подмыла детинец и оползла стена, а с ней и «колоколница от Волхова». Ясно, что речь о находящейся у городской стены звоннице.

Полагаю вслед за Н. Бруновым и Н. Травиным, что смотрящая на запад колокольня Святой Софии была звеном единой системы дозорных постов Новгорода, расположенных и на колокольнях окрестных монастырей: Юрьевом и Антониевом²². Когда-то дозорные посты располагались на дивинцах курганов, и оповещение об опасности передавалось, надо полагать, дымами. В окрестностях Старой Ладogi мы и сегодня можем проследить цепочку естественных и сопочных (курганых) доминант, перекинутую с берега на берег Волхова: Любшанская крепость — «Олегова могила» — Земляное городище — Лопино — Победище. В Новгороде, надо думать, эта система была усовершенствована: *колокольный телеграф* был, конечно, надежней и эффективней дымового, поскольку не зависит ни от времени суток, ни от погоды.

В. Д. Сарабьянов пишет о «лестничной башне» Антониева монастыря:

...изначально башня мыслилась как колокольня, на что указывают обнаруженные при последней архитектурной реставрации три заложённых проема для колоколов, расположенных в основании главы один за другим по ходу винтообразной лестницы. <...> Таким образом, башня собора Антониева монастыря оказывается первым известным примером колокольни в русской архитектуре²³.

²² Брунов Н., Травин Н. Собор Софии в Новгороде // Сообщения Института истории и теории архитектуры. Вып. 7. М., 1947. С. 39.

²³ Сарабьянов В. Д. Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде. М., 2002. С. 22.

Уточним: Новгородская София с ее башней-колокольней все же на семь десятилетий старше.

Сняв вечевой колокол, Иван III, по всей вероятности, позаботился и о том, чтобы новгородские колокольни превратились в «лестничные башни». Первое лишало Новгород политической самостоятельности, второе — собственной уникальной системы военной защиты. (Может быть, в этом был и элемент царской издевки, ведь за сдачу колокола бояре просили московского князя не только оставить им вотчины, но и разрешить не нести караульную службу по охране границ.) Правда, и на миниатюре из Лицевого свода XVI века, где мы видим лежащий на санях и уже готовый отправиться в Москву вечевой колокол, на заднем плане изображена не колокольня Софийского собора, а звонница. На ней не один, а четыре арочных проема (в два этажа), и в каждом проеме по колоколу. (Надо думать, они прощаются со своим уезжающим в московскую ссылку собратом.)

Итак, колокол во лбу софийской колокольни — железное ее чело, а каменные груди — тот *камень новой веры*, что разрушил Древний Восток. Центральный купол Софии (и до сих пор только он) был позолочен в 1508 году. Это значит, что до того он был крыт свинцом или медью, как, скажем, Староладожский Георгиевский собор. Из текста загадки мы узнали, что центральная глава была медная (достаточно дорогой для XI или XII века металл). Плюс северная деталь — «липовая челюсть», врата храма. Ну а золотое чрево (вспомним евангельское «лоно Авраамово») — рай (Лука 16: 22), то есть здесь интерьер храма.

Великаны, у которых медные головы и железные лбы (при этом питаются они камнями), — братья древнекитайского бога войны Чию. Выписываю из статьи «Чию» Б. Л. Рифтина:

В преданиях III в. до н. э. — III в. н. э. говорилось, что Чию бодал своими рогами Хуан-ди. Отсюда де пошла популярная в Северном Китае до XX в. игра в Чию. <...> Культ Чию был, видимо, особо распространён на севере Китая, жертвоприношения в его честь здесь совершались ещё в VI в. <...> Его образ не раз использовался в литературе, например, в драме XIII–XIV вв. Существует предание и о звероподобных братьях Чию, которые говорят по-человечьи, у них медные головы, железные лбы, питаются песком и камнями. По мнению некоторых исследователей, Чию — это племя великанов²⁴:

Этот северокитайский мотив мог прийти из Северного Китая до Адриатики во время великого переселения народов с гуннами или

²⁴ Мифологический словарь // Под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1990.

аварами. И уже от них попасть к дунайским славянам и дотянуться до времен Бояна и автора «Слова о полку».

Вот и в армянском эпосе «Давид Сасунский» мы встречаемся с образом тучного уродливого великана, столь заплывшего жиром, что веки свисали ему на щеки. Великан укреплял их железными путями и связывал на лбу. Другими словами, он сам изготовил себе железный лоб, потому что иначе он просто не мог видеть.

– КАМАНЕ[НЫ] ПЕРЬСИ

Известно, что в конце X века вечевая площадь Пскова была расширена устройством на приступе мощного каменного подпорного вала. Назывался он Перси — груди. Приведу строки из исследования о древнерусских крепостях:

До сих пор считается, что Персями псковичи называли сложенную на известковом растворе каменную оборонительную стену на приступе Детинца. А если это так, то известие о Персях под 1065 г. — недостоверно, потому что в XI в. строительство такой стены в Пскове очень и очень сомнительно. Однако все выяснилось после того, как нашелся документ, упоминающий перси в Вороначе (Сб. Московского Архива Министерства юстиции. Т. V. М., 1913. С. 340), что позволило сравнивать крепости друг с другом. Перси Воронача представляют собой повышенный на приступе с помощью вала земляной склон крепостного холма. Такие перси мы знаем у древнейших городищ Руси, в частности на Псковщине — у Труворова городища. Сооружали перси, отрезая мыс какого-либо плато рвом и отсыпая вал около этого рва. В Вороначе перси оказались, таким образом, земляными, в Труворовом городище — щебеночными. В Пскове ров Гребля перед Детинцем пробит в скале, и для вала в отвал здесь шел камень. Следовательно, как стенка рва (нижняя часть Персей), так и выше сложенный вал (верхняя часть Персей) были каменными. Косвенно о каменных Персях свидетельствует и известие 1065 г. Полочане вряд ли бы стали бить камнеметами пологий земляной вал. А вот крутой каменный вал разбивать было целесообразно. Обрушившись, он мог засыпать Греблю, причем по осыпи можно было ворваться в крепость. Перси Пскова имеют в плане конфигурацию подковы, приставленной краями к Кромскому холму, и находятся в низине под этим холмом. <...> До первого упоминания под 1065 г. в Пскове был всего один князь Судислав, и находился он там долго — с 988 по 1059 г. (умер в Киево-Печерском монастыре в 1063 г.). Вполне реально допустить, что «каменная грудь» Пскова возникла в конце X в. с приездом этого князя в Псков²⁵.

²⁵ Мокеев Г. Я. Древнерусские крепости комбинированного типа. М., 1973. С. 72–75.

Тот же оборот мы находим в сделанном в середине XVII века анонимном украинском переводе «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо:

Перси каменныя в су[л]танѣ ся крушаху,
А слезы многіє в пол гнѣва изпадаху²⁶.

В оригинале концовка этой строфы выглядит так: «...ch'ammollí il cor che fu dur marmo inanti, /e il pianto scaturí di mezzo a l'ira. /Tu piangi, Soliman? tu, che destrutto /mirasti il regno tuo co 'l ciglio asciutto?» У Тассо вместо «сокрушившейся каменной груди» — «разбитое, некогда мраморное сердце». Потерпевший поражение от крестоносцев и оплакивающий гибель своей империи султан Солиман назван «разрушенным и взирающим на свое царство сквозь сухие ресницы». И поскольку рухнувшее царство всегда будет ассоциироваться с павшими крепостными стенами, украинский переводчик совершенно обоснованно процитировал какой-то древний (это видно по месту в строке частицы «ся») текст: *Перси каменныя <...> ся крушаху* — Перси каменные сокрушились. В таком виде это могло относиться и к крушению иерихонских стен, и ко взятию Киева Батыем, и к падению любого другого города. А потому весьма вероятно, что здесь мы имеем дело с древней метафорой, донесенной традицией украинских народных дум до XVII столетия.

– [в]ъ ζο(λο)[т]ѣ [γ](ѡρѣвъ)

Загадка вовсе не так невинна, как это может показаться, ведь посредством *рта* (читай — *врат*) в чрево попадает то, что прожуют челюсти. Да и пророк Даниил, из которого взят образный ряд загадки, говорит (во всяком случае, в Острожской Библии) также о чреве (а не, скажем, о лоне). Представим возможное развитие скоморошины: если и дальше в ней аукался сон Навуходоносора, то она обличала грех поклонения золотому истукану (и, разумеется, золотому тельцу). Сказано же, что «чрево» не простое, а золотое. В торговом стольном Новгороде, во главе которого стоял триумвират из посадника, князя и епископа, этот сюжет был, думается, весьма актуальным. Даром что новгородский «великан» — не языческий идол, а православный храм.

За заунывным напевом колыбельной слышатся грозные и детские «баюшки-баю» грядущих социальных и церковных потрясений.

²⁶ Українська поезія кінець XVI — середина XVII ст. Київ, 1992. IX пісня, строфа 86.

Если эта запись действительно относится к XI–XII векам, то надо вспомнить, что в Западной Европе уже вызревают идеи, которые скоро будут сформулированы Святым Франциском.

В Евангелии от Луки «лоно Авраамово» упоминается в таком контексте: умирают нищий и богач. Нищего ангелы отнесли «на лоно Авраамово», в рай, а богатый попал в ад. И перейти границу определенной им территории они не могут. Эта притча и должна была стать ключом к мировоззрению францисканцев.

И вряд ли часть новгородцев не думала о том же и так же.

–[с]є б[оѡ]н(є) данє

Колокольня Софии возвышается над вечевой площадью. Потому логично было бы предположить, что эту загадку нам подарил веселый и свободный новгородский звонарь.

Однако *Бояне дане* — не только метафора. Дань землепашца — зерно, дань купца — деньги. Дань поэта — метафоры. Так и мы сейчас можем сказать, что Пушкин принес на алтарь русской культуры «Онегина» и «Медного всадника», а дань художника — его картины. (Люди XII столетия, надо думать, лучше нас понимали и сугубо жизненный смысл этой метафоры.)

«Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”» фиксирует слово «дань» в трех значениях:

1. Подать, которую взимали победители с покоренного народа; 2. Пошлина, налог; 3. Дар, приношение. В последнем случае наиболее убедительный пример взят из Жития Бориса и Глеба: *и дани, и чьсти бецисльны*²⁷.

Полагаю, перед нами древнейшее свидетельство о Бояне, предваренное текстом загадки легендарного дружинного песнопевца²⁸.

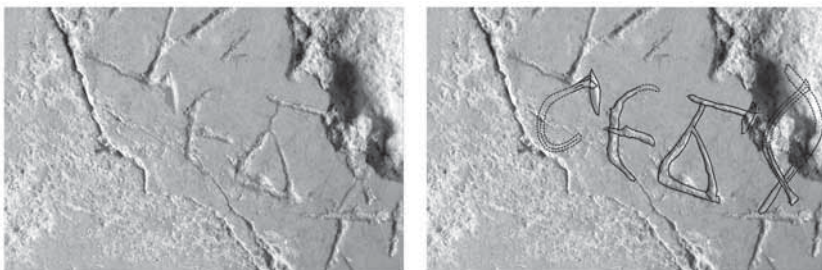
Но нельзя исключить, что это может быть и автограф самого Бояна, оставленный им в Софии после ее посещения.

Напомню, что надпись сделана в неприметном, хотя и легкодоступном месте — под самым куполом, но на уровне колен того, кто поднимается по винтовой лестнице. Столь парадоксальный и столь этикетно мотивированный выбор места свидетельствует, что эта загадка, скорее, авторская запись, чем цитата.

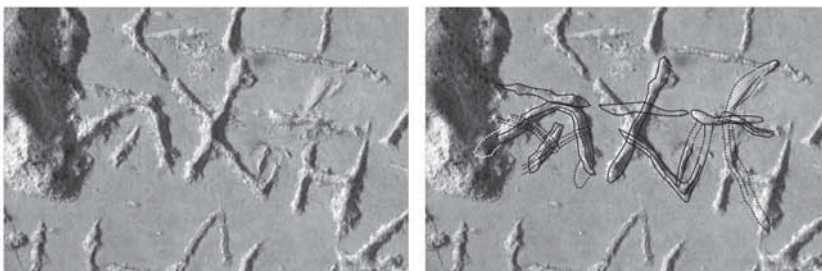
²⁷ ССПИ. Вып. 2. Л., 1967. С. 13.

²⁸ Еще два стихотворных отрывка из былин Бояна находим в «Повести временных лет» — это запись о Святославе Игоревиче, начинающаяся словами *Легко ходя, акы пардус...* и описание Лиственской битвы: *И бывше ночь...* К наследию Бояна следует отнести и рассказ о Всеславе Полоцком в «Слове о полку Игореве» (см. с. 106–107 и 110–111).

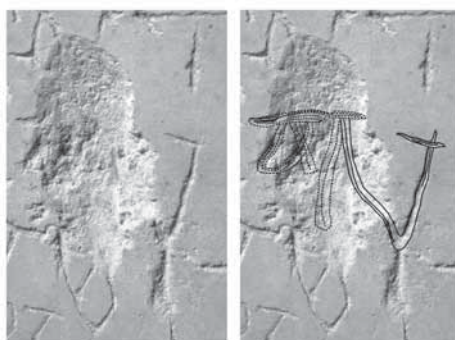

СЄ Б0...

...АНЕ (правая мачта H проведена дважды); правка H на X и E на H не усилена

АН в слове ДАНЕ

Шестая строка граффити № 199
Макрофотографии и прорись

В загадке шесть стихов, и, хотя их разбиение на строки межстиховым паузам не соответствует, текст записан именно в шесть строк. При этом, чтобы прочитать загадку, надо сесть на шестую ступеньку винтовой лестницы. Такое единство внешней и внутренней формы вводит нас в регламентированный мир средневекового сознания: шесть стихов Бояна принесены в виде дани Софии и положены над шестой ступенькой. Конечно, лестница могла быть и перестроена, но в любом случае тот, кто записал загадку, стоял на ступеньке на коленях (сидя писать ему было бы крайне неудобно, ведь для этого пришлось бы вывернуть корпус влево).

Если чтение **УБЛЪ=УЕЛО** правильно и имеется в виду колокол, то начало 1067 года — верхняя дата загадки. (Лишь до этого времени колокол висел прямо над головой пишущего.) Напомню, что на другом софийском граффити есть рисунок с изображением арочного проема под куполом «лестничной башни». (Ныне он скрыт штукатуркой, но в ближайшем время предполагается исследование купола.)

По библейским законам (Иезекииль. 45: 13–17) народ должен приносить в дань князю именно *шестую* часть пшеницы и ячменя, а дань Господу приносит уже сам князь, осуществляющий обряд жертвы (хлебное приношение, всесожжение и возлияние в праздники).

В 1137 году новгородский князь Святослав Ольгович, составляя Уставную грамоту для Святой Софии, поминает *устав, бывший и прежде нас в Руси от прадед и дед наших имати епископом десятину от дани, и от виру, и от продаж, и от лова княжа, что входит во двор князь...* При этом оговаривается: *А зде в Новгороде, что есть десятина от дании обретох уряжено прежде мене бывшими князи, толико от вир и продажъ десятины зрел, оливо днии в руке княжи и в клеть его...*

Если в Западной Европе церковь напрямую получала доход от паствы, то на Руси ее благополучие напрямую зависело от князя, поскольку это было отчислением в пользу церкви десятой части княжеских доходов. Церковную десятину учредил Владимир Святой. Зная это, можно оценить горделивую «скромность» Бояна: принося свою шестистрочную поэтическую дань не князю, а непосредственно Софии, он по сути уравнивает себя с великими князьями.

В современном языке слово «дань» встречается в десятках устойчивых конструкций: *дань памяти (признательности, преклонения, уважения, восхищения, благодарности)*. Бывает еще *дань условности, дань моде, дань традициям*, даже *дань страху и ненависти*. Но вот ближе к тому, что нас интересует: *дань заслугам* и *дань любви, дань поэзии, дань мудрости* (тем более что София и есть Премудрость Божья). Однако существует и книжное выражение, которое,

как и Боянова формула, держится на аллитерационном подхвате: ДАНЬ <беззаветной> преДАНности.

Идиомы — мертвые метафоры. Но эти расплодились потому, что кто-то когда-то понял: кроме земных материальных даней есть *дань духовная*. А дань поэта — его строки.

Так и у Пушкина: *слова поэта суть дела его*.

Итак, храм антропоморфен, у него есть «лоб» (купол) и «шея» (подкупольный барабан). Обратим внимание на то, как начертана буква **В** в слове ГОЛО**В**А:

Это подсказка читателю в образе башни-графемы, ведь читатель загадки находится как раз в этой самой башне, в ее «голове», чуть ниже «чела» (колокола). То, про что загадка, и изображено в виде огромной буквы «В». И два боковых штриха этой буквы строго параллельны (как стены самой колокольни).

В первой части граффити описан некий объект (каменные перси, липовая челюсть), а во второй субъект (и довольно противный). Вероятная правка «волоте» на «голоде» могла быть спровоцирована упоминанием в загадке о «липовой челюсти» (в 1128 году был страшный голод, люди ели липовую кору, вина князя и, конечно, епископа Иоанна Попьяна). Если тогда кто-то исправил почитаемый автограф, то, надо думать, к этой надписи началось паломничество заговорщиков: лигатура «И+Ю» в слове «Июдо» — это еще и «И+О» — обычное сокращение имени «Иоанн». Так что в такой правке был политический и житейский смысл. Разумеется, автор этой приписки ориентировался на исходный текст. И потому в его надписи появляются такие же огромные «В». Только боковые штрихи у них не вертикальны, потому что автор приписки не разгадал образа, не увидел в начертании буквы облика колокольни.

Большинство граффити, оставленных на стенах домонгольских храмов, — автографы их авторов. Обычное содержание — «Помоги (имяреку)» или «Спаси (имярека)».

Поэты Средневековья (по всей ойкумене — от Британии до Персии) также запечатывали свои стихи собственным именем, ставя его

в конце текста, как правило, в третьем лице. И последняя строка загадки Бояна — классический вариант авторской сфрагиды (См. подробнее с. 50; 171–188).

В 1067 году Всеслав увез новгородские колокола в Полоцк. В «Слове о полку Игореве» мы слышим эхо новгородских колоколов. И это передано рифмовкой по началам стихов, ведь при огласовке еров получим: рано — он/о — звон/о.

Сразу после этого автор «Слова» и сообщает нам гневную припевку Бояна, спетую им Всеславу: «Ни хитрому, ни гораздому, ни гораздому в птице²⁹ Божия Суда не миновать».

То, что Боянов приговор Всеславу звучит после упоминания об украденных им колоколах, — вряд ли случайность. Скорее всего, Боян и впрямь посетил только что возведенную новгородскую Софию и, поднявшись на колокольню, принес свою дань Софии (и подарил нам свой автограф). А после узнал о разорении Софии Всеславом и издаелека пригрозил ему Божьим судом. Однако вспомним, что известие о псковском каменном вале в летопись попало под 1065 годом. Вероятно, Боян посетил Псков и Новгород именно в этот год. В Пскове он или услышал выражение «каменные перси», или сам прозвал так только что возведенную каменную подпорную стену. Метафора понравилась и стала термином. И уже в Новгороде подсказала Бояну его припевку-загадку о Софии. А потом поэт вернулся в Киев (потому-то эту метафору на Украине помнили и в середине XVII века). Ну а когда на Руси стали строить мельницы, софийская загадка Бояна превратилась в загадку о колпчиках.

Если верить «Слову о полку Игореве» и «Задонщине», имя Бояна для древнерусского человека — примерно то же, что для нас имя Пушкина. Боян «летал умом под облаками», но из того же «Слова о полку Игореве» мы знаем, что он умел и рыскать «волком по земле». В данном случае то и другое соединено. И когда бы загадку Бояна нам оставил кто-то из его младших современников, вряд ли она была бы написана в столь укромном и неудобном для чтения, а главное — в столь *низком* месте (даром что под самым куполом). Но «гений — парадоксов друг», и это совмещение верха и низа говорит о том, что мы, скорее всего, имеем дело с автографом древнего поэта.

«Задонщина» называет Бояна «пресловущим киевским гудцом», а фрагменты трехструнных гудков (смычковый инструмент) археологи обнаруживают в большом количестве уже в нижних

²⁹ Видимо, речь о *коблени* или *кобени* — гадании по птичьему полету. Отсюда «не кобенясь» и «хватит выкобениваться».

слоях новгородского культурного слоя. Близ Ладоги на Любшанском городище археологом Е. А. Рябининым найдена янтарная кобылка (подставка под струны) от западноевропейской лиры VIII–IX веков. (Атрибуция В. И. Поветкина.) Вспомним еще и былинку о новгородском купце Садко, который заставил плясать до упаду самого подводного царя Поддонишко. Мы не можем исключить и того, что «пресловущий гудец» Боян (если это и впрямь его рука) по рождению был новгородец (или, к примеру, полочанин) и в Киев пришел вместе с Ярославом. Однако заметим, что ничего специфически новгородского (скажем, цоканья) в тексте «А» нет. (Форма «волоте» — скорее всего, не новгородский номинатив, а звательный падеж: «О, великан!..») Вернемся к сфрагиде Бояна.

В этой строке у первой буквы хорошо видна только верхняя шрифтовая засечка и начало идущей от нее полупетли, нижняя часть буквы затерта или недораскрыта (заметен лишь тонкий светлый штрих).

Верхняя половина **о** рунирована, но царапина от кончика писала была слишком глубокой и потому читается. Это не след постороннего удара, это писало вырезало фрагмент штукатурки. Такова вечная болезнь буквы «о». Подобная история приключалась с каждым, кто печатал на механических пишущих машинках. Если удар был слишком сильный, буква «о» выбивала крохотный кружок бумаги (подчас и с находившейся под ней копиркой). Но, как и в случае с писалом, контур утраты и есть контур «о». Кроме того, в нашем случае внизу видны два пересекающихся полукруглых штриха — индивидуальная мета этой буквы (такие же хвостики у «о» см., например, по слову, которое я предположительно читаю как **АДОВЪ**).

Второе **а**, как и следующее за ней **н**, также ясно видны: хотя буквы частично разрушены, след металлического писала все же читается. Но под буквой **н** (у нее нет засечки на второй мачте) проступает **є**. Серб **є** в верхней части затерт, но хорошо виден там, где он пересекает горизонтальный штрих **н** (в месте соединения того с левой мачтой).

Последняя строка загадки, составленной из лексики сна Навуходоносора (и, может быть, не без влияния мифологического портрета братьев древнекитайского бога войны), но относящейся к православному храму, — самостоятельное высказывание. В виде моностиха с внутренней рифмой перед нами личное клеймо мастера, устойчивая формула, годящаяся при любом подношении вербальной дани, сигнал того, что речь поэта окончена.

Грамматически эта строка должна выглядеть: **се боане данн**.

Однако автор хулы на некоего «Иуду беззаконного» превратил часть этой строки в слово **АХНД[Ъ]НЕ**.

Полагаю, рифма и определила в сфрагиде Бояна употребление множественного числа от слова «дань» (в данном случае подношения, дары) и графику окончания (ѣ вместо н).

Рифменные ассимиляции — редкость в древнерусских текстах³⁰.

Сфрагида Бояна — замечательный рифмованный моностих. А «неправильная» грамматика — рифменная условность, скоморошина, снимающая велеречивость самой подписи. Так, к примеру, один мой знакомый, уйдя из дома и скитаясь по друзьям, неизменно вопрошал: «Есть подушка для Андрюшка?» или «Где подушко для Андрюшко?» (Потому что «подушка для Андрюшки» — не складно, а «подушки для Андрюшки» — для неожиданного постояльца слишком жирно.)

Другое дело, что стояло после **о** в **БОЯНЕ** — **а, а**, или **я?** (Возможны все три варианта.)

Имя Бояна встречается в трех новгородских берестяных грамотах (одна 80-х годов XI и две XII века). Когда на стене Киевской Софии была открыта запись о покупке княгиней Всеволодовой земли некоего Бояна, В. П. Адрианова-Перетц писала:

До недавнего времени имя собственное Боян было известно по новгородской рядной грамоте, датированной последней третью XIII в., и по названиям новгородских улиц, упоминаемым в Новгородской I летописи под 1300 и 1326 гг. Но в ходе последних реставрационных работ в Киевской Софии на штукатурке XI в. была раскрыта вырезанная запись о покупке «Бояни земли». По характеру начертаний букв исследовавший эту запись С. А. Высоцкий датирует ее второй половиной XII в. <...> Для датировки этой записи не только по палеографическим данным С. А. Высоцкий устанавливает, что «княгини Всеволожа», купившая «землю Бояню», — это вдова князя Всеволода Ольговича (сына Олега Святославича — Олега Гориславича «Слова»), умершая в 1179 г. Ее муж умер в 1146 г., следовательно, покупка совершена между 1146 и 1179 гг. (при жизни Всеволода Ольговича покупателем был бы он сам), что согласуется и с характером начертаний³¹.

Позднее Б. А. Рыбаков передатировал надпись концом XI века, отметив, впрочем, что для отождествления Бояна-поэта с Бояном-землевладельцем данных не имеется³².

³⁰ Так в «Слове» вместо *пардуше* (от *пардусь*) встречаем *...простьрошася половьци, акы парДУЖЕ гнъздо, и въ морь погрузиста, и великое буиство, подаста хънови, УЖЕ сънесся...*

³¹ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы XI–XIII вв. Л., 1968. С. 14–15.

³² Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 417.

Однако в случае с новгородским граффити не приходится сомневаться, какой именно Боян принес в дар Софии шесть своих строк.

В третьем тексте нашего граффити (199-В), как предположила Т. В. Рождественская (в частной беседе), речь может идти об опальном новгородском епископе Иоанне Попьяне, который после голода 1128 года вынужден был «отречься от Новгорода».

Палеографически это можно мотивировать следующим рассуждением. Нажим писала в начале штрихов, как правило, ослаблен: таков технологический прием вырезания букв на штукатурке: если сразу сильно нажать, штукатурка не режется, а крошится. Подчеркну, что с со шрифтовой засечкой сверху встречается исключительно в почерке «А», а в «Б» и «В» вместо засечки перетекающая в тело буквы полукруглая петля. Нажим еще недостаточен (начало буквы), и потому эта головка не всегда хорошо читается, но видна при сильном увеличении (не в виде рваной раны, а в виде эдакого «рубца»). Ну и буква € в «А» всегда серпиком, а в «Б» и «В» всегда полупетлей. В трех случаях это видно лишь при хорошем увеличении: петля перекрыта высолами или консервантом реставраторов XX века и существует не в виде рваной линии, а в виде аккуратного продава (как левый нижний хвостик, оставшийся от «о» в шестой строке). Поскольку речь шла о здравствующем и еще находящемся при власти епископе, похоже, что автор текста «В» создавал себе алиби и попытался выдать опасную свою приписку за чудесное явление на стене нового текста. Он в буквальном смысле слова *приписывает* свое крамольное высказывание Бояну, создавая иллюзию единого текста³³. Ту иллюзию, которая и ввела в заблуждение профессиональных текстологов.

Сегодня мне представляется, что запись 199-А сделана в промежутке от 1054 до 1067 года, а 199-В относится к времени новгородского голода и формирования оппозиции епископу Иоанну Попьяну в 1128–1130 годах.

* * *

Пушкинист П. О. Морозов, нашедший в начале XX века ключ к шифровке X главы «Онегина», одну из строк читал «И лучшее его село». И впрямь, если «по петелькам», то так и написано. Позже выяснилось, что здесь надо читать: «И Муравь<ев> его скло<няя>...»

³³ Именно так поступает и автор «Слова», заставляя Бояна петь Игорю Свято-славичу.

Чтобы вычислить С. И. Муравьева-Апостола, надо было вдоволь набродиться по окрестностям текста. Иначе ведь не понять, кто, когда, где и на что мог склонять «холодного генерала» (как выяснилось еще через полвека, последние слова относятся к близкому к декабристам Н. Н. Раевскому-старшему).

Не знаю, сколько потребуется времени в нашем случае, но уже сегодня понятно, что фотографии Е. В. Гордюшенкова — лишь первый шаг. Хотя на макрофотографиях след писала в каких-то случаях вычленяется, ряд букв надо еще не раз переснимать при разном освещении и в разных режимах. И поскольку, видимо, не до конца удален слой позднейшей штукатурки (а возможно, виновата и ямчуга), впереди кропотливая работа по расчистке этой записи.

Не удивлюсь, если граффити № 199 преподнесет исследователям новые сюрпризы. Могу допустить, что от строки «Это Бояновы дары» в результате комплекса новых аргументов придется отказаться (хотя последнее представляется мне маловероятным, ведь поэтические шедевры крайне редко возникают в результате описки или неверного чтения). Однако и тогда загадка про Софию Новгородскую будет самым древним (из известных на сегодняшний день) русским стихотворным текстом. Просто из конкретной «Бояновой дани» она перейдет в разряд Боянова наследия.

Впрочем, в случаях, подобных данному, подпись для атрибуции не нужна: если *шизый орел* не узнаётся по полету, он узнаётся по когтям.

За консультации, подсказки и техническую помощь в проведении этой экспедиции спасибо Е. В. Гордюшенкову, С. В. Трояновскому, О. В. Творогову, М. Н. Виролайнен, А. А. Зализняку, А. Л. Меружаняну, С. Л. Николаеву, Т. В. Рождественской, И. Л. Воиновой, С. В. Белецкому, Л. В. Зубовой, В. А. Дыбо, А. В. Дыбо, С. М. Толстой, М. Н. Толстой, О. М. Иоаннисяну, А. Б. Шульгат, Л. В. Соколовой, Н. В. Поньрко, А. В. Подосинову, М. Р. Мелкумяню, А. А. Липатову, С. М. Михееву, Ю. Ю. Рыбаковой, В. А. Арутюновой-Фиданян, Т. А. Ромашкевич, Н. А. Аршакуни и П. З. Аршакуни.

ЯВЛЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПИРОГОЩЕЙ

экспедиция третья: Киев

Игорь едет по Боричеву
ко Святой Богородице Пирогощей.

Слово о полку Игореве

В «Слове о полку Игореве» возвратившийся из половецкого плена Игорь Святославич держит путь к Богородице Пирогощей. Церковь со столь загадочным названием до середины 30-х годов прошлого столетия стояла на Подоле, у пристани. Значит, Игорь не въезжает в Киев, но покидает его¹. Он получил от великого князя Святослава Всеволодича прощение за самовольный поход в Поле, получил и обещание помощи.

Тот, кто хоть раз прошел этой дорогой и знает крутизну Андреевского спуска (в древности он назывался Боричевым взвозом), тому не надо объяснять, что мы застаем новгород-северского князя в весьма неудобном для него положении: конь гарцует боком, а всадник столь наклонен, что рискует опрокинуться и покатиться с горы кубарем. Уже сама эта поза Игоря словно бы говорит о его раскаянии за содеянное. Этому раскаянию (а не одному лишь возвращению амбициозного князя) и радуются грады и веси Русской земли.

Посещение Игорем Пирогощей перед возвращением на Черниговщину может быть вызвано следующими причинами: 1) отъезд Игоря из Киева совпал с праздником Успения Богородицы (полагают, что Пирогощая была освящена во имя этого праздника); 2) князь

---

¹ Наблюдение Б. А. Рыбакова.

просто едет в сторону своей земли. У пристани он должен пересесть с коня на свою ладью или же, переправившись на левый берег Днепра, продолжить путь верхом; 3) в плену Игорь дал обет Пирогощей.

Д. С. Лихачев пишет:

Феодалный этикет княжеского поведения не допускал случайностей². Поэтому мы должны попытаться найти объяснение поведению Игоря по возвращении из плена, а также тому, чем были для Игоря икона и храм Богородицы Пирогощей. <...> Как известно, русские люди издавна в трудных случаях жизни — в бурю на море, в плену или при каких-либо других обстоятельствах — давали обет в случае своего спасения отправиться на поклонение какой-либо из святынь. Обет непременно соединялся с покаянием в совершенных грехах. Именно такой обет был, по-видимому, дан и Игорем, когда он попал в плен³.

Исследователь развивает наблюдение, сделанное в 1891 году В. З. Завитневичем:

Подобно тому, как когда-то знаменитый Мстислав Тмутороканский, изнемогая в борьбе с Редедю, дал обет создать церковь во имя Богородицы, так теперь знаменитый герой «Слова о полку Игореве», изнывая в полувечковой неволе, мог дать известный обет Богородице Пирогощей⁴.

Почему Игорь дает обет именно Пирогощей?

С точки зрения феодалного этикета, мы можем с полной определенностью ответить на вопрос о том, почему Игорь едет не к Богородице Десятинной и не к Софии: Игорь не был киевским князем, он не мог ехать к чужой княжескому столу и к чужой патрональной святыне. В эти два храма по возвращении из похода могли ехать только киевские князья, что и отмечено летописью в нескольких случаях под XII в⁵.

Но ведь Игорь мог поехать в Успенский собор древнейшего на Руси Киево-Печерского монастыря. Значит, помимо феодалного

² Точнее, незкетное и нестатусное действие просто не заслуживало упоминания. Древнерусский стиль «монументального историзма» (термин Д. С. Лихачева) не допускал семантически ненагруженных подробностей. Впрочем, и у авторов новейшего времени принято за аксиому, что подробность, не сумевшая стать художественной деталью, не допускается ни в стихи, ни в прозу.

³ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 271–272.

⁴ Завитневич В. З. К вопросу о происхождении названия и о местоположении киевской церкви «святой Богородицы Пирогощей» // Труды Киевской духовной академии. 1891. № 1. С. 161.

⁵ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 275.

этикета, были какие-то иные причины, диктовавшие Игорю именно такую логику поведения.

Под 1155 годом Ипатьевская летопись повествует: *Том же лѣтъ иде Андрѣи от отца своего из Вышегорода в Суждаль без отнѣ воль и взя из Вышегорода икону святоу Богородицы юже принесоша с Пирогощею исъ Царяграда въ единомъ корабли <...> постави ю въ церкви своєї святыѣ Богородица Володимири* (стб. 482).

Икона, которую унес из Киева Андрей Боголюбский, — это знаменитая Богоматерь Владимирская.

Из текста следует, что икона Пирогощей Богородицы была привезена из Константинополя вместе с ней на одной ладье. Ту, что мы называем Владимирской, первоначально установили в Девичьем монастыре Вышгорода, для второй киевский князь Мстислав в 1132 году заложил новый храм на Подоле у днепровской пристани: *В се же лѣто заложена бысть церкви камяна святая Богородица рекома Пирогоща* (Ипат. Стб. 294). Под 1136 годом летопись сообщает об окончании строительства: *Томъ лѣтъ церкви Пирогоща свѣршена бысть* (Ипат. Стб. 300).

Но что такое Пирогощая? В середине XIX века церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) переводил это слово с греческого как Башенная (греч. πυργωτισ — пиргиотис)⁶.

⁶ Предлагались и иные варианты. А. И. Соболевский считал, что Пирогощая — притяжательное прилагательное от имени купца Пирогоща, упоминаемого в Степенной книге, который, если верить этому источнику, и привез Юрию Долгорукому эту икону. Н. М. Карамзин, в отличие от Соболевского, сомневался в существовании купца Пирогощи. И, как убедительно показали О. А. Белоброва и О. В. Творогов (*ЭСПИ*. Т. 4. С. 105–106), имя купца — результат неверного прочтения уже известного нам летописного сообщения об уходе из Киева во Владимир Андрея Боголюбского. Историк Д. Н. Альшиц предположил, что слово «пирогощая» составлено из греческого *pyr* (огонь) и русского *гореть*, и отождествил икону с Неопалимой купиной, а Д. С. Лихачев совершенно справедливо с этим не согласился. Однако сегодня в популярных церковных и светских изданиях Пирогощая все чаще переводится как «огнеблещущая» или «огневидная». Такое осмысление немногим лучше макаронического кентавра Д. Н. Альшица, но вполне объяснимо: на Руси Неопалимая купина считалась защитницей от *огненного опаления*. А если вспомнить, что флот Игоря Рюриковича в 941 году был уничтожен у стен Царьграда греческим «живым огнем», становится понятно, почему мифологически настроенного читателя привлекала ложная *огненная* этимология «Пирогощей». Остается одно значительное «но»: икона Неопалимой купины была привезена с Синая палестинскими старцами лишь в 1390 году. Поэтому эта версия тоже несостоятельна. Как, впрочем, и существование купца по прозванию Пирогощ. Его или не было вовсе, или свое прозвище он получил благодаря вышеупомянутой иконе.

Филолог-античник А. В. Лебедев в частном письме сообщил мне, что церковь Богоматери Пиргиотисса (*Pirgiotissa*) существовала во времена туркокрации в Афинах. А на Крите в префектуре Ираклиона есть провинция (епархия) с тем же названием, и названа она так по духовному ее центру — Богородичному храму⁷.

Митрополит Макарий был прав: Пирогощая — Башенная. Константинополь стоял на семи холмах, и расположенный близ него Влахернский монастырь, откуда привезены Владимирская и Пирогощая иконы, видимо, не случайно был семибашенным: он символизировал идею духовного Константинополя, являлся земным воплощением небесного его образа.

То, что Пиргиотисса в русском изводе стала Пирогощей, — заслуга «народной этимологии»: храм стоял близ днепровской пристани (Влахернская церковь также находится у пристани на берегу Золотого Рога), и для русского уха было естественным расщепление заморского слова на два хорошо знакомых: «пир» и «гости». (Вспомним, что «гости» и «погост» — слова-родственники.) Благодаря остроумию народной этимологизации, сохранившей, пусть и искаженное, слово Пиргиотисса, мы можем попытаться понять, что за образ прислал на Русь греческий патриарх.

В. З. Завитневич и И. И. Малышевский (1891), а затем Н. П. Кондаков (1915) и Д. С. Лихачев (1978) утверждали, что Пирогощая получила свое название или по самой церкви во Влахернах (базилике с круглой подкупольной башней), или потому, что Влахернский монастырь был семибашенным. Предполагалось, что на Пирогощей иконе Богородица должна быть изображена в окружении монастырских башен. Так позднее на монетах Михаила Палеолога (1261–1282) и некоторых других византийских императоров образ Божией Матери Оранты изображался внутри семибашенного замка⁸.

Влахернская церковь (*Panayia Blaherna*) была воздвигнута в V веке на бьющем из скалы источнике. Здесь хранились риза Богоматери, ее пояс и мафорий (головное покрывало, окутывающее у ближневосточных женщин почти всю фигуру). За два десятилетия до нашествия

⁷ Правда, греческое «пиргос» может означать не только башню, но и название пелопоннеского города Пиргоса, расположенного в 20 км к западу от Олимпии. Поэтому у Пиргиотиссы два возможных перевода: 1) «башенная»; 2) «происходящая из Пиргоса». Однако считается, что Пиргос (столица Илии) назван так по высокой башне, на самом деле построенной намного позже, лишь в 1520 году.

⁸ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. II. СПб., 1915. С. 67.

турок церковь была разрушена землетрясением, и сейчас на ее месте стоит часовня, построенная в XIX веке.

Самое знаменитое событие, связанное с этой церковью, — чудо явления Пресвятой Богородицы (в русской традиции — праздник Покрова). По церковному преданию, во время осады Царьграда арабами в 910 году блаженный Андрей Юродивый увидел в храме Богоматерь, которая простерла над прихожанами свой покров. Есть и другая не менее популярная версия: в 860 году (дата по греческим источникам) к Царьграду подошло войско росов. Д. С. Лихачев так пересказывает этот сюжет:

Под 866 годом в «Повести временных лет» рассказывается о поражении под Константинополем русских дружин, предводительствуемых Аскольдом и Диром. Русские ладьи, войдя в залив Суд, «много убийство крестьяном створиша, и в двою сот корабль Царьград оступиша». Император, находившийся вне Константинополя, едва смог войти в город для его защиты и вместе с патриархом Фотием всю ночь молился во Влахернском храме. Затем с песнопениями вынесли ризу Богородицы (ту самую, в которой ее погребали) и омочили ее в море. Была перед тем тишина, и вдруг возникла буря с ветром и великими волнами и разбила корабли русских. Только немногие из них возвратились домой⁹.

Если же верить патриарху Фотию, после того как край ризы опустился в залив, росы удалились так же неожиданно, как и пришли. В память этого патриарх написал «Акафист Богородице» (*Радуйся, Невесто Невестная*), который читается во время Великого поста в «субботу Акафиста». Тогда же было принято празднование Положения ризы Богоматери во Влахерне (2 июля по церковному стилю).

Современный историк церкви пишет:

Составленное по этому же поводу по поручению Фотия хартофилаксом Софийского собора Георгием (будущим архиепископом Никомедийским) «Слово», восхвалявшее Влахернскую реликвию, прямо называло Константинополь «градом Богородицы»: «Сей царственный и богохранимый град, который говорящий или пишущий должен с похвалю назвать градом Богородицы, украшен многими, можно сказать, до бесконечной меры простирающимися божественными храмами; выше же и более всех заметны божественные храмы Девы-Богоматери». Особо Георгий Никомедийский выделяет Влахернский храм, где хранилась риза Богоматери. Впрочем, еще за полтора столетия до времени святителя

---

⁹ Лихачев 1985. С. 17–23.

Фотия преподобный Андрей Критский просил: «...град Твой сохраняй, Богородительнице...»¹⁰.

В 867 году патриарх Фотий в «Окружном послании», обращенном к восточным церквям, пишет о нападении на Константинополь в 860 году «народа, <...> превосходящего всех жестокостью и склонностью к убийствам, — так называемого [народа] рос, который теперь стал подданным и дружественным». И у того же Фотия: «Не только этот народ [болгары]... но даже... росы, [которые] подняли руки против Ромейской державы [Византии], променяли... нечестивое учение... на чистую и неподдельную христианскую веру»¹¹.

Если видение Богородицы Андрею Юродивому было в 860 году, а в ту пору ему было лет двадцать, то умер он (около 936 года) почти столетним старцем¹². Следует признать, что в «Житии Андрея Юродивого» наличествуют анахронизмы. Кроме того, календарное несоответствие праздников «Положения ризы Богоматери» и «Покрова» говорит о том, что отождествление событий 860 и 910 годов произошло уже на Руси.

Согласно «Повести временных лет», чьи сведения в этой части также восходят к греческим источникам, обычай при подходе вражеских кораблей обносить ризу Богородицы вокруг Царьграда и опускать край ее в море существовал до чудесного явления Богоматери Андрею Юродивому. Дева Мария защищала всякий раз, когда к стенам подступала беда. Считается, что она спасла город в 626 году от аваров, в 677-м от персов и в 717-м от арабов. Когда русский флот Игоря Рюриковича обложил Константинополь («Повесть временных лет» датирует поход Игоря 941 годом) и ладьи язычника Игоря были сожжены рукотворным «живым огнем» (сегодня бы сказали «огнеметами») ¹³, у греков не было сомнений в том, кто им помог.

В 910 году Византия действительно воевала с арабами, и, вероятно, в ответ на их нападение на Константинополь к Кипру был

¹⁰ Николай Погребняк, протоиерей. Радуйся, Радосте наша... Заметка об истории и иконографии Покрова Пресвятой Богородицы // Московские Епархиальные ведомости. 2003. № 9–10.

¹¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под редакцией Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 93.

¹² Если эта дата верна, то выходит, что Пирогошцу на Подоле достроили и освятили к двухсотлетию упокоения Андрея Юродивого.

¹³ Греческие хроники повествуют о двух морских битвах — 11 июня и 15 сентября 941 года. Греческий огонь упомянут применительно к первой битве. См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 116.

направлен флот во главе с Имерием. А летом 911 года Кипр был захвачен арабским флотоводцем Дамианом. И хотя о приближении сарацинов к Царьграду в 910 году источники умалчивают, как писал в таких случаях Д. С. Лихачев, «косвенные указания более бесспорны, чем прямые...»¹⁴

910 год интересен еще и тем, что незадолго до этого времени у стен Царьграда побывал вещий Олег (в 906-м или 907-м). Если Олег и впрямь повесил свой щит на его вратах, то это не знак «победы», как утверждает автор «Повести временных лет», а понятный любому символ *защиты*. На библейских примерах это убедительно показал московский историк И. Данилевский. Но тогда видение Андрея Юродивого вступает в осязаемую полемику с варваром: не ты щитом, а сама Богородица своим мафорием хранит град Константи-на Великого¹⁵.

Воссозданная в конце XX века Пирогощая церковь на Подоле освящена во имя Успения Богородицы. Именно с этим праздником она ассоциируется с древности. Значит ли это, что построенная в начале XII века Пирогощая изначально создавалась для Успенской иконы?

Успенская икона из константинопольского Влахернского монастыря была привезена на Русь в XI веке, когда, согласно церковному преданию, во Влахерне произошло явление Богородицы варяжскому князю Шимону и четырем греческим зодчим: «Хочу церковь воздвигнуть себе в Руси, в Киеве».

Сама Богородица вручила зодчим икону в честь Ее Успения. В 1073 году началось строительство Успенской церкви Киево-Печерского монастыря. Если бы Пирогощая икона (привезенная оттуда же,

¹⁴ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVIII веков. Л., 1983. С. 343, 344.

¹⁵ Напомню, что со ссылкой на императора Льва VI Премудрого (886–911) греческие источники сообщают, что на крышке гробницы императора Константина Великого было начертано пророчество: «Семихолмый град падет, когда вражеский флот перейдет перешеек посуху, но падет не навсегда, а явятся люди от рода русокудрые и возьмут его под свою защиту». См.: 1) Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет // Отечественная история. 1993. № 1. С. 88–89; 2) Он же. «Повесть временных лет»: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 158. Это пророчество и реализовывает вещий Олег в 907 году. Язычник Олег двинул свои корабли под парусами через перешеек, и греки запросили мира. Так позднее поступили знавшие об этом пророчестве турки, когда в 1453 году по специально построенным желобам перетащили корабли во внутреннюю гавань Константинополя (о чем повествуют турецкие авторы). Любопытно, что Вещий Олег приходил к Царьграду именно при Льве VI.

из Влахерн) была Успенской, то вряд ли она получила бы какое-то особое название.

За два года до начала строительства в Киево-Печерском монастыре, 25 апреля 1071 года из Влахернского монастыря на Русь была привезена икона Богородицы, получившая имя Царьградской¹⁶. По-видимому, это список со знаменитой Влахернской иконы Богоматери¹⁷.

То есть в XI веке почти одновременно греки прислали на Русь две иконы: одна — образ Богоматери, другая — некий сюжет, связанный с ней (Успение). По той же схеме могут соотноситься и привезенные через шесть десятилетий икона Умиления и Пирогощая (отсюда и «башни», которые возможны только на «сюжетной» иконе).

Андрей Боголюбский в 1155 году тайно увез во Владимир одну из двух прибывших из Константинополя в 1131-м реликвий, и позднее она получила имя Владимирской Богоматери.

Надо полагать, что князь желал бы увезти и вторую константинопольскую икону, но забрать Пирогощую почему-то не удалось.

¹⁶ По всей видимости, это для нее князь Изяслав срочно возвел в Вышгороде деревянную церковь, куда 2 мая 1072 года перенесли мощи Бориса и Глеба. В столетнюю годовщину убиения святых (1115) их перенесут еще раз, теперь уже в специально построенный там же в Вышгороде каменный храм. О том, что и он был Успенским, свидетельствует строительство впоследствии по крайней мере трех Успенских храмов: в 1115 году к столетию с убиения Бориса и Глеба в Чернигове закладывается Успенский собор Елецкого монастыря, в 1165 году к стапятидесятилетию — церковь Покрова на Нерли в Боголюбове (первоначально, как полагают, бывшая не Покровской, а Успенской), в 1215 году к двухсотлетию — Успенский собор в Ярославле.

¹⁷ Эта икона, по преданию написанная евангелистом Лукой на доске стола, за которым трапезничал Христос, находилась сначала в Антиохии, а потом в Иерусалиме. В Константинополь ее привезла в 436 году Евдокия, супруга императора Феодосия II. Она подарила икону своей сестре Пульхерии, и та установила ее во Влахернах. Когда Богоматерь, явившись двум слепцам, привела их во Влахерны и те прозрели, икону стали называть «Одигитрия», то есть Путеводительница. С тех пор греческие императоры брали ее с собой в походы. Икона чудесным образом хранила властителей, и название прижилось.

Хотя про Царьградскую икону известно лишь то, что она написана тем же Лукой, этого вполне достаточно, чтобы отождествить ее с Влахернской. Да и судя по позднейшим спискам, эти образы мало чем отличаются (что видно по указующему или благословляющему жесту правой руки младенца). Церковное предание связывает с Лукой еще и икону Умиления (то есть привезенную из Влахернской церкви вместе с Пирогощей Владимирскую Богородицу). И это говорит о том, что и Царьградская, и Владимирская ассоциировались со своим иконописным протографом — Влахернской иконой, вывезенной Евдокией из Иерусалима.

А поскольку для Владимирской иконы был выстроен именно Успенский собор, никто не сомневается, что обе иконы пришли из Влахернской Успенской церкви¹⁸.

Князь Андрей — строитель трех храмов. И все они во имя Богородицы: Успенский собор был возведен во Владимире в 1158–1160 годах для Владимирской иконы. (Сегодня ее можно видеть в храме, устроенном специально для нее в Третьяковской галерее.) А в княжеской своей резиденции в Боголюбове Андрей построил церкви Рождества и Покрова Богородицы. Последняя датируется 1165–1167 годами. Принято считать, что это первая русская церковь Покрова, хотя называлась ли она так в XII веке, доподлинно неизвестно. Ясно только, что храм был освящен во имя Богородицы.

Попытаемся установить, какую именно икону в XII столетии называли Пирогощей.

Киевская Пирогощая была разрушена большевиками в середине 30-х годов прошлого века. Под ее фундаментом археологи обнаружили лежащую в основании здания более древнюю кладку. Видимо, строители не учли особенностей грунта Подола, и первая церковь простояла недолго. А тот храм, что был разобран в XX веке, П. А. Раппопорт датирует второй половиной XII столетия¹⁹.

Пирогощая — Успенская церковь. Однако в Ипатьевской летописи и в «Слове о полку Игореве» она названа просто «церковью Богородицы». Вспомним, что первая церковь в Киеве, Десятинная, была также Богородичной. Вот и Староладожская церковь Успения (построена до 1160 года) стала прозываться так лишь с начала XVII века после разорения Ладоги шведами, когда близ нее возник женский Успенский монастырь. Но строился этот храм как приходской, и по писцовым книгам XVI века северный конец Ладоги звался не Успенским, а Богородичным²⁰.

¹⁸ Поведение князя Андрея объясняется просто: к 1155 году прошло ровно полвека с того момента, как князь Владимир Мономах перенес икону Пресвятой Богородицы «Одигитрия» из Чернигова в Смоленск (прецедент, оправдывавший своеволие Андрея), а в 1165 году исполнилось сто пятьдесят лет со дня убийства Бориса и Глеба и пятидесятилетие второго перенесения их мощей.

¹⁹ *Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура*. СПб., 1993. С. 48.

²⁰ Вероятно, что и Пирогощая церковь на Подоле стала называться Успенской лишь после взятия и разорения Киева Батыем, ведь на Подоле полегли многие защитники Киева. Но ведь именно в память того, что Владимирская икона прибыла из Влахернской церкви Успения, Андрей Боголюбский и построил для нее Успенский собор. При этом сама икона не Успенская. Значит, и для иконы Пиргиотисса, какой бы она ни была, также могли построить Успенскую церковь. А о том, какая это икона, следует судить по каким-то другим признакам.

Таким образом, каноническое посвящение Пирогощей церкви какому-либо из Богородичных праздников не дает оснований для атрибуции самой иконы.

Вернемся к началу наших заметок и повторим вопрос: почему Игорь спешит поклониться именно Пирогощей?

Сделаем еще одну выписку из Д. С. Лихачева:

Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери датируется Ключевским и Ворониным 60-ми годами XII в. К этому же приблизительно времени относится и «Слово на праздник Покрова». Это «Слово» замечательно. Оно все посвящено защите и обороне Русской земли. Как сам праздник Покрова, так и само «Слово» отнюдь не ограничивается только Владимиро-Суздальской землей. Это праздник всей Русской земли. И «Слово Покрову» направлено не только против внешних врагов Руси, но и против междоусобных ратей, а последнее чрезвычайно важно для нашей темы. Покров защищает Русскую землю, как сказано в «Слове», «от стрел летящих во тьме разделения нашего». В Службе Покрову во втором стихе 8-й песни говорится: «...гордыню и шатания низложи и советы неправедных князей разори, зачинающих рати погуби и благочестивому князю нашему рог возвыси». В первом стихе песни 9 читаем: «высокий Царю со Отцем седай, призри на молитву матерню, спаси град и люди умножи и даждь князю здравие телесне и на поганая победы». Против междоусобий князей имеются тирады и в проложном сказании о Покрове²¹.

Другая подсказка — в древнерусском сочинении «Прѣлог» (XII век):

Се убо, егда слышах — помышлях; како страшное и милосердное видение и паче надеяния и заступления нашего, бысть без праздника <...> восхотех, да не без праздника останется Святый Покров Твой, Преплагая...

Эти слова следуют после рассказа о видении, посетившем Андрея Юродивого. Вот перевод:

Когда услышал об этом, подумал: как страшное и милосердное видение это и заступление Богородицы осталось без праздника? Надеюсь же на милосердные Твои словеса, Владычице, когда Ты в молитве Сыну Своему прорекла: Царю Небесный, приими всякого человека, прославляющего Тебя, — на эти слова Твои надеюсь, захотел, да не останется без праздника Святой Покров Твой, Преплагая, но если Ты пожелаешь прославить честный праздник Твоего Покрова, то, Всемилостивая, укрась его, чтобы прославляющие Тебя возвеселились, видяще сияние многообразных праздников Твоих...

---

²¹ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 280.

Профессор Харьковского университета М. А. Остроумов полагал, что эти слова принадлежат Андрею Боголюбскому и что праздник Покрова был установлен не в Киеве, а во Владимире при Андрее Боголюбском (ок. 1165) и «входил в целую серию его деяний по утверждению во Владимирской земле почитания Пресвятой Богородицы»²².

Праздник Покрова Богородицы (1 октября по старому и 14-го по новому стилю) не входит в число двенадцатых. В греческих святцах его нет, и потому считается, что греки праздника Покрова не знали. Но поскольку икона, повествующая о том чуде, которое наблюдали Андрей Юродивый и его ученик Епифаний, должна была храниться там, где это чудо произошло, следует предположить, что праздник Покрова был местным праздником Влахернской церкви.

Начиная с XII века встречаются упоминания о некоем чинопоследовании, совершавшемся во Влахернском храме еженедельно во время всеобщего бдения, в ночь с пятницы на субботу.

В самых старых источниках нет никаких подробностей — видимо, чинопоследование было общеизвестно; византийская принцесса Анна Комнина называет его «обычным чудом во Влахернах». Напомним, что Влахернская Богородица — походная императорская икона. И ее главной задачей считалась защита воинства во время ратного похода.

А икона Покрова — икона-оборонительница.

И потому ее мистический статус еще выше.

Церковное предание говорит о том, что Андрей Юродивый был не греком, а рабом — крещеным «скифом» (на Руси полагают даже, что «новгородцем»). То, что именно славянин Андрей увидел явление Богоматери во Влахернском храме, когда арабы осадили город, для русского человека того времени было наполнено особым символическим смыслом, а прибытие иконы Покрова на Русь означало, что Богоматерь простирала свой мафорий и над Киевом.

Так Киев становился если не преемником и наследником Царьграда, то в каком-то смысле его ровней.

Собственно, с этого события и началась история духовного объединения русских земель. Да и прагматичные греки, когда передавали список с иконы Покрова потомкам тех самых варваров, от которых Богоматерь не раз защищала Царьград, наверняка удивлялись парадоксам истории. На Руси это событие было отмечено учреждением праздника Покрова Богородицы.

---

²² *Остроумов М. А.* Происхождение праздника Покрова // Приходское чтение. СПб., 1911. № 19.

Но учредить новый праздник киевские архиереи могли только после получения иконы Покрова. Считается, что мы не знаем о том, как и когда она появилась в пределах Русского государства.

Учреждение праздника относится к первой половине XII века и совпадает по времени с прибытием на Русь Пирогощей иконы. Совокупность фактов позволяет утверждать, что икона Пирогощая — это и есть Покровская икона.

Такое предположение подкрепляется и тем, что у небесного мафория и у каменной монастырской башни одна главная задача — защита от внешнего посягательства.

Обретение иконы и учреждение праздника Покрова завершили процесс передачи Руси под духовную юрисдикцию Богородицы, который начался со строительства Десятинной церкви Владимиром Святославичем и спустя ровно полвека в 1037 году был продолжен закладкой киевского Софийского собора²³.

Еще спустя век, в 1136-м будет достроена и освящена Пирогощая церковь. И это значит, что прибытие двух царьградских икон было не случайным событием, а особой юбилейной «акцией» (вспомним, что Андрей Юродивый скончался «около 936 года»).

Как и Влахернский монастырь, Пирогощая церковь на Подоле находилась вне городских стен. И церковь Покрова на Нерли тоже была построена в некотором удалении от Владимира. А в XIV веке на окраине Суздаля возник Покровский монастырь. Желание оградить себя от влияния светской власти вполне понятно: Влахерны, хранимые Богородицей, не нуждаются в том, чтобы царьградские стены им *покровительствовали*. Напротив, это духовная сила Пречистой и Всеблагой защищает и монастырь, и сам Царьград.

Это объясняет подмеченную Д. С. Лихачевым градозащитную функцию не только Успенских, но и Покровских храмов. Касаясь похода Аскольда и Дира, исследователь пишет:

Именно это событие способствовало особому почитанию русскими Богоматери, ее Успения и риз. Богоматерь стала покровительницей русского воинства, а праздник Покрова, посвященный ризам Богоматери, — праздником, который до XIX века праздновался только в России. Ни в Болгарии, ни в Сербии, ни в Молдавии и Валахии этот праздник до освобождения Балкан от османского ига вообще не был известен.

²³ Как утверждает Д. С. Лихачев, культ Софии тесно связан с культом Богоматери и является одним из выражений последнего.

Почему же событие, связанное с поражением Руси, стало знаком ее божественного покровительства, а Влахернский монастырь одним из самых почитаемых русскими паломниками? Здесь нужно принять во внимание и средневековую идеологию, и психологию. Наказание Божие, с точки зрения человека того времени, — это знак особой заботы Бога о наказываемом. Наказывались русские язычники, победа же над ними греков-христиан была победой правоверных над неверными. Религиозные различия были для средневекового сознания важнее различий национальных. Все это позволяет понять особое «военное», «защитное» значение Покрова, Успения и самого Влахернского монастыря для Руси²⁴.

Видимо, киевская икона Пиргиотисса была утрачена при разорении города Батыем. Список же с нее должен был находиться в церкви Покрова на Нерли.

Однако о его судьбе нет никаких сведений.

Но список с этого списка сохранился. Датирован он 60-ми годами XIV века и сегодня хранится, как и Владимирская икона Божьей Матери, в Третьяковской галерее (№ 12755). Происходит он из суздальского Покровского монастыря. Воспроизведение можно найти в монографии М. В. Алпатова. Как отмечает этот исследователь, ссылаясь на публикацию С. Я. Ямщикова²⁵, «эта глубоко архаичная по типу и по выполнению икона является прообразом более поздних среднерусских икон Покрова»²⁶.

Вот описание этой иконы (изображение см. на вклейке):

На иконе условно изображен интерьер храма. Вверху парит Богоматерь с красным покровом в руках. Края покрывала несут ангелы. Внизу, на кафедре, стоит Роман Сладкопевец. Слева от него — группа отцов церкви во главе с Иоанном Предтечей. Справа — фигуры Андрея Юродивого и его ученика Епифания. Архитектура заднего плана передает конкретные черты постройки Влахернского монастыря — базилики и круглой купольной церкви (впервые замечено А. Н. Овчинниковым)²⁷.

Д. С. Лихачев и его предшественники были правы: за левым плечом Богородицы действительно изображена башня под конической из красной черепицы крышей. Сама же Богородица находится внутри башнеподобной купольной церкви, изображенной на иконе в разрезе.

---

²⁴ Лихачев 1985. С. 17–23.

²⁵ Ямщиков С. Я. Древнерусская живопись. Новые открытия. Л., 1969. Табл. 28.

²⁶ Алпатов М. В. Древнерусская иконопись. М., 1984. С. 32.

²⁷ Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Т. 1. М., 1995. С. 121.

Икона из Суздаля — видимо, единственное сохранившееся (во всяком случае, на Руси) изображение Влахернской церкви.

Однако существует образ Покрова Богородицы, написанный, вероятно, в то же время, что и киевская Пирогощая икона. Найден он в 1914 году в Восточной Галиции музейным работником Данилой Щербаковским и сегодня хранится в киевском Национальном художественном музее Украины.

В 1950-х годах в мастерских Государственного Русского музея Н. Перцев определил, что икона может быть отнесена к домонгольскому периоду. Сегодня эта датировка подтверждена радиоуглеродным анализом, показавшим, что дерево для доски было срублено на рубеже XI–XII веков (погрешность ± 50 лет).

На галицкой иконе Богоматерь изображена в виде Оранты. За ней нет красноверхой монастырской башни (хотя композиция сдвинута вниз и для башни явно оставлено место). Само башнеобразное пространство храма венчает поддерживаемый двумя ангелами лоскут алой материи, который повторяет уже известную нам по суздальской иконе форму купола Влахернской церкви. Внизу — традиционные фигуры Андрея Юродивого и Епифания²⁸.

²⁸ Галицкая Богоматерь на престоле изображена по чину Знамения (с младенцем на лоне). И ангелы держат не мафорий, а накрывающую Влахернскую башню завесу. Завеса есть и на суздальском образе, где Богоматерь поддерживает покров, а голова ее укрыта лишь обтягивающим платком. Но завеса, спадающая острыми складками в основании башни, — боковой мотив суздальской иконы, подробность церковной практики, принятой во Влахернах. На Галицкой же иконе над молящимися простерт полог. На мафории же, находящемся на самой Богородице, написан младенец. Галицкая икона (79,5 × 47,5) — творение провинциального мастера, написанное почти детской, наивной рукой. Вряд ли этот список происходит из Влахернского монастыря и уж точно не относится к архетипу суздальской иконы. Это изделие другого иконографического извода, к которому имеют отношение более поздние — начала XV века — новгородские иконы Покрова, хотя на них Богородица Оранта изображена в рост и без младенца на лоне. Галицкая икона — самостоятельный извод иконы Пиргиотисса, а не список с киевской Пирогощей. Это говорит о том, что уже в XII столетии культ Покрова Богородицы достиг юго-западных пределов Руси. А это значит, что в 1165 году Андрей Боголюбский мог построить на Нерли не просто еще одну Успенскую церковь, а именно Покровский храм.

«В пользу византийского происхождения сюжета, возможно еще не сформировавшегося в конкретной иконной форме, говорит сама легенда о «Чудесном явлении Богоматери» во Влахернском храме Константинополя. <...> Там же до разрушения храма находилось и особо чтимое изображение Богоматери Оранты, названной в честь храма Влахернитиссой. <...> Средневековые письменные источники упоминают также бывшую в храме икону, изображающую сидящую на

Рассмотрим «технические» подробности, подтверждающие корректность нашей атрибуции иконы из Суздаля.

Пропорции доски Владимирской иконы (104 × 69, а по другим данным 103,6 × 68 см) и иконы Покрова из Суздаля (68 × 44 см) в пределах округления одинаковы — 3 : 2²⁹.

И скорее всего, глубоко символичны: горизонтальной *земной* паре соответствует вертикаль *небесной* Троицы.

Заметим, что ширина первой иконы практически равна длине второй. При этом в первом случае пропорция 1,51 или 1,52 к 1, а во втором — 1,55 к 1. Но в последнем случае мы имеем дело не с оригиналом, а со второй копией с оригинала, причем снятой через два века. (Размеры доски оригинала Пирогощей в идеальном, с точки зрения пропорции, случае должны были быть 69 × 46 или же 68 × 45,3 сантиметров.)³⁰

Двойное совпадение (самой пропорции и одного из размеров), на мой взгляд, говорит о том, что: 1) доски для Владимирского образа

престоле Богоматерь с младенцем Христом, закрытую пурпурным покрывалом-занавесом, который чудесным образом поднимался вверх во время богослужения с пятницы на субботу. Это явление воспринималось очевидцами и паломниками тоже как своеобразное чудо и сохранялось надолго в памяти и легендах. Отголоском этого явления могла быть и галицкая икона». См.: *Членова Л. Г.* «Покров» из Восточной Галиции // Восточноевропейский археологический журнал. № 3 (10). 2001.

²⁹ У М. В. Алпатова этот размер округлен до 100 × 70 см (пропорция 1,4 к 1). Однако в издании постера Владимирской иконы, выпущенного Третьяковской галереей в 2001 году, размер указан точно: 104 × 69 см. Доска иконы составлена из пяти тесаных дощечек. Три из них вертикальные, а две (сверху и снизу) горизонтальные. Для сравнения: Богоматерь Владимирская, приписываемая Андрею Рублеву (1395 или 1408 г.), имеет ту же пропорцию, что и оригинал, и близкие размеры: 102,2 × 69,5 см. Успенская икона, привезенная в 1073 году, также имела пропорцию 3 : 2, но была горизонтальной: «в 9 вершков ширины и 6 высоты».

³⁰ Из 150 икон, представленных в монографии М. В. Алпатова, нет ни одной с размерами 104 × 69 см или 68 × 44 см, и только у 11 пропорции равны 3 : 2, то есть 1,5 : 1. Это 7% от всего разнообразия пропорций, у которых абсолютный пик приходится на 4 : 3, то есть 1,333... : 1 (54 доски, или 36%). Одна из досок с пропорцией 3 : 2 — новгородская икона Покрова начала XV века (по Алпатову, № 30; 74 × 50 см). Можно предположить, что она происходит из Покровского Зверина монастыря, первое упоминание о котором относится к 1148 году в связи с пожаром церкви Богородицы. Считается, однако, что это «покровское» название может относиться к более позднему времени, поскольку в летописи церковь также названа просто церковью Богородицы.

Даже порознь иконные размеры 104, 69–68 и 44 см встречаются нечасто. И нет ни одного случая, чтобы пропорция 3 : 2 и размеры иконы Владимирской Богоматери или Покровской иконы из Суздаля совпали одновременно и с пропорцией, и хотя бы с одним из размеров какой-либо иконы из антологии М. В. Алпатова.

и для первоначальной Покровской иконы сделаны в одной мастерской и в одно время специально для Киева; 2) хотя икона Покрова — второй список с присланной из Константинополя, ее размер и пропорция показывают, с какой тщательностью на Руси дважды (в XII и XIV веках) обмерялись и мастерились доски для ее копий. Если так, то это свидетельствует об исключительном статусе данной иконы и говорит о том, сколь скрупулезно выполнялись оба списка (почему М. В. Алпатов и отмечает «глубокую архаичность» Покровского образа «по типу и по исполнению», хотя сам образ относится к XIV веку).

По традиции народное прозвище прибавляется к каноническому имени иконы: «Спас Ярое Око», «Ангел Златые власы», «Благовещение Устюжское» и т. д.

Существует три основных типа не относящихся напрямую к двенадцатым праздникам Богородичных икон: Богоматерь «Умиление»³¹, Богоматерь Одигитрия (Путеводительница), Богоматерь Оранта (Молящаяся)³². В данном случае мы имеем дело с другим, праздничным (то есть сюжетным) типом Богородичной иконы. Богоматерь Пиргиотисса, то есть Богоматерь Башенная (Защитница), в начале XII века была вписана Киевской митрополией в традиционный праздничный ряд: Благовещение (25 марта), Успение (15 августа), Рождество (8 сентября), Введение во храм (21 ноября). Под именем «Покрова Пресвятой Богородицы» она заняла место между двумя последними праздниками. (Напомню, что Покров отмечается 1 октября по старому стилю.)

Это могло бы свидетельствовать о том, что в 1131 году в этот день Пирогошую привезли на Русь, но на суздальской иконе ниже Богородицы мы видим Романа Сладкопевца, которого церковь поминает также в праздник Покрова. Это не означает, что Андрей Юродивый современник Романа (как считают некоторые исследователи), это указание на то, что именно в этот день произошло явление Богородицы Андрею и Елифанию.

Существует предположение, что «дата праздника Покрова в годовом богослужбном круге была приурочена, по данным Проложного сказания, к 1 октября, очевидно, в связи с празднованием памяти блаженного Андрея 2 октября. В соответствии с православной литургической традицией, за основным праздником обычно следует

³¹ Например, Владимирская Богородица.

³² Сюда относится и мозаика в Киевской Софии «Богородица Нерушимая Стена» (Богоматерь словно бы поддерживает свод храма), и новгородская икона «Знамение».

прославление тех, кто был непосредственным участником воспоминаемого в праздничном богослужении события»³³. С этим можно согласиться лишь в том случае, если праздник Покрова действительно установили не в константинопольской Влахернской церкви, а в Киве или во Владимире. Однако наличие на суздальской Пирогощей иконе получившего свой дар от Богородицы Романа Сладкопевца (он, как и сама Богоматерь, изображен на центральной оси образа) говорит в пользу не обратного, а прямого порядка событий: 1 октября, в день поминовения Романа, блаженный увидел чудо, и потому его самого поминают на другой день после Покрова.

Если принять, что Пирогощая — икона Покрова, то становится понятно, почему Игорь едет к ней на поклон. В плену он должен был молить Богородицу охранить города, оставленные им без защиты. И действительно, в Северной земле Гзаку не удалось взять ни одного города. Выстоял даже осажденный Путивль, хотя его окольный град был сожжен.

Для автора «Слова» важно подчеркнуть, что Игорь обращается к Пирогощей Богородице, ведь Покров защищает Русскую землю «от стрел летящих во тьме разделения нашего», а тема княжеских междоусобиц, приносящих несчастье русской земле, пронизывает все произведение.

Вот и метафора покрóва, но покрóва «изнаночного», проходит через всю поэму. Последовательность этих метафор такова:

1. Солнце тьмою прикрывает всех воинов Игоря.
2. Перед первым боем мгла покрывает поля.
3. Русичи мостят болота драгоценными тканями и «узорочьями» половецкими.
4. Черные тучи хотят прикрыть четыре солнца.
5. Перед решающей битвой поля прикрывает пыль.
6. Пустыня силу прикрыла.
7. Святославу Киевскому снится, что его одевают черной паполомой (покрывалом), а златоверхий его терем уже не накрыт кнесом (охлупнем).
8. Молодые месяцы Олег и Святослав тьмою поволоклись.
9. На реке Каяле тьма свет покрыла.

---

³³ Николай Погребняк, протоиерей. Радуйся, Радосте наша... Заметка об истории и иконографии Покрова Пресвятой Богородицы // Московские Епархиальные ведомости. 2003. № 9–10.

10. Смертельно раненый Изяслав на поле битвы хотел прикрыться хотя бы травой, но ему сказано, что его и его дружину птицы приоденут крыльями.

11. Всеслав занавесился синей мглой.

12. Игорь едет к Пирогощей.

Так в конце поэмы, после покаяния Игоря, время переворачивается с изнанки на лицевую сторону.

Остается выяснить, как выглядела та Богородичная икона, которая именовалась (или именуется?) Пиргиотиссой на Крите. Впрочем, вовсе не обязательно на ней будут изображены башни Влахернского монастыря или сама башнеобразная Влахернская церковь, ведь, в принципе, в Греции имя Пиргиотисса могло закрепиться за любой богородичной иконой, происходящей из Влахерн.

ТАЙНОПИСЬ В ТРОИЦЕ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

экспедиция четвертая: Троице-Сергиева лавра

...под сенью зеленого древа...

Слово о полку Игореве

От «Слова о полку Игореве» и старолadoжской фрески Святого Георгия до Троицы Андрея Рублева без малого два с половиной века. Эти три произведения обрамляют печальное полотно «изнаночного времени», и надо ли удивляться, что говорят они об одном и одним художественным языком.

Покажем, что и та многозначность слова и графики, которую мы обнаруживаем на входе в изнаночную эпоху, не потеряна и на выходе из нее.

Для христианской традиции символический язык — начальный. Сделаем две выписки из Евангелия от Иоанна:

Глава 18:

33 Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский?

34 Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне?

35 Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал?

36 Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда.

37 Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

38 Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем.

Глава 19:

19 Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский.

20 Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски.

Укажем на богословское разночтение. Слово *назорей* происходит от еврейского *назир* (посвященный). Назореями назывались люди, на некий срок посвящавшие себя Богу. Они не пили вина, не брились, вели строгий образ жизни. Этому иудейскому обычаю мы обязаны появлением христианского института монашества. Иное толкование слова «назорей/назарей» — назаретянин (назарейянин) — происходящий из Назарета, города, где Мария и Иосиф поселились до рождения Иисуса.

Однако загадка, загаданная человечеству Пилатом, отступает перед той, что была предложена самому Пилату. Логику нравственного и интеллектуального противоборства Иисуса с Пилатом нельзя понять, если не знать, какими категориями и скрытыми смыслами оперируют тот и другой. Почему же надпись на кресте сделана на трех языках? Какая связь между словами «царь», «истина» и «рождение»? И главное — то, обо что споткнулся Михаил Булгаков: почему, услышав ответ Христа, Пилат решил, что тот невиновен?

Имя Иисус по-еврейски Иегошу — «Спаситель». Христос (от др.-евр. *машиах*, буквально — помазанник, мессия; в переводе на греческий — *Christos*). На Древнем Востоке верили в магическую силу помазания освященным маслом, миропомазание было частью обряда возведения царя на престол. В книгах Ветхого Завета слово «машиах» означает «царь». В иудаизме и христианстве мессия — ниспосланный Богом спаситель, который должен навечно утвердить свое царство.

Попытаемся вслед за Пилатом разгадать загадку его пленника.

Апостолы, которые были до нас, называли [его] так: Иисус Назарейянин Мессия, то есть Иисус Назарейянин Христос. Последнее имя Христос. Первое Иисус. То, которое в середине, — Назарейянин. Мессия имеет два значения: и Христос, и измеренный. Иисус по-еврейски искупление. Назара — истина. Назарейянин — [тот, кто] от истины. Христос — тот, кто измерен. Назарейянин и Иисус — те, которые измерены (стих 47).

Это апокрифическое «Евангелие от Филиппа» (II в. н. э.).

В иудейской традиции гласные не записываются, а потому сближение слов Назарет и назорей было очевидным.

«Для Филиппа, — отмечает современный исследователь, — “назарейнин” не указание на город Назарет, а прозвище, означающее “истинный” или “измеренный”»¹.

Но измерить можно только числом. О каком же числе идет речь?

Во времена Христа (как и сегодня) служба в синагоге заканчивалась древним арамейским гимном, прославляющим святость Всевышнего и призывающим к скорейшему наступлению Царства Божьего. Называется он Кадиш Ятом (Освящение Осиротевшего) и обычно читается тем, кто недавно потерял близкого. При этом Кадиш никогда не читают в одиночку, число молящихся должно быть не менее десяти (один произносит текст, девять подхватывают и отвечают).

Слово *амен* (истинно) звучит в этой молитве девять раз². Происходит оно от слова *амет* (истина).

Считается, что верующий за день должен прочесть десять кадишей (существует пять их вариантов на разные случаи) и произнести слово *амен* 90 раз, ведь буква *цади* (ее цифровое значение 90) встречается в слове *цадик* (праведник).

Однако такое предписание явно вторично. Куда логичней представляется другое объяснение: если *амен* записать одними согласными, оно будет состоять из двух букв — *мэм* и *нун*, но в еврейском алфавите эти буквы означают цифры 40 и 50. Видимо, именно поэтому четыре раза *амен* произносит скорбящий и пять раз — община. Помножив девятку на десять чтений, мы и получим цифру 90.

В Древнем мире вместо подписей использовали печати из глины или металла. О печати Божией у иудеев говорили: «Печать Божия — истина». *Амет* пишется с помощью трех букв: *алеф* — первая буква алфавита, *мем* — средняя, *тав* — последняя. Но ведь истина — это то, что способно объять начало, середину и конец.

В греческом алфавите альфа — первая, омега — последняя буква. Поэтому, когда в «Откровении Иоанна Богослова» (1: 10) Господь говорит «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний» — это перевод, в оригинале же должно было звучать: «Я есть Алеф и Тав».

Так и в конце «Откровения» (21 : 6), только вместо «Первый и Последний» читаем «Начало и Конец». И вновь, уже в полном виде: «Я есмь Альфа и Омега, Начало и Конец, Первый и Последний» (22: 13).

¹ *Свенцицкая*. С. 293.

² По-гречески *аминь*.

Число 9 завершает первый числовой разряд (далее идут уже десятки) и записывается буквой *тэт* (девятая буква еврейского алфавита). *Тэт* символизирует добро, поскольку впервые появляется в Торе в слове *тов* (хорошо) во фразе «И увидел Бог, что свет — [это] хорошо...» («Брейшит», 1: 4). Поэтому *тэт* — символ не только добра, но истины и вечности: женщина носит ребенка девять месяцев, в Шофар трубят девять раз, известно девять «ангельских чинов», в 1-м Послании к Коринфянам (12: 4–11) апостол Павел говорит о девяти дарах Святого Духа: слово мудрости, слово знания, вера, дар исцелений, чудотворения, пророчество, различение духов, разные языки, истолкование языков.

Буква *тэт* выглядит так:

У иудеев принято считать, что для того, кто штудировал Талмуд, эта буква должна напоминать силуэт человека, склонившего голову перед единичей (символизирующей Всевышнего).

Итак, слово Мессия имеет два значения: Христос и Царь.

Назара — Истина (и одновременно указание на город Назарет).

Судя по надписи на трех языках, Пилат загадку разгадал. Ход его рассуждения был примерно таким: *назара*, как и *амен*, — истина; слово *амен* в последней молитве повторяется девять раз, а истину символизирует буква *тэт*, которая обозначает девятку; по-гречески инициалы Иисуса Христа — IX; но та же графика и у римской девятки.

Следовательно, Иисус имеет право говорить: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине». Он невиновен, потому что на его мессианство указывает само его имя.

Сведя смысловые оттенки трехязыкой надписи Пилата воедино, перевести ее можно так: «Иисус (Спаситель) Посвященный (1. Истинный; 2. Происходящий из Назарета) Мессия (Помазанный, Христос, Царь) Иудейский».

Еще раз сошлюсь на рассуждение И. С. Свенцицкой о тексте Евангелия от Филиппа:

Что же должны делать люди для освобождения от сил зла? Одно — познать истину. «Логос сказал: “Если вы познаете истину, истина сделает вас свободными”». Понятие свободы в Евангелии Филиппа, как и неоднократно упоминаемое им понятие рабства, не имеет ни малейшего социального оттенка. Эта свобода — духовная, связанная с мистическим гносисом. «Незнание — рабство. Знание (гносис) — это свобода», — сказано в Евангелии Филиппа³.

³ Свенцицкая. С. 288.

По древнейшим представлениям, разгаданная загадка есть победа над тем, кто ее загадал. Так Эдип разгадывает загадку Минотавра и убивает его, а послы древлян, как это заметил Д. С. Лихачев, не разгадывают свадебных загадок княгини Ольги и потому гибнут.

Понтий Пилат разгадал загадку Иисуса и потому с чистой (как ему представлялось) совестью «умыл руки» — предал Мессию смерти.

Пилат не понял, что «рожденный свидетельствовать истину» уже фактом своего рождения отменил архаику древнего кода.

«Истина не пришла в мир нагой, она облачена в символы и образы». Так звучит 67-й стих апокрифического Евангелия от Филиппа. И инстинктом художника Булгаков угадал (или почти угадал) связь числа 9 и распятия Иисуса. Последняя фраза главы «Понтий Пилат» звучит так: «Было около десяти часов утра».

Двадцатая глава «Откровения» начинается так:

И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил на нем печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время (20: 1–3).

Имя Иоанна Богослова освящает традицию символического языка христианской культуры. Проиллюстрируем это утверждение. В книге В. А. Плугина «Мировоззрение Андрея Рублева» (М., 1974. С. 129) опубликована старообрядческая прорись XVII века с иконы, по преданию написанной Андреем Рублевым. На ней Спаситель держит раскрытую книгу с двумя стихами из Евангелия от Матфея (11: 28–29). На одной странице книжного разворота отчетливо читается: *Приидете ко мнѣ всѣ труждающіися ІΩ БР* *мененіи...* На другом: *...и азъ покою вы: возмете иго мое и научитесь от мене...*

Насколько мне известно, изучением этой надписи никто из специалистов не занимался.

Для того чтобы понять, почему четыре буквы в этом тексте выделены, необходимо вспомнить о древнерусской фресковой традиции писать апостолов с раскрытыми Евангелиями в руках. Имена апостолов записываются на книжном развороте в виде двух букв: «МТ» — Матфей, «МК» — Марк и т. д. (Эта традиция была знакома Андрею Рублеву, ведь он и сам так поступил, расписывая Успенский собор во Владимире.)

«ІΩ» — каноническое сокращение имени Иоанн, а «БР» — нетрадиционное, но корректное сокращение слова «Богородица».

На старообрядческой прориси воспроизведена центральная икона Деисусного чина. Вспомним, что слово «Деисус» — результат каламбурной контаминации имени Иисуса и греческого слова «исис» (молитва). Значит, эта прорись — рублевский ответ на вопрос, почему в деисусном чине непосредственно слева от Христа пишется Иоанн Креститель (или Иоанн Богослов), а справа — Богородица.

Выходит, сам евангельский текст после его перевода на славянский и подсказал, кто именно первым придет на призыв Спасителя. И потому, надо полагать, деисусный чин с Иоанном (одним или другим) одесную Христа и Богоматерью ошуюю становится так популярен в славянской среде.

Но хотя старообрядческая прорись и впрямь может быть сделана с рублевской иконы, подобную графическую многомерность мы встречаем еще в конце XII века на фреске из Старой Ладogi, где, к примеру, нижний край доспехов Святого Георгия продолжает контур конской спины, и потому конь прописан как бы целиком: он и нечто единое с всадником, он и сам по себе). На той же фреске конь словно бы попирает копытом спину змея, хотя на самом деле в трехмерном мире копыто должно находиться за змеем. Но именно так в Троице Андрея Рублева благословляющая чашу рука среднего ангела одновременно находится и над чашей, и за ней (на дальней кромке престола). А ангел, сидящий одесную среднего (от нас слева), наступает на край собственных терракотовых риз. И с такой же многомерностью (но уже не зримого пространства, а пространства слова) мы десятки раз встречаемся в «Слове о полку Игореве».

Если мы спросим специалистов, что изображено на рублевской Троице, самые разные исследователи будут единодушны. Троица Андрея Рублева венчает тысячелетнюю иконографическую традицию, начатую фреской в катакомбе на виа Латина (конец IV века, Рим), где Авраам, сидя под Мамврийским дубом, принимает трех неземных странников. Это иллюстрация к библейскому рассказу о гостеприимстве ветхозаветного патриарха. А около 1423 года смиренный инок Андрей Рублев изображает тайну Предвечного Совета, на котором Сын добровольно принимает чашу с головой тельца, чтобы избавить людей от чаши скорбей и страданий. (Так прочитал Троицу Рублева Павел Флоренский.)

Анонимный византийский философ, укрывшийся в конце V или начале VI века за именем крещенного апостолом Павлом грека Дионисия Ареопагита, писал, что икона есть «уподобительное изображение, предназначенное для того, чтобы мы по мере сил наших

от священной иконы восходили к тому простому, что не имеет никакого чувственного образа»⁴.

В сюжете гостеприимства Авраама христиане увидели символ Троидинобога и прообраз евхаристии.

Но то, что изобразил смиренный инок Андрей, наверное, не имеет да, видимо, и не будет иметь аналогов в истории духовного провидчества. Молчальник Андрей Рублев дерзнул узреть тайну тайн: он пишет не Ветхозаветную Троицу, а Троицу Живоначальную, то есть не пророчество о Троице, не ее видимый «прообраз», но образ события, повернувшего жизнь человечества и ставшего рубежом двух эр.

Победителей не судят не только в античном, но и в христианском мире, и рублевская дерзость была воспринята как должное. (Впрочем, вероятно, лишь потому, что ее просто не заметили.) Однако если мы спросим, кто есть кто среди этих ангелов, склонившихся в молчаливой беседе над чашей, специалисты заспорят, и заспорят весьма неумильно.

«Средний ангел — Христос», — утверждает В. Н. Лазарев⁵.

Действительно, на среднем ангеле традиционные для Христа одежды — синий гиматий (плащ) и вишневым хитон. Кроме того, с древности иконописцы в сюжете явления Троицы Аврааму (другое название — «Гостеприимство Авраама») начинают выделять фигуру среднего ангела: уже на римской мозаике в Санта-Марии Маджоре (432–444 годы) центральный странник с головы до ног окружен светящимся коконом. И такое отношение именно к центральной фигуре естественно: в ветхозаветном рассказе к Аврааму приходят под видом трех путников Бог и два ангела. После угощения Бог остается беседовать с Авраамом, а два ангела идут сокрушить Содом и Гоморру. И хотя библейский сюжет был понят позже как пророчество о триединстве Господа, по традиции средний ангел символизировал Христа и выделялся то кресчатым нимбом, то клавусом (полоской ткани, которая нашивалась у предплечья на одежде римских патрициев), то, как у Феофана Грека, более крупным размером фигуры, распростертыми крыльями и свитком в руке.

Н. А. Демина, полемизируя с устоявшимся взглядом на расположение лиц за престолом, указала на так называемую Зырянскую Троицу, написанную, по преданию, Стефаном Пермским, просветителем зырян и другом Сергия Радонежского. Преподобный отец Сергей и установил в России культ Троицы (как до него Евфимий

⁴ *Нущубидзе Ш. И.* Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942.

⁵ *Антология.* С. 105.

Тырновский — в Болгарии). Написанная в 70-е годы XIV века, эта икона во многих деталях центральной своей части предвосхищает рублевскую композицию: одна чаша на столе уже, видимо, символизирует евхаристию, и ангелы, как и у Рублева, касаются друг друга крыльями, словно составляя из них единую завесу. Предельно похожи по графике и сами ангелы, и их жесты. Даже наклон головы у среднего и сидящего ошую его ангела чуть больше, чем у того, что сидит одесную. Схожи покрои и цвета риз, расположение дуба (строго над средним ангелом) и палат.

Впрочем, Н. А. Демина пренебрегает этими столь утомительными для неискушенного советского читателя сопоставлениями. Она только указывает, что нимбы всех трех ангелов отмечены перекрестиями «с обычными греческими буквами, обозначающими Христа. В руках ангелов свитки, и, кроме того, на фоне возле них киноварные надписи на зырянском языке: у левого (от зрителя) “и Пи”, то есть “и Сын”, у правого (от зрителя), “и Пылтос”, то есть “и Дух”, надпись у среднего до реставрации читалась “Аи”, то есть “Отец”...». Вывод исследовательницы: «Расположение ангелов Зырянской Троицы очень близко к Троице Рублева, и, вероятно, значение их одинаково»⁶.

Через восемнадцать лет после выхода книги Н. А. Деминой на нее в церковном самиздате откликнулся богослов А. Александров, утверждавший, что, согласно традиции в православной иконописи, которая восходит к IV веку, «средний Ангел иконы Святой Троицы изображает ее Вторую Ипостась». Поэтому «неисторично представлять, что преподобный Андрей Рублев, свято чтивший каноны иконописи, вдруг решил сломать эту традицию...». Этот автор считал также совершенно немотивированным «предположение о том, что центральный Ангел изображает Бога Отца».

Ради пушей убедительности А. Александров несколько спрямлял углы проблемы. Во всяком случае, диалектический упрек в неисторичности можно смело снять. Да, существует традиция, но существует и неразличение Первого и Третьего лица Троицы в этой традиции. Для сюжета с Авраамом и Саррой такое неразличение оправдано: тысячу лет в сюжете Гостеприимства Авраама иконописцы писали Бога во Второй его ипостаси и двух ангелов. Так что средний ангел действительно был Христом. И, как мы видим, вовсе не Андрей Рублев «решил сломать эту традицию». Это сделал ближайший друг того, кто установил у нас культ Троицы, того, в чью «похвалу» преподобный Андрей и писал свою икону.

⁶ Демина. С. 51–52.

Рождение нового канона после середины XIV века вполне закономерно. Только что состоялся Собор, на котором православная церковь приняла учение Григория Паламы, и в связи с вопросом о сущности Фаворского света, как пишет о том сам А. Александров, было сформулировано учение о Божественных энергиях Святой Троицы и возникли монастыри, ей посвященные. Другой богослов (самиздатовская рукопись 1981 года, подписанная *Архиепископ Сергей*) удивлялся: «Как мог преподобный Андрей Рублев, создавая подобный творческий замысел, нарушить догматическую мысль расположения Сына Божия не одесную, а ошую Отца?»

Действительно, если пойти за мыслью А. Александрова, произойдет нечто худшее, чем просто отступление от традиции. Архиепископ Сергей цитирует Символ Веры, где о Христе сказано: «...и восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца». Следовательно, — заключает богослов, — если средний ангел это Сын, значит, «преподобный Андрей Рублев и не мыслил о догматической расстановке фигур». Этого отец Сергей не допускает по вполне понятным соображениям: Символ Веры читался иноком Андреем ежедневно. И, пожалуй, мы вряд ли увидели бы его Троицу, если б Рублеву пришла мысль, что Сын сидит на престоле не одесную Отца.

Однако напомним, что Андрей Рублев создает новый иконографический канон. Он не просто убирает фигуры Авраама и Сарры, не просто смахивает со стола всю снедь, оставляя на нем лишь одну чашу как образ Причастия. Он переносит действие с земли в горный мир. Это уже не пророчество о Троице, но образ самой Троицы. И потому неизбежно должен был возникнуть вопрос о том, как расположить ипостаси Божества за престолом.

Но на это, собственно, и указывает Символ Веры.

Древнерусское представление «одесную» и «ошую» — совсем не то, что наши «справа» и «слева». Одесную при трапезе — справа от главы стола, и не важно, какой это стол — царский, монашеский, крестьянский. Это мы привыкли отмерять от себя, и когда, скажем, под фотографией в книге мы читаем «справа такой-то», то это означает «справа от нас». Так и наши временные представления более субъективны, чем представления наших предков. Для нас будущее — впереди, а прошлое всегда сзади. Древнерусский же человек смотрел на время как бы со стороны: «передние» времена для него всегда предшествуют «задним»⁷. «Одесную Отца» — справа от центрального. И никак иначе. Потому, хотя сам архиепископ Сергей и предполагает

⁷ *Лухачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 254.

(впрочем, довольно осторожно), что у Рублева Христос облачен в зеленый гиматий (третий вариант чтения иконы!), трудно принять его трактовку. Трудно по той же причине, по которой сам архиепископ спорит со сторонниками «традиционной» точки зрения: крайние фигуры ангелов Рублев развернул друг на друга, и потому ангел в зеленом гиматии сидит уж никак не «одесную» того, что от нас слева. Впрочем, и сам архиепископ в конце статьи признает, что вопрос «по-прежнему остается открытым».

Составитель антологии «Троица Андрея Рублева» пишет: «Удивительная и словно намеренная зашифрованность Рублевым <...> двух ипостасей Троицы не дает ясных указаний для однозначного определения»⁸. Дело в том, что антология Г. И. Вздорнова вышла в том же 1981 году, когда в самиздате появилась статья о Троице архиепископа Сергия.

Г. И. Вздорнов о ней еще не знал и полагал, что в рублевской Троице зашифрованы лишь две ипостаси Божества, а ангел, одетый в зеленый гиматий, без сомнения, Святой Дух (Дух Животворящий). Но после появления работы архиепископа Сергия следует признать: зашифрованы все три ипостаси, и, пока не найден ключ к шифру, всякая попытка свести концы с концами будет безуспешна.

Ибо аргументы неизбежно наткнутся на контраргументы.

Даже В. Н. Лазарев, который последовательно отстаивал свое мнение (мы начали с него наш обзор этой дискуссии), все-таки не удерживается и противоречит сам себе. Признав вслед за Н. А. Деминой, что здание, дерево и гора над каждым обозначают некую разгадку ипостасей и «посох каждого ангела указывает на его эмблему»⁹, ученый будто забывает собственную трактовку каждой эмблемы: дерево — «это не столько Мамврийский дуб, сколько дерево жизни...», гора — образ «восхищения духа», а здание — «символ Христа-домостроителя». Позвольте, но тогда выходит, что на эмблему Христа-домостроителя указывает посох Отца...

Это показывает, сколь мудреную загадку загадал нам инок Андрей.

Беда в том, что каждый решает вопрос, сообразуясь с собственным представлением о рублевской Троице. Как кому нравится и видится, как кому больше по сердцу, так и выстраивается цепочка приводящих в тупик аргументов. А потому в случае с рублевской Троицей даже профессиональный исследователь может не заметить алогичности собственных построений.

⁸ *Антология*. С. 13–14.

⁹ *Демина*. С. 52; *Антология*. С. 105.

И казалось, закономерным стал вывод, к которому в своей статье «...Предстоя Святей Троице» пришел Б. В. Раушенбах. Показав, что только Троица Андрея Рублева удовлетворяет шести требованиям для изображения Троицы (Триединость, Единосущность, Нераздельность, Соприсносущность, Специфичность, Взаимодействие), он писал: «...определение Лиц Троицы <...> в известной мере теряет смысл, становясь делом второстепенным»¹⁰.

В 381 году Второй Вселенский собор утвердил, что понятие единосущия распространяется на Святого Духа. И тем окончательно сформулировал догмат о Святой Троице, Неслиянной и Нераздельной. Б. В. Раушенбах пользуется термином «Специфичность», но это как раз и Неслиянность. А Нераздельность и Неслиянность возможны лишь при различении ипостасей (иначе Неслиянность отсутствует).

Андрей Рублев был исихастом (молчальником) и, как пишет современник, «всех превосходил в премудрости»¹¹. Можно полагать, что уже в зрелом возрасте он побывал на Афоне. Неужели же, создавая новый канон, старец Андрей был так увлечен колористическими задачами, что в своем переосмыслении традиции продумал все, кроме единственной «мелочи» — догматического размещения ипостасей Божества за престолом? Более того, можно ли поверить, что Рублев, развивая заложенные уже в Зырянской Троице идеи, игнорировал то, что, по сути, было духовным завещанием Стефана Пермского, а следовательно, и Сергия Радонежского? Не мог же он не понимать, что несет новое осмысление сюжета Гостеприимства Авраама?

В середине следующего XVI века, когда резко похолодеет политический и существенно ухудшится духовный климат, когда уже позади будет горный перевал *русского предвозрождения* (термин Д. С. Лихачева), Стоглав на вопрос Ивана Грозного о разное в догматических деталях изображения Троицы даст весьма парадоксальные рекомендации: «Писати же живописцем иконы з древних образов, как греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочие пресловущии живописцы, и подписывати “СТАЯ ТРЦА”, а от своего замышления ничтоже предтворяти»¹².

Но ведь спрашивающий и был в сомнении, как следует писать впредь: по старым образцам или в традиции Рублева? Стоглав по существу не смог ответить на вопрос царя и под видом компромисса

¹⁰ Раушенбах Б. В. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб., 2002. С. 300.

¹¹ Кузьмина В. Д. Древнерусские письменные источники об Андрее Рублеве // Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971. С. 113.

¹² Там же. С. 120.

предложил оксюморон. Отныне иконописцы, как предписал Стоглав, стали ориентироваться и на Рублева, и на «древние образы». Решение Стоглава было выполнено (и одновременно не выполнено, поскольку выполнить его просто невозможно). Из-за этого и к Троице Рублева стали относиться не как к «умозрению в красках», а как к удачному графическому и цветовому решению. Подойдя с формальными мерками, в последующих репликах выхолостили и всю *умную живопись* Рублева.

Произошло это, впрочем, задолго до Стоглава, что видно по антологии Г. И. Вздорнова хотя бы на примере одной детали — евхаристической чаши. Уже на покровце XV века из собрания Загорского историко-художественного музея-заповедника на престоле вновь не одна, а три чаши. То же и у Паисия (1485), и на других, формально следующих за Рублевым изображениях Троицы.

От мудрости старца исихаста вскоре останется лишь оболочка: начинается путь к декоративному украшательству, путь к натуралистическому великолепию Троицы Симона Ушакова, где все заслоняет изысканная сервировка стола, затейливый орнамент, прописанные листочки на Мамврийском дубе и роскошная архитектура палат, щедро обогащенная резными украшениями и даже двумя вазами с зеленью.

Кроме печальной судьбы рублевской чаши есть еще одна деталь, которая максимально искажена в череде пострублевских реплик. Это палаты над головой ангела, сидящего одесную среднего. Просмотр иконографии убеждает, что все позднейшие мастера, не исключая и автора годуновской копии с Троицы Рублева, пытались *рационально* подойти к более чем странной (на их взгляд) рублевской архитектуре. И потому либо отказывались от нее в пользу «старых образцов», либо старались ее «улучшить». (Хотя «иконной архитектуре» традиционно позволялось быть самой фантастичной и нереальной архитектурой человечества. Такой, что перевести ее в камень было бы просто невозможно.)

Палаты Авраама инок Андрей построил, как может показаться, на скорую руку. Если не приглядываться, они попросту бедны и убоги. Кессонированный потолок лежит не на колоннах, а на змееобразных кронштейнах, а значит, он не горизонтален, но как бы приоткрыт (словно подпертая щеколдой крышка ларца). Допустим, это один из частных эффектов обратной перспективы¹³, хотя несуразность такого построения тут же бросается в глаза. Но если все это вполне в стиле

¹³ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. М., 1980. С. 170–177.

«иконной архитектуры» и отсутствие передней стены у здания (мы видим все его внутреннее пространство) все-таки объяснимо, зачем понадобилось Рублеву продолжать среднюю колонну (правую от нас, если не считать за колонну ту, что без капители) аж под венцом ангела и доводить ее основание до его груди (см. вкладку)?

Колонна, очерченная пробелами и темным контуром, начинается прямо от крыла. Когда мы замечаем это, становится ясно, что постройка трехэтажна: колонны, столь гармоничные, если б они вырастали из венца, оказываются такой длины, что соперничают, пожалуй, с тростинками посохов в руках трех крылатых юношей. И то, что сначала мы сочли фундаментом, на самом деле нижний этаж, превосходящий по высоте два верхних.

Оговоримся: странности рублевской архитектуры в Троице смущают не нас, но всех без исключения авторов реплик. Кроме, пожалуй, годуновского копииста, работавшего почти строго по кальке. Впрочем, даже он не удержался и тоже *рационализировал* Троицу Рублева (скрыв, хотя и более бережно, «недостатки» великого предшественника).

Каких только построек взамен рублевской не предлагают его последователи! Здесь и терема с луковками, и даже подобие трона, и шатры, и палаты, и башни. Автор покровца (начало XV века, первая дошедшая до нас реплика на Троицу Рублева) хотя и располагает постройку за тем же ангелом, что и старец Андрей, но в самой архитектуре ориентируется на непосредственного рублевского предшественника¹⁴. И это показательно, ибо следует, что уже при жизни или сразу по смерти Андрея даже иконописцы не понимали семантики его иконы.

¹⁴ Вздорнов Г. И. Новооткрытая икона Троицы из Троице-Сергиевой лавры и Троица Андрея Рублева // Древнерусское искусство. М., 1970. С. 115.

Покажем, что архитектура «палат Авраама» у Андрея Рублева продумана самым тщательным образом. Именно поэтому Рублев отказывается следовать даже за Зырянской Троицей (или за известным ему аналогом ее) при изображении этой детали иконописного повествования. Дело в том, что этот «пресловущий иконописец» вписывает в графику эмблемы Христа-домостроителя монограмму. А абрис «палат Авраама» — зрительная реминисценция другого иконного изображения — таблички креста с надписью Пилата: «Иисус Назорей, Царь Иудейский» (Иоанн 19: 19).

Монограмма ИИЦИ и является колоннами рублевского храма.

При первом взгляде мы ясно различаем лишь две буквы: левая от зрителя колонна — «I», а справа комбинация из колонны и колонки дают «Н». Но, во-первых, «Н» в уставе и в начале XV века писалось с наклоненной вправо горизонталью (хотя с XIV века известны случаи и «прямого» «Н», все же это характерно лишь для полуустава, а в уставе буква с такой графикой читается как «И восьмеричное»); во-вторых, поскольку трудно представить, что возможно монограммирование в какой-либо богослужебной надписи не всего «титула», а только его части, — будь рублевская монограмма двубуквенной, ее следовало бы объяснить мнимой игрой случайных линий. И графическая реминисценция абриса «палат» с табличкой креста дела бы не спасла.

Но перед нами не две, а все четыре необходимые буквы.

Буква «Ц» появляется как синтез «I» и «Н». Недаром нижний штрих горизонтальной перекладки «Н», если его мысленно продолжить, составит касательную к окружности венца. Верхняя часть этой окружности и соединяет две первые буквы монограммы в третью. При исследовании подлинника видно, что Рублеву не сразу удалось найти такое расположение горизонтальной перекладки буквы «Н». Сейчас, когда реставраторы «перемыли» этот фрагмент, видны поиски иконописца — две или три его предварительные попытки найти оптимальное положение горизонтали, при котором не разрушалось бы ни «Н», ни «Ц». И в конце концов Рублев его нашел, отказавшись от изображения капители на колонке и уравнив высоту колонки над верхней горизонталью «Н» с длиной вертикального штриха на большой колонне (от нижней горизонтали перекладки этой буквы до его пересечения с венцом).

Последняя буква монограммы — «И» восьмеричное.

Она повторяет графику «Н», то есть перед нами случай «полной лигатуры» двух букв, известный по некоторым рукописным памятникам XV века. (Таковы заставки Евангелий от Луки и Иоанна

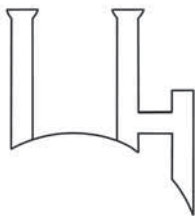

в Четвероевангелии 1480-х годов¹⁵.) В это время «Н» и «И» становились уже столь неразличимы в своих написаниях, что обычное для устава «И» с горизонтальной перекладиной было и в частичных лигатурах очень удобно для объединения его с «Н».

Этим и воспользовался Андрей Рублев.

Две kapiteli двух колонн точно воспроизводят графику шрифтовых засечек. Вспомним о раскрытых книгах в руках апостолов на рублевских фресках Успенского собора Владимира. На каждом книжном развороте две буквы: «ИΩ» — Иоанн, «МТ» — Матфей и т. д.

Для XV века такие буквенные обозначения — новаторство Андрея Рублева. А точнее, воскрешение архаики предыдущих веков¹⁶, поскольку в XIV веке имена апостолов на книжных страницах писались обычно полностью¹⁷. Но и на фресках Рублева во Владимире шрифтовые засечки идентичны kapiteliam колонн хотя бы тем, что ими отмечены только верхние окончания букв.

Значит, уже в 1408 году, работая вместе с Даниилом Черным, Рублев уже задумывается об «архитектурности» буквиц, словно примеряясь к грядущей высоте своего труда, словно готовя себя к духовному подвигу 20-х годов.

Итак, две буквы на книжном развороте. Реминисценция этой композиции звучит и в монограмме на рублевской Троице, недаром и мы сначала увидели лишь две буквы из четырех. Но всмотримся внимательнее: на рисунке (с. 351) видно, что красный угол внутри здания как бы повторяет графику книжного разворота. С той лишь разницей, что буквы словно сходят со страниц — ведь они объемны и находятся не на плоскости страниц, а перед ними.

¹⁵ Древнерусское искусство. М., 1983. С. 176–177.

¹⁶ Демина Н. А. О связях Андрея Рублева и мастеров его круга с культурой Киевской и Владимиро-Суздальской Руси // Андрей Рублев и его эпоха. С. 125–141 и табл. 47.

¹⁷ Там же. Табл. 15–17; Фрески Дмитриевского собора // Публикация одного памятника. Л., 1974. № 9.

Кажется, иконописец, будто бы вложивший друг в друга три предмета — храм, книгу и вершину креста, — пытается передать нам сакральное знание, видение Второго лица Троицы в тот миг, когда Логос принимает чашу своего земного воплощения.

Средний ангел, символизирующий Отца, указал на чашу и убрал руку (эффект, возникающий оттого, что рука находится одновременно и над чашей, и за ней, на краю престола). Сын чашу принял и благословил. И в этот миг прозрел свой земной путь вплоть до крестной муки и надписи на распятии, увидел Книгу Жизни с монограммой богочеловека, освободившего людей от бремени первородного греха и вечной гибели. И от груди ангела на уровень Древа жизни взметнулся храм новой веры — христианский храм.

Конечно, «перевод» живописи (а тем более иконописи) на язык словесного описания не может быть точным, но мне представляется, что примерно так можно *пересказать* рублевский замысел. Добавим: действие у Рублева синхронизировано с чтением иконы. Подойдя к ней, мы, естественно, сначала поднимем глаза на среднего ангела. Но золотой клавус на правом его плече направит наш взгляд по руке на чашу. Рублев всем построением композиции словно показывает, как читать икону. Более того, он ведет взгляд зрителя по своеобразному коридору внимания: от чаши мы уже по заданной линии поднимемся по руке ангела в зеленом гиматии и увидим, что тот наклонил главу, как будто склоняясь перед грядущими страданиями сидящего напротив. И гора — эмблема горнего духа — тоже склонилась. Мы возвращаемся к лику среднего ангела, но и его эмблема — древо жизни — повторяет графику наклона головы того, кто сидит на центральном месте, во главе стола. Того, одесную которого — третий ангел. Он принимает чашу. И тут же мы замечаем, что его одежды другого покроя, нежели у двух остальных. Не гиматий и хитон, а грубые, земные, терракотовые ризы. Они спадают не мягкими, но острыми складками к подножию. Знал ли Рублев, что этот цвет «обоженной земли», эта фактура побывавшей в огне глины перекликаются с именем того, чей грех предстоит искупить юноше в терракотовых ризах?

Случайно ли имя Адама выводится от древнееврейского «адама» (что по корневым значениям можно перевести как «красная, кровавая земля»)? Но, как бы там ни было, ризы цвета обоженной глины тут читаются как людская плоть. Ведь и Адам из адамы. И если ангел напротив ставит ступню на подножие, то этот, уже во-человечившийся, наступает на край терракотовой одежды, попирает ее, как в «Воскрешении Лазаря» — рублевской иконе из Благовещенского собора Московского Кремля — будет наступать на край

одежды Марии, сестры Лазаря¹⁸. Вот почему края его риз падают долу такими острыми и ломкими черепками. Вот почему этот ангел почти не склоняет главы и эмблема Христа-домостроителя (с книгой и частью распятия, скрытыми в графике постройки) столь очевидно устремлена вверх. И вот из-за чего склоняются вместе с их эмблемами обе другие, ведь, как сказал Иоанн Златоуст в «Слове на преобразование Спасителя»: «...есть Тот, перед которым преклонится все небесное, земное и преисподнее».

Но такое наше чтение будет справедливо лишь в том случае, если мы сумеем показать неслучайность монограммы над головой ангела, сидящего одесную центрального.

Заметим: хотя искусство монограммы к XV веку накопило богатые традиции, все же монограмма в иконографии Троицы беспрецедентна. Само по себе это не должно нас удивлять. Как доказывают новейшие разыскания, этот «художник-философ», обращаясь к традиционным для иконописания сюжетам, каждый раз умел переосмыслить традицию, следуя строго в рамках канона и догматики. Просто ни канон, ни догматика не были ему тесны: он находил глубины новых решений, не оскорбляя привычного чувства, не впадая в ересь. Традиционалист видел в творениях Рублева только традицию. Что, собственно, и подтвердил потом Стоглавый собор.

Философ с кистью в руке старец Андрей недаром был молчаливым. Он умел не смущать слабые сердца неосторожным словом. Его словом была его иконопись, которую мы и сегодня только учимся еще читать.

Древнерусская иконография распятого Христа до никонианских времен не знала другой надписи над Иисусом, кроме «ІС ХС» и «Царь славы». Четырехбуквенная аббревиатура «ІНЦИ» в России впервые появляется в конце XIV века¹⁹.

В это же время (и даже ранее) аналогичное сокращение Пилатовой надписи (INRI) возникает и в западной иконографии. При этом западноевропейский богомаз вместо титлов (надстрочных знаков сокращения) пользовался, как правило, обыкновенными точками после каждой буквы. Древняя Русь такого способа сокращения имени не знала. Титлосы могли быть самой разной формы и начертания,

¹⁸ Плугин В. А. Мировоззрение Андрея Рублева. М., 1974. С. 67.

¹⁹ См., например, икону «Воскрешение — Сошествие во ад» (№ 22950) по изданию: Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Т. 1. М., 1995. С. 138.

вплоть до положенных набок восьмерок (знак бесконечности в математике), но пишущий никогда не забывал о них.

Инци. Фрагмент иконы «Воскрешение — Сошествие во ад»
XIV в.

Средневековое мышление, как показывает С. С. Аверинцев, стремилось видеть в окружающем мире загадку. Но загадка без загадки — нонсенс²⁰. Зашифровав монограмму, Рублев должен был и подсказать ключ к ней. И он сделал это при помощи стилизованных титлосов — змеек-кронштейнов, которые так удивляли нас своей архитектурной несостоятельностью. Эти змейки, книжные символы премудрости, так похожие на змеек из инициалов приписываемого Рублеву «Евангелия Хитрово»²¹, и оказались хранилищами священных буквиц. (Третья титла, общая для всей монограммы, — это, вероятно, длинный горизонтальный прямоугольник — толщина потолочного перекрытия, покоящегося на «змейках».)

Древнерусские книжные инициалы были достаточно хитроумны, чтобы читающий мог вне текста их разгадать. Именно разгадать, потому что в том же Евангелии Хитрово прочесть как буквицу «В» змейку, с которой начинается «От Иоанна Святое Благовествование», без начальной фразы просто невозможно. Равно как и цапля со змеей тоже могут сойти за рисунок на полях, за элемент книжного орнамента, но только не за букву. Так, с самого первого знака, читателю словно сообщалось, что чтение есть труд души и познания. А порой буквенные письма могли быть и бессмысленными, превращаясь в разновидность орнамента, загадывая смотрящему на

²⁰ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

²¹ См., напр.: Демина. С. 11–13.

икону непосильную загадку, напоминая о непознаваемом. Так что рублевская монограмма, столь простая и строгая в своем знаковом лаконизме, — явление для этой эпохи обычное.

Вот и на рублевской иконе «Воскрешение Лазаря» иконные горки читаются как аббревиатура «ВЛ»: левая иконная горка (вместе с правым контуром фигуры Христа) составляет буквицу «В», правая, в которой изображена пещера с восставшим из гроба Лазарем, — «Л». Но уже начиная с иконы из иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря (1492 год, Государственный Русский музей), мы видим, как буквенная семантика начинает распадаться, и даже следы ее вскоре окончательно утрачиваются.

Знаем ли мы другие монограммы самого Рублева?

Монограмма ПРОДРОМОС (Предтеча)
Успенский собор во Владимире. 1408 г.

На миниатюре из «Евангелия Хитрово» в 80-х годах XIV века художник (считается, что это был молодой Андрей Рублев) нарисовал апостола Матфея в образе ангела с вплетенной в прическу традиционной лентой (см., к примеру, воспроизведение в книге Н. А. Деминной. С. 17). При этом тороки (концы ленты) образуют стилизованную монограмму АНЛ (буквы соединены лигатурой и, хотя лента у ангела голубая, оставлены белыми).

Впрочем, монограммы были частью не только книжной культуры. В. А. Плугин указал мне на греческую монограмму Иоанна Крестителя, обнаруженную им в том же Успенском соборе Владимира. Она составлена по тому же принципу.

Но, может быть, самая счастливая находка ждала нас на монете болгарского царя Иоанна Шишмана. Этот монарх в 1371–1393 годах — покровитель того самого Евфимия Тырновского, который установил культ Святой Троицы, провел реформу письменности и так повлиял на Сергия Радонежского, в чью похвалу старец Андрей и писал образ Троицы.

Говоря о сущности второго южнославянского влияния и о последователях патриарха Евфимия, Д. С. Лихачев останавливается на той особой их пристальности ко всякому книжному элементу, при которой «каждая особенность графики, каждая особенность написания <...> имеет свой смысл. Понять вещь — это правильно ее назвать»²².

Монета болгарского царя Иоанна Шишмана с монограммой ИОШ
Конец XIV в.

Монограмма Шишмана поразительно близка по графическому приему к рублевской монограмме в Троице.

«Ш» узнается сразу. «И» читается легко.

А вот догадаться, что витой рог справа — «о» (вторая буква в имени Иоанн), уже не просто. Сверху — титлос в рублевском духе, а мачты — «Ш» с капителеобразными шрифтовыми засечками. Внизу, под «Ш», — три точки. Символ Святой Троицы или что-то другое?

Видимо, Андрей Рублев загадывал современникам не слишком трудную, как ему могло казаться, загадку: тот, кто держал в руках болгарскую монетку, должен был правильно прочитать и построенную по тому же принципу монограмму ИОШ.

В начале 1980-х Д. С. Лихачев рассказал мне, что у него когда-то была медная старообрядческая иконка Троицы, на которой, как и на Зырянской Троице, слово «Сын» было надписано над сидящим одесную ангелом, и я спросил, как же быть с тем, что средний ангел написан в традиционных для Христа одеждах?

«А как же он должен был писать Бога Отца, если не в образе Сына?» — удивился Дмитрий Сергеевич.

В Евангелии от Иоанна Христос говорит: «Я и Отец — одно» (10: 30); «Отец во Мне, и Я в Нем» (10: 38); «И все Мое Твое (Отца) и Твое Мое» (17: 10); «Видевший Меня видел Отца» (14: 9).

Но даже годуновский копиист разрушил шрифтовое единство рублевской монограммы, добавив двойную обводку колонн и пририсовав капитель к маленькой колонне, чем убил букву «Ц».

²² Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962. С. 31–51.

Здесь мы сталкиваемся с того рода проблемами, которые неизбежно возникают при тиражировании (и фольклоризации) «авторского» знания. То, что для первопроходца семантически нагружено, становится общим достоянием, обычно теряет начальную мотивировку.

Приведу лишь один пример. Вслед за сочинившим глаголицу просветителем славян Константином-Кириллом, неизвестный нам автор построенной на основе греческого алфавита кириллической азбуки на седьмое место поставил букву «Живете». В греческом такой буквы нет (поскольку нет такой фонемы).

В глаголице графика этой буквы такова: ✂

Видимо, показавшаяся не слишком удачной глаголическая графика этой буквы (в виде полураскрытых ножниц), тем не менее подсказала альтернативное решение.

В Византии была популярна составленная из греческих начальных букв имени Иисуса Христа монограмма ΙΧ. Архетипически — это образ спиц солнечного колеса. Потому-то данная монограмма нередко вписывалась в круг или в изображение лаврового венка.

Византийская монограмма из начальных букв имени Иисуса Христа. Рядом Альфа и Омега (первая и последняя буквы греческого алфавита)
Мозаика на сводах Архиепископской капеллы в Равенне. Конец V в.

Кириллическая буква «живете»

Теологический диспут Христа с Пилатом, с которого мы начали эти наши заметки, неожиданно откликнулся в графике седьмой буквы кириллического алфавита. Поскольку для христианина Иисус — это жизнь, в качестве обозначения и была использована монограмма ΙΧ.

Проще всего было бы признать это случайным сближением.

Но перед нами не случайность, а часть более ранней системы.

Автор современной монографии об эволюции графики глаголицы и кириллицы отмечает, что в наиболее древних рукописях

кирилличное *ж* пишется с удлинненной мачтой (однако никак это наблюдение не комментирует)²³.

Однако, анализируя предшествовавшую кириллице глаголицу, Т. Л. Миронова подтверждает известный тезис о миссионерском ее характере. И подчеркивает, что об азбуке как о воплощении Божьего замысла говорит и в своем «Сказании о письменах» писавший на глаголице современник Кирилла и Мефодия Черноризец Храбр.

Ограничимся указанием на то, что в глаголице буква *аз* записывалась в виде креста: ✚²⁴.

Монограмма ИНЦИ — продолжение того образного и графико-семантического поиска, который исихаст (то есть *умный молчальник*) Андрей Рублев начал, расписывая Успенский собор во Владимире. Налицо развитие графической метафоры: если монограмма Иоанна Предтечи *Продромос* построена как увенчанное треугольником крыши здание, и только из исторического контекста можно догадаться, какое именно *строение* имеется в виду, то монограмма в виде колонн, на которых покоится потолок «палат Авраама», это иллюстрация к словам апостола Павла: «Сие пишу тебе, <...> чтобы ты знал, как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1 Тим. 3: 14–15).

Составляя свои графические загадки, Андрей Рублев обращался непосредственно к евангельскому тексту, использовал опыт византийских и древнерусских лигатур, всю богатейшую традицию иконной и вербальной многомерности.

Эта статья не была бы написана, если бы в начале 1980-х мне не помогли советами и ободрением трое замечательных российских медиевистов. Приношу сердечную благодарность Герольду Ивановичу Вздорнову и считаю долгом упомянуть Сергея Сергеевича Аверищева и Владимира Александровича Плугина.

²³ Миронова Т. Л. Проблемы эволюции графико-орфографических систем древнеславянского книжного наследия. М., 1999. С. 86, 92.

²⁴ Другой исследователь идет еще дальше, доказывая, что в созданной Константином-Кириллом глаголице прослеживается «матрично-кодовый характер построения алфавита, буквы которого в свернутом виде копируют имя Христа». (Об этом см.: Карпенко Л. Б. К вопросу о происхождении глаголицы // Болгарская культура в веках. М., 1992. С. 5–7.) Но если именно таким был замысел создателя глаголицы, это, разумеется, не могло не наложить свою печать на графику букв и в результате сделало трудным само распознавание глаголических знаков.

ОДА РЯБОМУ ЧЕРТУ

экспедиция пятая: Россия, XX век

А самих опутали путами железными...

Слово о полку Игореве

Возможно, одним из самых печальных случаев был случай Осипа Мандельштама — восхитительного поэта, лучшего поэта из пытавшихся выжить в России при Советах, — эта скотская и тупая власть подвергла его гонениям и в конце концов загубила в одном из далеких концентрационных лагерей. Стихи, которые он героически продолжал писать, пока безумие не затмило его ясный дар, — это изумительные образчики того, на что способен человеческий разум в его глубочайших и высших проявлениях. Чтение их усиливает здоровое презрение к советской дикости...

В. В. Набоков.

Из интервью нью-йоркской телепрограмме «Television-13». 1965 год

Автор «Слова о полку Игореве» показал русским поэтам XIX и XX веков, как можно работать со словом. Поняли немногие. Но среди немногих оказался Осип Эмильевич Мандельштам. В «Разговоре о Данте» Мандельштам советует поэзии «грызть ногти», ибо ей отказывают в праве на «четвертое измерение», отказывают в «элементарном уважении, которым пользуется любой кусок горного хрусталя».

Четвертое измерение лежит поверх синтаксических и грамматических норм. Это реминисценция, отсылающая к источнику с живой водой утаенного смысла, это семантическое сгущение созвучий, разрешающееся анаграммой, это омоним («наушнички мои», даром что дальше речь о радиосигнале).

«Четырехмерным» был Шекспир. Анализ текста, который предлагает нам классическое шекспироведение, этой системы смыслообразования не учитывает. Из-за этого кажется, что «Гамлет» избыточен условиями и противоречиями.

Но это те противоречия, которые мы сами и приписали тексту.

Возникает естественный вопрос: а почему англичане не замечают, что «Гамлет» написан *темным стилем*? Да потому же, почему русский человек, прочитав слова Клавдия: «...я еще не гнусь!», считает, что «гнусь» — глагол. И только дойдя до фразы Лаэрта: «Ты, гнусь и негодай, отца отдай!», может быть, один из ста замечает игру слов¹.

В русской поэзии XX века я знаю два аналога шекспировского «темного стиля» — «Ода» Мандельштама 1937 года и «Поэма без героя» Анны Ахматовой. В советском кинематографе едва ли не единственным эхом шекспировской драматургии стал «Мой друг Иван Лапшин» Алексея Германа. Отметим, что во всех трех случаях обращение к «темному стилю» спровоцировано самим предметом повествования — жизнью под властью тирана. Как и у Шекспира, у Германа любая незначительная деталь поляризована смыслом.

Например, герой не может поднять гирю в тридцать пятый раз, и это знак, что он не доживет даже до 36-го: его отзовут на «переподготовку». И потому, расходясь по квартирам после празднования дня рождения Лапшина, чекисты поют не что-нибудь, а: «В последний раз на смертный бой / Летит стальная эскадрилья...»

Для героев Германа эпизод с гирей и марш, который они хором запевают, — типичный фон их быта, но для самого Германа — темный и строгий, математически расчисленный inferнальный порядок.

Игнорировать специфику темного стиля — значит не видеть дальше «трехмерия» в стихах автора «Слова о полку...», Шекспира, Пушкина, Мандельштама.

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток².

Это сказано еще в ноябре 1933-го.

И вторая подсказка (май того же года):

Власть отвратительна, как руки брадобрея.

¹ Все цитаты из «Гамлета» в моем переводе. *Шекспир* У. Гамлет. М.; Париж, 2003.

² Стихи цитирую по изданию: *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. М., 1990.

Поскольку речь идет о власти, то «брадобрей» — не цирюльник из парикмахерской, а тот, кто претендует на роль нового Петра Великого, остригшего бороды половине России. Тот, у кого «толстые пальцы, как черви, жирны».

В ноябре 1933 года Мандельштам бросил вызов своему тезке:

* * *

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца —
Там помянут кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто мяучит, кто плачет, кто хнычет,
Лишь один он бабачит и тычет.

Как подковы кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина.
И широкая грудь осетина.

Дальнейшее известно: арест, ожидание расстрельного приговора. И вдруг — всего лишь высылка.

Казнили и за меньшее. Но это был особый случай. Следователь намекнул жене поэта, что Мандельштаму сохранила жизнь *Самая Высокая Инстанция*.

«Изолировать, но сохранить». Над скрытым смыслом державной этой резолюции ломали головы многие исследователи творчества Мандельштама. Неожиданное объяснение предложил Фазиль Искандер: Сталину понравилось это стихотворение. Вождь увидел в нем подлинное признание своей мощи и капитуляцию своих врагов, живущих, «не чуя страны». При таком раскладе на все эти жирные пальцы-черви и тараканьи усища можно было закрыть глаза. (Написано ведь от лица врага!) Кремлевскому горцу, рожденному в крохотном кавказском местечке Гори (он должен был понять и оценить этот каламбур), не могло

не льстить то признание его всесилia и тот подлинный героический ужас, которыми дышат эти строки. Надо думать, вождя позабавила и монументальная карикатура на ближайших его соратников.

Оскорблением (причем не его, а его матери) могла показаться лишь одна строка: «Широкая грудь осетина». Но и эта стрела поражала лишь *неуязвимый воздух*: вождь не любил своих родителей. Он вообще никого не любил.

Сталин вызов принял и начал свою игру.

Через три года и три месяца поэт написал другие стихи о вожде:

<Ода>

Когда б я уголь взял для высшей похвалы —
для радости рисунка непреложной,
я б воздух расчертил на хитрые углы
и осторожно и тревожно.
Чтоб настоящее в чертах отозвалось,
в искусстве с дерзостью гранича,
я б рассказал о том, кто сдвинул ось,
ста сорока народов чтя обычай.
Я б поднял брови малый уголок,
и поднял вновь, и разрешил иначе:
знать, Прометей раздул свой уголек, —
гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!

Я б в несколько гремучих линий взял
все моложавое его тысячелетье
и мужество улыбкою связал
и развязал в ненапряженном свете.
И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца,
какого, не скажу, то выраженье, близясь
к которому, к нему, — вдруг узнаешь отца
и задыхаешься, почуяв мира близость.
И я хочу благодарить холмы,
что эту кость и эту кисть развили:
он родился в горах и горечь знал тюрьмы.
Хочу назвать его — не Сталин — Джугашвили!

Художник, береги и охраняй бойца:
в рост окружи его сырым и синим бором
вниманья влажного. Не огорчить отца
недобрым образом иль мыслей недобором.
Художник, помоги тому, кто весь с тобой,
кто мыслит, чувствует и строит.

Не я и не другой — ему народ родной —
народ-Гомер хвалу утроит.
Художник, береги и охраняй бойца —
лес человеческий за ним идет, густея,
само грядущее — дружина мудреца,
и слушает его все чаще, все смелее.

Он свесился с трибуны, как с горы, —
в бугры голов. Должник сильнее иска.
Могучие глаза мучительно добры,
густая бровь кому-то светит близко.
И я хотел бы стрелкой указать
на твердость рта — отца речей упрямых.
Лепное, сложное, крутое веко, знать,
работает из миллиона рамок.
Весь — откровенность, весь — признанья медь,
и зоркий слух, не терпящий сурдинки.
На всех, готовых жить и умереть,
бегут, играя, хмурые морщинки.

Сжимая уголек, в котором все сошлось,
рукою жадною одно лишь сходство клича,
рукою хищною — ловить лишь сходства ось, —
я уголь искрошу, ища его обличья.
Я у него учусь — не для себя учась,
я у него учусь — к себе не зная пощады.
Несчастья скроют ли большого плана часть?
Я разыщу его в случайностях их чада...
Пусть недостоин я еще иметь друзей,
пусть не насыщен я и желчью, и слезами,
он все мне чудится в шинели, в картузе,
на чудной площади с счастливыми глазами.

Глазами Сталина раздвинута гора,
и вдаль прищурилась равнина,
как море без морщин, как завтра из вчера —
до солнца борозды от плуга-исполина.
Он улыбается улыбкою жнеца
рукопожатий в разговоре,
который начался и длится без конца
на шестиклятвенном просторе.
И каждое гумно, и каждая копна
сильна, убориста, умна — добро живое —
чудо народное! Да будет жизнь крупна!
Ворочается счастье стержневое.

И шестикратно я в сознании берегу —
 свидетель медленный труда, борьбы и жатвы —
 его огромный путь — через тайгу
 и ленинский октябрь — до выполненной клятвы.
 Уходят вдаль людских голов бугры:
 я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят.
 Но в книгах ласковых и в играх детворы
 воскресну я сказать, как солнце светит.
 Правдивей правды нет, чем искренность бойца.
 Для чести и любви, для воздуха и стали
 есть имя славное для сжатых губ чтеца.
 Его мы слышали, и мы его застали.

<Январь-февраль 1937 г.>

Иосиф Бродский считал, что это *самое гениальное* стихотворение Мандельштама и что убил его Сталин именно за эти стихи: слишком, мол, близко подошел поэт к пониманию вождя, и это стало опасно для самого вождя.

Но в чем тут *понимание* и в чем *опасность*, Бродский растолковать не стал. Тот, кому «мрамор сужал аорту», кто сам мечтал «забыть отчество тирана» (забыть его имя значило бы отказаться от собственного), предпочел оставить читателя в недоумении, и мы никогда не узнаем, то ли поэт нас мистифицировал, то ли последний гениальный подросток XX века и впрямь *знал, что говорит*.

«Ода» вызвала немало откликов. Строгие постсоветские критики (Б. М. Сарнов³, Игорь Кондаков⁴ и др.) относят ее к «верноподданнической» советской лирике и Мандельштама за эти стихи осуждают. С ними не соглашается Станислав Рассадин⁵ (но и он, следуя за Бродским, доводов в пользу Мандельштама не приводит).

Искренне жалеет поэта Александр Кушнер, признающий «Оду» панегириком Сталину, но объясняющий ее появление суммой объективных и субъективных причин⁶. Он считает, что Мандельштам начал эти стихи «из страха и желания спастись, но постепенно увлекся,

³ Сарнов Б. М. Заложник вечности: Случай Мандельштама. М., 1990. Прочитую: «...Такие стихи мог написать Лебедев-Кумач. Или Долматовский. Или Ошанин. Кто угодно!»

⁴ Кондаков И. Где ангелы реют // Вопросы литературы. 2000. № 5.

⁵ Рассадин Ст. Очень простой Мандельштам. М., 1994.

⁶ См. по книге: Мандельштам О. Стихотворения. СПб., 1997. С. 405. Более подробно см.: Кушнер А. Волна и камень: Стихи и проза. СПб., 2003. С. 152–186.

что было не так трудно, как нам сейчас кажется. Человек тридцатых годов не был убежден в своей человеческой правоте, чувство правоты у него сочеталось с чувством вины, а кроме того — гипноз власти, особенно — сталинский гипноз. Эти стихи — лишь наиболее полное, но не единственное свидетельство колебаний и сомнений Мандельштама».

Поверим, что поэт из страха уговорил себя отведать нечистот, а после втянулся и увлекся?..

Отдельную (весьма академическую) позицию занял М. Л. Гаспаров⁷. Ему отвечал Владимир Гандельсман, попытавшийся защитить поэта в статье «Сталинская «Ода» Мандельштама». Цитирую:

М. Гаспаров не задается вопросом, хороши ли эти стихи, поскольку оценка — не дело науки. Он лишь отмечает, что «Ода» тесно связана со всеми стихами, написанными Мандельштамом в январе–феврале 1937 г., а через них — со всем творчеством.

Смысл же «Оды» — попытка «войти в мир, “как в колхоз идет единоличник”» («Стансы»), «слиться с русской поэзией», стать «понятным решительно всем» (письмо Тынянову, январь 1937 г.). А если «мир», «люди», которые хороши, «русская поэзия» едины в преклонении перед Сталиным — то слиться с ними и в этом.

М. Гаспаров просматривает послереволюционные «политические» стихи поэта, подмечая, как менялся его взгляд, затем останавливается на 1933 г. — «эпиграмма на Сталина как этический выбор, добровольное самоубийство, смерть художника как “высший акт его творчества”. Он шел на смерть, но смерть не состоялась, вместо казни ему была назначена ссылка. Это означало глубокий душевный переворот — как у Достоевского после эшафота. Несостоявшаяся смерть ставила его перед новым этическим выбором, а благодарность за жизнь определяла направление этого выбора».

Прямолинейный подход ученого оказывается неожиданным. Существует, как минимум, два других мнения, а именно: а) «Ода» написана эзоповым языком и б) хвала, но по принуждению, — последнее из которых высказано Надеждой Мандельштам, — и приемлемей для современного читателя, и более распространено.

Гаспаров утверждает, что стихи, окружающие «Оду», не противоположны ей, а наоборот, подготавливают ее и развивают. (Надежда Мандельштам придерживалась другого мнения.) В поисках доказательства своей теории он касается пяти основных тем: пространство, время, суд, народ, творчество — а кроме того, указывает на единство размера «Оды» и других стихотворений этого периода. Он говорит, что «у Мандельштама не было обычая менять размер на ходу. Единство размера всякий раз говорит здесь о единстве замысла»⁸.

⁷ Гаспаров М. Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996.

⁸ Гандельсман В. Сталинская «Ода» Мандельштама // Новый журнал. Нью-Йорк, 1999. № 215. С. 311.

Единство стихотворного размера говорит о единстве замысла не больше, чем единство размера пиджака о духовном родстве. Но столь широкий спектр трактовок сам по себе свидетельствует, что логика поэтических или поведенческих поступков Мандельштама лежит в какой-то иной плоскости. Видимо, срабатывает то, что можно назвать феноменом зеркала. Читатель, имеющий дело с обожаемым предметом, очень часто приписывает ему собственные мотивировки. Грань между исследованием и «вчитыванием» подчас едва заметна. Бывает, что оспаривать и разубеждать уверовавшего в свою правоту исследователя столь же неумно и жестоко, как объяснять ребенку, что его мама — бяка. И необходимо дополнительное исследование, чтобы убедиться, не происходит ли априорная подмена чужого опыта собственным.

Впрочем, вот еще три выписки из статьи Владимира Гандельсмана:

...Великолепные «бугры голов» все-таки мгновенно ассоциируются с головами арестантов (тем более что «бугор» на фене — бригадир зэков). В портрете Сталина есть нечто циклопическое — это единственное число: «густая бровь кому-то светит близко» (сильно и отвратительно), «крутое веко» (имеющее сразу нелепое отношение к яйцу), в двух других стихотворениях после «Оды» — «наступающие губы» и «бровь и голова вместе с глазами полюбовно собраны» (чистый сюрреализм)...

...Что-то есть в стихотворении жутковатое от смеси заурядного и гениального...

...В истинности порыва Мандельштама я (как и Гаспаров) не сомневаюсь. Но изначально порыв вовсе не к воспеванию Сталина (все-таки увидеть в Мандельштаме поэта, искренне славящего «исторического» Сталина, — значит признать его душевнобольным).

Итак (см. эпиграф), мы вернулись в исходную точку.

Еще летом 1935 года Мандельштам напроорочил себе на век вперед:

Моя страна со мною говорила,
Мирволила, журила, не прочла...

Ни один исследователь не гарантирован от генерализации собственного опыта и вчитывания в чужой текст собственной системы поэтических или поведенческих реакций. Однако, приступая к исследованию, замечу, что предлагаемую ниже парадигму (термин историка науки американского философа XX века Томаса Куна) от априорных высказываний моих предшественников отличает одно: попытка рассмотреть два стихотворения Осипа Мандельштама о Сталине в контексте творчества поэта до сих пор не предпринималась.

Попытаюсь показать, что все творчество Мандельштама (не вообще, а конкретно в каждой точке), как и вся его жизнь, не дает

повода предположить, что он чего-то «не понимал в своем времени», или «колебался» (вместе с младшими современниками), или «любил свое время», или, доведенный до отчаяния, со второй половины 1930-х не способен был отвечать за свои поступки.

Он знал, что такое страх, но боялся бояться. И потому не считал возможным выживать, принимая такую жизнь как должное.

Надежда Яковлевна Мандельштам вспоминала, что в 1937 году Осипу Эмильевичу впервые в жизни потребовался для работы стол. И он сидел с карандашом «прямо как Федин какой-то!».

Через шестьдесят шесть лет, 5 марта 2003 года, во время дружеского застолья в Петербургском Интерьерном театре, где мы помянули Сталина негромким и недобрым словом, режиссер Николай Беляк захотел прочитать «Оду» Мандельштама, а перед чтением сказал, что в ней есть какой-то шифр. Потому что стихи настоящие, а строка «На шестиклятвенном просторе» словно на что-то намекает:

...На шестиклятвенном просторе.

.....

И шестикратно я в сознании берегу...

Итак, в одной строфе две шестерки. (Перед нами шестая и начало седьмой строф «Оды».) Но и количество строк в заповедном отрывке (включая крайние строки-сигналы) — тоже шесть.

Про что же эта «Ода»? Читаем дальше:

...Уходят вдаль людских голов бугры:

Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят,

Но в книгах ласковых и в играх детворы

Воскресну я сказать, что солнце светит...

Превратим этот отрывок в прозу: меня убьют вместе с ушедшими в лагеря (Большой Террор начался не с 1937-го и не с убийства Кирова в 1934-м, а с раскрестьянивания России в 1929 году), но я воскресну, чтобы сказать, что добро есть добро, а зло — зло, сказать, что есть еще «ласковые книги», невинные детские игры и солнце над головой.

Писательское начальство в 30-х было на удивление чутким к звучанию стиха. Расшифровать мысли поэта оно не смогло, но что-то все же заподозрило. И потому решило «Оду» не публиковать.

Ставский посчитал, что стихи «слишком сложные».

Вероятно, он и представить не мог, сколь был близок к истине.

Перед нами поэтический шифр.

Уже четвертая строка «Оды» взрывается свистящей анаграммой имени ИОС-И-/Ф/.

когда б я уголь взял для высшей похвалы
для радости рисунка непреложной
я б воздух расЧЕРтил на хитрые углы
И Осторожно И тревожно
чтоб настоящее в ЧЕРТах отозвалОСЬ
в Искусстве с дерзОстью гранИча
я б рассказал о том, кто сдвинул мИра ОСЬ
СТА сорока народов чтя обычай
я б поднял брови малый уголок
и поднял вновь и разрешил Иначе...

А строкой выше и строкой ниже читается слово, в общем-то малоуместное по отношению к вождю первого в мире социалистического государства, но впервые употребленное Мандельштамом по поводу Сталина еще в 1929 году в «Четвертой прозе». В пятой, шестой, седьмой, восьмой и десятой строках вновь:

ОСЬ – И-ОС-И – И-ОСЬ – СТА-Л ИН.

Слово «черт» в «Оде» зашифровано шестикратно (и, значит, тоже сознательно): расЧЕРтил – ЧЕРТах – оТца РеЧЕй упрямых – завТра из вЧЕРа – ЧЕРЕз Тайгу – ЧЕМ искРенносТЬ.

Вот почему Мандельштаму впервые в жизни понадобился стол и простой карандаш. Три шестерки в шестой строфе – не только отсылка к библейскому «числу зверя», но и реминисценция из любимого поэтом «Слова о полку Игореве», это там «шестикрыличи-соколы» парят на ветрах. Ключом «Слова» Мандельштам шифровал и раньше. Стихотворение «10 января 1934»:

Меня преследуют две-три случайных фразы.
Весь день твержу: печаль моя жирна...
О Боже, как жирны и синеглазы
Стрекозы смерти, как лазурь черна...

Не верьте поэтам на слово.

Ничего себе «две-три случайных фразы...» – пушкинское «Печаль моя светла...» и из «Слова»: «Печаль жирна течет среди земли Русской».

В «Стансах» (1935) он прямо называет источник:

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как Слово о полку, струна моя ТУТА,
И в голосе моем после удушья
Звучит ЗЕМЛЯ – последнее оружие –
Сухая влажность ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГА!

«Слово»: «...А восстал, братья, Киев ТУГОЮ, а ЧЕРНИГОВ
напастьми, тоска разлилась ПО РУССКОЙ ЗЕМЛЕ, печаль жирна
течет среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу куют...»

Сталин ждал покаяния поэта за стихи «Мы живем, под собою не
чуя страны...». Он даже звонил Борису Пастернаку и интересовался,
мастер ли Мандельштам?

Пастернак рассказал Мандельштаму о том звонке, и Осип Эмильевич
прокомментировал: «Бойтся, что мы нашаманим...»

Можно подумать, что Сталин, выказав страх перед поэтом, сам и
подсказал тому, что и как следует сделать. (Ниже мы убедимся, что
это не так. Мандельштам говорит лишь о том, что уже произошло: по
поводу Сталина он впервые «нашаманил» еще в 1931-м.)

Сковав собственную крамолу, Мандельштам поступил как древний
скальд, сочиняющий «выкуп головы» (это когда поэт выкупал
свою голову у правителя сочинением тому хвалы), но вписывающий
в стихи магическое проклятье. Другого способа оставить потомству
свидетельство своей непокорности у него не было.

В начале 1937 года Мандельштам написал не панегирик, а страшные
стихи о тиране, «жнце рукопожатий», о его жертвах и о себе,
«медленном свидетеле труда, борьбы и жатвы». Последний образ
тоже заимствован из «Слова о полку Игореве»:

На Немиге снопы стелют головами, молотят цепями харалужными, на току
жизнь кладут, отвевают душу от тела, Немиги кровавые берега не добром
были засеяны, засеяны костями русских сынов...

Не было ни колебаний, ни сомнений. Был поединок поэта и «рябого
черта», зашифрованная телеграмма, посланная нам, как сказал
бы другой стихотворец, «через головы поэтов и правительств».

И даже последние две строки «Есть имя славное для сжатых губ
чтеца, / Его мы слышали, и мы его застали», — обманка, и рифма под-
сказывает лишь ложное чтение. Не рифмой, а опять-таки анаграммой
Мандельштам зашифровал то имя, которое все произноситься не
должно (потому губы чтеца и сжаты).

Имя ЕГО славное — Иегова.

Уфимский прозаик Игорь Фролов, прочитав в Интернете первый
вариант этой моей заметки, откликнулся такими строками:

Вы находите анаграмму: Имя ЕГО славное — Иегова. А вот строка «Хочу
назвать его — не Сталин — Джугашвили!» Опять же совершенно точное
указание — ДЖГВ = ДжЭГоВах (как читается имя Иегова на древнееврейском).

И в дружбе мудрых глаз найду для БЛИЗНЕЦА,
КАКОГО, НЕ СКАЖУ, то выраженье, близясь
к которому, к нему, — вдруг узнаешь отца
и ЗАДЫХАЕШЬСЯ, почуяв МИРА близость...

Тут-то как раз речь об Иегове — иначе отчего бы не назвать? Оттого, что, приближаясь к нему, задыхаешься, подыхаешь, чувствуешь близость того мира, в котором покоятся.

Итак, Сталин — земной близнец Иеговы?

Еще 4 апреля 1931 года Манделъштам написал стихотворение с вызывающим названием «Неправда». Прочитаем его целиком:

Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу:
— Дай-ка я на тебя погляжу,
Ведь лежать мне в сосновом гробу.

А она мне соленых грибков
Вынимает в горшке из-под нар,
А она из ребячьих пупков
Подает мне горячий отвар.

— Захочу, — говорит, — дам еще...—
Ну а я не дышу, сам не рад.
Шасть к порогу — куда там — в плечо
Уцепилась и тащит назад.

Вошь да глушь у нее, тишь да мша, —
Полуспаленка, полутюрьма...
— Ничего, хороша, хороша...
Я и сам ведь такой же, кума.

С этих стихов, а не с «Мы живем, под собою не чуя страны...» начался Прометеев мятеж поэта Осипа Манделъштама.

«Шестипалый» — одна из кличек Сталина (у того было шесть пальцев на ноге), отсюда и шестипалая женка Неправда, отсюда, надо думать, и «шестиклятвенный простор», объясняющий истинный (мистический и поэтический) смысл шестикратных заклинаний генсека над гробом его предтечи Ленина.

Таким вот образом небесный эпитет библейских шестикрылых серафимов и соколов-шестикрыличей не только снижен до земного, тварного и тленного, но и становится символом антинебесного. Ведь три шестерки — Число Зверя из Апокалипсиса. Каббалистика?..

Но это каббалистика культуры. Поэт вычерчивает пентаграмму: «Я б воздух расчертил на хитрые углы...» (Вспомним пентаграмму Фауста, поймавшую Мефистофеля. Другое дело, что этот знак Сталину не страшен, большевики его давно приватизировали.)

«Неправда», как и «Ода», построена на все том же шифре — три шестерки, и ключ тут «шестипалая» + «шась» (как «шесть», ведь в древнееврейском слова записываются одними согласными).

Вот эти шесть нарочитых «ша» в последней строфе: «воШь да глуШь у нее, тиШь да мШа...», «хороШа, хороШа». (Наблюдение принадлежит не мне, а питерскому реставратору Антону Дубашинскому.) Шість, ибо число «666» на иврите записывается как раз шестью буквами ש (начертание ש практически тождественно графике ш). Значит, этот способ метить стихи о Сталине поэт нашел еще в 1931-м.

А горячий отвар из ребячьих пупков (Ирод-Нерон, диктатор-выродок), который в деревенской горнице-тюрьме подает ждущая от поэта похвалы шестипалая людоедка — это уже прямым текстом.

Стихи эти написаны во время раскрестьянивания и искусственно организованного Сталиным голода (вождю необходимо было продемонстрировать успехи колхозов, поэтому СССР стал экспортировать зерно на Запад). Эта же Неправда (сталинская «Правда») хочет и самого поэта уложить в сосновый гроб. И отказаться от ее угощения нет никакой возможности.

И отчего не похвалить «куму»? Живешь под ее властью, значит, и сам такой. (Д. С. Лихачев в начале 1990-х смутил многих своих единомышленников заявлением, мол, пользовался в СССР электричеством, значит, — виновен.) Перечитаем «Четвертую прозу» (1930):

Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух. Писателям, которые пишут заранее разрешенные вещи, я хочу плевать в лицо, хочу бить их палкой по голове и всех посадить за стол в Доме Герцена, поставив перед каждым стакан полицейского чаю и дав каждому в руки анализ мочи Горнфельда. Этим писателям я запретил бы вступать в брак и иметь детей. Как могут они иметь детей — ведь дети должны за нас продолжить, за нас главнейшее досказать — в то время как отцы запроданы рябому черту на три поколения вперед. <...> У меня нет рукописей, нет записных книжек, архивов. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России работаю с голосу, а вокруг густопсовая сволочь пишет. Какой я к черту писатель! Пошли вон, дураки!

«Рябой черт» в интерьере дома Герцена да на фоне славословящего сталинский режим критика Аркадия Горнфельда — это кто?

А вот еще одно «темное» стихотворение. Оно и про первую мировую, и про фашизм, и про войну Третьего интернационала со всем прочим миром. «Стихи о неизвестном солдате» (1937):

...За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил,
Развороченный — пасмурный, оспенный
И приниженный — гений могил.

Развороченный — вспомним в «Оде»: «Ворочается счастье стержневое». В обоих случаях востребованы лексема «вор» (вор как виновник разора и неустройства) и реминисценция из Маяковского: «Раз-вора-чивайтесь в марше...», с коим Мандельштам ругается не за эту речевку/маршевку, а за следующую, казалось бы, гуманистическую строку: «Словесной не место кляузе» и за концовку четверостишия, где товарищей просят помолчать, чтобы патологически скромный и от рождения глухонемой немец «товарищ Маузер» смог наконец высказаться.

Пасмурный — «хмурые морщинки» на сталинском рябом лице.

Гений могил — гений могил всех времен и народов.

Для человека рубежа XIX — начала XX века фигура гения с погашенным факелом на надгробном памятнике — это как фанерный обелиск со звездой для наших отцов. Но при таком алчном гении в могилу могут сойти не только все народы, но и все времена (прошлые и грядущие). Еще нет атомной бомбы, но уже Андрей Белый в 10-х знал, к чему неизбежно приведут опыты Кюри. (Эйнштейн и в 30-х не понимал этого, считал, что атомная бомба — утопия.)

Оспенный — меченный ospой еще в детстве (Рябой Черт).

Приниженный — сухорукий карлик, собравший вокруг себя карликов и вырожденков.

Медлил и мглил — ибо не «мужикоборец» (так думалось до середины 30-х), а Человекоборец с Большой буквы.

Зевс, если верить Эсхилу и Гесиоду, хотел истребить человечество и населить Землю новыми людьми. Титан Прометей, когда-то поддерживавший борьбу этого парвеню против титанов, после этого и украл для людей огонь, вынеся его под полую в пустотелой трубочке тростника. Он даровал людям грамоту, счет, искусство, ярмо для их быков, корабли... И с тех пор как «однодневки» овладели огнем, Зевсу пришлось с ними считаться. Потому-то в «Оде» и следует сразу же ссылка на «Прометея Прикованного»: «Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу...»

«Рисуя» и рискуя всем, что еще осталось. Он ведь даже жене не растолковал тайного своего кода (потому что с 1934-го на своем опыте знал, чем грозит близким такое знание).

...Вас всех в свидетели зову: смотрите,
Что ныне, бог, терплю я от богов!
Поглядите, в каких
Суждено мне терзаниях жизнь проводить
Мириады годов!
ПОЗОРНЫЕ УЗЫ ОБРЕЛ ДЛЯ МЕНЯ
НОВОЯВЛЕННЫЙ ЦАРЬ БЛАЖЕННЫХ БОГОВ.
Увы! я РЫДАЮ об этой беде...

Игорь Фролов первым догадался заглянуть в «отца трагедии», за-
подозрив, что Эсхил и Прометей в «Оде» не ради красного словца:

...читайте Прометея до конца, когда при ударах грома и блеске молний
Прометей вместе со скалой проваливается под землю. Тут вам не миф со
счастливым Геракловым освобождением, тут — жизнь.

Пусть недостоин я еще иметь друзей,
пусть не насыщен я и желчью, и слезами...

Ода абсолютно прозрачна — и обвинения намеренны и неприкрыты! И не
начинал он эти стихи из страха и желания спастись — а с первых строк полез
на рожон. Какая тут эволюция от 33 к 37 году? Только одна — от прямой эпи-
граммы к злой пародии на панегирики.

Добавлю несколько собственных соображений.

По-гречески Прометей — Предвидящий. По-русски было бы —
Вещий. И Зевс мстит ему даже не за огонь, а за то, что Прометей знает
будущее, но и под пыткой не хочет выдать тайну свержения Зевса.

Выходит, Прометей не выдал Зевсу... Христа. Эсхил этого не
знал, но человек XX века знал прекрасно. А тот, кто бросит вызов
Христу, — Антихрист (в нашем случае — «рябой черт»).

Мы забываем, что отец трагедии Эсхил («отец Шекспира», по
О. Э.) был демократом. Его узурпатор Зевс — классический подо-
нок. Потому и Гефест приходит приковывать Прометея с двумя без-
молвными демонами — Властью и Насилием.

Цитата позволяет включать в текст смысл другого текста. А в на-
шем случае «Прометей Прикованный» — отменная иллюстрация
к «Оде» (и потому только в эсхилевском контексте «Ода» и может
быть прочитана). Откроем перевод А. Пиотровского¹⁰. Эсхил облича-
ет Сталина: «...Зевса беспощадна грудь. / Всегда жестоки властелины
новые...» И дальше: «Грудь каменная, а душа железная...» («И широ-
кая грудь осетина!»)

---

¹⁰ Эсхил, Софокл. Трагедии. М., 2001.

А вот то, что Мандельштам в его ситуации мог читать как текст про Сталина и самого себя. Океан говорит Прометею:

Друг Прометей! Все вижу и совет подать / Хочу тебе хороший. Хоть хитер ты сам, / Пойми границы сил своих, смири свой нрав. / Стань новым. Новый нынче у богов вожак. / А ты грубишь, кидаешь речи дикие, / Косматые. Сидел бы много выше Зевс, / И то б услышал...

Это то, что Мандельштам с ноября 1933 года не раз слышал от друзей. Но Кремлевский горец пострашней Олимпийского.

Океан советует прикованному «смириться, согнуться, попридержаться язык», ибо «Двойною плетью хлещут празднословного».

При этом Океан надеется, что Зевс помилует Прометея. Но у вещи титана нет иллюзий: «Не трудись напрасно!» И вот последние в трагедии слова Прометея, пораженного вместе с утесом молнией Зевса и низвергающегося в бездну: «Поглядите, страдаю безвинно!»

Это и аукается в начале «Оды»: «Знать, Прометей раздул свой уголек. / Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!»

Есть в трагедии Эсхила и еще один почти автобиографический для Мандельштама мотив. Хотя Прометею сочувствуют все (даже Гефест), разделить с ним его судьбу готовы лишь Океаниды.

Да, для них очевидно, что Прометей пошел по пути самоуничтожения (в их глазах он обыкновенный самоубийца). Но Прометей стоит на своем: он знал, что его ждет, но пошел на подвиг.

Когда Старшая Океанида спрашивает: «Кидать такие речи не страшишься ты?» — Прометей отвечает: «Чего мне бояться? Мне ведь суждена смерть».

Старшая Океанида сочувствует, сострадает... Но, видимо, считает его «немного того». Она — женщина, ей что «путь самоуничтожения», что «жажда солдатской судьбы», что «путь спасения людей, на котором их спасешь, а сам погибнешь» — все одно и то же. Прометей погибнет, и он сам это выбрал, и значит — самоубийца. Она даже допустить не может, что все это — разные вещи.

Она чиста, но при всем своем любопытстве и при всем сочувствии понять Прометея не в силах. Вот Старшая Океанида и пытается уговорить Прометея послушаться Гефеста и подчиниться Зевсу, находя слова Гефеста «разумными и своевременными».

Кажется, что она Прометея уже предала.

А слова Гефеста были такими:

...И этим страшным пыткам ты не жди конца.
Пусть прежде добровольно бог какой-нибудь
Твоим заступит сменщиком, и в тусклый ад

Сойдет и в пропасть сумрачную Тартара.
А потому размысли! Не пустое здесь
Бахвальство, — твердый и суровый приговор.
Лгать не умеют Зевсовы бессмертные
Уста. Зевс держит слово! Так обдумай все!
Взвесь! Оглядись! Строптивость своевольную
Не предпочти разумной осторожности.

Поддерживая Гефеста, Старшая Океанида роняет укор Прометею: «Упорствовать в ошибке — стыд для мудрого». И упрекает Прометея в «строптивости».

На это и получает от Прометея холодно-отстраненное:

Все, что мне возвестил он, заранее все
И предвидел, и знал я...

(Тут можно вспомнить Александра Галича: «И плевать на ту, что эту перевязь / Штопала заботливой иглой!»)

Дальше по-шекспировски страстное живописание мук. И последний стих:

Умертвить меня все же не смогут!

Естественно, что для Гефеста это «бред, речь бесноватого, сумасшедшие мысли глупца и безумца, болтуна и бахвала».

Гефест требует, чтобы Океаниды отошли подальше, но Старшая вдруг говорит:

...Нет, никогда
Не подвигнешь на подлую низость меня.
Вместе с другом судьбу дотерплю до конца.
Ненавидеть училась предателей я.

И они гибнут вместе с Прометеем.

Для того и написана трагедия. Она о женской верности, о дружестве. (И оказывается, что Прометей для Эсхила — только повод выявить человеческое. Потому-то Эсхил за свое богохульство в Афинах не подвергался гонениям. Бунт Эсхила против Зевса не потрясал устои, ибо нравственная составляющая верности и гибели не повинных ни в чем Океанид, надо думать, потрясала сердца и души куда сильнее.)

Выходит, «Прометей Прикованный» — это не столько об Осипе Манделыштаме, сколько о Надежде Яковлевне Манделыштам.

Шесть клятв дал Сталин над гробом Ленина. Их, впрочем, должно было быть семь, но одна (Бог шельму метит!) про Красную армию

как-то выпала из сталинского клятвенного набора, строящегося по одной формуле, выделенной в публикации крупным шрифтом:

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ... (то-то и то-то) КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ ВЫПОЛНИМ С ЧЕСТЬЮ ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Произошла какая-то осечка (то ли в мозгу Сосо, то ли просто у заметки в полосе повис «хвост» с серной кисточкой), но Красная армия, которая, согласно этому тексту Сталина, «третья основа диктатуры пролетариата», в оправу ритуальной формулы не попала. Возможно, Политбюро посоветовало не дразнить Керзона и прочих агрессоров (поскольку Троцкий, Тухачевский и Фрунзе новую армию еще толком не создали), но скорее сам Сталин не захотел своей клятвой укреплять *военную оппозицию* и главного своего соперника — отца Красной армии Л. Д. Троцкого. Так и стало клятв не семь, а шесть.

Вот те клятвы вождя, что вставлены в ритуальную траурную рамку в его статье «По поводу смерти Ленина»¹¹:

1. ХРАНИТЬ В ЧИСТОТЕ ВЕЛИКОЕ ЗВАНИЕ ЧЛЕНА ПАРТИИ.
2. ХРАНИТЬ ЕДИНСТВО НАШЕЙ ПАРТИИ.
3. ХРАНИТЬ И УКРЕПЛЯТЬ ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА.
4. УКРЕПЛЯТЬ ВСЕМИ СИЛАМИ СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН.
5. УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ РЕСПУБЛИК.

Все это для того, чтобы:

6. УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА — КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Между пятой и шестой клятвами вдруг читаем: «Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот!»

Историки КПСС были немало озадачены этой двойной бухгалтерией вождя. Потому армейские летописцы говорят о семи клятвах. Но на шести пилонах Дворца Советов должны были быть высечены именно шесть клятв Джугашвили. (Мандельштамовские «пустячки пирамид» — это про Дворец Советов, а не про Древний Египет.)

Попробуем *последовать за мыслями* поэта и представим возможный ход его рассуждения: Бог пометил тебя шестью пальцами, а ты это принял и выдал расписку: садясь на кремлевский трон, произнес

¹¹ Из речи И. В. Сталина на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года // Правда. 1924. 30 января. № 23.

именно шесть клятв. Ну что ж, играем открытыми картами: я, поэт и твой тезка Осип Манделъштам, помечу тебя (уже на века!) тремя шестерками.

В той сталинской речи есть единственный пассаж, претендующий на образность (не считая «скорпионов, которых буржуазия четверть века сыплет прямо на голову партии большевиков»):

Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится непоколебимо.

Утес (в обоих случаях Кавказский) и Огонь Прометея, раздутый Лениным, как раз и определили образную систему полемики Манделъштама с «рябым чертом». Прометей Манделъштама — Прометей добольшевистского человечества и отчасти сам поэт (как воин мировой культуры, культуры «старых богов»).

В других стихах он говорит, что у него не смогли отнять «губ шевелящихся». (И тем — чистый стеб — добились «блестящего расчета»!) Это что — изысканная формула благодарности и вины?..

И еще такие строки: «Оттого все неудачи, / Что я вижу пред собой / Ростовщичий глаз кошачий...»

Написано в конце декабря 1936 года, то есть тоже непосредственно перед «Одой». (Потом многие писали, что у Сталина были тигриные глаза.) Заканчиваются стихи строкой: «Шаровитых искр пиры».

Речь идет о пирах Валтасара, последнего вавилонского царя, устроившего оргию перед взятием Вавилона и осквернившего сосуды, украденные им из Иерусалимского храма.

В то время персы уже стояли у ворот Вавилона. (Так и тут: фашизм у порога, а этот храмы рушит, кровь пьет, собственный народ истребляет. И что ни казнь у него — то малина...)

«Шаровитые искры» не могут относиться к каким-нибудь другим пирам потому, что существует знаменитое полотно Рембрандта «Валтасаров пир» (Лондон, Национальная галерея), где перед Валтасаром именно в огненном шаре появляется рука, предрекающая его гибель.

А про какого родившегося на Востоке и игравшего с павлином мальчика пишет поэт в декабре 1936-го?

Внутри горы бездействует кумир,
В покоях бережных, безбрежных и хранимых,
А с шеи каплет ожерелий жир...

Не вспоминаются «кремлевский горец» и «его черные пальцы, как черви, жирны...»?

Не ясно, что ожерелье-то — из мертвых голов?

Не приходит на память строка: «Я без пропуска в Кремль вошел...»? И не пробивает искрой самореминисценция: «Глазами Сталина раздвинута гора...»?

А вот концовка:

Кость усыпленная завязана узлом,
Очеловечены колени, руки, плечи —
Он улыбается своим широким ртом,
Он мыслит костию и чувствует челом,
И вспомнить силится свой облик человеческий.

Припомним неполиткорректный древний анекдот про грузина, который удивился, как это голова может заболеть, *эта жэ кост?*

Кто же при человеческих членах — не человек? Кто «мыслит костию»?.. Да тот же многоликий персонаж — «гений могил» 1937 года. И тот же, кто «улыбается улыбкою жнеца / Рукопожатий в разговоре...» И это куда более отвратительно, чем дореволюционные пуштышки-теноры — «жнецы рукоплесканий».

Впрочем, как заметил Игорь Фролов, стихи «Внутри горы бездействует кумир» еще более подходят к мумифицированному Ленину. Поскольку «Сталин — это Ленин сегодня», одно другому не противоречит.

Самое, казалось бы, уязвимое стихотворение «Если б меня наши враги взяли...», написано в феврале–марте 1937-го.

Обратимся к этому тексту. Надежда Яковлевна Мандельштам настаивала на том, что последняя строка этих стихов на самом деле звучала: «Будет *губить* разум и жизнь Сталин» (вместо *будить*). Это значит, что Мандельштам, ожидавший второго ареста, некоторых слов бумаге уже не доверял.

На мой взгляд, только поверхностная и неряшливая советская традиция чтения стихов может объявить этот текст панегириком Сталину. По-пионерски реагируя на слова «враги наши», постсоветское сознание не видит (не хочет видеть), что уже вторая строка выворачивает данное чтение наизнанку.

Стих «И перестали со мной говорить люди» значит не то, что у современников отняли бы возможность задавать поэту вопросы (такой возможности у них давно уже нет), а то, что соплеменники отвернутся от арестованного, ведь самым фактом своего ареста он будет объявлен врагом народа.

Рассматривается не фантастическая ситуация с похищением поэта агентами капиталистических держав, а другая, через которую

Мандельштам уже проходил, — арест органами сталинской госбезопасности. И в этом контексте «враги наши» — те же «трое славных ребят из железных ворот ГПУ».

Это их коллеги лишат поэта права открывать двери, утверждать, «что бытие будет» и что народ сам осудит сталинский режим.

Это они будут конвоировать, этапировать, пытаться, убивать, кидать пищу на пол. И держать поэта в клетке, как зверя.

И в подтверждение этого Мандельштам, описывая свой грядущий арест, в девятой строке решительно отказывается от сослагательного наклонения и, ломая грамматику, переходит к прямому изъявительно-му пророчеству: «Я не смолчу, не заглушу боли...» Другими словами: и в тюрьме, и лагере я вам, врагам рода человеческого, не сдамся. Сами стены моей камеры станут набатным колоколом. А потом я упаду, как срезанный серпом колос, в чернозем, лягу в перегной, где уже покоится легион сжатых (то есть убитых, загубленных) братских очей.

«Пламенных лет стая» — пролог Апокалипсиса. Дальше для убитого — только суд народа над диктатором, а потом и высшая инстанция — Страшный суд.

В этом контексте строка «Прошелестит спелой грозой Ленин» отсылает нас к Библии.

В Новом Завете слово «гроза» не встречается, но в Ветхом употреблено дважды. В Книге Иова сказано: «Столпы небес дрожат и ужасаются от грозы Его» (26: 11).

Значит, гроза, да еще «спелая», которая всего-навсего «прошелестит», — это не Божья гроза.

Но чья же?

В Книге притчей Соломоновых сказано: «Гроза царя — точно рев льва; кто раздражает его — грешит против самого себя» (20: 2).

Ленин и Сталин — цари. Второго из них поэт и «раздражил», пойдя на это сознательно и согрешив против себя (но не против Бога).

Если б предпоследняя строка этих стихов звучала «И на земле, чтоб избежать тленья» (иногда цитируют и так), это было бы откровенной издевкой.

И мы могли бы утверждать, что из марта 37-го Мандельштам узрел март 53-го, увидел два имени на фасаде красноступенчатой пирамиды новейшего Джосера и двух мертвых фараонов, которые обрели себя на роль мумий, чтоб «избежать тленья».

Но этот вариант был бы слишком лобовым.

Другое дело — «И на земле, что избежит тленья...».

Графоманский смысл, который и принято воспринимать как единственно возможный, — всего лишь обманка.

Избежавшая тленья земля — мертвая земля, дотла сожженная стаей «пламенных лет», земля, не способная рожать. Это уже не та «адама», из которой Бог слепил Адама. Это безжизненный пепел, стертый прах реализованной утопии.

«В пепле и прахе» покается перед Господом возроптавший Иов.

На этой-то мертвой земле раскаявшемуся Сталину по приговору Творца и достанется будить «разум и жизнь», то есть будить от смертного сна и лично приводить на Суд всех, кого он убил.

Но коли так, то стихотворение просто не дописано (или *недоговорено*, сознательно оборвано). Допустить противное — значит признать, что Мандельштам писал эти стихи и впрямь, как воспринял это Владимир Набоков, в состоянии умопомрачения: поэт начинает со своей гибели в сталинском застенке, грозит, что стены тюрьмы станут колоколом правды, а заканчивает прославлением Сталина.

Если мы проверим библейским контекстом выражение «будить жизнь и разум», то результат окажется нулевым: рефрен из Песни Песней «...не будите и не тревожьте возлюбленной» (2: 7; 3: 5; 8: 4) вряд ли в данном случае может что-то объяснить.

Однако вспомним, что Н. Я. Мандельштам настаивала на глаголе «губить». И именно в таком контексте этот глагол употреблен в Книге Иова: «Он губит непорочного и виновного» (9: 22). И еще ближе в Откровении Иоанна Богослова: «и погубить губивших землю» (11: 18). Речь вновь идет о времени «судить мертвых и дать возмездие рабам Твоим». (Под «рабами» подразумеваются мученики.) Смысл: и на Страшном суде *этот* будет губить уже загубленных им.

Тема Апокалипсиса и возмездия, которую мы угадали по строке «И налетит пламенных лет стая», вновь возникая в последней строке этих стихов, делает текст осмысленным и завершенным. Значит, жена поэта не ошиблась: именно так и читал ей эти стихи Осип Эмильевич.

В поддержку «покаянного» или «панегирического» чтения стихов Осипа Эмильевича находится немало аргументов, и первый из них — «советский» язык Мандельштама. Но советский язык был языком эпохи. И лучший поэт этого времени (не Маяковский, Пастернак или Ахматова, а, согласимся с Набоковым и Ахматовой, — именно Мандельштам) пытается свое время заговорить. И повлиять на читателя, и говорить с ним, как с ребенком (это, кстати, пушкинская заповедь — говорить правду на языке того, с кем говоришь).

В строках «Я человек эпохи Москвошвея, — / Смотрите, как на мне топорщится пиджак...» (май — 4 июня 1931 года) главное не чудовищно пошитое словцо новояза «москвошвей», а глагол «топорщится». Пиджак должен шить портной, а не фабрика «Большевичка» (на всех

и по единому халтурному лекалу). Мы на это плевали, а Мандельштам, знавший иные пиджаки и даже фраки, — нет.

Примерно так и с «Люблю шинель...».

Чуткий на крамолу Лев Аннинский заметил (правда, в скобках и в сопровождении осторожного вопросительного знака) «полуиздевательскую» интонацию в строках про «эпоху Москвошвея». Но интонация «полуиздевательской» быть не может (как пища не может быть полупротухшей, яд полусмертельным, а ненависть полудружеской).

С ноября 1933 года поэт пытается докричаться до современников на понятном им языке. И шевелит «кандалами цепочек дверных». Но уши знакомых залеплены страхом, и ночная «колючая лестница» пуста. А если кто и должен на ней появиться, то это «гости дорогие» с наганами да ордером.

Мандельштам — не только первый поэт русского XX века, но и последний, кто остался с этим народом на коренной его территории и говорит с ним на его языке. Белые армии схлынули, остатки красных стали рабами диктатора. А поэт остался самим собой.

И как в самом начале великой трагедии он рвал расстрельные списки Блюмкина и врывался к Железному Феликсу, чтоб выпустили какого-то неизвестного ему венгерского графа-энтомолога, так через полтора десятилетия он написал «Мы живем, под собою не чуя страны...», а потом и «оду» Рябому Черту. Потому что Мандельштам — человек декабристского и народнического девятнадцатого века, а не сталинского двадцатого. Для него культура — не цитата, а любая цитата — не сноска, но подтверждение собственного понимания истины.

Вот зачем Мандельштаму и нужен «темный стиль». «Я должен жить, дыша и большевея...» — еще одна рифма к «человеку эпохи Москвошвея». По-русски это называется *юрродство*.

А юродивый видит то, что не видят другие. Он станет кидать камни в дома праведников и целовать углы домов грешников, а когда ему скажут, что он ошибся, ответит: «На этих бесы сидят, внутрь войти не могут, а на тех ангелы плачут...»

И следует продолжение вполне в лихачевском «смеховом» духе:

Клевещущих козлов не досмотрел я драки:
 Как петушок в прозрачной летней тьме —
 Харчи да харк, да что-нибудь, да враки —
 Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме.

«Стук дятла» — это доносы «клеветующих козлов», то есть стукачей. А дальше: «Садовник и палач наполнят свой досуг...»

«Как Слово о Полку, струна моя туга...» Ссылка дана, но речь идет не о тугой струне, а о «туге и тоске» и о том, что «печаль жирна течет среди земли Русской».

Да, есть и «харчи да харк». Есть савеловские «враки» 4–5 июля 1937-го: «Необходимо сердцу биться: / Входить в поля, вращать в леса. / Вот «Правды» первая страница, / Вот с приговором полоса...»

Зачем это написано? Да затем, что в поселке Савелове произошел почти смертельный конфликт на политической (и к тому же любовной) почве. Бежать уже некуда. Что делать?

Поэт утирает розовые (не скажу кумачовые) политические сопли молодой и хорошенькой женщине. Он был влюблен и потому признался в самом сокровенном, сказал, видимо, что Сталин — рябой черт (или что-то подобное), а она в ответ: «Я Сталина даже тебе не отдам!»

То есть тело мое бери, а душу комсомольскую не тронь.

Дитя высокой жажды... И надо срочно мириться. Пока не донесла. (Или, если конфликт произошел за общим столом, пока кто другой не донес.) Потому послание и пишется с лету — в два дня.

Надо кинуть с саней голодной стае последнюю шубу. Надо (прежде чем выпишут ордер) спеть баюшки-баю, заговорить, усыпить зло.

Это типичный «выкуп головы», древний и благородный скальдический жанр. И цель стихотворения — в его последних строчках: «Чтоб ладилась моя работа / И крепла на борьбу с врагом». (А что это за враг, я тебе, дуре сталинской, объяснять не буду!)

И поэт прав: именно *сталинкой* (сталинисткой) в будущем назовут и эту особу, жену Яхонтова, и ей подобных. А сигнал (как детское «чурики — ноги на весу») дается читателю-потомку в названии: «Стансы» (это же относится и к «Стансам» 1935 года «Я не хочу средь юношей тепличных...»). Это отсылка к пушкинским «Стансам» («В надежде славы и добра...»), к стихотворению, которое тоже считали прониколаевским и которое тоже начинается с «казней» (а он просил в нем Николая простить декабристов!).

В первой же строфе у Мандельштама читаем: «Вот “Правды” первая страница, / Вот с приговором полоса...» Приговор, разумеется, расстрельный. И стих «Вот с приговором полоса» — четвертый в первой строфе (как и у Пушкина стих «Мрачили мятежи и казни»).

Большого для объяснения с потомками и не требуется.

Однако вспомним, что про полосу с приговором пишет человек, который (по воспоминаниям жены) ненавидел две вещи, сводимые, впрочем, к одной: любой террор и смертную казнь (то есть террор государственный). А в леса и поля люди каждой ночью вращали с начала 20-х: Бернгардовка, Левашовская пустошь, Токсовский полигон...

Я держал в руках вальтеровскую пулю, извлеченную из черепа подростка. Она лежала в земле Токсовского полигона, обнаруженного в начале 2000-х годов питерским историком (и солагерником А. Д. Синявского) Вениамином Иофе. (Надо полагать, за раскрытие тайны этого расстрельного полигона его и избили на Невском проспекте среди бела дня. Грамотно избили: через месяц оказалось, что до смерти.)

По той пуле словно стучали кувалдой: она стала почти круглой. Но череп, раз впустив ее, выпустил только в руки Вениамина Викторовича.

Вспомним метафору из «Неизвестного солдата», написанного уже после «Оды»:

Для того ль должен череп развиваться
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?

Где же восхваление палача? «Жизнь без укоризн» — это не жизнь по чести и справедливости (укоризна — слово внешнее, а не внутреннее). Может, панегирик в этом четверостишии? Перечитаем:

Непобедимого, прямого,
С могучим смехом в грозный час,
Находкой выхода прямого
Ошеломляющего нас.

Что в этом, кроме юродствующей констатации? Да, «непобедимый» (всех уложил), да, до кретинизма прям, как его «Правда» (обратим ли внимание на тавтологическую рифму?), да, ошеломляющий «прямым» радикальным «выходом» (всегда по типу: лучшее средство от ангины — гильотина).

Прямая ложь — это стихи о Сталине Ахматовой, которая спасала сына. Хитрая ложь — пастернаковские стихи о Сталине.

Сталину подачки с барского плеча поэзии были не нужны. Принималось только «искреннее раскаяние». Без него «неразоружившийся перед партией» не выслуживал даже расстрела (только — новой пытки). Однако если, как в этих стихах Осипа Эмильевича, из поэта не вытравлено многомерие «губ шевелящихся» и «многодонная жизнь вне закона» (июнь 1935), то поэт «в ответе, но не в убытке».

Вот еще одна «стыдная» цитата: «И к нему, в его сердцевину / Я без пропуска в Кремль вошел, / Разорвав расстояний холстину, / Головою повинной тяжел...» Не приполз лизать подошвы, а пришел

без пропуска, «в его сердцевину». Так ночью приходил к дяде-братоубийце Гамлет. (Понимал, что убивать нельзя, медлил, но все-таки решился и вспорол клинком ковер. И зарезал Полония.)

Предыдущий свой приход к Сталину он описал в стихотворении «Неправда». В июне 35-го Мандельштам итожит:

Римских ночей полновесные слитки,
Юношу Гёте манившее лоно, —
Пусть я в ответе, но не в убытке:
Есть многодонная жизнь вне закона.

В контексте этой «многодонной жизни вне закона» и надо читать его стихи. И в строках «Захлебнулась винтовка Чапаева: / Помоги, развяжи, раздели!..» звучит не гимн красному герою, а вопль, который на прозаический язык переводится примерно так: Гражданская война закончилась, винтовки захлебнулись и замолкли, почему же мы должны жить с завязанными руками и глазами?

Этот *неллиейный* стихотворец, всю жизнь искавший «следов красоты и чести» и приобретший человечьи черты «до опыта», знал, как надо играть смычком слова даже на «радужной оболочке страха». Он был единственным «сиротствующим соловьем» эпохи, способным плавить ее «деревенское молчание» в самой глубокой котловине земного ада. Он сделал свой выбор — выбор не гражданский (тут ему выбирать не приходилось, выбор был сделан родившей его культурой), а языковой, сиречь поэтический. И сам объяснил, почему. Это был побег в чашу языка, побег к простым смыслам сложного:

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе...

Еще в роковом ноябре 1933-го им было сказано:

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
А я, как дурак, на гребенке
Обязан кому-то играть.

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни бойчей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.

Такое мученическое напряжение могло разрешиться только Прометеевым бунтом — стихами «Мы живем, под собою не чуя страны» и «Одой».

Поэт Осип Мандельштам, погибший в 1938-м в дальневосточном лагере, и через семь десятилетий не прочтен и не понят. И виной тут не только наше традиционное неумение читать «темный язык», но и наши собственные поэтическая, академическая и гражданская инфантильность.

В апреле–мае 1935 года Мандельштам предсказал:

...Сухомятная русская сказка, деревянная ложка, ау!
 Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?
 Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов,
 Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкинovedов —
 Молодые любители белозубых стишков.
 На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!

Увы, мы — племя стихотворцев и пушкинovedов (не в штатском, а вполне в либерально-цивильном), страшной иронии этих строк слышать не хотим.

В наших инстинктивных реакциях мы все еще остаемся наследниками убившей Мандельштама Сосо-ветской и Сосо-листической власти, остаемся во власти исключенного из семинарии провинциального стихотворца, который (по наблюдению Валентина Берестова) так обиделся на Бога, что и партийный псевдоним себе изваял (может, сознательно, а может, и нет) из имени Сатанаила.

Мандельштам недаром оставил свою «Оду» без названия. В державинском контексте русской лирической традиции над определением жанра этих стихов должно стоять одно слово — «Черт».

Работая над *одой* и предупреждая грядущие ее линейные толкования, 20 января 1937 года он пишет стихотворение в четыре строки:

Как землю где-нибудь небесный камень будит,
 Упал опальный стих, не знающий отца.
 Неумолимое — находка для творца —
 Не может быть другим, никто его не судит.

Он надеялся, что «Оду» сначала напечатают, а потом прочтут, ибо сам был этим будившим современников небесным камнем.

Но на дворе тлел уже 1937-й. Поэтому не напечатали. Расчет на глупость начальства не оправдался, и замаскированного под словословие публичного вызова тирану не получилось.

В русской литературе у этого поэта были предшественники: протопоп Аввакум, Радищев, Пушкин, Рылеев, Лермонтов и, наконец, не раз цитируемый Мандельштамом автор «Слова о полку Игореве».

Поэтому в нашем прощении поэт Мандельштам не нуждается.

Он честно повторил подвиг Прометея. И если мы спустя семь десятилетий не желаем этого видеть, это диагноз не его, а нашей болезни.

...Во второй половине 1970-х в Тарусе замечательный русский литературовед Эдуард Григорьевич Бабаев говорил мне, что «Слово о полку Игореве» обладает одной удивительной особенностью: оно начинает звучать перед крутыми поворотами отечественной истории. Так было накануне 1812 года. И перед Первой мировой. И в 1930-х.

Это не мистика, но и не случайность. То грозное электричество, которым пропитана эта поэма, попадая в резонанс с новой современностью, не может не искриться пророческими смыслами.

Худо только то, что за восемь прошедших столетий опыт «Слова о полку Игореве» не востребован. (Это при том, что «Слово» уже два века входит в школьную программу.)

«Покажите мне победоносный поход Игоря на татаро-монголов!», — требовала дама из киевского управления культуры, когда режиссер В. Шулаков на сцене молодежного театра дерзнул поставить «Слово» по-древнерусски. Было это в год мнимого 1500-летнего юбилея «матери городов русских», последний год царствования Брежнева. Даму поддержали местные писатели и языковеды: «Нэ трэба!» (Спектакль спас журналист Павел Гутионтов.)

Чиновникам тот нехолопский патриотизм, которым дышит «Слово», — нож острый. Отсюда и желание объявить автором «Слова» князя Игоря (это из того же пеньково-мыльного сериала).

...Россия начиналась тринадцать веков назад, когда на освободившиеся от воды земли Южного Приладожья и Ильменского Поозерья пришли с берегов Балтики умевшие пахать тяжелую пойменную почву словене. Началась с трехступенчатой торговли при старейшине Гостомысле (в Ладоге по арабской технологии делали бусы, их меняли на меха, а меха продавали арабским купцам за серебряные дирхемы), со свободных людей, которые и конунга Рюрика (видимо, Рёрика Ютландского) наняли на службу, чтобы блюсти торговый путь. За хвостом куницы мы дошли до Аляски и Калифорнии. Отсюда и русский тип цивилизации — не кочевой и не оседлый, но промысловый: прекраснотушный, мечтательный, безбытный.

Закончились ли изнаночные времена на Руси, я не знаю. Были монголы, была трагедия Новгорода, раздавленного московскими царями, державными наследниками восточных деспотий. И новый (до селе невиданный) виток рабства в XX веке.

Но, как любил повторять один хороший поэт, Романовы продержались 300 лет, а Новгородская республика — 350.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении приведена реконструкция графики исходного текста «Слова», выполненная лингвистом Анной Владимировной Дыбо. Реконструированный текст XII века дается в упрощенном виде: он разбит на слова и на стихи, а передан в основном средствами современной гражданской графики.

Реконструируются выносные буквы. Сохраняются буквы ъ (ять), Ѧ (юс малый), диграф *ou* и лигатура Ѻ (ук), то есть лигатура *o+y*, читающаяся как *y*. Восстановлено йотированное *a* (я) — **ѧ**.

При чтении текста надо учитывать, что в XII веке *ять* произносилась, скорее всего, как *иэ* (или долгое *e*); **Ѧ** и **ѧ** как *я*; диграф *ou* как *y*; **Ѻ** как краткое *o*; **ѻ** как смягчающее предыдущую согласную короткое *э*.

Текст разбит мною на стихи в соответствии с выявленными принципами стиховой организации «Слова». Принципы восстановления в тексте утраченных древних синтаксических, грамматических и орфоэпических норм XII века и случаи встречающейся в бытовом письме графической замены одних гласных другими обоснованы в примечаниях А. В. Дыбо (с. 410) и ее статье (с. 419).

Курсивом выделены слова, пропущенные переписчиками.

На с. 465–474 приведен текст Первоиздания 1800 года с разночтениями по Екатерининской копии и другим источникам.

СЛОВО О ПЪЛКОУ ИГОРЕВѢ
ИГОРА СЫНА СВАТЪСЛАВЛА
ВЪНОУКА ОЛЬГОВА

Не лѣпо ли ны
бѣшетъ братиѣ
начати старыми словесы
трудоуныхъ повѣстии
о пълкоу игоревѣ
игора сватъславлича

начати же сѧ тѣи пѣсни
по былинамъ сего времени
а не по замышленію боіаню

10 боіанѣ бо вѣщии
аще комоу хотѣше
пѣснь творити

то растѣкашетьсѧ мыслию по древоу
сѣрымъ вълкомъ по земли
шизымъ орьломъ подѣ облакы

20 помынашеть бо речъ
първыхъ временъ оусобицѣ
тогда поущашеть
десѧтъ соколовъ
на стадо лебедѣи

которыѣ дотечаше
та преди пѣснь поіаше
староуоу ярославоу
храброуоу мѣстиславоу
иже зарѣза редею
предѣ пълкы касожьскыми
красьноуоу романоуи сватъславличю

30 боіанѣ же братиѣ не десѧтъ соколовъ
на стадо лебедѣи поущаше
нѣ своѣ вѣщиѣ пѣрсты
на живыѣ строуны вѣскладаше
они же сами кѣназемъ
славоу рокотахоу

Почнемъ же братиѣ повѣсть сию
отъ стараго владимера

до нынѣшняго игора
иже истагну оумъ крѣпостию своею
и поостри сѣрдьца своего мужествомъ
напѣлнивъсѣ ратьнаго духа
40 наведе своѣ храбрѣ пѣлки
на землю половѣцъкоюю
за землю роуськоюю

тогда игоръ възърѣ
на свѣтлое сѣльце
и видѣ отъ него тьмою
всѣ своѣ воѣ прикрыты

и рече игоръ къ дружинѣ своей
братие и дружино
лоуце жъ бы потаѣти быти
50 неже полоненоу быти
а въсѣдемъ братие
на свои бѣрзыѣ комони
да позьримъ синего доноу

съпала кѣназю оумъ похоть
и жалость емоу знамение застоупи
искоусити доноу великаго
хощю бо рече копие приломити
конецъ пола половецъкаго
съ вами роусици
60 хощю главою свою приложити
а любо испити шеломомъ доноу

О боiane соловию стараго времени
абы ты сиѣ пѣлки оуцекоталъ
скача славню по мысленоу древоу
летаа оумомъ подѣ облаки
свиваа славы оба полы сего времени
рища въ тропоу троiano
чрес полѣ на горы
пѣти было пѣсѣ игореви
70 того въноукоу

не боурѣ соколы занесе
чрес полѣ широкаа
галици стады бѣжать
къ доноу великомуу

чи ли въспѣти было
вѣщен боiane велесовъ въноуче

80

комони ржють за соулою
звенить слава въ кыевѣ
троубы троубать въ новѣградѣ
стоять стази въ поутивли

ВИгорь ждеть мила брата всеволода
и рече емоу боуи тоуръ всеволодъ

одинъ братъ одинъ свѣтъ
свѣтлыи ты игорю
оба есвѣ сватъславлича

90

сѣдлаи брата свои
бързыѣ комони
а мои ти готови осѣдлани
оу коурьска на переди
а мои ти коуранни
сѣвѣдоми кѣмети
подъ троубами повити
подъ шеломи възлеглиани
конецъ кошиа въскърмени
поути имъ вѣдоми
яроугы имъ знаеми
лоуци оу нихъ напряжени
тоули отъворени
сабли изострени
сами скачють
аки сѣрыи вълци
въ полѣ ищючи
собе чѣсти
а кѣназю славы

100

Тогда вѣстоуни игорь кѣназь
въ златъ стремь и поѣха
по чистому полю

110

сълньде емоу тѣмою поуть застоупаше
нощъ стоноуши емоу грозою
пѣтичь оубоуди свистъ^{мь} звѣри

нѣ възби^{сѣ} дивъ
кличеть върхоу древа
велить послушати земли незнаемѣ
възѣ и поморию и посоулю

и сооружю и корсоуюю
и тобѣ тьмоутороканьскыи бѣлване

120 а половѣци неготовами дорогами
побѣгоша къ доноу великому
кричатъ тѣлѣгы полоунощи
рѣци лебеди распоущени

игорь къ доноу вон ведеть
оуже бо бѣды его пасеть
пѣтиць по дѣбию
вѣлци грозоу вѣсѣрошати по яроугамъ
орьли клекѣтомъ на кости звѣри зовоуть
лисици брешють на чѣрленыѣ щиты

о роуськаа земле
оуже за шеломенемъ еси

130 дълго ночь мѣркнеть
зарѣ свѣтъ запала
мѣгла полѣ покрыла
щекоть славни оуспѣе
говоръ галичъ оубоуди^{сѣ}
роусичи великаа полѣ
чѣрлеными щиты перегородиша
ищючи собѣ чѣсти а кѣназю славы

140 Съ зараниа въ пѣтѣкъ потоцѣташа
поганыѣ пѣлкъы половецъкыѣ
и расоуша^{сѣ} стрѣлами по полю помѣчаша
красныѣ дѣвѣкы половецъкыѣ
а съ ними злато и паволокы
и драгыѣ оксамиты
орѣтъмами и японьчицами и кожоухы
начаша мосты мостити
по болотомъ и гразивымъ мѣстомъ
и всѣжкыми оузорочьи половецъкыми

150 чѣрленъ стагъ
бѣла хороуговъ
чѣрлена челѣка
сѣребрено строужие
храброму свѣтѣславличю

дремлеть въ полѣ ольгово
хороброе гнѣздо

далече залетѣло
не было нѣ
обидѣ порождено
ни соколоу ни кречетоу
ни тобѣ чѣрныи воронѣ
поганыи половѣчине

160 гѣзакѣ бѣжити сѣрымъ вѣлкомъ
конѣчакѣ емоу слѣдѣ правити
къ доноу великому

Другаго дѣни вельми рано
крававыѣ зори свѣтъ повѣдають
чѣрныѣ тоучѣ съ морѣ идоуть
хотать прикрыти четыре солнѣца
а въ нихѣ трепещють синѣѣ мѣлнии

170 быти громоу великому
ити дождю стрѣлами
съ доноу великаго

тоу сѣ кошиемъ приламати
тоу сѣ сабламъ потроучати
о шеломи половецкыѣ
на рѣцѣ на каамѣ
оу доноу великаго

о роуськаа землѣ
оуже за шеломенемъ еси

180 се вѣтри стрибожи вѣноуци
вѣють съ морѣ стрѣлами
на храбрыѣ пѣлки игоревы
земла тоутнеть
рѣкы моутьно текоуть
пороси пола прикрывають
стази глаголють
половѣци идоуть отъ дона
и отъ морѣ и отъ всѣхъ странѣ
роуськыѣ пѣлки остоупниша
дѣти бѣсови кликомъ
190 пола перегородиша
а храбрии роусици преградиша
чѣрлеными щиты

Гарь тоуре вьсеволодѣ
стоиши на борони
прыщеши на вои стрѣлами
гремлеши о шеломы
мечи хараложьными

200 камо тоуръ поскочаше
своимъ златымъ шеломомъ посвѣчиваа
тамо лежать поганѣ
200 головы половецькыѣ
поскепаны саблами калеными
шеломы оварьскыѣ
отъ тебе ярь тоуре вьсеволоде

каа раны дорога братие
забывъ чьсти и живота
и града чьрнигова
отыа злата стола
и своѣ милыѣ хоти
210 красьныѣ глѣбовьны
свьычаа и обычаа

Были вѣчи троюни
миноула лѣта ярославлѣ
были пѣлци ольговы
ольга свѣтъславлича

тъи бо олегы
мечемъ крамолоу коваше
и стрѣлы по земли сѣаше
стоупаеть въ златъ стремя
въ градѣ тьмоуторокани

220 то же звонъ слыша
давньии великыи ярославъ
а сынъ вьсеволожъ
владимѣръ по всѣа оутра
оуши заклаша въ чьрниговѣ

бориса же вѣчеславлича
слава на соудъ приведе
и на каниноу зеленоу
паполомоу постѣла
за обиду ольговоу
230 храбра и млада кнѣзѣ

съ тоѣ же каалы свѣтопѣлкѣ
полеѣа отьца своего
межю оугорьскими пноходьци
ко свѣтѣ софни къ кыевоу

тогда при ользѣ гориславличи
сѣашетьсѣ и расташеть оусобицами
погыбашеть жизнь дажьбожа въноука
въ кнѣжахъ крамолахъ
вѣци человѣкомъ съкратишасѣ

240   тогда по роуськои земли
рѣтко ратаевѣ кыкахоуть
нѣ часто врани граахоуть
троунина собѣ дѣлаче
а галици свою рѣчь говорахоуть
хотѣть полетѣти на оудие

то было въ ты рати и въ ты пѣлкы
а сидѣть рати не слышано

250   Съ зарины до вечера
съ вечера до свѣта
летѣть стрѣлы каленьѣ
гримлють сабли о шеломы
трещать кошиа харалоужнаѣ
въ полѣ незнаемѣ
середѣ земли половецькыѣ

чѣрна земля подѣ копыты
костьми была посѣяна
а кровию польяна
тоугою възидоша
по роуськои земли

260   чѣто ми шюмить
чѣто ми звенить
давеча рано предѣ зорѣми
игорь пѣлкы заворочаеть
жалѣ бо емоу
мила брата
всѣволода

бишасѣ день
бишасѣ другын

270   третяго дѣни къ полуудьню
падоша стази игоревы
тоу сѣ брата разлѹчиста
на березѣ быстрыѣ каалы
тоу кроваваго вина не доста
тоу пирѣ доконьчаша
храбрии роусичи
сваты попоиша
а сами полегоша
за землю роуськоюю

280   ничить трава жалошамн
а древо сѣ тоугою
къ земли преклонило

Оуже бо братне
не веселаа година вѣстала
оуже поуствени силоу прикрыла

вѣстала обида
въ силахѣ дажьбожа вѣноука
вѣстоупила дѣвою
на землю троюню

290   въсплескала лебединыма крылома
на синѣмъ море оу доноу
плещючи оубоуди жирьна вермена

оусобица кѣнѣземъ на поганѣмъ погыбе
рекоста бо братѣ братоу
се мое а то мое же
и начаша кѣнѣзи про малое
се великое мѣлвити
а сами на собѣ крамолоу ковати
а погании сѣ вѣсѣхъ странѣ
прихождахоу сѣ побѣдами
300   на землю роуськоюю

О далече заиде соколѣ
пѣтиць быа къ морю
а игорева храбраго
пѣлкоу не крѣсити
за нимѣ кликнуу карьна
и жьла поскочи
по роуськои земли
смагоу людемѣ мычючи
въ пламѣнѣ розѣ

310 жени роуськыѣ въсплакаша^а а рькоучи
оуже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию съмыслити
ни доумою съдоумати
ни очима съгладати
а злата и сьребра
ни мало того потрепати

а вѣстона бо братие
кыевъ тоугою
а чьрниговъ напастьми
320 тоска разлиася по роусьскои земли
печаль жирьна тече
середь земли роуськыѣ

а князи сами на собе
крамолоу ковахоу
а погании сами
побѣдами нарищюще
на роуськоюю землю
емляхоу дань по бѣлѣ отъ двора

330 **Ѣ** Та бо дѣва храбраа святъславлича
игорь и вьсеволодъ
оуже лъжю оубоудиста
котоною то баше оусьнилъ
отець ею святъславъ
грозьныи великыи кыевьскыи

грозою башеть притрепеталъ
своими сильными пѣлки
и харалоужьными мечи
настоупи на землю половецькоюю
притопѣта хѣлми и яроугы
340 възмоути рѣкы и озера
исоуши потоки и болота

а поганаго кобѣка из лоукоу моря
отъ желѣзьныхъ великихъ
пѣлковъ половецькыхъ
яко вихрь вытърже
и падеся кобѣкъ въ градъ кыевъ
въ гридьницѣ святъславли

350 тоу нѣмци и венеци
тоу греци и морава
поють славоу свѣтѣславлю
кають кѣназа игора
иже погроузи жирѣ
во днѣ каамы
рѣкы половецькыѣ
роуськаго злата насынаше
тоу игорѣ кѣназь высѣдѣ
из сѣдыа злата
а въ сѣдыа кощинево
оуныша бо градомѣ забралы
360 а веселие пониче

А свѣтѣславъ моутенъ сонъ видѣ
въ киевѣ на горахъ

си ночь съ вечера
одѣвахоуте мѣ рече
чѣрноу паполомоу
на кровати тисовѣ
чѣрнахоутъ ми синее вино
съ трудоу съмѣшено
сынахоутъ ми тѣщими тоулы
370 поганыхъ тѣлковинѣ
великыи женьчюгъ на лоно
и нѣгоуютъ мѣ

оуже дѣскы бес кѣнѣса въ моеу
теремѣ златовѣрѣмѣ

всю ношъ съ вечера
боусови врани възграхоу
оу плѣсѣньска на болони
бѣша дебръскы сани
и несоша^{сѣ} къ синемоу морю

380 **И** рѣкоша боцаре кѣназю
оуже кѣнаже тоуга оумѣ полонила
се бо дѣва сокола сълѣтѣста
съ отнѣ стола злата
поискати града тѣмоутороканѣ
а любо испити шеломомѣ доноу
оуже соколома крильца припѣшали
поганыхъ саблѣми

а самою опоуташа
въ поутины желѣзны

390 темно бо бѣ въ третѣи день
дѣва съльнца помѣроста
оба багранаа стѣла погасоста
и съ нима молодая мѣсаца
олегъ и свѣтъславъ
тъмоу сѧ поволокоста

на рѣцѣ на каилѣ
тъма свѣтъ покрыла
по роуськои земли
простърошасѧ половьци
400 акы пардоуше гнѣздо

и въ морѣ сѧ погроузиаста
и великое боуиство
подаста хынови

оуже сънесесѧ хоула на хвалоу
оуже тресноу ноужа на волю
оуже вържесѧ дивъ на землю

се бо готьскыѣ красьныѣ дѣвы
въспѣша на березѣ синемоу морю
звона роуськымъ златомъ
410 поють верема боусово
лелѣють мечь шароканю
а мы оуже дружина жадныи веселна

Тогда великыи свѣтъславъ
изрони злато слово
съ слезами съмѣшено и рече

о моя сыновьча
игорю и въсеволоде
рано еста начала
половецькоюю землю
420 мечи цвѣлити
а собѣ славы искати
нѣ нечестьно одолѣсте
нечестьно бо кровь
поганоую пролиясте

ваю храбраа сьрдца
въ жестоцемь харалоузѣ съкованѣ
а въ боуести закаленѣ
се ли сътвориете
моенъ сьребрененъ сѣдинѣ

430 а оуже не вижю власти
сильнаго и богатаго и мьноговои
брата моего ярослава
съ чьрниговьскими былами
съ могоуты и съ татраны
и съ шельбиры и съ топчаки
и съ ревоугы и съ ольберы
тии бо бес щитовъ
съ засапожьники
кликомъ пълкы побѣждають
440 звоначи въ прадѣднюю славою

нѣ рекосте
моужанѣ сѣ сами
переднюю славою сами похытимъ
а заднюю сѣ сами подѣлимъ

а чи диво сѣ братие
староу помолодити
коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ
высоко пѣтиць възбиваетъ
не дасть гнѣзда своего въ обиду
450 нѣ се злыо кѣнаже ми непособие
на ниче сѣ години обратиша

се оу римъ^{ва} кричатъ
подъ саблами половецькыми
а володимѣръ подѣ ранами
тоуга и тоска сыноу глѣбовоу

великынъ кѣнаже всеволоде
не мыслио ти прелетѣти издалеча
отына злата стола поблюсти
ты бо можеша вългоу веслы раскропити
460 а донѣ шелома выльяти
аже бы ты былъ то была бы
чага по ногатѣ
а кошенъ по резанѣ
ты бо можеша посухоу
живыми шерешыры стрѣлати
оудалыми сыны глѣбовы

Ты бои рюриче и даведе
не ваю ли *богаре*
зачеными шеломи
470 по крови плаваши
не ваю ли храбраа дружина
рыкають акы тоури
ранены саблами калеными
на полѣ незнаемѣ
вѣстоупита господина
въ злата стремени
за обиду сего времени
за землю роуськоюю
за раны игоревы
480 боуего сватѣславлича

галичкѣи осмомыслѣ ярославе
высоко сѣдиши на своемъ
златокованѣмъ столѣ
подъпъръ горы оугорскыѣ
своими желѣзными пѣлцы
застоупивъ королеви поуть
затворивъ доунаю ворота
меча беремены через облакы
соуды рѣда до доунаа
490 грозы твоѣ по землямъ текоуть
отъвореши киевою врата
стрѣлаши съ отьна злата стола
салтани за землями
стрѣлаи господине коньчака
поганого кощеа
за землю роуськоюю
за раны игоревы
боуего сватѣславлича

А ты бои романе и мѣстиславе
500 храбраа мысль носить
ваю оумъ на дѣло
высоко плаваеши
на дѣло въ боуести
яко соколъ на вѣтрехъ ширямася
хотя пѣтицю въ боуиствѣ одолѣти
соуть бо оу ваю желѣзными панорзи
подъ шеломи латиньскыми
тѣми тресною землѣи мѣногы страны
хынова литѣва ятѣвѣзи деремела

510 и половѣци соулицѣ своѣ повьргоша
а главы своѣ поклонѣша
подѣ тыѣ мечѣ харалоужьныѣ

нѣ оуже кѣнаже
игорю оутырѣ съльнѣю свѣтъ
а дерево не бологомѣ лѣствѣе сѣрони
по рѣеи и по соулѣ гради подѣлиша
а игорева храбраго пѣлкоу не крѣсити

донѣ ти кѣнаже кличеть
и зоветь кѣнази на побѣдоу

520 ольговичѣ храбрыѣ кѣнази
доспѣли на брань

ингварь и всеволодѣ
и вси трие мѣстиславличѣ
не хоуда гнѣзда шестокрильци
непобѣдными жеребѣи
собѣ власти расхытитете
кое ваши златыѣ шеломы
и соулицѣ лацькыѣ и щиты
загородите полю ворота

530 своимѣ острыми стрѣлами
за землю роуськоюу
за раны игоревы
боуего сватѣславлича

Оуже бо соула не течеть
сѣребреными строуами
кѣ градомѣ переяславлѣ
и двѣна болотомѣ течеть
онымѣ грознымѣ полочаномѣ
подѣ кликомѣ поганыхѣ

540 единѣ же изславѣ
сынѣ васильковѣ
позвони своимѣ острыми мечѣи
о шеломы о литовьскыѣ
притрепа славоу
дѣдоу своемуу вѣсеславоу
а самѣ подѣ чѣрлеными щиты
на кровавѣ травѣ
притрепанѣ литовьскыми мечѣи

и съхоти ю на кровь
 550 ать и рекъ^{мо}

дружиноу твою кѣнѣже
 пѣтицѣ крилы приодѣша
 а звѣри кровь полизаша

не бысѣтъ тоу брата брачислава
 ни друугаго всеволода
 единѣ же изрони женьчюжьноу доушоу
 ис храбра тѣла через злато ожереліе

оунылы голоси пониче веселіе
 трубы трубать городеньскыѣ

560 ярослав^{ли} и вси вѣноуци вѣсеслави
 оуже понизитъ стѣзи свои
 вонзитъ свои мечи верезени
 оуже бо выскочисте из дѣднѣѣ славы
 вы бо своими крамолами
 начасте наводити поганыѣ
 на землю роуськоюу
 на жизнь вѣсеславию
 которою бо бѣше насиліе
 отъ земли половецкыѣ

570 **Н**а седьмомъ вѣдѣ троіани
 вѣрже вѣсеславъ жеребин
 о дѣвицю собѣ любоу
 тѣи клюками подѣпърѣса окони
 искочи къ градуу кыевоу
 и дотѣчеса строужнемъ
 злата стола кыевьскаго

скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
 въ пѣльночи из бѣлагограда
 обѣсиса синѣ мѣглѣ

580 оутѣрже вазни съ три коусы
 отъвори ворота новоугородоу
 расшибе славоу ярославоу
 скочи вѣлкомъ до немигы съ доудоутокъ

на немизѣ снопы стелють головами
 молотѣть чепы харалоужьными
 на тоцѣ животъ кладоуть
 вѣють доушоу отъ тѣла

590 немизѣ кровави берези
не бологомь бахоуть посѣяни
посѣяни костьми роуськихъ сыновъ

всеславъ кнѣзь людемъ соудаше
кнѣземъ грады радаше
а самъ въ ночь вълкомь рискаше
ис кьева дорискаше
до коуръ тьмоуторокана
великому хърсови
вълкомь поуть прерискаше

600 томоу въ полотьскѣ позвониша заоутренюю
рано оу свѣтъѣ софѣи въ колоколы
а онъ въ кьевѣ звонъ слыша
аще и вѣща доуша въ друзѣ тѣлѣ
нъ часто бѣды страдаше
томоу вѣщен боианъ
и първое приѣвъкоу съмыслени рече

ни хытроу ни гораздоу
ни пѣтицю гораздоу
соуда божиа не мпоути

610 **О** стонати роуськой земли
помѣноувѣше първоюю годиною
и първыхъ кнѣзеп
того стараго владимѣра
не льзѣ бѣ пригвоздити
къ горамъ кьевьскимъ
сего бо нынѣ сташа
стази рюрикови
а друзии давидови
нъ розѣно сѣ имъ
хоботы пашють кониа поють

620 **Н**а доунаи ярославниинъ
гласъ сѣ слышитъ
зегъзицею незнаемъ
рано кычетъ

полечю рече зегъзицею по доунаеви
омочю бебранъ роукавъ въ рѣцѣ въ кагалѣ

оутьроу кѣнѣзю кровавыѣ его раны
на жестоуѣмъ его тѣлѣ

ѣрославѣна рано плачетъ
въ поутивли на забралѣ а рѣкоучи

630 о вѣтрѣ вѣтрило
чемоу господине
насилъно вѣеши
чемоу мычеши
хыновскыѣ стрѣлѣкы
на своєю нетроудною крильцю
на моеѣ лады вои
мало ли ти бѣшетъ горѣ
подѣ облакы вѣяти
640 лелѣючи корабли
на синѣ морѣ
чемоу господине
мое веселіе
по ковылію развѣя

ѣрославѣна рано плачетъ
поутивлю городоу
на заборолѣ а рѣкоучи

о дѣнепре словоутицю
ты пробилѣ еси каменныѣ горы
сквозѣ землю половецькоюу
650 ты лелѣялѣ еси на собѣ
свѣтослави носады
до пѣлкоу кобѣкова
възлелѣи господине
мою ладоу къ мыѣ
а быхѣ несъзала
къ немуу слезѣ
на море рано

ѣрославѣна рано плачетъ
въ поутивли на забралѣ а рѣкоучи

660 свѣтѣлое и тресвѣтѣлое сѣльце
въсѣмъ тепло и красъно еси
чемоу господине простѣре
горачною своєю лоучю на лады вои
въ полѣ безводнѣ
жажею имѣ лоучи съпраже
тоугою имѣ тоулы затѣче

Прысноу море полунощи
идоуть съморщи мъглами
игореви кѣназю
богъ поуть кажеть
670 из земли половецкыѣ
на землю роусьскоую
къ отьню златоу столоу

погасоша вечероу зори
игорь сънить игорь бѣдить
игорь мыслино полѧ мѣрить
отъ великаго доноу
до малаго доньца

комонь въ полуночи
овлоуръ свистноу за рѣкою
680 велить кѣназю разоумѣти
кѣназю игорю небыть кликноу
стоукноу земля въшюмѣ трава
вежи сѧ половецкыѣ подвизашасѧ

А игорь кѣназь поскочи
горьностаемъ къ тростниоу
и бѣлымъ гоголемъ на водоу
въвържесѧ на бѣрзѣ комонь
и скочи съ него босымъ вѣлкомъ
и потече къ лоугоу доньца
690 и полетѣ соколомъ подѣ мъглами
избиваѧ гоуси и лебеди
завѣтрокоу и обѣдоу и оужинѣ

коли игорь соколомъ полетѣ
тогда вѣлоуръ вѣлкомъ потече
троусѧ собою студеноую росоу
претѣргоста бо своя бѣрзаѧ комона

700 Донець рече
кѣнаже игорю
не мало ти величина
а коньчакоу нелюбина
а роусьскои земли веселина

игорь рече о доньче
не мало ти величина
лелѣвавъшю кѣназѧ на вѣлнахъ

710 стълавъшно емоу зелѣноу травоу
на своихъ сѣребреныхъ березѣхъ
одѣвавъшно его теплыми мъглами
подъ сѣнню зеленоу древоу
стрешаше его гоголемъ на водѣ
чанцами на строуяхъ
чърнадьми на ветрѣхъ

не тако ли рече рѣка стоугна
хоудоу строую имѣа
пожърши чюжи роучьи и строугы
ростьрена къ оустоу
оуношо кънѣзю ростиславоу затвори
дѣнь при темьнѣ березѣ

720 дѣньпри темьнѣ березѣ
плачеться мати ростиславѣ
по оуноши кънѣзи ростиславѣ
оуныша цвѣти жалобою
и древо съ тоугоу
къ земли прѣклонило

А не сорокы вѣтроскоташа
на слѣдоу Игоревѣ
ѣздитъ гѣзакъ съ коньчакомъ

730 тогда врани не граахоуть
галици помѣлкоша
сорокы не троскоташа
полозие пѣлзоша

только дѣтлове текѣтомъ
поуть къ рѣцѣ кажють
соловини веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдають

мѣлвить гѣзакъ коньчакови
аже соколъ къ гнѣздоу летить
соколича рострѣлѣвѣ
своими злачеными стрѣлами

740 рече коньчакъ ко гѣзѣ
аже соколъ къ гнѣздоу летить
а вѣ сокольца опоутаевѣ
красьною дѣвицею

и рекъ гъзакъ къ коньчакови
аще его опоутаевѣ красьною дѣвицею
ни нама боудеть сокольца
ни нама красьны дѣвице
то почьноуть наю пѣтици
бити въ полѣ половецькомъ

750 **Р**екъста боанъ и ходына
сватъславѣ пѣснотворьца
старого веремени
арославѣ и ольгова
когана хоти

тажько ти головѣ кромѣ плечю
зъло ти тѣлоу кромѣ головы
роуськои земли без игора

760 сьлнце свѣтиться на небесѣ
игорь кнѣзь въ роуськои земли
дѣвици поють на доунаи
вьютсяа голоси чрес море до кыева

игорь ѣдетъ по боричевоу
къ сватѣи богородици пирогощен

страны ради гради весели
пѣвъше пѣснь старымъ кнѣземъ
а по томъ молодымъ пѣти
славоу игорѣ сватъславича

боун тоура вьсеволода
владимѣра игоревича

770 здрави кнѣзи и дружина
побараи за христьяны
на поганьѣ пѣлкъ

кнѣземъ слава
а дружинѣ
аминь

ПРИМЕЧАНИЯ К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

Каждое примечание начинается с номера строки (по нумерации стиховой записи), после двоеточия приведено комментируемое слово, после тире — наш комментарий. Описание основных принципов реконструкции (в частности, обоснование восстановления двойственного числа и слабых редуцированных во всех случаях, кроме позиции внутри уже ассимилированного сочетания согласных) см. в статье А. В. Дыбо (с. 419–464).

Разночтения издания 1800 года (*П.*) и рукописной копии, снятой для Екатерины II в 1790-х годах (*Ек.*), см. на с. 465–474.

7: **тъи** — нормальная для северозападных орфографий графическая замена *о* на *ѣ* (этимологическое *тои*).

8: **времени** — условно сохраняем форму *П.* и *Ек.*, хотя в принципе для протографа возможны другие написания. Ср. *Смол.* 1229: *что ся дѣеть по вѣрьменьемъ то отидето по вѣрьменьемъ* — в переводе на стандартную орфографию *что ся дѣеть по веремьнемъ то отидеть по веремьнемъ*.

12: **пѣсѣѣ** — *пѣсѣ Ек.*, может отражать графическую замену *ѣ* на *ѣ* в бытовой орфографии в протографе.

13: **растѣкашетьсѣ** — в *П.*, *Ек.* *-тсѣ* — очевидно, *ерь* опущен в результате снесения выносной буквы из написания в рукописи XVI в. *растекашетьсѣ*.

16: **речь** — *речь П.*, *ръчь Ек.*; вместо *рече*, 3 л. аориста. Такое написание в протографе, возможно, отражает графическую замену *е* на *ѣ*.

21: **которыѣ** — *П.*, *которы Ек.* Форма род. ед. жен. адъективного склонения условно восстановлена в архаическом виде, см. статью.

22: **пѣсѣѣ** — *пѣсѣ П.*, *пѣсѣ Ек.* — скорее всего, в протографе было выносное *н* (**пѣсн*), потерянное при издании; переписчик *Ек.* вставил *ять*, ориентируясь на предыдущие написания.

23: **ярославоу** — *ярослову П.*, *ярославу Ек.* — в *П.* ошибка издателя, либо сохранение описки писца: замены *а* на *о* под влиянием окружающих слогов *о* и *оу*.

31: **живыѣ** — так *П.*, *живая Ек.*, возможно, описка — частичное предвосхищение из *живыѣ*, т. е. из церковнославянизированной записи нашей восстановленной формы.

32: **они же сами** — так *П.*, *Ек.* — явление, возможное как для переписчика XVI в., так и для протографа, подробнее см. статью.

39: **напльнивѣсѣ** — так *П.*, *-вся Ек.* — очевидно, *ер* опущен в результате снесения выносной буквы из написания в рукописи XVI в. *напльнивѣсѣ*. В дальнейшем аналогичные случаи комментировать не будут.

41: **половѣцькоюу** — подробно о принципах реконструкции написания таких форм в протографе см. статью.

49: **лоуце жѣ** — так *П.*, *Ек.*, вместо *жѣ*. Может отражать графическую замену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

54: **похоть** — *П.*, *похотѣ Ек.* — описка-предвосхищение *и* вместо *ѣ*.

68, 72: **чрес** — *П.*, *чресѣ Ек.*, вставка *ѣ* скорее поздняя, о чем свидетельствует оглушение.

82: **рече** — так *П.*, *речь* *Ек.* — видимо, в рукописи было выносное *ч* (*реч).

93: **възлелѣани** — *възлелѣяны* *П.*, *възлѣлѣяни* *Ек.*

95: **поути** — такая форма (не *поутие*) возможна для XII в., см. статью.

96: **яроугы имъ знаемн** — см. примечание к строке 32.

103: **собе чьсти** — так *П.*, *чти* *Ек.* — по-видимому, результат устранения выносной буквы в рукописи: *чсти. Для протографа следует ожидать чтения на два слога, ср. в новгородских берестяных грамотах: *чистити* с предвосхищением *и* (грамота 831).

104: **славы** — так *П.*, *славъ* *Ек.*; такие формы род. ед. мягкого варианта мы предпочитаем считать принадлежащими псковскому переписчику XVI в., см. статью.

106: **въ златъ стремь** — в *П.* *злата стремь*, что может быть опиской и по отношению к форме двойственного числа (тогда *злата стремени), и единственного. В *Ек.* *златъ стремь*.

108: **тъмоу** — так *П.*, *тмоу* *Ек.* Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

110–111: **свистьмъ звѣри нъ възби^са** — *свистъ звѣринъ вѣста зби* *П.*; эти слова отсутствуют в *Ек.* В принятом А. Ю. Черновым варианте, который взят здесь за основной, предполагается потеря выносных букв и случайное внесение в текст поздней приписки. Максимально простая правка, возможная для этого места, дает: *нощъ стоноуци емоу грозоу пѣтичь оубоуди | свистъ звѣринъ вѣста | сбися дивъ...* Здесь только устранена поздняя ассимиляция *зби* и предположена потеря выносного *с*: *сбис. В этом случае имеем простой перевод: ночь, стояя ему грозой, перебудила птиц (вин. ед. от собирательного *пѣтичь*, неоднократно в «Слове»), звериное (возм. возможно, зменное — ср. у Георгия Амартола: *И не живетъ в нихъ никтоже страха ради зверина ядовита* Срезн. 1, 965) шипение (ср. *змии страшень свистанием своимъ* Слово Даниила Заточника) поднялось. Забился (всполошился) Див.

116: **тъмутороканьскыи** — *тъмутороканьскый* *Ек.*, *тъмутораканьскый* *П.*; в *П.* описка-предвосхищение *а*.

123: **по дѣбно** — *по добуо* *П.*, *Ек.*; Видимо, потеряны хвостики «ука», который мог появиться в XVI в. (или раньше) вместо диграфа *оу*.

124: **въсѣрошати** — так *П.*, *вѣсрожати* *Ек.* — по-видимому, имеется в виду глагол *всрашити* «возбуждать» — в такой форме в церковно-славянских памятниках болгарского происхождения. (Назианзин, панд. Антиоха, Иоанн Экзарх, т. е. с неполногласием); *всрошити* — Март. прол., *всрошитися* — «горячиться» Никон. пандекты. Этимология слова: из *vъz-soršiti, ср. *шершавый*, *Фасмер*. Т. III. С. 725. -*Сро-* скорее указывает на полногласную форму, записанную с первым *ѣ* — см. в статье о записи полногласных сочетаний. В брянских диалектах отмечено *восрашитъ* — *въсѣрошитъ*, *возбудитъ*, *разбередитъ* — *Козырев* 1975. С. 66; эта форма фонетически объяснима только как церковно-славянское заимствование и не может считаться прямым рефлексом формы из «Слова». Возможно, в почерке копии XVI в., с которой работали издатели XVIII в., буквы *ш* и *ж* были близки по начертанию, ср. аналогичную ошибку *пардуже* вместо *пардуше*.

128: **шеломенемь** — *шеломянемь П., шоломянемь Ек.*; аналогическое *я* позднее, в Новгороде появляется только со второй половины XIV в. (ДНД. С. 117).

131: **мъгла** — так *П., мъгла Ек.* Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

133: **оубоуди^{с^а}** — *убуди П., Ек.* Но управление глагола требует предположения об утрате выносного с: *оубоуди^с.

135: **перегородиша** — *прегородиша П., Ек.* Для протографа маловероятно сочетание неполногласной приставки и полногласного корня в одной словоформе.

136: **чьсти** — см. примечание к строке 103. Далее эта поправка не комментируется.

137: **пѧтъкъ** — *пѧтъкъ П., пѧкъ Ек.*; очевидно, в *П.* снесена, а в *Ек.* утеряна выносная буква: *пѧтъкъ.

139: **расоуша^{с^а}** — *рассушясь П., рассушась Ек.*; очевидно, снесено выносное с: *расоуша^с.

146: **половѣцькыми** — графическое *ять* вместо *еря*, см. статью.

155: **не было нъ** — см.: СПИВЛ. С. 185.

167: **синѣѡ** — *сини П., Ек.*; архаическая форма восстанавливается условно, см. статью.

169: **пти** — *итти П., Ек.* — позднее написание.

176: **землѣ** — графическое *ять* вместо *е*, см. статью.

177: **оуже за шеломенемь** — *уже не шеломянемь П., Ек.* — позднейшая ошибка. См. примечание к строке 128.

187: **остоупиша** — *отступиша П., Ек.* — наверняка позднейшая ошибка; обычно правят на *остоупиша*, т. е. «обступили».

189: **перегородиша** — *прегородиша П., Ек.* См. примечание к строке 135.

192: **всеволодѣ** — графическое *ять* вместо *е*, см. статью.

219: **тъмоуторокани** — мена слабых еров, вместо *тъмоуторокани*, ср. выше. Из тюрк. *tamantarkan*, *Фасмер*. Т. IV. С. 65–66.

220: **то же** — графическая замена *ъ* на *о*, свойственная ранним бытовым орфографиям, см. статью.

222: **а сынѣ всеволожь** — перестановка союза *а* по смыслу — ср.: СПИВЛ. С. 340.

229: **за обидоу за ольговоу** — повтор предлога вставлен в реконструкцию из ритмических соображений; синтаксически такая конструкция широко распространена в древнерусском, см.: ДНД. С. 166, ср.: СПИВЛ. С. 77–78.

232: **полелѣѡ** — *повелѣѡ П., Ек.* — очевидно, поздняя описка.

238: **въ княжахѣ** — *въ княжихѣ П., Ек.* В принципе для протографа возможно еще *в княжьихѣ*; о последнем типе форм см.: ДНД. С. 124 (*робьихѣ*).

239: **съкратиша^{с^а}** — *скратишась П., Ек.*; очевидно, снесено выносное с: *скратиша^с.

241: **рѣтко** — редуцированный не восстанавливается из-за ассимиляции.

241: **ратаевѣ** — графическое *ять* вместо *е*, см. статью.

243: **троупиѡ** — *трупѡ П., Ек.*; *-ia* — графика XVI в. СПИВЛ. С. 80.

247: **сицеѣ** — *сице и П., Ек.*; для протографа условно восстанавливается архаическая форма, см. статью.

252: **харалоужьнаа** — *харалужьня П., Ек.*, считаем поздней (псковской) заменой, см. статью.

254: **половецькыѣ** — *половецкыи П., Ек.* Форма род. ед. жен. адъективно-го склонения условно восстановлена в архаическом виде, см. статью.

272: **на березѣ** — *на брезѣ П., Ек.*, полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

272: **быстрыѣ** — *быстрои П., Ек.* Форма род. ед. жен. адъективного склонения условно восстановлена в архаическом виде, см. статью.

281: **а древо сѧ тоугою <...> преклонило** — *древу стугою <...> преклонилосѧ П., Ек.* Считаем, что *с* — снесенная выносная буква (*древосѧ), обозначающая возвратную частицу *сѧ*. Относительно позиции *сѧ* в протографе и появления в переписанном тексте XVI в. двойного *сѧ* см.: СПИВЛ. С. 53.

289: **лебединыма крылома** — *лебедиными кры/шлы П., Ек.*; для протографа восстанавливаем двойственное число, см. статью и СПИВЛ. С. 41.

291: **веремѧ** — *времена П., Ек.*; полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

305: **карьна** — *карна П., Ек.*; СРНГ. Т. 13. С. 96 стандартное уменьшительное *карнуша* «трясавица, лихорадка» — онеж. Восстанавливаем как *карьна* «мучение» — субстантивированное прилагательное от *кара* «оплакивание», от которого др.-русск. глагол *карити* «оплакивать» (*Ипат.*), сербск.-цслав. *карьба* «забота», польск. *kaг* диал. «поминки», словц. *kaг* — то же. *Кара* «оплакивание», видимо, заимств. из д.-в.-н. *kaга, chaga* «оплакивание, траур», гот. *kaга* «забота» *Фасмер*. Т. II. С. 199–200 (вопреки Фасмеру, альтернативное возведение к *коритѣ* плохо по семантике и фонетике).

306: **жыѧ** — *жля П., Ек.*, восстанавливаем для протографа написание *ѣ* в значении *е*.

308: **людѣмѧ** — вставлено по *Ек.*

310: **въсплакаша^{сѧ}** — *въсплакашѧ П., Ек.*: очевидно, снесено выносное *сѧ*. **въсплакаша^{сѧ}*.

313: **съдоумати** — ср. *Смол. съдоумавѣ 1229 В, здоумае 1150.*

322: **роуськыѣ** — *рускыи П., Ек.* Форма род. ед. жен. адъективного склонения условно восстановлена в архаическом виде, см. статью.

329: **та бо дѣва** — *ти бо два П., Ек.* — поздняя правка, см.: СПИВЛ. С. 41. Отметим созвучие *оТЪ ДВОРА* — *ТА БО ДѢВА ХРАБРАЯ*.

331: **оубоуди^{ста}** — *убуди П., Ек.*, по-видимому, потеря выносных букв.

333: **ею** — *ихѣ П., Ек.*, исправляем на двойственное число, см. статью и СПИВЛ. С. 41.

340: **възмоути** — *взмути П., Ек.* *в'змути* (с паерком).

340: **озера** — *озеры П., Ек.*, считаем поздней (псковской) заменой, см. статью.

345: **вихърѣ** — *вихръ П., Ек.*, считаем поздним (псковским) отверждением, см. статью. Внутрисловный *ѣ*, вопреки нормативной форме русского литературного языка — этимологический, ср. *вѣхорѣ* у Пушкина и славянские

параллели: укр. *віхор*, др.-русск. *вихърь* (XI в.), болг. *вѣхър*, сербохорв. *вѣхър*, словен. *vihar* «завиток волос», словц. *višhor*, польск. *wicher*, в.-луж., н.-луж. *wichor* (Фасмер. Т. I. С. 324).

356: **высѣдѣ** — вопреки *СПИВЛ*. С. 40, *-дѣ* вместо *-де* не обязательно поздняя правка, может быть принадлежностью протографа, см. статью.

364: **одѣвахоуте** — *одѣвахѣте П., Ек.*; *ѣ* ошибка, возможно, вместо юса большого; *-те* — написание *e* вместо *ь* может быть принадлежностью протографа.

366: **на кровати** — так *Ек.*; *на кровати П.*, возможно, отражает позднее (псковское) отверждение.

371: **женьчюгъ** — *женчюгъ П., Ек.*, вместо этимологического *-гъ*. Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью. *Женьчюгъ*, с ерем между *и* и *ч* — на кресте Евфросиньи Полоцкой. Для протографа можно восстановить графический ерь на конце.

373: **дѣскы** — так *П., дѣскы Ек.*; может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

373: **бес** — *безъ П., Ек.*; ориентируясь на общее правило и другие аналогичные случаи в «Слове», считаем такое написание поздней правкой.

376: **боусови** — в *П., Ек.* перестановка гласных: *босуви*.

377: **оу плѣсьньска** — *у плѣньска Ек., у плѣсьньска П.*; очевидно, в *Ек.* потеряна выносная буква.

378–379: **бѣша дѣбрьскы сани и несоша^{сх}** — *бѣша дѣбрь кисанѣ и не сошю П., Ек.*; темное место. Наша правка предполагает потерю выносных букв, ошибочное прочтение *и* с расплывшейся правой мачтой как *ю* и *а* с затертым низом как *л*.

384: **тьмоутороканѣ** — см. примечание к строке 219.

388: **самою** — *самаю П., самого Ек.*; в *П.* описка издателя, в *Ек.* неправильное прочтение *ю* как *го*.

388: **опоутаѣ** — так *Ек.*, в *П.* бессмысленное *опустоша*.

391: **помѣркоста** — графическая замена еря на ять.

393: **съ нима** — *съ нимѣ П., Ек.* — ошибка XVIII в.

395: **тьмою** — так *П., тмою Ек.*, вместо *тьмою*. Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

400: **пардоуше** — *пардуже П., Ек.*, видимо, в рукописи буква *ш* была частично затерта (но были видны три мачты); восстанавливаем правильное притяжательное прилагательное от *пардоушь* «генард».

401: **въ морѣ** — графическая замена конечного *e* на ять.

403: **подаста** — *подасть П., Ек.* Относительно перестановки строк 401–403, которые, разумеется, и по смыслу, и по морфологии должны стоять после *ся поволокоста*, см. *СПИВЛ*, *Мещерский*, *Бурькин* и др. Оставление их в реконструкции на том же месте, что в дошедших источниках, предполагает использование здесь автором «Слова» тмеса, что возможно, хотя синтаксически затруднительно (общая для двух возвратных глаголов клитика *ся* осталась в первом куске, что предполагает контактное — в соседних синтагмах — расположение двух глаголов; в случае сознательного

разнесения синтагм автор должен был бы повторить клитику: *ся подаста линови*).

405: **ноужа** — *нужда П., Ек.*; считаем поздним церковнославянизмом, *ноужа* лучше аллитерирует с *вържесея*.

408: **березѣ** — *на брезъ П., Ек.*, полногласие восстановлено по эфоническим соображениям.

410: **верема** — *время П., Ек.*, полногласие восстановлено по эфоническим соображениям.

415: **съ слезами** — в *П., Ек. слезами*, пропуск предлога *съ*.

426–427: **съкованѣ** <...> **закаленѣ** — *скована* <...> *закалена П., Ек.* Мы восстанавливаем правильно двойственное число, в частности, из-за рифмы *съкованѣ* — *закаленѣ* — *сѣдинѣ*, но допускаем, что в протографе могли быть и формы на *-а*, см.: СПИВЛ. С. 38-39.

430: **вижю** — *вижду П., Ек.*; считаем поздним церковнославянизмом; восстанавливаем древнерусскую форму ради созвучия с *оуже*.

443: **переднюю** — *предною П., Ек.*, полногласие восстановлено по эфоническим соображениям.

447: **въ мытехъ** — так *П.*; *въ мытьхъ Ек.*

448: **пѣтиць** — *птиць П., птиць Ек.*

450: **ми** — позиция энклитики *ми* указывает на ритмико-синтаксический барьер между *зго* и *княже*, см.: ДНД. С. 187.

452: **римъ**^{ва} — *римъ П., Ек.* Историческое название города — Римовъ. Предположение о потерянных выносных буквах (и написании *ѣ* в значении *о*) позволяет, кроме того, установить дальнюю аллитерацию с *володимѣрь*, хотя в принципе для протографа вполне возможно и *оу римъ*.

468: **не ваю ли бояре** — *П., Ек. не ваю ли злачеными*; предполагается пропуск слова, обычно вставляют *вои* (пропуск такого слова после *ваю* легко объясняется). *Бояре* лучше семантически (ср. позолоченные шлемы), дает аллитерацию с *бои рюриче* и более дальнюю с *по крови*; впрочем, труднее объяснить пропуск такого слова. Возможно, *были*? В этом случае семантика та же, что у *бояре*, аллитерационно слово подстраивается к *ваю ли* и далее к *плаваша*; пропуск легко объясним, например, тем, что переписчик счел *были* очередным — уже бессмысленным в его время — комплексом частиц-клитик (слово *быля* «боярин», болгарское заимствование, к XVI в. уже было неупотребительно).

476: **въ злата стремени** — *въ злата стремь П., Ек.*; традиционно исправляют на двойственное число *стремени*; ср. рифму с *времени*.

478: **за землю** — *зане землю Ек.* — ошибка? Отражение выносного *не* (*времене)?

481: **галичкѣи** — *галичкы П., Ек.* — позднейшая переинтерпретация записи *ѣi* (ер + *i*)?

481: **осмомыслѣ** — так *П.*; *осмомысле Ек.*; в протографе — графическая замена *e* на *ѣ*.

483: **златокванѣмь** — *златокванѣмь П., златокванемь Ек.* — поздняя интерпретация.

488: **беремены** — *времены П., Ек.*, традиционно (согласно выписке Н. М. Карамзина) правят по смыслу на *бремены*. Полногласие восстанавливаем по эвфоническим соображениям.

488: **через** — *чрезь П., Ек.*; полногласие восстанавливаем по эвфоническим соображениям, редуцированный на конце этого предлога явно не читался (ср. выше *чрес* с ассимиляцией по глухости).

491: **отъворæши** — *оттворяеши П., отворяеши Ек.*

493: **салтъани** — так *Ек.*, в *П. салтани*. Вероятно, окончание *-и* в винит. падеже — новация XVI в. (но, кажется, возможно и для протографа); см. подробно на статью.

501: **ваю** — *вась П., Ек.*; традиционно правят на двойственное число. Или все же псковское *с-канье* из *вашь*?

523: **трие** — *три П., Ек.*, условно восстанавливаем архаическую форму.

525: **жеребии** — *жребии П., Ек.*; полногласие восстановлено из эвфонических соображений.

536: **къ градо^{мъ} переяславлæ** — *къ граду переяславлю П., Ек.* В таком чтении фраза содержит географическую ошибку; правим с предположением неправильной интерпретации выносных букв кем-то из переписчиков.

543: **о шеломы о литовскыѣ** — дублирующий предлог вставлен из эвфонических соображений. Относительно этой конструкции в «Слове» см.: СПИВЛ. С. 77–78.

549–550: **и съхоти ю на кровъ ать и рекъ^{мо}** — *исхоти ю на кровать и рекъ П., Ек.* Здесь наша реконструкция предполагает еще одну (кроме *дивицю*) замену *ь* на *и* (*схотъ), что для «Слова» нехарактерно (но возможно для псковского списка XVI в.). Форма *рекъмо* восстанавливается по эвфоническим соображениям, синтаксически здесь возможно *рекъ* — сказуемое в форме неизменяемого причастия прош. вр., т. е. деепричастия — см.: ДНД. С. 182, 184.

552: **пѣтиць крылы приодѣша** — *птиць крылы приодѣ П., Ек.*; можно было бы так и восстанавливать *пѣтиць крылы приодѣ* (с собирательным *птичь в качестве подлежащего); множественное число с *ь* в значении *ь* и потеря выносных букв предполагаются по эвфоническим соображениям.

554: **бысть** — *не бысь П., не бы Ек.*, пропуск выносной буквы.

554: **бръчслага** — *брячяслава П., брячаслава Ек.* Видимо, гласные ошибочно восстановлены после несения выносной буквы (*брячслага)

556: **женьчюжноу** — *жемчюжну П., жемчужну Ек.*, но ср. *женьчюгъ* выше и *женьчюгъ* на кресте Евфросиньи Полоцкой.

557: **ис храбра тѣла через злато** — *изъ, чрезь П., изъ, чрезь Ек.*; как было показано выше, предлоги в протографе читаются как безъеровые, с ассимиляцией. Полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

559: **городеньскыѣ** — *городеньскіи П., Ек.*, в протографе восстанавливается архаическая форма.

560: **ярославчн и вси вѣноуци въсеславчн** — *ярославе и вси вѣноуце всеслави П., Ек.*, пропущенное выносное *л* (следовательно, притяжательное прилагательное) восстанавливается по соображениям семантики. Соответственно предполагаем в псковском списке XVI в. *ярослав^{ле} и вси вѣноуце*, им. множ. на *-ь* с графической заменой на *-е*, см. статью.

561–562: **понизить** <...> **вонзить** — *понизить* <...> *вонзить* П. и Ек.; на конце графическая замена *e* на *ь*, восходящая, по-видимому, к старым бытовым орфографиям. См. примечание к строке 493.

563: **дѣднеѣ** — *дѣднеи* П., Ек., восстановлена архаическая форма.

563: **славы** — П., Ек. *славъ*, считаем, что это написание из псковского списка XVI в., см. статью.

569: **половецкыѣ** — *половецкыи* П., Ек., здесь восстановлена архаическая форма.

573: **окони** — частица в значении «как бы». См.: СПИВЛ. С. 93–94.

578: **въ пълъночи** — возможно, поздняя вставка предлога, см.: СПИВЛ. С. 77.

578: **бѣлагограда** — *бѣла-града* П., Ек., полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

581: **ворота новоугородоу** — *врата нову-граду* П., Ек., полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям: *отъВОРи ВОРота ноВоугОРодоу*.

588: **берези** — *брезъ* П., Ек., морфологическая форма из псковского списка XVI в. Полногласие восстановлено по эвфоническим соображениям.

617: **нѣ розѣно сѧ** — *рози нося* П., Ек., видимо, неверная интерпретация восстанавливаемой записи, в которой *нѣ* — графическая замена *ь*.

620: **гласъ сѧ слышитъ** — *гласъ слышитъ* П., Ек., видимо, потеря выносной буквы *с*, стоявшей над *с* (*гласъс слышитъ). Такой порядок слов более вероятен, чем *слышиться*, ср.: СПИВЛ. С. 52.

621: **незнаемъ** — графический *ь* вместо *ять*.

624–626: **омочю бѣбранъ роукавъ въ рѣцѣ въ каляѣ...** — *омочю бѣбранъ рукавъ въ каяль рѣць* П., Ек., что допустимо для протографа и демонстрирует те же аллитерации; предлагаемые перестановки позволяют восстановить не просто аллитерацию, но род рифмовки *рѣць* — *жестоцьмѣ, каяль* — *тъль*.

636: **горѣ** — *горь* П., Ек., видимо, неправильная интерпретация *ять*.

647: **ты пробилъ еси** — ср. обсуждение этого и следующего нестандартных употреблений местоимения *ты* в СПИВЛ. С. 48–50 (тезисы: по раннедревнерусской норме *ты* здесь излишне; все же в ранних текстах есть случаи употребления *ты* в похожих позициях, и во всех этих случаях можно предполагать на *ты* эмфазу, то есть логическое ударение; для данного случая, однако, более правдоподобно предполагать вставку позднейшего переписчика, поскольку в Задонщине соответствующие места не содержат *ты* и тем самым соответствуют ранней древнерусской норме). Мы все же предпочитаем считать, что *ты* здесь — не поздняя вставка, а эмфатическое употребление.

662: **лады** — *ладъ* П., Ек., форма, возникшая, видимо, в псковском списке XVI в.

664: **жажею** — *жаждею* П., Ек.; церковнославянизм снят из эвфонических соображений.

667: **сѣморци** — восстанавливаем *сѣ-*, поскольку этимологически это, скорее всего, приставка, ср. формы в *Фасмер*. Т. III. С. 686.

673: **зори** — *зари* П., Ек., в др.-рус. и ст.-слав. встречается и *заря*, и *зоря*. Здесь восстановлено *зо-* по эвфоническим соображениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

678: **въ полоуночи** — так *П.*, *Ек.* с предлогом. По *СПИВЛ.* С. 77 — это поздняя вставка предлога.

679: **свисѣноу** — *П.*, *Ек.* *свисну*; потеря выносной буквы?

685: **горьностаемь** — *горнастаемь П.* — описка-предвосхищение *а. горностаемь Ек.* Этимология не вполне ясна (см.: *Фасмер.* Т. I. С. 442–443); славянские параллели требовали бы рус. *гороностаи; зафиксированные диалектные формы указывают на контаминацию с *горьныи*.

706: **березѣхъ** — *брезѣхъ П.*, *Ек.* Полногласие восстановлено по эфоническим соображениям.

707: **мѣглами** — так *П.*, *мглами Ек.*, вместо *мѣглами*. Может отражать графическую мену слабых еров, свойственную орфографии протографа, см. статью.

709: **его гоголемь** — *е гоголемь П.*, *Ек.*, исправляем пропуск.

717: **дѣнѣ при темьѣ березѣ** — видимо, строка пропущена переписчиками (или издателями) из-за графического сходства со следующей; восстановлена по смыслу.

718: **дѣнѣпри темьѣ березѣ** — *днѣпръ П.*, *Ек.* — возможно, ошибка издателя/переписчика вместо *ъ*, появившегося в псковском списке XVI в. вместо *-и* — (о морфологических особенностях см. статью).

719: **ростиславѣ** — *ростиславя П.*, потеря выносной буквы. *ростиславля Ек.*

721: **цвѣти** — *цвѣты П.*, *Ек.*, правим на архаическую форму по аллитерационным соображениям, см. статью.

722–723: **и древо сѧ тоугою къ земли прѣклонило** — *и древо стугою къ земли прѣклонило П.*, *и древо стугою къ земли преклонило Ек.* См. примечание к строке 281.

730: **полозие** — *полозю П.*, *Ек.* — видимо, ошибка.

733: **пѣсьми** — *пѣсьми П.*, *пѣсьми Ек.*

743: **и рекъ** — так *Ек.*; причастие, хорошо согласуется с аллитерационными потребностями. В *П.* *и рече*.

749: **рекѣста** — по грамматическим соображениям можно и не вставлять *-ста*: тогда это сказуемое в виде неизменяемого причастия прошлого времени, т. е. деепричастия, конструкция допустима для XII в. — см.: *ДНД.* С. 184. Выносное *-ста* аллитерирует со *Святъславля* и *Стараго*.

750: **пѣснотворца** — *пѣснотворца П.*, *пѣснотворца Ек.*

752: **ярославѣ и ольгова** — союз *и* вставлен по смысловым причинам.

754: **головѣ** — *головы П.*, *Ек.*, что должно восходить к псковскому списку XVI в.

760: **чрес** — *чрезъ П.*, *чресъ Ек.*, восстанавливаем этимологически правильную форму (безъерovýй предлог).

А. В. Дыбо

А. В. Дыбо

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ТЕКСТА
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Здесь мы не обсуждаем проблемы подлинности «Слова» — интересующихся этим можно отослать к недавно вышедшему исследованию А. А. Зализняка (*СПИВЛ*). Отмечу только, что совершенно точным является наблюдение А. В. Исаченко, сочувственно цитируемое А. А. Зализняком (С. 13), согласно которому именно лингвисты никогда не имели сомнений в подлинности и древности «Слова». Будучи лингвистом, не могу не настаивать на том, что лингвистические аргументы в данном случае должны признаваться решающими просто потому, что из занятых в решении таких проблем наук — лингвистики, литературоведения, истории — лингвистика по своему устройству является наиболее близкой к естественным наукам, и ее выводы, соответственно, бывают наиболее проверяемыми.

Я также не ставлю в этой статье цели обзреть хоть в малой степени гигантскую литературу, посвященную особенностям древнерусского языка в «Слове о полку Игореве». Во-первых, это задача не для краткого очерка-комментария, во-вторых, после того, как А. А. Зализняком в конце 70-х годов XX века были по-новому прочитаны новгородские берестяные грамоты, историческая диалектология и историческая грамматика русского языка претерпели глубокие изменения. Это новое прочтение стимулировало в среде специалистов новое отношение к ряду особенностей уже читавшихся до того памятников — так сказать, большее доверие к писцу (хотя, конечно, основы такого отношения уже были заложены в трудах таких ученых как А. И. Соболевский, Н. Н. Дурново и Л. А. Булаховский). Лингвистическая работа, проделанная ниже, ведется с позиций прежде всего этой новой школы и в свете установленных ею новых данных.

Публикуя в приложении к своей книге текст «Слова», А. А. Зализняк пишет: «Мы никоим образом не ставим перед собой амбициозной задачи дать некий “наиболее правильный” текст произведения»

(СПИВЛ. С. 332). Можно согласиться с оценкой задачи, но понятно, что при этом она остается весьма соблазнительной, в частности, для лингвиста. Как соавторы мы с А. Ю. Черновым действовали здесь с разных сторон. Его постановку задачи можно сформулировать следующим образом: во-первых, предполагается, что существуют (и известны нам) общие для европейской поэзии с начала Средних веков и до нынешнего времени (в условиях относительно непрерывной традиции) критерии оценки поэтического произведения; во-вторых, из некоторых вкусовых соображений предполагается, что первоначальный текст «Слова» — хорошее и даже очень хорошее поэтическое произведение; в-третьих, из общих представлений о том, какие личности обычно становятся авторами очень хороших поэтических произведений, предполагается, что автор «Слова» адекватно описывал известные ему исторические события. Исходя из этих посылок и принципа минимальной правки, и сделан ряд конъектур, использованных А. Ю. Черновым в его прозаическом и стихотворном переводах «Слова» и комментариях.

Моя задача строилась также не на чисто лингвистических предпосылках. Во-первых, не подвергается сомнению подлинность «Слова», следовательно, предполагается существование некоторого протографа, написанного в конце XII — начале XIII века н. э. Во-вторых, предполагается, что произведение написано на хорошем языке своего времени и места, т. е. автор не строил грамматически неправильных и просто неуклюжих фраз и не допускал «стилистических ошибок», которые могли бы быть признаны таковыми практически в любом языке, имеющем морфологию. К таковым могут быть причислены слишком далекие катафорические и анафорические связи, особо сложные случаи синтаксической непроективности, одинаковое поверхностное оформление для нескольких единиц с разными функциями при одном и том же «хозяине» и некоторые другие¹. Кроме

¹ Слишком далекая анафора получается, например, если в некотором предложении текста сказано: «Петр убил Василия», — затем на протяжении целого абзаца рассказывается о рождении и воспитании Василия, без каких-либо упоминаний Петра, а следующее за этим абзацем предложение начинается со слова *он*, причём подразумевается Петр, а не Василий. Слишком далекая катафора — если в первом предложении сказано: «Он убил Василия», — далее, как в первом примере, а потом говорится про Петра, который и имелся в виду под первым *он*. Синтаксическая непроективность — явление, при котором член предложения, состоящий из нескольких слов, оказывается разорван другим членом предложения или его частью. В русском предложении, например, допустима такая непроективность: *снег начал медленно, но верно таять*. Здесь сказуемое *начал таять* разорвано обстоятельством *медленно*,

того, исходя из некоторых языковых и орфографических особенностей имеющегося текста (о которых см. ниже), я предполагала, что памятник XII–XIII века, лежащий в его основе, написан на древнерусском диалекте смоленско-полоцкого типа (к этому диалекту принадлежат ранние смоленские грамоты, известные по изданию *Смол.*, и надпись на кресте Евфросинии Полоцкой (1161 год), несколько берестяных грамот, вошедших в издание *ДНД*: новгородская № 246, с. 280, смоленская № 12, с. 344; смоленская № 9/8, смоленская № 5/7, с. 466 /поминание/, смоленская № 2/3, с. 521, и рядная Тешаты (до 1299 г.). Такая локализация оказалась по некоторым содержательным соображениям наиболее приемлемой и для А. Ю. Чернова. Языковые особенности памятника как светского литературного произведения позволяют сопоставить его с ранними летописными текстами: это касается количественного соотношения и общих принципов использования собственно древнерусских и церковнославянских языковых черт. Наконец, считается установленным, что рукопись, попавшая к А. И. Мусину-Пушкину, с которой копировались все дошедшие до нас источники — Екатерининская копия, выписки А. Ф. Малиновского, выписки Н. М. Карамзина и само Первоиздание — датировалась XVI веком. Исходя из этого, можно подойти к имеющимся вариантам текста «Слова» как к *слоеному пирогу*, и, постепенно снимая слой за слоем языковые и орфографические особенности, которые должны принадлежать иным временам и местам, оставить только то, что могло фигурировать в первоначальном смоленско-полоцком тексте XII–XIII века и от чего у нас нет формального способа отказаться².

но верно. В предложении *снег начал медленно таять, но верно* и сказуемое разорвано куском обстоятельства, и обстоятельство — куском сказуемого, они, так сказать, «переплетены». Это более сложная непроективная, чем в первом случае, и такое предложение кажется нам стилистически сомнительным. Одинаковое оформление двух единиц с разными функциями, зависящих от одного синтаксического «хозяина», получаем, например, в предложении *он годами пил вино бутылками* — два творительных падежа, зависимых от одного и того же сказуемого *пил*, один выражает обстоятельство времени, другой — способа действия. Предложение стилистически сомнительно. Впрочем, например, в латинской поэзии оба последних явления вполне разрешаются (но зато жестко регламентирована структура стиха).

² Ср. предлагавшуюся С. П. Обнорским модель с двумя древнерусскими диалектными переписчиками: псковско-новгородским XIII–XIV вв. и новгородским XVI в. Как указывает А. А. Зализняк (*СПИВЛ*. С. 94–95), эта модель нецелесообразна, поскольку, умножая сущности, проигрывает в объективности. Мы здесь отказываемся от этой модели еще и потому, что С. П. Обнорскому она была необходима, чтобы объяснить ряд отступлений от раннекиевского стандарта, имеющих также ранний характер; теперь, когда мы знаем, что тексты с большим количеством диалектизмов реальны для XII в., необходимость в гипотезе о переписчике XIV в. отпадает.

Таким способом и построен публикуемый текст. Это ни в коем случае не запись звучания первоначального текста «Слова», скорее попытка реконструкции его графико-орфографического представления (с определенными оговариваемыми отступлениями).

NB: разделение на стихи и словоразделы введены для удобства понимания текста, а не потому, что они были в протографе³.

Работали мы так. Все коньектуры, которые А. Ю. Чернов предлагал исходя из текстологических, ритмических и аллитерационных, а также чисто смысловых соображений, я проверяла с точки зрения того, возможно ли предлагаемое написание для текста XII века, каков мог быть его смысл (и соответствует ли он тому, как хочет его толковать мой соавтор), и не нарушается ли принцип минимальной правки, если принять конкретную коньектуру. Впрочем, если мои возражения ограничивались третьим (не собственно лингвистическим) пунктом, то в большинстве случаев коньектуры допускались в реконструированный текст. Предлагавшиеся мною правки в свою очередь оценивались А. Ю. Черновым с точки зрения их соответствия поэтике и эвфонии и принимались или отвергались по консенсусу. Некоторые из отвергнутых одним из соавторов правок комментируются в примечаниях к переводу «Слова».

Вот как делалась лингвистическая реконструкция текста:

I. Самый верхний слой «ошибок» — то есть изменений, допущенных при переписывании с предшествующего текста — опознается (в тех случаях, когда они не просто случайны) как «ошибки» человека, имевшего представление о стандартном церковно-славянском языке XVIII века. А. А. Зализняк пишет: «Так, в рукописи скорее всего вообще не было буквы *i*, не различались *u* и *ŷ*, встречалось, а может быть, даже было последовательно проведено, написание *ou* и несомненно присутствовали выносные буквы и написания под титлом»⁴. Снимая этот слой, мы рассчитываем получить из текста издания текст самой погибшей рукописи XVI века или, во всяком случае, приблизиться к нему. Что касается графического облика текста, некоторые «ошибки» устанавливаются на основании сравнения издания и рукописных источников, а другие очевидны: это различие *u* и *ŷ*, последовательное употребление буквы *i* по правилам гражданской орфографии XVIII века, написание *y*, а не диграфа *ou* (впрочем, в части случаев в погибшей рукописи могла стоять лигатура *ŷ* «ук», но у нас нет средств определить их; исключение — возможно, написание

³ Синтаксис зависит от нашего понимания конкретного места текста.

⁴ См.: *СПИВЛ*. С. 33.

по добию, если это ошибка из *по дубию* с потерей хвостиков «ука»). Кроме того, по рукописным выпискам мы знаем (да этого можно было ожидать и теоретически), что в рукописи использовались выносные и подтитловые буквы. В издании их нет, и значит, они либо раскрыты, причем, видимо, в некоторых случаях ошибочно, либо пропущены — тогда можно ожидать в тексте каких-нибудь несуразностей. Соответственно в нашей реконструкции эти графические особенности (по сравнению с возможным протографом) устранены, а выносные буквы вставлены в тех случаях, когда это представляется необходимым (грамматическая неправильность, проблемы с интерпретацией смысла). На самом деле надстрочных знаков в рукописи могло быть гораздо больше, но у нас нет способа установить остальные.

А. А. Зализняк указывает, что вследствие раскрытия титл и выносных букв мы не можем быть уверены ни в одном случае написания глагольных окончаний на *-тъ* и *-ть*, а также творительного падежа единственного числа на *-мъ* и *-мь* (СПИВЛ. С. 33). Тем не менее с большой степенью уверенности можно утверждать, что в рукописи наблюдалось варьирование этих окончаний. Во-первых, издатель XVIII века вряд ли мог сам придумать все встречающиеся в издании случаи с «мягкими» *-тъ* и *-мь*, поскольку они не были нормативны для известного ему церковнославянского языка. Следовательно, эти формы унаследованы изданием из рукописи. Во-вторых, для рукописей XVI века как раз характерно варьирование форм на *-ъ* с формами на *-ь*. При этом формы на *-ъ* соответствуют архаичному древнерусскому состоянию, но также могут отражать и состояние местного диалекта. Формы же на *-ь* могут быть результатом второго южнославянского влияния — а могут отражать диалектную особенность. Но если они беспорядочно варьируются, а у рукописи предполагается более ранний протограф, формы на *-ь* скорее следует возводить именно к раннему протографу. Написания *-ь* в таких случаях, как *по былинамь* и *соколовь*, также нельзя относить к неправильному раскрытию титл, поскольку у издателя не было оснований при раскрытии выписывать здесь *-ь* — это не соответствовало никаким известным ему нормам. Значит, они принадлежат рукописи XVI века (об этом см. ниже).

II. Налицо слой «ошибок», которые по своим историко-диалектологическим характеристикам легче всего определяются как допущенные поздним (XV–XVI в.) псковским или белорусским переписчиком. Прежде всего это написания *ки, ги, хи* вместо *кы, гы, хы*: А. А. Зализняк, основываясь на статистическом распределении их между вариантами результирующего текста и на протяжении текста, показал, что их появление — следствие ошибок, во-первых,

копировальщиков и издателей XVIII века, во-вторых, переписчика XV–XVI века (*СПИВЛ*. С. 88–89)⁵. Затем, это ряд написаний *ы* вместо *и*: общерусского позднего типа (*взыдоша*; отвердение *ц* — *сулицы*, *иноходцы*) и диалектного: *на кровати тисовѣ*⁶, *Ярославнынъ гласъ, полунощѣ* (ср. *на полтыну ржи* в Псковской второй летописи). Отдельно отмечу написания, которые могут свидетельствовать об отвердении *р* (графическая путаница твердых и мягких): *крычатъ тълъгы, хорюговъ, рыскаше* (при *дорискаше*). Традиционно это явление считается указывающим на поздний Псков или белорусские диалекты, но имеются и более ранние свидетельства отвердения *р* в новгородских грамотах (*ДНД*. С. 79–80; правда, надежно только с XIV века). К тому же периоду может относиться замена *ш* на *щ* в (*аще комоу хотяще (пѣснь творити)*⁷ и *повръгоща* в *П*. (но *хотяше* и *повръгоша* в *Ек*.): такие замены появляются с конца XIII века (Пандекты 1296 года *бывшихъ, искоущающе*, Погодинский сборник начала XV века *якоже можаще и хотяше*; ср. также в *Ипат*. стб. 138, лето 6542: *а имѣния не щадаще ни питья ни ядения не браняше*) и, как принято считать, свидетельствуют о произношении в диалекте писца *щ* не как сочетания *шч*, а как долгого *ши* (см. *Лекции*. С. 138)⁸; таким образом, это написание может указывать на то же фонетическое явление, что и написание *полунощѣ*.

⁵ Хотя, если бы не это специфическое распределение по тексту, можно было бы указать на то, что в южнорусских (украинских) текстах написания *ки, ги, ли* отмечаются с первой половины XII в.; в западно-русских, т. е. как раз в интересующей нас (что касается протографа) зоне — в договоре Смоленска с Ригой 1229 г. (*княгини, лихши, латинскимъ* и др.); в новгородских пергаменных памятниках — в среднем со второй половины XIII в., в московских грамотах — в XIV в. постоянно (*Лекции*. С. 130–131).

⁶ Заметим, что, снимая в этом месте позднее отверждение, мы получаем в исходном тексте аллитерацию — *кравати тисовѣ*. Ничего не зная о ранней восточнославянской поэтической традиции, мы можем все же полагать, что аллитерации играли в этой поэзии определенную роль, хотя бы потому, что существовавшие (географически) с обеих сторон от нее поэтические традиции — скандинавская и тюркская (известная с VIII в. н.э.) — были основаны на аллитерации (см. о тюркской поэзии, хотя бы: *Лексика*. С. 615–617).

⁷ Здесь, таким образом, мы не можем воспользоваться подбрасываемой нам в результирующем тексте аллитерацией, поскольку она, скорее всего, не принадлежит автору произведения; он рассчитывал разве что на созвучие шипящих.

⁸ Ср., однако, смоленско-полоцкую берестяную грамоту № 246 (до сер. XI в.), где дважды *не присълеши* «не пришлешь» при *лоуцьшаго*. А. А. Зализняк предполагает в этом случае систему с неразличением графем *ш* и *щ* (*ДНД*. С. 280). Таким образом, не исключается полностью отнесение того же фонетического явления ко времени и месту создания протографа.

По-разному можно относиться к написаниям *-мъ* в творительном и местном падежах единственного числа — часть из них, конечно, как указывалось выше, может быть результатом деятельности издателя по спуску выносных букв, но и в древнем тексте они вполне могли присутствовать. Сравним с надписью на кресте Ефросинии Полоцкой: *въ манастири своємъ*; а также с ДНД (С. 78–79), где показано, что такие написания в новгородских берестяных грамотах появляются не позднее конца XI века. В реконструированном тексте мы их сохраняем из-за невозможности формально отвергнуть. В языковом отношении они могут свидетельствовать об отвердении губных. Л. А. Булаховский таким же образом интерпретирует формы с написанием *ь* вместо *ѣ* в других окончаниях с губным: *по былинамъ, челоуькомъ, имь* (дательный множественного; Булаховский. С. 442), *соколоуь, щитовь, умь, дивь, велесовь внуче*. А. А. Зализняк относит все эти случаи в эффекты второго южнославянского влияния, т. е. в одноеровую орфографию (СПИВЛ. С. 80), но четкая фонетическая позиция таких замен после губных говорит в пользу интерпретации Булаховского⁹. Однако ранних случаев мены *ѣ* и *ь* при губных, которых нельзя объяснить морфологически (в отличие от окончаний творительного и местного единственного числа), не отмечается, они появляются преимущественно в западнорусских памятниках с конца XIV века (ср. *кровь, любовь* в *Ипат.*); так что можно принять, что все эти случаи принадлежат нашему переписчику XV–XVI века (и изгнать их из «реконструкции»).

В рукописи XVI века уже должно было существовать варьирование записи окончаний существительных, восходящих к праславянскому **-ǣ*, — как *-нь* и как *-а/-я*. В издании бо́льшая часть таких случаев записана через *а* (после шипящих и после гласной, как *своя вьщца прьсты*) и *я*. Это церковнославянизированная запись, которая могла существовать в рукописи XVI века. «Древнерусская» запись этих окончаний — с рефлексами *-нь* — сохранилась только в двух местах: *първыхъ время оусобиць* (винительный множественного), *ни нама красны дъвище* (родительный единственного, графическая замена *нь* на *е*), и еще, по-видимому, когда в протографе вместо *нь* стоял *ь*, использовавшийся для его графической замены. В этом случае,

⁹ Случаев мены *ѣ* и *ь*, не связанных с губными, три: *женъчюгь, Святюплъкъ и вихрь*. Последний может быть поставлен в ряд с отверждениями *р*, два оставшихся, конечно, можно относить к эффектам второго южнославянского влияния — а можно к графической мене слабых редуцированных, наблюдающейся в древнейших новгородских берестяных грамотах и в смоленских пергаменных грамотах начала XIII в., см. ниже.

возможно, уже переписчик XVI века не понял текста и не стандартизовал запись окончания. Это: *пѣтиць крылы приодѣша* (*птиць крылы приодѣ* в П.). В нашей реконструкции всегда восстанавливается запись с *-ѣ*, хотя в принципе в протографе могли встречаться и церковнославянизированные написания. Таким образом, условно мы приближаем орфографию протографа к орфограммам грамот, а не летописей, где церковнославянизированное написание этих окончаний встречается часто. Конечно, в протографе, судя по проглядывающим особенностям его орфографической системы, вместо этимологически правильного *ѣ* в этих окончаниях могли писаться также *-е* и *-ь*, но как-то обосновать, почему в каждом конкретном случае могла или не могла произойти такая графическая замена, мы не можем, поэтому оставляем восстановленные окончания без графического варьирования.

К тому же слою мы относим творительный множественного *молотять чепи харалужными*. Объяснение формы — замена творительного на именительный — см. в СПИВЛ (С. 87). В памятниках такие замены наблюдаются с XV–XVI веков. В реально функционировавших и доживших до наших дней говорах таких форм творительного множественного явно не было, а, наоборот, как раз появились формы, аналогичные современным. Эти формы получены под влиянием сначала *и*-склонения, а затем *а*-склонения (на *-ми* и *-ами*, фиксируются с XIV в., в Новгороде: кон. XIV в. *конми*¹⁰; украинские грамоты XIV–XV вв. *городми*, *млынми*, *гаими*). Поэтому можно совершенно уверенно утверждать, что это — *гиперкоррекция*¹¹ человека, пытавшегося подстроиться под архаичную, уже не живую форму: писавший думал, что «правильный» творительный множественного (старое *цѣпы*) — такой же как винительный множественного (старое *цѣпы*), а винительный уже не отличался в это время от именительного (старое — *цѣпы*). Следовательно, такая форма не могла появиться раньше XV века, так что в реконструированном тексте мы заменяем на *-ы*.

III. А. А. Зализняк относит к «ошибкам» предыдущей категории еще несколько типов написаний. Это 1) состояние редуцированных; 2) написания типа *половецкми* и *рътъко*; 3) запись рефлексов старых слоговых сонантов как *ръ*, *лъ* (возможно, следствие второго южнославянского влияния); 4) смешение именительного и винительного падежей множественного числа в *о*-склонении; 5) смешение мягкого и

¹⁰ ДНД. С. 111.

¹¹ Гиперкоррекция — неправильное написание вследствие некорректного применения орфографического правила — например, часто встречается написание *о* вместо *а* в безударном слого — *вогон*, потому что человек боится сделать ошибку типа *карова*.

твердого вариантов склонения; 6) аналогическое *-ян-* в *шеломьянемь*; 7) проникновение местоименных окончаний в адъективное склонение; 8) «церковнославянский» дательный *себѣ, тебѣ* вместо древнерусского *собѣ, тобѣ*; 9) употребление несогласованных деепричастий; 10) употребление *л-*перфекта; 11) случаи с двойным *ся* (расположенным в старом и в модернизированном порядке) (СПИВЛ. С. 79–91). Поскольку основной пафос работы А. А. Зализняка направлен на демонстрацию того, что текст «Слова» многослоен, сложно устроен с историко-диалектологической точки зрения и потому вряд ли может быть подделкой (действительно, достаточной лингвистической квалификацией для его подделки обладает разве что сам А. А. Зализняк (начиная с конца 1970-х), с меньшей вероятностью — еще 5–6 знакомых с его исследованиями коллег и учеников), то ему, строго говоря, не очень важно, не могут ли какие-то из этих особенностей относиться и к протографу «Слова», хоть они и не соответствуют общепринятым представлениям о раннедревнерусском языковом состоянии. Попытаемся рассмотреть эти явления именно с такой точки зрения — что из них не может, а что все-таки может восходить к протографу «Слова».

1. Редуцированные.

В тексте «Слова» широко представлены, во-первых, опущения слабых редуцированных, во-вторых, прояснения сильных (в *о* и *е*), в-третьих, эффекты фонетических ассимиляций, происходивших после падения редуцированных. С точки зрения лингвистики трудно сказать, какие конкретно из этих случаев можно отнести к протографу, а какие следует обязательно считать эффектом XVI века. При этом звучание редуцированных в первоначальном тексте — фонетическая особенность, чрезвычайно важная поэтически. По ряду показателей, в XII веке в смоленско-полоцких диалектах слабые редуцированные уже пали (надпись на кресте Ефросиньи Полоцкой; Смоленские грамоты с начала XIII в.); то же в Новгороде — ДНД. С. 89 (явно пали уже в XII в.). Вот данные по графическому поведению редуцированных в Смоленской грамоте 1229 года (подлинник, список А, дается по изданию *Смол.*)¹²:

1) Графическое опущение слабых еров.

а) на конце слова: частицы *аж бы, иж*, предлоги *къ/к, съ/с*;

б) в середине слова: в приставках типа *сѣ-*, ср. написание с колебаниями *из-/ис-* *-изь-/исъ-* и т.д.; в корне слова: *что, кто, вси, князь*,

¹² Здесь и далее обработка данных по смоленской грамоте 1229 г., списки А и Б, сделана студенткой 3-го курса факультета лингвистики РГГУ Светланой Переверзевой, которой я и приношу глубокую благодарность.

правда, напсати, псана, всяк-, оумрете, ѿднемь, звати, възьмьть, векиши, много, посльмь, послоу; в суффиксе: *вълно, мирно, свободнь, оумнии/оумьна, ровнати, смоляне, смольняньмь, смольняны, гривна, гривны, гривну, готскимь, на готскомь, латинскимь, немчиною, въсьцо/въсьцо, земледържци, коупчемь, холъпство, льгче, болше;* в окончании: *людми.*

2) Мена слабых еров на конце слова: *камь, всемь, темь, смолянъмь, готь.*

3) Запись сильных еров через *е, о*: *челнь, гривенъ, по втрёмьнемь, берегомь, товаромь, посломь, послухоумь, роусиномь, пискоупомь, съязыкомь, мъчемь, съ княземь.*

4) Запись сильных еров через *ь*: *людъмь, свободъмь, оу смольнъмьскь.*

5) Слабый *ь* записывается как *е а)* на конце частицы: *ате;* б) в суффиксе: *латинескому, готескому;* в) в окончании: *оурядяте ся, боудъте* (3 л. ед. ч.).

6) Слабый *ь* из *ъ* записывается как *о*: *ѿтидето* (3 л. ед. ч.).

7) Слабый *ь* записывается как *о а)* в предлогах: *ко желъзоу, ко смольнъскоу;* б) в корне: *кровавъ;* в) в окончаниях: им. ед. муж. *ролфо, миро, дълго.*

8) *ь* записывается как *ь а)* в корне: *четвърти;* б) в суффиксе: *свободъмьни, свободъмьнъ; ризъмьскимь;* в) в окончании: 3 л. ед. и множ. ч. *боудъмьтъ, въсхочетъ, весятъ;* им. ед. муж. *князь.*

9) *ь* записывается как *ь а)* в корне: *въсьцо, въсити, нальзль, оу желъза, ко желъзоу, мъсто,;* б) в окончании: местн. ед. муж. о-скл. *въ смольнъмьскь, въ смольн[тильда]скь;* дат.ед. жен. Adj-скл. *свободъмьнъ;* род. ед. а-скл. *въль, из земль;* дат. ед. а-скл. *старость,* род. множ. муж. мест. скл. *тъхъ;* в неизм. слове *посль.*

10) *е* записывается как *ь а)* в префиксах: *пъревъсти, пъревъзль;* б) в суффиксах: *розроушьнъ, изльмльна, по втрёмьнемь;* в) в окончаниях: 3 ед. наст. вр. *ѿтимъмь, имъмь, емльть, възьмьть, хъчьть;* сравнит. степень *болъ;* г) в корне: *по втрёмьнемь, по бъръгоу, бъръго, бъръгомь, на бъръзь, мъжю, промъжю, льгче, серъбра, мътати, мъчемь, съръбрные, пъреже, пърдь, пердь, пъревъзль, пъчатию.*

11) *о* записывается как *ь а)* в корне: *холъпъ, ньга, въльчанинъ, въль;* б) в суффиксе: *винъватъ;* в) в окончании: *женъю, въдомъ былъ, инъ, тъ, окъ* (им. ед. средн.), *быхъмь, на гочкъмь, инъмоу.*

12) Опускание сильных еров: *гривнъ.*

Как можно видеть, орфография редуцированных в раннем смоленском светском тексте практически не отличается от бытовой орфографии ранних берестяных новгородских грамот (о которых см. подробно: ДНД. С. 21–41). Сравним еще примеры из смоленской

грамоты 1223 года: Мена еров: часто *гѣтъскѣ*; ѣ вместо ъ слабого: *немѣчичю*, сильного: *смолѣньскѣ*, *немѣчьскому*, *немѣчь*; е вместо ъ слабого (который вместо ѣ слабого): *изетяль*, сравним рядом *изотѣметь*; ѣ вместо о: регулярно *гѣтъскѣ*, *тѣ* наряду с *то*, *гѣсть*, *тѣварь*; смоленская берестяная грамота № 9/8 *пѣло съме гривнѣ*. И практически с теми же явлениями мы сталкиваемся в «Слове».

Прежде всего выделим те случаи, где неэтимологическое написание не может объясняться поздней фонетикой и лучше объясняется остаточным проявлением древней бытовой орфографии. Это опущение сильного ера: *въ пяткѣ* 137¹³; запись ѣ вместо о: *тѣи* 215, *нѣ* 30, 155, 242, 422, 441, 450, 513, 602, 617¹⁴; запись ѣ вместо е: *речь* 16 (и, возможно, еще раз 739 — по *Ек.*), *жля* вместо *желя* (с последующим опущением ѣ) 306; (*понижить*, *вонзить* 561, 562 — возможно, следствие неправильного раскрытия выносных букв); запись о вместо ѣ слабого в случае: *то же* (*звонѣ*) 220; запись е вместо ѣ слабого в случае: *одѣвахѣте* 364; записи ѣ вместо ѣ: *лебедѣи* 20, 29, *половѣцькою* 41, *половѣцькыми* 146, *помѣркоста* 391, особенно в случае *розѣно ся 617 (иначе чрезвычайно трудно понять интерпретацию *рози нося* в *П.*; написание и вместо ѣ — вполне возможная ошибка и для переписчика XVI в., и для издателя XVIII в.); записи ѣ вместо ѣ: *птиць*, *незнаемѣ* (наречие), возможно, также трижды *тѣснѣ* (по *Ек.*). Скорее сюда же можно относить случаи мены слабых еров (кроме случаев конца слова): *тѣмою* 45, *жѣ* 49, *мѣгла* 131, *дѣскы* 373, *мѣглами* 667; А. А. Зализняк подразумевает их связь со вторым южнославянским влиянием, но более очевидное проявление второго южнославянского влияния, «церковнославянское» написание рефлексов старых слоговых сонантов (о котором подробнее см. ниже) совершенно явным образом учащается при удалении от начала текста (ср. *СПИВЛ.* С. 92), а эти мены распределены не так. В то же время старым бытовым орфографиям такие мены свойственны, а их редкость в тексте «Слова» соответствует нашим представлениям об их остаточном характере.

Кроме того, остается большое количество случаев, которые в принципе могут объясняться поздней фонетической записью, но при этом у нас нет формальных оснований все их считать поздними, поскольку эти явления встречаются и в древних бытовых орфографиях.

¹³ Если это не опущение выносной буквы, ср. *Ек. въ пякѣ* (маркировка примеров из «Слова» — по строкам в нашем издании).

¹⁴ Возможно также (дважды) 550 *рекъм* «рекомо», если правильно восстановление здесь ассонанса с *на кровѣ* и 749 *рекъста*, если правильно восстановление аллитерации с 750 *святѣславля*.

Анализируя их, можно попытаться воспользоваться тем же приемом, что и А. А. Зализняк при анализе написаний с *кы, гы, хы* и окончаниями именительного множественного. А именно, мы попробуем проверить, как распределены по тексту следующие написания¹⁵.

Опущение редуцированного на конце слова перед клитикой¹⁶: *растькашется* 13, *наплънвися* 39, *стяшется* 236, *плачется* 719, *свьтится* 757, *вьются* 760; если дело в выносных буквах, то сюда же относятся *святславъ* 333, *святславлича* 480, *святславлича* 498.

Варьирование на конце приставок: а) исконно безъеровые предлоги и приставки (в реконструкции оставлены безъеровыми): *въскладаше* 31, *истягну* 37, *искусити* 56, *испити* 61, *въспъти* 75, *възлельяны* 93, *въскрмлени* 94, *изъострени* 99, *роспущени* 120, *рассуяся* 139, *разлучиста* 271, *въсплескала* 289, *въсплакашася* 310, *разлияся* 320, *взмутити* 340, *иссуши* 341, *възгряху* 377, *испити* 385, *въспъша* 408, *изрони* 414, *бес щитовъ* 437, *възбиваетъ* 448, *издалеча* 457, *раскропити* 459, *изрони* 556, *разшибе* 582, *избивая* 691; б) исконно содержащие *ъ* приставки, в реконструкции редуцированный восстанавливается: *всядемъ* 51, *спала* 54, *свьдоми* 91, *отворени* 98, *свычая* 210, *скратишася* 239, *вступилъ* 287, *смыслити* 312, *сдумати* 313, *смъшено* 368, *снесеса* 404, *смъшено* 415, *скована* 426, *створисте* 428, *вступита* 475, *подперъ* 484, *отворяеши* 491, *срони* 515, *подпръся* 573, *отвори* 581, *смысленыи* 604, *съморци* 667.

Опущение слабого редуцированного в корне¹⁷: *помняшетъ* 16, *Мстиславу* 24, *княземъ* 32, *почнемъ* 34, *възръ* 43, *вся* 46, *позримъ* 53, *внуку* 70, *внуче* 76, *ржуть* 77, *ждетъ* 81, *Всеволодъ* 82, *Всеволода* 81, *князю* 54, 104, 136, 361, *князь* 105, *рци* 120, *успе* 132, *птичь* 110, *птиць* 123, *помчаша* 139, *всякими* 146, *сребрено* 150, *дни* 163, *внуци* 178, *въсхъ* 186, *Всеволодъ* 192, *Олговы* 213, *Всеволожь* 222, *въздоша* 258, *вся* 223, *постла* 228, *Олгову* 229, *князя* 230, *при Олзь* 235, *внука* 237, *княжихъ* 238, *что* 252, 253, *Всеволода* 266, *дни* 269, *полуднию* 269, *внука* 286, *княземъ* 292, *князи* 295, 323, 519, 520, *въсхъ* 298, *птиць* 302, *ркучи* 310, *сребра* 315, *два* 329, 382, 391, *Всеволодъ* 330, *лжу* 331, *успилъ* 332, *князя* 351, *во днь* 353, *князь* 356, *всю* 375, *ркоша* 380, *князю* 380, *княже* 381, 456, *Всеволоде* 203, 417, 456, *прострошася* 399, *сребренеи* 429, *многовои* 431, *зло* 450,

¹⁵ Здесь не учитываются сочетания редуцированных с плавными, о которых см. ниже.

¹⁶ Эти случаи могли образоваться и за счет спуска выносных букв издателем XVIII в.

¹⁷ Конечно, часть таких опущений может быть опущением паерков, как об этом свидетельствует написание Первоиздания *взмутити* 324, при *Ек. в'змутити* с паерком. *Двина* 520 исконно не содержит редуцированного, ср. финское заимствование *Viena* (иначе было бы *Tiviēna*).

Мстиславе 499, *птицю* 505, *многи* 508, *княже* 513, 518, 551, 698, *по Рси* 516, *князи* 519, 520, 720, 769, *олговичи* 520, *Всеволодь* 522, *вси* 523, 560, *Мстиславичи* 523, *сребреными* 535, *Всеславу* 527, *птиць* 545, *брячслава* 554, *Всеволода* 537, *внуце* 555, *Всеславли* 560, *вонзить* 562, *Всеславлю* 567, *Всеславъ* 571, 591, *дотчеса* 575, *князь* 591, 684, 758, *княземъ* 592, 764, 772, *Тматороканя* 595, *птицю* 606, *князеи* 610, *утру* 610, *князю* 625, *зегзицею* 621, 623, *ркучи* 628, 645, 658, *мнѣ* 653, *Днепре* 646, *неслала* 654, *всьмъ* 660, *простре* 661, *затче* 665, *князю* 668, 680, 681, 716, *спить* 674, *бдить* 674, *князя* 704, *сребреныхъ* 706, *днѣ* 718, *стлавшу* 705, *Гзакъ* 726, 724, *Гза* 735, *Гзь* 739, *почнуть* 747, *птици* 747, *всеволодь* 767, *зло* 755.

Опущение слабого редуцированного в суффиксе: *трудныхъ* 4, *орломъ* 15, *красному* 27, *нынѣшняго* 36, *сердца* 38, *ратнаго* 39, *свѣтлое* 44, *солнце* 44, 108, *половецкаго* 58, *свѣтльи* 84, *сѣдлаи* 86, *осѣдлани* 88, *роуская* 127, 176, *роускъѣ* 187, *половци* 117, 185, *орли* 125, *клеткомъ* 125, *потопташа* 137, *половецкъѣ* 138, 140, 173, 200, *красныя* 140, 209, *дѣвки* 140, *половѣцкъми* 146, *половчине* 159, ? *Гзакъ* 160, *харалужными* 196, *велми* 163, *солнца* 166, *руская* 176, *мутно* 182, *рускыя* 187, *отня* 207, *Гльбовны* 209, *давныи* 221, *отца* 232, *по руской* 240, 259, 307, 320, 382, *рѣтко* 241, *харалужныя* 252, *половецкъи* 254, *докончаша* 274, *рускую* 278, 300, 327, 478, *жирня* 291, *рускыя* 310, *жирна* 321, *грозныи* 334, *киевскыи* 334, *рускыи* 322, *половецкоюю* 338, *притопта* 339, *жельзныхъ* 343, *харалужными* 337, *половецкихъ* 344, *половецкъѣ* 354, *роускаго* 355, *гридницъ* 347, *нѣмци* 348, *сѣдла* 357, *сѣдло* 358, *отня* 383, 458, *женчюгъ*¹⁸ 371, *половецкоюю* 419, *половецкъми* 453, *жельзны* 389, *темно* 390, *солнца* 391, *половци* 399, *готскыя* 407, *красныя* 407, *роускъмъ* 409, *жадни* 412, *сыновця* 416, *нечестно* 422, 423, *сердца* 425, *засапозжники* 438, *прадѣдную* 440, *преднюю* 443, *заднюю* 444, *угорскыи* 484, *роускоюю* 496, 531, 566, 671, *жельзными* 485, *половецкъи* 569, *ляцкии* 528, *отня* 492, *жельзныи* 506, *латинскими* 507, *Литва* 509, *половци* 510, *харалужныи* 512, *солнцю* 514, *листвие* 515, *шестокрилицы* 524, *непобѣдными* 525, *грознымъ* 538, *литовскыя* 543, *литовскими* 548, *дѣдней* 563, *киевского* 576, *харалужными* 585, *жемчюжну* 556, *роускихъ* 590, *роуской* 608, *помянувшие* 609, *кыевскымъ* 613, *Полотскъ* 598, *Ярославныи* 619, *Ярославна* 627, 643, 657, *половецкоюю* 648, *половецкой* 670, *половецкъи* 683, *половецкомъ* 748, *стрѣлки* 633, *нетрудною* 634, *крилицу* 634, *каменная* 647, *слѣнце* 659, *свѣтлое* 659, *тресвѣтлое* 659, *красно* 660, *тепло* 660, *безводнѣ* 663, *отню* 672, *Донца* 677, 689, *Донче* 702, *лельявшу* 704, *стлавшу* 705, *одѣвашу* 707, *роуской* 701, 756, 758, *теплыми* 707, *темнѣ*

¹⁸ Ср. *женьчюгъ* на кресте Евфросиньи Полоцкой.

718, *дятлове* 731, *тектомъ* 731, *соколца* 741, *красною* 742, 744, *красны* 746, *пѣстворца* 750, *тяжко* 754, *солнце* 757, *пѣвше* 764¹⁹.

Запись *о* вместо *ѡ* сильного: *щекотъ* 132, *сонъ* 361, *литовския* 543, *литовскими* 548.

Запись *о* вместо *ѡ* слабого: *тогда* 18, 43, 105, *ущекоталь* 63, *то же* 220, *тогда* 235, 240, *тоска* 320, 455, *ко* 234, 739, *тогда* 413, 694, 727, *святослави* 650, *завтроку* 692.

Запись *е* вместо *ѣ* сильного: *конецъ* 58, 94, *половецкаго* 58, *половецкыя* 138, 140, 200, 254, *Олежь* 215, 394, *день* 267, 390, *отець* 333, *половецкыи* 254, *половецкую* 338, 419, *половецкихъ* 344, *половецкя* 354, *мутень* 361, *темно* 390, *местъ* 411, *нечестно* 422, 423, *половецкыми* 453, *городеньскийи* 559, *половецкыи* 569, *половецкую* 648, *слезъ* 655, *половецкои* 670, *половецкии* 683, *Донецъ* 697, *половецкомъ* 748.

Запись *е* вместо *ѣ* слабого: *мужествомъ* 38, *мыслену* 64, *трепещуть* 167, *стремень* 106, *слезами* 415, *стремень* 218, *стремени* 476, *затупреню* 598.

Чтобы количественно оценить, что происходит с «ошибками» по мере приближения к концу текста, мы провели, в общем, ту же процедуру, что и А. А. Зализняк, только не стали заранее, априорно делить текст на участки с разным количественным соотношением ошибок, а построили график по всему тексту.

Описание графика

Если расположить на графике непосредственно исходные данные: по *x* — например, номер строки (это точнее обозначает положение в тексте, чем номер «звена», как у А. А. Зализняка, так как звенья гораздо сильнее различаются по размерам; еще точнее был бы просто порядковый номер символа от начала текста), по *y* — количество в этой строке ошибок, то основным значением будет ноль, реже — единица, иногда — больше. На рассматриваемом графике на все 774 строки текста приходится 333 «ошибки» первого типа и 55 — второго. Из такого графика только с большим трудом и только очень приблизительно можно увидеть, что ошибок в какой-то части текста больше, чем в другой — по сгущениям и разрежениям разделенных нулями ненулевых значений. Вдобавок ошибка по своей природе является, по крайней мере отчасти, случайным явлением, следовательно, даже если распределение их по тексту и имеет место, оно неизбежно загрязнено случайным шумом, так что

¹⁹ Сюда же в принципе можно было бы отнести написание *горнастаемъ* 685, если считать, что уже действовала народная этимология этого слова через прилагательное *горьныи*; произношение с *ь* позволяет созвучие с *горь* в предыдущей строке. Вообще происхождение слова неясно (см.: *Фасмер*. Т. I. С. 442–443), но славянские параллели требуют реконструкции **gomos(t)alъ* и русского **гороностаь*. По-видимому, оно, как многие названия животных семейства кунных, рано подверглось табуизации и деэтимологизации, отсюда раннее выпадение срединного гласного, см.: *Лекции*. С. 98.

каждое конкретное значение все равно имеет не абсолютную ценность (как находящееся непременно в данном месте текста и имеющее ровно такой размер), а только статистическую. Поэтому оправдано применение сглаживания данных для выявления закономерностей усредненного поведения ошибок.

Для сглаживания удобно применить гауссиану, поскольку именно этой функцией определяется поведение случайно распределенной величины. Каждому x вместо исходного значения y присваивается новое, с добавкой части исходных значений прочих строк, причем, чем дальше они от данной строки, тем их вклад меньше. Гауссиана приблизительно представлена следующей формулой, учитывающей по 30 строк в обе стороны от данной (вкладом более удаленных строк можно пренебречь из-за его малости):

$$y_x^{new} = [y_x + (y_{x-1} + y_{x+1}) e^{-1/60} + (y_{x-2} + y_{x+2}) e^{-2/60} + (y_{x-3} + y_{x+3}) e^{-3/60} + \dots + (y_{x-29} + y_{x+29}) e^{-29/60} + (y_{x-30} + y_{x+30}) e^{-1/2}] / 60\pi$$

Для того, чтобы иметь возможность применять эту формулу не только к средней части текста, но и к его началу и середине, хотя бы приблизительно, была сделана экстраполяция в обе стороны путем присвоения дополнительным «строкам» средних значений по примыкающей к концу области той же длины (30 строк). Эти средние значения количества ошибок в строке оказались для начала текста равными 1/6 для ошибок первого типа, 1/30 — второго, 1/5 — для их суммы (то есть на первые 30 строк пришлось 5 ошибок первого и 1 — второго типа, итого 6); для конца текста среднее значение выше: соответственно, 13/30, 1/30 и 14/30. Эти значения присваивались дополнительным точкам с «номерами строк» от 0 до -29 и 775–804. Новые, сглаженные значения рассчитывались для прежнего интервала (строки 1–774), а дополнительные усредненные значения на концах нужны только для того, чтобы гауссиана могла «подойти» к краям интервала (исходного). При этом степень приближенности данных на концах интервала больше, и она на протяжении 30 строк постепенно приближается к среднему значению на основной части интервала (математическая обработка данных проведена А. Ф. Боруном и М. В. Борбатов).

Примечание. Сглаживание проводилось путем многократного проведения следующей процедуры: значение в каждой точке (точка — строка стиха, значение — число в ней предполагаемых ошибок переписчика) приравнивалось половине прежней величины плюс по четверти значений в соседних точках.

Сглаженный с помощью гауссианы график распределения ошибок в написании редуцированных по тексту (см. диаграмму 1; черная линия изображает «фонетически обусловленные» пропуски редуцированных, серая — суммарные «фонетически обусловленные» ошибки в редуцированных) в явной форме демонстрирует разбиение текста на две или четыре части по отношению к их частотности, причем любопытно, что эти части в целом приблизительно соответствуют частям, на которые А. А. Зализняк делит текст

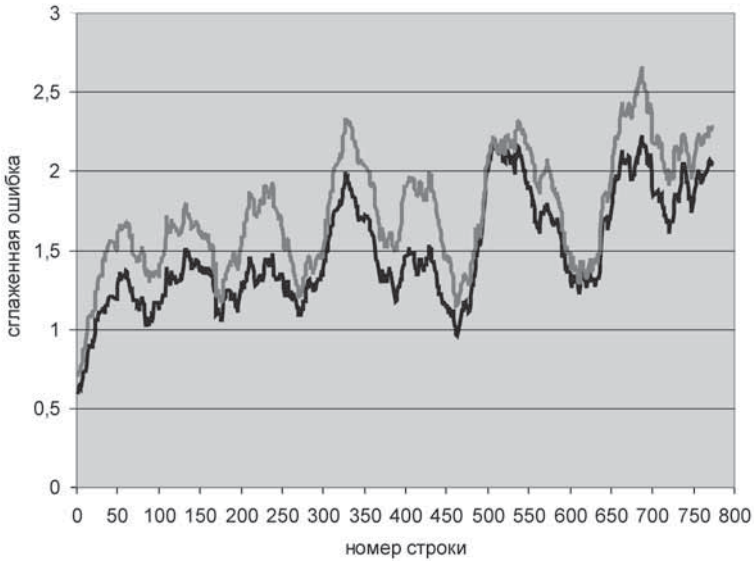

Диаграмма 1

в отношении написания *кы, зы, хы*, форм именительного падежа множественного числа мужского рода и окончаний прилагательных (СПИВЛ. С. 89–91): у него это звенья 1–54 или 1–56, 55–127, 128–218 (или 135–183, 184–218); у нас – строки 1–273 (звенья 1–71), 274–465 (звенья 72–119), 466–611 (звенья 120–165) и 612–774 (звенья 166–218). Вероятно, мелкие разделения имеют случайный характер; при делении же на две части можно заметить, что вторая часть графика (274–774) повторяет первую, но явно в увеличенных масштабах. Более сильное сглаживание (диаграмма 2) демонстрирует подъем частоты ошибок по мере приближения к концу текста. Итак, перед нами та же модель переписчика XVI в., который с разной точностью передает написания оригинала, допуская к концу текста все более частые отступления. При этом либо переписчик считал точную передачу написания редуцированных менее важной, либо (и это кажется более вероятным) в тексте, с которого он переписывал, уже имелось некоторое количество опущений и прояснений редуцированных, что вполне возможно при влиянии на протограф бытовой орфографии.

Итак, ясно, что и сам протограф «Слова» был написан на языке, в котором уже прошло падение и прояснение редуцированных. При этом в нескольких случаях по эвфоническим соображениям хотелось

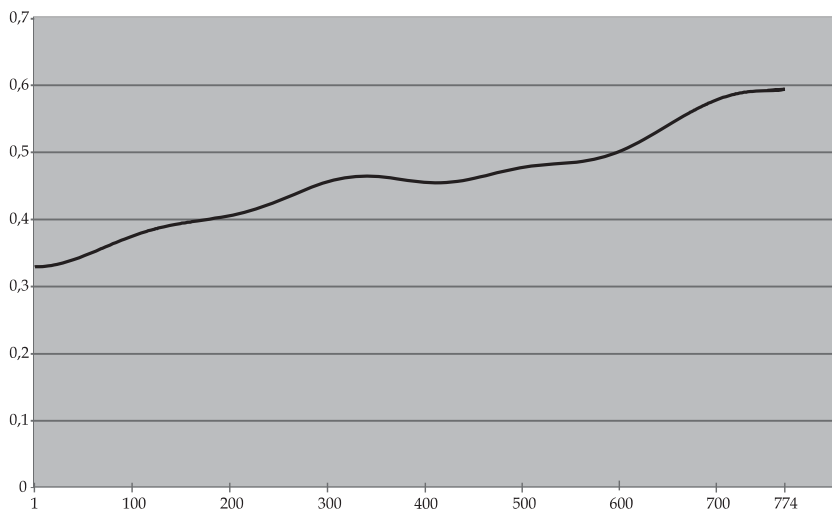

Диаграмма 2

бы, чтобы слабые редуцированные читались в исходном тексте как слогаобразующие²⁰. Например, *кричатъ тѣльгы полоуноци* — аллитерация. Произношение редуцированных обеспечивает равносложность парных и тройных параллельных строк: *стáромѹ ярслáвоу / хрáброму мьстислáвоу; óтъ стáраго владíмера / до нынѣшнѣяго Игоря; дѣлго ночь мьркнеть / заря свѣтъ запала / мьгла поля покрѣла; щекотѣ славии оусѣне / говорѣ галичѣ оубоуди, чьрленѣ стягѣ / бѣла хоругы*. Возможно даже, что следующий маленький кусочек написан в хрюнхенте²¹: *Тѣи бо олѣгѣ | мечѣмъ крамóлу / ковáше и стрѣлы | пó земли стѣше* (проставленные здесь ударения в принципе возможны для древнерусского). Для дифференцированного решения относительно каждого слабого редуцированного в тексте оснований мало. Поэтому в реконструируемом тексте мы восстанавливаем почти все павшие редуцированные. Основанием для такой реконструкции можно считать довольно сильное, но не невозможное предположение о том, что при произнесении поэтического текста (при скандировании) в древнерусской поэтической традиции (которой мы, разумеется не знаем) существовала манера проговаривать редуцированные — все

²⁰ Есть, впрочем, и противоположный случай: *земля тоутнеть рѣкы мѹтѣно текоуть* (если ѣ в слове *мутно* не произносится, получаем аллитерацию на *тн* с *тутнеть*).

²¹ Тип древнескандинавского стиха.

или только нужные по поэтическим соображениям, как это устроено, например, при скандировании французских стихов. По старобрядческой манере регулярно произносится (как *о* и *э*) конечный редуцированный (что согласуется с постоянным прописыванием их в памятниках бытовой орфографии и в «Слове»). Но внутрисловные редуцированные, по-видимому, произносились (и выписаны в служебных текстах) спорадически; так же при хомовом пении (см.: *Успенский*. С. 36–39). Однако если в XII веке существовала традиция произношения павших редуцированных, она была ближе по времени к периоду, когда они еще существовали в живой речи, так что возможно, что при всех этих допущениях правильно считать, что слогаобразующими были все слабые редуцированные. Проясненные редуцированные условно оставлены в тексте в проясненном виде, поскольку любой из них мог быть так записан в протографе.

Исключения (т. е. определенно павшие редуцированные) можно предположить для случаев ассимиляции соседних согласных, которые стали соседними вследствие выпадения разделявшего их редуцированного гласного. В самом деле, в тексте не сохранилось ни одного случая написания *половецьскыи* или *роуьскыи*²², хотя это — довольно частые слова. В начале текста еще встречается написание *руськую* 42, но и оно свидетельствует о падении редуцированного. Везде по тексту *Половецкыи* (однажды *половьцькоюю* 41), *галичкыи*, *ляцкыи* вместо этимологически правильных *галичьскыи*, *лядьскыи*. По-видимому, это соответствует диалекту протографа, сравним в ранних смоленских грамотах: 1229 год А (подлинник): *роуьскыи*, *ризькыи*, *ризьскими*, *гочкыи*, *готскымь*, при традиционных написаниях *готескомь*, *дѣтьского*, *дѣтского*, *полотьского*; 1229 Е (первая половина XIII в.) *немьцьскыи*, *немьцькыи*, *немьцькыхъ*, *волоцьскыи*, *децьскыи*, *по полоцьскои* при *готьскыи*, *роуьсьскыи*, *рижьскыи*; но 1223 год (княжеская грамота, содержащая больше отклонений от бытовой орфографии) *немьцьскыи*, *рижьскымь*, *гѣтьскымь*, *дѣтьскыи*. Впрочем, поскольку *ь* в этих случаях изредка выписывается в «Слове», то он мог проговариваться при скандировании, и мы выписываем его в реконструкции (соответственно, *роуьськыи*, *половецькыи*, *галичькыи* (с «чоканьем»), *ляцькыи*).

Скорее всего, следствие опущения титла при издании — написания *чти* (3) вместо *чьсти*, сравним в Смоленской грамоте 1229 А инфинитив *почьсти*, в берестяной грамоте 246 смоленско-полоцкого происхождения (20–90 гг. XI в.) *чьстьное* (впрочем, это — в сочетании

²² Возможно, искажением такового является *роуьскую* 459 (со снятым титлом, ср. *Смол.* 1150, список XV века: *роуьскага Смол.* С. 125), но, может быть, это позднейшая ошибка (издателя).

чьстьное древо — о кресте, как и *чьстьныи* на кресте Евфросиньи Полоцкой, так что может быть церковнославянизмом) (ДНД. С. 280), а также ранненовгородские *чьсть*, *чьсти* (ДНД. С. 817). А. А. Зализняк отмечает более медленное падение редуцированных при сочетаниях согласных: *почьста*, *потьснуть*, *тъщина*, *мьзда*, *дьска* (ДНД. С. 61). Может быть, однако, редуцированные сохраняются здесь не из-за сочетаний, а из-за унификации основ с павшим и проясненным редуцированным при словоизменении? Мы восстанавливаем *чьсти*, при этом восстанавливая аллитерацию: *собь чьсти а князю славь*.

Написание *рътко* вместо *ръдѣко*²³ с некоторой вероятностью могло принадлежать и протографу, сравним в новгородских текстах оглушение — самый ранний пример *Блоуткиница* (НПЛ под 1230 г., см.: ДНД. С. 87). Однако случай озвончения в сочетании после падения редуцированного — *Зби(ся) дивь* — следует, безусловно, относить к тексту XV–XVI века (тем более что он попадает на «темное место»), сравним *Псковская 2-я летопись*, Синодальный список (кон. XV в.): *Здоумавь съ мудреци своими; збора*; также в смоленских грамотах: *сдоумавь* 1229 В (список кон. XIII в.), *здоумав* 1150 год (список XV в.).

2. Рефлексы слоговых сонантов.

А. А. Зализняк указывает, что написания рефлексов слоговых сонантов как *лъ*, *рѣ* господствуют в «Слове», отражая второе южнославянское влияние. Однако относительно написания типа *прѣсть* в раннедревнерусском см. ДНД. С. 50–51; как раз такой способ записи обнаруживает связь со смоленской зоной. В новгородских грамотах он встречается с XII века, правда как будто с различием *ь* и *ѣ*.

Как архаическое, расценивается написание *о пѣлку игоревъ* 5, *спьрымъ вѣлкомъ* 14, *предъ пѣлки касожьськими* 26 (самое начало текста), а также (с меной ера) *пѣрвыхъ времяъ* 17. Очевидно, сюда же можно отнести *помѣркоста* 391, считая, что это еще один случай записи *ѣ* через *ѣ*. Более распространен, действительно, одноеровый²⁴ тип *наплѣнися*, *пѣлки* (8), *пѣлки*, *пѣлци олговы*, *святоплѣкъ*, *пѣлку* (3), *вѣлци* (2), *вѣлкомъ* (8), *вѣлзь*, *бѣванъ*, *дѣго*, *сини мѣни*, *мѣвити*, *мѣвить*, *хѣлми*, *стѣпа*, *слѣнце*, *на вѣлахъ*, *помѣлкоша* — довольно равномерно по тексту, и так же *пѣсты*, *брѣзыа*, *брѣзыи*, *брѣзь*, *брѣзая*, *вѣскрѣмлени*, *врѣху*, *чрѣленья*, *чрѣленьми* (2), *чрѣный воронъ*, *чрѣнья тучя*, *чрѣнигова*, *чрѣна*, *чрѣною*, *чрѣнядьми*, *чрѣпахуть*, *врѣжеса*, *поврѣгоща*, *врѣже*, *вѣврѣжеса*, *прѣтрѣгоста*, *пожрѣши*. Сравним *пѣночи* (ошибочное написание вместо *полночи*, явно появившееся у позднего переписчика).

²³ При оглушении получаем аллитерацию: *рътко ратаеве кькахуть*.

²⁴ *тѣловиъ* — путаница еров, пример единичен, поэтому трудно судить о его сущности.

Написания *мръкнетъ* 129, *чрьлеными* 135, 191, *чрьлень* 147, *чрьлена* 149 приходится на первую четверть текста, кроме *чрьлена* 546; ввиду упомянутых выше фактов хотелось бы считать их также архаичными²⁵.

Кроме этих способов, встречается еще запись с проясненным в *о* и *е* гласным, которая может отражать позднюю фонетику, но, впрочем, вполне может и принадлежать протографу. Это случаи *солнце* 44, 108, 166, 659, 757, *солнца* 166, 391, *солнцю* 514, *волгу* 459, *ползоша* 730; *угорьскими*, *угорьскими*, *выторже*, *папорзи*, *сморци*; *подперъ*, *сердца* (2), *въ черниговъ*, *черниговъ*, *съ черниговьскими*, равномерно распределенные по тексту. Сравним способы записи, встречающиеся в ранних смоленских грамотах:

1) *върхъ* 1229 ACDE; *държитє* 1229 E, *държали* 1229 DE, *добросьрдє* 1229 E, *мъртвъ* 1229 D, *първ-* 1229 ABC, *пърстаты* 1229 D, *оутвърд-* 1229 ABCDE, *четвърть* 1229 BCDE, *търгов-* 1223, *дългъ*, *дължень* 1229 ACDE, 1223, также с написанием *ъ* вместо *ь*: *държания*, *държати*, *първ-*, *четвърть* 1229 A.

2) *верхъ* 1229 ACDE, *держати* 1229 A, *держания* 1229 C, *добросердье* 1229 D, *перв-* 1229 ABC, *до смерти* 1229 E, *оутверд-* 1229 ABCDE, *четверть* 1229 BCDE, *в бортицьхъ* 1150 (копия XV в.), *долгъ*, *должень* 1229 ACDE, 1223, *чельнъ* 1229 AB, *столтъя* Смоленская берестяная грамота 2/3 (третья четверть XIII в., ДНД. С. 521), *первое* Рядная Тешаты.

3) *върхоу* 1229 B (заметим, что так часто записывается полногласие: *по върьмьньмъ* 1229 A, *пърьдъ* 1229 A; а вот написание *възвърьжетъ* встретилось только в 1229 F — новгородском списке XVI в.); сравним Смоленская берестяная грамота 12 (ДНД. С. 344) (*м*)*ълъвити*; сравним там же *пъло съме* ‘шесть с половиной’.

4) *държанья*, *държати* 1229 B, *пърстаты* 1229 E (и *пърстаты* 1229 F), *оутвержена* 1229 B, *въ... църкви* 1229 B, *долгъ*, *долгю* 1229 B, и *оу дологъ* 1229 C.

5) *чльнъ* 1229 C.

²⁵ Существует точка зрения, по которой такие написания в ранних памятниках отражают старославянские, а написания типа *пърсть* (частые, например, в — новгородском! — Остромирове евангелии) — искусственные, компромиссные между старославянскими и собственно древнерусскими, а не связанные с явлением второго полногласия (см. *Дурново*. С. 148), но кажется, в свете открытия бытовых орфографий, ее следует пересмотреть. Впрочем, *въ църкви* на кресте Евфросиньи Полоцкой, действительно, может быть обеспечено скорее старославянским написанием; а *злото* — там же — кажется скорее компромиссным написанием между *золото* и *злато*, чем диалектной особенностью, как комментирует Обнорский (*Обнорский—Бархударов*. С. 35). См. анализ подобных написаний в ДНД (С. 40–41).

Учитывая, что списки грамоты, подлинник которой датирован 1229 годом, датируются так: В — конец XIII века, С — первая половина XIV века, D — 70-е годы XIII века, Е — первая половина XIII века, можно считать, что начиная с первой половины XIII века в Смоленске фиксируется явление второго полногласия (группы 4 и 3), а в XIV веке также и «второй огласовки» (группа 5) наряду с «первой огласовкой». В «Слове» написаний со следами второго полногласия нет, а вот «вторая огласовка», наряду с «первой», может быть, и присутствовала. В реконструкции, однако, мы унифицировали архаический вариант «первой огласовки» из-за затруднительности в целом отделения возможных случаев «второй огласовки» от случаев второго южнославянского влияния.

3. Явления в именном склонении.

Если мы выпишем все формы двухвариантного склонения, диагностические для понимания исторических процессов, проходящих в этой части языковой системы, то картина явно получается сильно смешанная.

В таблице часть форм свидетельствует о постепенном вытеснении окончаний твердого варианта окончаниями мягкого варианта (им. и вин. множ. муж. твердого варианта на *-ъ*, род. ед. жен. твердого варианта на *-ъ*, дат. ед. жен. твердого варианта на *-ы* и *-и*), а часть — наоборот, о постепенном вытеснении окончаний мягкого варианта окончаниями твердого варианта (местн. ед. муж. мягкого варианта на *-ъ*, вин. множ. муж. мягкого варианта на *-и* — эта форма может также объясняться смешением им. и вин. падежей, — местн. ед. жен. мягкого варианта на *-ъ*, им.-вин. множ. жен. мягкого варианта на *-и*).

Такие процессы характерны прежде всего для кривичских диалектов Новгорода и Пскова. С другой стороны, в мужском роде двухвариантного склонения происходит смешение именительного и винительного падежей множественного числа, причем явно стремящееся к победе окончания *-и* в винительном падеже мягкого варианта, окончание *-ъ* практически полностью вытеснено. Такому состоянию мягкого варианта соответствовала бы победа *-ы* в твердом варианте либо смешение *-и* и *-ы* с последующим перераспределением (например, по предикативам — не предикативам), но никак не *-ъ* в именительном множественного твердого варианта — окончание, приходящее из винительного множественного мягкого варианта. Никакого влияния мягкого варианта на твердый в этих формах не обнаруживает и *a*-склонение. Таким образом, здесь, предположительно, по крайней мере две разные системы, вопрос состоит в том, какая принадлежит протографу, а какая — переписчику XV–XVI века.

Форма	о-склонение			
	Твердый вариант		Мягкий вариант	
	«Правильная»	«Неправильная»	«Правильная»	«Неправильная»
Местн. ед.	<i>о плъку Игоревъ, въ Киевъ (2), Кіевъ (2), въ Новъградъ, въ градъ (2), во днѣ, въ Черниговъ, при Олзѣ, незнаемъ (ср. р.) (2), на брезъ (2), въ пламянь розъ, въ... теремъ, въ харалузъ, на столъ, въ буиствъ, на...въци, на тоць, въ Полотскъ, въ друзъ тьль, на..тьль, на забралъ (2), на заборолъ, безводнѣ, днѣ, днѣпрѣ, темнѣ березъ, по...Ростиславъ, на ... Игоревъ</i>		<i>Гориславличч, трояни, на Дунаи (2), по...князи</i>	<i>въ Путивль (3), Тмуторо-канъ, въ полъ (4), на море, въ моръ, на полъ, на синъ моръ</i>
Местн. множ.	<i>въ мытехъ, на вътрехъ (2), на...брезъхъ</i>			
Им. множ.	<i>(пути) въдоми, греци, [босуви], врани (3), сами (5), готови, осъдлани, свѣдоми, къмети, повити, (възлелъяни 89 по Ек.), въскръмлени, луци, стязи (4), напряжени, тули, отворени, влѣци (2), орли, вътри, внуци, пороси, въчи, въци, Трояни, бѣсови, плъци, жадни, тури, ятвязи, вси, голоси (2) 540, кровави, постъяни (2), (Давидови 599 по Ек.), сморци, гради, весели, здрави</i>	<i>!куряни/ ратаевъ/ бояре възлелъяны 89, поскепаны 193, шеломы 194, Олговы 205, Игоревы 461, ранены 454, шеломы 510, щиты 511, уньлы 549, Рюриковы 598, Давидовы 599, хоботы 600, цвъты 705; внуць, брезъ забралы (?) 342</i>	<i>половци (4), русичи (2), русици (2), комони, Стрибожи, князи (4), нѣмци, венедици, Олговичи, Мстиславичи, шестокрилицы, всеславли, солови</i>	
Вин. множ.	<i>о шеломы (4), соколы, чрезъ облакъ, суды, прѣсты, плъкы (5), на плъкы, Игоревы, на щиты, мосты, оксамиты, сваты, потоки, съ три кусы, снопы, грады, въ колоколы, носады, стругы, за христъяны, на...плъки</i>	<i>хлъми салтани, гради (?), стязи, лучи, тули, вережени. ? *розъ озеры 324</i>	<i>воя</i>	<i>вои, на вои (3), свои комони (2), подъ мечи, князи, свои мечи, корабли, святославли, чужи, ручьи</i>

Форма	<i>a</i> -склонение			
	Твердый вариант		Мягкий вариант	
	«Правильная»	«Неправильная»	«Правильная»	«Неправильная»
Род. ед.	<i>славы (2), Гльбовны, съ Каялы, Каялы (2), рькы, до Немиги, лады, красны, головы</i>	<i>славъ, изь... славъ, Немизъ (или дат.-местн.), ладъ</i>	<i>своя дъвице</i>	<i>среди земли, средь земли, многовои, отъ земли, изь земли, у... Софеи</i>
Дат. ед.	<i>къ дружинъ, незнаемъ вльзъ, обидъ, по бълъ, съдинъ, по ногатъ, по резанъ, къ рьць, ко гзъ</i>	<i>по Сули, головы</i>	<i>по земли (7), земли (4), къ земли (2), къ Софи, къ Богородици</i>	
Местн. ед.	<i>на рьць (2), на Каяль (2), на...тисовъ, на кровавъ травъ, на Немизъ, въ Каяль рьць, ужинъ, на водъ, мглъ</i>		<i>въ...святъ-славли, по уноши, въ земли</i>	<i>въ грядницъ, синъ мъглъ</i>
Им. множ.	<i>яругы, тълъгы, рькы, головы, стрълы, жены, дъскы, дъвы, години, горы, грозы, многи страны, страны, трубы, сорокы (2)</i>	<i>знаеми, изь-острени, роспущени, ради</i>	<i>туця, твоя, птиць</i>	<i>галици (3), лисици, сабли (2), зори, зари, вежи, мльни, птици, дъвици</i>
Вин. множ.	<i>на струны, бьды (2), на горы, дъвки, паволокы, раны (2), за раны игоревы (3), стрълы, яругы, рькы, главы, горы, въ путины желъзны</i>		<i>усобиць</i>	<i>сулицы (2)</i>

Рассмотрим сначала вытеснение окончаний твердого варианта окончаниями мягкого варианта. Заметим сразу, что форма дательного единственного *a*-склонения на *-ы* не фиксируется раньше XIV века (в новгородском Сильвестровском сборнике XIV в. *на онои страны*, см.: *Лекции*. С. 202); с XV века — в новгородских грамотах (см.: *ДНД*. С. 98); в смоленских грамотах встречено *по ... млтвы* в грамоте 1150 года, дошедшей в списке XVI века, причем явно содержащей много особенностей XVI века — *здоумав* и подобное. Зато таких

форм много в псковских памятниках XV–XVI веков, сравним, хотя бы, данные по *Строев.* в *СПИВЛ.* С. 105. Формы дательного-местного на *-и* (у нас — по *Сули*) встречаем на новгородско-псковской территории несколько раньше²⁶: *оу лоукини оулицы* (Синодальный список *НПЛ*, конец XIII в.), *жени* (новгородская берестяная грамота 406, XIV в.), *оу Вилни* (*Смол.* 1150, список XV в.) — но также поздно и, по-видимому, они являлись морфологически предшественниками форм на *-ы*. Формы именительного множественного мужского рода твердого варианта на *-ъ* в пергаменных памятниках появляются с середины XIII века, причем сначала исключительно в новгородских (*Лекциш.* С. 180), в берестяных грамотах — с XI века, в л-причастии (*съгонилъ*) — с 3-й четверти XII века. Они считаются новгородской характеристикой, или новгородско-псковской (часто в псковских памятниках XV в.). В принципе, однако, форма может принадлежать и каким-то диалектам, не получившим ранней письменной фиксации, сравним современное белорусское диалектное *мужике, вовке, дворэ*²⁷; в частности, ранние нецерковнославянские памятники для Смоленска и Полоцка редки. Однако все имеющиеся встречаемости такой формы не дают рефлексов второй палатализации²⁸ (новг. *золотьникъ*, а не *золотьницъ, ср. белорус. *мужике*, а не *мужице), а в нашем памятнике хорошо прослеживается последовательное сохранение второй палатализации. Причем скорее его следует относить к протографу, поскольку оно обладает нетривиальной особенностью, характерной как раз для смоленско-полоцких текстов (ср. *въ Полотскъ*, но на *брезъ* — и в в берестяной смоленской грамоте *не мъзи*, но *смоленске* — *ДНД.* С. 344–345, и так же в пергаменных смоленских грамотах). При этом обе формы именительного множественного мужского на *-ъ* как раз со второй палатализацией: *внуць, брезъ*. Приемлемой интерпретацией этой ситуации кажется

²⁶ Имеются в виду, конечно, только памятники без фонетического смещения *ъ* и *и* — в памятниках с таким смещением окончание *-и* выступает как фонетический вариант *-ъ*.

²⁷ Но не на территории Смоленской области — см.: *Расторгуев.* С. 100–103.

²⁸ Так называется фонетический процесс в позднем праславянском, который переводил заднеязычные согласные в свистящие (в случае древнерусского — *к, г, х* в *ц, з, с*), если после них стоял передний гласный дифтонгического происхождения (в частности, *ъ* из балтославянского *oi, ai*). В кривичских диалектах Новгорода и Пскова этого не было, поэтому общерусскому *црьль* там соответствует *крьль*. Считается, что вторая палатализация проходила после первой — это процесс, переводивший заднеязычные согласные в шипящие (в случае древнерусского — *к, г, х* в *ч, ж, ш*), если после них стоял передний гласный недифтонгического происхождения. Первая палатализация прошла по всем славянским диалектам.

следующая: в протографе (смоленско-полоцком) здесь были нормальные формы со 2-й палатализацией, *внуци* и *брези*, а псковский переписчик (не имеющий живой второй палатализации) приставил им свое окончание, возможно, даже ориентируясь на формы мягкого варианта, как это должно было произойти и в случаях из *Строев.* или *Ипат.*, приводимых в *СПИВЛ.* С. 105: *сребролюбче, ворозь, мнозь, клобоуць*. При таком решении мы теряем в протографе одну точную аллитерацию, заменяя ее на неточную: *Немизь кровави брезь* (меняется на *брези*), но кажется, с этим придется смириться, поскольку лингвистические аргументы довольно императивны.

Часто именительный множественного мужского твердого варианта на *-нь* сцеплен с наличием именительным множественного женского рода твердого варианта на *-нь* (заметим, что в «Слове» этих форм нет), в свою очередь связанного с наличием не только предложного, но и беспредложного родительного единственного женского рода твердого варианта на *-нь* (см. *Дыбо.* С. 186), что также наблюдается как в самых ранних новгородских, так и в указанных поздних переписанных псковских памятниках. Тогда (конечно, в высшей степени гипотетически) можно отнести формы родительного единственного женского рода твердого варианта на *-нь* к списку XVI века, заменив их в реконструкции на этимологически правильные. С другой стороны, хотя в смоленских памятниках до сих пор надежно не фиксировался родительный единственный на *-нь*, он вполне употребителен в современных смоленских говорах (*Расторгуев.* С. 104; преимущественно формы с предлогом); кроме того, имеется один пример в короткой смоленской берестяной грамоте 9/8: *ньло съме р[гу]в[нть]* («шесть с половиной гривен», конструкция типа *полторы гривны*), который, по мнению А. А. Зализняка (*ДНД* С. 462), может свидетельствовать как о наличии таких форм в раннесмоленском диалекте (но ср. смоленская № 5/7, с. 466 (поминание) последовательно *-ы*), так и о новгородском происхождении этой грамоты. Примеров с эффектами 2-й палатализации среди этих форм в «Слове» нет (если не считать *Немизь кровави брезь*, где можно трактовать форму *Немизь* и как беспредложный местный), так что этот критерий хронологизации не работает; итак, форма остается сомнительной, но мы не можем надежно изгнать родительный единственный женского рода твердого варианта на *-нь* из реконструкции. Тем не менее можно заключить, что в целом процессы рассмотренного типа — принадлежность диалекта позднего переписчика, а не писца протографа.

Часть морфологических инноваций появляется за счет смешения именительного и винительного падежей множественного числа.

Окончания *-и* винительного падежа множественного числа мягкого варианта появляются с XIII века — Милятино евангелие 1215 *князи*, Житие Нифонта 1219 (Ростов) *князи* (см.: Дурново. С. 263), в Новгороде — с конца XI века (ДНД. С. 109). С XIII же века отмечаются и окончания *-ы* именительного множественного твердого варианта (ИГДРЯ I. С. 170; но в Новгороде — мало и ненадежно). Соответственно эти окончания можно относить как к копии XVI века или ошибкам издателей XVIII века, так и к протографу. Полагаю, что часть их появилась в XVIII веке; это случаи, по которым расходятся показания *П.* и *Ек.*, *възлелѣяны — П.* / *възлелѣяни — Ек.* 93 (явно должно вступать в созвучие со следующими *въскърмлени, напряжени, отъворени и изострени*) и *Давидовы — П.* / *Давидови — Ек.* 616. В свете последнего исправления должно быть исправлено и *Рюриковы* 615 на *Рюрикови*. Кажется, что следует исправить *-ты* на *-ти* в *цвѣты* 721, сравним глубокую аллитерацию (при учете неразличения *ч* и *ц* в говоре): *плачѣться мати ростиславлѣ / по оуноши кѣнѣзи ростиславлѣ / оуныша цвѣти жалобю*.

Оставлены в реконструкции с большей или меньшей уверенностью случаи *поскепаны* 201 (ср. аллитерацию на безударное *-ны*: *поскепаны саблями калеными*, — которая отзывается выше (*поганьтъ*) и ниже (*кая раны, красьнытъ гльбовны*). Остальные *-ы* мы оставляем просто по принципу минимальной правки²⁹. С окончанием *-и* винительного падежа мягкого варианта подобные аллитерационные игры менее надежны (фонетически согласный + *ть* не слишком отличается от согласный + *и*, а точные правила рифмовки отсутствуют или, во всяком случае, нам неизвестны), поэтому мы просто условно их сохраняем.

Винительный множественного мужского твердого варианта на *-и* по памятникам также появляется рано — *идѣмъ въ ...гради* Милятино евангелие 1215; принято считать, что это — искусственные гиперкорректные формы — у нас еще и с эффектами второй палатализации, сравним выше — при происходящем в языке смешении именительного и винительного падежей (откуда реальные формы им. множ. муж. на *-ы*)³⁰. Здесь можно думать и о поздней поправке, и о гиперкоррекции у автора протографа — решение может быть принято в зависимости от того, считаем ли мы, что поэт XII века

²⁹ Кажется, что имен.мн. на *-ы* требуется в стихе: *сего бо нынѣ стаща / стѣзи рюрикови / а дружици давидови / нѣ розьно ся имъ хоботы пащютъ / копия поютъ*, причем требуется и отвердшее глагольное окончание, которое отражено смоленским *идето* (см. выше).

³⁰ Подробное обоснование см.: ИГДРЯ I. С. 176–186.

мог пользоваться гиперкорректными формами (следовательно, недостаточно тверд был в церковнославянском языке) в поэтических целях, поскольку на них строятся одна глубокая аллитерация (*по-низите стязи свои, вонъзите свои...*) и одна анаграмматическая связка (*простре горячую свою дучю, ... жажею имъ дучи съпряже*). Лично мне это кажется маловероятным, но, не являясь профессиональным поэтом, оставляю решение за А. Ю. Черновым.

В ряде случаев в тексте имеются формы именительного–винительного женского рода твердого варианта двухвариантного склонения на *-и* вместо *-ы*: (*яругы*) *знаеми*, (*сабли*) *изъострени*, (*лебеди*) *ропущени*, (*страны*) *ради* — следует заметить, что все это — формы причастий и прилагательного в предикативной позиции, таким образом, может быть, результат того же процесса, что современное русское множественное число прошедшего времени — бывшее предикативное л-причастие типа *были*, *ходили* — на *-и* независимо от рода подлежащего. К сожалению, локализация этого процесса практически не исследована; в литературном языке он захватил только л-причастия, в диалектах отмечаются также отдельные ареалы предикативов типа *ради*, *богати* (независимо от рода подлежащего). Что касается ранних памятников, то самые ранние отмеченные формы относятся к XII веку (Новгородский ирмолой, Ефремовская кормчая — см.: ИГДРЯ I. С. 167), далее — в Житии Нифонта (Ростов, 1219 г.) *хвалы...чистоты исполнені* (Лекции. С. 209); мне известны такие же причастные формы (предикативные пассивные причастия, им. множ. женского рода) в Лобковском прологе, западно-новгородском памятнике, датированном 1262 годом (*оучими*, *яти*, *оустъчени*)³¹. Появиться такие формы могли, по-видимому, под влиянием именительного падежа множественного числа мужского рода на *-и*, который, следовательно, по крайней мере в предикативной позиции не заменялся в соответствующих говорах на винительный на *-ы* (как это произошло в литературном языке). Возможно, с этим явлением связаны формы женского рода множественного числа местоименного склонения на *-и* (*онѣ же самѣ княземъ славу рокотаху* — явно о струнах) — сравним современное распространение по диалектам множественного числа местоименного склонения

³¹ Речь идет именно о памятниках, не смешивающих фонетически *ъ* и *и*; в текстах с таким смешением подобные формы женского рода могут отражать совсем другое явление: распространенное в части новгородских говоров окончание им. множ. *-ъ*, пришедшее из мягкого варианта склонения — первоначально *жены*, *земль*, затем в литературном языке *жены*, *земли*, а в этих диалектах — *женъ*, *земль*, см., например, ДНД (С. 98), а при фонетическом смешении — как например, в некоторых двинских грамотах — и *жени*, *земли*.

типа *ти* (независимо от рода). Когда такие формы устанавливаются — неясно, но Лобковский пролог отстоит от предполагаемого протографа менее чем на 100 лет. Так что формы именительного-винительного множественного женского твердого варианта на *-и* можно относить и к особенностям протографа. Заметим, что при такой реконструкции мы получаем в протографе очередную аллитерацию (*страны ради, гради весели*).

Что касается соответствия такой реконструкции предположению о смоленско-полоцком характере протографа, то смоленские грамоты XIII–XIV веков, действительно, в отличие, например, от новгородских, не показывают влияния на твердый вариант двухвариантного склонения со стороны мягкого варианта, но демонстрируют распространение окончания *-и* в винительном множественного мужского и именительном-винительном множественного женского мягкого варианта (правда, с конца XIII в.). Кроме того, наличие творительного множественного *князми* в грамоте Юрия Святого (1386), *моужьми* 1223 в смоленских грамотах предполагает влияние на мягкий вариант мужского со стороны *i*-склонения и, следовательно, хорошую сохраняемость окончания *-и* в местном единственном при появлении нового *-ть* в мягком варианте среднего рода³². По-видимому, можно считать, что такое же распределение присутствовало в протографе «Слова» и рассматривать формы *въ Путивль* (3), *Тмutorокань* как ошибку переписчика (см.: СПИВЛ. С. 107), а *въ полъ* (4), *на море, на моръ, на полъ, на синъ моръ, въ грядницъ, синъ мъгль* как особенность протографа³³.

Формы на *-и* в именительном множественного слов на *-яне* рано фиксируются в Успенском сборнике (XII–XIII вв., ИГДРЯ I. С. 111), но встречаются редко. Нет их и в Смоленских грамотах. По современным говорам такие формы представлены, напротив, весьма широко; их зону распространения можно с некоторыми натяжками определить как «общезападную» (западнее 36° восточной долготы, см.: ДАРЯ. Вып. 2, Морфология, карта 26). Не имея возможности аргументированно отклонить, оставляем форму *куряни* в реконструкции.

³² Собственно в смоленских грамотах XIII–XIV вв. форма местного падежа ср. р. встретила только одна, *оу црьлованы*, но в памятниках со следами аналогичных процессов ожидается именно такое распределение форм.

³³ В этом случае у нас в реконструированном протографе сохраняется рифма-аллитерация *горъ — на синъ моръ*; с другой стороны, бесполезно изменять *въ полъ незнаемъ, среди земли половецькыя на въ поли*: рифмовка с *земли* все равно недостижима ввиду очевидной конечной ударности *земли* и ударения на предлоге в *въ полъ*.

Двухвариантное склонение в Смоленских грамотах XI–XIV веков

Форма	Мужской и средний род			
	Твердый вариант		Мягкий вариант	
	«Правильная»	«Неправильная»	«Правильная»	«Неправильная»
Местн. ед.	только <i>-нь</i> , в том числе (на) <i>березь, на волоць, смоленьскъ</i> (много раз, во всех грамотах, кроме 1229 В); в гр. 1229 В только <i>смоленьциъ</i> (много раз)	<i>у вержа-(в)ску</i> (1150, сп. XV в.)	только <i>-и</i>	
Местн. множ.	<i>городьхъ</i> 1229 В, <i>послоустьхъ</i> 1229 ABC, <i>бобровницьхъ</i> 1150, <i>въ бортницьхъ</i> 1150		<i>при коупцихъ</i> 1229 DE, <i>при мужихъ</i> 1229 DE, <i>въ торговьцихъ</i> Рядная Федора	
Им. множ.	<i>дъди</i> 1229В, <i>послоуси</i> 1229 ABCDE, <i>розбоици</i> 1223, <i>истужници</i> 1150.	<i>зоны</i> 1150	<i>земледержци</i> 1229 ABC, <i>коупчи</i> 1229 АВ, <i>мужи</i> 1229 DE, <i>нем(ь)ци</i> 1223, 1229 DE (3), <i>отци</i> 1229 В	
Вин. множ.	<i>соуды</i> 1229 АС, <i>волосы</i> 1229 DE, <i>розбоици</i> 1223, <i>въкы</i> 1229 DE (2), <i>прощеники</i> 1150		<i>моуже</i> 1229 DE, <i>про моуже</i> 1223	<i>на немчи</i> 1229 DE

Форма	Женский род			
	Твердый вариант		Мягкий вариант	
	«Правильная»	«Неправильная»	«Правильная»	«Неправильная»
Род. ед.	только <i>-ы</i>		<i>бце</i> 1229 ACDE, <i>воле/ь</i> 1223, 1229 AC, <i>въкъше</i> 1229 DE (2), <i>земле/ь</i> 1223, 1229 AC, <i>соудье</i> 1223, <i>блядне</i> 1229 DE	<i>оу бци</i> 1229В, <i>воли</i> 1229В, <i>земли</i> 1229 В, <i>продажи</i> 1150
Дат. ед.	<i>-нь</i>	<i>по млтвы</i> 1150	только <i>-и</i>	
Местн. ед.	<i>-нь</i>	<i>оу Вилни</i> 1386	только <i>-и</i>	
Им. -вин. множ.	<i>-ы</i>		<i>роукавиць</i> 1229 ACDE	<i>роукавици</i> 1229В, <i>лици</i> 1150 (3), <i>тяжи</i> 1150

В «Слове» встречен один надежный пример окончания *-ы* вместо *-а* в винительном множественного среднего рода *озеры* (и, возможно, еще им. множ. *забралы* — если это не женский род). А. А. Зализняк рассматривает его как позднюю северо-западную диалектную черту, исключаящую Новгород. Действительно, она часто встречается в псковских текстах, но наиболее ранняя известная мне форма — *ребры* в новгородском Юридическом сборнике XIV века (как раз в том, что содержит список F смоленской грамоты 1229 г.). Современные смоленские говоры входят в зону распространения этой формы (*Расторгув.* С. 107), хотя в ранних Смоленских грамотах таких форм нет. Но из реконструкции мы эти формы изгоняем, так как они, похоже, все-таки появились значительно позже XII века (Соболевский — *Лекции.* С. 211 — приводит как самую раннюю форму *числы* — Пчела нач. XV в.)³⁴. С соответствующими формами прилагательных, появившимися на основе этого окончания в именном склонении (в «Слове» — *копия харалуужныя*), мы поступаем по аналогии.

По-видимому, принадлежность переписчика XVI века — нарушения в употреблении звательного падежа (два случая: *ни тебѣ чьрныи воронѣ поганыи половьчине* 158–159; *и тебѣ тьмоутораканьскыи*³⁵ *бълванѣ* 116; в первом случае еще можно предположить, что *воронѣ* выступает в качестве приложения при *половчине* и потому не принимает звательного падежа, но второй в реконструкции мы уверенно выправляем на *бълване*). И того же происхождения — замена двойственного числа на множественное (*СПИВЛ.* С. 41): *въсплескала лебединыи крылы* 289, в протографе должно было быть *лебединыма крылома*; также *самаю* 388 вместо *самую* (объяснение формы см. у Л. А. Булаховского: контаминированное окончание). Неоднозначен случай *въ злата стремь* 476: обычно правят на *стремени*. Так выглядел бы нормальный винительный двойственного от существительного среднего рода *стремя* и согласованного с ним прилагательного среднего рода *злато*, если учесть особенности двойственного среднего рода *о*-склонения, указанные в *Зализняк.* С. 38, 344, — или от существительного мужского рода *і*-склонения *стремь* и согласованного с ним прилагательного мужского рода (ср. *подль твои стремь* — *Ипат.*, лето 6660, см. *Срезневский.* Т. III. С. 566). Принимая

³⁴ В прилагательных среднего рода окончание *-ы* в им.-вин. падеже множ.ч. появляется с XII в. — см.: *ИГДРЯ I.* С. 170–171, но это скорее особое явление (см. объяснение там же); для существительных же, кажется, правильна датировка второй половиной XIV в., см. там же, с. 189.

³⁵ *Тьмутораканский* издания — скорее ошибка-предвосхищение.

такое чтение, мы правим окончание существительного с *-ь*, зафиксированного в *П.* и *Ек.*, на *-и*. Можно, однако, считать, что словосочетание *въ златъ стремь* стояло в единственном числе, и править окончание прилагательного с *-а* на *-ь*, считая *-а* случайной опiskeй под влиянием предыдущего слога. Обе предполагаемые описки могли принадлежать переписчикам и XVIII, и XVI века.

4. Явления в склонении полных прилагательных.

Вот встретившиеся в «Слове» формы прилагательных, существенные для демонстрации того, какие исторические процессы могли проходить в языке памятника (см. на с. 450).

Инновации, появляющиеся в окончаниях прилагательных, обусловлены двумя типами процессов: взаимодействием адъективного и местоименного склонений и взаимовлиянием мягкого и твердого вариантов склонения.

Что касается родительного падежа единственного числа мужского рода, то показания памятников относительно хронологизации окончаний расходятся. В новгородских берестяных грамотах (см.: ДНД. С. 120), адъективное окончание *-ago* заменяется местоименным *-ogo* только со второй половины XIII века; в единственном примере из берестяной смоленско-полоцкой грамоты середины XII века — *-ago*. В пергаменных смоленских грамотах XIII века (в том числе в первой половине) только *-ogo*; два примера *-ago* — из грамоты 1150 года, которая, впрочем, известна в списке XVI века и проявляет многие поздние особенности, и грамоты Юрия Святого (1386); здесь возможны эффекты второго южнославянского влияния). С другой стороны, часть исследователей проецирует окончание *-ogo* вообще на позднепраславянский уровень (поскольку они встречаются и в других славянских языках, см. Дурново. С. 245), и считает, что окончание *-ago* в древнейших текстах обусловлено влиянием церковнославянской орфографии. Написание *-ago* является также нормой гражданской орфографии, так что часть таких написаний может быть следствием ошибки переписчиков XVIII века; колебания между Екатерининской копией и Первоизданием (при том, что у человека конца XVIII в. не было никаких причин написать *-ogo* вместо *ago* в источнике) свидетельствуют в пользу последней гипотезы. Итак, скорее всего, в тексте XVI века были колебания *-ago/-ogo*, но установить, какие формы были в протографе, невозможно. Форма *-ago* ранних берестяных грамот может быть и специфической характеристикой новгородского диалекта. Все же, ориентируясь на показания берестяных грамот, мы восстанавливаем *-ago*, что по большей части соответствует принципу минимальной правки, хотя может быть и результатом копирования.

Форма	Прилагательные, мужской и средний род			
	Твердый вариант		Мягкий вариант	
	Адъективные	Местоименные/ перестроенные	Адъективные	Местоименные/ перестроенные
Род. ед.	<i>старого</i> 35, 751, <i>ратного</i> 39, <i>великого</i> 56, (676), (<i>половецкаго</i> 58), <i>старого</i> (62), 611, <i>другаго</i> 163, (<i>великого</i> 170, 175), <i>кроваваго</i> 273, (<i>храбраго</i> 303), 517, (<i>поганаго</i> 342), <i>рускаго</i> 355, <i>сильнаго</i> 431, <i>богатаго</i> 431, <i>киевского</i> 576, <i>малаго</i> 677	(<i>половецкого</i> 58 Ек.), (<i>старого</i> 62 Ек.), (<i>великого</i> 170, 175, 676 Ек.), (<i>храброго</i> 303 Ек.), (<i>поганого</i> 342 Ек.), <i>поганого</i> 495	<i>нынѣшняго</i> 36	
Местн. ед.	<i>златовръсьмь</i> 374, <i>жестоцъмь</i> 426, 626, <i>златокованнъмь</i> 483	<i>седьмомь</i> 570, <i>половецкомь</i> 748	<i>синьмь</i> 290	(или <i>синемь</i> ?)
Им. множ.	<i>тии</i> 437, <i>храбрии</i> 190, 275, <i>погании</i> 298, 325, (<i>жельзнии</i> 506 по Ек.), <i>друзии</i> 616	<i>оварьскыя</i> 202 <i>спърьи</i> 101, <i>храбрыи</i> 520, <i>жельзныи</i> 506, <i>златыи</i> 527		
Вин. множ.	<i>половцькыя</i> 138, 173, <i>бръзыя</i> 52, <i>храбрыя</i> 180, <i>поганыя</i> 138, 565, <i>на поганыя</i> 292, 771, <i>чръленыя</i> 126, <i>драгыя</i> 142, <i>на храбрыя</i> 180, <i>рускыя</i> 187, <i>литовьскія</i> 543	<i>бръзыи</i> 87, <i>подь тыи</i> 512, <i>харалужныи</i> 512		<i>въщия</i> 30
Женский род				
Род. ед.	<i>милыя</i> 208, <i>красныя</i> 209, <i>половецкія</i> 354, <i>у святыя</i> 599	<i>половецкыи</i> 254, 569, <i>рускыи</i> 322, <i>которыи</i> 21; <i>половецкои</i> 670, <i>быстрои</i> 272		<i>сицеи</i> 247, <i>изъ дьднеи</i> 563
Дат. ед.	<i>святъи</i> 234, 762 ³⁶ , <i>сребренеи</i> 429	<i>по рускои</i> 240, 259, 307, 320, 398, <i>рускои</i> 608, 701		<i>пирогощеи</i> 762
Им. множ.	<i>кровавыя</i> 164, <i>чръныя</i> 165, <i>половецкыя</i> 192, <i>поганыя</i> 199, <i>каленыя</i> 250, <i>рускія</i> 310, <i>готскія</i> 407, <i>красныя</i> 407	<i>ляцкіи</i> 528, <i>городеньскіи</i> 559, <i>половецкіи</i> 683		<i>синіи</i> 161
Вин. множ.	<i>красныя</i> 140, <i>половецкыя</i> 140, <i>кровавыя</i> 625, <i>каменныя</i> 647	<i>на живая</i> 31, <i>угорскыи</i> 484		

³⁶ В СПИВЛ (С. 91) ошибка: в Ек. не *святой*, а также *святъи*.

В формах родительного единственного женского обращает на себя внимание тенденция к замене этимологически правильной формы местоименного члена *-ъ* (в церковнославянизированной форме *-я*) на *-и*; эта замена происходит и в окончаниях адъективного типа (*половецкѣи* 254, 569, *рускѣи* 322, *каторѣи* 21), и в перестроенных окончаниях местоименного типа (*половецкои, быстрои, сищеи, изъ дѣднеи*). Это, очевидно, тот же самый процесс, что замена на *-и* окончания родительного единственного *-ъ* в мягком варианте *а*-склонения существительных. Такие формы существительных фиксируются, хотя довольно редки, в ранних берестяных новгородских грамотах (*ДНД. С. 97*) и имеются в ранних смоленских грамотах (см. выше). В прилагательных в раннем Новгороде появляется адъективное *-ѣи* с XI века (в соответствии с родительного падежом существительного не на *-ѣ*, а на *-ъ*) и местоименное *-ои* с XIV века. Но сравним «Вопрошание Кирика» (1130–56 гг., в списке 1280-х гг.) *изъ нѣкоторои* (*Дурново. С. 275*). В ранних смоленских грамотах подобных окончаний не встречено (единственный пример — *тъи* 1150 г., копия XV в.), но вообще-то их вполне естественно ожидать на основании процессов, проходивших в именном склонении. А. А. Зализняк полагает, что окончание *-ѣи* можно связывать с современным ареалом такого окончания (*у старѣи бабы*) в северовосточных белорусских говорах, а также в псковских и смоленских (*ДАРЯ. Морфология, карта 42*); встречается оно и в Ипатьевской летописи; таким образом, оно (и «местоименное» окончание *-ои, -еи*) с равным успехом может характеризовать как протограф, так и копию XV–XVI века. Мы восстанавливаем в реконструированном тексте архаическую форму, но это условное решение.

Формы множественного числа мужского рода демонстрируют смешение именительного и винительного падежей (как и в именном склонении), благодаря чему, в частности, появляются формы на *-ѣи* (ср. также вин. пад. *своѣ вѣщѣи прѣсты* — и у Кирилла Туровского (1130–1182 гг.): *сущѣи со мною братьѣ*). Формы на *-ѣи* отмечены в Новгороде в берестяных грамотах с 1187 года, на *-ѣи* — с XIII века (*НПЛ*), тогда же отмечается смешение именительного и винительного падежей. Сравним Пандекты Никона Черногорца (1296 г., Новгород или Псков) *мирскѣи есмѣ* (*Лекции. С. 197*). Явно в связи с этими формами появляется *-ѣи* в множественного числа женского рода (т. е. и здесь в адъективном склонении следы тех же процессов, что в именном). Если мы спроецируем эти формы в протограф, они окажутся древнейшими употреблениями, но совсем ненамного удревят соответствующие процессы. Решение нельзя принять и на основании «поэтической ценности» форм, поскольку фонетически они очень мало различаются.

Примечание. А. А. Зализняк (*СПИВЛ*. С. 90–91) предлагает следующее решение. Он проводит статистический анализ распределения «инновационных» окончаний по тексту и делает выводы, подобные случаю с *кы, гы, хы*, то есть что встречаемость инновационных окончаний повышается к концу, и следовательно, это могут быть ошибки, сделанные утомившимся переписчиком. Заметим, что при распределении старых и инновационных окончаний в адъективном склонении А. А. Зализняк объединяет инновации, возникающие вследствие разных языковых явлений. Большая часть инновационных окончаний — это местоименные флексии, вытесняющие в древнерусском старые адъективные формы. Не такого происхождения окончания им. множ. муж. *-ыи, -ыя* (в противоположность старым *-ии*; у А. А. Зализняка пропущено еще *златыи* 527) — это просто окончания вин. пад., употребленные вместо именительного (аналогичную, то есть образовавшуюся за счет внутрипарадигменных процессов, а не заменой именных окончаний на местоименные, смену в род. жен. ед. *-ыя* на *-ыи* А. А. Зализняк в этом подсчете называет незначительной модификацией и сплошь причисляет к старым окончаниям, а ниже, на с. 100, считает поздней диалектной особенностью, характерной для белорусских и псковских говоров). Продублировав его подсчеты на более полном материале, получаем вместо таблицы на с. 91:

Звенья	Процент новых окончаний
1–134 (1–487)	20 из 68 — 29%; 26 — 38
135–183 (488–651)	7 из 17 — 40%
184–218 (652–754)	5 из 9 — 56% (или в сумме по 2-й половине 64%)

Статистика, как и у А. А. Зализняка, показывает стабильное повышение доли инновационных форм к концу второй половины текста.

Мы все же восстанавливаем архаические окончания в реконструируемом тексте, хотя имеем мало оснований полагать, что формы отсутствовали в живой речи за сорок лет до первой письменной фиксации.

Еще одной формой, исключаящей Новгород из возможных районов Северо-Запада, где могла быть в XV–XVI веке сделана копия «Слова», А. А. Зализняк считает (*СПИВЛ*. С. 100) окончание творительного единственного женского адъективного склонения *-ую* (*преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подълимъ*). Такие окончания, вместе с окончанием дательного-местного *-уй*, действительно встречаются в южнопсковских, смоленских и некоторых других среднерусских говорах. Но на территории современных северозападных говоров они представлены — по течению Шелоны севернее Холма, по Ловати севернее Порхова и в районе Чудского озера. Надосказать, что это приблизительно те же точки, где обнаруживаются в точечном распространении как раз те языковые особенности, которые могли бы восходить к древнему

Сравнительный материал по прилагательным в смоленских грамотах

	Адъективное склонение	Местоименное склонение
Род. ед. муж.	<i>роусказ(о) 1150 шестаго Юр. Св.</i>	<i>витебьского 1229В, витьбьского 1229С, витьбеского 1229А, вольного 1223, 1229 А, 1229 Е, волного 1229 DF, городьского 1223, готьского 1229 ABCD-EF, дрюгого 1223, 1229 ABC, дъцкого 1229ABCD-EF, латиньского 1229 ABC, лоучьшего 1229 ABC, немецьского 1229 В, полотьского 1229 ABC, роуского 1150, стого 1150, смоленьского 1229 ABCD, того 1229 ABCDE, 1223</i>
Дат. ед. муж.		<i>волочьскомуу 1229 D, волоцьскомуу 1229 Е, волочкомоу 1229 F, вьсточномуу 1229 DE, вьсточнъму 1229F, горячемоу 1229 ABC, дътьськомуу 1229 ABC, латиньскомуу 1229 ABC, немецьскомуу 1223, 1229 DE, роусьскомуу 1229 BDE, 1223, смольнъскомуу 1223</i>
Местн. ед. муж.	<i>блговърнем 1150, хтлолюбивемъ 1150</i>	<i>на готьскомъ/ь 1223, 1229 ABCDEF, въ немецьскомъ 1229 DE, рижьскомъ 1229 DE, томъ 1229 ABCDE</i>
Твор. ед. муж.	<i>блгороднымъ 1150, с великимъ Юр. Св., готьскимъ 1229 ABC, латинскимъ 1229 ABC, литовьскимъ Юр. Св., полоцкимъ Юр. Св., полскимъ Юр. Св., рижьскимъ 1223, 1229В, ризкимъ 1229 АС, руськимъ 1229 ABC, Юр. Св., тьмъ Юр. Св., хтлобивемъ 1150</i>	<i>тьмъ 1229 ADE</i>
Род. ед. жен.	<i>тъи 1150</i>	<i>волное 1223, латинское 1229 С, стое 1229 ABCDE, смоленское 1150, оное 1229 В, тое Юр. Св.</i>
Дат.–местн. ед. жен.	<i>стъи Ив. Ал., 1150, У велицъи 1150, в ветьскеи 1150 (топоним), гостинеи 1150</i>	<i>по бесъсудной 1229F, витьбьскои 1229 DE, по полотьскои 1229 ED, смоленьскои 1229 ABCDE, въ витебьскои 1229F, латиньскои 1229 АВ, немецьскои 1229 ED, русьскои 1229 ABC, рижьскои 1229 DE, онои 1150, тои 1229 ABCDE</i>
Им. множ.	<i>дъбрии 1229 ABCDE, короткии 1150</i>	
Вин. множ.	<i>серебреные (2) 1229 С, готьские 1229 ED</i>	

новгородскому диалекту, представленному в берестяных грамотах (историко-диалектологической проблемой является тот факт, что эти особенности лучше представлены на более южных территориях). Опять же, древнейшая известная мне встречаемость подобной формы — *по суднуи грамотъ* в упоминавшемся Новгородском юридическом сборнике середины XIV века. Из реконструкции мы все же эту форму изгоняем как слишком позднюю (а аллитерация *предьнюю* — *здьнюю* в общем не хуже, чем *предьнюю* — *здьнюю*).

Еще несколько нуждающихся в правке форм: *на живая строуны* 31 — характерная гиперкорректная ошибка переписчика XVI века (см.: СПИВЛ. С. 86), следует читать *живыть*. *Въ княжихъ крамолахъ* 238 — следует читать либо *в княжахъ* (по именному склонению: видимо, позднее смещение рода), либо *в княжьихъ*; о последнем типе форм см.: ДНД. С. 124 (*робьихъ*).

5. Личные местоимения.

Здесь нас интересуют только формы дательного *тебъ*, *себъ*, регулярно проведенные в результирующем тексте «Слова», — в сравнении с архаичными древнерусскими *тобъ*, *собъ* (один раз, строка 526) — которые практически регулярно употребляются в древнерусских нецерковных памятниках разного происхождения до XVII века, в то время как формы *тебъ*, *себъ* в ранний древнерусский период встречаются только в памятниках церковного содержания и рассматриваются как церковнославянизмы (Дурново. С. 241, 273). В более поздних текстах они встречаются как результат второго южнославянского влияния. Исходя из этих соображений, мы сочли все формы *тебъ*, *себъ* в «Слове» принадлежащими рукописи XVI века и исправили их в реконструкции на *тобъ*, *собъ*. В современных смоленских говорах форма *собе* хорошо представлена (Расторгуев. С. 110).

6. «Разносклоняемое».

Аналогическое *-ян-* вместо *-ен-* встречено в контексте *о руская земле уже за шеломянемъ еси*. Такие формы в Новгороде в берестяных грамотах появляются со второй половины XIV века, см. ДНД (С. 117), в XV веке встречаются уже на разных территориях (Дурново. С. 271). Как позднее явление, исключается из реконструкции.

7. Перфект.

Описывая употребление перфекта в «Слове», А. А. Зализняк приходит к выводу, что часть употреблений восходит к протографу, а часть — результат действий переписчика XV–XVI века. К последним он готов относить случаи, когда перфект употребляется безразлично с аористом, поскольку такой узус обычен с XV века, но, по-видимому, не представлен в древности (СПИВЛ. С. 80–82),

соответственно мы должны были бы при реконструкции заменить часть форм перфекта на формы аориста. Если обратиться к работе ДНД, то там, напротив, при обсуждении употребления прошедших времен (С. 173–174) говорится следующее:

Материал берестяных грамот показывает, что с самого начала письменной эпохи в живой речи господствующей формой прошедшего времени был прежний перфект. <...> Перфект <...> свободно употребляется <...> в семантических контекстах, которые в системах, содержащих аорист, максимально благоприятствуют употреблению аориста.

Случаи употребления имперфекта и аориста в грамотах отнесены к влиянию книжного языка. Между тем в летописях, в том числе новгородских, употребление перфекта и аориста хорошо различается. Предлагается следующее объяснение: «Аорист был не позднее XII в. (возможно, и раньше) оттеснен в сферу пассивного знания: в обыденной устной речи он уже не употреблялся — его заменил перфект, ставший универсальным выразителем прошедшего времени. Однако носители языка все еще без труда понимали аористы при чтении или слушании читаемого текста и правильно их употребляли, когда писали летописный или официальный текст». Если предположить, что ситуация была таковой не только в Новгороде, но и на других территориях Древней Руси, то соотношение употреблений аориста и перфекта зависит прежде всего от степени «книжности» языка «Слова», каковую нельзя определить императивно, но, в частности, из этого следует, что в XII веке вполне мог существовать светский текст (особенно если учесть, что «Слово» — единственный известный представитель своего жанра) с точно таким употреблением аористов и перфектов, как в «Слове». Мы оставляем в реконструкции глагольные формы неизменными.

8. Неясно, насколько поздним следует считать отвердение с в частице *ся* (*врѣжеса дивѣ*). В современных говорах это главным образом восточная (владимирско-поволжская) черта (см.: ДАРЯ. Морфология, карта 106); на других территориях отвердение наблюдается только после глагольных *-т* и *-л*; впрочем, в новгородской надписи XIII века *молитеса* (СПИВЛ. С. 97; согласно *Лекции*. С. 139, отвердение *ся* отмечено с XIV в.). Если, исходя из этой формы, счесть, что в протографе было представлено отвердение, выясняется любопытная вещь относительно его позиций. Вот две группы случаев — когда по аллитерационным соображениям (*NB: со слоговым произношением еров*) лучше было бы иметь форму с отверждением и когда по ним же лучше было бы иметь форму с мягким *ся*:

1) *той са саблямъ потроучати, моужаиме са сами, задънюю са сами подълимъ*, менее уверенно — *въци челоувъкомъ съкратишаса*.

2) *свѣтиться на небесѣ, вьются голоса*.

Оказывается, что мягкость *ся* сохраняется после *-тъ*, что может быть связано с передним характером предшествующего гласного, или с мягкостью *-т-*. Мы не рискнули последовательно провести в реконструкции отвердения *ся* согласно этому распределению, но его, видимо, следует учитывать.

IV. По снятии наслоений XVIII и XV–XVI веков мы получили, по-видимому, текст с графико-орфографическими особенностями, указывающими на смоленско-полоцкую принадлежность XII–XIII веков. Почему смоленско-полоцкую? Потому что (см. и ср.: *СПИВЛ*. С. 94–103):

а) по вышеуказанным диалектным особенностям очевидно, что диалект западно-русский, причем псковский или смоленско-полоцкий;

б) судя по форме *чети*, а не *кети*, это не диалект псковских кривичей (если бы в протографе были *кети*, псковский или белорусский переписчик XVI в. вряд ли дал бы правильный перевод, причем в диалектной, а не в литературной форме — с чоканьем)³⁷; кроме того, как уже говорилось, своеобразно, но последовательно проходит вторая палатализация (не палатализуется сочетание *-ск-*, см. склонение, а также форму *поскепаны*)³⁸;

в) (вопреки *СПИВЛ*. С. 96), шоканье, которое, возможно, проявляется в *шизый*, может быть не только псковским, но и смоленским — сравним положение в современных диалектах (*Расторгуев*. С. 75–76), также есть примеры в смоленских грамотах (*оу зьльза, льзить* 1229 С — первой пол. XIV в.); в псковских памятниках отмечается с XIV века (*Дурново*. С. 194), в новгородских берестяных грамотах — с XI–XII веков изредка (*ДНД*. С. 52).

Ранняя датировка текста поддерживается прежде всего его графическими особенностями, явственно указывающими на раннюю «бытовую орфографию», которая практически выходит из употребления позже XIV века. Это общее для Смоленска и Новгорода графическое правило «*е, ъ, ѣ > е, ѡ, ѣ* безразлично», а также характерное для Новгорода, и для Смоленска (см. выше) «*о, ѡ > о, ѡ* безразлично». Здесь также довольно свободно смешиваются *ь* и *ѡ* слабые.

³⁷ Кроме того, отсутствует характерное псковское явление *дъжгу*, в тексте стоит *дождю*; но как замечает А. А. Зализняк, отсутствие каких-либо явлений не очень надежно в связи с небольшим размером памятника.

³⁸ Ср. в смоленских говорах в начале XX в.: *в гарбси* «в горохе», *на дарбзи* «на дорое» (*Расторгуев*. С. 80).

Замены *e* на *ь*, *ь* на *e*, *ь* на *ь* и *ь* на *ь* (не обусловленные фонетически) были рассмотрены выше. Особого рассмотрения заслуживает ятевая ситуация в тексте. Памятник не знает фонетического смещения *ь* и *и* (*дивицу* — обычная описка-предвосхищение). В то же время имеется некоторое количество написаний *e* вместо *ь* и *ь* вместо *e* (список см. в СПИВЛ. С. 96–97, исключая случаи написаний *ь* вместо *ь*; обратим внимание на частую замену на *-ь* в конечной позиции; возможно также, что часть замен была снята при издании (в соответствии с орфографией XVIII в., ср. *въздѣльяни* и *здѣтьло* в *Ек.*). В принципе это может, как и указывает А. А. Зализняк, говорить о фонетическом смещении *ь* и *e* и соответственно быть поздним явлением. Однако, ввиду других орфографических особенностей, кажется естественным отнести и это на счет ранней бытовой орфографии. Сравним с ятевой ситуацией в Смоленской грамоте 1229 А.

1) *e ь* в корне: *оу зьмли, зьмледържци, оу погрѣь, пьревьсти, вьсти, льжить*; в окончаниях 3 ед. наст. вр.: *боудьте, ѡстаньть ся, едьть, приедьть, придьть, идьть* (ср. 1223 *боудьть, поидьть, оурвьть*); в окончании дат. ед. муж. мест. скл.: *вьмоу*; местн. ед. жен. мест. скл.: *на ньи*; в префиксе: *нь*; 2 множ. наст. вр.: *дъеть*; вин. ед. ср. о-скл.: *на полъ*; в окончании сравнит. степени: *болъ*.

2) *ь e* в корне: *немчиноу, векши, вьсятъ, ехати, приедьть*; в окончании местн., дат. ед. а-скл.: *оу ризе, [по] воде, на горе, жене*; местн. ед. муж. о-скл.: *на беръзе, на березе, оу смольнеске, оу смольнеске, оу смольнеске*; род. ед. *оу святое богородице, из ѡное*; дат. множ. мест. скл.: *всемъ*; род. множ. мест. скл.: *инехъ, всехо*; твор. множ. мест. скл.: *всеми*; род. ед. ср. мест. скл.: *сее*; местн. ед. Adj.-скл.: *одьнемъ*; вин. множ. муж. Adj.-скл.: *серебряные*; неизм. слово: *надобе*.

Налицо разительные совпадения с ситуацией в «Слове», в том числе см. частую замену конечного *-ь*. Сравним также в надписи на кресте Евфросиньи Полоцкой: *камъне, изнесъться*³⁹, *нь*. Соответственно в реконструируемом тексте мы не правим такие замены на этимологически правильные гласные, считая их важной характеристикой графического облика памятника.

Интересно рассмотреть отражение в памятнике так называемых «напряженных еров» — сочетаний *ej и *ej. Наблюдается четыре способа отражения:

а) *братие* 2, 204, 282, 317, *повьстии* 4, *по замьшленю* 9, *вьщии* 10, *мыслию* 13, *которыи* 21, *сию* 34, 35, *братие* 48, 51, *знамение* 55,

³⁹ Эти два случая принято объяснять как галицко-волынское сужение *e* в ново-закрытом слогe.

копие 57, соловию 62, славю 64, свѣтлыи 84, копия 94, 252, поморию и посоулю 114, славии 132, строужие 150, мѣлнии 167, копиемъ 171, софии 234, троупия 243, оупѣдие 245, зараня 248, кровию 257, къ полоуднью 269, грозньи великьи киевьскьи 334, кощиево 358, веселие 360, веселия 412, великьи 413, пролиясте 424, пособие 450, великьи 456, мыслию 457, листьвие 515, жребии 525, 571, насилие 568, строужиемъ 575, съмысленьи 604, божия 607, копия 618, веселие 641, по ковѣлию 642, мыслию 675, къ тростию 685, величия 699, нелюбия 700, веселия 701, величия 703, сънью 708, соловии 733.

б) оузорочы 146, поляна 257, бѣя 302, [кѣняжѣ] 450, выльяти 460, галичкы 481 (очевидно, поздняя запись вместо раннего *галичкѣ* или *галичкѣ*).

в) лебедѣи 20, 29.

г) вѣщцеи 76, 603, кощцеи 463, кощцея 495⁴⁰, софеи 599, кѣнязеи 610.

Первый, самый многочисленный, способ, конечно, может в значительной степени быть симптомом второго южнославянского влияния, может отражать архаическое церковнославянское написание, а может — и западно-русскую фонетику памятника. Запись рефлекса сочетания через *-ѣи* и через *-еи* может, ввиду вышеизложенного, оказаться равнозначной.

Поведение еров в сочетании с *ј* в Смоленске и Новгороде по грамоте 1229 года

Нормализация	Морфологическая запись	Смоленские списки	Новгородский список («F»)
<i>жребии</i> (вин. ед.)	žereb.ѣ.ѣ	<i>жребѣи</i> А, <i>жребии</i> BDE, <i>жребие</i> С	<i>жребѣи</i>
<i>людии</i> (род. множ.)	lud.ѣ.ѣ	<i>людѣи</i> А, <i>людии</i> ABCDE	<i>людии</i>
<i>людѣ</i> (им. множ.)	lud.ѣ.е	<i>людѣ</i> AC, <i>людѣ</i> B	
<i>сеи</i> (им. ед. муж.)	s.ѣ.ѣ	<i>сеи</i> ABC	
<i>днии</i> (род. множ.)	dъp.ѣ.ѣ	<i>днии</i> ABC	

⁴⁰ А. А. Зализняк (*СПИВЛ.* С. 97) полагает, что колебания в написании *кощцеи*, *кощци*, *кощѣи* связаны с неустойчивым отражением конечного гласного в заимствованном слове (тюрк. *кош-чи*, букв. «кошевой»). Это, скорее всего, не так. Славянские заимствования тюркских слов с суффиксом деятеля *-чи*, напротив, вполне регулярно передают в нем гласный *-и* сочетанием *ѣј, которое дальше по славянским диалектам отражается вполне закономерно — ср. восточнорусское *казначей*, *зурначей*, *книгочей* при старославянском *книгѣчий*.

В свете этих данных кажется, что ближе всего к фонетике древнего говора запись *-ъи*, отражающая закрытое произношение гласного перед *j* в этом сочетании; запись *ei* отражает графическую замену *ъ* на *e*. Не имея возможности, однако, точно смоделировать поведение писца при написании *-ии*, мы оставляем в реконструированном тексте имеющиеся написания.

Одиночный случай перехода *e* в *’o* после шипящего — *чолка* — как будто также может восходить к раннему протографу. Сравним в Новгороде — с середины XII века (*ДНД*. С. 69); в смоленских грамотах также довольно употребительно (*жона* 1229 D — ок. 1270 г.).

Орфография гласных после шипящих и *ц*, скорее всего, не имеет отношения к реальным фонетическим характеристикам шипящих, но в отдельных писцовых школах она обычно довольно унифицирована, так что на ее основании даже пытаются определять локализацию памятников. Так, существует мнение, что на XIV век московские памятники характеризует написание *ча, ца* — *чю, цю*, псковские — *ча, ца, чю/чу, цю/цу*, а галицко-волынские — *чя, ця, чю, цю*. В дошедшем до нас тексте «Слова» употребление букв беспорядочное, но может быть интерпретировано как сбитая церковнославянским способом написания смоленская орфография. Сравним, например, в грамоте 1223: *немъчицю* 4, *немъчицю*, *нъмъчицю* 2, *немъчицю* 6, *по лицю, задънцию, ся тяжють* и *притьча, немъчица, нъмъчица, тяжахъ, немъчица, соуличами, тяжа* 4, *прашати, поуцати, слышати, княжа, доконьчаль*. Итак, графическое распределение *a/я* и *ou/ю* после шипящих и *ц* унифицировано в реконструкции по смоленскому типу (*a, ю*).

Проблема полногласия-неполногласия.

Если говорить о «языковом составе» первоначального текста, то он, несомненно, содержит как формы, характерные для местного диалекта, так и церковнославянизмы. Я не сторонник гипотетического «древнерусского стандарта», или «наддиалектного древнерусского», предполагаемого А. А. Зализняком и Б. А. Успенским — по-моему, нет серьезных доказательств в пользу существования такой нормы в XII–XIII веках. Зато тогда определенно существовал стандартный церковнославянский русского извода — то есть церковнославянский, в котором прошли восточно-славянские адаптирующие фонетические преобразования типа падения носовых юсов, нужные для того, чтобы при чтении не напрягаться специально, изображая чужие звуки. Наибольшее сходство такая ситуация обнаруживает с организацией текста, например, в *НПЛ* — когда автор, доходя до чего-то особенно трогательного, поучительного или просто вызывающего реминисценции каких-то литературных (следовательно, церковнославянских)

цитат, впускает в текст целый кусочек или несколько отдельных слов с церковнославянскими признаками, причем часто не сразу может перейти с этого способа выражаться обратно на обыденный язык. Автор «Слова», несомненно, не менее литературно образован, чем автор *НПЛ* (ср. многочисленные свидетельства в комментарии к переводу). Отсюда возникает ряд вариантных решений, которые относятся скорее к фонетике протографа, чем к графике. Так, в ряде случаев в тексте «Слова» записаны неполногласные сочетания. В протографе каждое из них (поскольку нет формально жесткого способа решить, не пошел ли в каждом данном случае автор на церковнославянизм) могло быть как неполногласным (церковнославянским — маркированно литературным, а может быть, выбранным по ритмическим или аллитерационным соображениям), так и полногласным (выбор по аналогичным соображениям). Здесь единственный способ выбора — не лингвистический, и я полностью полагаюсь на решения А. Ю. Чернова. Отмечу, что это — единственный случай, в котором авторы реконструкции могли волевым образом воздействовать на слоговую структуру текста. Соответствующие написания в тексте «Слова» образуют три группы:

а) основы с единообразным полногласием: *бологомъ* 515, 589; *болони* 377; *болотомъ* 145, 537; *всеволода* 81, *всеволодь* 82, *всеволоде* 192, 203, *всеволожь* 222, *всеволода* 266, *всеволоде* 456, *всеволодь* 330, *всеволоде* 417, *всеволодь* 522, *всеволоде* 767; *велесовь* 76; *наволоки* 141, *поволокоста* 395; *верезжени* 562; *городеньскьи* 559; *ожжерелие* 557; *дорогами* 117; *въ колоколы* 599; *королеви* 486; *половцькоую* 41, *половецкаго* 58, *половци* 117, 185, *половецкыъ* 138, 140, 173, 200, 354, *половцькыми* 146, *половчине* 159, *половецкьи* 254, 569, 683, *половецкоую* 338, 419, 648, *половецкыхъ* 344, *половци* 399, *половецкыми* 453, *половци* 510, *половецкой* 670; *полоненоу* 50, *полонила* 381; *наполомоу* 228, *наполомоу* 365; *полочаномъ* 538; *пороси* 183; *сорокы* 724, 729; *тъмоутораканьскьи* 116⁴¹, *тъмоутороканъ* 219, *тъмоутороканя* 384, *тъмоутороканя* 595; *шеломомъ* 61, *шеломы* 93, 173, 195, 202, 251, *шеломы* 460, 469, 507, 527, 543, *шеломянемъ* 128, 177, *шеломомъ* 198, 385 — в этой группе крайне сомнительны инновации XV–XVI века;

б) основы с единообразным неполногласием: *бремени* 488; *власти* 526; *облаки* 15, 65, 488, 637; *времени* 8, *временъ* 17, *времени* 62, 66, *времена* 291, *время* 410, *времени* 477, 751; *глаголотъ* 184; *новъградъ* 79, *града* 206, *градъ* 219, 346, *градомъ* 359, *града* 384, *гради* 516, *граду* 536, 574, *бълаграда* 578, *новоуградоу* 581, *грады* 592, *гради* 763; *древу* 13,

⁴¹ Запись *-ора-* — скорее всего, описка-предвосхищение.

64, *древа* 112, *древо* 280, 515, *древою* 708, *древо* 722; *здрави* 769; *жребии* 525, 571; *златъ* 106, *злато* 141, *златымъ* 198, *злата* 207, *златъ* 218, *злата* 355, 357, 315, *златовърсьмъ* 374, *злата* 383, *златомъ* 409, *злато* 414, *злата* 458, *злачеными* 469, 452, *злата* 476, *златоковангъмъ* 483, *злата* 492, *златыи* 527, *злато* 557, *злата* 576, *златоу* 672, *злачеными* 738; *крамолоу* 216, 297, 324, *крамолахъ* 238, *крамолами* 564; *съкратиша* 239; *прегородиша* 135, *прегородиша* 189, *преградиша* 190, *прелетѣти* 457, *ратаеве* 241; *среди* 254, *срѣдъ* 322; *странъ* 186, 298, *страны* 508, 763; *стрѣжаше* 709; *чрес* 68, 72, *чрез* 488;

в) основы с варьированием: *забрали* 359, *на забрали* 628, 658 — *на заборолѣ* 645; *бранъ* 521 — *на борони* 193; *на брезѣ* 272, 408, 588, *брезѣхъ* 706 — *березѣ* 717; *владимера* 35, *владимѣръ* 223, *владимира* 611, *владимиру* 768 — *володимеръ* 454; *врани* 242, 376, 727 — *воронъ* 158; *врата* 491, 581 — *ворота* 487, 529; *обратиша* 451 — *заворочаетъ* 263; *главоу* 60, *главы* 511 — *головы* 200, 754, 755, *головами* 584; *гласъ* 620 — *голоси* 760; *загородите* 529, *прегородиша* 135, 189 — *преградиша* 190; *драгъи* 142 — *дорога* 204; *млада* 230 — *молодая* 393, *помолодѣти* 446, *молодымъ* 765; *предѣ* 22, *предѣ* 26, *предѣною* 443 — *на передѣ* 89; *славию* 64, *славѣи* 132 — *соловию* 62, *соловиѣи* 733; *храброму* 24, *храбрьи* 40, 180, *храброму* 151, *храбриѣи* 190, 275, *храбра* 230, *храбра* 425, 471, *храбраго* 517, *храбрьи* 520, *храбра* 557 — *хороброе* 153.

В двух последних группах предположительно и переписчик XVI века, и переписчик XVIII века могли часть ранее полногласных форм «славянизировать», превратив в неполногласные. Написание неполногласного сочетания *ре* (не через *ять*) регулярно проведено в тексте, что соответствует правилам записи церковнославянских форм для позднего древнерусского; в ранних народных орфографиях и полногласные, и неполногласные сочетания могли писаться иначе (ср. *Смол.* 1229 А *брьръгъ*, *брьръгомъ*, *из бръръга*, *по бръргоу*, *на брърезѣ*, *дървъвъмъ*, *по вѣрьемьнемъ вѣрьемьнемъ*; 1223 *брьръзе*, *берѣзьи*, *дървъвъмъ*, *на перѣдѣ*, *на пѣрьдѣ*), но мы условно оставляем запись Первоиздания.

Бесспорно, могут быть ранними фонетические особенности, проявившиеся в орфографии (менее важные для поэтической реконструкции) — «цоканье» и «шеканье» — смоленско-полоцкие, выражающиеся в изредка встречающемся употреблении *ц* на месте этимологического *ч* и *ш* на месте восточно-славянского *с* (не только ли в ситуации второй палатализации? См. о современных говорах *Расторгуев.* С. 75). Мне не кажется, что случаи «цоканья» в Слове можно отнести на счет поздней псковской копии (хотя, конечно, для Пскова это также характерное явление): этому противоречит форма

с цоканьем *чеи* (псковское *кѣи*). Вот полный список форм, отражающих цоканье, в «Слове»: (*птичь* 110), *въчи* 211⁴², *сыновья* 416, *галичкѣи* 481, *чеи* 585, *лоучи* 664; *лоуце* 49, *роусици* 59, 190, *венедици* 348, *словоутицю* 646. По СПИВЛ (С. 92), написания распределяются по началу — концу текста (что предлагается считать следствием поведения переписчика) так: в первой половине около 2%, во второй около 4% — реально это 5 или 6 случаев в первой половине и 5 случаев во второй, что, конечно, статистически совершенно незначимо.

Слабый след смешения *в* и *оу* находят в *ущекоталь* (по смыслу естественнее было бы *въщекоталь* «воспел — о соловье»); соответствующая изоглосса в ДАРЯ (вып. 1. Фонетика, карта 59), относится к категории «общезападных» и отсекает всю территорию, кроме северо-новгородской, к западу от 36° восточной долготы. Хронологически такое смешение фиксируется довольно рано, сравним в Смол. 1229 А *оуздумаль князь смольнескыи*; в Новгороде — со второй половины XII века (ДНД. С. 81). Явление *вл' > л'*, которое можно усмотреть в написаниях *чърленыи*, отмечено в Новгороде с середины XII века (*церееленая* в новгородской берестяной грамоте сер. XII в., *ярослалл* ДНД. С. 76–77; СПИВЛ. С. 96; *Лекции*. С. 36), в смоленских грамотах не встретилось, но современное распространение явления — также «общезападное», так что можно считать его относящимся к протографу (хотя оба этих явления с тем же успехом могут относиться и к диалекту псковского переписчика XV–XVI в.).

Членные формы в местоименном склонении «Слова»: именительный единственного мужского *тъи* 215, именительный множественного мужского *тши* 437, 329 (возможно, это — вставка вместо старого двойственного), винительный множественного мужского *подѣ тши мечи* 512, (*тѣя* нет, вопреки СПИВЛ. С. 96), — также безусловно могут быть характеристикой раннего состояния. Сравним ранние встречаемости в памятниках: *тои преже былѣ*, *въ часѣ тѣи* Синодальный список НПЛ, первый почерк (XIII в.); *тую же* второй почерк. Современное распространение — см. ДАРЯ. Морфология, карты 69, 70, 74, 75; изоглосса из разряда общезападных, причем вместе с новгородскими, т. е. территория западнее 36° восточной долготы. Адъективные окончания в берестяных грамотах встречены с XII века (*иноую* 9) ДНД. С. 129; в прочих памятниках — с начала XIII века: Смол. *тая* 1229 А, С, *тои* Юр. Св., *сюю* Юр. Св., *тои же* Апл. 1220 (*Лекции*. С. 230).

Употребление двойственного числа в «Слове» детально проанализировано в работах *Исаченко 1941*, *ИГДРЯ II* (с. 186–192)

⁴² Конечно, никак нельзя по смыслу принимать здесь карамзинское *стѣи*.

и *СПИВЛ* (с. 37–42) и признано соответствующим в мельчайших деталях нормам второй половины XII века. В частности, в новгородских грамотах этого периода появляется инновационная форма именительного-винительного среднего рода двойственного числа на *-а*, совпадающая с именительным-винительным мужского рода двойственного числа, а также с именительным-винительным среднего рода множественного числа (в противоположность старой форме на *-ь*). В «Слове» соответственно имеем *два солнца помъркоста, ваю храбрая сердца ... скована, а ... закалена* и, возможно, также *стопуита господина въ злата стремен[и]*. Формы *скована* и *закалена*, таким образом, можно считать особенностями протографа. С другой стороны, восстановление для них архаичного двойственного *сковань* и *закалень* дало бы рифму с *моєю сьребренею съдинь*. Кажется, все же можно допустить, что *скована* и *закалена* — позднейшая правка. Все примеры из новгородских берестяных грамот на XII–XIII века — *дъва льта, 2 лука, полотенеца со дова цереленая, 2 клетуща*; позже (с сер. XIII в.) такие формы фиксируются в других регионах; но в ряде случаев они рассогласованы между собой, сравним *два древа възрасто-ста; испадоста ей златиши колци* Сильвестровский Сборник (вторая половина XIV в.), *примьте криль огня* Пролог 1383 года (см. *ИГДРЯ II*. С. 124, 147). Правда, как будто иерархия заменяемых на множественное число форм такова, что наиболее часто заменяются спрягаемые глаголы, затем прилагательные и причастия, затем существительные. У нас рассматриваемые формы — как раз причастия в предикативной функции, так что для них вероятнее получить менее архаичную форму, чем существительному; но все же закономерность эта статистическая, сравним примеры, где именно глагол сохраняет двойственное число. В реконструкции восстановлено *сковань* и *закалень* по эвфоническим соображениям⁴³.

Характеристикой раннего западного текста также могут быть повелительное наклонение первого лица множественного на *-ме* (*мужаимься*) и имперфект на *-ть* (см. *СПИВЛ*. С. 99, 101; окончание *-ме* известно в новгородских, псковских и смоленско-полоцких памятниках; см. *Лекции*. С. 161). Как уже было упомянуто выше, большинство случаев окончания третьего лица *-ть* — следствие действий издателя по спуску титл. Все примеры с *-ть* сосредоточены в первых двух песнях: *помняшетъ, ржуть, звенить, трубятъ, стоять, скачють*, таким образом, возможно, представляя остаточное явление протографа (если исходить из модели усталого переписчика).

⁴³ *Тии бо два* 329 как позднюю правку заменяем на *та бо дъва*, см.: *СПИВЛ*. С. 41.

Мы единообразно правим окончание третьего лица на *-ть*, хотя в принципе в предполагаемом диалекте могло присутствовать и *-тѣ*. В раннем Новгороде отмечено только *-ть*, по-видимому, вообще в памятниках нецерковного письма пишется только *-ть* до второй половины XIV века (написание *-тѣ* в церковных памятниках может быть церковнославянизмом) — см. *Дурново*. С. 308; но в раннем Смоленске твердый вариант, скорее всего, присутствует в XIII веке — при путанице конечных еров настораживают написания типа *отъидето*, которые не хотелось бы считать двойными графическими заменами, не отражающими никакой фонетической реальности. Похожим образом обстоит дело с окончаниями творительного на *-омь* (сохранены в результирующем тексте только *шеломомь* (2) и *съ трудомь*), которые в реконструкции также единообразно выправлены в этимологически правильную сторону.

Основные выводы из вышеизложенного можно сформулировать так. А. А. Зализняк убедительно показал, что переписчик рукописи XVI века, скорее всего, был носителем псковско-кривичских диалектных особенностей. В то же время особенности именного склонения и рефлексов второй палатализации в тексте показывают, что кроме диалектных явлений псковско-кривичского типа присутствуют и диалектные явления другого типа, которые при этом могут датироваться как более ранние и в принципе могут быть отнесены к вероятному времени создания «Слова», т. е. к концу XII века. Особенности второй палатализации (регулярная палатализация заднеязычных, отсутствие палатализации сочетания *ск*) при наличии цоканья скорее говорят о полоцко-смоленском — также кривичском — диалекте раннего типа. Остальные диалектные явления, которые можно отнести к раннему слою, не противоречат такой локализации.

Я ни в коей мере не считаю, что даже те решения, которые были приняты выше с большой долей уверенности, являются абсолютно неоспоримыми. Но, по крайней мере, они принимались единообразно и по возможности на каждом шаге были аргументированы данными исторической и синхронной диалектологии, а также внутрисистемными параметрами текста.

ТЕКСТ ИЗДАНИЯ 1800 ГОДА С РАЗНОЧТЕНИЯМИ ПО ДРУГИМ ИСТОЧНИКАМ

Разночтения первого издания 1800 г., Екатерининской копии и выписок из «Слова», сделанных Н. М. Карамзиным и А. Ф. Малиновским, принято публиковать не как самостоятельный текст, а с внесением принимаемых публикатором позднейших конъектур. Столь громоздкая структура существенно затрудняет работу, поскольку в результате появляется не документ, фиксирующий сумму исходных разночтений, а еще один список и еще одна реконструкция. К тому же на практике оказывается, что такие «транслитерированные тексты» не свободны от опечаток и ошибок.

Предлагаемый текст — результат перепроверки давно уже ставших классическими работ Л. А. Дмитриева (История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л. 1960. С. 257–266; далее: *Д.*) и В. Л. Виноградовой (*ССПИ*. Вып. 1. С. 15–25; далее: *В.*)*.

За основу взято *П.*, но в нескольких случаях приняты версии *Ек.* и в единичном случае вариант по одной из выписок Н. М. Карамзина.

Задача данной публикации — простая фиксация разночтений. Поэтому снят слой конъектур *В.*, исправлены лишь явные описки и опечатки. Для облегчения работы читателя снята расставленная в издании 1800 года пунктуация. Удалены маргиналии и литеры сносок. Все прописные буквы заменены строчными. Текст поделен на девять песен.

Сохранено словоразделение первоиздателей и буквы «ъ», «ь», «ѣ», «і». Буква «й», которой в протографе не было, заменена на «и». Записаны словами числительные, переданные в издании 1800 года и в *В.* буквами под титлами, а в Екатерининской копии арабскими цифрами. Дефис передается знаком =.

«Слово о полку Игореве» имеет разночтения по следующим источникам:

П. — текст первого издания «Слова о полку Игореве» 1800 г.

П2 — текст перепечатанных заново восьмушек первого издания.

Ек. — текст Екатерининской копии «Слова о полку Игореве».

М. — выписки из «Слова» А. Ф. Малиновского.

К. — выписки из «Слова о полку Игореве» в «Истории государства российского» Н. М. Карамзина.

А. Ч.

---

* Работа выполнена совместно с Н. М. Введенской.

СЛОВО О ПЪЛКУ¹ ИГОРЕВѢ
ИГОРЯ СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ ВНУКА ОЛЬГОВА

I

не лѣполи² ны бяшетъ братіе начати³ старыми словесы трудныхъ⁴ повѣстїи о пълку⁵ игоревѣ игоря святъславлича⁶ начати же ся тѣи⁷ пѣсни по былинамъ⁸ сего времени а не по замышленію бояню боянъ бо вѣщїи аще кому хотяше⁹ пѣснь¹⁰ творити то растѣкашеться¹¹ мыслию по древу сѣрымъ волкомъ¹² по земли шизымъ¹³ орломъ подѣ облакы помняшетъ¹⁴ бо речъ¹⁵ пѣрвыхъ¹⁶ времянь усобицѣ¹⁷ тогда пуцашетъ¹⁸ десять¹⁹ соколовъ²⁰ на стадо лебедѣ²¹ которыи дотечаше та преди пѣснь²² пояше старому ярославу²³ храброму мстиславу иже зарѣза редедю предѣ пълкы²⁴ касожьскими²⁵ красному романови²⁶ святъславличю²⁷ боянъ же братіе не десять²⁸ соколовъ²⁹ на стадо лебедѣ³⁰ пуцаше нѣ своя вѣщїа³¹ прѣсты на живая струны вѣскладаше³² они же сами княземъ³³ славу рокотаху почнемъ же братіе повѣсть сїю отъ стараго владимера до нынѣшняго игоря иже истягну умъ³⁴ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ наплънився³⁵ ратнаго духа наведе своя храбрѣя пълкы³⁶ на землю половѣцкую³⁷ за землю руськую³⁸ тогда игоръ възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты и рече игоръ къ дружинѣ свои братіе и дружино луцежъ бы поятю быти неже полонену быти а всядемъ братіе на свои брѣзья³⁹ комони да позримъ синего дону спала князю умъ⁴⁰ похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити дону великаго хощу бо рече копїе приломити конецъ поля половецкаго⁴¹ съ вами русици хощу главу свою приложити а любо испити шеломомъ дону о бояне соловію стараго⁴² времени абы⁴³ ты сїа пълкы⁴⁴ ущекоталь скача славію по мыслену древу летая умомъ⁴⁵ подѣ облакы свивая славы оба полы сего времени рища въ тропу трояню чресъ поля на горы пѣти было пѣснь⁴⁶ игореви того⁴⁷ внуку не бура соколы занесе чресъ⁴⁸ поля широкая галици⁴⁹ стады бѣжатъ⁵⁰ къ дону великому чили вспѣти⁵¹ было вѣщїи⁵² бояне велесовъ⁵³ внуче комони ржуть за сулою звенить слава въ киевѣ трубы трубають въ новѣградѣ⁵⁴ стоять стязи въ путивлѣ

I ¹ пълку П2; полку *Ек., М.* ² лѣпо ли *Ек., М.*; ³ начати *Ек.* ⁴ трудныхъ *М.* ⁵ полку *Ек., М.* ⁶ святъславлича *Ек.* ⁷ начати же ся *Ек. (В. дает начати же ся тѣ) 8* былинамъ *Ек.* ⁹ *В части тиража П.* хотяше ¹⁰ пѣснь *Ек.* ¹¹ растекашеться *Ек.* ¹² волкомъ *Ек., М.* ¹³ шизымъ *М.* ¹⁴ помняшетъ *Ек., М.* ¹⁵ рѣчь *Ек., М.* ¹⁶ пѣрвыхъ *Ек., М.* ¹⁷ усобицѣ *Ек. (нет у В.)* ¹⁸ пуцаетъ *М.* ¹⁹ $\dot{\text{и}}$ *П.*; ²⁰ соколовъ *Ек., М.* ²¹ лебедей *Ек., М.* ²² пѣснь *Ек.*; пѣсни *М.* ²³ *Так Ек., М.*; ярославу *П.* ²⁴ полкы *Ек., М.* ²⁵ касожьскими *Ек.*; касожьскими *М.* ²⁶ роману *М.* ²⁷ святославичю *М.* ²⁸ $\dot{\text{и}}$ *П.*; ²⁹ соколовъ *Ек., М.* ³⁰ лебедей *Ек., М.* ³¹ вѣщїа *М.* ³² вѣскладаше *М.* ³³ княземъ *М.* ³⁴ умъ *Ек.* ³⁵ наполнился *Ек.* ³⁶ полкы *Ек.* ³⁷ половецкую *Ек.* ³⁸ руськую (?) *Ек. (по В. и Д. руськую)* ³⁹ брѣзья *Ек.* ⁴⁰ умъ *Ек.* ⁴¹ половецкого *Ек.* ⁴² старого *Ек.* ⁴³ *Так П. Ек.*; а бы *В. (но словоделение не оговорено)* ⁴⁴ полкы *Ек.* ⁴⁵ умомъ *Ек.* ⁴⁶ пѣснь *Ек.*; пѣсни *М.* ⁴⁷ того (олга) *П.*; того (ольга) *Ек.*; «олга» помещено в круглых скобках, как и литеры примечаний в П. По Н. М. Карамзину этого слова в рукописи не было. См.: ТОДРЛ. Т. XVIII. М.; Л., 1962. С. 41. ⁴⁸ чрезъ П2, *Ек., М.* ⁴⁹ галици *М.* ⁵⁰ бѣжатъ *М. (у В. ошибочно бѣжатъ М.)* ⁵¹ вспѣти *М.* ⁵² вѣщи *М.* ⁵³ велесовъ *Ек., М.* ⁵⁴ новѣградѣ *Ек.*

II

игорь ждеть мила брата всеволода и рече¹ ему буи турь всеволодъ одинь братъ одинь² свѣтъ свѣтлыи ты игорю оба есвѣ святъславлича сѣдлаи брате свои бръзьи³ комони а мои ти готови осѣдлани у курска на переди⁴ а мои ти⁵ куряни⁶ свѣдоми къ мети⁷ подь трубами повити подь шеломи възлелѣяны⁸ конецъ копия въскрѣмлени⁹ пути имь¹⁰ вѣдоми яругы имь¹¹ знаеми луци у нихъ напряжени тули отворени сабли изьострени¹² сами скачють¹³ акы¹⁴ сѣрьи вльци¹⁵ въ полѣ ищучи себе¹⁶ чти а князю славѣ тогда вѣступи¹⁷ игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю солнце ему тьмою¹⁸ путь заступаше ночь стонуци ему грозою птичь убуди¹⁹ свистъ звѣринъ въ стазби дивъ кличетъ²⁰ врѣху древа велить послушати земли незнаемѣ вльзѣ и по морю и по сулю и сурожу и корсуню и тебѣ тьмутораканьскыи²¹ блъванъ а половци неготовами дорогами побѣгоша къ дону великому крычатъ тѣлѣгы²² полунощи²³ рци лебеди роспущени игорь къ дону вои ведеть уже бо бѣды его пасеть²⁴ птиць подобю вльци²⁵ грозу въ срожатъ²⁶ по яругамъ²⁷ орли клеткомъ на кости звѣри зовуть лисици брешуть на чръленыя²⁸ щиты о руская земле уже за шеломянемъ²⁹ еси длго³⁰ ночь мркнетъ³¹ заря свѣтъ запала мъгла³² поля покрыла щекоть славин успе говоръ галичь убуди русичи великая поля чрълеными³³ щиты прегородиша ищучи себѣ чти а князю славы съ зараня³⁴ въ пяткъ³⁵ потопташа поганяя плъкы³⁶ половецкыя и рассушыа³⁷ стрѣлами по полю³⁸ помчаша красныя дѣвки половецкыя а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты оръгъмами³⁹ и япончицами и кожухы начаша⁴⁰ мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякыи узорочьи половецкыи⁴¹ чрълень⁴² стягъ бѣла хорюговъ чрълена⁴³ чолка сребрено стружие⁴⁴ храброму святъславличю⁴⁵ дремлетъ⁴⁶ въ полѣ ольгово⁴⁷ хороброе гнѣздо далече залѣтѣло⁴⁸ небылонъ⁴⁹ обидѣ порождено ни соколу ни кречету ни тебѣ чръныи⁵⁰ воронъ поганый половичине гзакъ бѣжитъ⁵¹ сѣрымъ влькомъ⁵² кончакъ ему слѣдъ править къ дону великому

III

другаго дни велми рано кровавья зори свѣтъ повѣдають¹ чръныя² туча³ сѣморя⁴ идуть⁵ хотять⁶ прикрыти четыре⁷ солнца а въ нихъ

П¹ речъ *Ек.* ² одинъ *Ек.* ³ бръзьи *Ек.* ⁴ напереди *Ек.* (*не отмечено В.*) ⁵ Нетъ *К.* ⁶ куряне *К.* ⁷ къ мѣти *М.* ⁸ възлѣлѣяны *Ек.*; възлелѣяны *М.* ⁹ въскрѣмлени *М.* ¹⁰ имь *Ек.*, *М.* ¹¹ имь *Ек.* ¹² изострени *Ек.*; изострѣни *М.* ¹³ скачють *Ек.*, *М.* ¹⁴ акы *М.* ¹⁵ вльци *Ек.*, *М.* ¹⁶ себѣ *Ек.*, *М.* ¹⁷ вступи *Ек.* ¹⁸ тмою *Ек.* ¹⁹ свистъ звѣринъ въ стазби — *нет Ек.* ²⁰ кличетъ *Ек.* ²¹ тьмутораканьскыи *Ек.* ²² телѣгы *Ек.* ²³ полунощи *Ек.* ²⁴ пасеть *Ек.*, *М.* ²⁵ волци *Ек.* ²⁶ въсрожатъ *Ек.* ²⁷ яругамъ *Ек.* ²⁸ чръленыя *Ек.* ²⁹ шоломянемъ *Ек.* ³⁰ долго *Ек.* ³¹ мркнетъ *Ек.* ³² мъгла *Ек.* ³³ чръленыи *Ек.* ³⁴ с'зараня *Ек.* ³⁵ пякъ *Ек.* ³⁶ полкы *Ек.* ³⁷ рассушыа *Ек.*; рассушыа *М.* ³⁸ пополю *М.* ³⁹ оръгъмами *Ек.* (*у В. ошибочно оръгъмами Ек.*); оръгъ=мами *М.* ⁴⁰ начаша *Ек.* ⁴¹ половецкыи *Ек.* ⁴² чрълень *Ек.* ⁴³ чрълена *Ек.* ⁴⁴ строужие *М.* ⁴⁵ святъславличю *Ек.* ⁴⁶ дремлетъ *Ек.* ⁴⁷ олгово *Ек.* ⁴⁸ залѣтѣло *Ек.* ⁴⁹ не было нь *Ек.* ⁵⁰ чръныи *Ек.* ⁵¹ бѣжитъ *Ек.* ⁵² волкомъ *Ек.*

III¹ повѣдають *Ек.* ² черныя *Ек.* ³ туча *Ек.* ⁴ съ моря *Ек.* ⁵ идуть *Ек.* ⁶ хотять *Ек.* ⁷ д П.; 4 *Ек.*

трепещуть⁸ синіи мльніи⁹ быти грому великому итти дождю стрѣлами съ дону великаго¹⁰ ту ся копіемъ приламати ту ся саблямъ потручати¹¹ о шелому половецкыя на рѣцѣ на каялѣ у дону великаго¹² о руская землѣ¹³ уже не¹⁴ шеломянемъ еси се вѣтри стрибози внуци вѣютъ съморя¹⁵ стрѣлами¹⁶ на храбрыя¹⁷ плѣкы¹⁸ игоревы земля тутнетъ¹⁹ рѣкы мутно текутъ²⁰ пороси поля прикрывають²¹ стязи глаголютъ половеци идутъ отъ дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы²² отступиша²³ дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша а храбріи русици преградиша чрълеными²⁴ щиты ярь туре всеволодѣ²⁵ стоиши на борони²⁶ прыщеси на вои стрѣлами²⁷ гремлеши о шеломы мечи харалужными²⁸ камо туръ поскочаше²⁹ своимъ златымъ³⁰ шеломомъ³¹ посвѣчивая тамо лежатъ³² поганыя головы половецкыя поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе ярь туре всеволоде кая раны дорога братіе забывъ³³ чти и живота и града чрънигова³⁴ отня злата стола и своя милыя хоти красныя глѣбовны свычая и обычая были вѣчи³⁵ трояни минула лѣта ярославля были плѣци³⁶ олговы ольга³⁷ святъславличя³⁸ ты³⁹ бо олегъ мечемъ⁴⁰ крамолу коваше и стрѣлы⁴¹ по земли сѣяше ступаетъ въ златъ стремень въ градъ тьмуроканѣ⁴² тоже⁴³ звонъ слыша давныи великыи ярославъ сынъ всеволожъ⁴⁴ а владиміръ по вся утра уши закладаше въ черниговѣ бориса же⁴⁵ вьчеславлича слава на судъ приведе и на канину⁴⁶ зелену паполому⁴⁷ постла за обиду олгову храбра и млада князя съ тояже⁴⁸ каялы святоплѣкъ⁴⁹ повелѣя⁵⁰ отца своего между угорьскими⁵¹ иноходцы⁵² ко святѣи⁵³ софїи къ кїеву⁵⁴ тогда при олзѣ гориславличи сѣяшется и растяшеть⁵⁵ усобицами погибашеть⁵⁶ жизнь даждь=божа⁵⁷ внука въ княжихъ⁵⁸ крамолахъ вѣци челоувкомъ⁵⁹ скратишась тогда по руской земли⁶⁰ рѣтко⁶¹ ратаевѣ⁶² кикахуть⁶³ нъ часто врани граяхуть⁶⁴ трупїа себѣ дѣляче а галици свою рѣчь говоряхуть⁶⁵ хотять⁶⁶ полетѣти⁶⁷ на уедіе⁶⁸ то было въ ты рати и въ ты плѣкы⁶⁹ а сице и рати не слышано

IV

съ зараніа до вечера съ вечера до свѣта летять¹ стрѣлы² каленыя гримлютъ³ сабли о шеломы трещать копіа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли половецкыи чръна⁴ земля подъ копыты костью была посѣяна

⁸ трепещуть *Ек.* ⁹ молніи *Ек.* ¹⁰ великого *Ек.* ¹¹ потручати *Ек.* ¹² великого *Ек.* ¹³ земле *Ек.* ¹⁴ *Так Ек., П.* ¹⁵ съ моря *Ек., К.* ¹⁶ стрелами *Ек.* ¹⁷ *Нет в К.* ¹⁸ полки *Ек.*; полки *К.* ¹⁹ тоутнетъ *М.* ²⁰ текутъ *Ек.* ²¹ прикрывають *Ек.* ²² полки *Ек.* ²³ *Так П., Ек.* ²⁴ чръвлеными *Ек.* ²⁵ всеволоде *Ек.* ²⁶ *Так П., Ек. (у Д. и В. наборони Ек.)* ²⁷ стрелами *Ек.* ²⁸ харалужными *М.* ²⁹ поскочаше *Ек.* ³⁰ златымъ *Ек.* ³¹ шеломомъ *Ек.* ³² лежатъ *Ек.* ³³ забывъ *Ек.* ³⁴ чернигова *Ек.* ³⁵ сѣчи *К.* ³⁶ полци *Ек.* ³⁷ олга *Ек.* ³⁸ святъславлича *Ек.* ³⁹ той *Ек., М.* ⁴⁰ мечемъ *Ек.* ⁴¹ стрелы *Ек.* ⁴² тьмуроканѣ *Ек.* ⁴³ то же *Ек.* ⁴⁴ всеволожъ *Ек.* ⁴⁵ борисаже *Ек.* ⁴⁶ *Так П., Ек.*; казанину *М.* ⁴⁷ па=полому *М.* ⁴⁸ *Так П., Ек.*; тоя же *К.* ⁴⁹ святополкъ *Ек.*; святоплѣкъ *К.* ⁵⁰ по велѣ я *К.* ⁵¹ угорьскими *К.* ⁵² иноходцы *Ек.* ⁵³ св. *К.* ⁵⁴ *Так П., Ек.*; кїеву *К.* ⁵⁵ *Так П., Ек. (у Д. и В. ирастяшеть Ек.)*; и растяшеть *М.* ⁵⁶ погибашеть *Ек.*; погибашеть *М.* ⁵⁷ даждь=божа *М.* ⁵⁸ *Так П., Ек.*; княжи^x *М.* ⁵⁹ челоувкомъ *Ек.*; челоувкомъ *М.* ⁶⁰ землѣ *М.* ⁶¹ рѣдко *М.* ⁶² ратаеве *М.* ⁶³ кикахоуть *М.* ⁶⁴ граяхуть *М.* ⁶⁵ говоря, хуты *М.* ⁶⁶ хотять *М.* ⁶⁷ полѣтѣти *Ек.* ⁶⁸ оуедіе *М.* ⁶⁹ полки *Ек.*
 IV ¹ летять *Ек.* ² стрелы *Ек.* ³ гримлютъ *Ек.* ⁴ черна *Ек.*

а кровію поляна туюго въздоша по руской земли что ми шумить что ми звенить давеча⁵ рано предъ зорями игорь плъкы⁶ заворочаетъ⁷ жаль бо ему мила брата всеволода бишася день бишася⁸ другыи третьяго дни къ полуднію падоша стязи игоревы ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои каялы ту кроваваго вина недоста ту пирь докончаша храбрїи русичи сваты попоиша а сами полегоша за землю рускую ничить трава жалошами а древо стугою⁹ къ земли преклонилось¹⁰ уже бо братіе не веселая¹¹ година въстала уже пустыни силу прикрыла въстала обида въ силахъ дажь=божа внука вступилъ¹² дѣвою¹³ на землю¹⁴ трояню въсплескала лебедиными крылы¹⁵ на синѣмъ¹⁶ море¹⁷ у дону¹⁸ плещучи¹⁹ убуди жирня времена усобица княземъ²⁰ на поганья погыбе рекоста бо братъ брату се мое а то моеже и начяша²¹ князи про малое се великое мльвити²² а сами на себѣ²³ крамолу ковати а поганїи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю рускую о далече заиде соколь птицъ бѣя къ морю а игорева храбраго²⁴ плъку²⁵ не крѣсити²⁶ за нимъ²⁷ кликну карна и жля²⁸ по скочи²⁹ по руской земли смагу людемъ³⁰ мычючи въ пламянѣ розѣ жены рускія³¹ въсплакашася³² аркучи³³ уже намъ³⁴ своихъ³⁵ милыхъ³⁶ ладъ ни мыслію смыслити ни думою судмати ни очима³⁷ съглядати³⁸ а злата и сребра ни мало того потрепати а въстона бо братіе кїевъ туюго а черниговъ³⁹ напастыи тоска разляся по руской земли печаль жирна тече⁴⁰ средѣ⁴¹ земли рускіи а князи сами на себе крамолу коваху а поганїи сами побѣдами нарищуше на рускую землю емляху дань по бѣлѣ отъ двора

V

тїи бо два храбрая святѣславлича¹ игорь и всеволодъ уже лжу убуди которую то баше успилъ отецъ² ихъ святѣславъ грозныи³ великыи⁴ кїевскыи⁵ грозою бѣшеть притрепеталя своими сильными⁶ плъкы⁷ и харалуажными мечи наступи на землю половецкую притопта хльми и яругы взмути⁸ рѣки⁹ и озеры иссуши потоки¹⁰ и болота а поганаго¹¹ кобяка изъ луку¹² моря отъ желѣзныхъ¹³ великихъ¹⁴ плъковъ¹⁵ половецкихъ¹⁶ яко вихрь выторже и падеся кобякъ въ градъ кїевѣ въ грядниці святѣславли ту нѣмци и венедици ту греци и морава поють славу святѣславлю кають¹⁷ князя¹⁸ игоря иже погрузи¹⁹ жирь во днѣ каялы рѣкы половецкія²⁰ рускаго злата насыпаша ту игорь князь высѣдѣ²¹ изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощїево уныша

⁵ давеча *Ек.* ⁶ полкы *Ек.* ⁷ заворочаетъ *Ек.* ⁸ бишася *Ек.* ⁹ съ туюго *М.* ¹⁰ приклонилось *М.* ¹¹ невеселая *Ек.* ¹² вѣстоупилъ *М.* ¹³ дѣвою *М.* ¹⁴ наземлю *М.* ¹⁵ *Так П., М.;* крылы *Ек.* ¹⁶ синемъ *Ек.* ¹⁷ *Так П., М.;* морѣ *Ек.* ¹⁸ оудоноу *М.* ¹⁹ плещоучи *М.* ²⁰ княземъ *Ек.* ²¹ начаша *Ек.* ²² молвити *Ек.* ²³ себе *Ек.* ²⁴ храброго *Ек.* ²⁵ полку *Ек.* ²⁶ некресити *Ек.* ²⁷ нимъ *Ек.* ²⁸ карнаижля *Ек.* ²⁹ поскочи *Ек.* ³⁰ *В П. нет, добавлено из Ек.* ³¹ рускія *Ек., М.* ³² въсплакашася *М.* ³³ а ркучи *М.* ³⁴ намъ *Ек.;* на^М *М.* ³⁵ свои^х *М.* ³⁶ милы^х *М.* ³⁷ о очима *Ек.* ³⁸ зглядати *М.* ³⁹ черниговъ *Ек.* ⁴⁰ утече *Ек.* ⁴¹ средѣ *Ек.*

¹ святѣславлича *Ек.* ² отецъ *Ек.* ³ гроздныи *Ек.* ⁴ выликыи *Ек.* ⁵ кїевскыи *Ек.* (*у В. ошибочно кїевскыи Ек.*) ⁶ сильными *Ек.* ⁷ полкы *Ек.* ⁸ вѣзмути *Ек.* ⁹ рѣкы *Ек.* ¹⁰ потоки *Ек.* ¹¹ поганаго *Ек.* ¹² излоукѣ *М.* ¹³ желѣзны^х *Ек.* ¹⁴ великихъ *Ек.* ¹⁵ полковъ *Ек.* ¹⁶ половецкихъ *Ек.* ¹⁷ кають *Ек.* ¹⁸ *кн. М.* ¹⁹ погроузи *М.* ²⁰ половецкія *Ек.* ²¹ высѣде *Ек.*

бо градомъ забралы а веселіе пониче а святъславъ²² мутень сонъ²³ видѣ²⁴ въ кievѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя рече чръною²⁵ паполомоу на кровати²⁶ тисовѣ чръпахуть ми синее вино съ трудомъ²⁷ смѣшено сыпахутьми²⁸ тѣщими тулы²⁹ поганыхъ тльковинъ³⁰ великыи женчогъ на лоно и нѣгують³¹ мя уже дьскы³² безъ кнѣса вмоемъ³³ теремѣ златовръсѣмъ³⁴ всю ночь съ вечера³⁵ босуви³⁶ врани възгряху у плѣнска³⁷ на болони бѣша дeбрь кисаню и не сошлю къ синему морю и ркоша бояре князю уже княже туга умъ полонила се бо два сокола слѣтѣста³⁸ съ отня стола злата поискати града тьмуроканя³⁹ а любо испити шеломомъ дону уже соколома крильца⁴⁰ припѣшали поганыхъ саблями а самаю⁴¹ опустоша⁴² въ путины желѣзны темно бо бѣ въ третѣи⁴³ день два солнца помѣркоста⁴⁴ оба багряная стлѣпа погасоста и съ нимъ молодая мѣсяца олегы и святъславъ тьмою⁴⁵ ся поволокоста на рѣцѣ на каялѣ тьма свѣтъ покрыла по руской земли простораша половци аки⁴⁶ пардуже гнѣздо⁴⁷ и въ морѣ погрузиста и великое буиство подасть хинови уже снесеса хула на хвалу уже тресну нужда на волю уже врѣжеса дивъ⁴⁸ на землю се бо готскія⁴⁹ красныя дѣвы вѣспѣша⁵⁰ на брезѣ синему⁵¹ морю⁵² звоня рускымъ златомъ поють⁵³ время бусово лелѣють месть шароканю а мы уже дружина жадни веселія⁵⁴

VI

тогда великии¹ святславъ² изрони злато слово слезами смѣшено и рече о моя сыновчя³ игорю и всеволоде рано еста начала половецкую землю мечи цвѣлити а себѣ славы искати нѣ нечестно одолѣте нечестно бо кровь поганую поляесте⁴ ваю храбрая сердца въ жестоцемъ⁴ харалузѣ скована а въ буести закалена се ли створисте моеи сребренеи сѣдинѣ а уже не вижду⁵ власти сильнаго и богатаго и многовои⁶ брата моего ярослава съ черниговьскими былями съ могуты и съ татраны и съ шельбиры⁷ и съ топчакы и съ ревугы и съ ольберы⁸ тѣи бо бес⁹ щитовъ¹⁰ съ засапожники¹¹ кликомъ плѣкы¹² побѣждають¹³ звонячи въ прадѣдную славу нѣ рекосте му жа имѣся¹⁴ сами предною славу сами похитимъ¹⁵ а заднюю ся сами подѣлимъ¹⁶ а чи диво ся братіе стару помолодити коли соколь въ мытѣхъ¹⁷

²² святъславъ *Ек.* ²³ со^н *Ек.* ²⁴ виде *Ек.* ²⁵ черною *Ек.* ²⁶ кровати *Ек.* ²⁷ трудомъ *Ек.* ²⁸ У В. сыпахуть ми, но конъектура не оговорена ²⁹ тоулы М. ³⁰ тльковинъ *Ек., М.* ³¹ нѣгують *Ек.* ³² ужедъскы *Ек.* ³³ въ моемъ *Ек.* ³⁴ златовръсемъ *Ек.* ³⁵ съвечера *Ек.* (*Д. и В. читают знак переноса как дефис съ=вечера Ек.*) ³⁶ бо=суви *Ек.* ³⁷ плѣнска *Ек.* ³⁸ слетѣста *Ек.* ³⁹ тмуроканя *Ек.* ⁴⁰ крильца *Ек.* ⁴¹ самого *Ек.* ⁴² опуташа *Ек.* ⁴³ ̄ П.; 3^и *Ек.* ⁴⁴ померкоста *Ек.* ⁴⁵ тмою *Ек.* ⁴⁶ акы *Ек.* ⁴⁷ У В. фрагмент от «на рѣцѣ» до этого места перенесен и следует после «подасть хинови». Но, вероятно, в переносе нет необходимости. (У скальдов прием переплетения фраз называется тмесис). ⁴⁸ дивъ *Ек.* ⁴⁹ Так П., К.; готскыя *Ек.,* ⁵⁰ вѣспѣша К. ⁵¹ синяго К. ⁵² моря К. ⁵³ поють *Ек.* ⁵⁴ веселія *Ек.*

VI ¹ Так П., К.; великыи *Ек.* ² святъславъ *Ек.;* сыновча *Ек.* ³ сыновча *Ек.* ⁴ пролясте *Ек.* ⁴ жестоцѣмъ *Ек.* ⁵ невижду *Ек.* ⁶ много вои *Ек.* ⁷ шельбиры *Ек.* ⁸ ольберы *Ек.* ⁹ бесъ *Ек.* ¹⁰ щитовъ *Ек.* ¹¹ У В. ошибочно засапожники ¹² полкы *Ек.* ¹³ побѣждають *Ек.* ¹⁴ мужа имѣся *Ек.* ¹⁵ похытимъ *Ек.* ¹⁶ подѣлимъ *Ек.* ¹⁷ мытѣхъ *Ек.*

бываетъ¹⁸ высоко птиць¹⁹ възбиваетъ²⁰ не дасть²¹ гнѣзда своего въ обиду нъ се зло княже ми не пособіе²² на ниче²³ ся години обратиша се уримъ²⁴ кричатъ²⁵ подъ саблями половецкыми а володимиръ²⁶ подъ ранами туга и тоска сыну глѣбову великыи княже всеволоде не мыслію²⁷ ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблности ты бо можеша волгу веслы раскропяти²⁸ а донъ шеломы выльяти аже²⁹ бы ты былъ то была бы чага по ногатѣ а кощени по резанѣ³⁰ ты бо можеша посуху³¹ живыми³² шерешеры стрѣляти³³ удалыми сыны глѣбовы ты буи рюриче и давиде не ваю ли < . . . >³⁴ злечеными шеломы по крови плаваша не ваю ли храбрая дружина рыкають³⁵ акы³⁶ тури ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ вступита³⁷ господина³⁸ въ злата³⁹ стремень за обиду сего времени за⁴⁰ землю русскую⁴¹ за раны игоревы буюго святславлича⁴² галичкы осмомыслѣ⁴³ ярославе высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ⁴⁴ столѣ подперъ горы угорскыи⁴⁵ своими желѣзными плѣки⁴⁶ заступивъ королеви путь затвори въ⁴⁷ дунаю ворота меча бремени⁴⁸ чрезъ облаки⁴⁹ суды ряда до дуная грозы твоя по землямъ текутъ⁵⁰ отворяеша⁵¹ киеву⁵² врата стрѣляеша⁵³ съ огня злата стола салтани⁵⁴ за землями стрѣляи⁵⁵ господине кончака поганого кощени за землю рускую за раны игоревы буюго святславлича⁵⁶ а ты буи романе и мстиславе храбрая мысль носить⁵⁷ васъ умъ⁵⁸ на дѣло высоко плаваеша на дѣло въ буести яко соколъ на вѣтрехъ⁵⁹ ширяяся хотя птицю въ буиствѣ одолѣти суть бо у ваю желѣзныи⁶⁰ папорзи подъ шеломы латинскими⁶¹ тѣми тресну земля и многи⁶² страны хинова⁶³ литва ятвязи деремела и половци сулицы своя повръгоша⁶⁴ а главы своя поклониша подъ тѣми мечи харалужныи⁶⁵ нъ уже княже игорю утрѣ⁶⁶ солнцю свѣтъ а древо не бологомъ⁶⁷ листвие срони по рси⁶⁸ по сули гради подѣлиша а игорева храбраго плѣку⁶⁹ не крѣсити⁷⁰ донъ ти княже кличетъ⁷¹ и зоветь⁷² князи на побѣду⁷³ олговичи храбрыи князи доспѣли на брань ингваръ⁷⁴ и⁷⁵ всеволодъ и вси три мстиславлича⁷⁶ не худа⁷⁷ гнѣзда шестокрилицы⁷⁸ непобѣдныи⁷⁹ жребии собѣ власти расхитисте кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии⁸⁰ и щиты загородите полю

18 бываетъ *Ек.* 19 птиць *Ек.* 20 възбиваетъ *Ек.* 21 не дасть *Ек.* 22 непособіе *Ек.* 23 наниче *Ек.* 24 у римъ *К.*; ури^М *Ек.* 25 кричатъ *К.* 26 володимиръ *Ек.*; володимиръ *К.* 27 немыслію *Ек.* 28 роскропяти *Ек.* 29 а же *Ек.* 30 рѣзани *К.* 31 по суху *Ек.* 32 *Нет Ек.* 33 стреляти *Ек.* 34 *Во всех источниках пропущено слово* 35 рыкають *Ек.* 36 акы *Ек.* 37 вступи та *Ек.* 38 *Так П., К.*; гна *Ек.* 39 златыи *К.* 40 зане *Ек.* 41 рускую *Ек.* 42 святъславлича *Ек.* 43 осмомысле *Ек., К.* 44 златокованнемъ *Ек.* 45 угорскыи *Ек.* 46 полки *Ек.*; плѣкы *К.* 47 затворивъ *Ек.*; затвори къ *К.* 48 *Так К.*; времена *П., Ек.* 49 облаки *Ек.* 50 текутъ *Ек., К. (не отмечено В.)* 51 *Так Ек., К.*; отворяеша *П.* 52 киеву *К.* 53 стреляеша *Ек. (у В. ошибочно П.)* 54 *Так П., К.*; салтъани *Ек.* 55 стреляи *Ек.* 56 святъславлича *Ек.* 57 носить *Ек.* 58 умъ *Ек.* 59 вѣтрѣхъ *Ек.* 60 желѣзныи *Ек.* 61 *Так П., К.*; латинскыми *Ек.* 62 многи *Ек.* 63 *Нет К.* 64 *Так Ек., К.*; повръгоша *П.* 65 харалужныи *К.* 66 утрѣ *Ек.* 67 небологомъ *Ек. (у Д. и В. ошибочно небологомъ)* 68 роси *Ек.* 69 полку *Ек.* 70 некресити *Ек.* 71 кличетъ *Ек.* 72 зоветь *Ек.* 73 на побѣду *(у В. ошибочно на побѣду) Ек.* 74 ингваръ *Ек., К.* 75 *Нет К.* 76 *Так Ек.*; мстиславичи *П.*; мстиславича *К.* 77 худѣ *(с ударением) Ек.* 78 шестокрилицы *Ек.* 79 не побѣдныи *Ек.* 80 ляцкыи *Ек.*

ворота своими острыми стрѣлами⁸¹ за землю русскую⁸² за раны за игоревы
буго свягьславлича

VII

уже бо сула не течеть¹ сребреными струями къ граду переяславлю и
двина болотомъ течеть² онымъ грознымъ полочаномъ³ подь кликомъ по-
ганыхъ единъ же изяславъ сынъ васильковъ позвони своими острыми
мечи о шеломы литовскія⁴ притрепа славу дѣду своему всеславу а самъ
подь чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи
и схоти ю на кровать и рекъ дружину твою княже⁵ птичь крылы пріодѣ⁶
а звѣри⁷ кровь полизаша⁸ не бысь⁹ ту брата брячяслава¹⁰ ни другаго все-
волода единъ же изрони жемчюжну¹¹ душу изъ храбра тѣла чресъ¹² злато
ожереліе унылы¹³ голоса пониче веселіе трубы трубятъ городеньскіи¹⁴
ярославе и вси внуце всеслави уже понизить стязи свои вонзить свои мечи
верезени уже бо выскочисте изъ дѣднеи славѣ вы бо своими крамолами
начясте¹⁵ наводити поганяна на землю рускую на жизнь всеславлю которое
бо бѣше насиліе отъ земли половецкыи на седьмомъ¹⁶ вѣцѣ трояни¹⁷ врьже
всеславъ жребіи о дѣвицю¹⁸ себѣ любу тѣи¹⁹ клюками подпрѣся²⁰ о кони
и скочи къ граду кыеву и дотчеса стружіемъ злата стола кіевскаго²¹ ско-
чи отъ нихъ²² лютымъ звѣремъ²³ въ пльночи²⁴ изъ бѣла=града²⁵ обѣсися²⁶
синѣ²⁷ мыгль утрѣ же воззни стрікусы²⁸ отвори²⁹ врата нову=граду³⁰ раз-
шибе³¹ славу ярославу скочи вълкомъ³² до немиги съ дудутокъ на немизѣ
снопы стелють головами молотять чеши харалужными³³ на тоцѣ животъ
кладуть³⁴ вѣють душу отъ³⁵ тѣла немизѣ кровави брезѣ не бологомъ
бяхуть³⁶ посѣяни посѣяни костыми рускихъ³⁷ сыновъ³⁸ всеславъ князь лю-
демъ судяше княземъ грады рядяше³⁹ а самъ въ ночь вълкомъ⁴⁰ рыскаше
изъ⁴¹ кыева дорискаше до куръ тмутороканя великому хрѣсови вълкомъ⁴²
путь прерыскаше тому въ полотскѣ⁴³ позвониша заутренюю рано у святыя
софеи въ колоколы а онъ въ кыевѣ звонъ слыша аще и вѣща душа въ друзѣ⁴⁴
тѣлѣ нѣ часто бѣды страдаше тому вѣщеи боянъ и прѣвое⁴⁵ пригѣвку⁴⁶
смыслены⁴⁷ рече ни хытру⁴⁸ ни горазду ни птицю горазду суда божіа не
минути⁴⁹ о стонати руской земли помянувшѣ прѣвую⁵⁰ годину и прѣвыхъ⁵¹

⁸¹ стрелами *Ек.* ⁸² рускую *Ек.*

VII ¹ течеть *Ек.* ² течеть *К.* ³ полочаномъ *Ек.* ⁴ литовскыя *Ек.* (*у В. ошибочно литовскыя Ек.*) ⁵ *Так П., Ек.*; княжую *М.* ⁶ пріоде *М.* ⁷ звери *Ек., М.* ⁸ поллизаше *М.* ⁹ бы *Ек.* ¹⁰ брячяслава *Ек.* ¹¹ жемчужну *Ек.* ¹² чрезъ *Ек.* ¹³ унылы *Ек.* ¹⁴ *У В. ошибочно городеньскіи* ¹⁵ начасте *Ек.* ¹⁶ седьмомъ *Ек.* ¹⁷ зояни *Ек.* ¹⁸ одѣвицю *Ек.* ¹⁹ тѣ *Ек.* ²⁰ *У В. подпрѣся; конѣктура не оговорена* ²¹ кіевскаго *Ек.* ²² отныхъ *Ек.* ²³ зверемъ *Ек.* ²⁴ полночи *Ек.* ²⁵ *Так П. и Ек. У В. слитно, но конѣктура не оговорена.* ²⁶ обѣси ся *Ек.* ²⁷ сине *Ек.* ²⁸ утрѣже вазнистри кусы *Ек.* ²⁹ *Так Ек.*; отвори *П.* ³⁰ нову граду *Ек.* (*у В. не отмечено*) ³¹ разшибѣ *Ек.* ³² волкомъ *Ек.* (*у В. ошибочно волкомъ Ек.*) ³³ халужными *Ек., М.* ³⁴ кладуть *Ек.* ³⁵ отъ *М.* ³⁶ бяхуть *М.* ³⁷ рускиѣ *М.* ³⁸ сыновъ *Ек.* ³⁹ радяше *Ек.* ⁴⁰ волкомъ *Ек.* ⁴¹ исъ *Ек.* ⁴² волкомъ *Ек.* ⁴³ полотскѣ *Ек.* ⁴⁴ в' друзѣ *Ек.* ⁴⁵ первое *Ек.*; первое *М.* ⁴⁶ притовку *М.* ⁴⁷ смысленныи *М.* ⁴⁸ хитру *М.* ⁴⁹ неминути *Ек.* ⁵⁰ первую *Ек.* ⁵¹ первыхъ *Ек.*

князеи того стараго владиміра не лъзѣ⁵⁰ бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ⁵¹ сего бо нынѣ сташа стязи рюриковы а друзіи давидовы⁵² нѣ рози нося имѣ хоботы пашутъ⁵³ копіа поють

VIII

на дунаи ярославнынъ¹ гласъ слышитъ² зегзицею незнаемъ рано кычетъ полечю рече зегзицею по дунаеви омочю бибрянъ рукавъ въ каялѣ рѣцѣ утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ³ его тѣлѣ ярославна рано плачетъ⁴ въ путивлѣ на забралѣ аркучи о вѣтрѣ⁵ вѣтрило чему господине⁶ насильно вѣши чему мычеша хиновскыя стрѣлки на своею не трудною крилцю на моя лады вои мало ли ти бяшетъ⁷ горѣ подѣ облакъ вѣяти лелѣючи корабли на синѣ морѣ чему господине мое веселіе по ковылію развѣя ярославна рано плачетъ путивлю городу на заборолѣ аркучи о днепре словутицю⁹ ты пробиль еси каменныя горы сквозѣ землю половецкую ты лелѣяль еси на себѣ святославлі носады до плѣку¹⁰ кобякова възлелѣи господине мою ладу къ мнѣ а быхъ неслала къ нему слезъ на море¹¹ рано ярославна рано¹² плачетъ¹³ къ путивлѣ на забралѣ аркучи свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце¹⁴ всѣмъ¹⁵ тепло и красно еси чему господине¹⁶ простре горячую свою лучю на ладѣ вои въ полѣ безводнѣ жаждею имѣ лучи съпряже тугою имѣ тули затче прысну море полунощи идутъ¹⁷ сморци мѣглами игореві князю богъ путь кажетъ изъ земли половецкой на землю рускую къ огню злату столу погасоша вечеру зари игорѣ спитъ¹⁸ игорѣ бдитъ¹⁹ игорѣ мыслію поля мѣритъ²⁰ отъ великаго²¹ дону до малаго донца комонъ въ полуночи овлурѣ свисну за рѣкою велитъ князю разумѣти князю игорю не бытъ кликну стукну земля въшумѣ²² трава вежи ся половецкіи подвизашася а игорѣ князь поскочи²³ горностаемъ²⁴ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду въврѣжеся²⁵ на брѣзѣ²⁶ комонъ и скочи съ него босымъ²⁷ влъкомъ²⁸ и потече къ лугу донца и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами²⁹ избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ коли игорѣ соколомъ³⁰ полетѣ тогда влурѣ влъкомъ³¹ потече труся собою студеную росу претръгоста бо своя брѣзая³² комоня

IX

донецъ¹ рече княже игорю не мало ти величія а кончаку нелюбія а руской земли веселія игорѣ рече о донче не мало ти величія лелѣявшу князя на вълнахъ² стлавшу ему зелѣну³ траву на своихъ⁴ сребреныхъ

⁵⁰ нелзѣ *Ек.* ⁵¹ кіевскимъ *Ек.* ⁵² давидови *Ек.* ⁵³ пашутъ *Ек.*

VIII ¹ ярославнынъ *Ек.* ² слышитъ *Ек.* ³ на жестоцѣмъ *Ек.* ⁴ плачетъ *Ек.* ⁵ вѣтре *Ек.* ⁶ гнѣ *Ек.* ⁷ бяшетъ *Ек.* ⁹ дне пресловутицю *Ек.* ¹⁰ полку *Ек.* ¹¹ морѣ *Ек.* ¹² В *Ек.* вместо «рано» *стот* «на морѣ» ¹³ плачетъ *Ек.* ¹⁴ солнце *Ек.* (*у В. ошибочно слѣнцѣ Ек.*) ¹⁵ всѣмъ *Ек.* ¹⁶ гнѣ *Ек.* ¹⁷ идутъ *Ек.* ¹⁸ спитъ *Ек.* ¹⁹ бдитъ *Ек.* ²⁰ мѣритъ *Ек.* ²¹ великаго *Ек.* ²² въ шумѣ *Ек.* ²³ поскачи *Ек.* ²⁴ Так *Ек.*; горностаемъ *П.* ²⁵ въврѣжеся *Ек.* ²⁶ борзѣ *Ек.* ²⁷ босымъ *Ек.* ²⁸ волкомъ *Ек.* ²⁹ мѣглами *Ек.* ³⁰ соколомъ *Ек.* ³¹ волкомъ *Ек.* ³² борзая *Ек.*

IX ¹ донецъ *Ек.* ² волнахъ *Ек.* ³ зелену *Ек.* ⁴ насвоиъ *Ек.*

брезѣхъ одѣвавшу его теплыми мѣглами⁵ подъ сѣнію зелену древу стрежаше е гоголемъ на водѣ чаицами на струяхъ чрънядьми⁶ на ветрѣхъ⁷ не тако⁸ ли рече рѣка стугна худу струю имѣя пожрыши чужи ручьи и струги ростре на кусту уношу князю ростиславу затвори < . . >⁹ днѣпръ темнѣ березѣ плачется мати ростиславля¹⁰ по уноши князи ростиславѣ уныша цвѣты жалобою и древо стугою къ земли прѣклонило¹¹ а не сорокы втрескоташа на слѣду игоревѣ ѣздить¹² гзакъ съ кончакомъ тогда врани не граахуть галици помлѣкоша¹³ сорокы не трескоташа¹⁴ полозию¹⁵ ползоша¹⁶ только¹⁷ дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ¹⁸ соловіи веселыми пѣсьми¹⁹ свѣтъ повѣдають мльвитъ²⁰ гзакъ кончакови аже соколь къ гнѣзду летитъ²¹ соколича рострѣляевѣ²² своими злачеными стрѣлами²³ рече²⁴ кончакъ ко гзѣ аже соколь къ гнѣзду летитъ²⁵ а вѣ соколца опутаевѣ красною дивницею²⁶ и рекъ²⁷ гзакъ къ кончакови аще его опутаевѣ²⁸ красною дѣвицею ни нама будетъ соколца ни нама красны дѣвице то почнуть наю²⁹ птици бити въ полѣ половецкомъ рекъ боянъ и ходы на святъславля пѣстворца³⁰ старого времени ярославля ольгова коганя хоти тяжко ти головы кромѣ плечю зло ти тѣлу кромѣ головы руской земли безъ игоря солнце свѣтитъ на небесѣ³¹ игоръ князь въ руской земли дѣвици поють на дунаи выются голоси чрезъ³² море до кіева игоръ ѣдетъ по боричеву къ святѣи богородици пирогошеи страны ради гради весели пѣвше пѣснь старымъ княземъ³³ а по томъ³⁴ молодымъ³⁵ пѣти слава игорю святъславлича³⁶ буи туру всеволодѣ³⁷ владиміру игоревичу³⁸ здрави князи и дружина побарая за христьяны³⁹ на поганья пльки⁴⁰ княземъ слава а дружинѣ аминь

⁵ мглами *Ек.* ⁶ Так *Ек.*, *П.*; *у В.* ошибочно отмечено наличие разночтения ⁷ вѣтрѣхъ *Ек.* ⁸ нетако *Ек.* ⁹ Здесь в *П.* и *Ек.*, видимо, пропущена строка. ¹⁰ Так *Ек.*; ростиславля *П.* ¹¹ преклонило *Ек.* ¹² ѣздить *Ек.* ¹³ помолкоша *Ек.* ¹⁴ нетрескоташа *Ек.* ¹⁵ Так *П.*; по лозию *Ек.* (*у В.* ошибочно полозию) ¹⁶ ползоша *Ек.* ¹⁷ толко *Ек.* ¹⁸ кажутъ *Ек.* ¹⁹ пѣсньми *Ек.*; *у В.* опечатка: пѣсьми *Ек.* (правильно: *П.*) ²⁰ молвить *Ек.* ²¹ лети^т *Ек.* ²² рострѣля=евѣ *Ек.* ²³ стрелами *Ек.* ²⁴ речъ *Ек.* ²⁵ летитъ *Ек.* ²⁶ дѣвицею *Ек.* ²⁷ Так *Ек.*; рече *П.* ²⁸ опута евѣ *Ек.* ²⁹ на ю *Ек.* ³⁰ пѣснотворца *Ек.* ³¹ небесе *Ек.* ³² чрезъ *Ек.* ³³ княземъ *Ек.* (*у В.* ошибочно княземъ *П.*) ³⁴ Так *П.*; потомъ *Ек.*; *у В.* потомъ; слово-деление не оговорено ³⁵ молодымъ *Ек.* ³⁶ святъславличъ *Ек.* (*у В.* ошибочно святъславличъ *Ек.*) ³⁷ всеволоде *Ек.* ³⁸ игоревичъ *Ек.* ³⁹ христьяны *Ек.* (*у В.* ошибочно христьяны *Ек.*) ⁴⁰ полки *Ек.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Адрианова-Перетц — Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968.

Антология — Троица Андрея Рублева. Антология / Составитель Г. И. Вздорнов. М., 1981.

Булаховский — Булаховский Л. А. Избранные труды: в 5 т. Т. 3: Славистика. Русский язык. Киев, 1983.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

ГЭ — Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург).

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Вып. I–III. М., 1986–1997.

Демина — Демина Н. А. Троица Андрея Рублева. М., 1963.

ДНД — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2004.

Дурново — Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Дыбо — Дыбо А. В. Деклинационные различия в новгородских диалектах XIII–XIV вв. // Балто-славянские исследования–1987. М., 1989.

Ек. — Екатерининская копия *СПИ* (см.: *Симони П. К.* «Слово о полку Игореве» // Древности. Труды Моск. археолог. общества. XIII. № 2 [1890]. С. 34–46).

ИГДРЯ I — Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 1: Множественное число именного склонения. М., 2000.

ИГДРЯ II — Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II: Двойственное число. М., 2001.

ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН (СПб).

ИМЛИ — Институт мировой литературы РАН (Москва).

Ипат. — ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1962.

Исаченко 1941 — Исаченко А. В. Двойственное число в «Слове о полку Игореве» // Заметки к Слову о полку Игореве. Београд, 1941.

Козырев 1975 — Козырев В. А. Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах // Брянские говоры. Вып. III. Л., 1975.

Лавр. — ПСРЛ. Т. I. Вып. 1–3: Лаврентьевская летопись. М., 1962.

Лексика — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000.

Лекции — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Лихачев 1985 — Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля: Материалы и исследование. М., 1985.

НГМ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Обнорский–Бархударов — Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1952.

П. — [Первое издание «Слова о полку Игореве»:] Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800.

Псковская 2-я летопись — Псковские летописи. II. М., 1955.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

Пушкин — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 12. М.; Л., 1949.

РАН — Российская академия наук (АН СССР с 1922 по 1991).

Рапов — Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.

Расторгуев — Расторгуев П. А. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.

Свенцицкая — Свенцицкая И. С. Раннее христианство: Страницы истории. М., 1988.

Смех — Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

СЛМ — Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник.

Смол. — Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.

СПИ — Слово о полку Игореве.

СПИВЛ — Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004.

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1: **А–К**; СПб., 1902. Т. 2: **Л–П**; СПб., 1912. Т. 3: **Р–Ѡ** и Дополнения.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1– . М.; Л., 1965– .

СССПИ — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. М.; Л., 1965, 1967, 1969, 1973, 1978, 1984.

Строев. — Строевский список Псковской 3-й летописи // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. I–IV. М., 1964–1973.

ЭСПИ — Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1–5. СПб., 1995.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Андрей Юрьевич Чернов родился в 1953 году в Ленинграде. Живет в Санкт-Петербурге и Москве.

Автор исследований о декабристах и Пушкине:

Скорбный остров Гонорупуло. М., 1990. (Б-ка «Огонек», № 4.)

Длятся ночи декабря: Поэтическая тайнопись: Пушкин-Рылеев-Лермонтов. СПб., 2004.

Ему принадлежит опыт реконструкции X главы «Евгения Онегина» (Иркутск, 1999).

В конце 1980-х организовал экспедицию журнала «Огонек» и Музея истории Ленинграда, которая нашла на острове Голодай братскую могилу казненных декабристов.

С середины 1990-х занимался организацией Волховской археологической экспедиции Е. А. Рябинина, открывшей в устье Любши древнейшую каменно-земляную крепость восточных славян.

Перевел и прокомментировал шекспировского «Гамлета» (Москва; Париж, 2002, второе изд.: 2003).

Автор пяти стихотворных книг:

Городские портреты. М., 1980.

Оттиск. М., 1984.

СПб, или Нежилой фонд. Париж, 1991.

Гардарика. СПб., 1997.

Нежилой фонд: Избранное. М., 2000.

Первая редакция перевода «Слова о полку Игореве» опубликована в 1979 году в «Литературной учебе», вторая вышла в серии «Школьная библиотека» (М., 1981), третья — в серии «Библиотека поэта» (Л., 1985).

Сайт: www.chernov-trezin.narod.ru

ХРОНИКИ ИЗНАНОЧНОГО ВРЕМЕНИ

«Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности

От автора 7

Часть I. СКАЗАЛИ БОЯН И ХОДЫНА

Поэтика «Слова о полку Игореве»

Как нашли и что потеряли.	15
Отрицание отрицания. О книге А. А. Зимина	26
Семь свидетельств древнерусской прозы.	36
Поклон от старца Ефросина.	47
Времена навыворот	50
Перун и Велес. Староладожский сюжет	58
Велес против Дива.	73
Тропой Трояна	77
Грамматика темного стиля	78
Стихи или проза?.	84
Что есть старые словесы	93
Цитаты без кавычек	116
Из «Слова» песни не выкинешь	121
Топография тридевятого царства	133
СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ	148
Золотое сечение. Плюс серебряное	151
Серебро как высшая проба золота	154
О чем поют опоры.	161
Метрология «Слова»	163
Антропоморфный квадрат.	165

Часть II. ТРИ ИМЕНИ АВТОРА

«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Текст как оттиск личности

Ходына. Сфрагида автора	171
Почему Мария Киевская не писала «Слова».	188
О какой братии речь?	192
Точка отсчета: Святослав Киевский	196
Открытие диалектолога Владимира Козырева	201
Святославич — сын Святослава?	210
Авторское «я» в «Слове».	213
Чудо Белехова поля	215
Владимирская сестра московской Ходыни?	220
Всеволод Большое Спасибо.	223
Где метафора — там и поэт	224
И княжны любить умеют.	226
«Живые шерешеры»: грех и смех	227

Ювеналов бич. Древнерусская модель	229
Изгнание из Новгорода.	230
Чего Автор не знал о походе Игоря	231
Кто видел слезы Ярославны?	233
Отсутствие — знак присутствия	236
Шесть портретов на свинце?	237
Белехово поле и старолadoжский Георгий	239
Последний поход Владимира Святославича.	245

Часть III. ПЯТЬ ЭКСПЕДИЦИЙ

Окрестности текста

ВТОРОЕ ИМЯ РЕКИ КАЯЛЫ	
<i>экспедиция первая: Нижнее Подонцовье . . . . .</i>	255
Поход Игоря. Сводка свидетельств	256
Каяла. Проблема локализации.	266
Расчет скорости. Два варианта.	275
Игорь Святославич и Владимир Мономах	278
Сюурлий значит волок	284
Оскал Каялы.	288
Налетели ветры злые да с восточной стороны....	294

АВТОГРАФ БОЯНА?	
<i>экспедиция вторая: Новгород . . . . .</i>	295

ЯВЛЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПИРОГОЩЕЙ	
<i>экспедиция третья: Киев . . . . .</i>	321

ТАЙНОПИСЬ В ТРОИЦЕ АНДРЕЯ РУБЛЕВА	
<i>экспедиция четвертая: Троице-Сергиева лавра. . . . .</i>	339

ОДА РЯБОМУ ЧЕРТУ	
<i>экспедиция пятая: Россия, XX век. . . . .</i>	361

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ	
<i>Реконструкция древнерусского текста . . . . .</i>	389

Примечания к реконструкции древнерусского текста.	410
---	-----

А. В. Дыбо. Проблема реконструкции первоначального текста «Слова о полку Игореве» с лингвистической точки зрения		419
---	--	-----

Текст издания 1800 года с разночтениями по другим источникам.		465
--	--	-----

Список сокращений	475
-----------------------------	-----

Об авторе этой книги	477
--------------------------------	-----

Андрей Юрьевич Чернов

ХРОНИКИ ИЗНАНОЧНОГО ВРЕМЕНИ
«Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности

Над книгой работали

*Владимир Антонов, Сергей Борин, Алла Борина,
Наталья Введенская, Наталья Дельядо, Алексей Дмитренко,
Роман Егоров, Вадим Зартайский, Алексей Захаренков, Марина Захаренкова,
Лев Коннов, Дмитрий Краснов, Андрей Лурье, Наталья Малькова,
Наталья Мартынова, Любовь Осокина, Наталья Солнцева*

Верстка

Наталья Введенская

Корректоры

Елена Саламатова, Елена Шнитникова, Лидия Чернова

Выражаем благодарность за информационную поддержку
радио «Эхо Москвы» в Петербурге 91,5 FM

Подписано в печать 19.10.2006.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 31,0. Тираж 1200.

Гарнитура Peterburg. Печать офсетная.

Отпечатано в WS Bookwell OY, Finland, Porvoo.

Издательство «Вита Нова»

198099, Санкт-Петербург, а/я 114

Тел./факс: (812) 747-26-35, тел.: (812) 747-26-41

Электронная почта: spb@vitanova.ru

Сайт издательства: www.vitanova.ru

Оформить подписку на книги издательства «Вита Нова» можно,
позвонив по телефонам издательства, прислав заявку по электронной почте
или через раздел «Подписка» на сайте www.vitanova.ru

Заказ книг по почте: Россия, 199053, Санкт-Петербург, В. О., 4 линия, д. 13,
ООО «Фоликом» («Книга почтой»).

Тел.: (812) 323-70-04

Электронная почта: folicom@nm.ru

Наши книги можно приобрести в интернет-магазинах:

www.top-kniga.ru

www.ozon.ru

www.petropol.com (США и Канада)

www.sputnik2000.com (Германия)

www.bestbook.com.ua (Украина)

ISBN 5-93898-108-5

9 785938 981089

Чудо Георгия о змие

Фреска диаконника церкви святого Георгия в Старой Ладозе. Около 1180 г.
Компьютерное восстановление изображения и реконструкция надписи выполнены А. Черновым

Церковь святого Георгия в Старой Ладоге
Вторая половина XII в. Фото Андрея Усова

Церковь Успения Богородицы в Старой Ладоге
Середина XII в. Фото Ирины Воиновой

«Олегова могила». Сопка на северной окраине Старой Ладоги
Фото Андрея Усова

Вид на Ладожскую крепость и церковь святого Георгия с «Олеговой могилы»
Фото Андрея Усова

Вид с Земляного городища на «Олегову могилу» (на горизонте, правее центра). Справа руины Воротной башни Ладожской крепости, слева церковь Рождества Иоанна Предтечи
Фрагмент акварели из альбома Константина Бороздина. 1809 г.

Жребий с гравировкой из Старой Ладоги
Обрубок звериного ребра. X в.

Бусы из Ладоги и хрустальная подвеска
на серебряной проволоке, завязанной викингским узлом
Земляное городище. Конец VIII — середина IX в. Находка автора книги

План Старой Ладоги и ее окрестностей

БЕЛЕХОВО (ВЕЛЕСОВО) ПОЛЕ ПОД ВЛАДИМИРОМ

Современная карта (ячейка 5 км) и снимок из космоса

Никола-Волосовский монастырь

Владимир

Река Колочка

Дорога к Владимиру

Никола-Волосовский монастырь

Владимир

Река Колочка

Верхняя точка Белехова поля на дороге к Владимиру

Надейка и Воронки — речки, окружающие Белехово поле и впадающие в Колочку

Вщижское городище. Крест на месте церкви XII в.

Фото Натальи Винокуровой

Река Быстрая неподалеку от устья.
Снимок с левого высокого берега
Фото автора книги. Конец апреля 2004 г.

Мыс напротив бывшего «озера» —
место находки кольчужного колечка
Фото автора книги

Провальские курганы
Фото автора книги

Богоматерь Оранта (Богородица Нерушимая Стена)
*Мозаика в центральной апсиде Софии Киевской.
Первая половина XI в.*

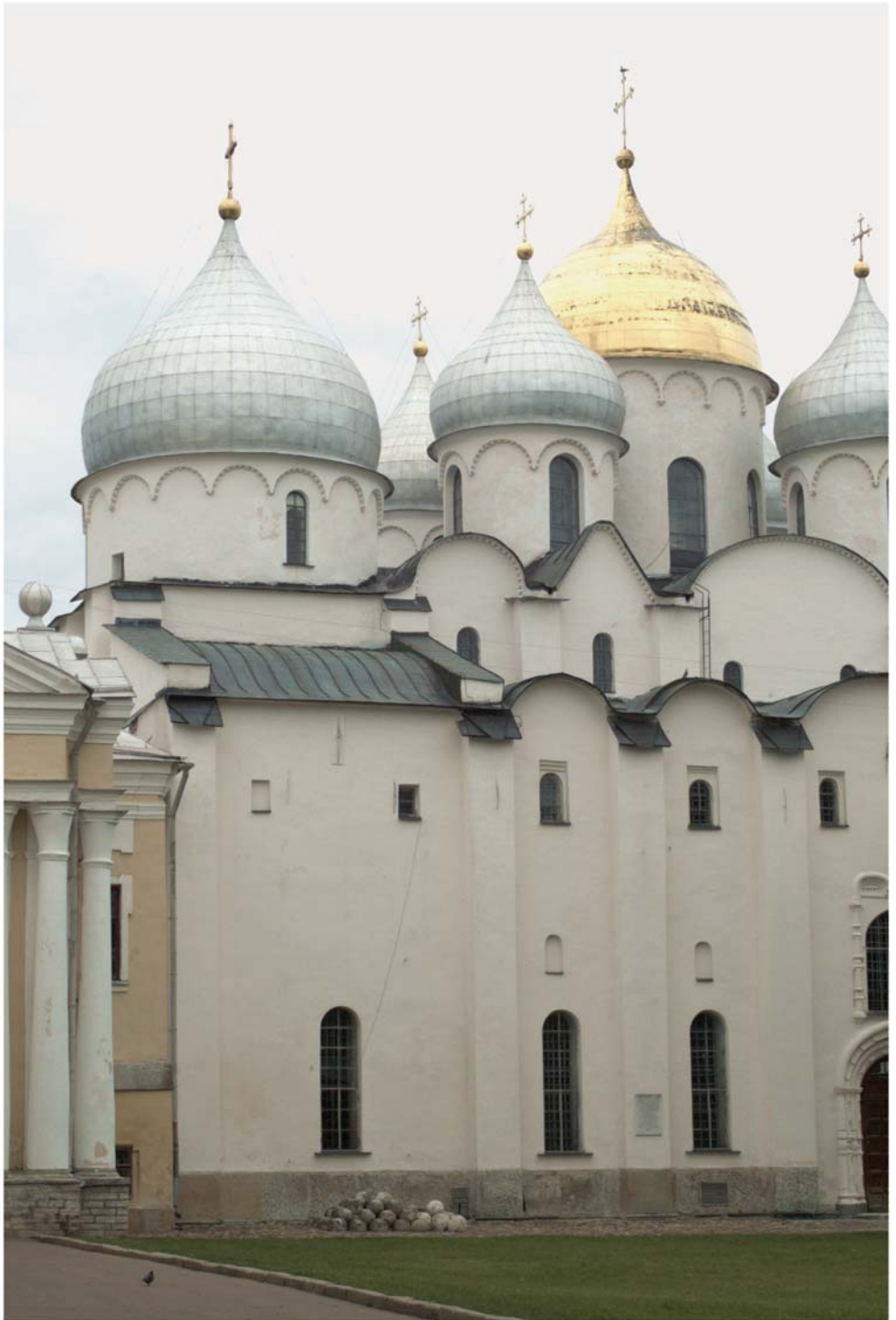

Арка на престольной сени из алтаря церкви во Вщиже и ее фрагмент с Дивом и Велесом (слева внизу). Работа русского мастера Константина
Медь. Середина XII в. ГИМ

Костяное навершие плетки в виде птичьей головы и фрагмент решетчатой подвески
XII в. Старая Ладога, находки с берега Волхова

Троица Андрея Рублева
Около 1423 г. ГТГ

Чудо от иконы Знамение (Битва новгородцев с суздальцами)
Внизу с саблей и вверху на коленях — Буй Роман Мстиславич
Новгородская икона. Список середины XV в. НМЗ.

София Новгородская. Слева «лестничная башня»
Фото Евгения Гордюшенкова

Граффити № 199 из «лестничной башни» Софьи Новгородской
Фото Евгения Гордошеникова

Новгородский кремль
Фрагмент иконы Богоматерь Знаменца с избранными святыми
Около 1700 г. Из церкви Михаила на Торгу

Покров (Богородица Пирогощая). Суздальский список греческой иконы
60-е годы XIV в. ГТГ. Компьютерная реконструкция изображения